История ИТАЛИИ

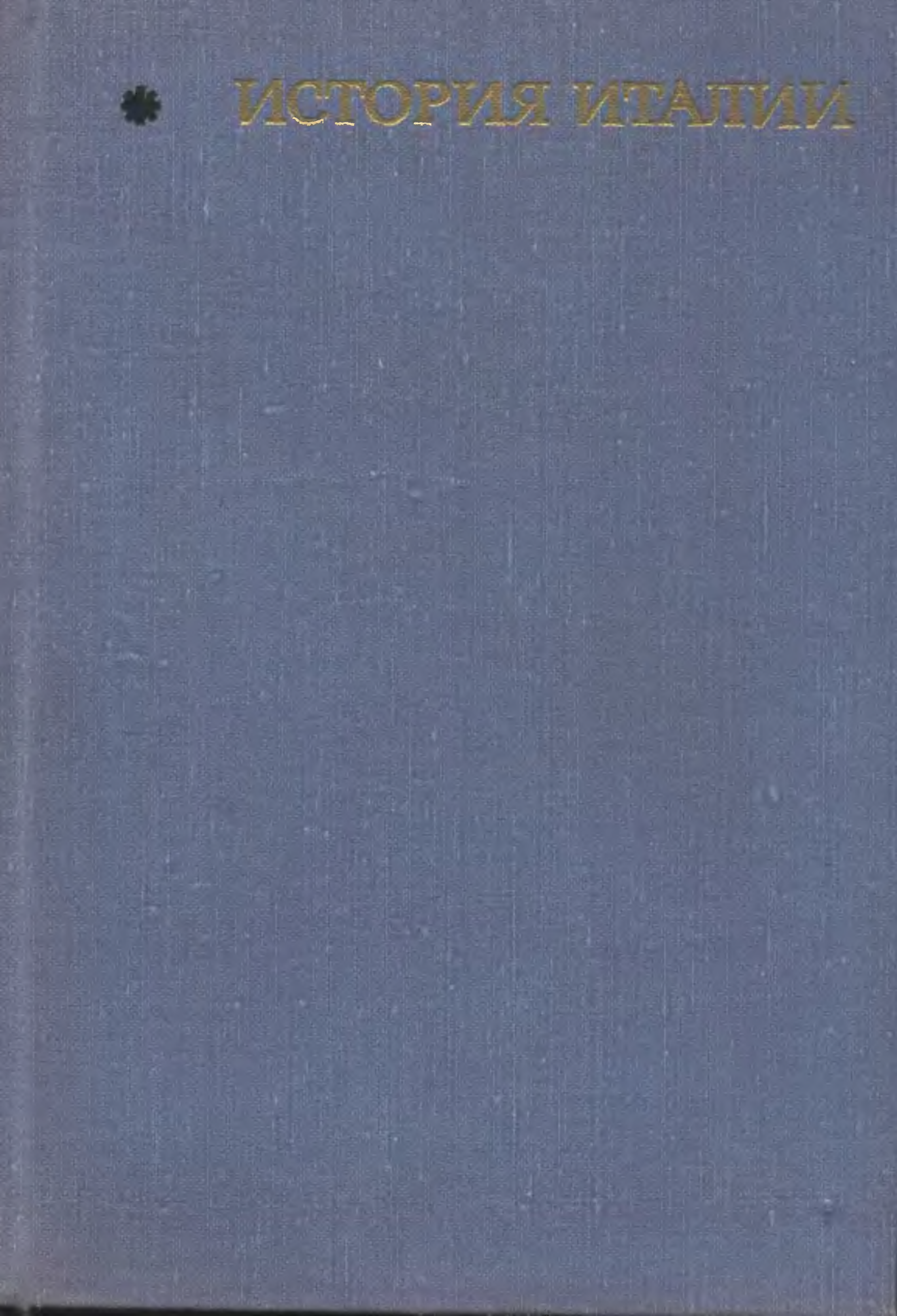
ТОМ ПЕРВЫЙ

Италия — страна древняя и молодая. Как единое государство она существует всего лишь один век. Фактически же ее история насчитывает почти полторы тысячи лет, уходя корнями в те времена, когда на развалинах Римской империи началось становление итальянского народа.

Первый том «История Италии» освещает события с V до XVIII в. В нем рассказывается о средневековом городе и деревне, о развитии феодализма и появлении в его недрах первых ростков капиталистических отношений, о периоде Ренессанса, с которым связан невиданный расцвет науки, искусства, литературы. Однако вслед за блестящим взлетом эпохи Возрождения наступает пора феодальной реакции. Раздробленная страна, подвергающаяся иноземным нашествиям, переживает упадок. Лишь в XVIII в. обнаруживаются признаки подъема. О последних веках средневековья повествуется в главах, завершающих книгу.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

История Италии

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт всеобщей истории

История
ИТАЛИИ

В ТРЕХ ТОМАХ

Редколлегия:

академик
С. Д. СКАЗКИН,

К. Ф. МИЗИАНО,

С. И. ДОРОФЕЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1970

История
ИТАЛИИ

ТОМ 1

Под редакцией
академика
С. Д. СКАЗКИНА
(ответственный редактор),
Л. А. КОТЕЛЬНИКОВОЙ,
В. И. РУТЕНБУРГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1970

1-6-3
Подписное изд.

ОТ РЕДАКЦИИ 1 ТОМА

Италия...
Всего сто лет существует эта страна на карте мира. Только в прошлом веке объединились ее земли в единое государство. Однако история Италии фактически насчитывает почти полтора тысячелетия и уходит корнями в глубокую древность.

На развалинах рабовладельческого Рима началось становление итальянского народа, прошедшего долгий и крайне своеобразный путь развития.

Цветущая и солнечная страна городов, оливков и виноградников постоянно привлекала к себе взоры чужеземцев. Апеннинский полуостров, служивший естественным мостом между Европой и Африкой, подвергался нашествиям как через свои северные, так и через южные ворота. С севера сюда шли вестготы, остготы, лангобарды, побывала здесь и дикая конница гуннов. В Сицилию и южное побережье полуострова вторгались сарацины, а затем норманны.

Часть этих племен оседала на территории страны, смешиваясь с местным населением, перенимая его обычаи, язык, традиции древней культуры, другие же откатывались обратно, оставляя после себя следы пожарищ и разрушений. Сложный процесс взаимодействия и взаимовлияния пришедших на полуостров племен и коренного населения привел к созданию здесь нового, феодального общества.

Первый том «Истории Италии» посвящен истории феодализма, истории средневековых города и деревни. Города в Италии существуют с античных времен, но при феодализме они выступают в новом качестве. Очень рано они начинают играть ведущую экономическую и политическую роль, притом в большей степени, чем в других европейских странах. Они становятся центрами высокой культуры. Это, однако, нисколько не умаляет значения основной социально-экономической ячейки феодализма — деревни, и без рассмотрения ее эволюции нельзя понять историю страны. К тому же далеко не повсеместно города являлись ведущими центрами: в Южной Италии они играли подчиненную роль.

Общими для всей Италии были ее античные традиции, существенно влиявшие на ее хозяйственную, политическую и культурную жизнь.

Интенсивное развитие городской экономики сочеталось с созданием республиканских форм правления городов-коммун, представлявших более высокую форму политической организации, чем обычный европейский город, подчиненный феодальному сеньору. В наиболее передовых центрах Италии впервые в истории возникли ранние формы капиталистической мануфактуры. Появилась практическая необходимость как можно глубже познать природу и человека. Античность давала первые элементы этого познания, противопоставлявшие реальную жизнь богословским догматам. Наступила эпоха Возрождения, открывающая первую страницу нового времени. Италия переживала блестящий расцвет науки, искусства, литературы.

Итальянское Возрождение оказало огромное воздействие на развитие культуры других стран.

В Италии впервые зародились раннебуржуазные отношения, и поэтому, естественно, она стала родиной в целом прогрессивной раннебуржуазной культуры Ренессанса. В условиях господствовавшего феодального строя эта культура сохраняла еще родимые пятна средневековья, но ее истоки были реалистическими, антиклерикальными, народными.

Вся история Италии, как и других стран, — история ее народа, творца всех материальных и культурных ценностей. Горожане и крестьянство Италии ведут героическую борьбу с иноземными захватчиками, отстаивая родную землю, восстают против угнетателей, пытаются установить свои порядки и свою власть. Из народной среды выходят мастера кисти и резца, дерева и камня, поэты, писатели, мореплаватели.

История — не Невский проспект: конец итальянского средневековья — блестящая пора Возрождения — сменяется в условиях крайней раздробленности страны и иностранного нашествия феодально-католической реакцией. На пороге нового времени Ита-

лия переживает глубокий упадок. Прошлое живуче. Это касается и светлых, и темных сторон исторической традиции. Италия и поныне не избавилась от пережитков своей раздробленности — отдельные районы страны, особенно Юг, пока еще не достигли общего уровня ее современного развития: до сих пор родившаяся еще в средние века испольщина, хотя и в измененном виде, сохраняется в сельском хозяйстве. Вместе с тем не умирают и боевые революционные, и демократические, и культурные традиции итальянского народа.

В первом томе история Италии доводится до нового времени.

В книге дана общая историческая картина с соблюдением хронологической последовательности, насколько это позволял сделать сам материал исследования. Своеобразием феодальной Италии была ее крайняя экономическая и политическая раздробленность, наличие множества государств, различных по форме правления, социальному и политическому характеру.

Такая же обстановка характерна и для периода Возрождения: еще не было единой Италии, но она уже рождалась в муках, в условиях тяжелых войн с чужеземными захватчиками из централизованных стран Европы.

Характер исторического развития средневековой Италии требует несколько иного по сравнению с эпохой нового времени изложения событий. Южную Италию, с ее монархическим строем и аграрной экономикой, следует рассматривать особо, ибо она резко отличается от Италии Северной и Центральной, где процветали города-республики, достигшие высокого уровня социально-экономического развития вплоть до зарождения раннекапиталистических отношений, а затем тираний нового типа и первых регионально-абсолютистских государств.

Нет прямолинейного единообразного процесса развития страны, не может быть единообразия и в изложении событий. Этим объясняется необходимость в каждой из глав дать стержневую проблему, характеризующую конкретный этап развития.

В томе поставлены и, насколько позволяют данные доступных нам источников и литературы, исследованы важнейшие вопросы развития экономической, политической и культурной жизни Италии. Каждая из глав написана ученым, специально занимающимся данной проблемой. Редакция сохраняет в целом доказательства и выводы авторов, поэтому в некоторых случаях возможны столкновения разных точек зрения.

В то же время необходимо отметить, что в оценке принципиальных вопросов истории Италии этого периода авторский коллектив един.

Авторы и редколлегия тома старались сделать книгу доступной и интересной, рассчитывая, что она найдет читателей не только среди специалистов, но и в широких кругах лекторов, учителей,

студентов и всех советских читателей, интересующихся историей Италии.

Редакционная коллегия признательна коллективу сотрудников сектора истории средних веков Института всеобщей истории АН СССР, где том подвергся обсуждению. Редколлегия благодарит всех специалистов, чьи замечания и предложения были учтены при подготовке тома к печати, и прежде всего докторов исторических наук Я. А. Левицкого, М. М. Смирина, З. В. Удальцову, кандидатов исторических наук А. Х. Горфункеля, Н. В. Ревякину и М. М. Фрейденберга.

Редколлегия считает также необходимым отметить большую научно-организационную работу, проделанную бригадиром тома В. В. Каревой.

ОТ АНТИЧНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

После того как все провинции Западной Римской империи фактически оказались в руках варваров, та же участь постигла и самый центр этой империи — Италию: с середины V в. и в ней стали хозяйничать различные варварские племена (главным образом древнегерманские — ругии, скиры, герулы и др.).

Под видом военных союзников (федератов) и наемников они добивались того, что их вожди, получавшие друг за другом должность командующего войсками (magister militum) и верховного гражданского правителя (патриция), возводили на трон и смещали различных римских императоров, которые обладали лишь тенью власти и были игрушками в руках этих вождей (с 457 г. сменилось пять таких мнимых «императоров»). Иногда в назначение этих «императоров» вмешивались короли уже ранее основанных в римских провинциях варварских государств (как, например, бургундский король Гундобад). Все эти «императоры» формально числились зависимыми от Восточной Римской империи, но фактически их зависимость от нее сводилась к нулю, так как их нередко провозглашали своими королями германские военные наемники.

В результате одного из таких многочисленных перемещений был свергнут (в 476 г.) последний римский император (это незначительное событие и считается формально «падением Западной Римской империи»), и королем германцев в Италии сделался свергший его

вождь племени скиров Одоакр, который стал числиться наместником восточного римского императора и обладал военной и гражданской властью в Италии.

Господство в Италии под начальством Одоакра ругиев, скиров, герулов, гепидов и других племен — как германских, так и негерманских (например, аланов и сарматов) — было относительно длительным (по сравнению с его предшественниками) и продолжалось с 476 по 493 г. Поэтому некоторые исследователи иногда говорят даже о королевстве Одоакра в Италии. Однако в действительности нет серьезных оснований к выделению владычества варваров во времена Одоакра в качестве особого варварского королевства в Италии, так как при Одоакре не произошло никакого существенного поворота во внутреннем строе Италии и самих германских племен (кстати сказать, очень малочисленных и необъединенных в какое-либо этническое целое): германские наемники лишь ограничились захватом в пользование одной трети земель на правах постоя (hospitalitas, т. е. расквартировки воинов во владениях римских поссессоров в качестве их «гостей» — госпитов и военных «защитников»). Но хозяйничание пестрого конгломерата варварских племен под властью Одоакра было крайне неустойчиво и не могло удержаться под натиском остготов.

Остготы проделали с конца IV в. и в течение V в. длительный путь, продвинувшись через придунайские области (Паннонию и Иллирию), а затем через Фракию, Мисию и Эпир. Их вождь Теодорих (из рода Амалов) добился в 488 г. того, что восточноримский император Зенон поручил ему отвоевать Италию. Остготы выполнили это поручение, завоевав Италию для себя и присоединившихся к ним других варваров — ругиев, фракийцев, а впоследствии и части алеманнов.

В результате четырехлетнего похода Теодорих сверг (и даже самолично убил) Одоакра и в 493 г. сделался королем Остготского королевства в Италии, предварительно получив еще в 488 г. от Зенона титул патриция и должность командующего войсками империи (magister militum praesentalis).

Однако Остготское королевство просуществовало в Италии лишь около 60 лет (493—555) и было завоевано Византийской (бывшей Восточной Римской) империей. После кратковременного господства Византии (555—568) Италия подвергалась нашествию лангобардского племенного союза, в который входили, кроме лангобардов, и другие германские и негерманские племена (гепиды, саксы, свевы, а также болгары, сарматы и др.). Основное ядро этого союза составляли лангобарды; к концу VI в. они заняли значительную часть Италии и основали Лангобардское королевство, которому принадлежала Северная и Средняя Италия (Фриуль, Ломбардия и Тусция), а к югу от нее — герцогства Сполето и Беневенто, но за пределами

которого остались Равеннский экзархат и Римский дукат, находившиеся под властью Византии.

Несмотря на неполное завоевание лангобардами даже Средней и Северной Италии и на то, что Южная Италия (Апулия, Калабрия, Сицилия) им вовсе не принадлежала, лангобардское господство в завоеванных ими частях Италии оказалось гораздо более прочным и длительным, чем остготское: Лангобардское королевство просуществовало около двух столетий — до конца VIII в., когда оно было завоевано франками при Карле Великом (774 г.), и притом в течение VIII в. обнаружило стремление к дальнейшей экспансии и захвату еще не завоеванных лангобардами территорий (Равеннского экзархата и Папской области). Это стремление выражало объединительную тенденцию лангобардской знати и королевской власти при королях VIII в.— Лиутпранде, Айстульфе, Ратхисе и Дезидерии. И хотя объединительная тенденция потерпела крах, так как Лангобардское королевство столкнулось в своей завоевательной политике с таким мощным противником, как каролингское феодальное государство Карла Великого, тем не менее сама возможность такой попытки объединения Италии под властью лангобардов еще в VIII в. (т. е. через полтора столетия после завоевания) свидетельствует о значительной устойчивости и жизнеспособности Лангобардского королевства.

Таким образом, история Италии раннего средневековья — до включения ее (кроме южных областей) в состав Франкской империи Каролингов — естественно распадается на историю двух королевств, основанных германцами на территории Италии,— Остготского и Лангобардского. Ввиду больших различий между ними историю каждого из них необходимо рассматривать отдельно. При этом надо иметь в виду следующее: процесс синтеза пережитков разлагавшегося рабовладельческого строя с варварским общественным строем протекал в Италии — этом центре Западной Римской империи — очень туго и медленно. Он растянулся на целых два столетия (VI и VII вв.) и проходил различные стадии в пределах Остготского и Лангобардского королевств. Поэтому история каждого из них дает представление о различных успехах этого процесса. В течение остготского господства упомянутый синтез только наметился, а в лангобардский период он уже шел полным ходом, но феодализация Италии началась лишь в VIII в., а полное торжество феодализма произошло уже после франкского завоевания.

При остготах разложение остатков рабовладельческого строя в Италии и углубление социальной дифференциации внутри варварского общества, которая могла бы впоследствии послужить предпосылкой возникновения элементов феодализации, протекали еще в значительной мере как два раздельных процесса. Хотя они и имели явную тенденцию к тому, чтобы встретиться и сомкнуться в единый

процесс, но в течение кратковременного существования Остготского королевства их взаимодействие и взаимопроникновение еще не успело стать достаточно глубоким. При этом оба процесса шли в сходном направлении и должны были привести в конце концов к единому конечному результату — феодализации, но начинались они с разных исходных пунктов — с разложения позднеримского общественного строя и усложнения строя варварского общества. В пределах Остготского королевства при недостаточно глубоком взаимодействии указанных параллельных процессов попеременно брали верх в ходе эволюции изменения то позднеримского, то остготского общественного строя.

Таким образом, внутренняя история этого королевства частично как бы распадается на историю позднеримской Италии в конце V и первой половине VI в., с одной стороны, и на историю остготов в Италии, с другой стороны. В соответствии с этим конкретная история Остготского королевства в свою очередь делится на два этапа: первый из них, охватывающий правление Теодориха Великого и его ближайших преемников, характеризуется большой живучестью позднеримского общественного строя — при наличии значительных изменений, как происходивших внутри него, так и привнесенных остготским завоеванием; в течение второго этапа, во время которого шла длительная война Остготского королевства с Византийской империей (в 535—555 гг., при королях Теодате, Витигисе и Тотиле), более резко обнаруживается стремление остготов воздействовать на внутренний строй Италии. Мы рассмотрим оба этих этапа отдельно.

ОСТГОТСКОЕ КОРОЛЕВСТВО В ИТАЛИИ

Условия поселения остготов в Италии

Остготы расселились неравномерно в разных областях Италии. Ввиду того, что остготов было сравнительно немного (большинство исследователей — при скудости данных источников — осторожно определяют их численность в 100 тысяч, и притом с семьями, т. е. с женами и детьми), они стремились не раздроблять свои силы и по примеру воинов Одоакра заняли преимущественно северные и восточные римские провинции Италии. Наибольшей густотой отличались готские поселения в Северной Италии, а именно в северной части Тусции, в Лигурии вплоть до Эмилии включительно, а также в областях к северу от реки По до южных и юго-восточных отрогов Альп. В Восточной и Средней Италии массы остготов распространились в пределах провинций Самния, Пицена и Валерии, т. е. вдоль Апеннинского горного хребта и к востоку от него. В от-

личие от этого в Западной Италии, а именно в южной части Тусции, Римской области и Кампании, остготских поселений было гораздо меньше.

Хотя остготы завоевали всю Италию, фактически они сразу после завоевания не получили большого количества земельных наделов в Южной Италии, где рядовые свободные остготы селились уже после первоначального раздела с римлянами, и к тому же не в качестве получателей третей земельных наделов римских собственников, а как арендаторы королевских доменов провинций Апулии, Лукании и Бруттии, а позднее и в Сицилии.

При этом существенно, что остготы расселялись именно на территории римских провинций и что римское деление Италии на провинции было при них сохранено (семь провинций в Верхней Италии и девять в Нижней). В соответствии с таким распределением готских поселений по Италии политическим центром Остготского королевства до начала войны с Византией стала Равенна, которая была им и при Одоакре.

При вступлении в Италию остготы, как и прочие федераты (союзные римлянам войска) во всех провинциях Западной империи, поселялись в качестве военных постояльцев — госпитов — по римскому принципу военного постоя (hospitalitas), который в Италии применялся уже к воинам Одоакра. Должностное лицо Теодориха, префект претория Либерий, который руководил испомещением на землю остготов и закончил свою миссию уже в 507 г., должен был прежде всего обеспечить готским воинам возможность пользоваться определенной частью (а именно одной третью) земельных владений римских поссессоров и соответственно снабжать их одной третью урожая. Однако уже для этой цели необходимо было провести разделы между остготами и римлянами, но первоначально таким образом, что собственниками поделенных участков оставались пока римские поссессоры, а остготам предоставлялось лишь пользование, причем они частично пользовались третями воинов Одоакра, а частично новыми третями земель (tertiae). В дальнейшем это приводило к тому, что остготы становились соучастниками владения теми землями, трети которых они получили в пользование, иначе говоря — совладельцами римских собственников, т. е. превращались в их собственников — consortes.

А вслед за тем — наряду с таким совместным владением — происходили и реальные разделы земель с выделением готских третей в полную собственность остготов, в их аллоды. Последнее касалось главным образом пахотных участков, в то время как леса, пастбища и пустоши могли оставаться в общем владении римлян и остготов. В некоторых случаях с земель, не разделенных между римлянами и остготами, должна была идти лишь одна треть урожая, которая поступала правительству в качестве подати. Она нередко обознача-

лась в источниках тем же термином, что и треть земельного участка, т. е. словом tertia.

Иногда треть урожая заменялась денежными взносами. Такая практика восходит к временам Римской империи (она применялась и при Одоакре). Обычно пограничные федераты Римской империи получали известные территории с обязательством военной защиты их границ, а земельные собственники — жители этих областей — должны были содержать федератов путем поставок. Но данная система не являлась господствующей в Остготском королевстве, где в конце концов взяли верх реальные земельные разделы наряду с совладением[1]. Само собой разумеется, что готские дружинники и рядовые свободные остготские воины должны были получать участки различных размеров, а следовательно, селиться в силу первоначального раздела на владениях различного характера, принадлежавших разным римским собственникам: на латифундиях крупных землевладельцев, с одной стороны, и на землях средних и мелких поссессоров — с другой.

Однако вслед за первоначальным разделом неоднократно производились дополнительные разделы, а также происходили прямые захваты земель со стороны остготов[2]. Кроме того, в некоторых провинциях Италии, особенно в южных, где сосредоточивалась основная масса земель фиска, превратившихся в домены остготского короля, но отчасти и на севере, расселялись, как уже говорилось, рядовые свободные остготы в качестве арендаторов. В то же время именно из королевских владений Теодорих делал пожалования в пользу представителей остготской должностной знати, а также в пользу их и своих собственных дружинников.

Все это вместе взятое очень затрудняет представление об общем ходе расселения остготов и не дает возможности нарисовать ясную картину взаимоотношения завоевателей-остготов с разными классами и группами местного населения в сфере земельной собственности, тем более что наши сведения именно по этим вопросам чрезвычайно скудны: в дошедших до нас источниках очень мало данных как раз о взаимоотношении отдельных слоев остготского общества с различными категориями итальянских собственников, особенно в период расселения остготов по Италии и их разделов с римлянами. В то время как памятники обычного права и законода-

[1] Данные о разделах см. «Varia» Кассиодора (Senatoris *Cassiodori* Variae libri duodecim.— MGH, AA, t. XII, ed. Th. Mommsen, Berlin, 1894; I, 18; II, 15—17; III, 35; VII, 3), а также в папирусах, изданных Марини (C. Marini. I papiri diplomatici raccolti ed illustrati. Roma, 1805, № 115, 138).

[2] Данные о захватах ср. C. Marini. J papiri diplomatici..., № 140, а также *Cassiod.*, Variae, V, 26.

тельные постановления других германских племен, производивших земельные разделы с местным населением (Вестготские и Бургундские законы), сплошь и рядом прямо отмечают факт совладения данным участком или его раздела между «римлянином» (т. е. галло-римлянином или испано-римлянином) и германским поселенцем (вестготом или бургундом), относительно остготов — при отсутствии у них варварской правды (т. е. узаконенной королевской властью записи обычного права) — мы вынуждены по крупицам собирать косвенные данные и намеки.

Характерно, что Эдикт Теодориха[3], отмеченный сильным влиянием римского права и имевший силу закона для всего населения Италии, в статьях, регулирующих отношения в сфере поземельной собственности, очень редко указывает, являлись ли собственники, о которых идет речь, римлянами или готами; случаи упоминания национальности собственников так редки, что их можно перечислить. Так, в § 32 Эдикта предоставляется свобода составлять завещания «варварам, несущим военную службу», и притом не только в их домах, но и — по римскому военному обычаю — в военных лагерях. Здесь варвары, т. е. готы, фигурируют в качестве воинов и приравниваются фактически в правах завещания к римлянам. В качестве воинов выступают они и в § 145, где имеются в виду равноправные свободные остготы (названные capillati, т. е. «длинноволосые»), вызываемые в суд как поручители или свидетели наравне со

[3] В 50-х годах в зарубежной литературе начали высказываться сомнения в авторстве Теодориха Великого и Эдикт стали приписывать либо королю *вестготов* Теодориху II (453—466), либо префекту претория Галлии Магну из Нарбонны: см. G. Vismara. Romani e Got di fronte al diritto nel regno ostrogoto, in: «I Goti in Occidente». Spoleto, 1956. Висмара ссылается на статью: *P. Rasi.* Sulla paternità del d. d. Edictum Theoderici regis.— «Archivio Giuridico» CXLV (Sesta Serie, XIV), 1953. Однако, так как этот вопрос окончательно не выяснен и принадлежность Эдикта Теодориху Великому не опровергнута не подлежащими сомнению аргументами, мы вынуждены пока придерживаться общепринятого до сих пор мнения, а потому используем данные этого памятника для характеристики внутреннего строя остготской Италии. При этом следует иметь в виду, что некоторые из аргументов в пользу принадлежности Эдикта вестготскому королю Теодориху II и против авторства Теодориха Великого (свидетельство Сидония Аполлинария, отсутствие в самом Эдикте упоминаний об остготах, которыми пестрят «Варии» Кассиодора, исключительная редкость противопоставления варваров римлянам, непонятная в случае принадлежности Эдикта Теодориху Великому, и многое другое) представляются все же убедительными. Их убедительность еще возрастет, если мы примем во внимание, что Ф. Байерле еще в 1950 г. рассматривал упомянутые Сидонием Аполлинарием leges Theodoricianae как одну из ранних стадий *вестготского* законодательства, предшествовавшую кодексу Эйриха (*F. Beyerle.* Zur Frühgeschichte der westgotischen Gesetzgebung.— ZRG, GA, Bd. 67, 1950. S. 1—14); ср. с этим данные, приведенные Висмара (op. cit., p. 450—454).

свободными (ingenui) и «почтенными» (honestiores) римлянами. Но здесь нет никаких данных об их взаимоотношении как собственников.

В качестве собственников упоминаются римляне и варвары (romanus aut barbarus) в § 34, запрещающем присвоение чужого имущества, но опять-таки без указания на их совладение или раздел между ними. Из § 43, запрещающего передавать иски о собственности в руки могущественных лиц, узнаем, что таковые были как среди римлян, так и среди варваров. О том же свидетельствует и § 44, где запрещается вмешиваться в чужую тяжбу — в качестве защитника или покровителя,— как могущественному римлянину, так и варвару (по-видимому, тоже могущественному). Заключительный § 155 Эдикта, подчеркивающий, что его действие распространяется на варваров и на римлян, предусматривает возможность его несоблюдения могущественными лицами, а также их прокураторами или кондукторами и при этом указывается, что таковые (т. е., очевидно, кондукторы) могли быть и у римлян, и у варваров [4]. Откуда следует, что и остготы могли обладать крупными земельными владениями. Но какие именно остготы являлись владельцами таких обширных имений, из Эдикта Теодориха узнать нельзя.

В «Вариях» Кассиодора приведены случаи сопротивления могущественных остготов предписаниям Эдикта [5]. Эти случаи, как и другие данные Кассиодора, в частности о королевских земельных пожалованиях (большей частью в полную наследственную собственность) должностным лицам и дружинникам Теодориха [6], свидетельствуют о возникновении значительного слоя влиятельной должностной и служилой знати остготов, и притом обладавшей земельными владениями в разных провинциях Италии. А упомянутый в Эдикте факт наличия у представителей остготской знати съемщиков их земельных владений и управляющих их имениями указывает на сходство внутренней структуры этих имений со структурой позднеримских латифундий.

Хотя Теодорих делал свои земельные пожалования из королевских доменов и владений бывшего императорского фиска (как на юге, так отчасти и на севере), тем не менее данные Кассиодора говорят и о размещении знатных остготов на землях частных владельцев римских латифундий.

Но каково соотношение этих двух путей возникновения крупного

[4] Fontes juris Romani Antejustiniani, pars altera, ed. Johannes Baviera. Florentiae, 1940, p. 710.

[5] См. *Cassiod.*, Variae, V, 12: предписание короля Теодориха от 523—526 гг. Теодохаду по поводу захвата им и его людьми владений трех знатных римлян, обозначенных как clarissimi и illustres. См. также IV, 14; V, 26; VIII, 26.

[6] *Cassiod.*, Variae, I, 7; I, 36; VIII, 10, 23, 25.

1. *Мавзолей Теодориха. VI в. Равенна*

остготского землевладения, установить трудно. Невыясненными остаются и два других не менее важных вопроса:

1. Расселялись ли рядовые свободные остготы индивидуальными семьями или у них еще сохранялись остатки больших семей, и на чьих владениях эти большие семьи могли в таком случае испомещаться?

2. Селились ли малые семьи рядовых остготов на участках римских колонов, куриалов и мелких землевладельцев (rustici)?

Названные проблемы выходят за пределы анализа способов расселения остготов в Италии и должны рассматриваться в комплексе изучения общественного строя остготов в целом.

Некоторые особенности общественного строя остготов

Скудость наших сведений об общественном строе остготов сказывается особенно в отсутствии точных данных именно об архаических пережитках родо-племенного и общинного строя у этого народа. В данной связи отнюдь нельзя считать случайным тот факт, что в Остготском королевстве отсутствовала запись обычного права остготов, зафиксированная королевской властью и видоизмененная сообразно направлению ее политики, т. е. что у них — в отличие от большинства варварских германских племен на территории бывшей Западной Римской империи — не было своей варварской правды.

Этот факт никак нельзя объяснить ни неразработанностью норм остготского обычного права (и еще менее — отсутствием таковых, потому что, как увидим, они не только существовали, но и действовали), ни сознательным нежеланием Теодориха санкционировать их, вызванным будто бы его проримской ориентацией. Последняя имела свою объективную причину (стремление опереться на римскую аристократию), которая, однако, не должна была мешать ему создать запись остготского обычного права для готского населения, так же как он издал свой Эдикт, проникнутый нормами римского права, главным образом для римлян. И это тем более, что в виде устной традиции следы обычного права остготов все же обнаруживаются и в памятниках времен Теодориха Великого.

Наличие такой устной традиции засвидетельствовано и сообщением Иордана о существовании каких-то «собственных законов остготов», которые, будучи впоследствии записаны, называются «белагинами». Хотя Иордан явно ошибается, приурочивая возникновение этих законов к очень раннему времени (к I в. до н. э.), тем не менее его указание на живучесть древней устной традиции обычного права остготов вполне правдоподобно; если она и была впоследствии (неизвестно когда) записана, то это могло произойти лишь до вселения остготов в Италию; так или иначе, эта запись до нас не дошла[7].

Некоторые черты устной традиции обычного права сказываются в ряде тяжб и конфликтов между готами в судах готских графов. Это обстоятельство является доказательством того, что, с другой стороны, остготские обычаи после завоевания Италии не отошли

[7] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica). Вступит. статья, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960 (далее — *Иордан.* Getica), § 69: quas usque nunc conscriptas belagines nuncupant). Любопытно, что слово «белагины» означает «установление» (по Гримму Satzung) См. *Иордан* (Getica), стр. 238—239, прим. 225.

в область преданий. Следовательно, основную причину отсутствия их записи, санкционированной королевской властью в виде варварской правды, надо усматривать в сравнительно небольшом удельном весе самого остготского племени в массе римского населения Италии и в характере расселения остготов.

В самом деле, несмотря на все земельные разделы и захваты римских владений, производившиеся не только остготскими дружинниками, но и рядовыми свободными воинами-земледельцами, остготы все же ни в одной из провинций Италии (даже в северной и средней ее части) не составляли столь компактной массы, чтобы возникла потребность в такой оформленной записи их племенных обычаев, которая могла бы конкурировать с римским правом, как это было, например, в Вестготском и Бургундском королевствах, где наряду с вестготскими и бургундскими законами была кодифицирована Римская Правда вестготов (Бревиарий Алариха II) и Римская Правда Бургундов, которые не вступали в конфликт с вестготским и бургундским правом, а дополняли их.

Захваты римских владений остготами продолжались в течение всего существования Остготского королевства; они выражали процесс перераспределения земельной собственности — как между остготами и римлянами, так и между разными слоями остготского общества и различными классами римского общества в Италии — и составляли одно из проявлений социальной борьбы. Поэтому они превратились в повседневное явление, стали буднями италийской действительности, которая так и осталась не устоявшейся и полной противоречий, несмотря на униформирующие стремления королевской власти и стоявшей на ее стороне знати.

Как бы то ни было, отсутствие варварской правды остготов вынуждает нас судить об остатках родо-племенного общинного строя остготов по косвенным данным и намекам, рассеянным в разных источниках.

В этой связи следует отметить отсутствие упоминаний такого типичного для всех древнегерманских племен явления, как система композиций или вергельдов за убийство. Она составляет один из важнейших и наиболее показательных пережитков родового строя. Между тем о ней нет никаких сведений не только в Эдиктах Теодориха и Аталариха, требующих применения римских правовых норм и вообще уделяющих очень мало внимания остготам, но и в собрании официальных документов у Кассиодора, хотя он часто приводит попутно конкретные случаи, рисующие взаимоотношения остготов и римлян, а иногда (правда, чрезвычайно редко) сообщает некоторые сведения о быте самих остготов и других германских племен.

Большой интерес представляют встречающиеся у Кассиодора запреты варварам от имени короля Теодориха решать возникающие между ними споры силою оружия, вместо того чтобы обращаться

в законом учрежденный суд. Так, в приказе Теодориха графу Колоссею (507—511 гг.), который относится к варварам, размещенным в Паннонии (гепидам), и остготам, сказано следующее: «Мы увещеваем вас, чтобы вы обратили вашу ненависть против врага, а не против друг друга. Пусть каждая мелочь не доводит вас до крайностей: старайтесь жить по праву... Почему вы прибегаете к поединку, в то время как у вас есть справедливые судьи? Отложите в сторону оружие, если у вас нет никакого врага... Зачем дан человеку язык, если он пускает в ход вооруженную руку?» [8] Правда, в конце этого нравоучения варвары призываются к подражанию остготам, которые ведут себя похвально, сражаются лишь с внешним врагом, а дома сдерживают себя.

Из этого противопоставления следует как будто, что призыв Теодориха относится не к остготам, а к другим варварам (в том числе гепидам). Однако мы знаем, что в Паннонии обитали и остготы (что прямо указано в тексте другого распоряжения), а кроме того, в одновременном приказе Теодориха тому же графу Колоссею подчеркивается запрещение не только судебного поединка и решения споров оружием, но и очистительной клятвы и присяги, и все эти запреты, по-видимому, относятся и к остготам: «Приносящий очистительную клятву по делу о чужой собственности может лишь покрыть таким способом воровство, но не спасти душу...». «Щиты надо направлять против врагов, а не против родственников». Смысл обоих распоряжений — в отмене каких-то старых родо-племенных обычаев гепидов и остготов, о чем говорится в распоряжении графу Колоссею: «Отмени издавна укоренившиеся отвратительные обычаи, ибо следует разбирать споры судоговорением, а не оружием» [9].

В числе таких древних дурных обычаев в обоих приказах Теодориха названы следующие: судебный поединок и очистительная присяга (может быть, связанная с ордалией, т. е. с испытанием водой или огнем). Усматривать в этих старых обычаях еще сохранившиеся при Теодорихе проявления кровной мести нет прямых оснований. Однако их наличие указывает на живучесть кровнородственных отношений, тем более что в одном из приказов враги явно противопоставляются родственникам.

Единственное упоминание о сохранности родственных связей у остготов не только в сфере судебных обычаев, но и в имущественных взаимоотношениях содержится в распоряжении Теодориха 507—511 гг., относящемся к варварским жителям Кампании и Самния (т. е., очевидно, к остготам). Здесь родственники (братья,

[8] *Cassiod.*, Variae, III, 24, § 3—4.

[9] Ibid., III, 23: verbis ibi potius, non armis causa tractetur.

отец и сыновья, муж и жена) выступают вместе с тем как соседи каких-то других лиц. При этом отменяется тот, по-видимому, распространенный обычай, в силу которого долги, подлежащие уплате кому-либо из соседей одним из родственников, перелагались на других родственников. Согласно распоряжению Теодориха, сын не должен уплачивать долга отца, если он не получал наследства, а жена не обязана платить долги мужа.

Наличие этого отменяемого порядка свидетельствует о сохранившейся общности имущества в пределах семьи, но структура подобной семьи (большая семья или малая индивидуальная) остается неясной, а отмена ответственности отдельных членов семьи за долги чужим лицам говорит скорее о распаде ее общей собственности.

В «Вариях» Кассиодора содержится одно упоминание о «кондаме»; сходный термин «кондома» в более поздних лангобардских грамотах обозначает домовую общину большой семьи, распространенную на территории Италии, в частности Южной Италии, в VIII—IX и в X—XI вв. Однако у Кассиодора он явно относится не к остготам, а к гепидам. О внутренней структуре такой кондамы Кассиодор ничего не сообщает.

Что же касается возможности отождествления родства с соседством, то прямых данных о таком тождестве в источниках нет: распоряжение 507—511 гг. об отмене ответственности всей семьи за долги тех или иных ее сочленов имеет в виду явным образом чужих соседей, а не связанных между собой родством.

Все остальные случаи упоминания соседства относятся к взаимоотношениям остготов с римлянами, которые выступают как соседи на поделенных между ними владениях. Так, в одном случае идет речь о том, что получивших свои трети готов «должна связывать с римлянами общность владений и душ» и что они должны улаживать мирно столкновения, возникающие из их соседства [10].

Другой документ из «Варий» — «Формула обязанностей готских графов в различных общинах», имевший силу для всех провинций Остготского королевства, указывает, что «остготы являются соседями римлян по их земельным владениям и потому должны жить друг с другом в мире» [11].

О внутренней структуре соседской общины самих остготов, так же как и о степени ее распространенности, подобные упоминания соседства не содержат никаких конкретных данных.

[10] *Cassiod.*, Variae, II, 16, § 5: Juvat nos referre... in tertiarum deputatione Gothorum Romanorumque et possessiones iunxit et animas. Nam cum se homines soleant de vicinitate collidere... Тут, так же как в некоторых других текстах Кассиодора, по-видимому, имеются в виду соседи, как consortes, ставшие потом собственниками.

[11] Ibid., VII, 3, § 3.

Из этого, конечно, не следует, что у остготов после их вступления в Италию совсем не сохранилось никаких форм общинного землевладения. Источники прямо свидетельствуют о сохранности по крайней мере одной из его форм — общинного владения пустошами и лесами, которые и после разделов пахотной земли между остготами и римлянами могли оставаться в совместном владении поделившихся соседей (готов и римлян) [12]. Однако подобные разделы земель должны были привести у остготов, как и у других варварских народов, производивших их в процессе своего расселения (например, у вестготов и бургундов), к возникновению деревень со смешанным остготским и римским населением и вместе с тем способствовать превращению готских третей в полный аллод [13] (не говоря уже о насильственно захваченных остготами земельных участках). Все вместе взятое должно было ускорить процесс разложения соседской общины у остготов [14].

Среди рядовых свободных остготов наблюдается рост имущественной и социальной дифференциации. Этот процесс развивается уже в силу неравенства полученных ими при земельных разделах участков, превратившихся в их полные аллоды, что в свою очередь способствует разложению общинных отношений остготов. Но кроме того, на ускорение социальной дифференциации влияли и другие причины, и прежде всего — насилия представителей знати, а также крупных землевладельцев над свободными. Эдикт Теодориха пестрит упоминаниями о похищении свободных, о продаже свободных в рабство, более того — о продаже родителями собственных детей в рабство из-за невозможности их прокормить, о запрете родителям отдавать в залог кредитору их свободных детей, об умышленном умолчании человека о его свободе с целью вступления в сервильную зависимость и т. д.[15]

Подобные явления указывают на разорение свободных; но так как Эдикт Теодориха имеет в виду все население Италии, а может

[12] Такое совладение пустошами, лесами и пастбищами со стороны consortes у бургундов и вестготов после разделов засвидетельствовано прямыми указаниями их законов; несмотря на то, что в некоторых случаях у бургундов разделу подлежали также леса и пустоши, в других случаях consortes сохраняли право заимки на неподеленных пустошах, — право, восходящее к общинным отношениям.

[13] В случае раздела лесов бургунды должны были делить их с галло-римлянами в соответствии с размером их пахотных полей.

[14] Этот процесс вообще шел более радикально и быстро у тех народов, которые производили земельные разделы с местным населением, и протекал гораздо медленнее у народов, селившихся на завоеванной римской территории отдельно от римлян и притом компактными массами (например, у салических франков и лангобардов).

[15] См. Edictus Theoderici, § 78, 79, 81, 83, 94, 95, 96.

быть, и Галлии, и даже главным образом местных жителей, среди которых еще сохранились мелкие свободные собственники (rustici и мелкие possessores), то не все его распоряжения, касающиеся превращения свободных в сервов, можно безоговорочно отнести к остготам, однако некоторые, по-видимому, имели в виду именно их. На это прямо указывают некоторые документы из «Варий» Кассиодора, датированные, правда, последними годами правления Теодориха. Так, в обращении Теодориха от 523—526 гг. к одному из представителей знати содержится жалоба двух (поименованных) свободных готов на то, что упомянутое знатное лицо налагает сервильные повинности на людей, бывших ранее свободными, как и вообще все готские воины [16]. Аналогичный случай приводится в другом распоряжении Теодориха (за те же годы), где указывается, что двое остготов, всегда обладавшие полной свободой, принуждаются герцогом Гудуоном выполнять рабские повинности в его пользу [17].

Дифференциации в среде свободных способствовали и такие явления, как смешанные браки и обращение свободных в рабство в наказание за различные преступления. Так, в случае связи свободного с рабыней (или оригинарией) потомство наследовало статус матери, т. е. должно было принадлежать господину рабыни. За изнасилование свободным человеком чужой рабыни (или оригинарии) виновник становился рабом господина изнасилованной им рабыни, должен был оставаться с ней всю жизнь и не мог уйти из-под власти ее господина даже после смерти этой женщины. Возможно, что данное предписание Эдикта относится как раз к свободным остготам (а может быть, и к римлянам), так как в самом начале данной статьи подчеркнуто, что совершивший преступление не подчинен никакой городской общине (civitas). К тому же свободный, о котором здесь идет речь, по-видимому, имеет собственный земельный участок, что явствует из предполагаемой законом возможности наличия у него рабов: в случае его отказа сожительства с рабыней под властью ее господина (или несогласия на это последнего) он должен отдать ему в виде возмещения двух рабов, причем сделана характерная оговорка: «если он настолько состоятелен». Далее предполагается другая возможность, а именно — что виновник не может дать двух рабов, так как они у него отсутствуют; в таком случае его подвергают телесному наказанию и приписывают к соседней городской общине. Отсюда следует, что он несет разное наказание за один и тот же проступок в зависимости от его имущественного положения. Однако и свободного, не имеющего рабов, нельзя считать вовсе неимущим: если бы он не имел земельного участка и не

[16] *Cassiod.*, Variae, V, 29.

[17] Ibid., V, 30. Число этих примеров можно было бы умножить.

вел бы собственное хозяйство, его вряд ли можно было бы приписать к соседней civitas.

Эдикт Теодориха делит всех свободных на два разряда: «почтенных» (honestiores) и «низших» (humiliores), причем такое деление, восходящее к позднеримскому общественному строю, распространяется на все свободное население Италии без указания этнической принадлежности [18]. Последнее не позволяет судить, относилось ли оно к свободным остготам.

За одни и те же преступления Эдикт предписывает различные кары для honestiores и humiliores: для первых обычно — конфискацию (иногда даже всего) имущества и временную ссылку, для вторых — телесное наказание и вечное изгнание (а в некоторых случаях и смертную казнь). Совершенно несомненно, что honestiores люди более состоятельные, а humiliores (или viliores) — более бедные и что деление свободных на два разряда первоначально исходило именно из этого критерия. Однако из характера некоторых преступлений, которые могут совершать и те и другие, явствует, что humiliores отнюдь не являются людьми вовсе неимущими: так, humiliores могут подкупать свидетелей и судей, участвовать в продаже свободных в рабство, использовать в своих интересах вооруженные силы и присваивать не принадлежащую им власть. Следовательно, градация свободного населения уже вышла за пределы чисто имущественных различий и приобрела сословный характер (что ясно уже из различия наказаний). На протяжении всего Эдикта Теодориха дифференциация свободных проводится в двух направлениях: по линии чисто имущественной и в виде сословного деления на honestiores и humiliores (или viliores). Это позволяет думать, что сословное деление, идущее из римского права, не относится к остготам, а скорее применяется к средним и мелким италийским поссессорам, над которыми возвышались знатные (nobiles), могущественные (potentes), сиятельные (splendidi) и высокопоставленные, т. е. вся совокупность италийской аристократии [19].

Несмотря на имущественную дифференциацию среди рядовых свободных остготов, каждый свободный гот, пока он не терял своей свободы в результате разорения, рассматривался как полноправный человек, имевший право и обязанность носить оружие и служить в

[18] Ed. Theod., § 75, 83, 89, 91, 108.

[19] Ibid., § 13 (nobilis aut splendidi honoris sit); § 43, 44, 46 (potentes); § 59 (genere nobilis); § 155 (persona potentior). Правда, как уже было выше отмечено, в числе potentes два раза указаны не только римляне, но и варвары, т. е. остготы (см. § 43—44: potens romanus aut barbarus), а в заключительной статье Эдикта предусматривается возможность наличия у варвара — persona potentior, так же как и у римлянина, имений, управляемых кондукторами. Но, судя по общему содержанию Эдикта в большинстве статей potentes означают римскую знать.

ополчении. И в Эдикте [20], и, особенно ясно, в «Вариях» Кассиодора именно по этим признакам разграничиваются варвары и римляне. В «Вариях» неоднократно подчеркиваются неодинаковые «обязанности» остготов и римлян по отношению к государственной власти и их различное положение в обществе: остготы должны защищать оружием государство, а тем самым и римлян, а римляне обязаны жить с ними в мире и соблюдать законы. Эта мысль, настойчиво проводимая в предписаниях от имени Теодориха, чрезвычайно ярко выражена в «Формуле обязанностей готских графов в различных общинах».

Определяя судебные функции графов готов в тяжбах между остготами, а также степень их участия в судебном разбирательстве дел, возникающих между остготами и римлянами, «Формула» заканчивается следующей любопытной сентенцией: «Так как римляне — ваши соседи по земельным владениям, то вы должны быть объединены и добрым отношением друг к другу. А вы, римляне, должны особенно любить готов, которые в мирное время составляют значительную часть населения, а во время войны защищают все государство в целом» [21]. В этой сентенции очень существенно противопоставление римлянам остготов именно как воинов, ибо римляне не имели права носить оружие.

Это ставило полноправных свободных остготов в привилегированное положение. Кроме того, их ополчение превращалось в постоянное войско, созываемое королем (недаром оно обозначается в источниках как «наше войско» — exercitus noster) [22]. Но воины этого ополчения уже снаряжались и содержали себя не только за собственный счет, т. е. на средства, поступавшие с их наделов (sortes), а получали еще так называемые donativa (подарки — по образцу римских солдат) и во время похода — продовольствие (annona). Как бы то ни было, остготские свободные земледельцы, наделенные к тому же военными функциями, составляли особый социальный слой населения Италии времен Теодориха [23]. А так как разорению подвергались главным образом позднеримские свободные и в гораздо меньшей степени — свободные остготы, то можно с полным основанием утверждать, что в остготской Италии рядовые свободные

[20] Ibid., § 32.

[21] *Cassiod.*, Variae, VII, 3. Это пожелание направлено кроме того против готских захватов земель у соседних римлян, с чем постоянно боролось правительство (см. ibid., II, 16; IV, 14; V, 26; 1, 18 и др.). Но в данной связи нас интересует провозглашение особого положения остготов как защитников государства.

[22] *Cassiod.*, Variae, II, 15.

[23] Во время войны с Византией роль этого социального слоя еще более усилилась.

готы еще не превратились в класс зависимых людей, эксплуатируемых всей совокупностью крупных землевладельцев.

Конечно, в среде самих остготов зарождалась собственная знать — и не только в лице дружинников короля, но и в виде особых готских должностных лиц. Роль ее усилилась в результате поселения остготов в Италии и образования Остготского королевства. Сохранение позднеримского крупного землевладения, а также римской финансовой и податной системы (с обязательством поземельного налога и для остготов), администрации, муниципального строя и римского права при отсутствии глубокого синтеза позднеримского и варварского общественного уклада, делало сугубо необходимым учреждение особых остготских должностей. Таковыми были так называемые графы готов и сайоны.

Готские графы назначались королем в каждую из провинций и имели военные, судебные и прочие гражданские функции, наряду с римскими управителями провинций; в пограничных провинциях функции графских готов выполняли герцоги. Королевские сайоны были приближенными короля из среды придворной остготской знати, не имевшими строго ограниченной сферы компетенции, но осуществлявшими вмешательство короля в разные сферы управления (в области администрации, военного дела и суда — недаром они именовались fortes sajones nostri). Наличие этих должностных лиц еще резче подчеркивало особое положение остготов в Италии VI в. и усиливало роль остготской знати, из рядов которой они выходили.

Важное значение имело и функционирование наряду с римским правом особого остготского права. Графы готов разбирали дела между остготами по готскому обычному праву, дополняя его предписаниями Эдиктов Теодориха и Аталариха; между тем судебные дела между остготами и римлянами готский граф должен был разбирать с участием римского юриста (prudens romanus)[24] по тем же эдиктам и римскому праву, учитывая при этом готские правовые обычаи и индивидуальные особенности каждого отдельного судебного казуса (дела между римлянами разбирались, конечно, по римскому праву и эдиктам остготских королей, пронизанным нормами этого права). Данные Эдикта Теодориха и «Варий» Кассиодора подтверждает хронист VI в. Аноним Валезий Теодорих «управляет совместно и одновременно двумя народами — римлянами и готами»[25]. Поэтому прав Д. М. Петрушевский, говоривший о совмеще-

[24] Это ясно указано в начале цитированной выше «Формуле обязанностей готских графов» (см. *Cassiod.*, Variae, VII, 3).

[25] *Anonymi Valesiani* pars posterior: «Sic gubernavit duas gentes in uno Romanorum et Gothorum»...— Ed. V. Gardthausen, Leipzig, 1875, p. 280—305. См. также MGH AA, t. IX, Chronica Minora saec. IV, V, VI, VII, ed. Th. Mommsen, vol. I. Berlin, 1892, p. 322.

нии как бы двух обществ и двух государств в остготской Италии времен Теодориха Великого[26].

Несмотря на возникновение остготской знати (провинциальной и придворной) и ее значительную роль в политической жизни Италии, она не успела еще за время существования Остготского королевства сложиться в единый господствующий класс — как в силу ее внутренней структуры и социального состава, так и ввиду того, что ей противостояла гораздо более сплоченная позднеримская землевладельческая знать (в провинциях и в центре). Она не сделалась таким классом и во время длительной войны с Византией, когда очень усилилась роль свободных готских ополченцев.

Черты позднеримского общественного строя в остготской Италии

Едва мы переходим от остготов к римскому населению Италии, как тотчас же погружаемся в совершенно иную социальную среду, напоминающую позднеримский, уже разлагающийся рабовладельческий уклад, сильно поколебленный как идущим с III—IV вв. внутренним перерождением (усиление роли колоната в хозяйстве латифундий и императорского фиска с последующим прикреплением колонов к их земельным участкам), так и остготским завоеванием с его последствиями (разделы и захваты земель), но отнюдь не разрушенный указанными процессами.

Прежде всего это проявляется в структуре крупной земельной собственности и системе эксплуатации римских непосредственных производителей. В источниках фигурируют римские fundi и виллы, которые обрабатываются трудом рабов, колонов разных категорий, а также лично свободных зависимых земледельцев. Структура этих крупных земельных владений представляет собой такое сочетание мелких хозяйств колонов и посаженных на землю рабов с крупной собственностью землевладельца, при котором мелкие хозяйства лишены всякой экономической самостоятельности и служат лишь интересам собственников латифундий и вилл, а непосредственные производители являются юридически неправоспособными.

Высший правящий класс составляли те владельцы латифундий, которые входили в состав сенаторского сословия, состоявшего из различных разрядов (illustres, clarissimi). Остальные крупные собственники, не принадлежавшие к сенаторскому сословию, имели свои

[26] *Д. М. Петрушевский.* Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1917. Очерк IV, стр. 270—286. Ср. также выше введение к данной главе.

владения в разных провинциях Италии и не заседали в верховном политическом органе — Сенате. Изменения, происходящие в их среде, явствуют из данных источников о мобилизации земельной собственности, а именно о тяжбах из-за земельных владений, об их продаже, разделах между двумя собственниками, а также о дарениях[27]. Римские землевладельцы Италии VI в. делились на те же категории, которые были типичны для Позднеримской империи IV—V вв. Наиболее крупные землевладельцы, принадлежавшие к знати (genere nobiles) и обладавшие значительной патримонией, ставили межевые знаки («титулы») на границах чужих владений, распространяя тем самым свой патронат на их население и присваивая их в собственность. Эдикт Теодориха, с одной стороны, ведет борьбу с подобным явлением, сохранившимся с IV—V вв., а с другой стороны, узаконивает его, ибо предоставляет право ставить титулы только фиску, но в то же время и тем лицам, кому это право пожаловано фиском. Однако таких лиц насчитывалось немало, так как к ним могли принадлежать все члены сенаторского сословия. Землевладельцы, не получившие от фиска соответствующей привилегии на захват чужого владения путем установки титулов на его территории, карались, согласно Эдикту, смертной казнью, если они делали это по собственной инициативе. Остальные римские землевладельцы являлись средними собственниками (possessores в широком смысле слова) либо мелкими — владельцами отдельных мелких участков (они обозначались тем же термином, но принадлежали к податному слою римского населения и приравнивались к трибутариям).

Судя по Эдикту, поссессоры вели тяжбы из-за недвижимости, так как, захватывая чужие владения, они в то же время сами незаконно лишались собственных владений; к поссессорам в широком смысле слова относится, по-видимому, и §132 Эдикта, где сказано, что поссессор не обязан доказывать свое право на земельное владение.

Для владения любого поссессора Эдиктом устанавливается 30-летняя давность, по истечении которой никто не может возбуждать иск против его законных прав на обладание данным имуществом, причем, согласно одной из статей, в состав имущества входит не только недвижимость, но и зависимые от поссессора люди — и не одни колоны и рабы, а и куриалы, а также и коллегиаты[28]. Это подтверждает мысль, что термином «поссессоры» могли обозначаться и собственники типа помещиков средней руки. Эдикт Теодориха энергично защищает вотчинную собственность различных катего-

[27] Ed. Theod., § 44—47, 52—53.
[28] Ibid., § 10—11.

рий и налагает суровые кары за всякие нарушения собственности на землю, движимое имущество и на непосредственных производителей, какой бы характер эти нарушения ни носили. В их числе Эдикт упоминает и мятежные действия скопом, и уничтожение межевых знаков, и кражу скота, похищение и сманивание рабов, работорговлю, а также изнасилование чужих рабынь и женщин-оригинарий, и, наконец, захваты, совершаемые рабами или колонами.

Обилие в Эдикте упоминаний о мятежах и коллективных выступлениях зависимого населения против землевладельцев (причем в некоторых из них, кроме рабов, оригинариев и колонов, участвовали и лично свободные люди)[29], а также суровость наказаний за подобные действия (смертная казнь, сожжение и т. п.)[30] указывают на систематическое повседневное сопротивление, оказываемое крупным собственникам эксплуатируемыми непосредственными производителями.

Однако это противодействие не вылилось в восстание сколько-нибудь широкого масштаба.

Так как при остготском владычестве в Италии сохранился позднеримский муниципальный строй, то уцелело и сословие куриалов — в том виде, как оно сложилось в течение IV—V вв., т. е. в качестве слоя муниципальных землевладельцев, приписанных к своей курии и обязанных нести обременительные повинности (munera) в пользу последней, но зато освобожденных от уплаты общего поземельного налога (в отличие от поссессоров).

Несмотря на издавна идущий процесс разложения прежнего муниципального строя Римской империи I—II вв., которое привело к фактическому превращению куриалов в крепостных, куриалы еще в VI в. продолжают в Эдикте Теодориха отличаться от колонов, хотя они могли становиться наряду с ними собственностью крупных землевладельцев: так, если беглый куриал (как и член какой-либо коллегии или раб) в течение 30 лет проживал на территории какого-либо имения, то он приписывался к этому имению. Как известно, куриалы и сами охотно переходили под патронат знатных и могущественных землевладельцев и массами бежали из своих курий.

Иногда они прибегали и к помощи церкви как к убежищу от уплаты долгов в пользу фиска. Но происхождение задолженности куриалов фиску и их сопоставление с табуляриями и сборщиками податей указывают на то, что в данном случае имеется в виду ответственность куриалов за взнос налогов поссессорами, владевшими землей на территории городской общины, т. е. курии. Куриалы

[29] Ibid., § 21, 107.
[30] Ibid., § 104, 107.

принимали участие и в совершении дарственных сделок с недвижимостью: при отсутствии соответствующих должностных лиц (магистрата, дефензора, дуумвира и пр.) для узаконения дарственного акта оказывалось достаточно свидетельства трех куриалов. Но и при наличии должностных лиц участие куриалов было необходимо.

Однако, хотя куриалы привлекались к обложению и к совершению имущественных сделок, их бедственное положение проявляется в том, что приписка к курии рассматривается как наказание за некоторые преступления (например, за изнасилование свободным, до того не приписанным к курии, чужой рабыни или оригинарии). Куриалов ограничивали и в имущественных правах. Так, после смерти бездетного куриала, не оставившего завещания, его имущество наследует курия; то же самое происходит и с имуществом куриала, осужденного за какое-либо преступление, если у него нет законных наследников.

Таким образом, куриалы и в VI в., при остготах, остаются такими же придатками к курии и «рабами государства», какими они стали уже с конца III и в течение IV в. Это подтверждается тем, что большинство постановлений Эдикта Теодориха о куриалах прямо заимствовано из распоряжений западноримских императоров IV—V вв. и из памятников римского права (из Кодекса Феодосия II, новелл Валентиниана III и др.).

Серьезное нововведение Эдикта Теодориха относится лишь к оригинариям. Оно содержится в § 142, который разрешает господину перемещать сельских несвободных — рабов или оригинариев (mancipia etiamsi originaria sint) — на другие участки или даже в города в качестве личных слуг. В специальной литературе выдвигались разные точки зрения на содержание и цель этого постановления; по-разному решался и вопрос, какой именно слой зависимого сельского населения обозначает Эдикт словами mancipia etiamsi originaria.

Само выражение mancipia etiamsi originaria Гартман толкует как обозначение несвободных колонов, происшедших из рабов. Это толкование приведенных слов он подкрепляет тем соображением, что § 142 Эдикта Теодориха направлен против одной главы кодекса Юстиниана (взятой из кодекса Феодосия и новеллы Валентиниана), которая распространяет принцип прикрепления к земельному участку на сельских рабов [31]. Сходного мнения придерживались в

[31] *L. M. Hartmann*. Geschichte Italiens im Mittelalter, Bd. I. Leipzig, 1897, S. 120—121, 132. Гартман имеет в виду Cod. Just., XI, 48, 7. см. *F. Dahn*. Die Könige der Germanen, Bd. IV. Würzburg, 1866, S. 96, 113; *W. Ensslin*. Theodorich der Große. München, 1947, S. 245—246.

разное время Дан и Энслин. По существу понимание социальных последствий § 142 Гартманом близко к их истолкованию М. М. Ковалевским[32], который считал, что это распоряжение Теодориха предоставляло возможность остготским землевладельцам передавать земельные участки римских колонов, переселяемых в города, рядовым свободным остготам и что оно отнюдь не улучшало, а скорее ухудшало положение колонов. Однако в отличие от Гартмана он, по-видимому, считал, что оно относилось ко всем колонам. В этом отношении точка зрения Д. М. Петрушевского ближе к толкованию Гартмана, чем предлагаемая М. М. Ковалевским[32a].

З. В. Удальцова, подобно Гартману, Д. М. Петрушевскому и Энслину, тоже полагает, что разбираемое «предписание относится лишь к сельским рабам, посаженным на землю, и к низшей категории колонов — к оригинариям»[33], ибо остготское правительство опасалось распространить разрешение продавать оригинариев без земли на все категории сельского зависимого населения Италии. Социальную направленность предписания § 142 З. В. Удальцова, так же как П. Г. Виноградов и Гартман, усматривает в стремлении правительства удовлетворить интересы остготской знати, которая нуждалась в применении труда колонов для обработки захваченных ею земель. По ее мнению, отмена прикрепления к земле части колонов (а именно колонов-оригинариев) ухудшала их положение, но не могла привести «к длительному... разрыву хозяйственной связи сельского раба с его пекулием и оригинария с его участком».

Если проследить словоупотребление Эдикта, то можно прийти к заключению, что термины servi (или mancipia) и originarii близки друг к другу по смыслу, а колоны в тесном смысле слова, т. е. за исключением оригинариев, рассматриваются как прослойка зависимого населения, не тождественная с той, которая обозначается, как оригинарии; иными словами, под колонами Эдикт разумеет тех, кого в Позднеримской империи обозначали как coloni liberi, а под оригинариями — coloni originarii, но без прибавления слова coloni. Оригинарии неоднократно сопоставляются в Эдикте с рабами и рабынями (servi, ancillae). Особенно показательно такое сопоставление в тех параграфах, в которых трактуются казусы, относящиеся к рабам и оригинариям вместе, но не применяемые к колонам в широком смысле слова. Термин originarii разъяснен в § 68 Эдикта, заимствованном из кодекса Феодосия. В параграфе указано, что женщина-оригинария — это та, которая прикреплена к месту своего

[32] *М. М. Ковалевский*. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, т. I. М., 1898, стр. 240—241.

[32a] *Д. М. Петрушевский*. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1917, стр. 272, 283.

[33] *З. В. Удальцова*. Италия и Византия в VI в. М., 1959, стр. 101.

рождения (de ingenuo solo): в случае, если она его покинет, ее следует возвращать обратно в течение 20 лет, а ее потомство должно принадлежать ее прежнему господину, даже если в течение этих 20 лет она была под властью другого господина и сделалась его собственностью. Тем не менее за некоторые преступления оригинарии наказываются так же, как и все остальные категории зависимого населения: за умышленный поджог дома или виллы оригинариев наравне с сервами и колонами осуждали на смертную казнь через сожжение — в противоположность свободным, которые лишь возмещали убыток, а в случае бедности подвергались телесным наказаниям и ссылке.

Однако в целом ряде предписаний Эдикта имеются в виду колоны в широком смысле слова, и тогда рабы и колоны сопоставляются друг с другом в качестве непосредственных производителей, т. е. мелких зависимых земледельцев. Так, за уничтожение границ владений без ведома господина колонам наравне с рабами грозит смертная казнь; господин в равной мере отвечает за грабежи и захваты, учиненные рабом или колоном без его ведома; долги колона или раба, сделанные без разрешения господина, взыскиваются из пекулия раба или колона. В этих и многих других случаях Эдикт не проводит различия между рабом и колоном, но не потому, что он их отождествляет, а потому, что трактует их как представителей зависимой рабочей силы, находящихся под властью господина и живущих на его земле, т. е. рассматривает колонов в широком смысле, без разграничения разных категорий. Но мы знаем, что низшая их категория — оригинарии — стояли ближе к сервам, чем остальные колоны, ибо оригинарии произошли от рабов.

Анализ терминологии Эдикта убеждает в том, что в § 142 термин originaria является спецификацией определенного разряда рабов или несвободных (mancipia), а не обозначением колонов вообще. Выражение же mancipia etiamsi originaria следует переводить так: «несвободные (или рабы), хотя бы они (или: если даже, пусть даже они) и были оригинариями» (ибо etiamsi не означает «такие»). При таком переводе станет очевидным, что нововведение Теодориха, (сформулированное в § 142) не произвело резкого изменения в положении всех колонов, и правы те исследователи (Д. М. Петрушевский, З. В. Удальцова), которые считали, что оно относится лишь к сельским рабам и к происшедшей из них низшей категории колонов.

Наряду с колонами и рабами в остготской Италии сохранилось немало римских лично свободных крестьян, наличие которых тоже составляет пережиток позднеримских отношений.

Как уже указывалось выше, эти крестьяне, которые обозначаются обычно как ingenui, т. е. свободные, подвергаются разорению, впадают в зависимость и даже в рабское состояние; идет

даже своеобразная торговля свободными, продаваемыми в рабство, а кроме того, многие свободные принуждены отказываться от собственной свободы и даже скрывать свое свободное состояние. Такие явления, по-видимому, происходят главным образом, в среде римского населения.

Тем более показательно, что наряду с этим в Италии VI в. сохраняются остатки крестьянства, не обозначаемого малоговорящим — в свете указанных выше процессов — термином ingenui, а выступающего как совокупность земледельцев. т. е. лиц, занимающихся сельскохозяйственным трудом, но не приписанных к участку, подобно coloni originarii. Они фигурируют под собирательным названием rustici, которое может реально относиться к весьма различным слоям населения (кроме рабов). Так, согласно некоторым статьям Эдикта Теодориха, rustici принадлежат к зависимым людям землевладельца, именуемого их господином, и к ним прямо прилагается эпитет «чужой» (rusticus alienus), причем rusticus противопоставляется рабу (servus). Однако тут же указывается, что с чужого rusticus'а нельзя требовать выполнения повинности и запрещается пользоваться его рабом и быком без его согласия. Отсюда следует, что зависимые крестьяне, обозначаемые как rustici, могли в свою очередь иметь зависимых от них несвободных людей. В предисловии Эдикта о закреплении за новыми хозяевами права собственности на беглых куриалов, коллегиатов или рабов по истечении срока 30-летней давности подчеркнуто, что тот порядок нарушают во вред господина rustici и куриалы: здесь, по-видимому, термином rustici названы различные слои зависимого крестьянства — в отличие от куриалов.

Термин rustici означал деревенских жителей-земледельцев в предписании Аталариха от 527 г., адресованном в «Вариях» правителю Лукании и Бруттии Северу по поводу их беззаконных нападений на торговцев. Предписание указывает на какую-то связь rustici с торговцами, которая не обязательно выражалась только во враждебных действиях и ограблениях, но, очевидно, могла приобретать и характер мирных торговых сношений[34]. То обстоятельство, что rustici подвергаются телесному наказанию, еще не говорит об их несвободном положении, ибо, как мы знаем из Эдикта Теодориха, и на свободных, принадлежащих к разряду humiliores, распространяются подобные наказания. Если и можно сделать вывод, что в данном тексте имеются в виду обедневшие свободные (т. е. те, которые в Эдикте обозначаются как *humiliores*), то в других случаях оказывается, что с rustici можно взыскать сумму в 400 солидов, как, в частности, сделал в 507—511 гг. некий магнат Венанций, вымогавший деньги для уплаты долга. Теодорих приказал сайону

[34] *Cassiod.*, Variae, VIII, 33, 1.

Фрумариту прекратить злоупотребления Венанция [35]. Однако самая возможность получения указанной суммы свидетельствует не только о превышении власти крупным землевладельцем-патроном, но и о каких-то связях с рынком самих rustici.

У Кассиодора rustici иногда зависимые земледельцы, которые могли становиться даже управителями на землях королевских патримоний, как, например, в «Формуле графу патримонии». Однако из этой Формулы, вопреки Дану, нельзя сделать вывод, что слово rustici здесь означает королевских колонов.

Весь разобранный материал из Кассиодора, привлеченный нами выборочно и иллюстративно, но не противоречащий другим его данным [36], показывает, что rustici — не особая сословная категория наряду с другими сословными группами позднеримского населения Италии (колонами, оригинариями, либертинами и т. д.), а общее обозначение для земледельцев, ведущих самостоятельное хозяйство и состоящих из лично свободных, а иногда и полусвободных или зависимых италийских крестьян [37].

ЛАНГОБАРДСКОЕ КОРОЛЕВСТВО В ИТАЛИИ

Характер лангобардского завоевания Италии

В 568 г. началось вторжение лангобардов в Италию. Лангобарды в начале нашей эры принадлежали к свевской группе племен (т. е. к герминонам, по классификации Плиния и Тацита) и обитали по нижнему течению Эльбы, между нею и правым притоком Везера — рекою Аллер. Они упоминаются многими античными авторами (Страбоном, Веллеем Патеркулом, Тацитом, Дионом Кассием), причем Веллей Патеркул отмечает их особую дикость [38], а Тацит — воинственность («Германия», гл. XL). Во время борьбы херусков с Марободом в начале I в. они входили в состав свевско-маркоманнского союза Маробода, но перешли на сторону херусков [39], а во II в. н. э. участвовали в маркоманнской войне [40].

[35] *Cassiod*., Variae, II, 13, 2.

[36] См. Ibid., II, 29 (homines ecclesia); I, 2, 5; III, 14; IV, 44, 1; V, 12, 2; X, 5 и др.

[37] См. об этом *З. В. Удальцова*. Италия и Византия в VI в., стр. 105—114 и нашу рецензию на эту книгу в сб. «Средние века», вып. XX, 1961, стр. 238.

[38] *Velleus Paterculus*. Historia Romana, I, 106.

[39] *Tacitus*. Annales, II, 45.

[40] *Дион Кассий*. Римская история, LXXI, 3, 1а (под 166 г.).

В результате многочисленных передвижений и перемещений в течение III—V вв. значительная часть лангобардов оказалась в соседстве сначала с ругиями, а потом с аварами и гепидами и, наконец, заняла в VI в. Паннонию, откуда лангобарды и вторглись в Италию. Передвигаясь, они обрастали значительными массами присоединявшихся к ним племен — как германских (саксов, гепидов, свевов), так и негерманских (сарматов, болгар, обитателей Норика и Паннонии) — и образовали мощный племенной союз, основное ядро которого составляли они сами [41]. В Лангобардском племенном союзе было много военачальников-герцогов, стоявших во главе отдельных его подразделений (по данным хрониста VIII в. Павла Диакона — по-видимому, преувеличенным — их число доходило до 35 [42], но на первом этапе завоевательного движения в Италию (568—584) весь союз возглавлял один предводитель — Альбоин, а после его смерти — Клеф. Хронисты называют их то вождями, то королями, но их единоличная власть в пределах Лангобардского союза была непрочной, как показали последовавшие вскоре события.

Само лангобардское завоевание очень сильно отличалось от остготского: во-первых, лангобарды были гораздо многочисленнее остготов, а во-вторых, их продвижение в Италию сопровождалось насилиями, захватами земель, изгнанием и убийствами римских землевладельцев. Современник лангобардского вторжения в Италию, хронист Марий из Аветика, живший не очень далеко от Северной Италии — в Бургундии, сообщает под 569 г.: «Альбоин, король лангобардов, со всем своим войском покинул свою родину Паннонию и вместе с женщинами и всем народом занял Италию, причем лангобарды расселились кровнородственными группами» (in fara). Рассказывая далее о преемнике Альбоина Клефе, он под 573 г. отмечает: «В этом году лангобардский герцог Клеф сделался королем этого племени, и при нем были убиты многие знатные (seniores) и люди среднего достатка» (mediocres) [43].

Насильственный характер лангобардского завоевания подтверждает и Павел Диакон, который пользовался современными лангобардскому завоеванию источниками — «Историей лангобардов» хрониста конца VI и начала VII в. Секундуса (умершего в 612 г.), а также отчасти данными конца VI в. известного историка франков Григория Турского. Павел Диакон сообщает, что Клеф многих

[41] *Paulus Diaconus*. Historia Langobardorum, ed. L. Bethmann u. G. Waitz, II, 6, 8, 26 (MGH, Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum. Hannoverae, 1878). Павел Диакон (II, 26) указывает на наличие особых населенных пунктов гепидов, болгар, сарматов, свевов и др.

[42] *Paulus Diaconus*. Op. cit., II, 32.

[43] *Marius Aventicensis*. Chronica, ed. Th. Mommsen (MGH, AA, t. XI. Berlin, 1894), S. 238.

могущественных римлян либо истребил, либо изгнал из Италии[44]. О завоевательной же тактике лангобардских герцогов он рассказывает следующее: «Лангобардские герцоги через семь лет после вторжения Альбоина и всего лангобардского племени захватили и покорили бо́льшую часть Италии, за исключением тех областей, которые занял ранее Альбоин, и при этом грабили церкви, убивали священников, разрушали города и истребляли мирных жителей»[45]. Говоря о насильственных действиях лангобардов после убийства Клефа в 574 г., Павел Диакон указывает, что в это время погибли многие представители римской знати[46].

Таким образом, свидетельства всех хронистов об исключительной суровости лангобардского завоевания отличаются полным единодушием[47]. Тем не менее в их суждениях о том, каких слоев римского населения коснулись эти жестокости и насилия, имеются значительные расхождения. Согласно Павлу Диакону, Клеф истребил и изгнал именно могущественных римлян (potentes), а после его смерти были перебиты главным образом знатные римляне (nobiles). Но вслед за тем в той же главе «Истории лангобардов», рассказывая о том, как хозяйничали герцоги в захваченных областях Италии, Павел Диакон говорит уже о насилиях и по отношению к городским и сельским жителям. Под последними следует здесь, по-видимому, разуметь отчасти еще сохранившихся свободных мелких собственников крестьянского типа, а также полусвободных держателей. Следовательно, лангобардское завоевание оказалось разрушительным и суровым не только для крупных землевладельцев, но и для мелких земледельцев (как свободных, так и несвободных).

Марий из Авентика вносит в эту картину дополнительный и весьма существенный штрих: по его словам, Клеф перебил не только многих крупных землевладельцев (seniores), но и других представителей римского населения, которых хронист обозначает слишком широким и юридически неопределенным термином mediocres (т. е. люди среднего состояния). Поскольку они противопоставляются seniores и не упоминаются низшие слои сельского населения, можно думать, что Марий из Авентика имеет в виду поссессоров из числа жителей муниципиев, обладавших земельными владениями. Такое

44 *Paulus Diaconus*. Op. cit, II, 31: Hic multos Romanorum viros potentes, alios gladiis extinxit, alios ab Italia exturbavit.

45 *Paulus Diaconus*. Op. cit., II, 32: ...Langobardorum duces.., civitatibus subrutis populisque... extinctis etc...

46 Ibidem.

47 К данным Мария из Авентика и Павла Диакона следует прибавить сообщение Григория Турского, в некоторых пунктах почти совпадающее с рассказом Павла Диакона. См. *Gregorius Turonensis*. Historiarum libri decem. IV, 41 (MGH, Scriptores rerum Merov., I, 1, ed, Krusch, Levison).

толкование смысла слова mediocres в тексте Мария из Авентика тем более правдоподобно, что Павел Диакон говорит в одной и той же фразе и об убийствах сельских жителей, и о разрушении городов.

Таким образом, создается впечатление, что лангобарды при королях Альбоине и Клефе, а также при господстве герцогов в равной степени обрушились на все слои италийского общества.

Разумеется, они не могли истребить всех землевладельцев. К тому же Павел Диакон в той же главе своей «Истории» говорит о каких-то жителях Италии, которые должны вносить в пользу лангобардов третью часть доходов и тем самым превращены в трибутариев. Следовательно, он и сам подчеркивает, что часть населения Италии не только не была изгнана или перебита, но, наоборот, превратилась в данников лангобардов и доставляла им необходимые средства. Эти жители Италии, по-видимому, принадлежали к слою средних городских землевладельцев-поссессоров, ибо Павел Диакон говорит о «трибутариях» тотчас вслед за фразой об убийстве знатных римлян: «В эти дни (т. е. после смерти Клефа, при господстве герцогов.— *А. Н.*) было перебито много знатных римлян из-за жадности лангобардов. А остальных (без обозначения их социального статуса.— *А. Н.*) лангобардские поселенцы распределили между собою в том отношении, что они должны были вносить в их пользу третью часть своих доходов; так они превратились в трибутариев»[48]. Из текста явствует, что эти «остальные» тоже принадлежали к каким-то состоятельным людям, с которых можно было взимать часть их доходов, хотя эти люди и противопоставлены знатным (а может быть, отчасти и сопоставлены с ними?) в том смысле, что одни знатные были убиты, а другие стали трибутариями. Отсюда следует, что речь идет скорее всего о possessores, так как они остались на своих земельных владениях и только обложены были натуральными поставками в пользу лангобардов — по-видимому, за счет труда колонов и рабов. Возможно, их и имел в виду Марий из Авентика, говоря о mediocres. Во всяком случае в рассказе Павла Диакона нет никаких указаний на земельный раздел между лангобардами и римским населением, ибо термин tertia относится не к частям поделенных земельных владений, а к известной части взимаемых продуктов. Ни о каких земельных разделах не говорит Павел Диакон и в другом тексте, посвященном имущественным взаимоотношениям лангобардов с римлянами.

Чтобы правильно понять этот текст, надо конкретно представить себе те значительные изменения, которые произошли в ходе лангобардского завоевания за время господства герцогов, т. е. с 574 по

[48] *Paulus Diaconus*. Op. cit., II, 32: His diebus multi nobilium Romanorum ob cupiditatem interfecti sunt. Reliqui vero per hospites divisi, ut terciam partem suarum frugum Langobardis persolverent, tributarii efficiuntur.

584 г. Несмотря на захват лангобардами под командованием герцогов значительной части Северной и Средней Италии и на основание лангобардскими воинами новых герцогств в Сполето и Беневенто, а также и на их продвижение в Тоскану и Валерию, разрозненность лангобардских сил и противоречивость интересов различных военных отрядов и их герцогов не позволила завоевателям объединить захваченные территории. Борьба с Франкским королевством и Византией, вынудившая даже лангобардов (в 584 г.) временно вступить в зависимость от франков, заставила герцогов восстановить единоличную королевскую власть и выбрать королем сына Клефа Аутари (584 г.). Павел Диакон рассказывает: «В это время все тогдашние герцоги в целях восстановления королевской власти уступили в пользу короля половину своих владений с тем, чтобы (доходами) с них мог жить сам король и чтобы за их счет могли прокормиться его дружинники и должностные лица»[49]. «А зависимое покоренное население,— добавляет он далее,— было распределено между лангобардскими поселенцами»[50]. Следовательно, совершенно недвусмысленно идет речь о разделе людей (а не земель!) между лангобардскими поселенцами, причем слово populi здесь ни в коем случае не может означать население civitas, т. е. поссессоров (как в некоторых других местах «Истории» Павла Диакона)[51]. В данном контексте populi — податное римское сельское население, т. е. колоны и рабы, на что указывает и эпитет adgravati, т. е. «обремененные» — податями и зависимостью (раньше зависимостью от римского и остготского государства, а теперь — от лангобардских hospites). Павел Диакон не говорит, что поделенные между лангобардами римские сельские жители сделались трибутариями, и не случайно: они издавна были трибутариями, а не стали таковыми после их распределения между лангобардскими поселенцами.

Неясным остается реальное положение тех поссессоров, которые (согласно первому отрывку из Павла Диакона) должны были вносить треть доходов. Они, конечно, надолго сохранились в качестве свободного римского населения. На это указывают постановления короля Лиутпранда 728 и 732 гг., который различает грамоты по римскому и по лангобардскому праву и предписывает, чтобы сыновья (очевидно, свободного) римлянина и лангобардской женщины считались римлянами (как и она сама) и жили по римскому праву. Эти постановления свидетельствуют о том, что еще в начале

[49] *Paulus Diaconus.* Op. sit., III, 16: Ob restaurationem regni duces qui tunc erant omnem substantiarum suarum medietatem regalibus usibus tribuunt, ut esse possit, unde rex ipse sive qui ei adhaererent eiusque obsequiis per diversa officia dediti alerentur.

[50] Ibidem: Populi tamen adgravati per Langobardos hospites partiuntur

[51] Ibid., II, 9, 10; IV, 14.

VIII в. не только существовала значительная масса римского свободного населения, но что это население в VIII в. рассматривалось как политически равноправное со свободными лангобардами и имело возможность жить по своему праву.

Но каково было социальное положение римских поссессоров в Лангобардском королевстве? Гипотеза превращения значительной их части в лангобардских альдиев явно несостоятельна, так как лангобардские полусвободные (альдии) не могли быть такими земельными собственниками, которые сохранили за собой $^2/_3$ доходов, а треть были в состоянии уплатить завоевателям: это предполагает наличие у них колонов, с которых они могли бы взимать такие доходы, о чем в источниках нет никаких сведений; альдии — полусвободные земледельцы, зависимые от свободных, а не землевладельцы.

Римские поссессоры, очевидно, остались в том же положении, в каком они находились во времена остготского господства, т. е. сохранили и свои земельные владения, и личную свободу. Что же касается взимания с них одной трети доходов (и их обозначения в качестве трибутариев), то, во-первых, это была временная мера, а во-вторых, следует различать их политическое и социальное положение в Лангобардском королевстве.

Политически все римское население, в том числе и поссессоры, на первых порах рассматривалось как завоеванное, а потому подчиненное, и, следовательно, не равноправное с лангобардами. Этим можно объяснить господство лангобардского права согласно Эдикту Ротари, в котором оно является обязательным даже для иммигрантов, поселявшихся в пределах Лангобардского королевства [52], а также и то, что лишь с VIII в. (по законам Лиутпранда) римское право признается наряду с лангобардским [53]. Но в социальном отношении римские поссессоры, конечно, остались свободными и не превратились в зависимых держателей лангобардов. На их свободу указывает уже отмеченная выше эволюция в сторону признания римского права в VIII в.: конкретный повод этого признания у Лиутпранда (§ 127) обнаруживает наличие в лангобардской Италии первой половины VIII в. свободных римлян и, вероятно, в немалом количестве, так как имеется в виду типический случай — женитьба такого римлянина на свободной лангобардской женщине, возможность которой узаконяется. Отсутствие упоминания свободного римского населения в Эдикте Ротари объясняется, конечно, не тем, что оно исчезло, а тем, что этот Эдикт в основном представляет собою запись лангобардского обычного права и что в этой записи — при отсутствии земельных разделов лангобардов с

[52] Edictus Rothari (далее — Ro), § 367.

[53] Liutprandi Leges (далее — Liu), § 91, 127.

римлянами — не было особых поводов его упоминать. Лангобардское право вначале являлось чисто территориальным. Да и синтез лангобардских и позднеримских общественных отношений (по тем же причинам) в VII в. только еще начинался.

Его запоздание и замедленное развитие объясняется также тем, что лангобарды расселялись, по крайней мере в Северной Италии, во многих случаях компактными массами и зачастую отдельно от римлян (подобно тому, как салические франки в Северной Галлии). При этом они основывали целые деревни, населенные отдельными подразделениями лангобардского племенного союза; в их числе Павел Диакон называет, кроме германских племен (самих лангобардов, гепидов, саксов, свевов), также и негерманские племена (болгар, сарматов и др.)[54]. Для нас существенно, что в пределах лангобардских сел обитали какие-то кровнородственные группы (farae, hoc est generationes vel lineae)[55], которые, по-видимому, подчинялись военным вождям (герцогам)[56]. О таком расселении кровнородственными группами свидетельствуют также и данные топонимики, а именно наличие в целом ряде областей Италии — притом не только Северной и Средней (Ломбардии, Пьемонте и Сполето) — в составе названий населенных пунктов слова fara. Кроме того, fara упоминается в самом Эдикте Ротари, где свободному лангобарду предоставляется возможность переселяться с разрешения короля в пределах Лангобардского королевства вместе со своею fara (§ 177) (очевидно, с родственниками).Факт подчинения кровнородственных групп лангобардов военным вождям ярко отображен у Павла Диакона в характерном рассказе об условиях назначения королем Альбоином Гизульфа герцогом Фриуля. Согласно этому рассказу, Гизульф отказался принять назначение на должность герцога города Фороюли и его области (т. е. Фриуля) прежде, чем в его распоряжение будут предоставлены группы сородичей, именуемые farae. Конечно, одному герцогу подчинялось несколько кровнородственных групп. Это видно из того, что Гизульф, став герцогом Фриуля, сам избрал себе наиболее знатные farae — по-видимому, не только для военного командования ими, но и для совместного проживания с ними.

Из последнего обстоятельства явствует, что знатные farae составляли какую-то опору для герцога. Но под его командованием в данной области находились, вероятно, и кровнородственные группы

[54] *Paulus Diaconus*. Op. cit., II, 26; о саксах см. II, 6.

[55] *Marius Avent*. Op. cit., S. 238; *Paulus Diaconus*. Op. cit., II, 9.

[56] Павел Диакон сообщает о том, что после смерти Клефа каждый из этих герцогов занял отдельную область во главе с ее городом как центром — Тичино, Бергамо, Брешию, Тренто, Фриуль (II, 32).

простых свободных лангобардов. Может быть, farae в период завоевания были еще более обширными кровнородственными группами, но в течение конца VI и первой половины VII в. они уже разложились и их место заняли домовые общины большой семьи. Весьма возможно, что именно в пользу этих farae и взимались трети доходов римских поссессоров.

Для способа поселения лангобардских farae весьма показательно отсутствие упоминаний в источниках (в том числе и у Павла Диакона) о смешанных римско-лангобардских населенных пунктах, которые были, например, у бургундов, хотя вначале родовые союзы бургундских воинов-земледельцев (faramanni) расселялись большими семьями отдельно от римлян.

Это первоначальное стремление бургундских фараманнов к отдельным от римлян поселениям проливает свет на свидетельство Павла Диакона о тесной связи лангобардских farae с военными вождями-герцогами. Впоследствии лангобардские поселения стали сближаться территориально с римскими. Некоторые лангобарды нередко селились в городах и на владениях, находившихся ранее в распоряжении остготских королей, т. е. на землях фиска. Многие из них расселялись и на конфискованных землях крупных помещиков, уцелевших после завоевания, а также поссессоров, что привело в VIII в. при разложении большой семьи у лангобардов к началу, а затем и углублению римско-германского синтеза, даже несмотря на отсутствие земельных разделов в конце VI в. Первоначально в Лангобардском королевстве господствовало территориальное право лангобардов, которое отразилось не только в Эдикте Ротари, но и в грамотах VII—VIII вв., а также в комментирующей этот Эдикт «Павийской книге» XI в. (Liber Papiensis).

Однако римское население жило по римскому праву; его взаимодействие с лангобардским правом, как отмечалось выше, началось лишь позднее (в первой половине VIII в.). Но разграничение римского и лангобардского права можно проследить и в более поздних грамотах о поземельных сделках жителей североитальянских городов (Кремоны, Падуи и др.) XI—XIII вв. Контрагенты таких сделок часто находят нужным указывать, какого «права» они придерживаются, т. е. «живут» ли они по нормам римского или лангобардского права, и это отнюдь не просто modus dicendi или какой-то архаический правовой реликт, а вполне реальные явления. Ибо как раз при заключении имущественных сделок очень важно было установить, по нормам какого права каждый из контрагентов может подтвердить или оспаривать их действительность (иногда в грамотах фигурирует и салическое право). Указания на то или иное право встречаются и в сделках представителей знати, и в грамотах простых людей. Так, в 1062 г. маркиз Альберт, уступая епископу Кремонскому сбор четверти десятины с деревни Солариоло и управ-

ление тамошней церковью, подчеркивает, что он в силу своей этнической принадлежности живет по лангобардскому праву[57].

Особенно часто по лангобардскому праву живут те контрагенты, которые выступают целыми семьями и, по-видимому, являются мелкими собственниками — жителями деревень в одной из городских округ. Например, в 1165 г. целых семь consortes — члены одной и той же семьи Кортезиев, живущей в местечке Кастро Ново,— отказываются в пользу Кремонского епископа от своего сравнительно небольшого феода размером в 64 югера[58]. Некий священник Иоанн вместе со своим братом Михаилом, а также с его женой и дочерью продает в 1149 г. епископу Кремонскому в деревне Форново (in loco Fornuovo) 12 пеций земли; причем в грамоте подчеркнуто, что все члены этой семьи живут по лангобардскому праву, за исключением самого священника Иоанна, который живет по римскому праву. Кроме того, в грамоте перечислены и более отдаленные родственники семьи Иоанна и Михаила (родные жены Михаила и его дочери) и указано, что сделка заключена с согласия ближайших родственников и без всякого принуждения со стороны «мундвальтов» (т. е. патронов, имевших мундиум над некоторыми из членов семьи этих продавцов). В грамоте № 28 особенно интересно, что в одну и ту же семью входили люди «разного права» — лангобардского (большинство членов семьи и их родственники) и римского (только один Иоанн). Последнее обстоятельство, а также постоянные упоминания в грамотах родственных связей людей «лангобардского права» говорят против мнения, что люди, живущие по римскому праву, в действительности были лангобардами, переселившимися в города и частично превратившимися в новых поссессоров — из числа высшего слоя бывших ариманнов. Там, где перечисляются люди, живущие по римскому праву, обычно отсутствуют указания на совладение большого числа родственников и

[57] «Акты Кремоны X—XIII вв. в собрании Академии наук СССР», подготовил С. А. Аннинский, предисловие О. А. Добиаш-Рождественской. М.— Л., 1937, № 11: «...professo sum natione mea lege vivere langobardorum...».

[58] Там же, № 34: Ariprandus и другие (всего 7 человек) omnes de Cortesiis, habitatores Castri Novi..., ср. грамоту № 81, согласно которой через 30 лет после этого Кремонский епископ предоставляет целым двум семьям и еще восьми жителям деревни Пескароли аренду земельных участков с обязательством не продавать их никому, кроме жителей того же поселения Кастро Ново, которое фигурировало в грамоте № 34, и притом таких жителей, которые являются равноправными с членами указанных двух семей, т. е. людей, своим трудом обрабатывающих землю в Кастро Ново и в соседних деревнях (Sed tantum, suo pare, qui laboret eas et, qui stet in loco Castri Novi de Aspex...). Все участники сделки неоднократно называются consortes и heredes. Из приведенной выше оговорки следует, что члены этих семей и их родственники были мелкими земледельцами.

на их согласие. В одной из грамот (№ 12) супруги (по-видимому, весьма зажиточные землевладельцы, судя по тому, что они продают епископу Кремонскому в 1064 г. 200 югеров земли) подчеркивают, что раньше они жили по разному праву: Имильда — по салическому праву, ее будущий муж — по римскому, но после вступления в брак и жена приняла «римское прво». Это могло бы служить прямой иллюстрацией к постановлению из законов Лиутпранда (§ 127), согласно которому супруги после вступления в брак тоже усваивают общее им обоим «римское право» — с той только разницею, что там один из них (муж) жил по римскому, а не по салическому праву, а жена была до брака лангобардского происхождения. Во всяком случае, поселение части лангобардов и особенно представителей лангобардской знати в городах Северной Италии засвидетельствовано Павлом Диаконом уже для конца VII в. Так, рассказывая под 679 г. о пожаловании королем Перктаритом бывшему Трентскому герцогу Алахису в качестве нового герцогства города Брешии, он подчеркивает, что Перктарит опасался усиления мощи Алахиса в результате поддержки его большим числом лангобардских знатных людей, которые жили в Брешии [59]. В последовавших затем событиях — захвате Алахисом дворца в Тичино — опасения Перктарита оправдались, так как Алахис осуществил его с помощью лангобардских жителей Брешии [60].

И в других городах были лангобардские поселения. Однако уже тот факт, что Павел Диакон подчеркивает размещение лангобардов отдельно от местного населения, указывает на то, что в конце VII в. и в начале VIII в. эти поселения еще не привели к смешению лангобардов с потомками римлян. Данные топонимики, как уже отмечалось, свидетельствуют о большой живучести названий, в составе которых имеется слово fara (с различными модификациями), в Северной и Средней Италии в VIII—XII вв. (в Тревизо, Виченце, Брешии, Фриуле, Бергамо, Фарфе и др.), а эти названия явно восходят к поселениям лангобардских кровнородственных групп (fara) [61]. Обилие германских правовых терминов в лангобардских эдиктах вплоть до середины VIII в. указывает на сохранность лангобардского языка, наряду с латинским. Но сведения по данному

[59] *Paulus Diaconus*. Op. cit., V, 36: Brexiana denique civitas magnam semper nobilium Langobardorum multitudinem habuit...

[60] Ibid., V, 38: Alahis vero... adnitentibus Aldone et Grausone Brexianis civibus, sed et aliis multis ex Langobardis... Любопытно, что во втором случае Павел Диакон не указывает на знатность лангобардских жителей Брешии, откуда следует, что там могли обитать и рядовые свободные лангобарды.

[61] Сопоставление важнейших названий на «fara» см. *L. M. Hartmann*. Geschichte Italiens im Mittelalter, Bd II. 1. Hälfte. Leipzig, 1900, S. 52—53.

вопросу отличаются неясностью; так, хотя Брукнер[62] на основании лингвистических исследований пришел к выводу, что лангобардский язык сохранялся в Италии примерно до 1000 г., тем не менее романский характер тосканского наречия и вообще всех диалектов Италии, из которых впоследствии возник итальянский язык, говорит как будто против этого.

С другой стороны, и у Павла Диакона имеются данные о том, что некоторые варварские племена, входившие в Лангобардский союз, еще в конце VIII в. сохранили родной язык в качестве разговорного, хотя в то же время говорили и по-латыни. Так, сообщая о переходе на сторону короля Гримоальда (662—671) герцога болгар Альцеко вместе с его племенем, он подчеркивает, что на предоставленных болгарам территориях они жили до конца VIII в. и продолжали говорить на своем языке, усвоив в то же время и латинский язык[63].

Из этого рассказа Павла Диакона можно лишь по аналогии заключить о возможности усвоения и лангобардами латинского языка при сохранении своего родного. Но, конечно, окончательная победа романских элементов в диалектах Италии объясняется не одними только условиями поселения лангобардов, но и дальнейшими судьбами Лангобардского королевства.

Романский характер итальянских диалектов может служить лучшим доказательством не только сохранности, но и преобладания римского населения и его преемников в Лангобардском королевстве.

Территориальное размещение лангобардов по Италии обнаруживает значительное сходство с расселением остготов, с той разницей, что остготскому государству политически подчинялась вся Италия, между тем как лангобарды вели в течение почти двух столетий безуспешную борьбу за полное овладение ею.

После вторжения в Италию при альбоине лангобарды, как и остготы, захватили прежде всего северную часть страны, т. е. долину реки По и ее притоков — Ломбардию (которая от них и получила впоследствии свое название) и некоторые области к северо-востоку от нее (Фриуль с Аквилеей и Тренто), а также к северо-западу. При Клефе началось их продвижение вдоль Апеннин в Тусцию;

[62] *W. Bruckner*. Die Sprache der Langobarden. Straβburg, 1895.

[63] *Paulus Diaconus*. Op. cit., V, 29: Qui usque hodie (т. е. до конца VIII в., когда была написана «История лангобардов» Павла Диакона.— *А. Н.*) in his ut diximus locis habiantes, quamquam latine loquantur, linguae tamen propriae usum minime admiserunt.

во время господства герцогов (574—584) они продвинулись еще дальше к югу и заняли Сполето и Беневенто, которые составили самостоятельные герцогства. В правление нового короля Аутари (584—590) лангобарды, несмотря на постоянные вторжения франков, поддерживаемых Византией, прочно укрепились в этих областях (особенно в Северной Италии).

Ко времени смерти Аутари (590) Лангобардское королевство, несмотря на формальную зависимость от Франкского, обладало Ломбардией, Тусцией и, кроме того, герцогствами Сполето и Беневенто. Но ему не принадлежала Южная Италия (Салерно, Неаполь, Апулия, Калабрия, Сицилия), а главное — его владения в Средней Италии были перерезаны — от северо-западного берега Адриатики до восточных берегов Тирренского моря — довольно широкой полосой, находившейся в зависимости от Византии; она состояла из Романьи и Пентаполиса (т. е. Равеннского экзархата) на востоке и из Римского дуката на западе. Хотя в самом конце VI и в начале VII в. при короле Агилульфе (591—616) лангобарды делали опустошительные набеги на Южную Италию (от Беневенто и Неаполя до Калабрии), тем не менее длительное политическое господство лангобардов удержалось лишь в описанных выше границах. Дальнейшая завоевательная политика лангобардских королей VII—VIII вв., от Агилульфа до Ротари и Гримоальда и далее от Лиутпранда до Айстульфа, и была направлена главным образом на овладение Равеннским экзархатом и Римским дукатом с целью создания сплошной непрерывной территории лангобардского господства в Италии.

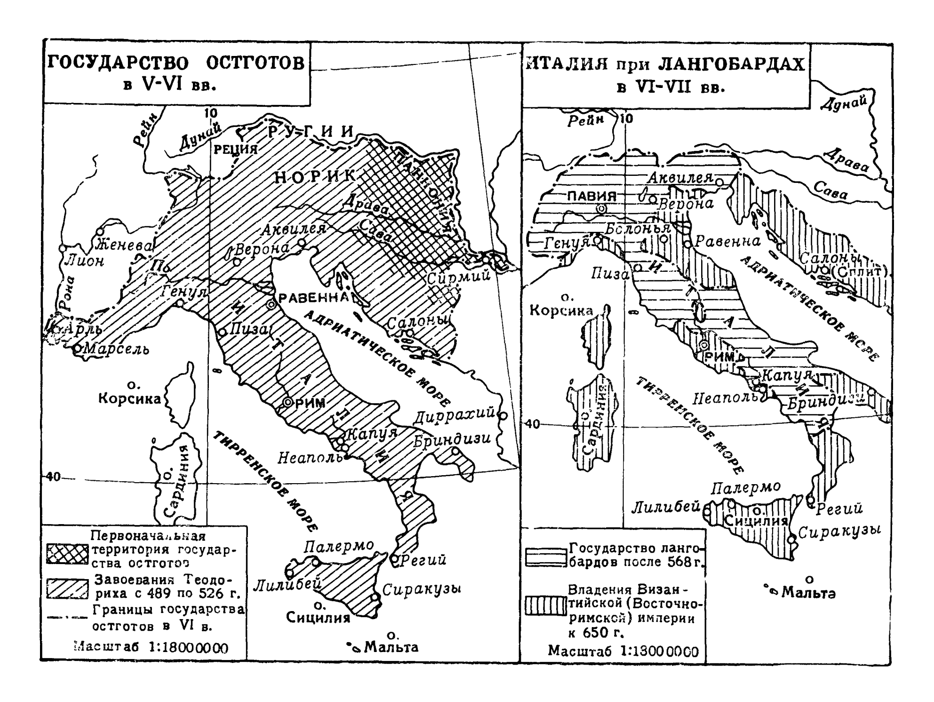
Лангобардская Италия в VI—VII вв.

Попытка создания Лангобардского государства, которое обладало бы всей Италией, так и не увенчалась успехом. Она наталкивалась на ряд политических препятствий, которые оказались непреодолимыми (не говоря уже о росте феодализации внутри Лангобардского королевства, которая дала свои результаты лишь в VIII в.). Эти препятствия сказались уже в самом конце VI—начале VII в. и продолжали мешать объединительным попыткам королевской власти вплоть до падения лангобардского господства. Они заключались прежде всего в политике Византийской империи, не желавшей признавать лангобардского владычества в Италии, затем в стремлении папства занять самостоятельную позицию по отношению к лангобардам и с этой целью завязать связи с Византией и, наконец, в крайне агрессивной, а иногда колеблющейся позиции герцогов. Последние, с одной стороны, вели совершенно независимую завоевательную политику, а с другой, то выступали против

королевской власти в союзе с ее врагами, то временно солидаризировались с нею. К этому присоединялась вражда католиков и ариан, а также захватническая тенденция отдельных герцогов (особенно южных — Сполето и Беневенто), осаждавших и подчас разрушавших города и производивших сильный натиск на римские земельные владения. В этой сложной, запутанной обстановке постоянных усобиц разных лангобардских властителей друг с другом и жестокой эксплуатации некоторых городов Средней Италии (например, Тусции) Равеннским экзархатом посредством византийской податной системы папа Григорий I попытался сыграть роль посредника между арианами-лангобардами и Византией. Не желая превратиться в лангобардского епископа, Григорий I опирался на свои церковные, а также бывшие государственные владения в Сицилии, которые продолжали эксплуатироваться по образцу римских патримониев трудом колонов и рабов под управлением кондукторов. Григорий I считал себя призванным управлять не только этими сицилийскими (а также некоторыми африканскими) патримониями, но и целым рядом земель в Южной и отчасти Средней Италии — в Бруттии, Калабрии, Салерно, Кампании, где римские воины, спасаясь от набегов лангобардов, селились вокруг стен некоторых бургов (например, Амальфи).

Политика Григория I не дала результатов, так как совпала с усилением лангобардской агрессии. Как раз в начале правления короля Агилульфа лангобарды произвели ряд завоеваний как на севере, так и на юге. В то время как экзарх собирал силы против короля вокруг Равенны, герцог Сполето, захватив перевалы через Апеннины, служившие связующими путями между Равенной и Римом, в 592 г. оборвал связи между этими важнейшими центрами византийской власти в Италии и изолировал Рим и Неаполь. Одновременно отдельные отряды лангобардов совершали успешно набеги из Лукании и Бруттии на Неаполь и Калабрию, изгоняя епископов, аббатов и других представителей католического духовенства.

Вслед за тем Агилульфу пришлось вести ожесточенную борьбу не только с южными, но и с северными герцогами, которые (как, например, герцоги Бергамо и Муравизо) поднимали восстания против короля, а иногда и переходили на сторону Византии. В процессе этой борьбы Агилульф осадил Рим (593 г.), а затем, использовав поддержку Беневентского герцога и посредничество папы Григория I, заключил временное перемирие с Византией (598—601) ценою уплаты ею дани лангобардам. Однако вскоре после этого Агилульф, вступив в союз с аварами и частично со славянами против франков, сам нарушил перемирие и захватил ряд городов и областей в Северной Италии. Дальнейшие его походы, прерываемые двукратным перемирием с Византийским экзархом, не внесли радикального изменения в политическое положение Италии.

В последние годы правления Агилульфа (610—616), а также при двух его преемниках Адолоальде (616—626) и Ариальде (626—636) Лангобардское королевство не только не достигло больших успехов в смысле овладения всеми территориями Италии, но и вообще по-прежнему представляло собою не настоящее политически оформленное государство, а конгломерат или, вернее, хаос пересекающихся политических сил различных властителей в лице герцогов. Последние при ослаблении королевской власти взяли на себя инициативу защиты границ Лангобардского королевства, особенно на северо-востоке, где лангобардам угрожали авары, порвавшие союз с ними и вступившие в сношение с византийским императором на Балканах. Хотя отношения лангобардов с франками улучшились, но лангобарды до 628 г. должны были уплачивать им дань.

Неспособность королевской власти в первые десятилетия VII в. справиться с все возраставшей мощью герцогов в значительной мере объясняется тем, что короли сами были выходцами из среды герцогов и избирались ими, а не знатью и массой свободных воинов, что ставило их в некоторую зависимость от герцогов. Так или иначе, власть герцогов и короля противостояла друг другу так же, как и в конце VI — самом начале VII в. Разница заключалась лишь в том, что тогда королевская власть выступала против герцогов, как сторонников Византии, а теперь король в лице Ариальда вел тай-

ные переговоры с экзархом против герцогов. Укрепление политического строя Лангобардского королевства и достижение новых успехов лангобардов в борьбе с Византией произошли лишь в правление короля Ротари (636—652). Ротари, бывший герцог Брешии, был провозглашен королем всей лангобардской знатью, видевшей в нем сторонника антивизантийской политики.

Обосновавшись в Павии, как своей столице, Ротари порвал с Равеннским экзархом и начал проводить энергичную самостоятельную политику по отношению к герцогам. Это выразилось прежде всего в том, что его власть вынужден был признать герцог Беневенто Арихис, который перед тем около полувека почти бесконтрольно хозяйничал во всей Южной Италии. В распоряжении Ротари оказались также земельные фонды (а следовательно, и военные силы), каких у лангобардских королей не было со времени Аутари и произведенного при нем раздела земельных владений между герцогами и королем. Уже Агилульф стремился, исходя из своей власти в Павии, расширить частные владения короля. Это удалось выполнить Ротари, который путем ряда завоеваний установил связь между своими герцогскими владениями вокруг Брешии и прежними королевскими землями в районе Павии.

Ротари двинулся через Апеннины, захватил и разрушил города на побережья Тирренского моря до самой франкской границы и занял владения Миланского епископа (резиденция которого находилась с конца VI в. в Генуе). Территория непосредственного владычества Ротари в результате этих походов простиралась от острова Гарда, граничившего с герцогством Брешией, и от границ римских владений в провинции Эмилии до моря и отрогов приморских гор. Тем самым лангобардские владения на северо-западе Италии, до тех пор отрезанные от Тирренского моря бывшими римскими территориями, приобрели цельность и закругленность, сделались сплошными. Самое существенное значение этих событий для политического строя Лангобардского королевства — в том, что территориальные приобретения Ротари достались не герцогам, а королю. Однако одновременно наметилось противоречие между западной частью Северной Италии, которая находилась в руках короля (Нейстрией) и восточной частью (Австразией), где еще сохраняли силу герцоги Фриуля и Тренто. Но Ротари вмешался и в сферу влияния фриульского герцога, разрушив один из городов, державших сторону римлян, на его территории. Кроме того, он совершил поход и в пограничные владения Равеннского экзархата. Приблизительно в те же годы (643—649) Беневентский герцог, вероятно, в союзе с королем, продвинулся в Южную Италию, взял Салерно, осадил Сорренто, а его преемник стал угрожать Неаполю. В 652 г. Ротари заключил перемирие с римскими военными силами.

Хотя Ротари и был арианином, ему пришлось в борьбе с католицизмом держаться осторожной и оборонительной тактики, которую диктовала международная обстановка: с одной стороны, напряженные отношения папства с империей, ослаблявшие угрозу со стороны католической партии, а с другой стороны, опасения перед активностью католического Франкского королевства.

В противоположность Ротари его ближайший преемник Ариперт (652—661), как представитель Баварской династии, держался католической ориентации, давал привилегии католическим епископам и избегал конфликтов с империей. Но его правление было слишком кратковременным и слабым для того, чтобы создать прочный поворот в политике лангобардской королевской власти. Ее новое усиление произошло при короле Гримоальде (662—671), бывшем Беневентском герцоге, выходце из рода фриульских герцогов. Гримоальду удалось объединить североитальянские владения короля, увеличенные уже при Ротари, с южноитальянскими, вследствие чего собственные королевские владения уже не уступали по размерам и значению владениям всех герцогов в совокупности. С целью упрочить положение на севере Италии Гримоальд сделал там ряд земельных пожалований своим людям из Беневентского герцогства. Вслед за тем он отразил набег франков из Прованса на Италию, которому суждено было стать последним в течение VII в., и заключил мир с Франкским государством.

Однако на юге Италии угрожала возросшая активность императора Константа, вторгшегося в Апулию и захватившего город Беневенто. Гримоальд, опасавшийся возможности возрождения союза франков с Византией, предпринял поход на юг при помощи военных сил Северной Италии и снял осаду с Беневенто. В результате успешного похода сын Гримоальда Ромуальд, ставший герцогом Беневенто, получил возможность отвоевать захваченные Константом территории, а затем распространить свое господство дальше, чем прежние Беневентские герцоги, путем захвата Таранто, Бриндизи и Адриатического побережья на юге (с помощью булгар). Тем временем Гримоальд укреплялся на севере Италии и в герцогстве Сполето; подавляя восстания во Фриуле, он обращался за поддержкой даже к аварам. Одновременно Гримоальд проводил арианскую политику.

При его преемниках из Баварской династии опять усилилась католическая партия; появилось много католических монастырей, и католические епископы стремились к примирению папства с империей, которое и было достигнуто в 680 г. После этого Лангобардское королевство стало католическим государством, хотя в разных его частях реорганизация церкви происходила по-разному: на севере отдельные герцоги оставались враждебными католической церкви, а в Средней Италии они шли на примирение с ней.

Королевской власти предстояло еще сломить сопротивление мощных герцогов Австразии. После того как это было выполнено, принятие лангобардами католичества и безуспешность попыток византийского императора вернуть всю Южную Италию привели к длительному миру между лангобардами и Византией, отказавшейся от притязаний на бывшие римские владения в Италии.

Независимо от заключительного для VII в. этапа взаимоотношений лангобардов с империей в правление Ротари и Гримоальда Лангобардское королевство впервые сконструировалось в качестве политически оформленного государства, ибо до этого оно представляло лишь совокупность различных герцогств и территорий, плохо связанных между собой и не объединенных сильной королевской властью. Конечно, и после укрепления Лангобардского государства при Ротари и Гримоальде сохранились противоречия между герцогами и королевской властью. Но государство (хотя и пересеченное некоторыми полунезависимыми территориями) уже стабилизировалось. Этим и объясняется, что как раз Ротари выступил инициатором записи обычного права лангобардов (643 г.), к которому Гримоальд сделал ряд дополнений (668 г.). Такое позднее возникновение Лангобардской Правды несомненно является результатом политической раздробленности лангобардских сил до середины VII в. Это особенно очевидно, если сравнить даты издания Эдикта Ротари и записи Салической Правды: как известно, она была произведена в последние годы правления первого общефранкского короля Хлодвига, вскоре после объединения им всех франков и завоевания франками Галлии к югу от Луары, между тем как подобное объединение лангобардов стало возможным лишь через 80 лет после их вторжения в Италию.

*

Эдикт, изданный Ротари совместно с собранием знати, представляет собой видоизмененную кодификацию обычного права лангобардов. Эдикт служит важным источником для изучения общественного строя лангобардов VI—VII вв., так как, с одной стороны, фиксирует архаические обычаи этого племени, сложившиеся еще задолго до вторжения его в Италию, а с другой стороны, содержит ряд установлений, явившихся следствием завоевания Италии и возникновения Лангобардского государства. В целом он отражает известную стадию перехода от родо-племенного строя к раннефеодальному.

Переходный характер общественного строя лангобардов обнаруживается во всех сферах их социально-экономического и политического строя, который отличается поэтому значительной внутренней противоречивостью. Об остатках родо-племенного строя говорит

прежде всего сохранность большой семьи, в которую превратилась некогда более обширная лангобардская fara. Это проявляется в значительной роли сородичей в разных сторонах жизни племени, в порядке наследования имущества, в наличии домовой общины. Согласно порядку наследования, первое место занимают законные мужские наследники, второе — дочери и сестры умершего, а на третьем месте стоят незаконные сыновья и ближайшие родные. Хотя дочери и сестры умершего и имеют право на долю в наследстве, но лишь в случае отсутствия сыновей, что указывает как на наличие патриархальной большой семьи, так и на начавшийся процесс ее распадения на малые семьи, так как доля женщины в наследстве может и далее передаваться по женской линии [64].

Данные о домовой общине большой семьи, а также о ее распаде на малые семьи содержит постановление Эдикта о братьях, продолжающих вести совместное хозяйство в доме отца после его смерти. Эдикт регулирует их имущественные взаимоотношения так, что наряду с общим имуществом (наследство, военная добыча) у них появляется и индивидуальное имущество (все, полученное в качестве дарения или на королевской службе). Наконец, в случае выделения одного из братьев из домовой общины после его женитьбы (впрочем, не обязательного) происходит раздел имущества отца и матери поровну между всеми братьями, т. е. одна большая семья дает начало нескольким малым семьям [65]. При всем том патриархальный характер семьи сохраняется: очень сильна по-прежнему власть мужа и отца над женщиной. Брак носит характер договора между отцом невесты (при участии ее родных) и женихом, который уплачивает покупную цену невесты — «мету» и приносит ей «утренний дар». Женщины всегда находятся под мундиумом мужчины — отца, мужа или брата и лишь во вторую очередь ближайших родственников. Разрешается вторичное замужество вдовы — при соблюдении известных условий. Более узкий круг родства начинает постепенно преобладать над прежним, более широким.

Деревня как основная форма поселения лангобардов состоит из различных домохозяйств, в которых могут обитать и большие, и малые семьи. Но различного рода связи между этими домохозяйствами определяются не только родством, но и соседством — и чем дальше, тем больше. Хозяйственные взаимоотношения (связанные с потравой, ущербом и пр.) регулируются соседями на сельском собрании: в судебных процедурах выступают не только родственники, но и соседи. Земледельческая община по Эдикту Ротари уже превращается в соседскую общину; семейно-индивидуальные права владения

[64] Ro, § 153—160.
[65] Ibid., § 167.

пахотными наделами сочетаются с общим пользованием лесами и пастбищами и с пастьбой скота по пожне и пару.

Все эти права — как семейно-индивидуальные, так и общинные — подробнейшим образом регулируются Эдиктом. Так, в Эдикте часто встречаются упоминания чужого владения и своего (например чужое поле[66], чужая земля[67]), а также высказано прямое требование различать свое и чужое. Наряду с естественным правом (ius naturale) каждого на непомеченные деревья в лесу часто встречаются указания на лес, принадлежащий другому лицу (silva alterius), и на хозяина леса (dominus silvae). В Эдикте Ротари имеется немало распоряжений по охране индивидуально-семейного пользования различными земельными участками (пахотным полем, садом, виноградником); запрещается распашка и засев чужого поля, сбор чужого урожая, косьба чужого луга.

Вместе с тем в двух более поздних лангобардских грамотах VIII в., оформляющих дарения недвижимости в районе близ Лукки, названы какие-то общие поля (commonalia), причем в грамоте от 752 г. один участок продаваемого луга (uno petziolo de ipso prato) расположен в пределах общего поля[68], а согласно грамоте от 762 г., в состав дарения входит пахотный участок (petiolo de terra) на территории, называемой Campora Commonalia, и участок луга в поле с другим названием[69], указывающим на принадлежность последнего поля частному лицу (в отличие от первого).

В пределах лангобардской общины происходит процесс имущественной дифференциации среди свободных и мобилизации земельной собственности. Наиболее яркое его выражение — рост земельных дарений (хотя возникновение дарений началось с передачи движимого имущества). Дарение в его первоначальной форме (т. е. такое, объект которого не указан) совершалось при помощи посредников, понятых и свидетелей, причем все они, так же как и участники сделки, должны быть свободными людьми[70]. Эдикт Ротари стремится согласовать институт дарения, возникший позднее, с более старинным порядком наследования и потому запрещает передавать что-либо в качестве дарения из доли наследства сыновей и дочерей; более того, он объявляет уже совершенное дарение недействительным в

[66] Ro, § 354—358 (campus alienus).

[67] Ibid., § 151 (terra aliena).

[68] *L. Schiaparelli*. Codice diplomatico Longobardo, vol. I. Roma, 1929, № 102, p. 295. Пояснение писца XI—XII в. на обороте пергамента о наличии земель в Commonalia и Prato Longo.

[69] Ibid., vol. II. Roma, 1933, № 179, p. 149—150. Ср. fiuvadia в грамоте № 49.

[70] Ro, § 172.

случае рождения у дарителя после этого сыновей или дочерей [71].

Особое значение для процесса имущественного расслоения имели земельные дарения с оговоркой о сохранении за дарителем до его смерти права пользования подаренным земельным участком (с рабами или без них). Даритель, сохранивший за собою пожизненное пользование объектом дарения, обязуется не расточать его, а в случае возникшей у него необходимости заложить или продать некоторую часть, должен обратиться к получателю за помощью, которая сможет избавить его от этой необходимости. Характерна мотивировка этого обращения: оно имеет целью сохранить за получателем объект дарения в качестве его собственности после смерти дарителя. Если получатель отказывается помочь дарителю, тот имеет право передать часть объекта дарения другому лицу [72]. Из сказанного очевидно, что даритель земельного участка является здесь лицом малоимущим по сравнению с получателем. То обстоятельство, что он сохраняет пожизненное право частичного распоряжения переданной им недвижимостью и не обязан вносить получателю какой бы то ни было чинш, отличает это дарение от прекария. Но в дальнейшем (к концу VII в.) данная форма дарения эволюционирует в сторону precaria oblata.

Таким образом, постановление Эдикта Ротари позволяет проследить начальный этап зарождения столь важного института, как прекарий. Но до распространения прекарных отношений пока еще очень далеко, а описанная у Ротари форма дарения знаменует лишь, так же как и право женщин, наследовать во вторую очередь недвижимость, переход от аллода как собственности большой семьи к аллоду малой индивидуальной семьи с зачатками ранних форм его отчуждения. Да и само дарение рассмотренного выше типа уходит корнями в архаические нормы обычного права лангобардов, в которое вторгаются новые явления в виде частичной возможности отчуждения объекта дарения. Наряду с этим уже возникают иные дарения, а именно дарения патрона своим подзащитным — как свободным, так и вольноотпущенникам [73], которые представляют собой переход к новому типу дарений.

В отличие от рассмотренных выше ранних форм дарения по обычному праву, Эдикт Ротари изображает такой новый тип земельного дарения, которое носит характер срочного условного пожалования свободному лангобарду со стороны герцога или частного лица и связано с усилением королевской власти. Отличительная черта этого пожалования заключается в том, что оно становится недействительным

[71] Ibid., § 168, 171.
[72] Ibid., § 173.
[73] Ibid., § 167, 225.

с прекращением службы получателя в пользу дарителя и с переменой получателем места жительства. Эдикт начинает описание условий пожалования с разрешения короля каждому свободному человеку со своими ближайшими родственниками (cum fara sua) переселяться в пределах Лангобардского королевства, куда угодно; но если переселенец получил перед тем какое-либо пожалование или дарение от герцога или другого свободного в прежнем месте жительства, то он должен возвратить объект пожалования дарителю или его наследникам [74]. Очевидно, в данном случае речь идет о переселении какого-то свободного человека, коммендировавшегося герцогу или частному лицу, а может быть, и самому королю, и ставшего его подзащитным или газиндом (дружинником), вследствие чего для его переселения понадобилась особая «охранная грамота» короля [75]. Однако простой свободный мог переселиться и без разрешения короля, а также при отсутствии какого бы то ни было пожалования. Связь того и другого имеет в виду специфический случай переселения газинда или подзащитного. Но из описания этого случая мы узнаем о зарождении условных земельных пожалований. Если дарение по обычному праву является показателем имущественной дифференциации внутри общины, то условные срочные пожалования со стороны короля, герцогов или патронов в пользу их подзащитных отражают начало процесса разложения общины извне под давлением возникающего землевладения высшего слоя лангобардского общества (вспомним упомянутое выше предоставление имущества, приобретенного на королевской службе, в качестве индивидуальной собственности одному из братьев, ведущих совместное хозяйство). В будущем такие пожалования приведут к возникновению срочного бенефиция, но пока до него еще так же далеко, как и до развитого прекария.

Во времена Ротари все эти весьма различные типы дарений содействуют одному общему процессу возникновения разных социально-экономических групп среди равноправных свободных лангобардов и в то же время являются его показателем.

Тем не менее полноправные свободные во времена Ротари все еще составляют основную массу племени. Именно они населяют лангобардские деревни, принимают решения на сельских сходах, являются членами общины и обладателями пахотных участков, участвуют в судебных процедурах и выступают в качестве носителей правовых норм (т. е. все штрафы за проступки налагаются, исходя из того, что виновник мыслится как свободный). Они же имеют право ношения оружия, и из них состоит лангобардское войско, которое тождествен-

[74] Ro, § 177.

[75] См. *K. Jäkel.* Libertas: Der Begriff der Freiheit in den Germanenrechten.— «Festgabe für H. Aubin», Hamburg, 1950, S. 63.

но с вооруженным народом; они — воины-земледельцы, что явствует даже из их обозначения — exericitales (в большинстве глав Эдикта они определяются равнозначными терминами: liberi, ingenui, иногда barones liberi).

Однако внутри массы свободных членов племени наблюдаются известные градации, так же как и в самой свободе, если понимать ее как полноправие.

Прежде всего градации выражаются в таких явлениях, которые указывают на различие между более и менее родовитыми, свободными: хотя в Эдикте отсутствует особый слой родовой знати, тем не менее вергельд того или иного свободного каждый раз расценивается в зависимости от «знатности», родовитости или «достоинства» (качества) данного лица (secundum nobilitatem, generisitatem, qualitatem personae)[76]. Весьма возможно, что подобные колебания вергельда отражают былую принадлежность родовитых свободных к различным кровнородственным группам разной степени знатности, тем более что Павел Диакон отмечает наличие лангобардских farae особой знатности[77]. Во времена издания Эдикта родовая знать, по-видимому, уже уступает место возникающей служилой знати, чем и объясняется как включение первой в состав свободных, так и отсутствие единого вергельда свободного лангобарда. Иногда колебания вергельда зависят от неравенства в размерах и качестве земельного участка, принадлежащего потерпевшему, и в таких случаях Эдикт употребляет термин иного характера — qualiter in angar-gathungi (от anger — земельный участок), id est secundum qualitatem personae. Это косвенное указание Эдикта на экономическое неравенство в среде свободных вполне гармонирует с ростом земельных дарений, а также с тем обстоятельством, что внутри свободных Эдикт намечает некоторую низшую прослойку, равную по правовому статусу вольноотпущенникам высшей категории, т. е. получившим в силу отпуска на волю полную свободу. Члены этой прослойки обозначаются как fulcfree et haamund; термин fulcfree в свою очередь может иметь разный смысл. Им обозначаются вольноотпущенники, а иногда и полноправные свободные.

Раб, отпущенный на волю, но сохраняющий некоторую материальную и личную зависимость от освободившего его лица (патрона), становится просто fulcfree; в том случае, если господин отпускаемого на волю раба признает его полную независимость от себя, он превращается в человека, не состоящего ни под чьим патронатом или мундиумом; эта полная его независимость от кого бы то ни было обозначается как fulcfree et haamund id est extraneus. Полную свободу

[76] Ro, § 75, 141, 378.

[77] *Paulus Diaconus*. Op. cit., II, 9.

получает и раб, освобожденный по распоряжению короля, причем не требуется особого подчеркивания его независимости от патрона. За этим единственным исключением, fulcfree без прибавления haamund (т. е. не остающийся под мундиумом патрона) не получает полной свободы. Первоначально термин fulcfree и означал полноправного свободного, а потом (ко времени издания Эдикта) был перенесен частично и на вольноотпущенников. Само изменение его значения является показателем передвижек и перемещений внутри широкого слоя свободных лангобардов.

Ниже свободных и высшей категории вольноотпущенников, а также и некоторых низших их категорий стоят полусвободные — альдии. По ряду признаков (кары за браки альдиев со свободными и рабами, возможность освобождения раба на положении альдия и др.) они стоят выше рабов и обладают некоторой долей неполной свободы. Весьма характерно, что они сидят на земельных участках и имеют собственных рабов, но продавать то и другое альдий может лишь с разрешения своего господина, собственностью которого он является (отсюда словоупотребление Эдикта «чей-нибудь альдий» наравне с «чей-нибудь раб»). Следовательно, несмотря на элементы некоторой свободы, альдий является полусвободным по рождению, зависимым держателем.

По-видимому, у многих свободных лангобардов были не только рабы, но и альдии; и те и другие играли значительную роль в хозяйстве свободных в качестве подсобной рабочей силы. Рабы делились на несколько разрядов в соответствии с их ролью в хозяйстве господина: а) рабов-министериалов (servi ministeriales)[78], т. е. выросших во дворе господина и специально обученных; в их число входили надсмотрщики по надзору за стадами и их помощники, пастухи разного рода (для стад крупного рогатого и мелкого скота)[79]. Эти рабы нередко приравниваются по штрафам за их увечья к альдиям, хотя штраф за убийство альдия выше, чем за убийство раба-министериала; б) домашних рабов, которые использовались в качестве рабочей силы для сельскохозяйственных работ и потому назывались servi rusticani; в) несвободных держателей земельных участков, живших со своими семьями в отдельных дворах (massae), откуда и их название — servi massarii.

Несомненно, что такая расчлененность рабов по профессиям могла быть наследием античного рабовладения, сохранившегося в Италии и во времена остготского господства. В число рабов-министериалов вошли, по-видимому, многие римские рабы, а в число

[78] Ro, § 76, 130, 131.

[79] Ibid., § 133, 135 (мастер — magister по надзору за стадом свиней и его помощник), § 136 и др. В § 136 указано, что такие магистры с их помощниками служат свободным людям, но имеют собственные дворы.

рабов-держателей земельных участков (массариев), может быть, частично и колоны-оригинарии, которых уже Эдикт Теодориха разрешил перемещать с места на место (§ 142). Данное предположение подтверждается и сообщением Павла Диакона о разделе между лангобардами податного и зависимого населения Италии — колонов и рабов. Последние разряды рабов могли, впрочем, принадлежать не только лангобардам, но и римским пасторам, владения которых были организованы по типу римских вилл (см. ниже).

Конечно, лангобарды имели и собственных рабов, которые в качестве подсобной рабочей силы в хозяйстве свободных членов племени были поселены в Италии во время лангобардского вторжения. Однако ни Эдикт, ни грамоты не позволяют выяснить, хотя бы приблизительно, соотношение туземных италийских и лангобардских рабов. В Эдикте Ротари лишь один раз различается лангобардская и римская рабыня, причем штраф за прелюбодеяние с лангобардской рабыней выше, чем за тот же проступок по отношению к римской рабыне, что указывает на более низкое положение римской рабыни и подтверждает гипотезу о наличии вилл. Но это единственное указание не может дать материал для решения интересующего нас вопроса. Во всяком случае, ясно, что обилие упоминаний о рабах, их расчлененность по профессиям, наличие обученных рабов-министериалов, магистров, имеющих собственные дворы, и пр., — все это свидетельствует о наследии римского рабовладения, которое послужило немаловажным стимулом социального расслоения среди свободных лангобардов.

Видимо, к лангобардским рабам принадлежали главным образом домашние рабы и лишь частично массарии, которые могли служить рабочей силой в хозяйстве рядовых свободных, тогда как рабы-министериалы разного рода, вероятно, обслуживали хозяйство возникающей должностной и служилой знати, а также хозяйство королевских имений. Эта служилая знать складывается уже к середине VII в.: Эдикт Ротари упоминает о вступлении свободных или даже некоторых вольноотпущенников в дружины герцогов или частных лиц, от которых они получают дарения и становятся их газиндами, и о коммендации королю[80]. Наряду с этим растет значение представителей административного аппарата королевской власти, в частности роль гастальдов — управителей королевских имений и судебно-политических агентов короля, а также их помощников — сотников и скульдахиев[81]. В то же время сохраняется мощь герцогов, уже утративших былую связь с родовыми объединениями

[80] Ro, § 225: gasindio ducis aut privatorum hominum ebsequium, §195—196; 167, 177.

[81] Ro, § 25 dux aut judex, qui in loco ordinatus est a rege; о judex'e см. также № 35; о гастальдах см. Ro, § 15, 189, 221, 271, 375; о скульдахиях см.

и частично превратившихся в должностных лиц короля. Жизнь герцогов защищена очень высоким вергельдом — в 800 солидов, а вергельд скульдахия равен вергельду свободного, хотя скульдахий — низшее должностное лицо.

Все отмеченные выше явления — увеличение численности рабов за счет остатков италийского рабовладения при наличии разных методов их эксплуатации (путем испомещения на земельные участки и в качестве домашних слуг), большая роль промежуточных социальных слоев (альдиев и вольноотпущенников различных разрядов), а также усиление служилой должностной знати — приводили к дальнейшему углублению социальной дифференциации всего лангобардского общества, и в частности к разорению некоторой части свободных. Показателями последнего процесса следует считать, с одной стороны, появление таких свободных, которые в результате задолженности утрачивали необходимый рабочий скот (быков и лошадей) и вынуждены были совершать кражи совместно с рабами[82], а также предпринимать во главе целой толпы рабов вооруженные нападения на жителей лангобардских сел[83], а с другой стороны, возникновение либеллярных держаний и целого нового слоя зависимых держателей[84]. Этот слой складывается из безземельных людей, которые испрашивают у собственников земельный участок с домом и рабами и получают его в пользование на известный срок (первоначально на 5 лет) за чинш, причем сделка оформляется при помощи особого письменного договора (libellus scriptus, откуда и название таких держателей — либеллярии)[85]. Дальнейшее развитие и распространение либеллярных держаний падает на VIII и следующие века, но характерно их зарождение и юридическое оформление уже по Эдикту Ротари, ибо они резко отличаются от описанного выше архаического вида земельного дарения одним свободным другому с оговоркой о сохранении пожизненного пользования (фактом отсутствия земли у получателя, наличием чинша и др.).

Ro, § 15, 35, 189, 221, 374. Все эти агенты короля обозначались общим термином actores regis.

[82] Ro, § 251, 259, 263; любопытно, что Эдикт считает это несовместимым с достоинством свободного лангобарда, «ибо позорно и ни с чем не сообразно, чтобы свободный человек вмешивался в кражу или давал на нее свое согласие» (§ 259).

[83] Ro, § 279: De concilio rusticanorum; представляет интерес общее обозначение и нападающих, и жителей села (как свободных, так и рабов) одним и тем же выражением: homines rusticani, т. е. «деревенские жители», иначе говоря — крестьяне.

[84] Ro, § 227.

[85] Ibidem.

Таким образом, в то время как лангобардское общество VII в. еще продолжало развиваться и видоизменяться в пределах варварского уклада дофеодального периода, параллельно шло развитие общественного строя италийского (бывшего римского) населения, который эволюционировал в сторону возникновения раннефеодальных отношений через посредство изживания остатков рабовладельческого строя позднеримской и остготской эпохи.

Но в VII в. эти два процесса в Италии еще не вступили во взаимодействие друг с другом.

Лангобардское королевство в Италии в VIII в.

В VIII в. остатки родо-племенного строя лангобардов, как явствует из королевских законов и грамот, постепенно отмирают, и процесс социальной дифференциации настолько усиливается, что перерастает в процесс классообразования, который приводит к возникновению раннефеодального строя. Эти процессы сказываются прежде всего в сфере кровно-родственных отношений и соседских связей, а также и в усилении имущественного расслоения среди свободных и в мобилизации земельной собственности.

В VIII в. большая семья у лангобардов уступает место малой. Это явствует из новых постановлений Лиутпранда от 713 и 716 гг. об изменении порядка наследования; согласно его законам, происходит почти полное уравнивание женщин с мужчинами в правах наследования [86]. Так, в случае отсутствия законных сыновей у умершего его имущество делят поровну дочери или сестры; при этом дочери наследуют целиком имущество обоих родителей (не только отца, но и матери), и даже замужние дочери и сестры получают наследство наравне с незамужними; незаконные сыновья и ближайшие сородичи по законам Лиутпранда (в отличие от Эдикта Ротари) вовсе не участвуют в наследовании. Совместное владение землей братьями после смерти отца (согласно §167 Эдикта Ротари) признается Лиутпрандом в качестве действительного лишь в течение 40 лет, по истечении которых разрешалось производить ее раздел поровну, и есть основания предполагать, что такие разделы были частым явлением [87]. Правда, наряду с этим имеется постановление о сохранении нераздельного совладения имуществом родителей после их смерти их дочерьми, но выход одной из них замуж не лишает ее прав наследования как имущества родителей, так и имущества одной из умерших сестер [88].

[86] Liu, § 1—5; законы Лиутпранда были изданы между 713 и 735 г. Время его правления: 712—744 гг.

[87] Liu, § 70 (726 г.).

[88] Liu, § 14 (717 г.).

Права женщин иметь собственное имущество указывают на преобладание малой семьи над большой; остатки последней проявляются лишь в требовании соблюдать равенство долей при разделах и в возможности совладения имуществом братьями и родичами[89]. Однако даже в пределах малой семьи появляется неравное наследование в силу права отца завещать часть имущества тому или иному сыну сверх его законной доли. Это право представляет собою проникновение дарения в недра малой семьи.

Дарения вообще стали чрезвычайно распространенным явлением в VIII в., так что Лиутпранд объявил их необратимыми (в случае соблюдения процедуры по архаическим нормам) и даже приравнял владения объектами таких дарений (по истечении 30-летней давности) к полной собственности. Вместе с тем он запретил производить дарения несовершеннолетним во избежание разного рода злоупотреблений, а это запрещение лишь подчеркивает рост мобилизации земельной собственности и перехода владений из рук в руки. В соответствии с этим Лиутпранд предписывает оформлять обмен земельными владениями при помощи грамот, а дарения в пользу церкви разрешает производить без соблюдения архаических правовых норм (gairetinx с получением launegild).

Вполне гармонирует с указанными распоряжениями Лиутпранда энергичная защита им прав индивидуального владения каждого домохозяина (на поля, виноградники, леса, стада и пр.). Это связано с тождеством соседства над родством: среди сородичей в разных сделках (например, при заключении брака) все бо́льшую роль играют отец и брат, а во многих случаях родственники выступают лишь при участии соседей. Основной хозяйственной ячейкой свободных лангобардов становится деревня, населенная соседями, в ее пределах возникают бурные конфликты из-за земельной собственности, в которых принимает участие не только мужское, но и женское население деревни. Имущественное расслоение среди свободных выра-

[89] Liu, § 74; § 70. Согласно одной грамоте из окрестностей Пизы от 730 г., два брата продают какой-то участок земли в пределах территории, обозначенной как fiuvadia; эта территория имела название Arena, которое произошло от характера почвы, ибо она располагалась на правом берегу реки Арно в местности, частично заболоченной и частично покрытой песчаными дюнами, но кое-где поросшей лесом. Очевидно, она представляла собою альменду. Условия, на которых совершена была продажа наделов (sortes) двух братьев (возможность раздела в будущем всей этой территории в случае ее превращения в государственную собственность, право продавцов на получение других наделов в случае перехода их надела другому лицу и т. д.), указывают на то, что fiuvadia in loco Arena была общинной собственностью, тем более что упомянутые два брата, владевшие сообща одним участком, обладали им, как и другие соседи (sicut alii colliberti nostri»; в основе этого соседства могло лежать былое родство. См. *L. Schiaparelli*. Op. sit., vol. I, № 49, p. 162.

жается не только в этих конфликтах, но и в неспособности некоторых уплатить композицию за проступки (кражу, участие в драке и т. п.) даже в небольшом размере — от 6 до 20 солидов, не говоря уже о вергельде за убийство. Такие свободные, не способные уплатить 20 солидов за проступок, должны были работать в пользу потерпевшего несколько лет в качестве рабов. Встречались и такие свободные, дети которых буквально умирали с голоду, так что Лиутпранд вынужден был разрешить им продажу недвижимости, несмотря на его запрет сделок с несовершеннолетними. Разорение части свободных усиливалось в результате роста залоговых сделок и долговых обязательств при наличии ответственности сыновей за долги отца.

После всего сказанного нас не должно удивлять прямое упоминание бедняков (pauperes) в прологе к постановлению Лиутпранда от 727 г. Уже кратко обрисованный нами процесс имущественного расслоения среди свободных показывает, что в начале и середине VIII в. свободу рядовых лангобардов нельзя считать позитивной свободой, и ее невозможно толковать как полноправие.

Еще более отчетливо проявляется новый характер свободы в том, что в течение VIII в. усиливается социально-экономическая дифференциация в среде свободных на такие группы, которые имеют определенно оформленный юридический статус. Одновременно сужается слой рядовых свободных — ариманнов, основным определяющим признаком которых является их участие в военном ополчении, и происходит их отграничение от привилегированных свободных (газиндов). Согласно предписанию короля Айстульфа от 750 г., ариманны делятся на 3 разряда: 1) наиболее состоятельных ариманнов-землевладельцев, имеющих семь зависимых оброчных дворов (casae massariciae) или 40 югеров земли; из них обладатели оброчных дворов должны являться на войну на коне и в полном вооружении, а владельцы 40 югеров — верхом, со щитом и копьем, но без панциря; 2) менее состоятельных ариманнов — владельцев одной лошади, которые могут иметь щит и копье, но уже не обязательно должны участвовать в военном ополчении; 3) совсем неимущих, частично, по-видимому, безземельных людей (minores homines), которые в случае их участия в походе должны иметь только щит, лук и стрелы.

Члены высшего слоя внутри первого разряда ариманнов, т. е. обладатели тягловых наделов с зависимыми держателями, превращаются, очевидно, в собственников мелковотчинного типа, а представители следующего слоя — владельцы 40 югеров — становятся обеспеченными землей собственниками крестьянского типа. Только к этим двум слоям первого разряда ариманнов еще приложима в какой-то степени прежняя трактовка свободы как полноправия; ко второму разряду ее уже применить нельзя, так как часть

ариманнов уже не в состоянии осуществлять важнейшее право всякого свободного и в то же время выполнять одну из основных его обязанностей — участвовать в военном ополчении. Что касается третьего разряда, то часть его членов способна была поставить на свой счет лишь самое примитивное оружие, а другая часть, как гласит уже постановление Лиутпранда от 726 г., состояла из людей, не имеющих ни земли, ни дома[90]. Лиутпранд предписывает в этом постановлении, что из их числа должностное лицо короля (iudex), отправляясь в поход, может оставить 10 человек для выполнения трехдневной барщины в своих имениях. Таким образом, разоряющиеся свободные, выделившиеся из слоя ариманнов, превращаются в зависимых крестьян — земельных держателей разного рода вотчинников, вышедших из рядов должностной и служилой знати. Недаром законы короля Ратхиса от 745—746 гг. делят ариманнов на богатых и бедных[91] и содержат предписания против восстаний и заговоров ариманнов (представляющих собою проявление их коллективной социальной борьбы с королевскими должностными лицами), а также распоряжения, касающиеся конфликтов ариманнов с газиндами.

Описанному делению ариманнов на три разряда по земельному цензу соответствует и установление определенного вергельда для разных групп ариманнов. Так, согласно предписанию Лиутпранда от 724 г., «высшие» (primi) ариманны защищены вергельдом в 300 солидов, а «меньшие», т. е. малоземельные, ариманны (minimae personae) — вергельдом в 150 солидов. По-видимому, под «высшими» ариманнами следует разуметь владельцев семи тяглых наделов или, по крайней мере, 40 югеров земли, а под «меньшими» — владельцев одной лошади и дома, но, конечно, не совсем безземельных, разорившихся ариманнов.

Параллельно с возникновением новых групп в среде свободных с различными для каждой группы вергельдами исчезают прежние градации свободных лангобардов в соответствии с родовитостью или достоинством («качеством») того или иного лица. Недаром Лиутпранд в предписании 724 г. начинает свое распоряжение о вергельдах двух групп ариманнов с отмены прежних градаций. Их отмирание свидетельствует о замене прежнего расслоения свободных доклассового характера новым классовым их расслоением. Изменяется и смысл терминов fulcfree et haamund.

В законах Лиутпранда понятие fulcfree, хотя и сохраняет некоторую двойственность, применяется исключительно к вольноотпущенникам.

[90] Liu, § 83 (de minimis hominibus).

[91] Ratchis. Leges, § 1: arimanno suo diviti aut pauperi.

Согласно Liu, § 9, в случае отпуска раба на волю по распоряжению короля в церкви вольноотпущенник становится совершенно свободным, как и в силу архаической процедуры thingatio; при этом он назван в Liu, § 9 fulcfreal; следовательно, здесь данным термином обозначена полная свобода и независимость от патрона (наподобие выражения fulcfree et haamund в Эдикте Ротари; ср. Liu, § 23). В § 55 (как и в § 23) отпуск на волю с предоставлением полной свободы уже обозначается обоими терминами, причем имеется в виду освобождение через посредство короля или в церкви. Но в § 55 сделана весьма существенная оговорка, чтобы отпущенные на волю лица сохраняли некоторую связь с бывшими патронами и всегда готовы были доказать свою свободу судье через посредство соседей, а также давали показания, каким способом их отпустили на волю. Согласно закону Айстульфа от 755 г.[92], все зависимые люди (pertinentes), отпущенные на волю согласно архаической процедуре thingatio с объявлением их независимыми от кого бы то ни было (haamund), не должны покидать своих патронов, если патрон составил при этом грамоту о сохранении за собой повинностей (servitium) в его пользу отпускаемого на волю лица. Исключение составляет лишь отпуск на волю в церкви, который дает полную свободу.

Распоряжение Айстульфа о сохранении servitium'а, очевидно, вызвано тем, что в противном случае либертины стремились порвать всякую связь с их бывшими господами. Следовательно, отпуск на волю в Лангобардском королевстве VIII в. означает изживание рабства с тенденцией его перерождения в феодальную зависимость и приводит к образованию одного из тех промежуточных слоев, которые вливаются в состав складывающегося феодально-зависимого крестьянства.

Другим таким слоем были либеллярии. Как известно из грамот, либеллярные договоры в течение VIII в. становятся все более и более распространенными. Наряду с либеллярными растет и распространенность чиншевых держаний свободных лангобардов, очень близких к либеллярным держаниям.

Весьма существенно, что уже в 727 г. Лиутпранд регулирует не только поземельную, но и судебную зависимость либеллярия от собственника земли, держателем которой он является, и возлагает на землевладельца частичную ответственность за совершенное либеллярием убийство в виде обязанности розыска виновного и его передачи в распоряжение родных убитого. К этому предписанию сделано любопытное добавление, что в случае безуспешности розыска

[92] Aistulfi Leges (далее — Aist.), § 11 (со ссылкой на Ro, § 224 и Liu, § 23).

землевладелец обязан либо предоставить право пользования либеллярным держанием лицам, пострадавшим от убийства, либо отдать родным убитого половину движимого имущества бежавшего убийцы-либеллярия. Из предписания Лиутпранда явствует, что хотя либеллярий продолжает нести ответственность за убийство по архаическим нормам варварского права (как всякий свободный), тем не менее власть землевладельца вторгается в сферу действия старых норм. В ходе дальнейшего развития из обязанности розыска преступного либеллярия возникает подсудность патрону либеллириев — вместе с альдиями и сервами — в случае их обвинения в уголовных преступлениях — по крайней мере, в первой инстанции, как зафиксировано в одном из итальянских капитуляриев Карла Великого в конце VIII в.[93] Таким образом, распоряжение Лиутпранда начала VIII в. является зародышем развившейся к концу этого века иммунитетной юрисдикции. Экономические взаимоотношения близких к либелляриям чиншевиков регулируются тем же Лиутпрандом в постановлении 733 г., согласно которому все, что приобретает чиншевик собственным трудом после его вступления в зависимость, принадлежит домохозяину-землевладельцу; кроме того, держателю запрещается продажа привезенного с собой имущества.

Ниже либелляриев и чиншевиков стояли homines pertinentes, которые во времена Лиутпранда упоминаются наряду с альдиями и рабами, а по закону Айстульфа либо прямо приравниваются к рабам, либо противопоставляются свободным. Параллельно с появлением новых промежуточных слоев полусвободных ухудшается уже к концу VII в. положение исконных лангобардских полусвободных — альдиев.

Наряду с этим процесс наследственного закабаления свободных зашел так далеко, что короли Ратхис и Айстульф предписаниями 746 и 755 гг. вынуждены прямо запрещать насильственное закрепощение и превращение в рабов или альдиев разоряющихся свободных. Предписание Айстульфа предоставляет возможность свободному, вступившему в servitium по отношению к iudex'у или какому-либо другому лицу, чтобы получить земельное держание, доказывать свою свободу, несмотря на 30-летнюю давность servitium'а, если только он представит доказательства свободы его родителей и сородичей. Постановление мотивируется любопытной сентенцией, указывающей на то, что личное закабаление в VIII в. было тесно связано с поземельной зависимостью: «...ибо нетерпимо и противно воле божьей, чтобы человек, у которого все родственники были свободными, только в силу того, что он один добровольно вступил в servitium, удерживался насильно в этом состоянии

[93] См. Capitularia regum Francorum, t. I, ed. A. Boretius. Hannoverae, 1881; Capitulare Mantuanum Secundum Generale (a. 787).

за пользование (полученным им) земельным владением»[94]. Подобные запреты Ратхиса и Айстульфа выражали попытки королевской власти удержать от полного разорения слой ариманнов, часть которого еще составляла военную силу племени.

Но политика королевской власти по отношению к ариманнам не могла быть последовательной, так как сама эта власть становилась орудием господствующего класса. В самом деле, оборотной стороной процесса слияния разоряющихся свободных и разных промежуточных слоев (как прежних, так и новых) в один класс зависимого крестьянства было возникновение раннефеодального класса землевладельцев. Место старой родо-племенной знати все более занимает военно-служилая знать, вышедшая из верхнего слоя свободных лангобардов. В ее состав входят и дружинники-газинды (короля, герцогов и частных лиц), и королевские должностные лица. Наряду с этим растет могущество герцогов и мощь церковного землевладения. Лиутпранд, облегчавший дарения в пользу церкви, в то же время делал обширные земельные пожалования в пользу светских лиц — правда, с оговоркой о том, что собственность на пожалованную королевскую землю признавалась лишь по истечении 60-летней давности. Другими словами, пожалования короля (иногда и без выдачи грамот) в течение 60 лет оставались условными и их получатели должны были нести с них службу королю.

Описанные пожалования знаменуют зарождение элементов бенефициальной системы. Вместе с тем Лиутпранд стремится не допустить расхищения королевских имений и запрещает королевским должностным лицам и управляющим — гастальдам — самовольно делать какие бы то ни было дарения (пахотных земель, лугов, лесов, зависимых держаний) из состава управляемых ими имений короля[95]. Этим Лиутпранд старается сохранить часть своего земельного фонда как для себя, так и для пожалований газиндам.

Среди газиндов тоже наблюдается расслоение на разные группы, что видно из различия их вергельдов. Так, вергельд влиятельного газинда высокого ранга (maior) составляет 300 солидов, а вергельдгазинда «низшего ранга» (minimissimus) — 200 солидов[96]. Тождество вергельдов высших слоев газиндов и ариманнов указывает на то, что члены первого разряда ариманнов — собственники зависимых от них тяглых держаний — приближались по своему экономическому положению к высшему слою газиндов и сливались в один господствующий класс землевладельцев — вместе с королевскими должностными лицами.

[94] Aist., § 22...: «quia inpossibile est... dum omnes eius parentes liberi essent, ut ipse solus... in servitio detineatur pro sola possessione».

[95] Liu, § 59.

[96] Ibid., § 62.

Политика королевской власти по отношению к складывающемуся раннефеодальному классу была столь же непоследовательна, как и по отношению к ариманнам. С одной стороны, выходцы из разных слоев, стремившиеся попасть в состав этого класса, служили опорой королевской власти — как в ее завоевательной политике (ибо они теперь составляли главную военную силу), так и в качестве противовеса сепаратистским стремлениям герцогов. С другой стороны, усиление этих социальных элементов подрывало самые основы королевской власти. Поэтому короли середины VIII в. то ограничивали возможности землевладельцев, то, наоборот, частично расширяли их: так, Ратхис в 746 г. запретил частным лицам судить кого бы то ни было; в то же время он признал право патрона из королевских вассалов (fideles) защищать газинда в его столкновениях с iudex'ом, а кроме того, узаконил право королевского газинда быть первой инстанцией в конфликтах с ариманнами.

Двойственность политики королевской власти по отношению к высшим слоям лангобардского общества в обстановке роста мощи светского и церковного землевладения, при сепаратизме герцогов и явилась одной из причин неспособности Лангобардского королевства объединить под своей властью всю Италию и дать отпор франкскому завоеванию. Были, однако, и другие причины. Объединению всех итальянских владений лангобардским государством препятствовало международное положение Италии в целом и отдельных ее составных частей, а также исконная двойственность королевской и герцогской власти.

В начале VIII в. очень усилилось Франкское королевство и возрос не только церковный, но и политический авторитет папства. Рим превратился из наместничества Византийской империи в центр католической церкви, уже полунезависимый от Византии, а Римский дукат оказался фактически под властью папы. Вместе с тем с юга угрожали набеги сарацин.

В изменившейся международной обстановке лангобардские короли VIII в., в первую очередь Лиутпранд, ставившие своей целью создание единого италийского королевства под властью лангобардов, вынуждены были вначале лавировать между разными политическими силами. Главными противниками Лиутпранда выступали, с одной стороны, Византийская империя, а с другой — южные герцогства Сполето и Беневенто, которые не сумела полностью подчинить себе предшествующая Лиутпранду Баварская династия. Поэтому в начале своего правления Лиутпранд укрепил связи с Баварией и поддерживал дружественные отношения с фактическим главой Франкского государства Карлом Мартеллом (выходцем из династии мощных майордомов Арнульфингов). Одновременно он старался расположить к себе папство: в качестве католического короля он делал многочисленные дарения в пользу церкви, возвращал

папе утраченные тем земельные владения и, кроме того, сам основывал новые монастыри, усиливая роль церковного землевладения в Лангобардском королевстве.

Дружественная политика Лиутпранда по отношению к папству и церкви приобрела особое значение с началом иконоборчества в Византии при императоре Льве III Исавре (после 718 г.). К тому времени уже весьма различные области Италии стремились к независимости от Византии. Иконоборчество обострило отношения между папством и Византией. Тем не менее папа Григорий II столь же опасался превратиться в лангобардского епископа, как в свое время (в конце VI — начале VII в.) Григорий I. Этим объясняется временный и противоестественный союз Лиутпранда с Равеннским экзархатом. Союз был разорван после того, как Лиутпранду удалось путем земельных пожалований газиндам и замещения герцогских должностей своими родными принудить к повиновению герцогов Сполето и Беневенто. С этого времени начинается агрессивная завоевательная политика Лиутпранда против византийского влияния в Италии. В 732—733 гг. при помощи герцога Виченцы он осаждает Равенну и заставляет бежать оттуда экзарха. Однако этот успех Лиутпранда свелся к минимуму вследствие того, что папа поддержал военные действия жителей лагуны, предпринятые в пользу экзарха с моря; при отсутствии флота у лангобардов Лиутпранд не мог воспротивиться тому, что Равенна осталась в руках экзарха, хотя ее и окружали враждебные ей территории.

Затем Лиутпранду удалось усмирить восстание во Фриуле, где он назначил герцогом своего ставленника Ратхиса (будущего короля), который, как фриульский герцог, отразил набеги славян.

В 732 г. произошло событие, очень важное в международном отношении,— победа Карла Мартелла над арабами при Пуатье. Оно поставило предел дальнейшему продвижению арабов, уже захвативших Испанию, в Западную Европу — подобно тому как успешное сопротивление Льва III осаде ими Константинополя в 717—718 гг. отразило их нападение на Византийскую империю.

Победа Карла Мартелла, конечно, усилила его реальную власть, но внутри Франкского королевства он нуждался в легализации своего владычества над Меровингской династией и вместе с тем испытывал потребность в военной поддержке против нового вторжения арабов в Южную Галлию. Так как его опасались и лангобарды, то на этой почве укрепился уже ранее наметившийся союз Лиутпранда с Карлом Мартеллом, который направил к Лиутпранду для адоптации своего сына Пипина (будущего франкского короля и противника Айстульфа, одного из преемников Лиутпранда). Оказывая помощь Мартеллу, Лиутпранд двинулся в Прованс против арабов и дошел до Арля (737—738). Вскоре Лиутпранд, подавив восстание в Сполето, поддержанное папой, осадил Рим (739 г.) и

Равенну (740 г.). Попытки нового папы Григория III добиться поддержки Карла Мартелла во время осады Рима Лиутпрандом не имели никакого успеха.

Перемирие, заключенное на 20 лет между Лиутпрандом и Римским дукатом при следующем папе Захарии, развязало Лиутпранду руки для борьбы с Равеннским экзархатом, в пределы которого уже в 743 г. вторглись лангобардские войска. В результате нового папского вмешательства Лиутпранд заключил в 743 г. окончательный мир с экзархатом на основе соблюдения status quo, т. е. сохранения за Лиутпрандом некоторых завоеванных им территорий Равеннского экзархата при отказе от полного овладения этой областью. Истинные причины отказа, вероятно, заключались в том, что Лиутпранд опасался усиления Лангобардского епископата и его союза с римскими землевладельцами, а кроме того, не был уверен в прочности дружественной ему политики Франкского государства после смерти Карла Мартелла (741 г.). И действительно, уже первые шаги новых франкских правителей Пипина и Карломана (741—746) могли внушить опасения лангобардам, ибо они явно стремились к укреплению союза с церковью и папством. Церковные соборы во Франкском королевстве требовали возвращения церковных земель, конфискованных Карлом Мартеллом, и после отречения Карломана в 747 г. Пипин удовлетворил их требования, последовательно в течение нескольких лет произведя так называемые реституции, т. е. возврат церковных владений в качестве возмездий за секуляризации Карла Мартелла.

Правление Пипина в качестве майордома частично совпало с правлением нового лангобардского короля Ратхиса (744—749), бывшего фриульского герцога, провозглашенного королем вскоре после смерти Лиутпранда. Внутренняя политика Ратхиса, особенно по отношению к церкви, напоминала политику первых лет самостоятельного правления Пипина — возможно и не без влияния последнего. Ратхис, в отличие от Лиутпранда, вел мирную политику по отношению к римлянам и Византии. Он сделал много земельных пожалований в пользу монастырей и епископства, а также римских землевладельцев, стремясь опереться на них и поддерживая в то же время своих газиндов. Таким образом, Ратхис опирался частично на те слои внутри Лангобардского королевства, которых как раз опасался Лиутпранд. Единственное нарушение Ратхисом мирной политики — вторжение в Пентаполис — привело к отказу от дальнейших завоеваний в результате вмешательства папы.

Отказ, однако, вызвал недовольство лангобардской знати, и она провозгласила королем его брата Айстульфа (749—757), который отменил все пожалования и стал продолжать завоевательную политику Лиутпранда, но только в гораздо более широком масштабе. Уже через два года он целиком захватил Равеннский экзархат и

заставил экзарха передать ему власть над Равенной, а кроме того, продвинулся до Истрии. Он пустил в ход все ресурсы своего королевства, чтобы сокрушить остатки византийского господства в Италии и подчинить римлян. С этим, возможно, и связано рассмотренное выше распоряжение Айстульфа о вооружении различных разрядов ариманнов, которое стало возможным лишь на почве социального расслоения ариманнов, но имело целью использовать его для мобилизации всех, способных поставить какую бы то ни было боевую силу[97]. Вместе с тем Айстульф угрожал конфискацией земель тем лангобардам, которые вступят в какие-либо отношения с римлянами без разрешения короля.

Напряжение всех сил, тем не менее, не привело к окончательной победе Айстульфа, так как против него вскоре выступила мощная коалиция Франкского государства и папства. Сначала Айстульф одержал ряд побед: вскоре после взятия Равенны он осадил Рим (754 г.) и потребовал подчинения Римского дуката своей юрисдикции и передачи его владений лангобардам на положении федератов, что привело бы к их фактическому господству над папством и Римом, а также к прекращению связи дуката с Византийской империй. Перемирие с папой Захарием было вскоре нарушено Айстульфом. Но уже в 751 г. Захарий совершил важный акт, который аннулировал в будущем все дальнейшие успехи Айстульфа: он дал согласие на коронацию Пипина Короткого, что послужило началом основания светского государства пап из отнятых Айстульфом территорий и привело к двукратному походу Пипина в Италию (в 754 и 756 гг.). После побед Пипина крах завоевательной политики Айстульфа стал несомненным; более того, продолжающаяся агрессия Айстульфа лишь усилила противодействие франков и папства. Судьба лангобардского господства в Италии была предрешена.

После смерти Айстульфа в 757 г. новый король Дезидерий начал свое правление с завоевательной политики в духе Лиутпранда. Вместе с тем он стремился завязать сношения с Византией и даже пытался поссорить папу с франками. Но это привело лишь к новым обращениям папы (Павла I) к Пипину, к его новому вмешательству в итальянские дела (763 г.), в результате которого Дезидерию пришлось отказаться от притязаний на Папскую область. В дальнейшем он неоднократно нарушал свои обещания и дважды осаждал Рим и Равенну.

Стремление Дезидерия овладеть территорией папского патримония в значительной мере объясняется необходимостью найти внутреннюю опору для своей власти путем раздачи земель римской церкви лангобардским магнатам, ибо продолжение пожалова-

[97] Aist., § 2.

ний из его собственных королевских земель представлялось ему опасным и грозило ослабить хозяйственную основу королевской власти. Однако земельные пожалования в обстановке роста могущества лангобардской знати не могли гарантировать Дезидерию длительную ее верность. Некоторые ее представители уже переходили на сторону нового франкского короля Карла (768—771, совместно с братом Карломаном).

В такой обстановке папа вновь обратился к франкскому королю, чему не могли воспрепятствовать многочисленные и обильные дарения Дезидерия в пользу церкви и основание им новых монастырей. Карл предпринял поход в Италию; его войска осадили Павию, где заперся Дезидерий. Пока длилась осада (с сентября 773 по июнь 774 г.), Карл отправился в Рим, где его торжественно встретил папа, которому он передал грамоту Пипина, оформлявшую дарения патримония св. Петра в качестве Папского государства. Вслед за тем, после сдачи Павии, Дезидерий был низложен и отправлен за Альпы в качестве пленника, а лангобардские магнаты в массе своей стали присягать Карлу. Лангобардское королевство прекратило существование и оказалось под властью франков.

Однако это еще не разрубило гордиева узла противоречий, раздиравших Италию: папа притязал на Истрию, Сполето и Беневенто, а Карл, ставший королем лангобардов и «римским патрицием» (т. е. светским патроном папского патримония), стремился обратить герцогов названных областей в своих вассалов. Поэтому Карлу пришлось еще неоднократно совершать походы в Италию. В результате ему удалось то, что не удавалось лангобардским королям,— он сумел разорвать политическую связь Италии с Византийской империей и включить ее в состав стран Западной Европы.

Это, правда, еще не означало объединения всех областей Италии, которая после франкского завоевания оказалась раздробленной на ряд герцогств, феодальных вотчин и городов. Процесс феодализации Италии после ее завоевания Каролингами усилился, так как складывавшийся у самих лангобардов господствующий класс стал более значительным в результате притока разных слоев франкских феодалов. Италия раздиралась усобицами не только между герцогами, но и между светскими и церковными феодалами. Несмотря на формальное ее выделение в качестве особого королевства, доставшегося сыну Карла Великого Пипину (в 781 г.), в Италии так и не установилась центральная королевская власть. И хотя после коронации папой Львом III Карла Великого в Риме в качестве императора (800 г.) Италия стала частью Королингской империи, тем не менее она надолго осталась политически раздробленной страной с очень большими противоречиями между северными, средними и южными областями.

2

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛИЗМА В СЕВЕРНОЙ И СРЕДНЕЙ ИТАЛИИ В XI—XIV ВВ.

После завоевания Лангобардского королевства франками политическая карта Италии выглядела следующим образом: Северная и частично Средняя Италия (за исключением Папской области) вошли в состав Каролингской империи. Папское государство включало в себя Рим с окружающей территорией, Пентаполис и Равеннский экзархат. Сохранявшие и прежде фактическую независимость от Лангобардского королевства герцогства Сполето и Беневенто в этот период были вассалами то папы, то Каролингов; Апулия, Калабрия и Сицилия по-прежнему принадлежали Византии.

Каролинги разделили завоеванную часть Италии на 20 графств (вместо прежних герцогств), во главе которых находились представители франкской служилой знати. В пограничных областях были образованы маркграфства (маркизаты). Сменив лангобардских герцогов и гастальдов, графы возглавили и управление городами. Им подчинялись викарии, центенарии и более мелкие должностные лица — деканы, салтарии и др. Гастальды оставались управляющими владений короны, находясь в зависимости от графов. Графам принадлежали судебные и военные, административные и фискальные функции. При Карле Великом был также учрежден институт скабинов, избиравшихся графом из имущественно состоятельных и сведущих в законах горожан с согласия всего населения города. Скабины участвовали в судебных заседаниях и помогали графам в розыске преступников.

Каждые три месяца графства и епископские диоцезы посещали «императорские посланцы» (missi dominici), обладавшие контрольными функциями. Однако в IX в. деятельность missi dominici постепенно ослабевает, в то время как расширяется объем власти и возрастает влияние епископов (некоторые из епископов в первой половине IX в. были и среди «императорских посланцев»).

Епископ постепенно становится административной и политической главой города и его округи, подчиняя себе графа. Со второй половины IX в. растет количество императорских иммунитетных дипломов, пожалованных епископам. Первоначальное освобождение населения иммунитетной территории от некоторых податей и взиманий в пользу королевской власти и запрещение государственным должностным лицам вступать в пределы иммунитета расширяется вплоть до приобретения иммунистами политических, судебных и административных прав графов, в том числе прав на открытие рынков и ярмарок и чеканки монеты.

Иммунитетные привилегии в IX—X вв. получили епископы-сеньоры крупных городов Северной и Средней Италии — Павии, Пьяченцы, Вероны, Падуи, Кремоны, Ареццо, Бергамо, Венеции и др. Оживление торговой и ремесленной активности многих итальянских городов, начавшееся в VIII в., неуклонно возрастало в IX—X вв. и было тесно связано с приобретением ими ряда политических и административных прав в государстве. Это отразилось и в многочисленных королевских и императорских дипломах.

Пожалования жителям тех или иных городов прав на устройство ярмарок и рынков, чеканку монеты, возведение укреплений, строительство дорог и мостов, освобождение их от уплаты ряда торговых пошлин и сборов должны были обеспечивать государям активную поддержку со стороны горожан и их сеньоров-епископов в борьбе с теми или иными крупными феодалами или феодальными группировками (на деле же возросшая мощь епископа в результате иммунитетной грамоты далеко не всегда являлась гарантией его верности жалователю: так было и в Каролингской империи, и в Итальянском королевстве, и в государстве Оттонов). Обычно иммунитетные права горожане осуществляли под контролем и главенством епископа — своего сеньора, хотя подчас такие пожалования делались непосредственно горожанам, а епископ или граф в грамоте могли и не упоминаться (ср. иммунитетный диплом 958 г. горожанам Генуи, согласно которому государственным должностным лицам запрещалось осуществлять всякие публичные функции в городе; в дипломе 945 г. за горожанами Мантуи фактически признавались суверенные права, хотя король и адресуется к епископу).

Тем не менее епископ вовсе не собирался уступать свои права и привилегии добровольно. Столкновения его с горожанами — торгово-ремесленными слоями и мелкими феодалами-вальвассорами —

2. *Папский дворец. XIII в. Витербо*

в IX—X вв.— явление весьма частое. В 879—899 гг. жители Турина изгнали из города епископа Аммоло. В 980 г. произошло первое крупное выступление горожан Милана против архиепископа. Епископа Ландульфа лишили всех прав в городе и два раза заставляли оставить Милан. Исключительно сильный размах приобрела борьба миланцев против архиепископа Ариберта в 1041—1044 гг. Горожане Пьяченцы боролись с епископом за обладание портом на реке По. В 996 г. после неудачной попытки вернуть себе общинные угодья, захваченные епископом, кремонцы разрушили крепость епископа и изгнали его из города. Выступления горожан против епископов в IX—X вв. были первыми вестниками нового движения. *которому принадлежало будущее,— борьбы за коммуну. Органы городской коммуны — общее собрание членов, особые долж-*

ностные лица — появились не вдруг, не в момент ее возникновения. В городах Италии в IX—X вв. (а подчас и еще раньше) мы встречаемся с зародышевыми формами будущего городского самоуправления. Так, франкское законодательство официально признавало участие всего городского населения в выборе епископа, скабинов, вицедоминов и других должностных лиц.

Этот порядок сохранился и в период Итальянского королевства, и при германских императорах Саксонской династии. Разумеется, к активной деятельности в выборных органах и в городских делах допускались не все горожане, а в первую очередь представители богатого купечества и ремесленников, мелкие и средние феодалы — капитаны и вальвассоры. Богатые горожане участвовали в некоторых судебных заседаниях, в розыске преступников, контроле за взиманием десятины. Как и в лангобардское время, продолжало функционировать общее собрание горожан — conventus ante ecclesiam, компетенции которого подлежали вопросы внутреннего благоустройства города — сохранение и ремонт общественных зданий, городских стен и крепостных сооружений, дорог и мостов, военная защита города и создание городского ополчения, забота о соблюдении правил относительно мер и весов, споры из-за земель, находившихся в общем пользовании (а подчас и собственности) горожан, а также принятие новых жителей в число полноправных граждан города (cittadinanza). Представители горожан (кураторы или прокураторы, экзакторы) осуществляли надзор за общинными землями, рынками и ярмарками.

Широкая раздача императорами и королями иммунитетных пожалований духовным и светским магнатам сочеталась довольно часто с успешными попытками со стороны графов и маркграфов превратить в наследственные владения свои должности и бенефиции. Уже в 877 г. Карл Лысый вынужден был признать наследственность бенефициев во всей Франкской империи, в том числе и в Италии. Рост независимости графов, епископов и других представителей духовных и светских сеньоров, все более сосредоточивавших в своих руках полноту публичных прав над подвластной территорией и ее населением, приводил к ослаблению центральной власти и тем самым к росту политической раздробленности страны. По Верденскому договору 843 г., закрепившему раздел империи Карла Великого, Италия выделилась в самостоятельное королевство, но оно существовало лишь номинально, так как в действительности в IX—X вв. страна являлась ареной ожесточенных столкновений различных феодальных группировок, как местных, так и иноземных. Уже после коронации Карла Толстого королем Италии (881 г.) королевский титул в течение почти 7 лет оспаривали правнук Людовика Благочестивого Гуго и зять Карла Лысого Бозон, находившийся под покровительством папы. В конце IX в. и в X в. постоянно со-

перничали из-за королевского титула маркграфы Ивреи и Фриуля, герцоги Сполето, поддерживаемые феодалами Бургундии и Прованса.

Воспользовавшись сложившейся ситуацией, Италией попытались завладеть арабы (сарацины) и венгры. В течение IX в. арабы заняли Сицилию, откуда стали совершать набеги на Южную Италию, а в 847 г. сожгли даже римские предместья. Сделав своим опорным пунктом Гаэту, они направлялись оттуда в Лациум и Кампанию. Арабы укрепились также на Севере, в Пьемонтских Альпах и нападали на Пьемонт, Лигурию, города Пизу и Геную.

С конца IX в. Италия подвергается нашествиям венгров. В 899 г. они вторглись во Фриуль и Венецианскую область, в 924 г.— в Ломбардию, разграбили Павию (по словам современника, в ней осталось в живых лишь 200 человек), сожгли Бергамо, Парму, Кортону, Аквилею.

В 947 г. венгры прошли через всю Италию. Лишь со второй половины X в. (после поражения венгров на реке Лехе в 955 г.) их набеги постепенно прекращаются, но теперь на Италию нападают норманны, укрепившиеся на Юге страны.

С середины X в. Северная и Средняя Италия становятся объектом новых завоеваний — начинаются «итальянские походы» германских феодалов во главе с королями. В 951 г. состоялся первый поход в Италию германского короля Оттона I. Поводом для вмешательства в итальянские дела было обращение к Оттону Адельгейды Бургундской, вдовы короля Лотаря Прованского. Маркграф Ивреи Беренгар (один из постоянных претендентов на королевский титул) хотел выдать ее замуж за своего сына и тем самым упрочить права на престол. Адельгейда воспротивилась этому браку, и Беренгар заключил ее в крепость, откуда она бежала в Каноссу и обратилась к германскому королю, считавшемуся ее опекуном, прося его, если он пожелает, жениться на ней и наказать Беренгара. Оттон с большим войском вторгся в Италию, занял Павию, короновался железной лангобардской короной, приняв титул короля лангобардов, и женился на Адельгейде. Но вскоре ему пришлось возвратиться в Германию из-за начавшегося там мятежа феодалов.

Второй поход Оттона в Италию состоялся в 961—962 гг. Оттон восстановил власть папы Иоанна XII (955—964), изгнанного римлянами, а из рук папы получил корону «Священной Римской империи». Согласно договору, заключенному между Оттоном I и папой, Оттон признавал права папы на светские владения в Италии, но верховным сеньором их провозглашался германский император. Символом подчинения папства империи являлась обязательная

присяга папы императору. Так возникла «Священная Римская империя», которая была по существу только германской империей, хотя внешне являлась как бы возродившейся империей Карла Великого. Формально в ее состав входили Германия, некоторые славянские земли, часть Южной и Юго-Восточной Франции (в первой половине XI в. было присоединено Бургундское королевство), Северная и Средняя Италия (Ломбардия, Тоскана, Сполето, вассальные Капуя и Беневенто). Однако фактически власть над Италией (как, впрочем, и над многими другими землями) имела сколько-нибудь реальное значение только тогда, когда там находились императорские войска. Каждый поход германских королей вызывал восстания местного населения.

Важнейшая причина завоевательной «итальянской политики» германских королей заключалась в стремлении подчинить многочисленные итальянские города и прибрать к рукам их богатства. Утверждение господства германских императоров над папой — главой католического духовенства — должно было обеспечить их преимущество среди других королей Западной Европы, а также упрочить их власть и авторитет среди немецких и итальянских епископов. «Священная Римская империя» являлась искусственным образованием, не имевшим ни этнических, ни экономических обоснований. Ее существование явилось значительным препятствием к объединению как Германии, так и Италии [1]. В угоду императорам папы поддержали реакционную и беспочвенную идею. Контроль германских императоров над папами сохранялся до середины XI в. В этот период многие папы фактически являлись ставленниками императора.

Стремясь укрепиться в Италии, германские императоры занимались широкими раздачами иммунитетных привилегий (дарились графства, монастыри, города и даже целые провинции) духовным и светским феодалам, часть которых им удалось привлечь на свою сторону.

Позднее, в XI в. был создан специальный аппарат императорской власти в Италии — канцлер, императорские посланцы с обширными полномочиями, пфальцграфы, ведавшие высшими судебными делами.

Итальянские походы Оттона I продолжались и после его коронации. Однако попытки захватить византийские владения (охватывавшие Юг Италии и простиравшиеся севернее Неаполя) окончились неудачей. Оттон женил своего сына (будущего Оттона II) на дочери византийского императора Цимисхия Феофане, надеясь этим путем обеспечить новые территориальные приобретения для

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 18, стр. 572.

империи. Но и Оттону II не удалось завоевать Южную Италию: в 982 г. он потерпел поражение от арабов при Кротоне (Калабрия) и умер, готовясь к новым походам. Его сын Оттон III мечтал о «великой» империи, которая охватывала бы весь христианский Запад, и проживал в Риме (центром империи он хотел видеть Италию), но ему не удалось даже расширить завоеванную итальянскую территорию. В 1001 г. после восстания в Риме Оттон III бежал из города и вскоре умер.

История Северной и Средней Италии XI—XII вв.— это становление и укрепление городских коммун, возникающих в результате острой социальной борьбы горожан с сеньорами города, чаще всего епископами, а также в ходе столкновений различных социальных группировок городского населения. Эти процессы протекали в обстановке продолжавшихся завоевательных походов германских королей (каждый новый король отправлялся в Рим за императорской короной). С середины XI в. усиливается папство, вступающее в борьбу с императорами. Отдельные итальянские города, разные прослойки класса феодалов и горожан поддерживают то императора, то папу. Накал политической и социальной борьбы возрастает.

Падение Западной Римской империи, варварские нашествия, слабая власть византийского экзарха способствовали росту политической самостоятельности римских епископов, которые уже в III—IV вв. пользовались наибольшим влиянием среди других епископов, владели значительными земельными богатствами и претендовали на особое положение в церкви. С V в. римские епископы стали именоваться папами (от греческого «паппас» — отец). Для обоснования своих притязаний на руководство церковью римское духовенство выдвинуло легенду о римских епископах как преемниках и наместниках апостола Петра, первого епископа Рима. Уже папа Лев I (440—461) добился от римских императоров издания декрета о подчинении всех епископов папскому суду и о придании решениям папы силы закона. Политическое влияние папства усилилось при Григории I (590—604), возросли материальные основы его власти.

Важной вехой на пути роста папского могущества было образование в 756 г. (при папе Стефане II) Папской области — светского государства пап. Папское государство просуществовало до 1870 г. (его остаток — современный Ватикан). Чтобы обосновать захват византийских владений, за счет которых Папское государство было создано, папство еще тогда составило подолжную грамоту — «Константинов дар», в которой говорилось, что римский императо IV в.

Константин в благодарность за исцеление его от слепоты и наставление в христианской религии подарил папе Сильвестру I власть не только над Римом, но над «всеми провинциями Италии и Запада». Свои территориальные захваты и в последующем папы пытались оправдать ссылками на этот документ.

Подчинение Италии Каролингам, в котором папы сыграли не последнюю роль, привело надолго к зависимости пап от франкских монархов.

В первой половине IX в. папство пыталось воспользоваться ослаблением центральной власти в Каролингской империи. «Лже-Исидоровы декреталии» (составлены в середине IX в. Псевдоним автора — Исидор Меркатор) проповедовали независимость духовных владык, епископов, от светских властей, а также утверждали верховенство папы над епископами. Однако конец IX и X в. стали снова периодом глубокого упадка папства, когда престол занимали креатуры различных группировок римской знати. Так, в X в. пап назначали две знатные римлянки — Феодора и ее дочь Мароция. Мароция сделала папой своего сына (под именем Иоанна XI), другой ее сын, Альберик, заключил собственного брата, папу и саму Мароцию в тюрьму; в течение 22 лет он оставался диктатором в Риме и назначал пап. Среди них был и его 16-летний сын (Иоанн XII), известный своей распущенностью. Именно из рук этого папы получил Оттон I императорскую корону. После создания «Священной Римской империи» почти 100 лет императоры фактически добивались избрания на папский престол своих кандидатов (когда же папа Иоанн XII попытался освободиться от опеки Оттона I, его предали по приказу Оттона суду церковного собора и лишили власти по обвинению в убийстве, клятвопреступлении, святотатстве и безнравственном поведении).

Оборотной стороной упадка папской власти было усиление власти епископов, архиепископов, аббатов, превращавшихся в могущественных феодальных сеньоров и нередко предававших забвению общецерковные интересы в угоду стремлению к обогащению и приобретению политического господства. «Обмирщение» церкви сильно подрывало ее авторитет среди верующих.

Движение за создание сплоченной, сильной и независимой церкви, за укрепление папской власти особенно широко развернулось в X—XI вв. Возникло оно среди монашества. Его возглавил монастырь Клюни в Бургундии, основанный в 910 г. (по его имени получило название и все движение). К концу XII в. к движению присоединились около 2 тысяч монастырей Франции, Германии, Италии, Англии и Испании. Во главе конгрегации стоял клюнийский аббат, находившийся непосредственно под властью папы. Реформированные монастыри вводили у себя суровый бенедиктинский устав,

требовавший от братии строгого аскетизма и безусловного повиновения аббату.

Эти монастыри должны были быть независимыми не только от местных епископов, но и от светских властей (хотя основателями монастырей и их аббатами очень часто становились герцоги, графы, рыцари).

Главными требованиями клюнийцев к духовенству были отказ от подчинения церкви светским государям (в этом реформаторы усматривали главную опасность для церкви), соблюдение обета безбрачия (целибата); запрещение продажи церковных должностей (симонии).

Клюнийское движение подготовило возвышение папства.

Важные шаги в деле осуществления реформы и подчинения епископов сделал папа Лев IX (1049—1054), который запрещал симонию и низлагал епископов-симониаков. Но наиболее решительные меры в этом направлении были предприняты позже — при папах Николае II (1059—1061) и Григории VII (1073—1085).

Латеранский собор 1059 г. принял закон, по которому папа избирался коллегией 12 высших церковных сановников — кардиналов — без вмешательства римской знати и императора (император сохранил лишь право последующего утверждения папы). Браки духовенства запрещались. Епископы и аббаты не должны были назначаться светскими лицами.

В итальянских городах началась острая борьба между сторонниками реформы — ремесленниками, монашеством, частью купечества, мелкими рыцарями и ее противниками — богатым духовенством и частью феодалов. Папство стремилось использовать в своих интересах патарию — движение народных низов Милана (патаренами первоначально называли торговцев старым платьем, живших на одной из улиц Милана) — против епископов и богатого духовенства. Папы искали поддержку и среди нормандских герцогов, сеньоров захваченных ими областей Южной Италии, и некоторых испанских сеньоров.

Исключительно ожесточенный характер столкновения между папой и германским императором приняли в 70-х годах XI в. из-за спора об инвеституре[2]. Право инвеституры означало право назначения на должности крупных церковных сановников — епископов и аббатов, что широко практиковалось германскими императорами начиная с Оттона I. Папы выступили с резким протестом против такой процедуры. В 1073 г. на папский престол под именем Григо-

[2] Инвеститура — акт ввода во владение землями и зависимыми людьми церковного учреждения (инвеститура скипетром) и утверждения нового главы епископства или аббатства в духовном сане (инвеститура кольцом и посохом).

рия VII вступил монах Гильдебранд, фанатичный сторонник клюнийской реформы, фактически уже почти в течение 20 лет направлявший папскую политику. Григорий VII поставил своей целью осуществить утопическую идею создания теократического государства, подчинив папской власти светских государей всего мира. В «Диктате папы» говорилось о полной независимости всех папских действий. Папа не может быть судим, сам же он в любое время может по своей воле низлагать епископов, так же как и императора, а его вассалов освобождать от клятвы сюзерену. В то же время он добивался осуществления и вполне «материальной» программы: увеличил доходы папства, упорядочив сбор десятины и установив патронат над реформированными монастырями и рядом светских владений. Папская курия получала взносы от королей Англии, Польши, Дании. Папу поддерживали некоторые представители высших слоев светских феодалов в Германии и Италии. Маркграфиня Матильда Тосканская, которой принадлежали обширные владения в Средней Италии, подарила Григорию VII Тосканское маркграфство, хотя оно было имперским леном. Папские легаты проводили в жизнь требования церковной реформы и влияли на выборы духовных князей.

В 1075 г. на Римском соборе вновь была запрещена светская инвеститура. Однако германский император Генрих IV не пожелал подчиняться папе, продолжая назначать и смещать епископов в Германии и Италии. Более того, Генрих IV низложил папу на соборе германского духовенства в Вормсе (1076 г.). Папа в свою очередь объявил об отлучении Генриха IV от церкви на соборе в Риме в том же году. По его повелению немецкие князья сместили Генриха с престола; после этого тому не оставалось ничего иного, как пытаться помириться с папой. Зимой 1077 г. с небольшой свитой Генрих IV перешел через Альпы и 3 дня босой, в одежде кающегося грешника простоял под стенами замка Каноссы, где в то время находился папа (того самого тосканского замка, откуда Адельгейда Бургундская призвала в Италию Оттона I, с чего и начались итальянские походы германских королей).

Король получил прощение, отлучение было снято; однако, вернувшись в Германию, он возобновил борьбу с Григорием VII, назначив «антипапу», а в 1084 г. получил даже в Риме корону от «своего» папы. Григорий VII призвал на помощь норманнов, которые вошли в Рим и подвергли его страшному опустошению. Григорий VII вскоре умер на Юге, куда он бежал вместе с норманскими отрядами. В 1122 г. был заключен компромиссный Вормсский конкордат: в Германии за императором оставалось право светской инвеституры (передача скипетра) епископов, избранных духовенством (в присутствии императора); в Италии же император не мог влиять на выборы, и духовная инвеститура (передача кольца и по-

соха) здесь предшествовала светской (последняя имела место через 6 месяцев после выборов епископов и осуществлялась императором или его посланцем). Вормсский конкордат не решил спорных проблем между империей и папством, хотя и усилил власть папы над епископами (в первую очередь в Италии).

Итальянские походы германских императоров продолжались еще более 200 лет. Особого напряжения достигла борьба городов Северной и Центральной Италии против Фридриха Барбароссы (1152—1190), поставившего целью полностью лишить их самостоятельности и подчинить своей власти.

Длительные столкновения между империей и папством, многочисленные завоевательные походы германских императоров в Италию повлекли за собой большие бедствия для страны и ее населения, содействовали ее экономическому и политическому раздроблению. «„Культуркампф" императора против папы в средние века привел к раздроблению и Германии, и Италии» [3].

Процесс феодализации Италии достиг заметных успехов уже к концу VIII в.

В IX—X вв. феодальные отношения развивались весьма быстро и интенсивно. Что было общего и особенного в феодальном развитии Италии по сравнению с другими странами Западной Европы, что следует считать специфическими чертами итальянского феодализма, присущими именно Италии?

Вопрос этот сложный и трудный, и ответить на него можно, лишь проанализировав все стороны экономики, социальной, политической и идеологической жизни Италии феодальной эпохи. Задача настоящей главы — выявить некоторые особенности феодального развития Северной и Средней Италии [3а] в IX—XIV вв. в аграрной сфере.

«Исключительное развитие городов, сохранившихся по большей части еще от римской эпохи» [3б], обусловило специфику истории страны на протяжении всего средневековья. Жизнь итальянской деревни невозможно изучать в отрыве от истории города. Но в то же

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 18, стр. 572.

[3а] Истории Южной Италии, весьма сильно отличавшейся от развития Северной и Центральной части страны, посвящена особая глава (см. ниже, гл. III).

[3б] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 365; т. 23, стр. 728.

время и собственно городское развитие нельзя во многом понять, не уделив должного внимания исследованию аграрного строя. Город был тесно связан с сельской округой: окрестные крестьяне доставляли горожанам хлеб и вино, сыр и мясо, оливковое масло, шерсть и лен. Существенную часть городского бюджета составляли налоговые поступления из контадо и дистретто[3в]. Работниками городских ремесленных мастерских, мануфактур и торговых заведений становились тысячи жителей деревень и мелких городов. Гражданство города приобретали феодалы, которых переселяться в города нередко заставляла сама коммуна. А одновременно с этим горожане и городская коммуна приобретали в округе обширные земельные комплексы с зависимыми крестьянами-держателями. В наибольшей степени это взаимовлияние и взаимодействие сельской и городской истории сказалось в Италии в XI—XIV вв.

Но и в более ранний период — в IX—X вв.— многое в экономической и социальной жизни страны останется непонятным, если рассматривать город и деревню изолированно друг от друга.

Укрывшиеся за мощными стенами процветающие городские коммуны, мелкие укрепленные поселения — городки и села, расположенные на сотнях холмов и горных склонов феодальные замки среди пахотных полей, перемежающихся виноградниками или окруженных ими, оливковыми рощами, лугами и лесными массивами,— все это составляло неотъемлемую часть пейзажа средневековой Италии.

Своеобразен ее рельеф — горы и предгорья занимают $^3/_4$ территории страны. Помимо Паданской равнины и тосканской Мареммы, в Северной и Средней Италии отсутствуют сколько-нибудь большие низменности. Отдельные участки их есть по берегам рек Арно, Омброне и др.

Теплый и мягкий средиземноморский климат на большей части территории с жарким и сухим летом и дождливыми осенне-зимними месяцами, бурые и коричневые почвы благоприятствуют разведению винограда, оливок, многочисленных сортов плодовых деревьев, а также озимых зерновых культур. Более холодный и континентальный климат Паданской равнины, альпийских склонов и Апеннинских хребтов обусловливает специфику сельскохозяйственного производства этих районов.

Виноградники и фруктовые деревья на Паданской равнине высаживались, как правило, в зоне альпийских озер, а остальная ее

[3в] Контадо (итальян. contado) — сельская округа города. Дистретто (итальян. distretto, лат. districtus) — более или менее обширная территория, принадлежавшая какому-либо городу. В ее состав входили подчиненные данному городу-метрополии другие (обычно менее крупные) города со своими сельскими округами (contado).

часть была обычно занята пропашными, зерновыми и бобовыми культурами (особенно, центр и северо-восток), а также лугами, пастбищами и лесами. Скот пасли повсюду — и в предгорьях, и на горных склонах Альп и Апеннин. В Тоскане пастбищами служили довольно обширные пространства Мареммы (заболоченных земель).

Разведение зерновых культур и виноградарство — вот те отрасли сельского хозяйства, которые получили наибольшее развитие в IX—XIV вв. и где происходила прежде всего интенсификация производства. Из зерновых чаще культивировалась пшеница (твердых сортов, наиболее пригодная к средиземноморским почвам), затем рожь (особенно в Северной Италии IX—XI вв.), полба, просо разных видов (в том числе так называемое итальянское просо), ячмень, сорго, овес. Климатические условия Средней Италии (жаркое и сухое лето) не благоприятствовали выращиванию яровых культур.

Зерновые, как правило, были озимыми. Их сеяли в сентябре-октябре, а убирали в июне-июле. В Северной Италии высевались как озимые, так и яровые зерновые культуры. К последним относились пшеница, полба, овес, просо, сорго. Их сеяли в феврале-марте, урожай снимали в июне — начале июля. В поземельных грамотах нередко речь идет о «большом» и «малом», «зимнем» и «летнем» урожае зерновых, «мартовских полях», о доставке пшеницы нового урожая сеньору в июле или в августе.

§ 358 Эдикта Ротари дает основание для вывода, что в лангобардскую эпоху наблюдалось трехполье с принудительным севооборотом и пастьбой по пожне и пару.

В грамотах IX—XIII вв. прямых свидетельств о системе севооборота не содержится. По ряду косвенных данных (существование яровых культур и пара) можно предположить, что на Паданской равнине существовало трехполье. В Средней Италии, очевидно, имело место двухполье, но в XIII—XIV вв. (как, впрочем, и в Северной Италии) оно постепенно уступало место чередованию зерновых и бобовых культур: последние высевались в поле вперемежку с зерновыми и занимали земли, прежде предназначавшиеся для пара.

Для средневековья это была прогрессивная форма севооборота, хотя в Италии она получила значительное распространение в передовых хозяйствах уже во времена Римской республики.

Существовали ли в Северной и Средней Италии IX—XIII вв. принудительный севооборот и «открытые поля»? В равнинных областях Севера в IX—XIII вв. пахотные поля нередко располагались более или менее компактно, не перемежались виноградниками, огородами и садами и не обносились каменными стенками. Границами между участками там служили небольшие рвы, невысокий терновник, деревянные колья, камни, которые легко могли быть убраны

после уборки урожая и не мешали выпасу на них скота, принадлежащего общинникам.

В статутах сельских коммун Северной Италии XIII—XIV вв. встречаются предписания о том, что никто не должен чинить препятствия (в случае нарушения взимается штраф) выпасу скота на чужом сжатом поле после уборки урожая, на пару или же на лугах, принадлежащих отдельным членам коммуны, после уборки сена.

В Средней Италии участки пашни отдельных собственников обычно располагались рядом с виноградниками и садами и обносились оградой, чаще всего из камня, плодовые деревья могли высаживаться и по краям поля, и в междурядьях посевов. В результате возможности пастьбы скота по пожне или пару (последний обычно был занят какими-либо — как правило, бобовыми — культурами) здесь были почти сведены на нет. Впрочем, даже в упомянутом § 358 Эдикта Ротари говорится и об огороженных участках, не подчиняющихся системе принудительного севооборота.

Не случайно статуты сельских коммун Средней Италии XIII—XIV вв. устанавливают лишь менее высокий штраф за допуск скота соседей на сжатое поле по сравнению со штрафом за потраву засеянных участков.

Система землепользования в XIV в. изменялась и в Северной Италии, сокращались общинные земли и исчезали «открытые поля».

Единые сроки начала и окончания покоса трав, сбора винограда, желудей и каштанов довольно часто указываются в городских и сельских статутах как Северной, так и Средней Италии. Однако коммуны Средней Италии обычно этим и ограничиваются; на Севере же коммуны не разрешали порой земледельцам без позволения должностных лиц менять порядок сева тех или иных культур (вместо озимых сеять яровые и т. п.), так как иначе нарушился бы единый севооборот на всей территории коммуны (это значит, что еще в той или иной степени он существовал)[4].

[4] G. *Merlini*. Le regioni agrarie in Italia. Saggio di geografia agraria. Bologna, 1948; *E. Sereni*. Storia del paisaggio agrario italiano. Bari, 1961; Agricoltura e mondo rurale in Occidente nell'alto Medioevo.— «Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto Medioevo». Spoleto, 1966: *F. Gabotto*. D'agricoltura nella regione saluzzese dal secolo XI al XV. Torino, 1901 («Bibliotheca della società subalpina», vol. 15); *C. Bertagnolli* Delle vicende dell'agricoltura in Italia. Firenze, 1881; *C. Sardi*. Le contrattazioni agrarie nel Medioevo, studiate sui documenti lucchesi. Lucca, 1914; *P. J. Jones*. Per la storia agraria italiana nel Medioevo. Lineamenti e problemi.— «Rivista storica italiana», 1964, fasc. II; *R. Endres*. Das Kirchengut im Bistum Lucca vom 8. bis 10. Jahrhundert.— «Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», Bd. 14. 1918; *А. И. Неусыхин*. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956, стр. 234—235; *В. В. Самаркин*. Эволюция хо-

В определении сельской коммуной в XIII—XIV вв. (так же как нередко и городской) сроков проведения некоторых видов сельскохозяйственных работ следует, думается, в первую очередь видеть не свидетельство о наличии принудительного севооборота, а стремление предотвратить конкуренцию между членами коммуны, подобно тому как цеховые статуты запрещали работы в праздники и ночные часы. Городская же коммуна подобными предписаниями пыталась регулировать поступление в город продовольствия из округи и вместе с этим оградить интересы городских торговцев от возможных конкурентов из округи.

Какова была агротехника в изучаемый период и претерпела ли она какие-либо заметные изменения по сравнению с римской? Свидетельств источников на этот счет очень немного, и они не дают оснований для вывода о каком-либо существенном прогрессе средневековой Италии в области техники сельского хозяйства по сравнению с римским периодом. Из широко известного трактата «О выгодах сельского хозяйства» (1305 г.), принадлежащего перу болонского судьи Пьетро ди Крешенци, основывавшегося как на трудах римских писателей, так и на хозяйственной практике в его собственных владениях, можно сделать вывод о том, что римские традиции в земледелии продолжали господствовать еще и в это время; мало того, после варварских нашествий и разрушений римский уровень был достигнут далеко не сразу и не везде.

Для обработки земли под пропашные культуры применялся легкий плуг с резаком, лемехом, грядилем и рукояткой, а также двумя дощечками для заделки семян, брошенных в землю. В плуг обычно запрягалась пара волов, но их имели далеко не все крестьянские хозяйства. Подчас пахали на мулах и даже на ослах и коровах; иногда в упряжку впрягали коня и вола.

Пьетро де Крешенци известен и тяжелый колесный плуг, запрягаемый двумя парами волов. Очевидно, с его помощью переворачивали тяжелые пласты земли. Но в грамотах XIII—XIV вв. прямых упоминаний о тяжелом плуге мы не встречаем, есть лишь свидетельства о двух парах волов, обрабатывавших довольно крупные земельные комплексы, сданные в испольную аренду.

Плуг, особенно железный лемех и нож, был дорогостоящим орудием и его мог иметь не каждый крестьянин.

Крестьяне, не имевшие плуга, вскапывали землю мотыгой или заступом. После посева поля боронили — бороной или мотыгой. Вспашка под будущие посевы, как правило, производилась не менее двух или трех раз. В XIII—XIV вв. городские статуты иной

зяйственных распорядков Падуанской деревни в XII—XIV веках — «Вестник МГУ», история, № 6, 1966, *М. Е. Сергеенко.* Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.— Л., 1958.

раз требовали от арендаторов производить четырехкратную вспашку под зерновые культуры. Так, статут Имолы 1334 г. предписывал: «каждый арендатор, который берет земли в аренду под обработку, должен четыре раза вспахать их до посева, и при пятом возделывании засеять, и до августовских календ засыпать все рвы до краев, протроить и прочетвертить [землю] за свой счет».

Посевы удобрялись чаще всего навозом. Порой источники XIII—XIV вв. упоминают зеленое удобрение — лупин. О вывозе навоза на поля говорится и в документах IX—XII вв., но особенно детальные предписания по этому поводу содержатся в испольных контрактах XIII—XIV вв., где указывается нередко точное количество возов, которые испольщик должен вывезти на поле или оставить в хлеву для использования новым арендатором.

Стойловое содержание скота благоприятствовало применению навоза в качестве удобрения и тем самым повышению урожайности. Однако оно имело место вовсе не так часто. Нехватка кормов для скота (почти единственным видом его зимой порой являлась солома) приводила к тому, что в помещениях зимовал лишь рабочий скот, и то так было не везде. Мелкий рогатый скот, свиньи паслись на лугах, пустошах, в лесах, а также на пашне после снятия урожая.

Подобная мера являлась вынужденной. На землях, где выращивались фруктовые деревья, время возможного выпаса ограничивалось обычно зимой. Весной поля были «закрыты», и скот пасся в лесу и на необработанных землях. Жатва производилась вручную серпами (но могла применяться и галльская жнейка), колоски срезались очень высоко, как и в античной Италии, чтобы оставить достаточно соломы.

Молотьба велась вручную цепами или с помощью лошадей. Волы, вероятно, использовались для подвоза снопов с поля к гумну. Гумно могло быть и в крестьянском хозяйстве, но порой зависимые держатели были обязаны привозить снопы на господский ток для обмолота.

Водяные мельницы получили широкое распространение еще с раннего средневековья, а в начале XIII в. появились первые ветряные мельницы. Урожай зерновых в раннее средневековье — до XI в. составлял приблизительно сам-один — сам-пять, т. е. был не выше, чем в римской Италии, где он составлял в среднем сам-четыре. Однако в XIII—XIV вв. урожайность значительно возросла, порой до сам-восьми — сам-десяти, а иногда достигала и сам-двенадцати.

Прогресс в агрикультуре зерновых в XIII и особенно в XIV в. выражался не только и не столько в улучшении способов обработки почвы, но во все большей замене менее ценных и весьма распространенных в раннее средневековье культур — ржи, овса (на севере), ячменя — более ценной пшеницей.

3. *Бенедетто Антелами. Интерьер баптистерия: Февраль. Мотыжение. XIII в. Парма*

И все же в XIII—XIV вв. в Северной и Средней Италии собственной пшеницы еще не хватало. Ее приходилось ввозить с Юга — из Сицилии, Апулии и Калабрии, а частично и из Мареммы.

Довольно высокого уровня агротехнической культуры достигло виноградарство. В Северной и Средней Италии существовали два типа виноградников: vinea, в которых лозы привязывались к ивовым и тростниковым прутьям и располагались шпалерами, и arbustum, где виноградные лозы вились по деревьям. В промежутках между лозами могли высеваться злаки и другие культуры. В грамотах обычно фигурируют vinea, но иногда источники упоминают и arbustum (например статуты Флоренции XIV в.). Вероятно. arbusta не получили столь же широкого распространения, как vinea, в этих

областях Италии. Документы детально описывают разные виды работ, которые обязаны выполнять на виноградниках крестьянедержатели и арендаторы. Ежегодно (или даже до 3—4 раз в год) надо было очищать от травы участок, мотыжить — взрыхлять землю у корня, а также унаваживать ее. Большого труда требовали подвязка лоз к кольям, обрезка лоз, обрывание засохших листьев, размножение винограда черенками.

Давили виноград на прессах и ногами, выжимая три раза. Давильни и бочки, в которых хранился виноградный сок, имелись повсюду в крестьянских хозяйствах. Сеньор или его представители могли присутствовать во время приготовления вина и следить за тем, чтобы в вино не добавлялась вода, а виноград «как следует» выжимали. Существовали два вида приготовления вина: смешение виноградного сока с выжимками и закисание сока. В источниках IX—XII вв. обычно не различаются какие-либо сорта винограда. В XIII—XIV вв. не только в сельскохозяйственных трактатах, но и в городских и сельских статутах и поземельных грамотах можно встретить упоминания о самых разнообразных сортах винограда: белом и черном, мускате, греческом и др.

Но чаще всего в грамотах выделяются лишь «хорошее вино» (bonum, purum), молодое вино и выжимки (musto, mostariolo). Последние чаще потреблялись крестьянами, которые «хорошее вино» отдавали сеньору.

Сбор урожая допускался в строго определенные, записанные в статутах сроки — обычно не ранее праздника св. Михаила в сентябре. Виноградарство получило широкое распространение в Северной и особенно в Средней Италии. Многие грамоты свидетельствуют о том, что в XI—XIV вв. пустоши и заброшенные земли, расчищенные от кустарников пространства, а порой даже пашни превращались в виноградники. Насадить на участке виноградник и через 5—7 лет получить урожай было одним из обычных обязательств либеллярия и эмфитевта[5], немалое место предписания об уходе за виноградниками занимали в договорах медзадрии (испольщины). Но виноградники имелись и в хозяйствах крепостных крестьян — сервов и колонов. Много сажали и оливковых деревьев, нередко в междурядьях или по краям посевов пропашных культур. Изобретение в позднее средневековье пресса для выжимания оливок способствовало развитию этой важной для Италии отрасли сельского хозяйства. Все более широкое распространение получали яблони, груши, сливы, вишни, персиковые, фиговые деревья, а также цитрусовые.

[5] Эмфитевсис — вечнонаследственная аренда за сравнительно небольшой денежный или натуральный чинш.

В составе оброков весьма часто встречались также каштаны (свежие или высушенные, толченые и вареные — разных сортов) и реже — орехи.

Известна была и прививка каштанов. Свиньи, которые паслись в лесах, питались обычно желудями. Интенсификация сельскохозяйственного производства и большой удельный вес интенсивных культур составляли отличительную черту агрикультуры Италии эпохи коммун.

Местный шелк-сырец, вероятно, появился в Южной Италии уже в X в. В Средней Италии о разведении шелковицы и гусениц тутового шелкопряда мы узнаем из грамот XIII в. Но и тогда еще рано говорить о сколько-нибудь широкой замене здесь привозного сырья местным. Уже отмечалась важная роль бобовых растений в системе севооборота. Бобы, фасоль, горох, чечевица занимали немалое место и в питании. Значительную роль в хозяйстве (особенно на Севере) играли технические культуры: лен и конопля. Главными центрами производства льна являлись области Падуи, Болоньи, Пьемонта, а конопли — Феррары и Болоньи.

Не только в трактате Пьетро де Крешенци, но и в грамотах XII—XIV вв. можно встретить упоминания о разнообразных видах овощей: лука-порея, чеснока, капусты, репы, шпината, сельдерея, латука, а также бахчевых культур: дыни, тыквы, арбузов и др.

Огороды имелись во многих крестьянских хозяйствах. Каждый член сельской коммуны, согласно статуту, был обязан развести огород на своем приусадебном участке.

В Северной и Средней Италии этого времени важное значение приобретала мелиорация. Всю Ломбардскую равнину перерезали большие и малые каналы и отходившие от них канавки, пересекавшие сады, виноградники и пахотные поля, а иногда служившие и границами участков. Устройству и поддержанию в порядке мелиоративных сооружений посвящены многочисленные параграфы городских и сельских статутов XIII—XIV вв. Мелиорация имела огромное значение и для заболоченных областей Мареммы. С целью осушения болот и использования этой территории под зерновые культуры в Сиене создали особую компанию.

Основными областями, где разводился рогатый скот — быки, коровы, буйволы,— были Ломбардия, Эмилия, предальпийские районы. Как уже отмечалось, повсеместно применялись в сельском хозяйстве ослы и мулы. Овцы и козы имелись повсюду, особенно в предгорьях и горных районах Центральной Италии. Широкое распространение получило сыроварение. Развитием коневодства особенно славилась Ломбардия, откуда кони даже экспортировались. Но лошади еще главным образом использовались в военном деле, хотя известно о применении их в XIV в. на севе, при бороновании и молотьбе.

Разводили также кур, гусей, голубей, пчел. В огромных водных пространствах ломбардских озер водилось много рыбы. Только 10 крепостных монастыря св. Юлии в Брешии в X в. должны были ежегодно поставлять 1200 крупных рыб с озера Изео. Немало рыбы вылавливали в заболоченных протоках и речках Мареммы. Рогатый скот был мелкий и использовался больше всего как рабочий скот («рыжая порода»). Молочный и мясной скот в сравнительно небольших количествах чаще всего разводился в непосредственной близости от городов. Широкое развитие мелиорации в Ломбардии и Пьемонте привело к тому, что с начала XIII в. там изменялся аграрный пейзаж: пашни и виноградники сменили пашни и луга, на которых выращивались фуражные культуры. Мясное и молочное скотоводство постепенно приходило на смену овцеводству. К концу средних веков появились новые типы рогатого скота в Парме и Ферраре; сыр «Пармиданский», ломбардское масло, свиньи и рогатый скот вывозились не только на внутриитальянские рынки, но и за границу.

Чем питались итальянские крестьяне и каковы были их жилища? Несмотря на то, что пшеница в Северной и Средней Италии XIII—XIV вв. снова стала ведущей культурой среди хлебных злаков, основным потребителем ее оставалось городское население. Повседневную пищу крестьян составляли пшено, сваренное в молоке, и ржаные или ячменные лепешки, смешанные с пшеничной мукой; из мяса же — свинина или баранина.

Преобладающим типом крестьянского жилища был деревянный дом с островерхой крышей из соломы, тростника или черепицы (casa, capanna). Нередко встречались и дома удлиненной формы, разделенные на несколько частей, в каждой из которых жили отдельные семьи. В крестьянских домах, как правило, отсутствовали печи. Господская усадьба (sala) обычно с каменным домом, нередко оштукатуренным, и хозяйственными постройками (амбаром, погребом для хранения различных продуктов, хлевом и загоном для скота, сеновалом, давильней), а также усадьбой и разного рода примыкающими к ней землями окружалась рвом и каменными стенами и подчас представляла собой укрепленный замок (castrum, castellum). Иногда крестьянин-держатель мог жить в хозяйском доме.

*

Как и в других странах Западной Европы, в Италии на протяжении всего средневековья большую роль в жизни крестьянства играли ассоциации экономического и политического характера — общины и сельские коммуны.

Проблема эволюции средневековой общины в Италии принадлежит к числу тем, которые продолжают оставаться предметом

дискуссии и по сегодняшний день. Лучше всего изучены итальянские сельские коммуны — высшая стадия в развитии общины. Многочисленна и продолжает расти литература, посвященная их политической, административной, в меньшей мере — социальной истории[6]. До последнего времени разрабатывалась очень слабо экономическая сторона деятельности коммун. Остается много неясностей и в вопросе о происхождении сельских коммун, преемственности между общинными организациями более раннего времени (VIII—XII вв.) и сельской коммуной. Многие итальянские историки подвергают сомнению само существование общины как экономической и административной организации в Северной и Средней Италии в период до образования сельских коммун. Предшественников сельских коммун искали в римских pagi и vici, владевших общинными угодьями (Дж. Боньетти, А. Кеккини, Г. Роза, П. Силантини, А. Сольми, Дж. Менгоцци и др.), объединениях сельского населения в приходах (Д. Пальмонери), созданных германским императором организациях лиц, непосредственно подчиненных ему и поселившихся в особых военно-административных округах — arimannia (Ф. Шнейдер), ассоциациях светских лиц и клириков, преследовавших «благочестивые цели» (Дж. Вольпе), и т. д. В действительности же важно ведь в первую очередь не то, наследником какого юридического института стала сельская коммуна: те или иные коммуны могли возникнуть на месте римских pagi и vici, в округе приходской церкви, из arimannia, в укрепленных поселениях — castri. Примеры такого рода можно привести в большом количестве, но ни один из этих путей нельзя распространить на все коммуны. Более существенно другое: можно ли обнаружить в Италии IX—XII вв. крестьянские коллективы, которые имели какие-либо близкие и родственные

[6] *R. Caggese.* Classi e comuni rurali nel medio evo italiano, vol. 1—2. Firenze, 1907—1909; *A. Sorbelli.* Il comune rurale dell' Appenino emiliano nel secolo XIV e XV. Bologna. 1910; *G. Bognetti.* Sulle origini dei comuni rurali del Medio evo. Pavia, 1926; *A. Checchini.* Comuni rurali padovani.— «Nuovo Archivio Veneto», N. S., v. 18, 1909; *P. Santini.* I comuni di Valle del Medio evo. La costituzione federale del Frignano (Dalla origine all autonomia politica). Milano, 1960; *idem.* I comuni di Pieve nel medioevo italiano. Contributo alla storia dei comuni rurali. Milano, 1964; *Е. В. Бернадская.* Из истории сельских коммун Моденской провинции.— СВ, XIV, 1959, *Л. М. Брагина.* Сельские коммуны Северо-Восточной Италии и подчинение их городу в XIII—XIV вв.— СВ, VII, 1955; *ее же.* Общинное землевладение в Северо-Восточной Италии XIII—XIV вв.— СВ, XII, 1958; *Л. А. Котельникова.* О формах общинной организации североитальянского крестьянства в IX—XII вв. — СВ, XVII, 1960; *ее же.* Некоторые проблемы социально-экономической истории сельских коммун в Средней Италии XIII—XIV вв.— Сб. «Из истории трудящихся масс Италии». М., 1959.

черты с последующими сельскими коммунами в главных проявлениях их деятельности; родственна ли социально-экономическая и административная природа сельских коммун предшествовавшим им крестьянским объединениям?

Наличие в лангобардский период общины-марки, регулировавшей хозяйственные взаимоотношения между соседями, а также выполнявшей некоторые административные функции, убедительно доказал в свое время А. И. Неусыхин[7]. Но сохранилась ли община в последующие века — в IX—XII, когда в Северной и Средней Италии интенсивно проходил процесс феодализации и большие массы земель, в том числе и неподеленных угодий, переходили в руки светских и церковных феодалов и разбогатевших общинников? Может быть (такого взгляда придерживаются многие итальянские историки), источники сообщают нам лишь об остатках прежних общинных земель, принадлежавших римским муниципиям, а коллектива, который являлся бы экономической и административной ассоциацией, в этот период уже не было?

Однако в источниках IX—XII вв. мы можем обнаружить не только довольно широкий круг земель, находящихся в коллективном пользовании — луга, леса, пастбища, а иногда и пашни,— но и коллективы совладельцев этими землями — от consorteria, насчитывавших порой несколько десятков consortes, до ассоциаций жителей целого поселения — деревни или укрепленного пункта. Эти крестьянские в своей основе, хотя в их состав могли входить и некрестьяне, организации и владеют сообща угодьями, а иной раз и пашнями, продают их и обменивают, дарят и приобретают в свою собственность или же добиваются тех или иных прав пользования ими при сохранении прав собственности у светских и духовных феодалов.

Так, в 70-х годах X в. община Веллате получила от своего сеньора — Миланского архиепископа — право пасти скот на лугах в определенных местах, за исключением времени, необходимого для созревания трав. Видимо, эти луга были поделены между жителями общины. Установление общего для всех жителей срока, когда разрешалось начать пастьбу скота, можно понимать как свидетельство существования принудительного выпаса на этих лугах.

Из грамот середины XII в. видно, что та же община Веллате имела в собственности лес в Черрето, использовавшийся как пастбище, луга, которые она по своему желанию могла распахать, и другие земли[8].

[7] *А. И. Неусыхин*. Указ. соч., стр. 234—235. см. также выше, стр. 51, 52.
[8] *C. Manaresi*. Atti del comune di Milano fino al anno 1216 (далее — AM). Milano, 1919, № 28 (1153 г.); *G. Bognetti*. Op. cit., App., p. XXI—XXII.

Община Ангиари (округа Ареццо) в конце XII в. была собственником виллы Монтионе, а также ряда земельных участков. Из статута Ангиари начала XIII в. следует, что отдельные земли, являвшиеся ее собственностью, коммуна теперь уже передает в держание своим членам. В городе Ареццо ей принадлежат дома и приусадебные участки, продажа которых может быть разрешена лишь приором монастыря Камальдоли, верховным сеньором Ангиари, и 12 представителями коммуны, избранными приором и Советом коммуны.

Консулы Ангиари могли устанавливать границы отдельных земельных участков, предписывать порядок их использования, рассматривали поземельные споры и тяжбы по поводу разного рода держаний (например, либеллярных) [9].

Права на угодья были очень различны у разных общин Северной и Центральной Италии. Некоторым из них приходилось довольствоваться лишь пользованием лугом или пастбищем, верховная собственность оставалась у сеньора. Многие десятилетия продолжалась упорная борьба крестьян за общинные угодья, необходимую принадлежность хозяйства средневекового крестьянина, вплоть до открытого неповиновения сеньорам. Около 100 лет продолжались споры и тяжбы жителей общин Лемонте, Чивенны и Белладжо с Миланским архиепископом. Арбитрами в споре выступали император Оттон III и городские власти Комо. В результате крестьянам этих поселений удалось добиться определенных прав на общинные земли [10].

О принципах пользования угодьями известно лишь то, что нередко часть их была поделена между жителями деревни (но неизвестно — поровну или нет; скорее всего, уже не поровну) и находилась в их длительном владении; порой часть общинных угодий сдавалась в держание на сторону или, наоборот, являлась держанием от светского или духовного феодала. Но всегда при этом община стремилась сохранить на них верховную собственность, пытаясь установить принудительный выпас скота после сенокоса и до посева трав, превращая подчас пастбища в пашню, и т. п.

Все эти факты. как и многие другие, свидетельствуют о том, что в Северной и Средней Италии IX—XII вв. существовали крестьянские объединения, обладавшие хозяйственными функциями в отношении принадлежавших им земель. До конца XI в. они обычно назывались vicinia, vicinancia, с конца XI в. все чаще —

[9] Gli statuti del comune di Anghiari nel sec. XIII, a cura di M. Modigliani. — «Archivio storico italiano», vol. V, ser. 4, 1880 (далее — St. Anghiari), rubr. 2. 9. 16. 17, 23, 41—42, 86.

[10] *C. Bognetti*. Op. cit., App., p. XXIII, XXXII.

comune. Да и права общин на угодья значительно выросли к тому времени по сравнению с IX—X вв.

Община IX—XII вв. была не только экономической, но и административной организацией крестьянства. Особые должностные лица (консулы, ректоры, деканы синдики, виллики, салтарии, кампарии), изабранные самими жителями деревни, но утвержденные, как правило, светскими и духовными сеньорами, а позднее — городами, исполняли самые разнообразные административные, хозяйственные и порой судебные функции. Правители общин представляли их интересы перед императором, в городской судебной курии, перед феодалом — верховным сеньором общины. Различные земельные сделки, заключение соглашений с городами и феодалами, возбуждение судебных исков, а иногда и разбор их в суде, распределение платежей между общинниками обычно происходили с согласия значительной части членов общины, а нередко и в присутствии многих из них. На собрании общины решались многие важные вопросы ее внутренней жизни, и прежде всего судьба земель, находившихся в ее коллективной собственности или пользовании.

Так же как и в экономической области, административно-судебные права общин очень сильно варьировали не только от Севера Италии к ее Центру, но подчас и в соседних коммунах. Рост этих прав особенно заметен с конца XI и в XII в.

В 882 г. интересы крестьян Лемонте и Чивенны, отказывавшихся признавать себя сервами и нести сервильные повинности, на суде отстаивали виллик и магистр.

К концу XII в. своих должностных лиц — консулов, выступавших от ее имени в спорах с миланским монастырем св. Амвросия, имела Белладжо, уже именовавшаяся коммуной. Деканы коммуны Ленно (вблизи озера Комо) в конце XII в. передавали в держание и продавали ее луга и пастбища[11]. От имени общины Веллате тяжбу с Миланским архиепископом из-за земельных владений вели консулы. Жители коммун Линате и Черглате в Миланской округе сами избирали должностных лиц — консулов и кампариев[12].

Итак, итальянская община IX—XII вв. существовала как экономическая и административная ассоциация, но было бы ошибочным преувеличивать роль и степень ее самостоятельности. Она значительно отличалась от классической германской марки, описанной Ф. Энгельсом[13].

Члены общины, как правило, уже не имели равных земельных наделов и равных прав в пользовании общинными угодьями и все

[11] *G. Bognetti*. Op. cit., App., p. XXXIII, XXVIII, XXXII.

[12] AM, № 21 (1150 г.), № 28 (1153 г.).

[13] См. *К. Маркс, Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 19, стр. 327—345.

чаще лишались участия в законодательстве и судопроизводстве в общине. Среди них наблюдалось значительное имущественное неравенство, все бо́льшие по размерам земельные участки (в том числе и общинные угодья) сосредоточивались во владении зажиточных крестьян. Им же принадлежали и многие должности в общинном управлении. В общину интенсивно проникали духовные и светские феодалы, а с XI в. — горожане, которые прибирали к рукам не только земли, находившиеся в частном владении крестьян, но и общинные угодья, а затем подчас становились верховными сеньорами общины.

Слабость общины в Северной и Средней Италии IX—XII вв. обусловливалась многовековым существованием римской частной собственности, которую не уничтожило лангобардское завоевание.

Как бы то ни было, сельская коммуна имела своего предшественника в лице ранней общины. И все же это не означает, что сельская коммуна явилась простым продолжением ранней общины и что каждой данной коммуне предшествовала община. Конечно, подобные случаи имели место. Так, есть возможность проследить становление из общин таких сельских коммун, как Веллате, Белладжо (Миланская округа), Ангиари (округа Ареццо), Сакко (Падуанская округа): в конце XII в. они уже именуются «коммунами», имеют своих должностных лиц — консулов, прокураторов, мариков и др. и соответствующие права.

Но о многих коммунах известно лишь то, что одно-два столетия назад на их месте было укрепленное поселение, принадлежавшее какому-либо сеньору; здесь постепенно сформировалась самоуправляющаяся организация — коммуна со своими должностными лицами, правда, обычно сохранявшая в той или иной степени зависимость от прежнего (или другого) светского либо церковного феодала или же от близлежащего города. Показательна история коммуны Гамбасси (округа Флоренции). В 1382—1387 гг., когда был составлен ее статут, она являлась федерацией трех более мелких коммун и подчинялась Флоренции. В то же время на нее продолжал предъявлять права епископ Вольтерры, который прежде (с начала XII в.) являлся ее сеньором. Первое известное нам упоминание о Гамбасси относится к 1037 г., когда она принадлежала светским феодалам (из фамилии Кадолинги). В 1183 г. в Гамбасси уже существовали должностные лица — консулы, но верховная власть над коммуной и тогда находилась у епископа Вольтерры. От 1209 г. до нас дошла клятва жителей Гамбасси епископу, которую можно рассматривать как своеобразный зародыш статута сельской коммуны. Во главе коммуны стояли ректор и Совет, которые разрешали все споры и конфликты, гражданские и уголовные дела как внутри коммуны, так и в случае возникновения каких-либо недоразумений с епископом Вольтерры. Ректор и Совет вводили

новые налоги и повинности и следили за их выполнением членами коммуны [14].

В конце XIV в. (статут 1398 г.) коммуна Сан-Пьеро ин Меркато была федерацией 52 мелких коммун и подчинялась Флоренции. Впервые же она упоминается в дипломе Карла Великого как королевское поместье (curte imperiale). В XI в. сеньором и собственником Сан-Пьеро стало епископство Флоренции, в XII в.— феодальная фамилия Макиавелли.

Подобных примеров формирования сельских коммун к XIII—XIV вв. можно привести множество. Таким образом, если по отношению к одним сельским коммунам можно сказать, что они — вершина в развитии общины так называемого «первичного образования», то другие коммуны (их, очевидно, большинство) были общинными организациями «вторичного образования», возникшими на новом этапе развития страны, в период расцвета городов и личного освобождения крестьянства. Община как таковая в Северной и Средней Италии не исчезла вовсе в процессе феодализации, но она сохранила свои функции и сферу влияния в гораздо меньшей степени, чем в других странах Западной Европы, и не смогла стать в сколько-нибудь значительной мере основой нового типа общины — сельской коммуны.

В чем же «новизна» сельской коммуны, что отличает ее от ранних общинных объединений в Италии? Прежде всего — собственность (реже — владение) на определенную категорию земель: лесов, пастбищ, иной раз лугов, виноградников и пашен. Дом, приусадебный участок, сад, виноградник и пахотное поле находились в частном владении члена коммуны, нередко обносились изгородью, и всякая попытка нарушения их неприкосновенности рассматривалась как покушение на частную собственность (но обычно, по крайней мере пашня и виноградник, не являлись в действительности частной собственностью, а были держанием от светского или церковного феодала или горожанина). Луг также считался одним из видов частного владения, однако нередки свидетельства в источниках и об общинных лугах. Общинные земли — луга, а также леса и пастбища — могли находиться в совместном владении членов коммуны, но порой оказывались поделенными на части и розданными в пользование на короткий срок (каштанник — до окончания сбора каштанов, дуб — до сбора желудей, луг — до завершения уборки сена и т. п.) или в держание либо аренду на несколько лет. В источниках Северной Италии XIV в. не раз встречаются случаи сдачи участков общинных земель в арен-

[14] Corpus statutorum italicorum, vol. 7. Statuto della lega di Gambassi. Prefazione A. Latini, p. 3—15.

ду с аукциона: торг отдельными участками происходил на общем собрании членов коммуны, и земли получал тот, кто предлагал наибольшую сумму арендной платы, т. е. инкантаторами выступали прежде всего зажиточные крестьяне, а порой и горожане, получавшие таким образом возможность разводить большее количество скота, продавать лес со своих участков и т. п.

При раздаче участков во временное пользование далеко не всегда соблюдался принцип равенства отдельных членов. Все явственнее выступали преимущества зажиточных крестьян, представителей торгово-ремесленных слоев и горожан.

Сдача участков общинных земель в держание и аренду особенно возросла в XIV в., но и тогда общинная собственность на угодья в той или иной степени сохранялась (хотя и в сильно урезанном виде). Коммуна продолжала регулировать порядок и время пользования угодьями — поделенными и неподеленными.

Уже отмечалось, что коммунам подчас принадлежали и пахотные земли. Например, в 1240 г. сельская коммуна Азола заключила три контракта с коммуной Брешии о покупке у нее в рассрочку на 16 лет за сумму около 570 лир 112 участков разной величины, являвшихся собственностью окрестных графов, уступивших эти земли Брешии [15].

Пахотные земли и виноградники, принадлежавшие коммуне, как правило, сдавались в держание или аренду отдельным членам коммуны, а также дарились, продавались и иным образом пускались в оборот.

Но сельская коммуна в XIII—XIV вв. приобрела некоторые права и на земли, не являвшиеся ее собственностью или владением, но располагавшиеся в пределах ее территории. Административные и судебные органы коммуны устанавливали и изменяли границы отдельных земельных участков, решали различные поземельные споры. Более того, коммуна пыталась регулировать мобилизацию земельной собственности и арендные отношения. Отчуждение земельных владений на сторону могло происходить лишь по особому разрешению Совета коммуны и обставлялось многочисленными условиями, среди которых были такие, как запрещение продавать земли феодалам и церкви, предоставление преимущественного права покупки членам коммуны или коммуне в целом и т. д. Коммуна боялась потерять часть своих доходов от налогов и штрафов; помимо того, переход земель в руки церковных и светских сеньоров мог повлечь за собой постепенное подчинение феодалам всей коммуны. В своих попытках регулировать арендные отношения на ее территории коммуна также исходила из стремления сохранить

[15] MHP, vol. XIX, p. 284—298, № 60—62.

арендаторов как плательщиков всевозможных взносов и обеспечить регулярное поступление доходов в коммунальную казну. Так, арендатор мог доставлять часть урожая собственнику лишь после того, как он внесет платежи коммуне, а эти платежи были многообразны: datia и collecta — с каждого двора или в соответствии с доходностью недвижимого имущества, разного рода единовременные налоги, особенно во время войны.

Обременительны были и повинности по постройке и ремонту дорог, башен и стен, возведению мелиоративных каналов, военная служба и др.

Статуты многих сельских коммун назначали общие для всей коммуны сроки начала покоса трав, пастьбы скота на тех или иных лугах, сбора винограда и олив, сбора желудей и каштанов. Почти все коммунальные статуты обязывали членов коммуны разводить сад и огород; порой устанавливались строгие правила возделывания отдельных культур.

В тех районах Северной Италии, где, как уже говорилось выше, сохранились в той или иной степени следы принудительного севооборота и открытых полей, соответствующие постановления содержались и в сельских статутах. Должностные лица коммун наблюдали за своевременным проведением и содержанием в должном порядке мелиоративных каналов, благоустройством дорог — как к отдельным участкам, так и по всей территории коммун. Хорошее состояние дорог было особенно важно во время посева и уборки урожая.

Хозяйственная политика сельской коммуны способствовала регулярному проведению сельскохозяйственных работ, увеличению урожайности и в конечном счете интенсификации сельского хозяйства. Эта регламентация не охватывала обычно всего сельскохозяйственного процесса.

Вместе с тем в XIV в. и такого рода регламентация в какой-то степени становилась стеснительной для отдельных, наиболее зажиточных и богатых членов коммуны: прежде всего это относилось к строгому распорядку в проведении отдельных сельскохозяйственных работ, определению сроков уборки тех или иных культур (ведь житель коммуны, собравший виноград или оливы, мог раньше и с большей выгодой продать их на городском или ближнем сельском рынке!).

Итак, сельская коммуна XIII—XIV вв. была ассоциацией, обладавшей значительной хозяйственной самостоятельностью и экономической мощью. Однако на протяжении этого периода ее экономические права не оставались однозначными.

У многих сельских коммун к концу XIV в. сильно сократились общинные угодья: все бо́льшая часть их в процессе развития товарно-денежных отношений сдавалась в аренду и держания, продавалась и обменивалась, переходила в частную собственность и

владение. В связи с этим постепенно в статутах сельских коммун в XIV в. экономические вопросы начинают отходить на второй план перед административными и финансовыми. В сокращении общинного землевладения и ограничении прав сельских коммун на общинные земли немалую роль играла городская коммуна, и прежде всего торгово-ремесленная верхушка города, заинтересованная в приобретении этих земель и распоряжении ими (см. ниже). В XIV в. коммуны все еще обладали значительными хозяйственными правами, но не надо забывать то обстоятельство, что уже сильно изменился социальный состав этих коммун и особенно состав их высших должностных лиц: ими (и чем дальше, тем больше) становились представители ремесленно-торговых слоев и горожане, имевшие земли на территории коммун.

Сельскую коммуну отличало от ранней общины наличие разветвленной администрации, большей частью выбиравшейся самими членами коммун (но нередко с утверждением сеньором — городом или светским и церковным феодалом) и собственного законодательства — статутов, составленных также большей частью представителями самой коммуны, хотя и с той или иной степенью участия города или феодала. Так, статут коммуны Сан-Пьеро ин Меркато (1398 г.) утверждался нотарием и приорами Флоренции. Статут Кьянти (1384 г.), составленный ее нотарием и 6 представителями лиги, избранными Общим советом, утверждался нобилем, представителем Флорентийской коммуны.

Статут федерации Монтериджони (1380 г.) был издан специально избранными коммуной лицами — статутариями — совместно с нотарием Сиены.

Статуты коммун Римской области весьма часто составлялись с активным участием их сеньоров — феодалов; статут Саккомуро был составлен в 1311 г. в результате соглашения представителей коммуны и сеньора Франческо Орсини. Каждые 6 лет его пересматривали массарии коммуны, назначаемые сеньором. Статут Виковаро (1273 г.) возник в результате соглашения между сеньором коммуны — епископом — и всеми жителями (universitas hominum).

Административный и судебный аппарат коммуны, особенно крупной, или федерации, включавшей несколько десятков мелких коммун, во многом походил на аппарат городской коммуны, вплоть до того, что употреблялись те же самые названия должностных лиц: подеста, ректор, консулы, викарии, приоры, прокураторы, синдики, массарии, деканы, салтарии, кампарии и многие другие. Высшим законодательным органом коммуны был Общий совет, собиравшийся обычно два раза в год. Он утверждал или изменял статуты, устанавливал размеры налогов, распоряжался имуществом, землями и доходами коммун, избирал высшую администрацию и т. п. В его состав входили главы семей, а иногда и все на-

логоплательщики от 18 до 70 лет. Арендаторы и наемные работники обычно не участвовали в Общем совете и не избирались на какие-либо должности. Если добавить, что для избрания на ту или иную должность в сельской коммуне (как и в городской) требовался значительный имущественный ценз, можно констатировать, что среди членов коммуны не было социального равенства.

Руководящую роль в коммуне играли представители торгово-ремесленных слоев и зажиточное крестьянство.

Представители знати (в разных коммунах в разной степени) допускались к некоторым должностям, но в целом для большинства статутов крупных и независимых от сеньоров сельских коммун (как и для городских) характерна антидворянская направленность.

Типология коммун исследована еще недостаточно, но уже и сейчас можно говорить об их большом многообразии и очень разном уровне социально-экономического развития, различии в социальном составе и объеме прав.

Высшим этапом в развитии сельских коммун были федерации, включавшие в себя от 2—3 до нескольких десятков более мелких коммун. В федерацию могли входить и довольно крупные по размеру коммуны (до 100 дворов), и совсем небольшие поселения хуторского типа (3—4 двора). Коммуны-члены федерации должны были в главных областях политической и административной жизни подчиняться коммуне-главе федерации и ее органам, сохраняя самостоятельность в решении более мелких вопросов и в выборе своей местной администрации. В органах федерации отдельные коммуны в зависимости от их величины и достигнутых прав играли неодинаковую роль.

Рядом с федерациями можно поставить отдельные крупные по размерам коммуны, также занимавшие значительную территорию, нередко окруженные стенами, достигшие высокой степени независимости. По территории, численности населения, уровню развития ремесленного производства и торговли (и, соответственно, прослойке торгово-ремесленного населения) эти коммуны были близки к небольшим городам, и подчас трудно провести грань между теми и другими.

Несмотря на зависимость от города — центра округи (а в XIII—XIV вв. бóльшая часть коммун подчинялась городам) или духовного либо светского феодала, такие коммуны сохраняли широкую политико-административную автономию, в том числе и право на издание статутов. Таковы коммуны Ангиари (область Ареццо), Самбука (область Пистойи), федерация трех коммун Гамбасси (область Флоренции), федерация 52 коммун Сан-Пьеро ин Меркато (область Флоренции), лига 72 коммун Кьянти (область Флоренции), Монтагутоло (округа Сиены), федерация 61 коммуны —

Фриньяно (Моденская округа), Совичилле — федерация более 50 коммун (округа Сиены) и многие другие.

Коммуны другого типа — организации, находившиеся почти в полном подчинении сеньора — светского или церковного феодала или же города. Должностные лица таких коммун обычно назначались сеньорами, низшая администрация — салтарии, кампарии, распоряжавшиеся общинными землями,— могла быть выборной. Сеньоры имели верховную и действительную собственность на угодья и все земли, находившиеся в пользовании членов коммуны, со всеми вытекающими отсюда последствиями: получение чинша и арендной платы, возможность отчуждения. Совет коммуны фактически был порой совещательным органом при сеньоре, выполнявшем его волю. Часть таких коммун также имела статуты, однако они издавались чаще всего самим сеньором или по договоренности с ним и с его разрешения. Главная цель статутов подобных коммун — фиксировать платежи коммуны сеньору, чтобы оградить ее членов от злоупотреблений. Сеньору жители были обязаны многочисленными повинностями. По своим размерам такие коммуны много меньше тех, которые мы отнесли к первому типу.

Из коммун, зависимых от светских или церковных сеньоров, можно назвать коммуны Саккомуро, Виковаро, Рипи Генаццано, Каве в Римской области (их сеньоры — Орсини, Колонна и Грамото), Мирандолу в Моденской округе (принципат феодального рода «Сыновей Манфреда», боковой ветвью которого было семейство Пико, главенствовал над мелкими сельскими коммунами), Карпи в той же округе, где под верховной властью феодальных правителей небольшого городка из семейства Пио находились многие сельские коммуны, хотя они в большей степени, чем в Мирандоле, сохранили свою самостоятельность. К подобному же типу коммун можно отнести и такие небольшие ассоциации, как Савиньяно, Иддиано, Виньола в Моденских Альпах. Вот как происходили выборы должностных лиц в таких коммунах. В 1208 г., когда по звону колокола жители Савиньяно собрались в церкви, епископ Модены объявил им, что он сам будет господином Савиньяно, и назначил на один год в качестве подеста своего вассала. Епископ сказал также, что он вместе с консулами составит статуты Савиньяно. В 1217 г. епископ Модены назначил подеста коммуны Виньолы. Правда, позднее, возможно, и эти коммуны Моденской округи добились права самостоятельного избрания своих должностных лиц (судя по статуту Модены 1327 г.) [16].

В округах Флоренции, Пистойи, Ареццо, Имолы и многих других городов Средней и Северной Италии (для первой это особен-

[16] *Е. В. Бернадская*. Из истории сельских коммун Моденской провинции, стр. 52

но характерно) существовали многочисленные коммуны небольших размеров, почти полностью зависимые от городских властей, с очень малой долей самостоятельности (их статуты, как правило, нам не известны). Таковы Монтали, Серравалле, Кастильоне, Торри, Фоссато и другие в дистретто Пистойи; Фильино, Чертальдо, Ломена, Сесто, Борго Сан-Лоренцо да Муджелло, Монте Кроче и другие — в дистретто Флоренция и т. д.

Деление коммун на два типа в значительной мере условно, хотя в его основу мы положили такие критерии, как экономическая и политико-административная автономия коммун, порядок издания статутов и самая возможность иметь собственное законодательство, социальный состав жителей и, наконец, размеры территории и численность населения коммуны.

История сельских коммун — не плавная эволюция автохтонных организмов, не зависимых от внешней среды. Она наполнена непрерывной борьбой с феодалами — светскими и церковными, а позднее и с городскими коммунами. Те и другие стремились завладеть землями коммун, подчинить себе их членов и превратить их в своих подданных — держателей или налогоплательщиков, поставить в возможно более полную зависимость от себя выборные органы коммуны. Но было бы, безусловно, ошибочным ставить на одну доску феодалов и города. Политика городов в отношении сельских коммун, особенно на раннем этапе, в период их становления, который совпал с ростом и укреплением самостоятельности самих городских коммун и их напряженной борьбой с феодалами, сыграла несомненно положительную роль в жизни сельских коммун. В XII — начале XIII в. города нередко поддерживали крестьянские ассоциации в их тяжбах с феодалами из-за владения теми или иными общинными землями, отвергая притязания на эти земли светских и церковных сеньоров. Но известно и немало приговоров городских судов в пользу феодалов, предоставление последним земель на территории коммун. Горожане, а постепенно и городская коммуна в целом все более связывались с землевладением (если даже оставить в стороне тот факт, что в городе постоянно проживали и входили в состав городской администрации, особенно на раннем этапе, немало представителей феодальных фамилий), и поэтому городские консулы не всегда считали возможным и удобным для себя выступать против своих же соседей — владельцев леса, луга или пастбища.

Что же касается вопросов самоуправления и администрации сельских коммун, их налоговых и судебных функций, то города стремились изъять подобные прерогативы из рук духовных и светских феодалов с тем, чтобы затем постепенно подчинить сельские коммуны своей власти. Они лишали сеньоров политических, судебных и иных прав над общинными организациями. Так, в 1150 г. миланские консулы вынесли постановление, разрешающее коммуне Линате

иметь своих кампариев (должностных лиц, осуществляющих надзор над общинными землями) без всякого вмешательства соседних феодалов. Были отвергнуты притязания окрестных феодалов и на судебную власть над Линате [17].

В решении судьи флорентийского подеста от 12 сентября 1218 г. епископу Флоренции запрещалось назначать главу коммуны Кастро Фьорентино, хотя ранее та же Флоренция признавала епископа сеньором этой сельской коммуны [18]. Графы Сеприо требовали от жителей коммуны Мендриксио поставок продовольствия и фуража, признания судебной власти графов, а также предоставления им постоя, утверждая, что эти права были даны им императором. Консулы Милана передали на усмотрение императора спор о том, должна ли коммуна Мендриксио выполнять указанные повинности. Они не признали судебной власти графов, сославшись на то, что император не имел тогда во владении земель коммуны, а члены ее издавна привыкли самостоятельно решать тяжбы, возникавшие между ними. Графам пришлось подчиниться этому решению, но уже через два года они вновь потребовали от жителей Мендриксио поставки фуража и продовольствия для армии. Но и на этот раз городские судьи Милана встали на сторону сельской коммуны, и иск графов был отвергнут [19].

Подобным образом городские власти поступали далеко не всегда: известны многие случаи защиты ими притязаний феодалов на административное и судебное главенство над коммуной. Пример — многочисленные решения городских судебных курий Флоренции, подтверждающие права епископа на назначение должностных лиц, судебную и административную власть над значительным количеством сельских коммун дистретто в конце XII — начале XIII в. [20]

На протяжении XII в. и особенно в XIII в. светские и церковные феодалы теряли политическое и экономическое господство над общинными организациями, приобретавшими статус сельских коммун. Но мы уже отмечали, что даже крупные коммуны-федерации, как правило, не оставались совершенно независимыми и автономными.

Их новым сеньором становился город, который немало помог им в период их рождения. Как же складывались теперь взаимоотношения двух коммун? Прежде всего, как уже говорилось, городские власти стремились принимать участие в составлении и утверждении,

[17] АМ, № 21.

[18] Documenti di storia italiana, vol. X (Далее DAC), p. 505, 506 (15.IV 1217 г.; 5.VI 1217 г.; 12.IX 1218 г.; 22.XI 1218 г.).

[19] АМ, № 5 (1140 г.), № 8 (1142 г.).

[20] См. *Л. А. Котельникова*. Политика городов по отношению к сельским коммунам Северной и Средней Италии в XII в.,— СВ, XVI, 1959.

а также и пересмотре статута сельских коммун — главного закона их внутренней жизни (в разных коммунах — в разной степени, иногда вплоть до того, что статут целиком являлся творением городского нотария). В XIV в. некоторые сельские статуты были отменены, а их постановления включены в городские статуты.

Подчинение сельских коммун городу достигалось и путем сокращения сферы деятельности их должностных лиц.

Все чаще города стали присваивать себе право самим определять те функции, которые оставались на долю администрации сельских коммун. Все более широкий круг дел переходил к подеста, ректорам, викариям, назначаемым городами почти во все более или менее крупные сельские коммуны. Так, сиенский викарий исполнял административные и судебные функции в коммунах Монтериджони и Совичилле. Коллегия анцианов и знаменосцы правосудия Лукки назначали подеста коммуны Монтиньозо. Синдики сельских коммун сиенского дистретто должны были полностью подчиняться распоряжениям подеста Сиены в отношении налоговой политики, судебных функций и всех других сфер своей деятельности. Ректоры и синдики сельских коммун Флорентийской округи должны были приносить присягу подеста и капитану, обязываясь вовремя собирать налоги и принуждать жителей к исполнению повинностей, а также выдавать городу преступников и лиц, объявленных вне закона. Это постановление статута исходило из реальной действительности, о чем свидетельствуют решения городских судебных курий [21].

Подобная практика получила широкое распространение в Средней и Северной Италии.

Уплата сельскими коммунами налогов в пользу города-сеньора, так же как и исполнение некоторых общественных повинностей в контадо (ремонт дорог и мостов, строительство укреплений и т. д.), являлись важными рычагами воздействия городов на подвластные им коммуны. Нужда города в продовольствии обусловила многочисленные хозяйственные распоряжения городских статутов, которые дополняли и расширяли статуты сельских коммун. В городских статутах подробно говорилось о порядке проведения разного рода сельскохозяйственных работ, времени их начала и окончания, устройстве каналов и содержании их в должном порядке, мерах для при-

[21] Statuti dei comuni di Monasterio S. Eugenio (1352), Monteriggioni (1380), p. VIII—XII e Sovicille (1383), p. XIV. A cura di G. Prunai. Firenze, 1961; Memorie storiche di Montignoso di Lunigiana, scritte da G. Sforza. Lucca, 1867, p. 356—357, № 29 (1378 г.); Il costituto del comune di Siena dell'anno 1262, ed. da L. Zdekauer. Milano, 1897; Statuti della repubblica Fiorentina, ed. R. Caggese. Firenze, 1910—1921, vol. 1, L. 1, cap. 11, 12; L. 5, cap. 80; vol. 2, L. 1, cap. 22; L. 5, cap. 1, 25; DAC, № 99 (1245 г.); ср. № 95 (1244 г.); DAC, App., № 21 (1251 г.), № 62 (1252 г.).

влечения новых поселенцев на пустующие земли с целью их обработки и повышения доходности, разведении садов и виноградников[22].

Такого рода постановления в определенной степени способствовали хозяйственному прогрессу в округе, росту сельскохозяйственного производства. Но только до определенного времени. Уже с XIV в. строгая регламентация сроков отдельных работ, запрещение работать в праздники и ночные часы, как и соответствующие цеховые постановления, начинали становиться стеснительными.

Еще более стесняли возможность расширения объема производства отдельных хозяйств сельской округи предписания города об ограничении и строгой регламентации торговли зерновыми и некоторыми другими сельскохозяйственными продуктами.

С целью обеспечить бесперебойное поступление продуктов сельского хозяйства в город запрещалось вывозить их за пределы контадо и дистретто, предписывалось продавать лишь в строго определенных статутом местах и в установленные сроки на городских рынках. Продаваемые продукты облагались многочисленными пошлинами. Нередко проводилась и принудительная реквизиция зерна и других продуктов у жителей дистретто, в том числе и у сельских коммун; издавались предписания об обязательной доставке их в город[23]. Наиболее тяжело на сельских коммунах отражалась налоговая политика города-сеньора. Обложение сельских коммун было различным в разных городских округах. Это и знаменитая datia, которая в одних местах (округи Пистойи, Флоренции) взималась подворно, в других — поимущественно (Падуанское дистретто), в третьих (Луккская округа) часть налога раскладывалась по имущественному признаку, часть — подворно.

Помимо дации, с коммун, как и в XII в., нередко требовали и единовременных налогов и взносов, особенно на военные нужды, поставок фуража и лошадей для армии, а также участия в городской милиции. В своей политике по отношению к общинному землевладению в XIII—XIV вв. города, признавая «право на существование» этих земель, в то же время стремились использовать их в интересах землевладельцев-горожан, что приводило к ограничению

[22] *Л. М. Брагина.* Общинное землевладение в Северо-Восточной Италии... стр. 47—49; *Е. В. Бернадская.* Из истории сельских коммун Моденской провинции.... стр. 65—67. *Л. А. Котельникова.* Некоторые проблемы социально-экономической истории сельских коммун..., стр. 150—154.

[23] *Е. В. Бернадская.* Из истории сельских коммун Моденской провинции..., стр. 65—66. См. также Regesta chartarum Italiae, vol. 8, № 594—596 (1221 г.); № 490 (1212 г.); Statuti senesi scritti in volgare ne'secoli XIII e XIV. a cura di F. Polidori, vol. 1, Bologna, 1863, rubr. 44, 80, 86. Statutum bladi (1348), Milano, 1934, rubr. 27; DAC, App., № 59 (1252 г.).

прав сельских коммун на общинные угодья и — в еще большей степени — на другие земли, находившиеся в верховной собственности сельской коммуны. В постановлениях статутов, обращенных к крестьянам, жившим на территории сельских коммун в контадо и дистретто, города прежде всего исходили из стремления обеспечить уплату ими повинностей в пользу города и сельской коммуны, а также исполнение их обязательств по отношению к землевладельцам, нередко тем же горожанам.

В проблематике сельских коммун остается еще недостаточно выясненным вопрос об их социальной сущности. Он тесно связан и с типологией сельских коммун. Можно ли все сельские коммуны считать крестьянскими организациями? И что дожно быть критерием принадлежности к таковым? Как мы уже видели, по своему составу коммуны были социально неоднородны: жителями коммун (в первую очередь крупных) являлись многие представители торгово-ремесленных слоев, а также феодальные сеньоры. Статуты считают совершенно законным присутствие в составе членов коммун и в выборных органах пополанов — торгово-ремесленной части населения (это не только горожане; термин употребляется как антипод к феодалам разных рангов — milites, nobili). Возможно, что подчас пополанами могли называть и крестьян. Во многих коммунах существовали ограничения для допуска к высшим и низшим должностям нобилей, и наоборот, требования высокого имущественного ценза для претендентов на высшие посты (подеста, ректоров и т. п.), что делало возможным избрание на эти должности лишь представителей верхушки крестьянства, но в первую очередь пополанов.

Но можно ли считать чисто крестьянскими организациями коммуны, где пополаны составляют немалую часть населения, занимают выборные должности, где развито ремесло, устраиваются рынки и ярмарки, т. е. по существу рыночные местечки, которые отделяла от города незначительная и подчас неощутимая грань? Да и как ее провести и всегда ли это возможно? Думается, нет нужды зачислять в крестьянские общины castella, castra, oppida и burgi Сан-Пьеро ин Меркато, Кьянти, Фриньяно и им подобные коммуны-федерации или Ангиари, Монтагутоло и Монселиче. По существу они — уже небольшие городки, хотя все же основой существования их жителей продолжает оставаться сельское хозяйство, а большинство населения составляет крестьянство.

Таким образом, сложность социального состава населения крупных коммун и федераций, принадлежность господствующего слоя к торгово-ремесленной верхушке и горожанам, наличие порой среди членов коммуны феодалов, а также осуществление такой коммуной многих мероприятий в интересах пополанов не позволяет отнести подобные ассоциации к крестьянским организациям, хотя они и остаются сельскими коммунами, высшей формой общины,

Коммунальное законодательство, особенно в период расцвета самостоятельности коммун — в XIII — первой половине XIV в., содержало в себе немало постановлений в интересах экономического развития крестьянского хозяйства, регулировало (подчас с пользой для крестьян) их взаимоотношения с сеньорами и способствовало личному освобождению крепостных. Большое число крепостных приобрело личное освобождение в процессе становления сельских коммун и борьбы общин с феодалами.

Поэтому, хотя коммуны такого типа неправомерно причислять к чисто крестьянским организациям, нельзя отрицать, что они в значительной степени отражали крестьянские интересы. Сельские коммуны были неразрывно связаны с борьбой, классовым сопротивлением крестьян, и в их существовании многообразно отражалась эта борьба сил крестьянского сопротивления. В их рамках крестьянское хозяйство в XII — XIII вв. имело более благоприятные возможности развития. Но уже XIII и особенно XIV вв. характеризуются существенными изменениями в жизни сельских коммун. Общинные земли и участки, принадлежавшие жителям коммун, захватываются пополанами; в их руках постепенно сосредоточивается господство над коммуной (не всегда так уж важно, жили ли эти пополаны постоянно в данной коммуне или близлежащем городе), городским властям передается полнота власти над ассоциацией.

Многочисленные налоги и повинности (сверх обязательств феодальным сеньорам) способствовали разорению и обеднению многих рядовых членов коммун; сокращение общинных угодий также тяжело сказывалось на крестьянском хозяйстве, особенно в период, когда крестьяне владели лишь пахотными землями или виноградниками и были вынуждены арендовать часть луга или пастбища. Статуты сельских коммун, особенно в XIV в., весьма часто стремились урегулировать арендные отношения и споры о границах участков в пользу их новых владельцев — пополанов, опять-таки ущемляя имущественные, а порой и личные права крестьян.

Двойственность коммунального законодательства — лишнее доказательство того, что сельская коммуна — уже не всегда новый этап крестьянской ассоциации. В то же время в XIII—XIV вв. существовали мелкие коммуны с более или менее однородным социальным составом населения; наличие среди их жителей нескольких пополанов или рыцарей (milites) не меняло их характера крестьянской общинной организации, причем политика их администрации также в большей степени, чем у крупных коммун, была направлена на защиту интересов крестьянства (хотя далеко и не всегда удавалось эти интересы защитить). Подъем производительных сил и интенсификация сельскохозяйственного производства уже в X—XII и особенно в XIII—XIV вв. находились в тесной связи с ростом, а затем и расцветом средневековых городов, который в Италии

имел место на одно-два столетия раньше, чем в других странах Западной Европы. Влияние города сказалось и на эволюции общины, и прежде всего ему обязаны своим возникновением сельские коммуны, именно в Италии распространившиеся в чрезвычайно широких масштабах.

Высокая степень развития товарно-денежных отношений уже в раннее средневековье обусловила в Италии своеобразие и многих других сторон эволюции аграрного строя. Специфическим путем происходило в Италии развитие феодальной земельной ренты. Денежную ренту уже в VIII — начале IX в. платили около половины крепостных-массариев в Луккском епископстве (по данным полиптика) и столько же зависимых держателей монастыря св. Юлии в Брешии. Еще больший процент денежной ренты (до 80%) характеризует держания по договору, и прежде всего либеллярные, в Средней Италии VIII—X вв., несколько меньший — 70% — в Северной Италии. Особенно частым являлся денежный чинш в середине IX—X в. Судя по данным отдельных грамот Средней Италии, удельный вес денежной ренты вырос в середине IX—X в. по сравнению с VIII—IX вв. примерно в 6 раз[24].

Правда, денежная рента, как и барщина, еще относительно редко встречалась в чистом виде (главным образом в либеллярных и эмфитевтических договорах, заключаемых зажиточными крестьянами или мелкими вотчинниками). Обычно сочетались натуральная и денежная, отработочная и натуральная ренты, барщина и денежный чинш, реже — три вида ренты. Барщина (в чистом виде и в сочетании с другими видами ренты) встречалась уже тогда на землях либеллариев и иных категорий крестьян, держащих участки по договору, довольно редко (примерно на $^{1}/_{6}$—$^{1}/_{3}$ держаний).

Однако крепостные крестьяне были обязаны барщиной гораздо больше (36% manentes по полиптику Лукки и около 50% либеллариев, альдиев, manentes, сервов, liberi comendati по полиптику св. Юлии в Брешии). Барщина подчас достигала значительных размеров: более 60% барщин по данным полиптика Лукки и около трети по данным полиптика св. Юлии в Брешии составляли более трех дней в неделю.

[24] Разумеется, было бы упрощением видеть лишь прямую связь между распространением денежной ренты и высоким уровнем товарно-денежных отношений. Преобладание денежной ренты в том или ином регионе могло быть вызвано и иными обстоятельствами, в том числе и стремлением вотчинников переложить на плечи крестьян тяготы, связанные с трудностью реализации продукции на рынке при неблагоприятной конъюнктуре.

4. *Бенедетто Антелами. Интерьер баптистерия. Декабрь. Работа на винограднике. XIII в. Парма*

Барщинный труд крестьян применялся на основных сельскохозяйственных работах: посеве, косьбе, жатве, обработке господских виноградников, корчевке и расчистке леса, сборе желудей и каштанов, заготовке дров и доставке их в поместья сеньора. Зависимые держатели нередко выполняли и извозную повинность, доставляли свои оброки, а также другие продукты на господский двор, в указанные вотчинником места, в порты. Еще сравнительно велики были размеры домена (в монастыре св. Юлии в Брешии величина поместий порой значительно превышала площадь держаний, хотя в Луккском епископстве уже в VIII—IX вв. наблюдается иная картина). В X в. в либеллярных грамотах Луккской округи мы по существу уже не встречаем следов полевой барщины, а упоминания

о домениальных землях также становятся исключительно редкими. Извозная же повинность сохраняется еще несколько веков и принимает все более широкие размеры.

В VIII—X вв. рента продуктами наличествовала приблизительно у 70% крепостных крестьян, держания которых описаны в полиптике Лукки. На землях крестьян-либеллярлев, как мы видели, уже в VIII—X вв. первое место занимал денежный чинш. Натуральная же рента в Средней Италии на либеллярных держаниях составляла примерно 1/3 платежей, в Северной Италии — около половины (обычно там сочетались натуральные платежи с денежными). Как и среди крепостных в Лукке, рента продуктами господствовала у зависимых держателей монастыря св. Юлии в Брешии (90%).

Уже тогда часть оброков натурой (прежде всего вина и зерна) шла на продажу в близлежащие города и даже другие области Италии. Именно в города, где располагались административно-хозяйственные центры вотчин, или в порты, к местам стоянки судов, «куда придут господские суда», предписывалось крестьянам обычно доставлять оброки, а не на более близкие к ним господские дворы. Среди компонентов натуральной ренты в Средней Италии первое место занимало вино, затем оливки и зерновые. Крестьяне-либеллярии вносили оброки зерновыми редко, хотя те же зерновые весьма часто платили епископу Лукки крепостные.

В Северной Италии, напротив, главная роль принадлежала зерну (практически оно шло с каждого держания), второе место занимало вино, значительный удельный вес составляли лен и овощи. Величина оброков была немалой: почти половине крепостных и зависимых крестьян, плативших ренту натурой, приходилось доставлять половину полученного в их хозяйстве вина (испольщина зерном была распространена значительно реже, чаще всего крестьяне уплачивали фиксированную ренту зерновыми, что не исключало, разумеется, того, что и в этом случае она подчас могла составлять половину урожая). Если к этому добавить, что приблизительно такое же число крестьян наряду с уплатой половины вина или зерна несло и полевую барщину в размере 2—3 дней в неделю, можно сделать вывод, что в VIII—X вв. в Средней и Северной Италии существовала прослойка среди крепостных и иных категорий зависимых крестьян, положение которой было весьма стесненным.

В процессе феодализации к середине IX—X в. основная часть свободных общинников-аллодистов превратилась в зависимых держателей. Либеллярии и некоторые иные категории держателей в Северной Италии в большей степени (и в большем числе) сохранили личную свободу, чем их собратья в Средней Италии. В то же время в весьма стесненном экономическом и социальном положении, будучи даже фактически прикреплена к земле (уход с держания

карался очень высоким штрафом и приводил к потере не только недвижимого, но и движимого имущества), оказалась большая прослойка по существу крепостных держателей — массарии, колоны, manentes. В их число входили многие разорившиеся свободные общинники, поселившиеся на земле вотчинника-феодала в результате заключения либеллярного договора, условия которого оказались такими, что эти либелларии по существу ничем не отличались от державших землю по обычаю массариев. Подобная прослойка либеллариев-массариев особенно характерна для Средней Италии VIII—X вв.

Наряду с этой группой зависимых держателей существовали полностью лишенные личной свободы сервы, в ряде случаев не столь далеко ушедшие от своих римских предков. Правда, они уже в большинстве своем держали землю вотчинника и тем самым постепенно сближались с массариями, но юридически находились на самой низшей социальной ступени: сервов можно было покупать, продавать и обменивать без земли, сеньор имел на них полную и неограниченную собственность как на какую-либо вещь; дети от брака серва на свободной женщине, как правило, становились сервами. Сервы несли более значительную барщину, порой ее размеры устанавливались по желанию вотчинника. В промежуточном положении между массариями и сервами находились альдии, иногда выполнявшие и специфические обязанности (доставка приказов вотчинников), но в большинстве своем также сидевшие на наделах.

Сохранялись и свободные аллодисты, мелкие и средние собственники своих участков; прослойка их была еще относительно велика в X в. и даже позже, о чем свидетельствуют свободно производившиеся ими многочисленные продажи, покупки, дарения собственных земель.

Итак, какова же специфика феодальных отношений в Северной и Средней Италии VIII—X вв. — периода интенсивно проходившего процесса феодализации?

Прежде всего следует сказать о наличии прослойки лично несвободных сервов и близких к ним альдиев, в положении которых еще живы черты рабов эпохи Римской империи.

Не обошло римское влияние и колонов, массариев, manentes — значительную группу крестьян-держателей, обязанных высокими оброками и барщиной, в значительной мере лишенных личной свободы и фактически (в Средней Италии) прикрепленных к земле.

Одновременно среди либеллариев и эмфитевтов (в первую очередь в Северной Италии) существовала сравнительно большая группа крестьян, личная свобода которых была стеснена в минимальной степени, хотя само заключение либеллярного договора, как мы видели, могло приводить и к иным результатам. И, наконец, относи-

тельно большая прослойка свободных аллодистов. Лично несвободные сервы и свободные аллодисты, а также менее полярные, более близкие по своему статусу массарии и либеллярии, обладавшие еще значительной личной свободой,— вот основные социальные категории крестьянства этого периода. Развитие производительных сил, техники сельского хозяйства в VIII—X вв. едва достигло римского уровня (или даже не поднялось до него). В то же время широко распространилась денежная рента (даже и на крепостных держаниях), что безусловно связано с довольно высоким уровнем товарного производства и интенсивным ростом городов уже в X—XI вв. Наряду с этим сохранялась значительная роль полевой барщины, достигавшей на некоторых держаниях крепостных крестьян даже 4 и 5 дней в неделю (двух- и трехдневная барщина была нередкой). Солидное место в системе оброков занимала рента продуктами, и продукты крестьянского, а частично и домениального хозяйств (вино, зерно) все чаще поступали на рынок и в города, население которых росло[25].

Уже в раннее средневековье многие феодальные фамилии постоянно проживали в городах (их домениальные земли существенно сократились в X в.), все выше поднимался процент ремесленников и торговцев, одновременно являвшихся землевладельцами.

Быстрый подъем многих городов Северной и Средней Италии в конце IX и особенно в X в., интенсификация торговых связей в долине По и в ряде других районов привели соответственно к росту торгово-ремесленного населения городов, увеличению его богатств. Торговцы и ремесленники — жители Милана, Кремоны, Пьяченцы, Лукки и других городов — покупают и продают, обменивают и передают в держания разного рода земли не только в пределах городской черты, но и на значительном расстоянии от города. Миланские грамоты X в. буквально пестрят именами торговцев и ремесленников — золотых и серебряных дел мастеров, кузнецов, кожевников, монетчиков, мельников, рыбаков, совершающих многообразные операции с землей[26].

[25] *П. Г. Виноградов.* Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. СПб., 1880; *Муравьев.* Emphyteuticario iure et libellario nomine. (Из истории земельных отношений в средней Италии IX—XIII вв.). Казань, 1913; *Л. А. Котельникова.* Либеллярии Северной и Средней Италии в VIII—X вв. (к вопросу о возникновении зависимого крестьянства).— СВ, X, 1957; *Дж. Луццатто.* Экономическая история Италии, т. 1. Античность и Средние века. Перевод с итальянского. М., 1954; *G. Luzzatto.* I servi nelle grandi proprietà ecclesiastiche italiane dei secoli IX e X.—In; *G. Luzzatto.* Dai servi della gleba agli albori del capitalismo. Bari, 1966.

[26] *C. Violante.* La società milanese nell'età precomunale. Bari, 1953. Ср. Monumenta Historiae Patriae, vol. XIII. Augustae Taurinorum, 1873.

Постепенное срастание и слияние феодалов-горожан и пополанов-землевладельцев обусловило ряд специфических черт эволюции феодальной земельной собственности, класса феодалов, а опосредствованно — экономического и социального статуса крестьян.

В Италии, где на протяжении многих столетий фактически отсутствовала центральная королевская власть, не сложилась законченная система вассально-ленных отношений. По сравнению с феодом в других европейских странах итальянский феод отличался некоторыми особенностями. Так, он в гораздо большей степени мог отчуждаться, делиться между разными мужскими потомками держателя первой руки (майорат практически отсутствовал), передаваться потомкам по женской линии (в случае отсутствия мужских наследников). Самый факт передачи земельных владений в феод нередко маскировался передачей земли в эмфитевсис или либеллярное держание, причем обязанность военной службы на вассала возлагалась сравнительно редко. Все эти явления ослабляли класс феодалов, не способствуя его консолидации, подобно тому как это имело место во Франции или Германии. Но еще более важно было другое — специфика социального облика итальянских феодалов.

В раннее средневековье города сыграли большую положительную роль в жизни крестьянства, хотя их политика и не была всегда последовательной, определяясь интересами и стремлениями торгово-ремесленной землевладельческой верхушки.

Города поддерживали возникавшие сельские коммуны, ограждали их от притязаний феодалов на общинные земли, судебную и административную власть над коммуной; городские власти не раз защищали личную свободу крестьян и крестьянских коллективов в их тяжбах с феодалами. Крестьянская политика города в X—XII вв., таким образом, в целом содействовала освобождению крестьянства от личной зависимости, благоприятствовала и помогала приобретению крестьянскими общинами независимости и самостоятельности.

*

В XI—XIV вв. города, многие из которых превратились в крупнейшие в Европе центры промышленности и торговли (а во Флоренции, Сиене, Венеции, Милане появились в XIV в. первые элементы раннего капитализма), а также могущественные политические организмы (города-государства), оказали решающее влияние на все развитие страны. Господство города над деревней в Италии было не только экономическим (как повсюду в Европе), но и политическим. В чем своеобразие этого господства?

Прежде всего, наблюдаются весьма существенные перемены в структуре феодальной земельной собственности. В результате оже-

сточенной борьбы многие городские коммуны в XI—XII в. насильственно переселяли в города сотни феодальных семей; немало их земель путем дарений, продажи, передачи в залог и т. п. перешло к городским коммунам и горожанам — представителям промышленных и торгово-ростовщических слоев. Однако с переселением в город феодалов не прекращалась их борьба с городской коммуной. Они не раз пытались отвоевать свою независимость, а также захватить ключевые посты в городской администрации (что им нередко удавалось, особенно в XII — начале XIII в.). Их городские резиденции, дома-крепости с башнями были символами далеко еще не свергнутого могущества, хотя самый факт их переселения свидетельствовал о больших переменах в их судьбе. Соффрединги, Герардинги, Корвариа, Монтеманьо, Поркарези в Лукке, Гвидо Новелла, Гвидо ди Ромена во Флоренции, Каччаконти, Берарденги, Арденгески, Гуэрра в Сиене, Бернардини в Вольтерре, Убертини в Ареццо — эти феодальные фамилии оставили значительный след и в последующей истории городов, вынудив городскую коммуну потратить много сил на борьбу с ними [27].

Так, в Сиене, где многих грандов переселяли в город еще в первой половине XII в., лишь к середине XIII в. пополаны добились трети мест в правительстве, и только в 1277 г. гранды лишились права занимать высшие должности в республике, но их выступления против пополанов продолжались до 70-х годов XIV в.[28] Флоренция более трех веков вела упорную борьбу с феодалами контадо. И хотя в 1209 г. последние сеньоры покинули свои резиденции в округе, воздвигнув многочисленные замки в городе (и сохранив в значительной степени земельные владения в контадо и дистретто), их выступления против коммуны, порой превращавшиеся в настоящие военные действия, продолжались и в течение всего XIII и в XIV в.

Вплоть до середины XIII в. консульские должности во Флоренции занимались почти исключительно гибеллинским дворянством [29]. Многие правители города — подеста — были могущественными нобилями.

Конституция Primo popolo 1250 г. и «Установления правосудия» 1293 г.— основные вехи побед коммуны над грандами. Но в 1295 г. появились поправки к «Установлениям», носившие компромиссный характер.

[27] *Л. А. Котельникова.* Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв. (по материалам Средней и Северной Италии). М., 1967, гл. I

[28] *В. И. Рутенбург.* Народные движения в городах Италии. XIV — начало XV в. М., 1958; *R. Caggesé.* La repubblica di Siena e il suo contado nel secolo XIII.— «Bolletino senese di storia Patria», 1906.

[29] О гвельфах и гибеллинах см. ниже, гл. 4.

Чем это объяснить?

Трудности и длительность борьбы городских коммун с феодальными сеньорами, неполнота их побед над последними обусловливались не только (и не столько) силой и могуществом феодалов. Процесс слияния и срастания с землевладением торгово-ремесленных слоев города происходил в XII—XIII вв. ускоренным темпом и во все возрастающих масштабах. В XIII—XIV вв. в той же Флоренции многие магнатские семьи занимались банковской и торгово-промышленной деятельностью, будучи членами компаний или так или иначе связанными с ними. В Libro extimationum 1269 г., где подсчитан ущерб, нанесенный имуществу гвельфов, изгнанных из Флоренции после битвы при Монтеаперти 1266 г., упоминаются Стольди, которым принадлежали два дворца на сумму 2 тыс. лир, Форнарии дель Россо, владевшие недвижимостью в 1500 лир, Бальдонетти, владевшие укрепленным поселением в Монтекорболи с башней и дворцом, четырьмя домами, двумя мельницами, виноградными прессами на р. Ардженне, домами в селениях Ардженна, Монтанино, Фьякаюола, Кастелло ад Валлем, Челла и других местах на сумму 2730 лир[30]. С 1286 по 1338 г. известные флорентийские торговцы и банкиры Перуцци заключили 111 сделок по закупке отдельных участков земли и целых имений на сумму более 15 тыс. лир. Не отставали от них и члены их компании — Содерини, Виллани и др.

Не менее известные в той же Флоренции банкиры Аччаюоли являлись собственниками многих участков, сдававшихся ими в испольную аренду[31]. Крупный купец и сукнодел из Ареццо Симо Убертини в 80-х годах XIV в. владел весьма значительными по своим размерам земельными комплексами поблизости от города. Лишь один из этих podere занимал площадь в 257 стариев (около 45 га).

Описанные два процесса — переселение феодалов в города и приобретение земель горожанами и коммунами — происходят одновременно и не отделены один от другого какой-либо резкой гранью. Сеньоры далеко не полностью лишаются своих земель, сохраняя, как правило, феодальную собственность (в той или иной форме) на часть их; переселившись в города (а, как уже говорилось, многие феодалы жили в них издавна), феодальные сеньоры — одни в большей, другие в меньшей степени — отдаются торгово-ремесленным занятиям и ростовщичеству. Благодаря этому сильно стираются

[30] Liber extimationum (1269). Göteborg, 1956, p. 21, 47.

[31] *В. И. Рутенбург*. Чомпи и гранды.— Сб. «Из истории трудящихся масс Италии». М., 1959, стр. 172—173. *Л. А. Котельникова*. Итальянское крестьянство и город..., стр. 89, 172—173.

различия между ними и горожанами — землевладельцами иного социального происхождения. Конечно, эти различия остаются, доказательством служат антимагнатские законы многих городских коммун Северной и Средней Италии в XIII—XIV вв., хотя и сами эти законы, и их претворение в жизнь не были всегда последовательны. Результатом существенных перемен в перераспределении земельной собственности был не только переход земель от одной социальной прослойки к другой (впрочем, и это имело очень важные последствия, так как ослабляло класс феодалов). Указанный процесс тесно связан со значительными сдвигами во внутренней структуре сеньориального и крестьянского хозяйства — с эволюцией феодальной земельной ренты, изменением условий крестьянских держаний, распространением аренды, освобождением крепостных крестьян и т. д.

Если почти повсюду в Европе земельная рента развивалась в направлении от отработочной и натуральной к денежной, если в Англии и почти повсеместно во Франции XIII век был временем широкого распространения и неуклонного роста денежной ренты, пришедшей на смену отработочной и ренте продуктами, то в Средней и Северной Италии, стране городов, их подъем и быстрый рост уже в X и особенно в XI—XII вв. создали весьма благоприятные возможности и, более того, постоянную и неуклонно возраставшую потребность на городском рынке в огромном количестве сельскохозяйственных продуктов, в первую очередь зерна. Эти обстоятельства привели уже в конце XII—XIII в. к господству (или по крайней мере к исключительно большому весу — от 60 до 95%) ренты продуктами, роль которой в XIII—XIV вв. еще более возросла.

Так, если в конце XI — начале XII в. она составляла около 70% всех платежей зависимых крестьян в Луккской округе, в конце XII в. удельный вес ее доходил уже до 90% всех платежей, хотя в некоторых районах (как правило, более или менее удаленных от Лукки или крупных водных торговых путей) и тогда преобладала или имела довольно широкое распространение денежная рента.

Полное и почти повсеместное господство рента продуктами получила в Луккском дистретто в середине XIV в. (94%), о чем убедительно говорит редкий источник — опись повинностей держателей епископства 1356 г. Но и тогда в районах дистретто, отстоящих от Лукки на 50—80 км, денежная рента порой достигала 40% всех повинностей.

В округе Флоренции господство натуральной ренты наступило несколько позже.

В конце XII — начале XIII в. еще более 80% крестьян-держателей дистретто платили денежные чинши. Но уже к середине XIII в. объем ренты продуктами вырос до 65%. Значительное возрастание удельного веса натуральной ренты среди других повин-

ностей в конце XII в. и особенно в XIII в. отмечалось и в округах других городов Средней Италии — Сиены, Пизы, Ареццо, Пистойи, а также во многих контадо и дистретто Северной и Северо-Восточной Италии.

При этом и здесь денежная рента сохранялась дольше и ее процент был выше (по сравнению с другими повинностями) на либеллярных держаниях и в районах, более удаленных от центра округи и торговых путей [32].

Какое значение имело господство продуктовой ренты в Северной и Средней Италии XIII—XIV вв. для развития товарного производства и всего общества в целом?

Особые условия Северной и Средней Италии, где уже к XII в. домениальная запашка встречалась редко, исключали возможность организации крупного барщинного хозяйства. Но ведь и при господстве продуктовой ренты реализация излишков сельскохозяйственной продукции осуществлялась преимущественно через хозяйство сеньора. Однако в Средней и Северной Италии подавляющее большинство землевладельцев постоянно проживало в городе, где находились и административно-хозяйственные центры принадлежавших им вотчин, многим из сеньоров не были чужды торговля и ремесленные занятия. К тому же повсеместно существовавшая доставка самими крестьянами сельскохозяйственных продуктов для вотчинника, проживавшего в городе, благоприятствовала и их собственной торговле излишками. В источниках имеется немало свидетельств о продаже продуктов сельского хозяйства в городе и ближайших его окрестностях отдельными крестьянами и целыми сельскими коммунами. Несомненно, не последнюю роль играл и все увеличивающийся спрос городского населения на продукты сельского хозяйства, которые все в большей мере шли на продажу, так как росла численность горожан, покупавших продукты питания. Крестьянское же хозяйство, производящее зерно, в меньшей мере вино и скот, на продажу (хотя главным образом продавали и не сами крестьяне), не может уже рассматриваться совсем изолированно от этого производства, а оно, в свою очередь, безусловно оказывало огромное влияние на имущественное и социальное положение крестьянства, его дифференциацию, юридические условия его держаний.

Расцвет городов и широкое развитие товарно-денежных отношений обусловили освобождение крестьянства от личной зависимости. Пути освобождения крепостных крестьян в Северной и Средней Италии XII—XIII вв. были различными: постепенное приобретение элементов личной свободы крепостными крестьянами,

[32] *Л. А. Котельникова.* Итальянское крестьянство и город..., гл. I.

главным образом в результате заключения ими либеллярных и иных договоров о держании или аренде; акты освобождения крепостных светскими и церковными сеньорами за выкуп, сопровождавшиеся заключением того или иного договора относительно их прежнего держания или (реже) потерей этого держания и превращением освобожденных сервов и колонов в обезземеленных людей, уходивших в города или нанимавшихся на поденную работу здесь же, в округе, или (весьма часто) арендовавших землю на условиях половничества; освобождение крепостных в процессе конституирования сельских коммун из прежних крепостных общин; наконец бегство крепостных в города, даже порой вопреки постановлениям этих городов. Городские постановления сыграли не главную роль в освобождении крестьян. Специальные решения об освобождении более или менее значительного числа крестьян издавали лишь немногие города, большинство же ограничивалось благоприятным отношением к бежавшим от своих сеньоров крестьянам из других округ. И все же ни в одной другой западноевропейской стране мы не знаем примеров, когда хотя бы даже отдельные крупные коммуны заставляли феодалов массами отпускать на свободу крепостных крестьян и сами вносили за них выкуп.

В 1257 г. Болонья издала «Райскую книгу», в преамбуле которой торжественно заявлялось: поскольку бог создал людей свободными, им надо вернуть их прежнюю свободу. Поэтому город Болонья, всегда боровшийся за свободу, решил за определенный выкуп освободить всех людей в городе и епископстве, находящихся в «сервильном состоянии».

Согласно этому акту, 406 собственников должны были отпустить на свободу 5682 сервов, выкуп за которых вносила коммуна, т. е. фактически коммуна купила этих сервов у сеньоров. Сервы объявлялись свободными людьми, должны были быть зарегистрированы в городской книге наряду со свободными горожанами и пользоваться всеми правами и исполнять обязанности горожан на равных с ними основаниях. Однако сеньоры сохранили в своих руках права на пекулий и на наделы сервов. Очевидно, многие из освобожденных сервов стали держателями, так как 31 июня того же года в дополнении к «Райской книге» говорилось, что все жители дистретто, освобожденные городом, должны быть приписаны к какой-либо сельской коммуне, где они будут проживать и нести те же повинности, что и другие жители. Вероятно, данное постановление в первую очередь касалось тех сервов, которые проживали в этих сельских коммунах.

Постановления Болонской коммуны от 1282—1283 гг. и 1304 г. объявляли свободными от личной и поземельной зависимости большую группу крепостных крестьян — fideles и manentes (причем наделы, очевидно, сохранялись за держателями).

Плату за их освобождение также вносила коммуна [33].

Флоренция в 1289—1290 гг. издала ряд декретов об освобождении (за выкуп) крепостных крестьян, зависимых от феодалов — политических противников Флоренции, не желавших ей подчиняться, но сохранила права на колонов у сеньоров — жителей города и контадо, находящихся под юрисдикцией коммуны.

Выкупную сумму должны были внести сами колоны. Об освобождении колонов, принадлежащих противникам Флоренции, о запрещении их продавать и дарить, обращать в колонатное состояние свободных людей говорилось и в статутах Флоренции 1325 и 1415 гг. Видимо, постановления 1289—1290 гг. были реализованы далеко не сразу и не повсеместно.

Статут Ассизи от 1210 г., предоставляя крепостным округи свободу при условии уплаты определенной денежной суммы, оговаривал, что наделы держателей останутся у их господ.

Другие города Северной и Средней Италии, как правило, охотно принимали в число новых горожан крестьян, находившихся в феодальной зависимости от сеньоров — противников городской коммуны или проживавших вне ее контадо и дистретто. В то же время многочисленными ограничениями обставлялось возможное переселение в город колона, господином которого был житель данного города.

Сиенские правители в статуте второй половины XIII в. заявляли о своей полной готовности принять в число горожан вилланов из округи, но, оказывается, это не касалось вилланов — крепостных постоянных жителей Сиены, которым нужно было прожить 10 лет в городе и «не быть востребованными господами», чтобы стать свободными горожанами.

Городская верхушка, тесно связанная с землевладением, не желала (пока это было возможно, учитывая приток свободных работников из «других округ») терять своих колонов, поставлявших в город сельскохозяйственные продукты, часть которых шла и на продажу.

Сходные постановления содержались в статутах Реджо-Эмилии, Пармы, Верчелли, Перуджи, Пистойи, Пизы [34].

Освобождение городами крепостных, как и насильственное переселение в город феодалов, коммуна могла осуществить лишь в силу своего политического господства в контадо.

[33] Liber Paradisus con le riformagioni e gli statuti connessi. Bologna, 1256; *P. Vaccari*. L'affrancazione dei servi della gleba nell'Emilia e nella Toscana. Bologna, 1926; i d e m. Le affrancazioni collettive dei servi della gleba. Milano, 1940; *Л. А. Котельникова*. Итальянское крестьянство и город..., глава II.

[34] *Л. А. Котельникова*. Итальянское крестьянство и город..., гл. II.

Однако неверно рассматривать итальянский город и феодалов как две всегда враждебные, полярные силы. Действительность оказывалась намного сложнее, и, как уже говорилось, победа города над феодалами, переселение в города десятков и сотен феодальных фамилий не превратили немедленно феодалов в «чистых» горожан, ремесленников и торговцев, полностью утративших феодальную природу, хотя социальное лицо многих из них и значительно изменилось. Постепенное срастание и слияние этих феодалов и пополанов (в свою очередь становившихся сеньорами земель в городской округе), превращение в коллективного сеньора самой городской коммуны оказывали решающее влияние на городскую политику в дистретто в вопросах освобождения крестьян, решения разного рода споров и тяжб держателей и арендаторов с землевладельцами относительно их повинностей, юридических и хозяйственных прав, наконец, их неповиновения сеньорам.

В результате такой политики горожане-землевладельцы и известной степени консервировали старые крепостнические отношения, отнюдь не способствуя прогрессивному преобразованию общественных отношений в округе, так же как они это делали, принимая сторону землевладельцев во время их бесчисленных и повседневных конфликтов и столкновений с крестьянами — держателями и арендаторами.

Флоренция, Сиена и некоторые другие города Средней и Северной Италии в XIV в. стали именно теми центрами, где в текстильном производстве появились первые элементы раннего капитализма [35].

Пошла ли деревенская округа так же далеко вслед за городом? В XIII в. в Италии, и прежде всего в Тоскане, возникает и быстро распространяется испольщина (медзадрия) — особого вида краткосрочная аренда, тесно связанная с господством продуктовой земельной ренты.

В XIV в. испольщина наряду с краткосрочной арендой за фикт в значительной степени вытесняет либеллярный договор и иные формы наследственных держаний.

Итальянская испольщина — весьма сложное явление, которому нельзя дать однозначное объяснение. В VIII—XII вв. — это феодальное держание на довольно обременительных условиях (в некоторых случаях с предоставлением собственником земли-феодалом части семян и скота тем держателям, которые в этом особенно нуждались). В XIII—XIV вв., в период высокоразвитых товарно-денежных отношений, получает все более широкое распространение (прежде всего в Тоскане) так называемая «классическая медзад-

[35] См. ниже, гл. 5.

5. Башни. Сан-Джиминьяно

рия», когда собственник предоставляет арендатору часть (обычно половину) семян и скота или деньги на их приобретение, порой участвует и в иного рода хозяйственных расходах, арендатор же должен предоставлять также половину семян и скота, а после сбора урожая — половину всех продуктов, полученных с участка. Имущественные права арендатора существенно ограничивались: он не имел права не только продать участок, но и передать его в субаренду без разрешения собственника, подработать на стороне, оставить его раньше истечения срока договора и т. п. Значительно меняется социальный состав собственников и арендаторов-испольщиков. Среди земельных собственников, сдающих землю в «классическую медзадрию», все чаще встречаются горожане — как переселившиеся в город феодалы (часть которых посвятила себя уже иным, неземледельческим занятиям), так и представители торгово-ремесленных

слоев, в том числе крупные банкиры, мануфактуристы, городские должностные лица. Иной раз они сдают землю зажиточным крестьянам или тем же промышленникам, ремесленникам и торговцам-горожанам, которые не сами (или не только сами, если это зажиточные крестьяне) обрабатывают участки, а либо сажают на них субарендаторов, либо привлекают как дополнительную силу наемных работников. При таких контрагентах и таком способе обработки земли, при значительном участии собственников в издержках производства и хозяйственном контроле за обработкой podere медзадрия могла содержать в себе элементы новых, нефеодальных отношений, являться полукапиталистической арендой такого типа, который описан Марксом в III томе «Капитала»[36]. Испольщина представляла собой выгодную и удобную форму эксплуатации земли при сравнительно небольших помещениях капиталов (основные расходы нес арендатор!) и с возможностью получения довольно значительных доходов.

Элементы новых отношений можно видеть и в договоре сочиды (аренды скота), когда ее контрагентами выступают торгово-ремесленные городские слои, к тому же связанные с мануфактурным производством в передовых городских центрах Италии. Однако в XIII—XIV вв. еще далеко не все торговцы и ремесленники эксплуатировали свои земельные владения новыми методами, отличными от обычных, феодальных. На их землях немало было колонов, массариев и даже сервов, а также либелляриев. Возможность, тенденция к появлению элементов новых отношений возникла и существовала, но ее дальнейшее развитие зависело от многих факторов, и в первую очередь от общего развития товарного производства вне сельского хозяйства[37], а в Италии XIII—XIV вв. оно было еще недостаточным.

Состав арендаторов-испольщиков был неоднородным. Испольщиками, в том числе и «классическими» (вносившими половину семян и скота), являлись не только (и не столько) зажиточные крестьяне или люди некрестьянского статуса. Обедневшие крестьяне, лишившиеся по разным причинам своих держаний (задолженность, расторжение договора собственником, освобождение от крепостной зависимости и невозможность «по бедности» выкупить землю или разорение в результате выкупа и т. д.), нуждались в помощи собственника, так как нередко не имели ни рабочего скота, ни семян. Именно на них и ложились всей своей тяжестью «дополнительные повинности» и «приношения» чисто феодального характера, помимо взноса половины урожая.

[36] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 367.
[37] См. там же, стр. 363.

Порой (в XIV в. чаще, чем в XIII в.) собственник не предоставлял безвозмездно половину семян или скота, а требовал возврата этой ссуды. Сам испольщик-крестьянин должен был доставлять собственнику, помимо половины урожая, «дополнительные приношения», исполнять полевую барщину, альбергарий, вносить некоторые баналитетные платежи. Имущественные и личные ограничения испольщиков особенно возросли со второй половины XIV в. Когда арендаторами были обедневшие крестьяне, получавшие от собственников «помощь», едва ли можно считать, что они «капиталисты сами для себя»[38]. В данном случае перед нами — феодальная аренда-держание, немногим отличающаяся от того типа либеллярного и эмфитевтического договора XIV в., при котором либеллярий — обедневший крестьянин — испытывал немалые стеснения со стороны собственника. «Вложение капитала» собственником здесь фактически обычная ссуда ростовщического характера, которая влечет за собой весьма высокую феодальную ренту (половина урожая плюс многочисленные «дополнительные приношения»).

Как видим, в медзадрии XIII—XIV вв. феодальные элементы занимали еще значительное место, а их роль со второй половины XIV в. возрастала. По своему фактическому социально-правовому положению к крестьянам — «классическим» испольщикам близки арендаторы крестьянского типа из «обычных» испольщиков и аффиктариев (эти виды срочной аренды в XIII—XIV вв. носили еще целиком феодальный характер и не содержали в себе каких-либо элементов новых, нефеодальных отношений).

К новым, полукапиталистическим элементам, заявившим о своем «праве на существование» в феодальной общественной структуре в конце XIII—XIV в., следует отнести и сельских наемных работников. Бо́льшая часть их оставалась еще арендаторами и держателями, для которых работа по найму носила спорадический характер и являлась скорее «помощью» зажиточному соседу и дополнительным заработком. Тем не менее в документах XIII—XIV вв. (особенно в городских статутах) упоминаются и постоянные наемные работники, повседневно трудившиеся за плату (а иногда и получавшие питание от хозяина) на полях, в садах и виноградниках горожан-торговцев и промышленников. Но и они, очевидно, продолжали, как правило, иметь собственный огород, небольшой участок земли и хозяйство, так как чрезвычайно низкий уровень их заработной платы не мог обеспечить им даже полуголодного существования. Однако независимо от того, были эти работники временными или постоянными, основной производительной силой в итальянской деревне XIII—XIV вв. являлись не они, а феодально-зависимые крестьяне-держатели и арендаторы.

[38] Там же, стр. 367.

В среде итальянского крестьянства XI—XIII вв. наиболее многочисленны наследственные держатели — либеллярии, эмфитевты, держатели nomine locationis. Права наследственных держателей были в XI—XII вв. и особенно в XIII в. весьма широки и многообразны — вплоть до возможности свободного оставления участка, передачи его в держание другому лицу и даже продажи (как при сохранении за собственником права предпочтительной покупки, так и без его ведома). Значительная часть либелляриев и эмфитевтов фактически приблизилась к парцеллярным собственникам, феодальная зависимость которых подчас ограничивалась уплатой землевладельцам денежного или натурального чинша (нередко сравнительно небольших размеров, а иногда даже символического).

От феодально-зависимых держателей, отношения которых с собственником оформлялись не договором, а обычаем, либелляриев отличало то, что соглашения с вотчинником заключались здесь добровольно (по крайне мере внешне), без применения внеэкономического принуждения. И вообще элемент внеэкономической зависимости присутствовал в этом держании в незначительной степени: иногда судебная зависимость, альбергарии, извозная повинность. Следовательно, сильно изменилась (по сравнению с VIII—X вв., когда значительная часть либелляриев была близка к крепостным держателям) и самая природа взаимоотношений либелляриев и эмфитевтов с земельным собственником.

Либеллярные держания в Средней и Северной Италии XIII в. предоставляли наилучшие возможности для развития индивидуального крестьянского хозяйства, были, если можно так сказать, «наивысшей точкой» достижения личной и имущественной свободы крестьянином, однако в рамках феодальной зависимости его от собственника. Нельзя упускать из виду то обстоятельство, что собственниками своих участков либеллярии и иные наследственные держатели не стали. Они продолжали платить феодальную ренту сеньорам, имевшим на эти участки право феодальной собственности. Либеллярные держания не были одинаково выгодны и благоприятны для всех крестьян. Далеко не все либеллярии могли свободно продавать свои держания без ведома собственника. Довольно часто собственник сохранял право предпочтительной покупки за плату, много ниже принятой в данной местности. Порой продажа и передача участков субдержателю обусловливались обязательствами, стесняющими имущественную свободу либеллярия. Иной раз имело место повышение чинша (особенно при замене денежного чинша натуральным), что приводило к разорению и потере земельного надела (при невозможности заплатить высокий штраф) обедневшими крестьянами. Об этом свидетельствуют многочисленные споры и тяжбы крестьян в городских судебных куриях, отказ крестьян исполнять повинности, наконец, их открытое сопротивление. Наоборот, для за-

житочных хозяев либеллярные и эмфитевтические контракты открывали большие возможности для дальнейшего обогащения.

Таким образом, в итальянской деревне в конце XIII—XIV в. появились переходные элементы полукапиталистического характера (медзадрия, наемные работники). Горожане-пополаны, сдавая свои земли в округе, подчас свободные от феодальной зависимости, превратившиеся в аллоды, в «классическую» испольную аренду, да еще нередко с привлечением труда наемных работников, тем самым частично переходили к новым методам ведения хозяйства, отличным от старых, феодальных. Однако такие хозяйства еще не играли решающей роли в Средней Италии XIII—XIV вв., где значительный удельный вес принадлежал земельным комплексам, владельцы которых применяли труд феодально-зависимых держателей.

В то же время уже со второй половины XIV в. в деревне Северной и Средней Италии все явственнее проявляются тенденции к ухудшению условий держания либелляриев и эмфитевтов, к усилению элементов их личной зависимости от землевладельцев. Сильно сокращается число либеллярных, эмфитевтических и иных наследственных договоров, все более сменяющихся краткосрочной арендой за фикт. Возрастают чисто феодальные обязательства «классических» испольщиков, а аффиктарии по существу так ограничиваются в своих правах распоряжения участком, что фактически оказываются в большей зависимости от земельного собственника, чем либелларии и эмфитевты в XI—XII вв.

Выяснить причины роста консервативных тенденций и элементов в итальянской деревне этого периода — задача весьма сложная, и мы ее не ставили перед собой. Отметим лишь некоторые аспекты. В этой связи вернемся к вопросу о роли ренты продуктами.

В специфических условиях расцвета итальянских городов в XIII—XIV вв. было бы ошибочно акцентировать внимание на отрицательных сторонах ее господства. Положительное влияние этого факта, тесно связанного с развитием товарного производства, на экономику и социальные отношения в деревне несомненно. Тем не менее преобладание именно натуральной ренты имело и отрицательные последствия, которые наряду с другими причинами (недостаточностью развития капиталистических элементов в самом городе, раздробленностью страны, отсутствием условий для создания внутреннего рынка и т. п.) обусловили замедленные темпы общественных преобразований, консервацию испольщины в ее «ухудшенном» варианте. Господство натуральной ренты было тесно связано с распространением испольщины, которая наряду с новыми полукапиталистическими элементами заключала в себе элементы и чисто феодальных отношений и даже личной зависимости испольщика от землевладельца, давно уже не встречавшиеся в либеллярных или эмфитевтических договорах.

В среде современных итальянских историков можно проследить два основных течения в оценке сущности экономических и социальных преобразований в итальянской деревне XII—XIV вв. Историки, принадлежащие к одному из них (Дж. Луццатто, Э. Кристиани, Ч. Виоланте, Р. Ромео, Ф. Джонс, Дж. Фазоли и др.), считают, что неправомерно говорить о кризисе или разложении феодальных порядков. Феодализм и в деревне и в городе был еще в полной силе. Происходившие перемены касались сферы управления, но не производства. Другая группа исследователей (К. М. Чиполла, Л. Даль Пане, П. Ваккари, Дж. Керубини) период расцвета городов-коммун связывает с разложением и кризисом феодализма, хотя и полагает, что уровень капиталистического развития страны был невысок, а в экономике преобладающую роль играло сельское хозяйство[39].

Но историки обоих направлений понимают феодализм как политическую систему, систему личного подчинения и вассально-ленных связей. Поэтому уничтожение или существенное ослабление этих связей для одних исследователей означает разрушение феодализма в целом; другие же стремятся найти в феодальных порядках XII—XIV вв. черты, свойственные феодализму более раннего времени, и пытаются доказать, что никаких коренных изменений с тех пор не произошло.

Какова наша оценка социально-экономических процессов, протекавших в аграрной сфере в Северной и Средней Италии в XII—XIV вв.?

Исключительное развитие городов в Италии, их экономическое и политическое господство над деревенской округой определили значительные изменения в структуре феодальной собственности в результате переселения в города сотен феодальных фамилий и перехода большой части их земельных владений в руки пополанов — промышленников и торговцев и городской коммуны в лице правящей верхушки города. На землях «новых владельцев» из пополанов и переселившихся в города феодалов, занимавшихся ремеслом, торговлей и ростовщичеством, появились некоторые черты новой организации хозяйства: «классическая» испольщина, содержавшая в се-

[39] *Дж. Луццатто*. Экономическая история Италии, т. 1; *idem*. Tramonto e sopravvivenza del feudalismo nei comuni italiani del Medio Evo.— «Studi medievali», 1962, fasc. II; *C. Violante*. Storia ed economia dell'Italia medioevale. A proposito di un libro recente.— «Rivista storica italiana», 1961, fasc. III; *Ph. J. Jones*. Per la storia agraria italiana nel medio evo: lineamenti e problemi.— «Rivista storica italiana», 1964, fasc. II; Storia dell'economia italiana. Saggi di storia economica. A cura di C. M. Cipolla, vol. I. Torino, 1959; *G. Cherubini*. Qualche considerazioni sulle campagne dell'Italia centro-settentrionale tra il XI e il XV secolo — «Rivista storica italiana», 1967, fasc. I.

бе новые, полукапиталистические элементы, а также частичное применение труда постоянных сельских наемных работников.

Однако, хотя новые элементы полукапиталистического характера имели важное значение в жизни деревни XIII — середины XIV в., они не получили еще широкого распространения. Велико было число феодальных хозяйств, основанных на труде колонов, феодальных наследственных держателей и краткосрочных арендаторов — «обычных» испольщиков и аффиктариев. Изменения в социальной структуре деревни позволяют говорить о новом этапе развития феодализма в XIII—XIV вв., которому уже органически присущи эти новые, нефеодальные черты, но ни его разложение, ни кризис в XIII—XIV вв. в итальянской деревне еще не наступили. Следует, однако, признать, что и среди советских историков, которые с позиций исторического материализма стремятся выявить существо социально-экономических изменений феодализма в XIII—XIV вв., нет единого мнения относительно оценки результатов социально-экономических преобразований в итальянской деревне этого периода.

С. Д. Сказкин, Л. М. Брагина, В. В. Самаркин придерживаются точки зрения, близкой к высказанной в данной главе. В. И. Рутенбург и Е. В. Бернадская полагают, что в описанное время следует говорить уже о разложении феодальных порядков, считают более высоким уровень развития раннекапиталистических отношений в деревне [40]. Будущие исследования, привлечение нового, еще не изучавшегося архивного материала помогут разрешить этот спор.

Итак, специфика феодального развития Северной и Средней Италии в IX—XIV вв. обусловливалась рядом фактором. Среди них важное место принадлежит римскому влиянию. Своеобразие итальянского феодализма во многом предопределялось сохранением от римской эпохи большого числа городов с их особой муниципальной организацией, хотя и в значительной мере видоизменившихся на протяжении средневековья.

Почти полностью лишенные каких бы то ни было гражданских и имущественных прав сервы и в XI—XIII вв. еще юридически прикрепленные к земле колоны вызывают несомненные ассоциации с их античными предками. Можно также провести связующую линию от

[40] *С. Д. Сказкин*. Очерки по истории крестьянства в Западной Европе в средние века. М., 1968; *Л. М. Брагина*. Крестьянское держание в Северо-Восточной Италии в XIII—XIV вв.— «Вопросы истории», № 8, 1955; *В. В. Самаркин*. Эволюция либеллярного держания в XII — XIV вв.— «Вестник МГУ», № 3, 1964; *В. И. Рутенбург*. Народные движения в городах Италии; *Е. В. Бернадская*. К истории аграрных отношений Северной и Средней Италии XIV—XVI вв. (по материалам провинций Модены и Феррары).— Сб. «Из истории трудящихся масс Италии». М., 1959.

либелляриев и эмфитевтов к наследственным арендаторам Западной и Восточной Римской империи.

Страна городов, Северная и Средняя Италия не знала в течение многих столетий сколько-нибудь сильной и влиятельной королевской власти (походы германских императоров оставались все же эпизодами в ее истории). Здесь не сложилась законченная иерархия класса феодалов. Королевская власть не могла стать не только действительным, но даже и потенциальным союзником грандов.

Но главная особенность социального облика итальянских феодалов определялась их тесной связью с интересами торговых, ростовщических и ремесленных предприятий. Многие из феодалов издавна жили в городах, в их контадо и дистретто (вспомним о римских possessores!).

Сотни феодальных фамилий переселились в города в XI—XIII вв. по требованию и по инициативе городских коммун. Конечно, не все нобили стали ремесленниками и торговцами, но многие сделались ими. В то же время и исконные пополаны все в большей степени связывались с землевладением. Сближение и сращивание интересов разных социальных слоев городской верхушки происходило неумолимо и в постепенно возрастающем темпе и масштабах. Барди и Перуцци, Аччаюоли и Медичи — все они являлись и крупными земельными собственниками. Итальянские города установили экономическое и политическое господство над феодалами (феодалы в Италии оказались слабее своих европейских собратьев, и сильным городам здесь это было сделать легче, чем за Альпами), но феодализм они сломить не смогли, так как пополаны в значительной мере сами «феодализировались».

Тем не менее нигде в Европе не известны акты, подобные «Установлениям правосудия» 1293 г., «Болонскому раю» 1257 г. и Флорентийским постановлениям об освобождении колонов в 1289—1290 гг. Лишение политических прав сотен феодальных фамилий и насильственное переселение их в город в десятках городов Италии, освобождение 6 тыс. сервов в Болонье, выкуп за которых вносила коммуна, отмена крепостного права на землях феодалов — противников коммуны во Флоренции — одних этих акций (а к ним можно добавить немало иных, в том же направлении) достаточно, чтобы признать несомненной заслугу итальянских городов в антифеодальной борьбе. Но действительность средневековой Италии была слишком противоречива, чтобы делать однозначный вывод о глубине и силе воздействия городов на феодализм. «Феодализация» пополанов шла параллельно с урбанизацией феодалов; распространение испольщины и некоторых форм наемного труда в деревне сопровождалось ограничением хозяйственных, имущественных, а нередко и личных прав испольщиков, усилением элементов личной и хозяйственной зависимости либелляриев.

Лишая грандов политических прав, городские власти нередко оставляли всяческие лазейки для реабилитации тех сеньоров, которые пожелали бы вступить в цех или торговую компанию («Поправка к установлениям правосудия 1295 г.»).

Таким образом, оказав самое сильное, чем где-либо в Европе, давление на феодальный строй страны, города в XIII—XIV вв. оказались не в состоянии уничтожить феодальную экономику, феодальную общественную систему. Феодализм претерпел глубокие и качественные изменения под воздействием товарного производства, но Италия все же осталась феодальной.

История итальянских городов в эпоху средневековья — особая тема, требующая специального рассмотрения.

3

ЮЖНАЯ ИТАЛИЯ IX—XIII ВВ.

В течение всего средневековья Южная Италия развивалась своим, особым путем. Процесс формирования феодализма не только проходил здесь медленнее, чем в Северной и Средней Италии, но и отличался рядом весьма своеобразных черт. Основные сдвиги в экономической и социальной сфере, составляющие содержание процесса феодализации, падают на IX—XIII вв. Поэтому данному периоду посвящена настоящая глава. Его изучение дает возможность понять, каким образом Юг Италии, где некоторые города в IX—X вв. вели такую оживленную торговлю с Востоком, что опередили города Севера полуострова, где в XII—XIII вв. существовало государство, в известных отношениях предвосхитившее централизованные монархии Западной Европы,— начинает со временем все более отставать от Севера.

РАЗВИТИЕ ЮГА ИТАЛИИ В ВИЗАНТИЙСКО-ЛАНГОБАРДСКИЙ ПЕРИОД

Лангобарды, подчинившие в VI в., своей власти Северную и Среднюю Италию, захватили в VI—VII вв. часть Южной Италии, где образовалось фактически независимое государство — Беневентский дукат (герцогство), позднее превратившийся в принципат (княжество). Расширяя постепенно границы государства, сильные беневентские герцоги в VII в. временно завоевали почти всю Апу-

лию, бо́льшую часть Кампании и часть Калабрии. У византийцев остались в Апулии лишь небольшие осколки их бывших владений. Самостоятельными государствами являлись Неаполитанский дукат, Гаэта и Амальфи, лишь формально признававшие верховенство Византии.

Политическая карта быстро менялась. В середине IX в. от Беневентского принципата отделился Салернский, а вскоре — графство Капуя (которое, впрочем, в конце столетия вновь объединилось с Беневенто).

В это время Юг сильно страдал от опустошительных набегов сарацин (арабов), завоевавших с 827 по 902 г. остров Сицилию. Пользуясь постоянными раздорами между мелкими государствами континентальной Италии, арабы смогли основать пиратские колонии в крупных приморских городах Апулии — Таранто и Бари (который находился под их властью более 30 лет — с 840 по 871 г). Отсюда, а также из захваченной ими на юго-западном побережье крепости Гарильяно они совершали бесконечные набеги, сопровождавшиеся разграблением городов и уничтожением деревень, убийствами и массовым уводом в плен мужчин, женщин и детей. Во второй половине IX в. эти нашествия наводили ужас на всю Кампанию. Ряд городов — Песто, Бояно, Изерния — был полностью разрушен сарацинами.

Одновременно велись войны как между лангобардскими государствами Юга, так и этих государств с Неаполем. То и дело меняя свою ориентацию, отдельные южноитальянские государства временами сближались с Византией, временами — с сарацинами или с франкскими императорами, которые в свою очередь активно вмешивались в события, стремясь подчинить Юг. «Сарацины ...все опустошали,— пишет анонимный хронист из Салерно.— И когда они вступали в союз с салернитанцами, они тяжко обрушивались на неаполитанцев и капуанцев, а когда заключали мир с неаполитанцами — разрушали Салерно или Беневенто» [1].

В 80-х годах IX в. посланная из Византии сильная армия начала теснить сарацин и лангобардов. Расширенные таким образом византийские владения получили административное устройство: были образованы две фемы: Лангобардия, охватывавшая Апулию и часть Лукании (Базиликаты), и Калабрия. Центром этих владений стал Бари.

Последний оплот сарацин на континенте — разбойничье гнездо Гарильяно — был уничтожен в 915 г. объединившимися для этой цели лангобардскими и византийскими войсками. Благодаря этому в X в. положение несколько улучшилось. Но и тогда Южная Италия

[1] Chronicon Salernitanum. Ed. by U. Westerbergh. Stockholm, 1956, p. 146.

нередко служила ареной военных действий: византийцы сражались с лангобардами, германские императоры предпринимали походы на юг, с севера нападали венгры; набеги сарацин из Сицилии, хотя и не носившие столь разрушительного характера, как в IX в., продолжались, а в 20-х годах X в. им удалось даже разграбить такие большие города, как Ориа и Таранто.

Понятно, что в IX— начале X в. Южная Италия пребывала в состоянии глубокого запустения. Многие территории, находившиеся в первые века новой эры в цветущем состоянии, были теперь заболочены или почти сплошь покрылись лесами и кустарником. По словам автора хроники монастыря св. Виченция в Волтурно, в начале VIII в., когда был основан монастырь, «оба берега реки [Волтурно] были покрыты непроходимым лесом, в котором обитали дикие звери и находили убежище разбойники»[2]. Вследствие войн, набегов, эпидемий плотность населения была в Южной Италии очень низкой. Увеличивалось население медленно. Лишь несколько крупных приморских городов, таких, как Амальфи, Неаполь, Салерно и Бари, были центрами экономической жизни.

Этническая карта Юга, где осели в большем или меньшем количестве выходцы из различных стран и областей, выглядела очень пестро.

Остготы, посылавшие в Южную Италию лишь военные гарнизоны, не наложили отпечатка на ее дальнейшее историческое развитие. Иначе обстояло дело с лангобардами. Они поселились не только в районах Беневенто, Салерно и Капуи, но и (хотя и в меньшем числе) в Апулии. Несмотря на заметное преобладание местного населения над лангобардами, осевшими на Юге Италии, влияние, оказанное лангобардами на дальнейшее социальное развитие этого региона, было немаловажным.

Сравнительно скоро неполноправие свободных римлян по сравнению с лангобардами-победителями начало сглаживаться: римлян-собственников обязали нести военную службу. Начался медленный процесс слияния обоих народов, тем более что между италийцами и лангобардами часто заключались браки, которым лангобарды не препятствовали. Это слияние быстрее происходило в городах, медленнее — в сельской местности, так как лангобарды первоначально селились отдельными деревнями. Завершилось оно в основном в XI в., но еще долгое время не было полным.

Более высокий уровень культуры италийцев (даже в эти столетия глубокого экономического и культурного упадка) оказал влияние на лангобардов. Это сказалось на языке: государственные и частные акты стали составляться по-латыни, а лангобардский язык

[2] Chronicon Vulturnense del monaco Giovanni. A cura di V. Federici. Vol. I. Roma, 1925, p. 129 (далее — Chron. Vult.).

превратился в диалект и вскоре, за исключением отдельных терминов, был забыт.

В Южной Италии поселились также выходцы из Византии. Уже в VI в., после победы войск Юстиниана над остготами, здесь осели в сравнительно небольшом числе византийские греки, покинувшие свою родину. Появившиеся в это время греческие названия городов (Поликастро, Агрополи и др.) и даже деревень свидетельствуют о том, что византийцы поселились главным образом на побережье Тирренского моря.

Следующая, более широкая волна колонизации относится к IX в., когда было восстановлено на значительной части территории Юга византийское господство. Для его упрочения сюда, особенно в Северную Калабрию и Южную Луканию, переселяли освобожденных рабов и колонов, жителей Ливана, Армении и других районов империи. Как сообщает хронист, по приказанию Льва VI в Южную Италию было переселено в качестве колонистов три тысячи получивших свободу рабов очень богатой женщины, вдовы Даниэлис, завещавшей часть своих рабов императору.

Большинство гражданских и военных должностей в фемах сосредоточилось в руках византийцев; немногие местные жители занимали места в государственном аппарате, и очень редко им удавалось получить доступ к важным должностям (хотя титулы патрициев, консулов и др., не связанные с исполнением каких-либо обязанностей, широко раздавались византийскими властями, чтобы привлечь на свою сторону местную знать).

Высокопоставленные византийские чиновники прибывали в Бари, Таранто и другие административные центры не только со своими семьями, зависимыми людьми и рабами, но и в сопровождении низших должностных лиц. В основывавшиеся на Юге греческие монастыри и церкви переселялись из империи священники и монахи. Византийские купцы (впрочем, немногочисленные) появлялись со своими товарами в крупных приморских городах. Жили здесь и воины из императорских войск, получавшие за свою службу вознаграждение землями и другого рода недвижимостью. О греках, т. е. людях родом из Византии, говорится во многих южноитальянских грамотах, фиксирующих сделки с землей. Мы находим в числе земельных собственников и армян. О том, что число выходцев из Византии не было незначительным (разумеется, в первую очередь — в византийских областях), свидетельствует защита от местных жителей — «греков и лангобардов», «армян, греков и лангобардов», предлагаемая в тексте некоторых привилегий крупнейшим монастырям Юга. Среди византийцев-землевладельцев были, очевидно, лица, стоявшие на самых различных ступенях социальной лестницы — от высокопоставленных чиновников до мелких крестьян-переселенцев — колонов и бывших рабов.

Наиболее сильной эллинизации подверглась Калабрия, в которой Лев III Исавр конфисковал в первой половине VIII в. земли, принадлежавшие папе. Именно в Калабрии было основано в IX—X вв. большинство греческих монастырей и колоний. Греческий язык, издавна (со времен основания в Калабрии древнегреческих колоний) сохранившийся здесь наряду с латинским, получил теперь дальнейшее развитие: из Калабрии дошло до нас множество грамот, написанных на греческом языке.

В Апулии самым эллинизированным районом являлся Салентинский полуостров с городами Таранто и Бриндизи. Здесь, как и в Калабрии, греческий язык выступал в качестве государственного языка, живопись, архитектура и другие виды искусства находились под византийским влиянием.

Византийцам приходилось, чтобы удержать свою власть в Южной Италии, разрешать населению свободно применять любые правовые нормы, признавать язык, местные обычаи, латинское богослужение. В целом эллинизация византийских областей Южной Италии не была глубокой и не привела к заметным этническим изменениям.

Наконец, в Южную Италию переселялись также славяне Балканского полуострова, особенно Далмации, поддерживавшей оживленные торговые связи с Апулией. В апулийских грамотах упоминаются славяне, поселившиеся здесь (они фигурируют в актах как лица, заключающие различные имущественные сделки), а также рабы славянского происхождения (ex genere sclavorum), захваченные во время военных столкновений и набегов. На Адриатическом побережье Юга возникли немногочисленные славянские колонии. Известна, например, такая колония на полуострове Гаргано (Апулия), в крепости Девиа. Она состояла из мелких земельных собственников. Управление находилось в руках жупана и других «добрых людей», являвшихся, очевидно, представителями зажиточного слоя переселенцев. Однако такие изолированные колонии славян не оказали влияния на местные обычаи и институты.

Как уже отмечалось, Южная Италия долгое время находилась в состоянии глубокого запустения. Только с конца X в., когда войны и нападения стали более редкими, начался медленный подъем сельского хозяйства, в первую очередь земледелия. Постепенно стали вновь обрабатываться обширные площади ранее заброшенных земель, началась расчистка лесов.

Основу земледелия составляло зерновое хозяйство. Это определялось прежде всего господством натурального хозяйства, при ко-

тором хлебные злаки — главное питание населения — должен был выращивать каждый крестьянин.

Самыми распространенными среди зерновых культур были пшеница и ячмень; сеяли также просо и в незначительных количествах рожь, полбу, полуполбу. Очень большое место занимали в хозяйстве стручковые — бобы, красная и белая фасоль. Они играли немалую роль в питании широких слоев населения, в том числе беднейших.

Климатические особенности этих областей препятствовали введению трехполья: летом длительная жара и недостаток влаги делали невозможным интенсивный рост зерновых, и яровые не успевали бы вызревать. Поэтому здесь господствовало двухполье или в некоторых районах, очевидно, более прогрессивный севооборот — смена на поле озимых зерновых стручковыми.

Землю пахали легким плугом, в который впрягали пару волов. Но плугом владели далеко не все крестьяне, так как железо для лемеха было дорогим. Волы также имелись лишь у части крестьян. В расследовании, производившемся в Неаполитанской области среди крестьян крепости Сан-Северино (в 1116 г.), идет речь о тех, кто владеет быком, ослом или мулом, и о людях, вообще не имеющих рабочего скота. Последние обрабатывали землю мотыгой и заступом. Поле вспахивалось дважды — сначала поднимали пар, потом, перед посевом, пахали второй раз. Засеянное поле мотыжили или, реже, боронили. Посевы обычно пропалывали, но удобрения, по всей вероятности, не применялись. Жали серпами и затем молотили снопы на гумне.

Таким образом, культура хлебопашества была не очень высокой. Даже в плодородной Кампании, насколько можно судить по документам XI в., средний урожай составлял сам-три или сам-четыре.

Значительно более высокого развития достигли на Юге виноградарство, маслиноводство и садоводство. Сады, виноградники и оливковые рощи, немногочисленные до X в., в дальнейшем постепенно покрыли значительную часть Кампании, прибрежных районов Калабрии и особенно Апулии. Их площадь увеличивалась частично за счет пустошей, а частью за счет хлебных полей. Происходила интенсификация сельского хозяйства. Южная Италия по своему облику начала походить на античную.

Крестьяне выращивали не только шпалерные виноградники, но и древесные (arbusta), в которых виноградные лозы подвязывались к тополям и другим деревьям. Эти деревья рассаживались рядами на большом расстоянии друг от друга, и вся свободная площадь между ними засевалась хлебными злаками. Точно так же сеяли зерновые и в оливковых рощах.

Виноградарство занимало первое место среди интенсивных культур, прочно удерживая его и в XIII в., несмотря на значительные

успехи к этому времени оливководства. Как показывают акты поземельных сделок, виноградники и сады, а иногда и маслинники были расположены вперемежку с пашнями. Лишь на самом Юге — в Апулии и Калабрии — они нередко составляли обширные целостные комплексы. Такие территории обносились общей оградой (стеной или насыпью) либо окапывались рвом — даже в том случае, когда отдельные части их принадлежали разным собственникам.

Садоводство также развивалось в X—XIII вв. довольно быстро. Фруктовые деревья выращивались не только в садах, но и в виноградниках и маслинниках. Ассортимент плодовых и других полезных деревьев становился все более разнообразным: разводились яблони, смоковницы, груши, миндалевые и гранатовые деревья, реже — сливы, черешни, мушмула, рябина, рожковое дерево и лавры. В районе Амальфи устраивались даже особые розарии, которые насаждались здесь еще в античную эпоху: по-видимому, из роз изготовляли благовония («розовая вода»), применявшиеся наряду с ладаном при богослужении.

Важной отраслью агрикультуры Кампании было разведение ореховых и каштановых деревьев (сушеные каштаны шли в пищу). Выращивались грецкие и абелланские орехи. В самых южных областях орешники и насаждения каштанов встречались редко.

О подъеме сельского хозяйства наглядно свидетельствует введение на Юге новых культур, которых не знала античная Италия. В X в. в кампанских источниках впервые упоминаются цитрусовые. Эта культура, заимствованная у арабов Сицилии, требовала особых технических навыков и регулярного орошения. В дальнейшем цитрусовые стали разводиться более широко. В том же районе начали культивировать и тутовые деревья, известные в древности как плодовые деревья, но теперь выращиваемые с иной целью: их листьями выкармливали гусениц тутового шелкопряда. Здесь появился, таким образом, свой шелк-сырец, и именно из Южной Италии важное и новое для Европы ремесло — изготовление шелковых тканей — распространилось по всему Апеннинскому полуострову, а затем и по другим странам Запада.

Наконец, в Калабрии к новым культурам присоединились хлопок и сахарный тростник, заимствованные, по-видимому, также у сицилийских арабов.

Серьезную проблему составляло для Южной Италии, особенно для засушливых районов Апулии, орошение. Без оросительной системы нельзя было выращивать виноград, оливы, плодовые деревья, овощи, а в Апулии местами даже злаки. Поэтому люди, приобретавшие земли, нередко оговаривали право пользоваться водой из реки или искусственного водоема. Иногда объем воды, представлявшей большую ценность, строго ограничивался; в салернском акте XI в. крестьянину, получившему участок пустующей земли,

разрешается ходить к водоему «с сосудом, который человек может нести в руках или на плече, черпать там должным образом воду и нести ее к указанной земле» [3].

Очень большое внимание уделялось проблеме орошения земель в Апулии. В садах и виноградниках прорывались каналы. От рек, искусственных водоемов и каналов отводились небольшие оросительные канавы или деревянные желоба (акведуки), по которым текла вода. Для орошения земель здесь широко использовались водоподъемные колеса наподобие мельничных. В апулийских деревнях имелась целая система водных резервуаров, принадлежавших частным лицам и общине; все они сосредоточивались в одном месте. Из-за нехватки воды искусственные и естественные водоемы служили нередко объектом споров и длительных тяжб.

В земледелии отчетливо заметна большая роль римской традиции. Ее можно проследить в устройстве плуга и других сельскохозяйственных орудий, в методах обработки почвы и системе земледелия, в способах ухода за виноградными лозами, фруктовыми деревьями и оливами, в сочетании древесных виноградников и насаждений олив с зерновыми культурами, которыми засевалась вся свободная площадь в виноградниках и маслинниках, в системе ирригации.

Известный прогресс по сравнению с античностью знаменовало появление некоторых новых культур (см. выше). Более широкое распространение получили виноградарство и маслиноводство, особенно в Апулии. Однако в целом агрикультура Южной Италии достигла (отчасти в силу природных условий и низкой плотности населения) в XI—XIII вв. только того уровня, на котором находилось земледелие античного общества периода его расцвета.

Значительная часть территории Юга, прежде всего — внутренних районов, была покрыта лесами или представляла собой естественные пастбища, расположенные на склонах гор. Поэтому скотоводство играло важную роль в хозяйстве. Отчасти это объясняется следующим обстоятельством: для разведения скота требовалось небольшое число рабочих рук [4], а в сельском хозяйстве Южной Италии постоянно не хватало рабочей силы.

Козы, овцы и свиньи разводились сравнительно больше, чем крупный рогатый скот. Продукты скотоводства, особенно сыр, сало и свинина, являлись существенной составной частью пищи людей (свинину могли есть лишь зажиточные люди).

[3] Codex diplomaticus Cavensis. Ed. Morcaldi (далее — Cava). T. VI, № 925 (1038).

[4] В статутах XIII в. предписывается иметь в крупных государственных хозяйствах пять пастухов на 1000 овец и четыре — на 300 коров.

Скотоводство было довольно примитивным — преимущественно пастбищным, а не стойловым. Свиньи паслись в лесах, кормясь там желудями. Сбор и специальная заготовка желудей свидетельствуют о том, что местами свиньи часть года содержались в свинарниках. Остальной скот выпускали на пастбища. Иногда пастбищами служили болота, подсыхавшие летом. Хлев, овчарня, сеновал упоминаются документами редко — обычно скот пасся на подножном корму. Овцеводство, наиболее развитое в Апулии, было перегонным: стада овец весной перегоняли с апулийской равнины в горы, а осенью их гнали обратно. В XIII в. огромным стадам овец, принадлежавшим государству, разрешалось свободно переходить по землям частных лиц. Это наносило вред посевам, и Карлу I Анжуйскому пришлось в конце XIII в. издать особый закон, требующий ограждать их от скота во время перегонов.

Развитие экстенсивного скотоводства неблагоприятно влияло на земледелие: почти полное отсутствие удобрений (которые можно было бы собрать при стойловом содержании скота) отрицательно сказывалось на урожайности.

Южноитальянская деревня не была кучевой: дома, как правило, были разбросаны на довольно обширной территории, усадьбы перемежались с пашнями, виноградниками, садами. Каждый дом и участок имели доступ к дороге: государственной или общинной. Местами еще уцелели античные дороги.

Центром каждого держания был крестьянский двор с деревянным домом, колодцем, винным погребом. Около двора располагалось гумно, на котором молотили зерно, за домом разбивался огород. Иногда рядом находился сад; часто фруктовые деревья росли в огороде, на дворе, в винограднике и даже на пашне. В усадьбах изредка имелись хлев, сеновал, овчарня, свинарник. Зерно хранилось в особых ямах.

На окраине деревенской территории располагались хутора. Там жили те крестьяне, которые получали в аренду заброшенные земли и должны были пустить их в обработку, насадить виноградники, сады и пр. Впрочем, они могли сами не жить на хуторе, а послать туда зависимых от них людей; последние обрабатывали эти земли, окружали их изгородью, чтобы уберечь от потравы скотом. Арендаторам вменялось в обязанность строить на передаваемой им земле дом. Часто им предоставлялось право по окончании срока договора разобрать дом и увезти бревна с собой.

*

Жители каждой деревни составляли общину, игравшую в Южной Италии очень важную роль как в хозяйственной жизни, так и в борьбе крестьян с феодалами.

Заняв в VI—VII вв. часть Южной Италии, лангобарды селились здесь отдельными деревнями, почти не смешиваясь на первых порах с римскими мелкими землевладельцами. Как и на Севере, они осели кровнородственными объединениями. Даже в источниках VIII—IX вв. иногда встречается термин «кондома» (condoma), обозначающий большую семью, или домовую общину, являющуюся пережитком родового строя. В некоторых грамотах имеется описание большой семьи: упоминается имя главы семьи «с женой, сыновьями, дочерьми, невестками и внуками»[5]. Большие семьи, фигурирующие в грамотах, входят в состав дарений церкви или являются объектом тяжб между феодалами. Таким образом, речь идет о больших семьях (охватывающих родственников трех поколений), которые уже утратили свою свободу, хотя и сохранили совместное хозяйство. Они переходят к новому владельцу в полном составе вместе с землей, на которой они сидят, со всем движимым и недвижимым имуществом. Прямых сведений о кондомах крестьян, исстари сохранивших свою свободу, нет. Очевидно, отдельные большие семьи свободных крестьян-аллодистов также уцелели, пока не распались на малые. Можно предположить, что в VIII—IX вв. свободных кондом было меньше, чем больших семей зависимых крестьян: факторы, разлагавшие внутрисемейные связи, должны были действовать эффективнее в отношении свободных кондом, члены которых, сообща владея аллодиальной собственностью, могли распоряжаться ею и делить ее. Постепенно все большие семьи, представлявшие собой пережиток родового строя, распались на малые; показательно, что термин «кондома» (в дальнейшем исчезнувший) в это время изредка переносится и на малую семью.

Об интенсивно происходившем в IX—X вв. процессе распада большой семьи свидетельствуют многочисленные грамоты, оформлявшие раздел общего имущества между его бывшими совладельцами — братьями, дядьями с племянниками, двоюродными братьями. Раздел семейной собственности между свободными мелкими крестьянами производился весьма точно: один из совладельцев проводил новые границы, а второй (или остальные, если их было несколько) выбирал себе долю по своему усмотрению. При наличии ряда участков нередко дробился каждый из них — для того, чтобы выделившиеся индивидуальные владельцы получили поля, виноградники, оливковые рощи и сады одинакового качества.

[5] Chron. Vult., I, № 40 (812 г.); Cava, I, № 111 (899 г.) и др.

Важно отметить, что подчас разделу подвергалась не вся недвижимость; некоторые объекты оставались в совместной собственности родственников, которые назывались в грамотах совладельцами (sortifices). Но даже в том случае, если члены бывшей большой семьи делили недвижимое имущество целиком, экономическая связь между этими людьми не порывалась окончательно. Например, если кто-либо из них намеревался продать выделенные ему некогда земли, у остальных участников раздела сохранялось право предпочтительной покупки земли «по справедливой цене»; лишь в случае их отказа собственник мог продать землю третьим лицам.

Родственники продолжали играть важную роль в жизни общинников. Они принимали участие в различных юридических процедурах: являлись соприсяжниками, нередко в судебных процессах истец или ответчик выступали не только от своего имени, но и от лица всех своих сородичей и совладельцев. В ранний период община еще не получила вполне оформленной организации. Однако она обладала важными экономическими функциями, связанными с совместным пользованием общинными угодьями.

До X—XI вв. жители римских деревень, по-видимому, не были объединены в общины. Здесь давно уже исчезли общины, ведущие свое начало от доримских времен, а воздействие институтов, принесенных с собой лангобардами, не являлось до их слияния с местным населением настолько сильным, чтобы возродить общину в среде италийских мелких собственников и зависимых крестьян.

В X—XI вв. начинается новый, более высокий этап в развитии общины. В это время вотчинники, стремясь освоить пустующие земли, стали привлекать на них пришлых людей. Уход крестьян из старых деревень означал полный разрыв с отживавшими большесемейными связями — на новом месте формируются, разумеется, территориальные общины. Они имеют смешанный этнический состав: сюда переселяются как римляне, так и лангобарды. Если в X в. наряду с этими новыми общинами существовали общины, которые вели свое начало с поселения лангобардов и нередко сохраняли архаичные черты, то в XI в., когда в основном завершилось слияние римской и лангобардской народностей, они также изменили свой состав и характер: соседские связи почти полностью вытеснили родственные и в старых общинах.

Церковные и светские феодалы иногда давали переселенцам особые хартии, в которых оговаривались относительно льготные условия поселения на их земле пришлых крестьян. Подобный путь формирования новых общин характерен как для византийских, так и для лангобардских областей. Так, например, было на землях монастыря Волтурно. Сарацины во время набегов подвергли страшному опустошению его территорию, поэтому аббаты приступили в широких масштабах к поселению на обезлюдевших землях крестьян,

«И поскольку,— пишет хронист о первой половине X в.,— в те времена в этой местности почти не было жителей и лишь изредка можно было увидеть путника или земледельца... [аббат] стремился привлечь из графства Вальва людей..., которых он определил жить, работать и обрабатывать землю этого монастыря»[6]. Сохранились письменные соглашения с группами лиц — первые поселенческие хартии. Пришлым людям предоставлялась такая территория, какую они в состоянии будут обработать, и определялись повинности за землю. Иногда крестьян обязывали жить не в деревне, а самим построить крепость или поселиться в уже возведенном укреплении. Так образовывались новые поселения деревенского типа, подчас обнесенные крепостными стенами, жители которых создавали общины. Много крепостей было основано во второй половине X — первой половине XI в. на территории аббатства Монте Кассино, предпринимавшего те же меры, чтобы возродить свое хозяйство после опустошительных нападений сарацин в X в. Так создались особо благоприятные условия для усиления общин на территории этого могущественного монастыря.

Появляются хартии, которых добились у Монте Кассино жители крепостей Трайетто (1061 г.) и Суйо (1079). В отличие от коллективных арендных договоров, в основном не выходивших за экономические рамки, в этих хартиях впервые ограничивается власть сеньора над общиной. В них не только фиксируются поборы, взимаемые с крестьян, но и подтверждается право крестьян на их движимое и недвижимое аллодиальное имущество. Крестьяне ограждаются от произвола сеньора: согласно хартий Трайетто, никто не может заставить держателей вступить в брак помимо их воли; согласно привилегии, данной Суйо, дочери крестьян получают гарантию, что они не будут обращены в рабство за какие-либо преступления. Обе общины добились известной степени самоуправления.

Каковы же были в Южной Италии общинные распорядки? Очень важное значение для крестьян имело пользование общинными угодьями — лесами, пастбищами, заболоченными землями, реками, водоемами. Это объяснялось нуждой в пастбищах и лесах в связи с большим удельным весом скотоводства в общем составе хозяйства. Кроме того, в лесах собирали хворост, рубили сухостой, а иногда и строительный лес — для постройки домов, изготовления деревянных частей плугов и других сельскохозяйственных орудий и пр. Некоторое экономическое значение могла иметь и охота в общинных лесах. Немалую ценность, особенно в Апулии, представляли принадлежавшие общине воды.

Земельные участки отчуждались всегда вместе с правом пользования угодьями — «лесами, реками, дорогами, пастбищами, деревьями,

[6] Chron. Vult., II, p. 42.

горами и долинами». Таким путем новые собственники этих участков (светские или церковные феодалы, реже — зажиточные крестьяне или горожане) также становились совладельцами общинных земель. С самого начала процесса феодализации сеньоры начали наступление на общинные угодья, одновременно с захватом крестьянских наделов. Приобретение вместе с крестьянскими участками права пользования неподеленными угодьями облегчало феодалу их частичное или полное присвоение в дальнейшем. Переход к сеньору права собственности на общинные земли выражался в том, что он требовал с крестьян особых поборов — herbaticum (herba — трава) за пастбища, glandeaticum (glandes — желуди) за выпас свиней в лесу, aquaticum (aqua — вода) за право брать воду в реках и источниках. Однако община столь энергично отстаивала свои земли, что захватить их целиком феодалам не удалось.

В Южной Италии отсутствовали условия для внедрения системы открытых полей, игравшей столь большую роль в хозяйственной жизни деревни многих европейских стран. Это объясняется спецификой агрикультуры данных областей. Там было много виноградников, садов и оливковых рощ, окруженных изгородями или стенами и перемежавшихся, как правило, с пахотными участками (тоже окруженными иногда изгородями или рвами). Понятно, что на такие разбросанные в разных местах мелкие, а подчас мельчайшие участки пашни нельзя было выпустить после снятия урожая скот общинников. Поскольку система открытых полей отсутствовала, отпадала надобность и в тесно связанном с ней принудительном севообороте. В самом деле, мы не находим здесь даже следов этих общинных распорядков. Тем не менее хозяйственные функции общины отнюдь не ограничивались тем, что ее члены совместно пользовались общинными угодьями. Ввиду необходимости орошения садов, масличных насаждений и пр. община должна была, очевидно, строго регулировать подачу воды на земли отдельных крестьян. Общине принадлежали не только реки и естественные водоемы, но и каналы; содержать их в должном порядке также являлось, по-видимому, одной из ее функций.

Однако для нормального функционирования и, тем более, дальнейшего развития мелкого крестьянского хозяйства при данном состоянии производительных сил, в обстановке, сложившейся в Южной Италии, общинные связи зачастую оказывались недостаточными. Не всегда мелкий крестьянин с семьей мог преодолеть в своей производственной деятельности многочисленные препятствия, грозившие подорвать его хозяйство — нехватку скота, рабочей силы, орудий производства, в том числе плуга, масличного и виноградного пресса, представлявших большую ценность. Поэтому нередко сохранялись определенные хозяйственные связи между родственниками. Наряду с коллективами родственников создавались своеоб-

разные объединения крестьян-общинников, экономической основой которых была общая собственность на тот или иной объект (пашню, виноградник, масличный или виноградный пресс и пр.) либо совместное держание или аренда. Такие крестьянские сообщества (обычно небольшие) могли создаваться, когда часть собственности, принадлежавшая группе родственников, переходила к новым владельцам. Иногда они образовывались заново. Их участники (consortes, sortifices) в большинстве случаев либо совместно обрабатывали землю, либо пользовались сообща орудиями труда.

Собственники или держатели — члены крестьянских ассоциаций (иногда эти ассоциации назывались fraternitates — братства) — подчас вместе выступали на суде, защищая свои права на землю. Иногда группы крестьян объединяли усилия, чтобы распахать пустошь или расчистить заимку в лесу, провести ирригационную сеть и содержать ее в исправности. Крестьянские сообщества не разлагали, а даже укрепляли общину, являлись ее ячейками, участвовавшими в экономической жизни и борьбе общины в целом.

Лангобарды уже в период своего переселения в Южную Италию знали наряду с большесемейной собственностью аллод — частную собственность на землю, правда, ограниченную пережитками родоплеменных отношений. Это видно, например, из § 167 эдикта Ротари. Здесь, на Юге, на лангобардов стали оказывать воздействие сохранившиеся еще с позднеримской эпохи развитая частная собственность, товарно-денежные отношения, города, крупное землевладение (в первую очередь церковное). В этих условиях происходил отмеченный выше распад еще уцелевших больших семей и раздел их совместных земельных владений. Если часть рядовых лангобардов втягивалась в поземельную и личную зависимость от церковных корпораций и крупных землевладельцев, подчас целыми кондомами, то другая часть лангобардов на время превратилась в мелких свободных собственников. Впрочем, некоторые ограничения при отчуждении этой собственности сохранялись еще долго: во многих актах следующих столетий, составленных по нормам лангобардского права, упоминается право опеки над женщинами и несовершеннолетними, запрещение (за определенными исключениями) последним продавать свое имущество и пр.

Наряду с лангобардами на Юге имелись и мелкие собственники крестьянского типа римского происхождения. В переходный период, сопровождавшийся серьезными потрясениями и многочисленными земельными перемещениями, часть бывших колонов и даже рабов превратилась в свободных крестьян, а известное число мелких свободных собственников уцелело со времен поздней Римской

империи. О существовании крестьян-италийцев свидетельствует тот факт, что многие поземельные акты составлялись на основании римских юридических норм (на Юге господствовал персональный принцип в праве: на лангобардов распространялись нормы лангобардского, а на римлян — римского права).

Влияние обстановки, в которой оказались лангобарды, на их дальнейшую социально-экономическую эволюцию, а равным образом воздействие институтов, привнесенных лангобардами, на местное население положили начало синтезу римских и лангобардских элементов. Этот синтез ярко проявился, в частности, в сфере права, отражавшего существовавшие здесь отношения. Лангобарды ввели кодексы Ротари и Лиутпранда. Римляне могли придерживаться в суде принятого византийцами еще в VI в. в качестве действующего права кодекса Юстиниана[7]. Например, в грамоте XI в. о продаже земли в Салернском принципате говорится о том, что мать должна давать согласие на продажу имущества ее несовершеннолетними сыновьями, «как предписано римским законом, который учредил божественный Юстиниан»[8]. Наряду с этим сохранилось и обычное римское право, издавна функционировавшее в данном районе. В грамотах, составленных, в частности, в лангобардских областях, именно оно нередко фигурирует под названием «закон римлян», «римский закон» (lex romanorum, lex romana). Однако в южноитальянских документах довольно часто встречается весьма любопытное смешение варварских и римских правовых норм. Оно прочно вошло в быт. Так, о лицах, от имени которых составлены грамоты, неоднократно сообщается, что они живут по «римскому закону», а далее в тех же актах идет речь о лангобардских обычаях, которых придерживаются эти люди: «утреннем даре» (morgincap), небольшом вознаграждении, которое служило гарантией действительности дарения (лаунегильде), опеке над женщинами (мундиуме) и пр.[9] Подобное смешение и было одной из форм еще не завершившегося синтеза институтов. Римские законы в византийской или местной традиции не могли отмереть, так как надобность в их применении порождалась, в частности, унаследованными от римской эпохи и получившими с X—XI вв. свое дальнейшее развитие товарно-денежными отношениями. В то же время некоторые лангобардские обычаи прочно укоренились потому, что они отражали долго сохранявшиеся в Южной Италии (и оказавшие известное влияние и на местное население) характерные для лангобардов фор-

[7] В VIII в. на Южную Италию была распространена также Эклога, а позднее — и другие издававшиеся в Византии законы.

[8] Cava, VIII, № 1349 (1063 г.).

[9] О лангобардском праве см. выше, гл. 1.

мы семьи и брака, собственности, институт дарения и некоторые другие формы жизни общества.

Синтез лангобардских и римских элементов послужил исходным моментом для дальнейшего развития южноитальянского общества, которое начало превращаться в феодальное.

В этом направлении шло развитие не только лангобардских территорий, не и Калабрии — византийской области, куда лангобарды переселились в небольшом числе, Апулии, районов Неаполя, Амальфи и Гаэты. По существу нельзя уловить заметной разницы в экономическом и социальном развитии районов, где лангобардский элемент был сильнее (в их число входила, как мы видели, и зависимая от Византии Апулия), и тех, где лангобардов поселилось меньше. Исторические судьбы лангобардских и византийских областей во многом сходны: одинаковые природные условия, античные традиции в сфере экономической и отчасти социальной, очень низкая плотность населения, общая борьба с сарацинами приводили к тому, что, несмотря на военные столкновения между ними, эти области были тесно связаны между собой. Крупные монастыри имели владения в тех и других районах; жители подчас переселялись на соседние территории в качестве арендаторов, госпитов (пришлых крестьян) и т. п. После норманского завоевания XI в. различия между областями Юга еще более сгладились.

*

За оформленными в грамотах этого времени частыми перемещениями земельной собственности в форме купли-продажи, обмена, дарения, залога и пр. скрывался медленно идущий процесс феодализации. Бóльшая часть актов оформляла продажу земельных участков или дарение их церкви. Если представить себе обстановку того времени: частые неурожаи, войны, кровопролитные усобицы, то нельзя не прийти к выводу, что для мелкого собственника крестьянского типа продажа или дарение земли нередко были вынужденными актами и за отчуждением всего или части надела крылась самая жестокая экономическая необходимость. Иногда это отмечалось и в самих грамотах: «Я страдаю от сильного голода и лишений и не имею никаких средств к жизни»,— жалуется один из обедневших людей [10].

Определенную роль в разорении крестьян играло ростовщичество. Ростовщики зачастую давали ссуды под залог участков пахотной земли, виноградников, оливковых рощ, садов, присваивая

[10] Chartularium Cupersanense. Ed. Morea. Montecassino, 1892 (далее — Chart. Cup.), № 8 (938 г.)

урожай, который они рассматривали как проценты на одолженную сумму. Если крестьянин не мог вернуть взятых взаймы денег, земля оставалась у ростовщика — в счет уплаты долга, либо продавалась неисправным должником с той же целью другому лицу. В апулийской грамоте конца X в. сестры Бенефактула и Тоттула объясняют, почему они продают унаследованный от отца дом: «В эти тяжелые времена одолела нас сильная нужда, мы испытываем голод и очень страдаем от нищеты. Сверх того, что хуже всего, наш отец оставил нам долг, и мы не имеем ни малейшей возможности уплатить этот долг. И мы начали совещаться, что́ бы мы могли дать из нашего имущества, чтобы вырваться из этой нужды и уплатить долг нашего отца» [11].

В еще худшем положении находился крестьянин Концилий из апулийской деревни, ибо он уже лишился всего своего имущества, которое было им пожертвовано кафедральной церкви Бари и сохранено лишь в пожизненное пользование на условии ежегодной уплаты чинша. «Но теперь,— сообщает Концилий,— я впал в глубокую бедность и обременен большими долгами, и не имею даже, на что жить, и, что еще хуже, с каждым днем увеличивается размер долга, и с каждым днем все более безысходной становится нужда, в которую я погружен». Поэтому он просит архиепископа разрешить ему продать часть пожертвованного церкви имущества, чтобы уплатить долг с процентами и приобрести средства, на которые он мог бы жить [12].

Как видно из приведенной грамоты, крестьяне, совершившие дарения своих земель в пользу монастыря, в отдельных случаях получали обратно свою землю (или взамен ее другой участок) в качестве прекария. Но в Южной Италии прекарные держания были мало распространены. Иногда крестьяне жертвовали монастырю все свое имущество, чтобы стать монахами. Величина вклада и социальный статус лица, передавшего себя вместе с имуществом монастырю, определяли то место, которое он занимал в монастыре. Монахи крестьянского происхождения обрабатывали земли монастыря, пасли скот и выполняли другие крестьянские работы. Подчас даже родственники принявшего пострижение главы семьи вступали с монастырем в отношения, строившиеся на их эксплуатации, и даже становились лично зависимыми людьми монастыря. Например, в неаполитанской грамоте середины X в. содержится обязательство братьев Петра и Цезаря, отец которых вступил в монастырь, ухаживать за монастырскими волами и работать с ними на

[11] Codice diplomatico Barese, vol. IV. Le pergamene di S. Nicola di Bari. Bari, 1900 (далее — Perg. di S. Nicola), № 6 (997 г.)

[12] Codice diplomatico Barese, vol. I. Le pergamene del duomo di Bari. Bari, 1897 (далее — Bari), № 21 (1046 г.).

поле, за что они и их дети будут обеспечены пищей, одеждой и обувью, «как и другие ваши погонщики волов», и получат в деревне небольшой участок земли. «И никогда,— заявляют они игумену монастыря,— мы никоим образом не осмелимся... покинуть тебя или уклониться от несения служб, а если мы осмелимся покинуть тебя или обратимся в бегство в какое-либо место, ты можешь нас преследовать, схватить и возвратить к повиновению и служению тебе» [13].

Главной причиной разорения крестьян был сравнительно низкий уровень развития производительных сил. Засуха, град и другие стихийные бедствия, о которых столь часто упоминают хроники, имели своим следствием неурожай и голод, подрывали неустойчивое мелкое хозяйство малой семьи, выделившейся из большой. Обеднению мелких аллодистов способствовали тяжелые налоги, взимавшиеся византийцами, которые перенесли в южноитальянские фемы многие византийские подати, в частности основной государственный налог (взимавшийся с земли) — канон. Некоторые землевладельцы должны были отбывать военную службу в крепостях. Население обязывали принимать на постой войска, нести государственную барщину, которая заключалась в ремонте стен, постройке крепостей, мостов, дорог, и давать государству поставки натурой, в частности хлебом и фуражом.

Вымогательства сборщиков налогов и других византийских чиновников делали бремя налогов еще более тягостным. Иногда крестьяне предпочитали даже отдать часть владения феодалу или церкви с условием, чтобы новый собственник уплачивал подати и за их земли — «таким образом,— как заявляет один из подобных людей,— чтобы эта святая церковь защитила меня от податей и служб, которые я несу или должен нести» [14].

Немало способствовали обнищанию крестьян также набеги сарацин, войны между византийцами, лангобардскими князьями и германскими императорами.

В Южной Италии широкое распространение получила аренда. Церкви, монастыри, светские феодалы испытывали острый недостаток в рабочих руках: множество земель лежало необработанными, заболоченными, зарастало кустарником и лесом. Для того чтобы извлечь из них доход, феодалы начали сдавать эти земли в аренду.

[13] Regii Neapolitani archivi monumenta (далее — Neap. arch.), t. II. Neapoli, 1849, № 67 (953 г.).

[14] Perg. di S. Nicola, IV, № 21 (1033 г.).

В середине X в., после того как сарацины сожгли крупнейшие монастыри Монте Кассино и Волтурно и разорили их земли, аббат Монте Кассино, «вскоре, призвав из соседних, не опустошенных сарацинами земель во владения этого монастыря, нуждавшиеся в земледельцах, крестьян, поселил их там с семьями. Он заключил как с теми, кого он застал там, так и с теми, которых он собрал, либеллярное соглашение [15] [на условии], что они ежегодно будут давать монастырю... седьмую часть [урожая] пшеницы, ячменя и проса, с вина же — третью часть» [16].

Столь же широко прибегали к заключению арендных соглашений с крестьянами аббаты Волтурно. Многочисленные сохранившиеся до нашего времени арендные контракты дают возможность детально представить возникавшие таким образом отношения.

Изредка феодалы, а чаще крестьяне брали в аренду пашню, виноградники, оливковые рощи и сады, каштановые и дубовые рощи, а подчас — целые хозяйственные комплексы. Либеллярии давали обязательство возделывать землю старательно и заботливо («хорошо обрабатывая ее..., как если бы работали на своей земле, а не на чужой»,— говорится в одном из соглашений) [17]. В тексте договоров подробно перечисляются все работы, которые должен выполнять либеллярий: пахать, сеять, жать, молотить, подрезать ветви деревьев и пр. Либелларию вменялось в обязанность выполнять дополнительно ряд работ: чинить давильный пресс, набивать обручи на бочки для хранения вина, изготовлять вино и оливковое масло, сушить фрукты, орехи, каштаны и желуди, обносить участок изгородью. Зерно и вино съемщики большей частью должны были отвозить на господский двор. Многие либеллярии давали обязательство построить на арендуемом участке дом и жить там; таким путем собственник земли рассчитывал добиться лучшего ухода и надзора за выращиваемыми культурами. Семена, рабочий скот и сельскохозяйственные орудия принадлежали съемщику. Арендная плата, как правило, составляла долю урожая (большей частью — треть или четверть урожая зерновых, половину вина, оливкового масла, орехов, каштанов, фруктов) или твердое количество продуктов. Кроме того во многих местностях в XI в. на арендатора возлагался дополнительный побор в виде кур, окорока, яиц, перепелов и т. п. Деньги лишь изредка встречались в составе арендной платы. Так, из 270 контрактов, включенных в картулярий монастыря Кавы (Салернская область), охватывающий конец IX — 60-е годы XI в.,

[15] Арендные договоры назывались большей частью либеллярными, а арендаторы — либеллариями.

[16] Chronicon Cassinense, II, 3.— MGH, SS, t. VII.

[17] *F. Trinchera.* Syllabus graecarum membranarum. Neapoli, 1865 (далее — *Trinchera*), № 30 (1035 г.).

в 258 идет речь о чинше продуктами, в 7 — о денежном и в 5 — о смешанном чинше. В собрании неаполитанских актов имеется 63 арендных договора, относящихся к X—XI вв., из них в 57 фигурирует плата за землю натурой, в 2 — в денежной и в 4 — в смешанной форме.

Собственник земли зорко следил за тем, чтобы при уплате доли урожая либеллярий не утаивал части собранного, не разбавлял вино водой и пр. С этой целью посылались агенты вотчинника, присутствовавшие на гумне при молотьбе хлеба и около виноградного пресса при изготовлении вина. Арендатор должен был кормить этих людей и давать солому их лошадям.

Соглашения заключались на самые разнообразные сроки — на 3 года и более, часто — на 29 лет; нередко (в особенности — в Неаполитанской области) практиковалась наследственная аренда. По окончании срока, а если аренда носила наследственный характер — в любое время, съемщик мог покинуть землю, оставив владение «улучшенным». «Как мы свободными пришли сюда, так свободными и уйдем отсюда»,— гласит текст ряда контрактов [18]. Право либеллярия расторгнуть договор и уйти с участка не было в этот период, по крайней мере в большинстве случаев, только формальным: в картуляриях сохранились отдельные грамоты, оформлявшие такое расторжение. Нужда в рабочих руках была столь велика, что иногда покинувшим участок разрешалось в течение определенного срока вернуться обратно и приступить к земледельческим работам на прежних условиях.

Важное значение для подъема сельского хозяйства имела разработка пустошей (занимавших столь значительную часть территории Юга); на них насаждались преимущественно виноградники, фруктовые сады, оливковые рощи, орешники. Эти работы осуществляли главным образом арендаторы.

Так возник особый вид арендного договора, называемый ad pastenandum (от pastenare — насаждать). При заключении подобного договора съемщик (особенно в Салернской области) ставился в льготные условия: он освобождался от платежей либо на все время выращивания виноградника, сада, орешника и пр. (8—12 лет), либо на бо́льшую часть этого срока.

Особой разновидностью аренды являлась передача пустующей земли с целью закладки виноградников с последующим разделом этой земли пополам. Арендатор получал, таким образом, половину возделанной земли в полную собственность; у бывшего собственника оставалось лишь право ее предпочтительной покупки в том случае, если съемщик пожелает продать свою долю.

[18] Neap. arch., IV, № 313 (1020 г.) и др.

Весьма любопытная черта ряда контрактов, главным образом неаполитанских,— упоминание о наемных работниках (operarii). Они приглашались состоятельными либеллярнями со стороны и получали определенную плату, по-видимому, натурой. Если в договорах говорится о том, что арендаторы должны обрабатывать передаваемые им участки «со своими быками, инвентарем и работниками», речь идет, очевидно, о постоянных наемных работниках. Ими становились обезземеленные крестьяне. Но нередко в грамотах идет речь лишь об использовании сельских работников в страдную пору — в период сбора винограда и во время жатвы. Предусматривалось, что собственники участвуют в оплате этих людей. Во время тяжбы с монастырем дети кузнеца вызвали в суд ряд жителей деревни, «которые помогали нам при сборе винограда» [19]. Крестьяне, работавшие в страдную пору на соседей, были обедневшими свободными, которые сохранили часть надела, недостаточную для поддержания жизни своей и семьи; поэтому им приходилось работать на стороне, а подчас даже отправляться в другую местность. Могли продавать свою рабочую силу и зависимые крестьяне, сочетая обработку тяглого надела с временной работой на богатого односельчанина.

Состоятельные арендаторы пользовались нередко трудом не наемных работников, а зависимых людей, которых салернские грамоты называют homines (люди); в договорах, заключаемых монастырем Волтурно, их именуют commenditi (коммендировавшиеся). Либо они работали совместно с либеллярнями, либо последние сажали их на арендуемых землях. Так, съемщику иногда предлагалось поместить на передаваемом участке «надежного человека, который бы жил там и изо дня в день охранял это имущество» [20].

Мелкие и даже крупные феодалы иногда по каким-либо соображениям брали в аренду земли, уплачивая те же поборы, что и другие либелларии. Разумеется, лично они не участвовали в возделывании этих земель. Основную массу арендаторов составляли крестьяне. Среди них имелись и зажиточные — такие, которые работали сами, одновременно используя труд зависимых крестьян или дворовых рабов. Но прежде всего прибегали к аренде земли те многочисленные обедневшие мелкие собственники, которые стремились таким путем в какой-то мере компенсировать сокращение своего надела и на некоторое время отсрочить окончательное разорение. Что же касается крестьян, уже утративших землю, то многим из них, очевидно, приходилось селиться на чужой земле без письменного договора, на худших условиях, тем более что арендатор дол-

[19] Neap. arch., IV, № 301 (1016 г.).

[20] Cava, VI, № 985 (1041 г.), 1041 (1044 г.).

жен был располагать некоторыми средствами — сельскохозяйственными орудиями, скотом, семенами, чтобы приступить к возделыванию участка и выполнить возложенные на него обязанности.

В условиях того времени арендный договор, заключенный феодалом с крестьянином, лишь формально считался сделкой, равноправной для обеих сторон. Кроме обычной арендной платы, на либелляриев возлагалось множество дополнительных обязанностей. Извозная повинность тоже была нелегкой, если господский двор находился на расстоянии нескольких десятков километров, так как крестьянин отрывался от работ для доставки вотчиннику зерна и вина в самую горячую пору. В случае неуплаты в назначенный срок чинша за землю (что могло случиться из-за неурожая, какого-нибудь стихийного бедствия и других причин) собственник имел право брать в залог имущество держателя, а это грозило последнему разорением. Контроль над молотьбой и уборкой винограда со стороны вотчинных агентов до некоторой степени стеснял свободу арендатора. Его самостоятельность ущемляло и содержавшееся в некоторых договорах требование сеньора, чтобы арендатор поселился на участке.

В XI в. условия держания несколько ухудшаются. В ряде контрактов фигурируют новые дополнительные поборы. Усиливается надзор за хозяйством либеллярия: землевладелец подчас оставляет за собой право в любое время проверять, достаточно ли хорошо съемщик обрабатывает землю, а в случае неудовлетворительной обработки брать в залог его имущество. Изредка либеллярий даже лишается права ухода. «Мы не имеем права покинуть их [земли],— заявляет мелкий арендатор в Амальфитанской области,— ...мы и наши наследники должны держать их на вечные времена» [21].

Главное значение арендных отношений, столь широко практиковавшихся в Южной Италии, заключалось в том, что в условиях феодализации аренда превращалась в один из ее факторов, способствуя, с одной стороны, экономическому укреплению вотчины, с другой — постепенному втягиванию крестьян-арендаторов в зависимость от землевладельца. Но этот столь характерный для Юга способ — разумеется, спустя немалый срок — приводил к феодальному подчинению крестьян. Острая нужда в рабочих руках обусловила и другие формы поселения крестьян на землях феодалов на сравнительно благоприятных условиях (впрочем, не столь распространенные, как аренда). Все это замедляло втягивание в зависимость крестьян, а следовательно, и темпы становления феодальных отношений в Южной Италии.

[21] Codice diplomatico Amalfitano. A cura di R. Filangieri di Candida (далее — Amalfi). Vol. I. Napoli, 1917, № 55 (1043 г.).

*

Состав крестьянства в период незавершенной феодализации, когда непрестанно изменялся социальный и экономический статус отдельных его групп, отличался большой пестротой. В класс феодально-зависимого крестьянства входили как рабы и другие слои зависимых людей, сохранившиеся с древности, так и свободные крестьяне римского и лангобардского происхождения.

То обстоятельство, что римский элемент сыграл большую роль в синтезе отношений, определило длительное сохранение рабовладельческого уклада. Домашние рабы и рабыни (servi et ancillae, famuli, mancipia) были составной частью имущества, передаваемого по наследству зажиточными лицами. Во многих брачных контрактах упоминается входящая в состав приданого «незамужняя хорошая рабыня..., юного возраста, со здоровыми членами и без какой-либо болезни, способная выполнять любую службу»[22]. Рабы продавались, обменивались, их уступали другим лицам во временное пользование. Нередко в качестве дворовых слуг они исполняли различные работы в вотчине: были пастухами, погонщиками волов и пр.

Роль рабов в производстве постоянно уменьшалась. Часть из них получала освобождение путем формального акта; многие, однако, оставались в зависимости от бывшего господина. Отпущенные на волю рабы нередко получали в держание у своего прежнего владельца надел земли (а иногда также рабочий скот, небольшую сумму денег) или же поселялись на земле другого феодала.

Несравненно большее значение, нежели оседание на земле освобожденных рабов, имело массовое поселение в деревнях рабов, формально не отпущенных на волю, но фактически превращавшихся в лично зависимых крестьян. Такие крестьяне сохранили название сервов (servi, famuli). Это не означало, что все сервы происходили от рабов. В ряде случаев феодал обращал в сервов свободное или полусвободное население.

Лично зависимые крестьяне наделялись землей, собственность на которую сохранял феодал. Эта земля находилась в их наследственном пользовании. В отдельных случаях сервы могли, с согласия их сеньора, продать часть своего держания при условии, что новый поселенец будет по-прежнему нести все повинности.

Несмотря на то, что полевая барщина занимала на Юге небольшое место в общей массе повинностей (как правило, несколько дней или одну неделю в году), она считалась специфически сервильной повинностью; несение барщины рассматривалось судом как доказательство того, что данный человек является сервом.

[22] Codice diplomatico Barese, vol. VIII. Le pergamene di Barletta. Bari, 1914. № 24 (1100 г.).

Лично зависимых крестьян судил вотчинный суд. Так, на одном из судебных процессов, в котором участвовали крестьяне долины Трита, зависимые от Волтурно, свидетели, в частности, заявили, что эти крестьяне и их родители были сервами, и «как мы видели, [монастырские] препозиты всегда, вплоть до настоящего времени, могли принуждать их, и если вышеозначенные [люди] или их родители совершали какой-либо проступок, [препозиты] заковывали их в кандалы и обращались с ними, как с сервами»[23].

Документ говорит о том, что сервильное состояние было наследственным. Сервы всегда передавались другим феодалам со своим потомством, а также с землей. Свободные женщины, вышедшие замуж за лично зависимых крестьян, теряли при этом свою свободу.

Государственного прикрепления сервов к земле в тот период не существовало из-за слишком слабой государственной власти как в византийских, так и в лангобардских областях. Поэтому аббат монастыря Волтурно обратился в 972 г. с жалобой на бегство лично зависимых крестьян и с просьбой о помощи к германскому императору Оттону I, стремившемуся подчинить Южную Италию. Оттон распорядился: в любом месте, где будут найдены беглые крестьяне монастыря, они должны быть приведены к маркграфам, епископам, графам и судьям, чтобы те немедленно надлежащим образом расправились с ними. Однако реальных последствий такое распоряжение иметь не могло не только вследствие иллюзорности власти Оттона I в Южной Италии, но и потому, что у сервов сохранялась возможность бежать на пустовавшие земли, где их охотно принимали местные феодалы. Впрочем, бегство сервов ограничивала (и в немалой степени) сложность перехода на новое место, особенно с семьей, затруднения, связанные с распашкой пустошей, и другие причины того же порядка. Изредка зажиточным сервам (а таковых было, вероятно, немного) удавалось откупиться за крупную сумму и освободить собственную семью и потомков.

Бóльшая часть оседавших на территории вотчины и утративших свою землю непосредственных производителей превращалась в условиях того времени, при обилии пустующих земель и заинтересованности феодалов в рабочих руках, не в сервов, а в полусвободных крестьян. Значительную группу среди них составляли пришлые крестьяне, которые фигурируют в источниках как hospites, а позднее как advenientes. Они сохраняли, по крайней мере на первых порах, ограниченную свободу. Феодалы привлекали их обещанием взимать лишь небольшой чинш и разными льготами, поэтому они подвергались более умеренной эксплуатации, чем сервы. Некоторые госпиты имели даже рабов.

[23] Chron. Vult., I, № 72 (854 г.).

Близки к ним по положению были лица, коммендировавшиеся крупным феодалам, в первую очередь — монастырям (commenditi, defisi). Вначале они обладали рядом прав, характерных для свободных людей, но коммендация влекла за собой не только выполнение повинностей, но и подсудность вотчинному суду. Постепенно в каждой местности сложился обычай, определявший объем повинностей. Госпиты и коммендировавшиеся люди включались по мере укрепления феодальной системы хозяйства в формирующийся класс зависимого крестьянства, не сливаясь, однако, полностью с сервами.

Широкую прослойку составляли арендаторы крестьянского типа. Все еще многочисленными были свободные крестьяне — собственники своих наделов.

Процесс социального расслоения превращал эту группу в весьма пеструю, экономически разнородную массу. Если некоторая часть таких людей возвышалась до положения мелких вотчинников, то большинство беднело. Однако к концу византийско-лангобардского периода слой крестьян-аллодистов остался сравнительно широким, являясь в дальнейшем своего рода материалом для дальнейшего развития процесса феодализации.

Специфические черты социально-экономического облика Южной Италии во многом обусловили особенности генезиса и структуру крупной и мелкой вотчины.

Территория крупной церковной вотчины делилась на три неравные части. Первую составлял господский домен (барская запашка). Особенности агрикультуры этих областей — большой удельный вес виноградарства, садоводства, маслиноводства — не благоприятствовали развитию хозяйства феодала на домениальной земле. В таких условиях на ней не мог применяться в широких размерах барщинный труд лично зависимых крестьян и труд дворовых рабов, мало пригодный для ухода за виноградниками и садами. Кроме того, известно, что в вотчине не хватало дворовых рабов и сервов; между тем, как правило, только они использовались для работ на господском поле.

Вторую часть вотчины составляли тяглые наделы зависимых крестьян, а третью — земли, сдаваемые в аренду.

Рост крупных монастырских вотчин происходил главным образом за счет многочисленных дарений земель в разных районах; поэтому владения таких вотчин были разбросаны по обширной территории. Естественно, что эти земли располагались чересполосно с владениями других собственников — светских или церковных феодалов, а отчасти мелких крестьян и в окрестностях городов — горожан.

В отдельных имениях крупной церковной вотчины хозяйственными центрами являлись господские дворы (curtes, oboedientiae). Эти ячейки вотчины подчинялись аббату, фогту и другим представителям верховной монастырской администрации, сохраняя в хозяйственном отношении значительную самостоятельность. В них находились винные погреба и амбары, куда либелларии и, вероятно, зависимые крестьяне свозили причитавшуюся монастырю долю продуктов.

Частью земель управляли особые монастырские агенты, а часть передавалась в управление вотчинникам-бенефициариям, обладавшим собственным аппаратом управления. Очевидно, органы управления монастырской вотчины не могли обеспечить эксплуатации пестрого по своему социальному составу населения имений, подчас весьма далеко отстоявших друг от друга. Но опасаясь, что такого рода министериалы приобретут слишком большую независимость, монастырь передавал им земли на определенный срок и постоянно контролировал их деятельность через особых посланцев (missi).

Хозяйственные ячейки могли быть как сравнительно большими, так и мелкими, и даже мельчайшими. Таково мелкое имение — небольшой монастырь в деревне Курниту, зависимый от салернского монастыря св. Софии. В нем живут лишь два монаха. В вотчине имеется все необходимое для ведения хозяйства — виноградники и другие земли, мельница, скот (пара волов, осел, 22 овцы, свиньи). На землях монастыря находятся лишь четыре семьи «людей». Монахи ежегодно отдают монастырю св. Софии свиней, овец, мед на рождество, воск на пасху, что составляет, очевидно, часть чинша, получаемого ими с зависимых крестьян [24] В крупной вотчине имелись свои ремесленные мастерские, в которых использовался труд дворовых. Частично потребность в ремесленных изделиях удовлетворяла за счет оброка, взимаемого с зависимых от монастыря ремесленников деревень и небольших городов аграрного типа,— плотников, кузнецов, кожевников, каменщиков и пр.

Крупная светская вотчина также состояла, как правило, из отдельных, зачастую небольших по размерам владений, расположенных чересполосно с землями других светских и церковных собственников. Одна из причин подобной распыленности заключалась в том, что в Южной Италии значительную роль в формировании и расширении светской вотчины сыграла покупка земель. Далее, в известной мере рост светского феодального землевладения происходил за счет фонда государственных земель: катепаны, стоявшие во главе византийских фем, гаэтанские и неаполитанские герцоги, салернские князья раздавали эти владения, разбросанные по разным

[24] См. Cava, VII, № 1174 (1052 г.).

районам, крупным феодалам. Распыленность территории светской вотчины объясняется также отсутствием до норманского завоевания как в византийских, так и в лангобардских областях Южной Италии майората: земля делилась между всеми сыновьями (а частично и дочерьми) феодала.

Хозяйственная структура крупной светской вотчины имела сходство с хозяйственной организацией церковной вотчины: отдельные имения управлялись должностными лицами вотчинника. Иногда эти лица были несвободного происхождения.

Широкое распространение получила в Южной Италии мелкая вотчина. Ее владельцами являлись выходцы из зажиточного крестьянства, либо принадлежавшие к аморфному промежуточному слою, либо уже вошедшие в состав класса феодалов. В Южной Италии с ее сравнительно высоким уровнем развития товарно-денежных отношений именно скупка наделов или их частей разбогатевшими мелкими землевладельцами стала основным путем образования небольших вотчин. Некоторую роль в росте таких вотчин играли ростовщические операции, практиковавшиеся часто, как говорилось выше, под залог земель, переходивших в собственность кредитора в случае неуплаты долга. Таким образом, и мелкая вотчина отличалась разбросанностью своих земель, хотя, естественно, в пределах сравнительно небольшого округа.

Распыленность владений крупной и мелкой вотчины и высокий удельный вес последней характерны для ранней ступени феодализации, которую переживала в это время Южная Италия. Будучи господствующей формой землевладения, вотчина, тем не менее, сосуществовала с постепенно уменьшавшейся в своих размерах свободной собственностью крестьянского типа.

СИЦИЛИЙСКОЕ КОРОЛЕВСТВО XII—XIII ВВ. ЗАВЕРШЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ФЕОДАЛИЗМА

В начале XI в. Византия уже с трудом удерживала власть над Апулией и Калабрией. Византийские правители и сборщики налогов вызывали всеобщую ненависть, особенно в Апулии, где богатые торговые города побережья начали превращаться в коммуны. Неаполь, Гаэта и Амальфи, по-прежнему фактически самостоятельные, были связаны с Византией лишь торговыми отношениями. Лангобардские князья Капуи, Беневенто и Салерно истощали силы в постоянных распрях между собой и со своими соседями — Неаполитанским дукатом и византийскими фемами. Политической разобщенностью и военной слабостью Южной Италии сумели воспользоваться хищные авантюристы из французского герцогства Нормандии, которых привлекла возможность грабежа этих богатых областей.

Первые отряды норманских (точнее — нормандских) искателей приключений появились на Юге около 1016 г. Вначале они лишь нанимались на службу к отдельным городам и лангобардским правителям. С 1030 г. норманны стали действовать за свой страх и риск, завоевывая одну область за другой. Решающий успех выпал на долю двух представителей нормандского рода Альтавилла — Роберта, прозванного за свою изворотливость Гвискаром (Хитрецом), и Рожера, младшего из 12 братьев, принявших участие в этих завоевательных походах. Появившись в 1046 г. в Калабрии в качестве командира небольшого отряда, занимавшегося мелким разбоем, Роберт Гвискар вскоре стал выделяться благодаря своему властолюбию и неукротимой энергии и возглавил завоевание Апулии. Он принял титул герцога Апулии и Калабрии. В 1071 г. после долгой осады пал последний оплот византийцев — Бари. Брат Гвискара Рожер, завершив начатое Робертом завоевание Калабрии, перешел в 1061 г. с войском Мессинский пролив. Тридцатилетнее завоевание мусульманской (арабской) Сицилии шло под флагом борьбы с неверными. «Охваченный честолюбием,— пишет хронист,— Рожер полагая, что принесет двоякую пользу как душе, так и телу, если он вернет к почитанию бога страну, поклонявшуюся идолам, и овладеет во славу господню плодами и дарами этой земли...» [25] В 1072 г. пал Палермо. К концу XI столетия вся Южная Италия (за исключением признавшего верховную власть папы Беневентского принципата и временно сохранявшего независимость Неаполитанского дуката) и Сицилия оказались во власти норманнов.

Тем не менее только в Сицилии граф Рожер сумел укрепить свое положение. Южная Италия осталась раздробленной, ее раздирали соперничество мелких норманских государей, утвердившихся в отдельных областях, и восстания баронов. Поэтому «путешественники находились в постоянном страхе, крестьяне не могли чувствовать себя в безопасности, когда они обрабатывали свои поля» [26].

Таково было состояние Юга в начале XII в., когда сын графа Рожера — Рожер, унаследовавший в 1101 г. Сицилию и часть Калабрии, начал после смерти бездетного внука Гвискара (1127 г.) борьбу за Южную Италию. Ему пришлось столкнуться с самым могущественным из норманских властителей — князем Капуи и другими баронами, а равным образом с защищавшими свою независимость городами. Его противником являлся также папа Гонорий II. Вскоре военные успехи Рожера вынудили папу признать его герцогом Апулии (1128 г.), а баронов — смириться. Бриндизи, Троя и

[25] *Gaufredi Malaterrae* Historia sicula, II, 1.— L. A. Muratori. RIS, t. V. p. 29.

[26] *Alexandri Telesini* coenobii abbatis de rebus gestis Rogerii Siciliae Regis, I, 1. In: *G. Del Re.* Cronisti e scrittori sincroni napoletani, vol. I. Napoli, 1845.

некоторые другие апулийские города были осаждены и взяты. В 1130 г. папа Анаклет II объявил Рожера королем Сицилии, Калабрии и Капуи; в том же году Рожера II (1130—1154) торжественно короновали в Палермо. Однако против короля образовалась лига, в которую входили германский и византийский императоры, Венеция и Пиза. Мятежные бароны вновь подняли голову. Германский император Лотарь вторгся в Южную Италию и взял Бари. Лишь после опустошительных походов, во время которых Рожер, как сообщает хронист, «разорил всю Апулию огнем и мечом»[27], Рожеру II удалось 9 лет спустя утвердиться на престоле и объединить под своей властью всю Южную Италию и Сицилию.

Население образовавшегося таким образом Сицилийского королевства отличалось еще большей этнической пестротой, чем население Южной Италии предшествовавшего периода. Италийцы и еще не окончательно слившиеся с ними лангобарды, греки и норманны, сарацины и евреи жили в нем бок о бок, в течение длительного времени сохраняя свои обычаи, язык и веру (хотя греко-православная церковь Южной Италии должна была признать верховную власть папы). Норманны отличались веротерпимостью, правда, при условии полного подчинения им местного населения; сарацины привлекались в войско и отчасти в аппарат управления. Наряду с привнесенным норманнами франкским правом продолжало существовать римско-византийское, а в сфере гражданских отношений — лангобардское право.

Завоевание норманнами Южной Италии привело к важным сдвигам в структуре общества. В ходе завоевания Роберт Гвискар и другие норманские вожди в широких масштабах конфисковывали земли у местной знати (большей частью враждебной норманнам и нередко восстававшей против них). Эти владения раздавались в первую очередь родственникам и приближенным норманских вождей и рядовым воинам, а также католической церкви, поддержка которой имела немалое значение для завоевателей. Кроме того, светские и церковные феодалы получали у предводителей участки, принадлежавшие мелким аллодистам, которых передавали вместе с землей. Норманские сеньоры строили крепости, селились в них вместе с приближенными и начинали длительную борьбу за подчинение окрестной территории. Таким образом, норманское завоевание ускорило развитие феодальных отношений и феодальное подчинение свободного крестьянства.

[27] *Falconis Beneventani* Chronicon.— *L. A. Muratori.* RIS, t. V, p. 115.

Конфискация земель у части местной знати и раздача владений норманским феодалам означали изменение состава господствующего класса. Новые землевладельцы были тесно связаны со своими сеньорами, особенно в Сицилии, где завоевание происходило под руководством одного вождя, а не нескольких, как в Южной Италии. К числу новых землевладельцев принадлежали не только магнаты, которые теперь стали называться баронами, но и многие средние и мелкие рыцари, оказавшиеся в дальнейшем непосредственными вассалами государя. Любопытно, что Рожер II, вступивший в 1140 г. в Неаполь и стремившийся укрепить свои позиции в этом крупном городе, столь долго сохранявшем независимость, «дал каждому рыцарю по пяти модиев земли и по пяти вилланов и обещал им... многие дары и расширение владений»[28]. Это объясняется стремлением государей Норманской династии обеспечить себе поддержку рыцарей и, более того, возможно большее число мелких феодалов поставить в непосредственную зависимость от центральной власти.

Описанные сдвиги в социальной структуре сыграли важную роль в создании сильного централизованного государства. В Сицилийском королевстве имелось многочисленное рыцарство. В 1152—1153 гг. был составлен Каталог баронов — перечень феодалов Южной Италии (за исключением Калабрии) с указанием размера служб, которые они обязаны нести за свои лены. В Каталоге баронов фигурируют 8620 феодалов. Для всего королевства, включив в общее число также феодалов Сицилии и Калабрии, эту цифру следует удвоить. Большинство указанных в Каталоге баронов ленников — мелкие рыцари. Но следует иметь в виду, что в нем отмечены не все рыцари: до нас дошли грамоты (например области Терлиции в Апулии), датированные тем же временем и составленные от лица рыцарей, имена которых отсутствуют в Каталоге.

Разумеется, наличие обширной прослойки рыцарей само по себе еще не создавало необходимой предпосылки для укрепления центральной власти. Все зависело от того, находились ли рыцари (или значительная часть их) в непосредственной связи с королем (как это имело место в Англии со времени норманского завоевания), или же они, являясь вассалами крупных феодалов, составляли силу, на которую опирались магнаты, стремившиеся сохранить самостоятельность (подобная расстановка сил типична для Франции раннего средневековья), что делало процесс централизации несравненно более трудным.

В Сицилийском королевстве государственное и политическое развитие во многом напоминало Англию. До завоевания Южной

[28] Ibid., p. 132.

Италии норманнами медленный темп становления феодализма можно обнаружить и в сфере вассально-ленных отношений. В лангобардских областях гастальды и графы добились к XI в. наследственности должностей и очень слабо зависели от беневентских и салернских герцогов; и все же выполняемая ими служба еще не была вассальной, а территории, которыми они управляли, не превратились в их феоды. В византийских областях местная знать — крупные землевладельцы, жившие преимущественно в городах и захватившие управление ими,— имела владения, за которые она не несла военной службы. Рыцари (milites), составлявшие в Неаполитанском дукате основную часть войска, получали за выполнение своих обязанностей вознаграждение, а землями распоряжались на правах частной собственности. Бенефициальная система только зарождалась, и феодальная иерархия еще не сложилась.

В результате подчинения страны норманнами и широкой раздачи ими ленов церкви и крупным светским феодалам, которые в свою очередь давали лены мелким феодалам, начала формироваться трехчленная иерархия; графы, бароны, рыцари. Ее верховным главой стал после образования единого государства король. Однако иерархия не получила того завершенного вида, который характерен для Франции: согласно Каталогу баронов, число непосредственных вассалов короля, держателей так называемых feuda in capite (феодов первой руки) или feuda quaternata, приблизительно равнялось числу вассалов графов и баронов; иными словами, значительная часть рыцарей несла вассальную службу не графам или баронам, а королю (что отчасти явилось следствием политики, проводимой вождями норманнов в период завоевания и образования государства). Что же касается рыцарей — вассалов баронов, то они должны были нести своим непосредственным сеньорам службу лишь в том случае, если это не нарушало верности, которой они были обязаны королю. Согласно закону Рожера II, даже рыцарские лены не разрешалось отчуждать без санкции короля. Таким образом, король не только номинально считался верховным собственником всех феодов в государстве, источником всех ленных пожалований, но и на практике в известной мере контролировал лены вассалов второй руки. Особым законодательным актом Рожер II потребовал, чтобы каждый феодал, светский или церковный, предоставил курии для подтверждения верховной властью документы, на основании которых он владеет землями и привилегиями.

Рыцари Южной Италии нередко обладали мелкими и мельчайшими земельными владениями. В Каталоге баронов много не только так называемых «феодов одного рыцаря», но и феодов «части рыцаря» (половины, трети, четвертой, пятой, седьмой части). Несколько владельцев таких феодов должны были сообща снарядить одного рыцаря, или, может быть, каждый из них нес военную служ-

бу в течение более короткого времени, чем срок, установленный за полный лен. В Каталоге фигурируют 84 «бедных», «беднейших» и даже «не имеющих феода» рыцарей (т. е. рыцарей-аллодистов), которые в силу клятвы верности все же связаны службой (а, как уже говорилось, не все подобные рыцари зачислялись в Каталог баронов). Рыцари Неаполя, получившие у Рожера по пяти модиев земли и пяти вилланов,— безусловно, очень мелкие вотчинники, так как в Каталоге «феод одного рыцаря» составлял, как правило, землю, на которой сидело несколько десятков вилланов.

Наличие большого числа мелких рыцарей имело в этот период важное значение для судеб королевской власти. Именно экономически слабые рыцари должны были особенно остро ощущать постоянную нехватку рабочих рук, характерную для Южной Италии; рыцари могли опасаться того, что их и без того немногочисленные вилланы покинут землю и осядут в качестве госпитов или либеллляриев на земле какого-либо магната, располагавшего возможностью привлечь их на более льготных условиях либо оказать им защиту, а порой силой захватывавшего часть земель соседа вместе с вилланами. Это упрочивало связь между рыцарством и королевской властью, которая прибегала — несомненно, в его интересах — к вмешательству в частноправовые отношения между феодалами и зависимыми крестьянами, отнюдь не характерному для западноевропейского феодализма: она законодательно прикрепила к земле лично зависимых крестьян. Кроме того, государство защищало рыцарей от насилий баронов.

В норманскую эпоху юридически оформился сословный строй. «Пусть отныне никто не возвышается до рыцарского достоинства, если он не принадлежит к рыцарскому роду [или] если это не происходит с особого разрешения и приказа нашего величества»,— говорится в законе Рожера II [29].

Норманским правителям удалось подчинить своему влиянию церковь, резко ослабив ее зависимость от папы. Рожер I основывал новые диоцезы и назначал епископов, не спрашивая папского согласия. Неизменно и энергично отстаивал этот принцип и Рожер II, вступая подчас в открытые конфликты и даже вооруженные столкновения с папой. Не случайно он использовал в сборнике законов 1140 г.— Арианских ассизах — широко известную теорию двух мечей — духовного, врученного богом папе, и светского, полученного королем,— теорию, посредством которой обосновывалась независимость королевской власти от папы. При Вильгельме II

[29] Этот закон был позднее включен Фридрихом II в Мельфийские конституции См. *A. Huillard-Bréholles.* Historia diplomatica Friderici secundi (далее — H-B). vol. IV, pars I. Paric. Const. 1, 60.

(1166—1189) папа Адриан IV даже утвердил право сицилийского короля отвергать епископов, избранных клиром. Папа отказался от права посылать в королевство своих легатов и принимать апелляции от сицилийского духовенства. Все это являлось следствием укрепления центральной власти в Сицилийском королевстве и в свою очередь содействовало еще большему ее усилению. Церковь стала важной опорой государства. Те епископы и аббаты, которые не обладали иммунитетными правами, были обязаны военной службой государству. В Каталоге баронов упоминаются 22 церковных феодала, поставлявших за свои лены рыцарей и оруженосцев.

Существенным фактором, способствовавшим независимости государственной власти от баронов, было наличие у нее значительных источников дохода. При завоевании норманские вожди оставили себе немалую часть территории Южной Италии и еще бо́льшую часть Сицилии; так образовался королевский домен. Поступления с домена составляли важную статью в финансовых ресурсах государства. Развитая внешняя торговля обеспечивала крупные доходы в виде таможенных пошлин — портовых, рыночных, дорожных и др. Общего постоянного налога в норманский период не существовало, но на отдельные местности возлагалась обязанность платить регулярные поборы, либо представлявшие собой остатки византийских налогов, либо введенные по соглашению, заключенному с завоевателями. В Сицилии сохранился установленный арабами поземельный налог. Король получал также, согласно феодальному обычаю, платежи со своих вассалов, но эти взносы, составлявшие в других странах Европы в XII в. главную статью государственных поступлений, здесь не занимали большого места в общей фискальной системе, что также уменьшало зависимость государя от баронов.

Короли норманской династии стремились всячески приумножить свои доходы. Рожер II, как отмечает хронист Ромуальд Салернский, «очень заботился о приобретении денег и не был слишком щедрым в их расходовании» [30]. Впрочем, меры, предпринимавшиеся для увеличения государственных средств, не всегда оказывались экономически целесообразными.

В 1140 г. Рожер II провел монетную реформу, приступив, в частности, к чеканке серебряной монеты такого низкого качества, что, по мнению враждебно настроенного по отношению к Рожеру хрониста Фалько Беневентского, «ее следовало скорее считать медной, нежели серебряной» [31]. «Из-за этой ужасной монеты,— утверждает Фалько, склонный, как и все средневековые хронисты, к преувелич-

[30] Chronicon *Romualdi Salernitani*.— *L. A. Muratori*. RIS, Nuova Serie, VII, parte 1, fasc. 3, p. 237.

[31] *Falconis Beneventani* Chronicon, p. 131.

ниям,— весь итальянский народ был ввергнут в бедность, нищету и угнетение»[32].

Материальные средства, находившиеся в распоряжении центральной власти, дали ей возможность создать, наряду с отрядами вассалов, войска наемников (в значительной своей части состоявшие из сарацин) и сильный флот. Одним из необходимых условий строительства централизованного государства являлось формирование бюрократического аппарата. Он сложился на протяжении XII в., заимствовав отдельные элементы предшествовавшего византийского и арабского государственного устройства. При Рожаре II был введен институт юстициариев — представителей короля на местах, ведавших судом по уголовным делам. Во главе их стоял великий юстициарий. Позднее каждый из юстициариев стал назначаться в определенный округ, но только на годичный срок.

По арабскому образцу создавались центральные финансовые органы: doana regia (королевская казна), doana de secretis (счетная палата), а затем и doana baronum (в ней изготовлялись и хранились платеи — списки крепостных, принадлежавших баронам). Камерарии — финансовые агенты на местах — подчинялись магистру камерарию, возглавлявшему финансовое ведомство.

И все же в норманский период светские и церковные магнаты еще принимали активное участие в управлении государством. Высшим органом и апелляционной инстанцией оставалась в XII в. курия (совет) при короле. С санкции этого совета, состоявшего из епископов, графов и баронов, происходило, например, возобновление платей. Юстициарии назначались из среды знати. Тем не менее благодаря указанным выше факторам королевской власти удалось после долгой и трудной борьбы с баронами, поднимавшими мятежи, к 40-м годам XII в. обуздать своевольных магнатов.

В Сицилии не образовалось очень крупных феодальных владений, так как Рожер I раздавал при завоевании острова сравнительно небольшие феоды. Более обширные владения приобрели светские магнаты, участвовавшие в захвате Южной Италии, который возглавили несколько вождей. Однако существенно то обстоятельство, что такие владения не составляли, как правило, целостных территорий.

При подавлении восстаний баронов Рожер II смог конфисковать часть этих земель и присоединить их к своему домену. С 1144 г. он предпринял проверку и подтверждение всех привилегий, пожалованных им и его предшественниками. В результате магнаты лишились прав на земли, расхищенные ими во время усобиц.

Очень важной чертой, характеризующей положение государей Сицилийского королевства, была полнота их судебной власти.

[32] Ibidem.

Бароны не обладали здесь правом высшей юрисдикции, они судили только по гражданским делам и мелким уголовным преступлениям. Король и юстициарии рассматривали дела об измене, «преступлении оскорбления величества», убийствах, грабежах, поджогах и пр. (исключение составляли лишь некоторые крупные церковные корпорации, обладавшие полным судебным иммунитетом). Король принимал также апелляции от суда баронов.

Без разрешения короля бароны не могли распоряжаться своими ленами. Для того, чтобы контролировать переход ленов в другие руки, Вильгельм I (1154—1166) издал закон о необходимости согласия короля на брак вассала или его дочери (ибо, согласно франкскому праву, женщина могла наследовать феод). Выморочные лены переходили королевской курии.

*

Значительно сложнее были взаимоотношения норманского государства с городами.

После падения Западной Римской империи, во времена глубокого экономического упадка, население прибрежных районов, в особенности побережья Кампании, спасаясь от набегов, переселилось в горы. Однако крупные города, несмотря на то, что и они неоднократно подвергались нападениям, все же уцелели. Благодаря крепким стенам и военной организации, превращавшей горожан при малейшей опасности в войско, им удавалось в большинстве случаев выстоять. В городах сохранялись ремесла и, в той или иной мере, торговля.

В IX—X вв. начался рост городов. Реставрировались старые и строились новые стены. Города Кампании не только воевали с сарацинами, но и торговали с ними. Во второй половине IX в. князья Салерно заключили два договора о торговле с сарацинами. Не случайно жителей Неаполя упрекали в том, что они «предоставляют неверным оружие, съестные припасы и прочую помощь» [33].

Невиданного расцвета достиг в X в. Амальфи. Город (или, вернее, три расположенных друг около друга города — Амальфи, Атрани и Равелло, жителей которых называли амальфитанцами) был расположен на берегу удобной бухты, защищенной со стороны суши крутыми горами. Амальфитанцы, лишенные в этом районе земель, пригодных для возделывания, начали заниматься рыбной ловлей и прибрежным плаванием по Тирренскому морю. Уже в IX в. Амальфи превратился в крупнейший торговый город не только Юга, но и всей Италии.

Амальфитанские купцы вели в X—XI вв. торговлю с Сицилией и Испанией, Тунисом и Египтом, странами Леванта и Балканским

[33] Chronicon Salernitanum, p. 119.

полуостровом. Используя свое положение византийских подданных (хотя их зависимость от Византии и была номинальной), они раньше других итальянцев проникли в Константинополь и основали там обширную колонию. Цветущие амальфитанские колонии имелись и в других больших портах Средиземного моря — Дураццо, Антиохии, Иерусалиме, Александрии, Каире. Из Византии и арабских стран Леванта они вывозили прекрасные шелковые ткани, ковры, ювелирные изделия, а из Константинополя, сверх того, церковную утварь и воск. Амальфитанские купцы поставляли эти товары крупным монастырям, феодалам и богатым горожанам Южной Италии, везли их в Павию, славившуюся своими ярмарками, Геную и другие североитальянские города. В Амальфи, в свою очередь, съезжались купцы из Сицилии, Северной Африки и иных стран. Даже в XI в., когда Венеция стала захватывать в свои руки торговлю с Востоком, Амальфи оставался главным посредническим центром в торговых сношениях с Северной Африкой и Испанией. Другие южноитальянские города Тирренского берега были экономически тесно связаны с Амальфи; наиболее активная роль в этих сношениях также принадлежала Амальфи.

Со второй половины XI в. Амальфи медленно клонится к упадку. Его подчинение норманнам (окончательное — в 1131 г.) означало утрату амальфитанцами их привилегий в Византии и арабских странах, враждебно настроенных по отношению к норманнам. Тяжелый удар могуществу Амальфи был нанесен его соперником Пизой, нанесшей поражение городу в морской войне 1135—1137 гг. Место Амальфи в средиземноморской торговле перешло к Венеции. Однако в городах самого Сицилийского королевства и в XIII в. имелись амальфитанские торговые колонии, жители которых продавали в своих лавках заморские товары, занимались обменом денег и т. п.

На Тирренском берегу второе место в торговле принадлежало в X—XI вв. Салерно, также располагавшему собственным флотом. Из всех городов, расположенных в лангобардских областях, именно Салерно более всего сблизился с Византией. На его экономическом подъеме сказалась близость тесно связанного с ним Амальфи. Неаполь, несмотря на то, что был крупным городом, не занимался столь интенсивной торговой деятельностью. Арабский путешественник Ибн Хаукаль, посетивший Неаполь во второй половине X в., пишет, что Неаполь «прекрасный город, но уступает по своему значению Амальфи. Главное богатство Неаполя [состоит] в льне и льняных тканях. Я видел там куски полотна, с которыми не могут сравниться полотна никакой другой страны» [34].

[34] *'Ibn Haukal.* Libro delle vie e dei reami. In: *M. Amari.* Biblioteca arabo-sicula (versione italiana), vol. I. Torino — Roma, 1880, p. 25.

Ввозом и вывозом товаров из Неаполя занимались главным образом купцы Салерно и Гаэты. В 1029 г., согласно торговому договору, гаэтанцы были освобождены здесь от всех поборов. Столетие спустя последний неаполитанский герцог обещал обеспечить безопасность, «насколько это в наших силах, жителям Гаэты, их имуществу и кораблям в городе Неаполе и порту означенного города»[35]. Такое же обещание он дал амальфитанцам.

Самым важным центром по торговле с Востоком на Адриатическом побережье был Бари — единственный город Апулии, который в какой-то мере мог соперничать с Амальфи. Его расцвету благоприятствовала тесная связь с Константинополем, так как Бари являлся центром византийских владений в Южной Италии, а равным образом — его удобное географическое положение. После первого крестового похода, когда один из главных отрядов крестоносцев, под предводительством князя Тарентского Боэмунда, отплыл на Восток из Бари (1096 г.), множество паломников стало избирать этот путь. По дороге они останавливались в Бари.

С X в. Бари связан торговлей не только с Византией, но и с Венецией. В 1003 г., когда арабы осадили Бари, Венеция отправила флотилию, которая помогла снять осаду. Это объяснялось тем, что Бари снабжал Венецию апулийским зерном. Позднее, в 1177 г., по словам Ромуальда Салернского, венецианцы говорили даже о том, «какие благодеяния оказал... сицилийский король (Вильгельм II.— *М. А.*) нашему краю и как он утолил наш голод зерном своей земли. Для того, чтобы привезти его, многие из наших сограждан переправились в Апулию, захватив с собой немалые деньги и множество товаров»[36]. Суда Бари направлялись в Далмацию, Морею, Пелопоннес, Сирию. В XII в. на рынке Бари можно было приобрести товары Византии, арабских стран, Венеции, ткани Вероны, Падуи, Лукки и даже полотна из Нидерландов, сукна из Фландрии и Франции. Из других апулийских портов принимали участие в торговле с Востоком Трани, Барлетта, Бриндизи и Таранто.

Значительно отстали от приморских городов Кампании и Апулии калабрийские порты и города внутренних областей страны.

Ремесло было в Южной Италии развито гораздо слабее, чем торговля. Неаполь славился льняными тканями. В Амальфи и других больших городах строились суда, в некоторых местностях выделывали ткани из льняных и хлопчатобумажных нитей — бумазею. Когда началось разведение тутовых деревьев и появился шелк-сырец, возникла новая отрасль ремесла — изготовление шелковых тканей. Во многих грамотах упоминаются золотых дел мастера. Но все

[35] Codex diplomaticus Cajetanus, t. II. Monte Cassino, 1891, № 318 (1129 г.)

[36] Chronicon *Romualdi Salernitani*, p. 281.

же в Южной Италии предпочитали покупать восточные предметы роскоши; сирийские шелковые ткани, изделия из драгоценных металлов и слоновой кости восточного происхождения упоминаются в завещаниях богатых людей и в описаниях церковного имущества.

*

Развитие внешней торговли серьезно повлияло на социально-экономические и политические судьбы Южной Италии. Эта торговля лишь частично носила посреднический характер; главную долю товаров, вывозимых в другие страны, составляла продукция самой Южной Италии, почти исключительно сельскохозяйственная. По мере возвышения северо- и среднеитальянских приморских городов и упадка Амальфи транзитная торговля постепенно сошла на нет; между тем объем вывозимой пшеницы, вина, оливкового масла и других продуктов все более возрастал. Юг превращался в житницу Северной Италии и других стран Средиземноморского бассейна.

Интенсивный вывоз уже в X—XI и особенно XII—XIII вв. местной аграрной продукции не мог не затронуть сравнительно глубоко деревню — как крестьянское хозяйство, так и феодальную вотчину. Непреложным показателем тесной связи с рынком крестьян было бы господство денежной ренты или по крайней мере ее значительный удельный вес в общем комплексе повинностей. Однако, насколько можно судить по сохранившимся грамотам, в Южной Италии в X—XIII вв. неизменно господствовала натуральная рента. Как отмечалось выше, платежи продуктами превалировали в X—XI вв. в составе арендной платы, вносимой крестьянами — либеллляриями. В следующие два столетия это соотношение не изменилось. В картулярии амальфитанской области из 76 арендных договоров XII—XIII вв. в 64 на съемщика возлагается уплата чинша продуктами, в 10 — смешанного и лишь в 2 контрактах — денежного чинша. Даже в самой развитой области Юга — Апулии, как видно из арендных контрактов, включенных в картулярии монастыря св. Николая в Бари, Барлетты, Терлицци, Мольфетты, Сипонто и монастыря Конверсано, эти договоры в XII—XIII вв. чаще содержали требование уплаты продуктами (50 соглашений), чем денег (11 договоров) или денег и продуктов (4 соглашения).

Ту же картину рисуют источники, характеризующие положение зависимых крестьян. В хартиях, предоставленных монастырем Монте Кассино общинам зависимых от него крестьян (Кастеллионе, Феллы), и в расследованиях, проведенных аббатством в 70-х годах XIII в. в поселениях Черваро, Сан-Элиа, Сан-Витторе, Сан-Пьетро, Сан-Амброджо и др., идет речь о зерне, вине, оливках, фруктах, льне, «дарах» в виде кур, хлебов, сыров, о свиньях и овцах (побор за скот), небольшой барщине (несколько дней в году) и нерегулярно

взимаемых денежных взносах. В записи повинностей жителей крепости Сан-Северино (начало XII в.) перечисляются денежные платежи, оброк в виде доли пшеницы, ячменя и вина, часть мелкого скота и незначительная барщина. Натуральная рента взималась государством с зависимых крестьян и арендаторов королевского домена (например с крестьян апулийской деревни Альтамура).

Поскольку из Южной Италии во все возрастающем количестве вывозились съестные припасы, можно заключить, что часть продукттов, получаемых вотчинником в виде ренты с держателей, сбывалась им на рынке. Обязанность, возлагаемая на многих либеллярией некоторыми монастырями, расположенными в крупных городах (например аббатством св. Максима в Салерно и монастырем св. Сергия и Вакха в Неаполе), привозить сельскохозяйственные продукты в сам город также облегчала продажу доли этих продуктов.

Крупные монастыри Юга проявляли в XI—XIII вв. большую торговую активность. Широкую торговлю продукцией, полученной с зависимых крестьян и арендаторов, вел монастырь св. Троицы в Каве. В 1025 г. незадолго до того основанное аббатство получило у салернского князя освобождение от побора за торговлю на его землях. Норманские государи освободили монастырь от уплаты торговой пошлины (plateaticum) по всему королевству. Получив в конце XI в. важный порт Вьетри, а несколько позднее другие порты в Салернском заливе, аббатство стало вывозить через эти порты зерно и другие продукты. Часть их сбывалась в Салерно, а часть отправлялась на монастырских кораблях в Северную Африку и Сирию, откуда монахи привозили шелковые ткани, благовония и другие товары.

Еще раньше, чем Кава, начали строить корабли монастыри Монте Кассино и Волтурно. Выход к морю открыла аббатству Монте Кассино подаренная ему в 1066 г. крепость Торре-ад-Маре (у впадения реки Гарильяно в море). Аббатство завязало оживленную торговлю с рядом портов Тирренского моря и с Востоком. Монте Кассино и многие другие монастыри освобождались от уплаты торговых пошлин. Так, король Вильгельм II дал апулийскому монастырю св. Иоанна следующую привилегию: «Корабли означенного монастыря могут свободно входить в любой порт нашего королевства, выходить из него, оставаться, отплывать и возвращаться, не уплачивая портового сбора» [37]. Монастыри и церкви получали также право строить склады, одновременно являвшиеся местом продажи товаров.

Светские вотчинники также подчас пользовались свободой от уплаты торговых поборов. Однако лишь отдельные феодалы втяну-

[37] *G. Del Giudice.* Codice diplomatico del regno di Carlo I e II d'Angiò. vol. I, 1. Napoli, 1863, app. I, № VII (1176 г.).

лись во внешнюю торговлю, требовавшую большой предприимчивости, навыков и средств,— ею занимались преимущественно купцы. Уже в XII в. наряду с амальфитанцами в города побережья Тирренского моря проникают пизанские и генуэзские купцы, на Адриатическом побережье Юга еще раньше появились венецианцы. Местные феодалы продавали купцам для вывоза в города Северной и Средней Италии и другие страны зерно, вино, скот, фрукты, орехи (их охотно покупали в Африке), оливковое масло. Кроме того, возрастал спрос на съестные припасы в самих городах Юга, самые крупные из которых насчитывали в XII в. по несколько десятков тысяч чел. (Бари — около 50 тыс. чел., Неаполь — около 40 тыс. чел.).

Внутренняя торговля развивалась слабо. Гористый характер значительной части территории, очень плохое состояние дорог, разбои затрудняли сношение по суше, поэтому при перевозке товаров предпочитали каботажное плавание. Из внутренних районов продукты земледелия доставляли обычно речным путем к морю и дальше переправляли их морем; не случайно все крупные торговые города располагались на побережье. Относительно оживленной была только мелкая локальная торговля. Крестьяне подчас нуждались в деньгах для того, чтобы расплатиться с феодалами и государством. Они продавали также избыточный продукт, если таковой имелся, а спорадически и часть необходимого, чтобы приобрести нужные им товары — такие, как железо и соль.

Местные рынки появились не только в крепостях, но и в крупных деревнях. В хартиях, полученных некоторыми общинами (Корнето, Понтекорво, Сан-Пьетро), регулируются вопросы торговли жителей поселения, в том числе крестьян, на местном рынке или вывоза ими продуктов в другую местность. Главными объектами этой торговли были зерно и вино. О крестьянской торговле можно судить хотя бы по судебной тяжбе, касавшейся жителей деревни Лючия. Один из свидетелей говорил, что «видел, как баюл церкви взимал торговую пошлину, когда оттуда [из деревни] отправлялись люди с солью, глиняными сосудами и плодами, но не видел обычно, чтобы оттуда отправлялись продавцы других товаров» [38]. В этих глиняных сосудах крестьяне, очевидно, везли на рынок вино или оливковое масло.

Крестьяне либо продавали сельскохозяйственные продукты в своей деревне, либо отвозили их на рынок укрепленного поселения или города, где имелась в них потребность и куда издалека приезжали торговцы. Однако сравнительно небольшой удельный вес денежной ренты в общем объеме повинностей свидетельствует о том, что с рынком было связано главным образом хозяйство феодалов, а не крестьян.

[38] H-B, II, p. 431 (1224 г.).

Следовательно, для Южной Италии характерно раннее и интенсивное развитие внешней торговли. Что же касается торговых связей между разными областями самого королевства, то они оставались слабыми, единого рынка не создавалось.

В византийско-лангобардский период управление городом, в отличие от управления фемой, находилось в основном в руках местных крупных феодалов. В апулийских городах возглавлявшие фему стратиги, а позднее катепаны назначали на высшие должности преимущественно представителей лангобардской и италийской знати. В лангобардских княжествах верховная власть в городах принадлежала князьям; в Неаполе в Гаэте она постепенно сосредоточивалась в руках герцогов, в Амальфи — у префектурия. Сеньорами более мелких городов были обычно епископы.

Между тем экономический подъем городов, особенно приморских, приводил к усилению слоя имущих горожан, в первую очередь торговцев. Укрепились и позиции живших большей частью в городах крупных сеньоров, усиливавшихся по мере углубления процесса феодализации и сбывавших часть продуктов на внешний рынок. Неспособность Византии оказать апулийским городам действенную защиту от частых набегов сарацин, далматинских пиратов, а в XI в.— норманнов, побудила города создать собственные ополчения. Все это способствовало тому, что в X—XI вв. в городах Апулии начали формироваться коммуны. Тот же процесс происходил и в остальных областях Юга.

В многочисленных грамотах, фиксирующих сделки с городским имуществом или другие сделки, касающиеся общих интересов горожан, начинают фигурировать лица, выступающие от имени трех прослоек городского населения: 1) «благородных людей», «лучших», «магнатов» (nobiles, optimates, maiores, proceres, magnati); 2) «средних» (mediani, mediocres); 3) «народа», «меньших» (populus, plebs). Например, в небольшом апулийском городе Полиньяно в 992 г. группа лиц совершила дарение монастырю Конверсано «от имени всех людей, живущих в городе Полиньяно, лучших, средних и всего народа» [39].

Из массы горожан выделились лица, выступавшие в суде в качестве свидетелей или поручителей при решении споров и заключении сделок,— так называемые «добрые люди» (boni homines). Со временем они расширили свои функции (впрочем, не имевшие четко очерченных границ), выступая иногда даже посредниками между

[39] Chart. Cup., № 27.

сеньором и горожанами. В первую очередь «добрые люди» представляли светских и церковных феодалов, которые приобрели в формирующихся коммунальных институтах наибольшее влияние. Часть «добрых людей» выдвигалась и торговцами (наиболее богатые из них приобретали феоды и получали в Апулии титул «благородных купцов» — nobiles mercatores), зажиточными ремесленниками и пр. Большую роль в политической жизни города играли судьи и нотариусы, составлявшие особый слой населения. В некоторых городах (Бари, Трое и др.) изредка собирались общие собрания всех горожан. Там, очевидно, особым влиянием пользовались зажиточные лица.

Постепенно города превратили в свою собственность часть тех лесов, пастбищ и рек, которыми издавна сообща пользовались все жители и за которые они раньше платили государственным властям особые поборы. Отныне они могли распоряжаться этими землями по собственному усмотрению. «Мы все, народ Равелло, с настоящего дня по доброй воле во спасение душ наших и наших родителей передаем и дарим [монастырю] целиком нашу долю горного склона»,— гласит акт 1096 г. [40]

Скудость документов не позволяет сказать ничего определенного о том, насколько политически активными были народные массы в обычное время. Но известно, что во время восстаний против Византии или, позднее, норманнов низы городского населения принимали в них деятельное участие. Так обстояло дело во время антивизантийского выступления в Бари (1009 г.), вызванного тем, что апулийцы, по словам хрониста, «не могли более выносить гордость и бесчинство греков» [41]. Во главе восстания встал представитель лангобардской знати Мело. Восстание распространилось на Трани, Асколи и другие города и, вероятно, сельские местности. Лишь в следующем году, после двухмесячной осады Бари, прибывшим из Византии войскам удалось взять город. Новое выступление Мело в 1017—1018 гг. также получило поддержку населения.

Народные массы не оставались беспристрастными свидетелями и в период войн за Южную Италию между норманнами и византийцами. В это время в городах кипела ожесточенная борьба партий — сторонников византийского господства (предпочитавших господству норманнов правление далекой Византии) и противников империи, стремившихся освободиться от византийского гнета. Интересный документ начала XII в. показывает, как борьба с Византией или норманнами сплачивала горожан и повышала роль, которую играли

[40] *M. Camera.* Memorie storico — diplomatiche dell'antica città e ducato di Amalfi, vol. II. Salerno, 1881, p. 306 sq.

[41] Chronicon monasterii Cassinensis.— MGH, SS, t. VII, p. 37.

в политической жизни города широкие слои населения. В момент, когда над Бари нависла угроза захвата его норманскими войсками под командованием графа Конверсано, «по совету всех горожан было решено, чтобы на деньги, полученные за общее имущество, содержались воины, защищающие отечество» [42].

Подчас города сами выбирали себе отдельных норманских вождей сеньорами, а иногда, используя напряженную обстановку, добивались важных привилегий у своих старых сеньоров. Так, в 1129—1130 гг., когда Неаполь еще не подчинялся Рожеру, неаполитанский герцог Сергей IV дал горожанам обязательство не вводить новых поборов, не вести войны и не заключать мира без согласия неаполитанских нобилей. В период, предшествовавший созданию единого государства, южноитальянские города даже сами заключали договоры с североитальянскими (например договор 1122 г. между Бари и Венецией).

После основания Рожером II Сицилийской монархии в 1130 г. некоторые города продолжали сопротивление, стремясь сохранить свои вольности. Они заявляли: «Мы хотим пролить кровь во имя укрепления своей свободы и никоим образом не желаем попасть под чужую власть» [43].

Восстания городов приняли большой размах. Хронист Фалько Беневентский сообщает о кровавой расправе Рожера II с повстанцами в 1133 г.: «Силой захватив Венозу... и некоторые другие города, он уничтожил их огнем и мечом: убивал разными способами мужчин, женщин и детей, а некоторых приказал сжечь» [44]. Рожер подавил движение городов, сравнительно слабое, так как они в экономическом отношении уступали североитальянским, а пестрый этнический состав населения мешал единству действий. Тем не менее королю пришлось дать многим городам хартии, в которых гарантировалась личная и имущественная безопасность горожан, соблюдение норм публичного права и местных обычаев. «Ваш закон и ваши обычаи, которых вы придерживаетесь..., не будут у вас отняты против вашей воли..., вас не заставят идти ни в сухопутный, ни в морской военный поход... Вам не поставят иногороднего судью, а лишь из числа ваших горожан»,— говорится в привилегии, полученной Бари в 1132 г.[45] Горожане были даже освобождены от всех государственных поборов.

В дальнейшем короли начали нарушать условия этих хартий: они обложили города налогами и лишили самоуправления, поставив

[42] Perg. di S. Nicola, V, № 59 (1113 г.).
[43] *Falconis Beneventani* Chronicon, p. 114 (1132 г.).
[44] Ibid., p. 115.
[45] Perg. di S. Nicola, V, № 80.

во главе специальных должностных лиц (баюлов и др.). Укрепления и башни некоторых городов были снесены. Процесс формирования коммун приостановился. Все же норманские государи еще не имели возможности полностью лишить крупнейшие города Юга их былых вольностей. «Добрые люди» по-прежнему принимали участие в суде и обладали административными функциями. По гражданским делам горожан судили не королевские, а городские судьи, согласно местным обычаям, а Неаполь, Салерно и Мессина сохранили даже в норманскую эпоху право суда по уголовным делам — независимо от королевских юстициариев или совместно с ними. В более широком объеме удержали былые вольности Гаэта и Амальфи.

Южная Италия издавна привлекала к себе внимание германских императоров, боровшихся за подчинение Северной и Средней Италии. Фридриху I Барбароссе удалось устроить брак своего сына Генриха (будущего императора Генриха VI) и дочери Рожера II Констанции — единственной наследницы бездетного сицилийского короля Вильгельма II. Однако после смерти Вильгельма II южноитальянские феодалы выступили против чужеземного короля, противопоставив ему знатного апулийца, графа Танкреда. Лишь после смерти Танкреда в 1194 г. Генриху VI Гогенштауфену удалось утвердиться в Сицилийском королевстве. Четыре года спустя он внезапно скончался, оставив наследником трехлетнего сына Фридриха. Опекуном Фридриха стал самый могущественный из пап средневековья — Иннокентий III (1198—1216). Благодаря его поддержке Фридрих (которого папа выдвинул в качестве противовеса германскому императору Оттону IV) был коронован в 1212 г. германским императором под именем Фридриха II.

Это обстоятельство сыграло в дальнейшем крайне отрицательную роль в истории Сицилийского государства. Основной целью Фридриха II в течение всей его жизни (он умер в 1250 г.) была борьба за империю, обреченная в XIII в., в период усиления централизованных государств, на крушение. Она сводилась к борьбе за полное подчинение Северной и Средней Италии, лишь номинально входившей в состав Священной Римской империи,— чтобы, как заявлял Фридрих, «этот центр Италии, окруженный со всех сторон нашими силами, вернулся к повиновению нашему величеству и единству империи» [46]. Ярым врагом империи выступал папа, теократическая программа которого была не менее реакционной. Столкновения

[46] Constitutiones et acta publica regum et imperatorum, t. II, № 200 (1236 г.).— MGH, Legum sectio IV.

с отстаивавшими свою свободу североитальянскими коммунами и папством заполнили почти все царствование Фридриха и достигли крайнего ожесточения. В этой борьбе источником материальных ресурсов служило императору Сицилийское королевство.

Фридрих II — весьма своеобразная фигура на императорском престоле. Его детство прошло в Палермо, главном городе Сицилии. В расположенной на перекрестке торговых путей между Востоком и Западом Сицилии переплетались византийское, арабское и европейское влияния. Фридрих рассматривал Сицилийское королевство, которое он называл «зеницей ока», как центр своих широко раскинувшихся владений. Он управлял государством как неограниченный владыка, наподобие восточного деспота. «О, счастливая Азия, о, счастливые властители Востока, которые не боятся оружия подданных!» — восклицал Фридрих [47]. Свободой он считал полное подчинение подданных его власти и заявлял, что «гибель правителя влечет за собой и гибель народов» [48]. С помощью приближенных Фридрих стремился создать культ государя. Он ввел торжественный церемониал при дворе, окружил себя восточной пышностью, поражавшей современников.

Вместе с тем Фридрих — сложная и во многом противоречивая личность. Он был склонен к религиозному скептицизму, недаром легенда приписывала ему слова о трех обманщиках (основателях трех религий) — Моисее, Иисусе Христе и Магомете. В то же время он свирепо расправлялся с еретиками, первым узаконив их сожжение, так как видел в них опасных врагов не только церкви, но и государства. Будучи широко образованным человеком, Фридрих переписывался с арабскими учеными по поводу философских и математических проблем и в своем трактате «Об искусстве охотиться с птицами» указывал на необходимость исходить из опыта, непосредственного наблюдения. При дворе Фридриха жили итальянские, византийские, еврейские и арабские ученые, переводились арабские рукописи. Там образовался кружок поэтов, впервые в истории Италии писавших на народном итальянском языке (так называемая сицилийская школа поэтов). В 1224 г. был основан университет в Неаполе, правда, не получивший большого значения.

Политика Фридриха II в отношении Сицилийского королевства продолжала в своих основных направлениях политику его предшественников — норманских королей. В царствование Фридриха окончательно завершилось строительство сильной централизованной монархии.

Первым этапом было воссоздание норманского государства, так как в начале правления Фридриха в королевстве царила полная

[47] H-B, VI, p. 686.

[48] Ibid., V, pars I, p. 275.

анархия: за период смут бароны и церковь обрели полную самостоятельность. Мероприятия Фридриха имели своей целью возврат расхищенных земель королевского домена, ресурсы которого могли бы послужить материальной базой в борьбе короля с центробежными силами. Ему удалось не только восстановить домен в прежнем объеме, но и расширить его. В число изданных в 1220 г. Капуанских ассиз входило постановление о разрушении всех укреплений, построенных феодалами после смерти Вильгельма II.

В усилении королевской власти сыграли значительную роль Мельфийские конституции (1231 г.) — свод законов Сицилийского королевства. Они запрещали ношение оружия и ведение частных войн в государстве: никто не имеет права мстить за нанесенные ему обиды, говорилось в законе, допускается лишь самозащита в случае крайней необходимости.

Уже в норманский период наметилась тенденция к превращению короля в фактического, а не только номинального сеньора всех феодалов, но тогда эта тенденция еще не могла быть полностью реализована. Теперь же устанавливался порядок передачи ленов по наследству только с разрешения королевской курии. В отношении лиц, нарушивших закон, Фридрих предписывал юстициарию: «Нам угодно, чтобы ты, найдя такого рода безрассудных людей, лишил их земель» [49]. В Мельфийские конституции включалось постановление Рожера II о том, что непосредственные вассалы могут вступать в брак и выдавать замуж своих дочерей лишь с согласия курии. Это постановление приобрело большое значение, так как за женщинами признавалось право наследовать имущество отца или брата. 10 лет спустя Фридрих распространил запрещение вступать в брак без разрешения короны на всех феодалов — вассалов второй руки, кроме самых мелких.

В XIII в. рыцарство по-прежнему являлось широким слоем. В письмах Фридриха упоминаются ленники, которые держат до сотой части феода, или же «бедные феодалы», владеющие леном, на котором сидят от 1—3 до 10 вилланов. Таких рыцарей было немало. Рыцари, имевшие осколок феода, жили доходами со своего аллода (burgensatica). Формально юридическая грань между ними и мелкими вотчинниками, выходцами из среды зажиточных крестьян, сохранялась: закон запрещал человеку нерыцарского происхождения становиться рыцарем без особого разрешения короля. До нас дошли и специальные разрешения отдельным лицам принять посвящение в рыцари.

Однако закон этот не всегда соблюдался на практике. Ряд монтекассинских грамот показывает, что сами аббаты, минуя короля,

[49] *E. Winkelmann.* Acta imperii inedita saeculi XIII, vol. I. Innsbruck, 1880, № 859, p. 660 (далее — W. Acta).

давали в XIII в. подобные разрешения некоторым зависимым от них зажиточным крестьянам, имевшим возможность нести конную военную службу. В действительности грань между рыцарями и мелкими вотчинниками, не имевшими рыцарского звания, была очень расплывчатой и нестабильной. У обеих прослоек, близких друг к другу по своему экономическому положению, имелись общие интересы.

Фридрих II пытался поставить возможно большее число рыцарей в непосредственную зависимость от себя. Остальных рыцарей он стремился охранить от насилий со стороны сеньоров.

Среди конституций, изданных после 1231 г., имелся закон, запрещавший сеньорам «угнетать своих вассалов вопреки правосудию» [50] и противозаконно отнимать у них имущество. Интересам мелких феодалов отвечала и прободимая государством политика в отношении крестьян (см. ниже). Рыцари могли откупаться от военной службы, и в системе военных сил Фридриха большую роль играли наемные рыцари (stipendiarii, solidarii). Они использовались как в самой стране (в гарнизонах многочисленных укреплений), так и за ее пределами (в войнах в Северной Италии). Рыцари занимали, наряду с лицами бюргерского происхождения, часть мест в государственном аппарате — в качестве судей, нотариусов и пр., а нередко даже самые ответственные должности, например юстициариев.

В своих взаимоотношениях с церковью Фридрих также продолжал и усиливал тенденции, характерные для церковной политики Норманской династии, особенно Рожера II. В первой половине XIII в., когда центральная власть была сильной, а полный разрыв с папством на протяжении большей части царствования Фридриха II давал ему возможность не считаться с требованиями пап в отношении сицилийского духовенства, такая политика не могла не быть успешной.

Землевладение церкви, выросшее в норманский период и особенно во время опекунства Иннокентия III, резко сократилось в результате мероприятий, имевших своей целью возврат короне земель и привилегий. Эти меры затронули церковь еще сильнее, чем светских феодалов. Церковь утратила право приобретать или получать в дар как феоды, так и земли, свободные от феодальных служб (исключение составляли владения, полученные по завещанию, которые ей, однако, разрешалось держать лишь в течение года). Поясняя эту меру в письме папе, который жаловался на конфискацию некоторых земель у госпитальеров и тамплиеров, Фридрих заявил: «И это было постановлено издавна потому, что если бы им [гос-

[50] H-B, IV, pars I, p. 223. Lib. III, tit. 12.

питальерам и тамплиерам] было разрешено свободно и на вечные времена покупать или принимать земли на правах частной собственности, они бы в короткий срок... скупили и приобрели все Сицилийское королевство»[51]. Монте Кассино и другие монастыри и церкви лишились права высшей юрисдикции. Клирики по всем вопросам, кроме церковных, отвечали перед государственным судом. Фридрих давал церкви только привилегии, не нарушавшие целостности государства.

Даже в период мирных отношений с папством Фридрих II влиял на выборы епископов. В 1239—1250 гг., во время яростной борьбы с римской курией, епископы, аббаты и клирики, являвшиеся сторонниками папы, арестовывались или изгонялись из королевства; был создан епископат, полностью изолированный от Рима.

И все же в Сицилийском королевстве не наблюдалось привычной для западноевропейских государств периода их централизации расстановки классовых сил — опоры королевской власти на рыцарство, города и церковь: здесь не произошло сближения центральной власти с городами.

Южноитальянские города не втянулись во внутреннюю торговлю; их экономика оставалась тесно связана с внешней торговлей — вывозом зерна и других сельскохозяйственных продуктов. Между тем прочное единство страны возможно лишь на основе развития внутренних экономических сношений. Постепенно горожане оттеснялись и от внешней торговли: норманские короли предоставляли широкую возможность вывоза товаров из Сицилийского королевства купцам Венеции, Генуи и Пизы, а при Фридрихе II внешняя торговля в значительной мере находилась в руках государства. Невысокий уровень развития ремесла обусловил слабость слоя ремесленников. Таким образом, города, больше заинтересованные в сохранении собственных вольностей и привилегий, чем в укреплении единого централизованного государства, недовольные привлечением к внешней торговле чужеземных купцов и высокими налогами, не оказывали поддержки королевской власти.

Продолжая и в своей политике по отношению к городам традиции норманской династии, Фридрих тоже действовал гораздо более решительно и непримиримо: экономические привилегии городов шли вразрез с его торговой и фискальной политикой, а сохранившиеся в некотором объеме политические права были несовместимы с существованием сильного государства. В 1240 г., отдавая приказ об осаде непокорного Беневенто, он пишет: «Жители Беневенто более думают о себе и собственном благе, чем об удовлетворении [желаний] нашего Величества. Вследствие этого мы хотим, чтобы все

[51] H-B, V, pars I, p. 253 (1238 г.).

находящиеся внутри [города] до тех пор иссушались муками голода, пока этот жестокий голод и недостаток всего необходимого не принудят их научиться повиновению нашим приказам»[52].

Уже в Капуанские ассизы был включен приказ, запрещавший городу иметь самоуправление. Главу города назначает камерарий, суд передается в руки юстициариев и королевских судей и должен вестись по нормам государственного права. Мельфийские конституции 1231 г. вновь предписывают, чтобы все должностные лица в городе назначались королем (или его представителями). «Если же в дальнейшем какая-либо [городская] община [сама] поставит таковых, она будет разрушена навеки и все жители этого города будут навсегда превращены в крепостных»[53]. Лишь Неаполь, Салерно и Мессина сохранили остатки былых вольностей. Торговые льготы раздавались городам значительно более скупо, чем в предшествовавшую эпоху.

Выступления городов жестоко подавлялись. Наиболее крупным из них было вспыхнувшее в 1232 г. восстание Мессины, Сиракуз и некоторых других сицилийских городов. Когда вставший во главе войска Фридрих вступил в Мессину, он повесил и сжег вождей восстания. Некоторые сицилийские города (Ченторби и др.) подверглись полному разрушению. После взятия восставшего в 1240 г. Беневенто его стены и башни были срыты. Когда жители небольшого города Читта-Сан-Анджело проявили, по выражению Фридриха, «злокозненность», король приказал стереть город с лица земли, часть жителей казнить, а остальных выселить (1239 г.). «Мы желаем, чтобы это поселение навеки опустело»,— писал Фридрих юстициарию Абруцц[54].

Начатое в норманскую эпоху строительство централизованной феодальной монархии завершилось в первой половине XIII в. Связь государственного аппарата с ленной системой была полностью порвана. Должностными лицами являлись не вассалы короля, а чиновники; при их назначении не считались с тем, какое место эти лица занимали в системе феодальной иерархии, а зачастую их вербовали из горожан. Они всецело зависели от центральной власти и получали от нее определенное жалованье. В это время сильно разросся государственный аппарат, в особенности его центральная часть, выделялись отдельные ведомства — судебное, финансовое и др. Созданный Фридрихом бюрократический аппарат во многих отношениях предвосхитил те, которые сформировались позднее в других странах Европы.

52 H-B, V, pars II, p. 689.
53 Ibid., IV, pars I, p. 53—54. Lib. I, tit. 50
54 Ibid., V, pars I, p. 565.

Фискальную политику Фридрих II всецело подчинял главной цели — борьбе за империю, требовавшей огромных средств. Немалых денег стоило и содержание огромного аппарата управления, двора, строительство крепостей в королевстве. В методах изыскания средств и выжимания все новых и новых денег из своих подданных Фридрих намного опередил других государей Западной Европы. Перенятую у норманнов разветвленную систему налогов и пошлин он дополнил новыми поборами, позаимствовав их большей частью у арабов. Он ввел прямой налог — коллекту, взимавшийся с 1235 г., за некоторыми исключениями, ежегодно; ее платили и феодалы, и церковь, и города. Коллекта ложилась тяжким бременем на жителей королевства, которым Фридрих рассылал письма с изъявлением своей горячей любви, неизменно заканчивая их требованием, чтобы они «радостно поспешили внести деньги» [55]. Одновременно Фридрих приказывал, чтобы сборщики коллекты конфисковывали у недоимщиков имущество и посылали их на галеры. В королевстве существовали и косвенные налоги на вино, мясо, оливковое масло, сыр. На население возложили нелегкую обязанность строить укрепления.

Впервые в Европе вводились государственные монополии на железо, соль, смолу, шелк-сырец: должностные лица полностью скупали эти товары у частных лиц и продавали их по значительно более высокой цене. Все красильни принадлежали государству. Политика в отношении торговли зерном по существу приближалась к монополии: частным лицам запрещалось вывозить из королевства зерно, пока не будут отправлены корабли с зерном, принадлежащие государству. Таким образом государство извлекало большую прибыль из торговли зерном — главным предметом вывоза. Пошлины на ряд товаров значительно повысились. Налоговый гнет подрывал экономику Сицилийского королевства. Развитие ремесла не поощрялось; ремесленные изделия, в которых нуждались государство, армия, двор, ввозились в основном из других стран.

Итак, централизация не покоилась на росте экономических связей между отдельными районами и создании внутреннего рынка, охватывающего всю страну, на союзе с городами. Не являясь следствием совершавшихся в стране социально-экономических перемен, эта централизация носила в значительной мере искусственный характер. Последние годы царствования Фридриха II ознаменовали начало упадка Южной Италии.

[55] Ibid., p. 273 и др.

Углубление процесса феодального подчинения крестьян после норманского завоевания отнюдь не означало, что жизнь крестьянских общин замерла. Напротив, в XII—XIII вв. оформились органы управления общин, они сохранили приобретенные права, а подчас приобрели новые. Сам термин «община» (universitas) впервые встречается в тексте судебного решения по поводу тяжбы между двумя сельскими общинами Апулии — Битетто и Грумо — из-за земель (1105 г.). На суде интересы той и другой общины защищали должностные лица общины (очевидно, выборные) — синдики.

Ко второй половине XII — началу XIII в. относится ряд хартий, которые феодалы были вынуждены предоставить общинам Корнето, Пьедемонте, Понтекорво, Сан-Анджело в Тодиче, Фелл и других поселений по их настоянию. Исключение составляли привилегии Кастеллионе и Кастеллано, данные сеньорами по собственной инициативе с целью привлечения поселенцев в эти местности.

В хартиях содержится столь важная для крестьян фиксация всех видов повинностей. Определяется, на каких условиях держатели могут покинуть территорию вотчины. В некоторых хартиях за крестьянами признается не только право на аллодиальную собственность, но и право завещать держание в пределах определенного круга лиц и даже продавать его человеку, который будет по-прежнему вносить платежи. Большое внимание уделяется мерам, ограничивающим произвол феодала и его агентов (например, запрещается арестовывать крестьян или конфисковать их имущество без приговора суда).

Судить общинников, как правило, агенты вотчинника должны в самом поселении, и в суде принимают участие «добрые люди».

Эти избиравшиеся, очевидно, самими общинниками из их среды «добрые люди» начали играть большую роль в повседневной жизни крестьян, заседая в суде, занимаясь различными хозяйственными вопросами и т. п. Важное значение в общине приобрели в XIII в. синдики. Так в общинах появились органы управления, хотя о полном самоуправлении говорить не приходится: вотчинные агенты возглавляли суд, приводили приговоры в исполнение, взимали с крестьян повинности. Впрочем, сеньору часто приходилось назначать этих лиц из среды общинников.

Следующий этап в развитии общины охватывает вторую половину XIII в. Весьма примечателен судебный иск, который возбудила в 1252 г. община деревни Козентино перед судьей королевской курии. В акте говорится, что королевский судья потребовал, чтобы жители Козентино под угрозой штрафа принесли присягу сеньору Сичиньяно Риккарду де Рокка. Однако «упомянутые люди этой деревни, пренебрегая наложенным на них штрафом, отказа-

лись дать клятву верности указанному господину Риккарду»[56]. Синдику общины удалось доказать, что ее люди являются непосредственными держателями архиепископа салернского и не зависят от сеньоров Сичиньяно. Так крестьянская община начала тяжбу против феодала и выиграла дело. Энергично защищали в эту эпоху свои права и общинные угодья и другие общины, в том числе расположенная на территории государственного домена община Альтамуры и соседние апулийские общины.

Крестьянская община выступала как активно действующая сила, с которой приходилось считаться сеньору и которая отстаивала свои интересы любыми путями, вплоть до открытого сопротивления притязаниям феодала. Так, большого ожесточения достигла борьба между общиной крепости Сан-Элиа, зависимой от Монте Кассино, и аббатством. Был убит посланный монастырем ректор Сан-Элиа, крестьяне отказались выполнять повинности, община обращалась с «позорными и несправедливыми словами», «клеветническими жалобами», по выражению аббата[57], к папе и королю. Когда монастырю в 1273 г. с трудом удалось достичь соглашения, всех членов общины, «согласно обычаю», созвали в церкви. Общинники поклялись соблюдать данные ими обязательства; 20 человек, возглавлявших движение, подверглись изгнанию, а стены крепости были разрушены. В то же время пришлось значительно снизить размер ренты, уплачиваемой крестьянами за виноградники. Усиление общины сдерживало наступление вотчинников на крестьян.

Норманское завоевание способствовало расширению слоя крестьян, находившихся в личной, судебной или поземельной зависимости от сеньора. Однако более или менее значительные контингенты мелких свободных крестьян-собственников сохранились в Южной Италии в XII и даже XIII в., поэтому поглощение свободной деревни феодальным землевладением продолжалось и в эту эпоху.

По-прежнему одним из главных путей обезземеления крестьян была продажа ими своих наделов. Рост товарно-денежных отношений (в частности, сложившаяся связь крестьян с местным рынком) привел к значительно более широкому распространению ростовщичества, чем в византийско-лангобардский период. Особого развития оно достигло в районах, прилегающих к крупным приморским

[56] Codice diplomatico Salernitano del secolo XIII. A cura di C. Carucci. Vol. I. Subicno, 1931, N 142.

[57] *E. Gattola.* Ad historiam Abbatiae Cassinensis accessiones. Venetiis, 1734 (далее — *Gattola.* Acc.), p. 326.

городам — Бари, Неаполю и др. Указанные во многих грамотах небольшие размеры ссуды и тяжелые условия, на которых она выдавалась, свидетельствуют о том, что в этих грамотах выступают разоряющиеся крестьяне, нередко стремящиеся с помощью займа сохранить самостоятельное хозяйство. Невозможность погасить ссуду приводила к утрате неисправным должником земли, служившей залогом (залог земли был, как мы видели, обычным условием кредитных сделок). Практиковались дарения земель церкви, обусловленные нередко необходимостью для крестьянина найти себе защиту от посягательств светских магнатов. Иногда земля возвращалась дарителю в пожизненное или наследственное пользование. Однако и в этот период прекарий не являлся в Южной Италии одним из основных методов втягивания крестьян в зависимость.

Крестьяне страдали от насилий феодалов и от войн. Жалоба некоей Грузы, что она и дети «умирают от голода вследствие грабежей нечестивого племени норманнов» [58], характерна для обстановки, в которой оказывались крестьяне, когда в области Юга вторгались отряды жаждавших добычи феодалов — пришельцев из Нормандии, Германии и т. д. Но могущественные феодалы зачастую грабили расположенные по соседству с их владениями деревни и в «мирные» времена.

Остатки рабовладельческого уклада в тот период уцелели преимущественно в форме домашнего рабства. Свое производственное значение рабство утратило почти полностью.

Существенные изменения произошли вследствие образования государства с сильной центральной властью в положении низшего слоя крестьян — сервов (в источниках того времени они называются также angararii, adscriptitii). По образцу арабской Сицилии в Южной Италии и на острове в норманскую эпоху составлялись кадастры, которые содержали описание границ земель, принадлежавших отдельным феодалам, и перечень сидевших на этих землях крестьян. Сначала, по приказу графа Рожера, для Сицилии, а позднее и для Южной Италии были изготовлены так называемые платеи (plateae) — выписки из кадастров, представлявшие собой перечень крестьян, лично зависимых от того или иного феодала, и следуемых с них поборов. Эти платеи раздавались феодалам; в дальнейшем в них вписывались дети крепостных и вычеркивались умершие. В 40-х годах XII в. Рожер II предпринял проверку этих списков в масштабах всего государства. Кадастры, находившиеся в центральном управлении, и платеи у отдельных феодалов сохранились и в XIII в. Сразу же после образования единой центральной власти Рожер II положил начало прикреплению крестьян к земле законода-

[58] Cava, VIII, № 1349 (1063 г.).

тельным путем: лично зависимым крестьянам запретили переходить на другое место. Позднее Вильгельм II издал закон, запрещавший кому бы то ни было захватывать беглых сервов: их следовало немедленно передавать господину, а если последний неизвестен — королевским должностным лицам — баюлам. Фридрих II включил этот закон в Мельфийские конституции и дополнил его распоряжением о том, что бежавшие крепостные, доставленные баюлами в курию короля, должны быть возвращены господам, если последние в течение года смогут доказать свои права на крестьян. В противном случае крепостные будут использованы в интересах короны.

Фридрих II не ограничился изданием законов о прикреплении крестьян к земле. Специальные лица, так называемые revocatores hominum, занимались розыском и принудительным возвращением крепостных, бежавших с земель домена и из вотчин церкви и светских феодалов. По всему королевству время от времени проводились расследования с целью розыска беглых сервов домена и даже их детей и внуков. Таким образом, центральная власть возвела в норму права, действующего в масштабах всей страны, прикрепление к земле и даже помогала феодалам разыскивать беглых и насильно водворять их на прежнее место жительства.

Ограничение свободы лично зависимых крестьян не сводилось к прикреплению их к земле. Только с согласия господина разрешалось им, согласно закону Рожера II (повторенному Фридрихом II), принимать сан священника.

Сервильный статус был наследственным. Как и в предшествовавшую эпоху, сервов разрешалось продавать, дарить и т. п., но только вместе с их тяглыми наделами. Сервы могли свободно распоряжаться своим частным имуществом (даже недвижимым), но в остальном они не имели правоспособности. Об этом свидетельствует, к примеру, письмо, направленное в 1239 г. Фридрихом II юстициарию Абруцц. В нем говорится о необузданности и о насилиях, которые чинят дворяне, «так как полагают, что содеянное преступление не может быть засвидетельствовано вилланами», ибо «они [дворяне] считают, что их беспутству способствует конституция, лишающая вилланов права быть свидетелями на суде». Далее рассказывается, что некие Одеризий, Филипп и Иоанн де Амато убили одного виллана, и. «поскольку [преступление] может быть доказано не горожанами или рыцарями, а только крестьянами», дело не разбиралось в суде; поэтому Фридрих, в виде исключения, разрешил матери убитого судебный поединок (с помощью нанятых бойцов) с преступниками [59].

В упоминаемом здесь законе, который не дошел до нас, под вилланами подразумеваются как лично, так и поземельно зависимые

[59] W. Acta, I, № 836.

крестьяне. Последние несколько отличались от сервов, в частности тем, что закон разрешал им становиться священниками или принимать пострижение по собственному усмотрению. Однако за ними не признавалось право занимать государственные должности и выступать свидетелями на суде. Они были подсудны курии своего сеньора.

Низшей прослойкой, сохранившей правоспособность, оставались свободные крестьяне (rustici). В эту категорию входили не только крестьяне-аллодисты. В нее вливались также, с одной стороны, разбогатевшие, возвысившиеся над крестьянской средой люди, которые превратились в мелких вотчинников, но по закону считались «крестьянами», так как не имели рыцарского звания, а с другой стороны, по-видимому, арендаторы (до тех пор, пока их свобода еще не подверглась серьезным ограничениям). Арендаторы представляли собой слой, промежуточный между свободными крестьянами и вилланами; прослойка либелляриев смыкалась со слоем свободного крестьянства.

В XII—XIII вв., когда в сфере феодального подчинения крестьян одержала верх тенденция прямого закрепощения при активном участии государственной власти, аренда как способ втягивания их в зависимость стала играть подчиненную роль. Она начала практиковаться реже. Землевладельцы преимущественно сдавали в аренду пустующие земли, заброшенные виноградники, сады и оливковые рощи, т. е. прибегали к аренде тогда, когда надо было изменить способ хозяйствования: вырастить виноградники, сады и т. п. Появившаяся в XI в. тенденция к ухудшению условий договоров, заключенных с крестьянами, проявляется по-прежнему. Чаще стало встречаться требование нести, дополнительно к чиншу продуктами, полевую барщину. Иногда за зерновые собственник стал требовать не четверть или треть урожая, как в X—XI вв., а половину. И все же даже в этот период условия либеллярных соглашений, заключаемых с крестьянами, лишь в некоторых случаях отличались в худшую сторону от условий договоров, заключаемых с феодалами. Либелляриев эксплуатировали меньше, чем зависимых крестьян.

Источники по истории Монте Кассино дают возможность проследить долгий процесс превращения мелких арендаторов в зависимых крестьян, а арендуемых земель — в зависимые держания. В X в. аббатство начало широко раздавать земли пришлым крестьянам, заключая с ними либеллярные договоры. В XIII в. повинности этих крестьян, первоначально сводившиеся к доле урожая, увеличились: появилась, хотя и небольшая, полевая барщина и различные денежные платежи. Но формально земельные наделы сохранили свой характер либеллярных держаний. В тексте расследования 1273 г. в крепости Черваро говорится, что каждый раз «по истечении 29 лет должны быть возобновлены... все либеллярные догово-

ры о владениях, которые вышеназванные [жители крепости] держат на его (Монте Кассино.— *М. А.*) территории»[60]. Сохранились и документы о возобновлении за определенную денежную сумму либеллярных соглашений — как коллективные, заключаемые всей общиной, так и индивидуальные. Между тем часть населения крепостей, обязанного возобновлять договоры, составляли лично зависимые крестьяне — angararii. Следовательно, потомки свободных либеллариев X в. превратились в лично зависимых крестьян. Такое превращение произошло с частью арендаторов и в других местностях, но столь длительное сохранение либеллярной формы в отношениях между сеньорами и зависимыми держателями — особенность, присущая, насколько можно судить по документам, только территории Монте Кассино.

В Южной Италии не исчезла в XII—XIII вв. также прослойка пришлых и коммендировавшихся крестьян (advenientes, affidati, recommendati). Поскольку расширение территории вотчины происходило более быстрым темпом, чем втягивание в зависимость крестьян, часть мелких крестьян, утратив землю, селилась затем на чужой земле в качестве advenientes или affidati. В их положении трудно усмотреть сколько-нибудь значительные изменения по сравнению с X—XI вв., но практика привлечения пришлых людей (как и арендаторов) играла на данном этапе феодализации меньшую роль, чем в донорманскую эпоху.

В заключение следует отметить, что в конкретной действительности положение разных категорий зависимого крестьянства часто не совпадало с их статусом, санкционированным общегосударственным законодательством. Более того, в хартиях, дающих возможность рассмотреть реальное положение крестьян, деление на слои, которое зафиксировано в законах, нередко отсутствует; эти слои заменяют градации, основанные на иных принципах. Реальное положение крестьян в той или иной местности обусловливалось множеством разнообразных факторов, среди которых очень большую роль играл сложившийся здесь обычай. Принципы же, лежавшие в основе деления на категории, определявшего права и положение каждой из групп, зависели от характера отношений крестьян с сеньором — экономического (рентного), судебного и пр.

Многие хартии XI—XIII вв. (Трайетто, Суйо, Кастеллионе, Корнето, Сан-Анджело и др.) делят жителей крепостей и поселений деревенского типа на два слоя: тех, кто несет барщину с быками, и лиц, несущих конную военную службу. Крестьяне, обязанные барщиной, в некоторых монтекассинских источниках второй половины XIII в. называются крепостными (angararii), а люди,

[60] *Gattola*. Acc., p. 383.

которые несут военную службу,— рыцарями. Последние находятся в привилегированном положении — они не платят некоторых поборов деньгами и продуктами и неизменно свободны от барщины. Однако это деление по принципу несения ренты не было стабильным. Когда аббатство нуждалось в войске, оно охотно предоставляло зажиточным крестьянам разрешение на замену крестьянских повинностей службой с лошадью и давало этим людям звание рыцаря. Тем не менее монастырь боролся с распространившимся здесь обычаем «усыновления» (affiliatio), который заключался в следующем: человек, обязанный военной службой, выдавал свою дочь замуж за крестьянина или усыновлял его, что освобождало последнего от крестьянских служб и повинностей. «Так лица, ранее бывшие крепостными, начинают считать себя свободными»,— пишет аббат [61]. Несмотря на сравнительную легкость перехода из низшего социального слоя в более высокий, эти слои представляли собой наследственные категории.

Характерно, что за крепостными Монте Кассино сохранялось ограниченное право ухода. И в этом отношении реальный статус лично зависимых крестьян в крупных церковных вотчинах не совпадал с положением этих крестьян, согласно нормам общего законодательства. Вероятно, могущественные аббатства не были столь заинтересованы в государственном прикреплении крестьян, как светские феодалы, особенно мелкие, нуждавшиеся в помощи центральной власти, чтобы удержать в своих вотчинах крестьян.

Процесс развития феодальных отношений протекал в обстановке напряженной классовой борьбы между крестьянами и феодалами, принимавшей разнообразные формы. Некоторые источники позволяют судить о стойкости крестьянского сопротивления. Хроника Волтурно содержит целую группу такого рода актов. Первый из них относится к 779 г., когда крестьяне деревни Карапелла вторглись во владения аббатства, т. е., по-видимому, начали их пахать и засевать. Одновременно крестьяне из другой деревни захватили монастырский лес, а «вилланы, которые несли обычно в усадьбе [монастыря] барщину со своими топорами», прекратили работу. В волнениях приняли участие также «люди» деревни Вилла Магна, отказавшиеся платить повинности. Монастырь передал дело о выступлении крестьян в суд герцога Сполето. Когда вызванных в курию крестьян спросили, почему они вторглись в монастырские земли, общинники ответили, что эти земли принадлежат им. Суд обя-

[61] *Cattola.* Acc., p. 332 (1273 г.).

зал членов общины Карапелла возвратить захваченные угодья и уплатить штраф. Решение, касавшееся крестьян, отказавшихся платить ренту, гласило: «Мы провозглашаем, чтобы они несли впредь, без всякого промедления, те повинности, платежи и барщину в усадьбе Трита, которые они несли издавна» [62]. Следовательно, налицо попытка крестьян вернуть захваченные у них аббатством земли и освободиться от повинностей, взимаемых сеньором, лишившим их самостоятельности.

Крестьяне продолжали свою борьбу с монастырем. В 831 г. аббат обратился к франкскому императору Людовику Благочестивому с просьбой подтвердить решение суда по поводу тех же жителей усадьбы Трита (они уже называются сервами), которые «пытались уклониться от следуемых с них служб» [63]. Людовик издал особый акт с поименным перечислением жителей всех 24 домов имения Трита, которых должностные лица монастыря должны призвать к несению прежних сервильных повинностей. За монастырем подтверждалось право беспрепятственно владеть и распоряжаться сервами. 23 года спустя, в 854 г., аббат снова подает в суд жалобу на крестьян из деревни Оффена (долина Трита), которые «всегда были сервами св. Виченция..., а теперь, по неизвестной причине, уклоняются от этого служения» [64]. Крестьяне заявили, что они и их родители всегда были свободными и лишь коммендировались монастырю, чтобы получить защиту. Свидетели, возможно, под давлением дали показания, что эти люди, как и их родители, являлись сервами, несли барщину и подчинялись препозиту монастыря. Суд отдал крестьян под власть монастыря. Разумеется, то обстоятельство, что эти крестьяне может быть, уже раньше превратились в сервов, не снижает значения их борьбы за свободу, которую не могли прекратить даже неоднократные обращения аббата за помощью к франкским королям и суду лангобардских князей.

В 872 г. могущественный монастырь обратился с просьбой к прибывшему в Южную Италию императору Людовику II, ибо крестьяне более 10 деревень Тританской долины отказывались признать себя сервами и нести соответствующие повинности. Столетие спустя, в 972 г., аббат жалуется германскому императору Оттону I на зависимых крестьян, которые не хотят служить монастырю. Так на протяжении веков боролись крестьяне с монастырем Волтурно.

Очень интересно широкое движение лично зависимых крестьян гаэтанского епископства в 999 г. Движение началось с выступления братьев Иоанна и Анатолия, заявивших от лица своих родствен-

[62] Chron. Vult., I, № 23.
[63] Ibid., № 55.
[64] Ibid., № 72.

ников, что они — не сервы, а свободные люди. Немедленно вслед за этим все сервы епископства объявили, что они также являются свободными людьми, и прекратили повиноваться приказаниям сеньора. Убедившись, что он не в состоянии собственными силами справиться с движением, епископ обратился за помощью к Оттону III. Император послал на Юг своего посланца, которому удалось вновь подчинить сервов власти епископа. Иоанн и Анатолий уплатили большой выкуп за освобождение своих семей.

Крестьяне участвовали не только в местных движениях, но и в крупных восстаниях X — начала XI в., направленных против византийского господства.

Локальные движения крестьян в XII—XIII вв. полнее всего отражены в хрониках Монте Кассино. Летописец Петр Диакон пишет о волнениях ремесленников Сан-Джермано и крестьян на землях монастыря начиная с 1115 г. Он сообщает: «Люди общины Сан-Джермано часто вели себя беспокойно и мятежно по отношению к нашему аббату»[65], поэтому «благоразумные люди» ночью захватили возвышенность около Сан-Джермано и построили на ней башню, чтобы держать в страхе мятежников. Подобные же укрепления были сооружены на территории Понтекорво и еще трех крестьянских общин. Однако меры, предпринятые монастырем, не помогли. Через несколько лет крестьяне Сан-Джермано захватили и разрушили башню около их поселения. Вскоре движение разрослось. В 1123 г. «крестьяне Сан-Анджело в Тодиче, которые всегда были главой и виновниками всех беспорядков, происходивших в этой местности, присоединив к себе тех, кто населял крепость Сан-Витторе, устроили заговор против того же аббата и взаимно связали себя узами клятвы, что они никогда не будут соблюдать верность монастырю и аббату Кассино, если последний не захочет способствовать облегчению [их положения] и не сделает того, что им угодно». Собрав войско, аббат опустошил местность, в которой они жили, заставил их смириться и в виде наказания «исторгнул у них немалое количество денег»[66]. Но в 1137 г. «вся земля, за исключением крепости Кассино, отказалась от верности аббату и братьям [монахам]»[67], причем движение снова возглавили крестьяне Сан-Анджело. Они напали на монастырь. Восстание приняло большой размах, и два человека направились от повстанцев к германскому императору Лотарю II. После подавления восстания мятежников ловили по всей Южной Италии и посылали для расправы в Монте Кассино.

[65] Chronica monasterii Cassinensis, auctore Petro Diacono.— MGH, SS, VII, p. 789.
[66] Ibid., p. 803.
[67] Ibid., p. 815.

Следующая вспышка волнений произошла во время борьбы за Сицилийское королевство между Генрихом VI и Танкредом. Междоусобицы создали благоприятную обстановку для выступления крестьян против сеньоров. Анналы Монте Кассино сообщают, что в 1192 г. «крепость Сан-Анджело, упорствуя в обычной неверности, враждебно сопротивлялась [аббату]»[68]. Повстанцы Сан-Анджело рассылали по лесам вооруженных людей, устраивавших засады. Волнения продолжались долго.

«Жители крепости Сан-Анджело в Тодиче творили неисчислимые бедствия в земле св. Бенедикта (Монте Кассино.— *М. А.*)»,— пишет Риккард из Сан-Джермано[69]. Они сожгли принадлежавшую монастырю крепость Пиньятаро. Восстание, в котором наряду с крестьянами, возможно, участвовали и мелкие вотчинники, также жившие в крепости, было подавлено в 1196 г., а его вожди подвергнуты суровому наказанию.

Ожесточенная борьба крестьян под руководством общин продолжалась и в XIII в. Выше уже упоминалось о борьбе общины Сан-Элиа с аббатством Монте Кассино, лишь в 1273 г. сломившим сопротивление крестьян.

Наиболее широкие народные движения с участием крестьян происходили в королевстве в царствование Вильгельма I. В 1160 г. в Сицилии выступили бароны, во главе которых встал Матвей Бонель. Он решился на убийство фаворита короля Майо, фактически правившего страной от имени короля. Восстание охватило не только Сицилию, но и Южную Италию. В столице государства Палермо были открыты в 1161 г. ворота тюрьмы и «многие из ... народа, участники этого заговора, присоединились к узникам и помогли им взять приступом дворец»[70]. Чрезвычайно интересен следующий эпизод, показывающий, что в число восставших входили и крестьяне. Впоследствии, когда порядок восстановился, не смогли найти хранившихся во дворце «книг обычаев, которые называют defetarii», т. е. списков несвободных крестьян и записей их повинностей: последние исчезли во время взятия дворца. Вильгельму I пришлось освободить из тюрьмы нотариуса Матвея и вернуть ему прежнюю должность, так как он один мог «составить новые defetarii, содержавшие то же, что было в прежних»[71]. Так в восстании, начатом баронами, надеявшимися вернуть себе самостоятельность, приняли участие и городские низы, страдавшие от тяжелых фискальных вымогательств и злоупотреблений фаворитов короля, и крестьяне, которые, как показывает унич-

[68] Annales Cassinenses.— MGH, SS, XIX, p. 316.
[69] Ryccardi de Sancto Germano notarii chronica.— MGH, SS, XIX, p. 329.
[70] Chronicon *Romualdi Salernitani*, p. 246.
[71] *H. Falcandus.* Liber de regno Siciliae. Roma, 1894, p. 69.

тожение списков крепостных всего королевства и их повинностей, стремились избавиться от повинностей и феодальной эксплуатации. Борьба организованных в общины крестьян тормозила их закрепощение и помогала им добиваться хартий, устанавливавших объём повинностей и охранявших в известной мере от произвола вотчинников.

После смерти Фридриха II (1250 г.) разгорелась ожесточенная борьба за Сицилийское королевство. В 1258 г. государем стал незаконнорожденный сын Фридриха II — широкообразованный и энергичный Манфред. Папа, непримиримый враг Гогенштауфенов, в поисках силы, враждебной им, обратился к графу Анжу и Прованса Карлу, брату французского короля Людовика IX. Карл Анжуйский обещал признать Сицилийское королевство феодом римской церкви. Вторгшись в Южную Италию с большим войском французских рыцарей и итальянских союзников, Карл в битве при Беневенто (1266 г.) разбил армию Манфреда, мужественно сражавшегося и погибшего в битве. В 1268 г. Карл нанес поражение внуку Фридриха II шестнадцатилетнему Конрадину — последнему представителю династии Гогенштауфенов. Конрадин бежал, вскоре был выдан Карлу и казнен на эшафоте в Неаполе. Основатель Анжуйской династии Карл I (1268—1285) утвердился на сицилийском престоле. С воцарением Анжуйской династии Южная Италия и Сицилия оказались под тяжелым чужеземным игом. Карл I широко раздавал прибывшим с ним французским и провансальским феодалам земли, конфискованные у «изменников» — сторонников Гогенштауфенов. Почти 700 французских феодалов получили лены в Южной Италии. Объектом пожалования являлись также части королевского домена: около 160 городов и «земель» домена перешли в качестве ленов новым сеньорам. Французские феодалы заняли все высшие административные посты в центральном и провинциальном управлении, лишь на низших должностях остались местные жители.

Положение крестьян резко ухудшилось. Французские феодалы вводили баналитетные права, почти не получившие распространения в предыдущую эпоху: сеньоры заставляли крестьян за высокую плату молоть зерно на мельнице вотчинника и печь хлеб в принадлежащей ему печи. Феодалы начали требовать с крестьян и некоторые другие дополнительные платежи; общий объем взимаемой с крестьян ренты повысился. Крестьяне страдали от злоупотреблений королевских чиновников, но в еще большей мере — от насилий местных и особенно французских феодалов. Карлу I пришлось даже издать закон, запрещавший сеньорам сажать зависимых от них людей в свои частные тюрьмы и подвергать их пытке. Однако закон

6. *Франческо Лаурана. Бюст Элеоноры Арагонской. Палермо. Национальная галерея*

на практике не соблюдался. Некоторые деревни полностью опустели «из-за многочисленных тягот и угнетения»[72].

Права феодалов в отношении зависимого населения расширились. Были подтверждены законы о прикреплении крестьян к земле. В то же время часть ранее уцелевших мелких собственников в условиях, создавшихся в это время, утратила землю, а в дальнейшем — и свободу. В меньшей степени зависимости, чем крестьяне — держатели земель феодалов, находились немногочисленные арендаторы и полукочевые пастухи, перегонявшие огромные стада овец с летних пастбищ в Абруццах на зимние в Апулии. Таким образом, к концу XIII в. завершилось закрепощение основной массы крестьянства Южной Италии.

[72] Bari, № 24 (1274 г.).

Отрицательное влияние оказала на судьбы страны внешняя и внутренняя политика Карла I Анжуйского. Сицилийское королевство было для него лишь первым звеном в цепи тех грандиозных замыслов, которые он надеялся осуществить. В его планы входило господство во всей Италии, подчинение Балканского полуострова, а в дальнейшем — Византии и Леванта. Он участвовал в восьмом крестовом походе Людовика IX в Тунис и начал готовиться к походу на Восток. Для реализации намеченных планов Карлу нужно было не только утвердиться в захваченной стране, но и иметь в своем распоряжении огромные средства. Само завоевание Сицилийского королевства Карл совершил на деньги, ссуженные ему флорентийскими и сиенскими банкирами. В дальнейшем размер займов, полученных у флорентийских торгово-ростовщических компаний (Перуцци, Бонаккорси, Барди и др.), все более увеличивался. За это флорентийцы получили право свободной торговли по всему королевству и другие привилегии, что неблагоприятно отразилось на экономике Южной Италии.

Усиливался налоговый гнет. Карл I, по выражению современника, «жадный и алчный..., обуреваемый горячим стремлением к накоплению богатств, начал вымогать деньги» [73]. Он регулярно взимал унаследованные от Фридриха II многочисленные прямые и косвенные налоги, в том числе основной налог — коллекту, ставшую еще более обременительной для населения, так как духовенство освобождалось от ее уплаты. В 1282 г. размер коллекты повысился почти вдвое. Были введены и некоторые новые поборы. Тяжесть взимаемых налогов еще более усугублялась злоупотреблениями и произволом должностных лиц Карла I, фактически пользовавшихся полной безнаказанностью. С 1268 г. началась чеканка новой низкопробной золотой монеты — карлина, и жителей Южной Италии принудительно заставляли обменивать на карлин старую полновесную монету.

*

Бесчинства французских рыцарей, фискальные вымогательства, рост феодальной эксплуатации послужили причиной крупного народного восстания, стихийно вспыхнувшего в 1282 г. в Сицилии. «В 1282 году,— говорит летописец,— когда сицилийцы убедились, что у них не осталось никакого спасительного средства, без чьего-либо совета, охваченные отчаянием, ... подняли мятеж против господства короля Карла» [74].

[73] *Sabae Malaspinae* rerum sicularum historia.— *L. A. Muratori.* RIS, t. VIII, p. 867.

[74] *Nicolai Specialis* libri VIII rerum sicularum ab anno christiano 1282 usque ad annum 1337.— *L. A. Muratori.* RIS, t. X, p. 925.

Восстание началось 31 марта в Палермо (жители которого были недовольны также перенесением столицы королевства из Палермо в Неаполь). Толчком к выступлению послужили оскорбления, нанесенные французскими солдатами местным женщинам, собравшимся со своими семьями у церкви Сан-Спирито (в окрестностях города), чтобы отпраздновать пасху. В одной из хроник говорится «Люди Палермо кричали: Смерть французам!»: И убили они всех французов, которые были жестокими людьми и совершили много подлостей»[75]. Позднее возникла легенда о том, что восстание носило организованный характер и началось по звону колокола к вечерне; поэтому оно получило название «Сицилийская вечерня».

Движение перекинулось в другие города и сельские местности и вскоре охватило весь остров. Было убито от трех до четырех тыс. французов. Карл высадился в Сицилии и осадил Мессину. Героически сопротивлявшиеся мессинцы вновь и вновь отражали его атаки. По инициативе знати (во главе с Джованни да Прочида), захватившей руководство движением, собравшийся в Палермо сицилийский парламент предложил корону арагонскому королю Педро III — мужу дочери Манфреда. Педро давно находился в тайных сношениях с магнатами острова, при его дворе жил до начала восстания бежавший из Силицийского королевства Джованни да Прочида.

Прибыв в Сицилию, Педро (в Сицилии — Пьетро I) овладел всем островом. Карлу пришлось снять осаду Мессины и вернуться в Южную Италию. Началась длительная «Война Сицилийской вечерни». Военные действия развертывались на Юге Италии и на море. Сильный арагонский флот под командованием Роджеро де Лауриа неоднократно наносил поражения кораблям Карла. Папа объявил крестовый поход против Сицилии.

Война продолжалась и при сыне Карла I — Карле II (1285—1309) и шла по-прежнему неудачно для анжуйцев. По миру в Кальтабелотте, подписанному в 1302 г., Карлу II пришлось признать отпадение Сицилии, где утвердилась Арагонская династия. За анжуйскими королями остался лишь Юг Италии — Неаполитанское королевство.

[75] Cronica del rey en Pere e dels seus antecessors passats, per Bernat d'Esclot. In: Chroniques etrangères relatives au expéditions françaises pendant le XIIIe siècle. Publiées par J. A. C. Buchon. Paris, 1841, p. 629.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА В IX—XIII ВВ. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

Южная Италия являлась одним из самых романизированных районов Европы. От античной эпохи на Юге сохранились города, хотя и захиревшие, римская форма полной частной собственности (сосуществовавшая с привнесенной лангобардами ограниченной аллодиальной собственностью), элементы товарного хозяйства, римское право. Получившая столь широкое распространение мелкая собственность римского и лангобардского типов послужила материалом для последующего роста феодального землевладения (которое одновременно укреплялось за счет перестройки античных крупных хозяйств, в первую очередь церковных, на феодальной основе). Методы поглощения крестьянской собственности крупным землевладением были здесь своеобразными. В условиях сравнительно развитых товарно-денежных отношений главным путем феодального подчинения крестьян стала продажа ими своих наделов. Затем разорившиеся крестьяне селились на землях церковных и светских вотчинников, зачастую в другой местности, в качестве арендаторов, госпитов, коммендировавшихся людей. Немалое значение в обезземелении крестьян имело ростовщичество.

В результате столь частых на Юге Италии опустошений, грабительских набегов, войн, неоднократного завоевания страны чужеземными феодалами население было редким. Низкая плотность населения обусловила недостаток рабочих рук в вотчине. Часть земель пустовала. Все это замедляло развитие агрикультуры, что в свою очередь тормозило дальнейший рост населения. В византийско-лангобардский период феодалам, стремившимся пустить в обработку весь комплекс земель вотчины, нередко приходилось соглашаться на относительно привилегированные условия поселения на своей территории пришлых крестьян. Особое место занимала в X—XI вв. аренда, которая в данной обстановке способствовала медленному втягиванию крестьян в зависимость.

В XII—XIII вв. процесс становления феодализма ускорился. По-прежнему, хотя и менее остро, ощущалась нехватка рабочей силы; в эти столетия она побуждала феодалов предпринимать меры, имевшие своей целью прикрепление крестьян к земле. Многочисленные мелкие и средние феодалы не обладали такими средствами внеэкономического принуждения, как магнаты. Поэтому они нуждались в содействии сложившегося в XII в. централизованного государства и в свою очередь поддерживали его (союз их облегчался тем, что часть рыцарей являлась непосредственными вассалами короля). Пожалуй, нигде в Европе государство не сыграло такой ак-

тивной роли в прикреплении крестьян к земле, как в Сицилийском королевстве, где оно издавало соответствующие законы и даже оказывало помощь в возвращении беглых крепостных.

Следовательно, в Южной Италии введение крепостного права имело важное значение для феодалов (особенно для мелких) не столько потому, что оно создавало условия для увеличения эксплуатации держателей, как это было, например, в Англии, сколько главным образом в силу необходимости удержать крестьян на территории вотчины. Барщина имела небольшие размеры, и крепостное право не являлось следствием развития барщинного хозяйства.

Придавало своеобразие процессу феодализации и наличие в Южной Италии сильных крестьянских общин, выросших из лангобардских или образовавшихся заново. Усилению общины содействовало то обстоятельство, что многие крестьяне жили в крепостях. Община сдерживала феодальную эксплуатацию и во многих местностях добилась заключения письменных договоров. Классовая борьба была настолько напряженной, что мы вправе говорить о крестьянском сопротивлении как об одном из факторов, тормозивших в Южной Италии становление феодального способа производства.

Значительного развития достигла на Юге Италии внешняя торговля, которая почти целиком свелась к вывозу местных сельскохозяйственных продуктов. Торговые связи между отдельными районами страны были слабыми. Города не принимали участия во внутренней торговле, а следовательно, безразлично относились к централизации государства; королевская власть не учитывала интересов городов. В Сицилийском государстве не сложилось того союза городов с королевской властью, который явился фундаментом развития и усиления феодального государства в Англии и Франции.

Торговля стимулировала социально-экономические процессы, которые протекали в то время в Южной Италии. Сбыт земледельческой продукции в другие страны сулил большие выгоды. Поэтому феодалы были заинтересованы в расширении объема получаемой с крестьян ренты продуктами. В X—XI вв. это толкало вотчинников на интенсивное применение труда либелляриев, госпитов и пр., а в следующую эпоху побуждало феодалов добиваться закрепощения крестьян, которое стало возможным в новых условиях. Связь вотчинников с рынком являлась, таким образом, одним из факторов феодализации, обусловив в то же время, наряду с другими моментами, своеобразие ее путей и методов.

Увеличение в XIII в. объема сеньориальной ренты, а главное — значительное повышение налогов при Фридрихе II и в еще большей мере при первых представителях Анжуйской династии истощили страну. Все более углублялся разрыв в экономическом развитии между Севером и Югом, усиливалось отставание Южной Италии. Лишь к концу XIII столетия завершилось складывание

феодального способа производства. Но едва только закончилось его формирование, прогрессивные возможности феодального строя оказались исчерпанными вследствие подрыва экономики страны вообще, крестьянского хозяйства в частности. Таков был итог развития Южной Италии к концу XIII столетия — времени возвышения городских коммун Северной и Центральной Италии, расцвета их торговли и ремесла.

*

История Южной Италии XIV—XV вв.— это история неуклонного экономического и политического упадка и консервации феодальных отношений. Длительная «Война Сицилийской вечерни» и последующие войны за остров, борьба анжуйцев, стремившихся играть ведущую роль на всем Апеннинском полуострове, с гибеллинами Северной и Центральной Италии были весьма разорительны для Неаполитанского королевства. Государям приходилось прибегать ко все новым и новым займам у флорентийских, венецианских, сиенских и генуэзских банковско-купеческих домов. Эти купцы и банкиры прочно обосновались во всех крупнейших портовых городах Юга и постепенно заняли господствующее положение в экономике страны. Они не гнушались никакими делами, сулившими прибыль: вывозили зерно, оливковое масло и другие сельскохозяйственные продукты, доставляли сукна, оружие, восточные предметы роскоши, занимались ростовщическими операциями. Не имея возможности расплатиться с долгами, анжуйские государи раздавали взамен кредиторам феоды, а следовательно, и связанные с ними феодальные права, предоставляли им сбор налогов, чеканку монеты, принадлежавшую государству соляную монополию, право добычи руды. Некоторые из заимодавцев получали административные должности, иногда высокие, и были советниками при короле, используя новые возможности для расширения предпринимательской деятельности. Главную роль среди купцов и банкиров играли флорентийцы, а начиная с 40-х годов XIV в., после банкротства некоторых крупных флорентийских компаний (Барди, Перуцци и др.), их место заняли венецианцы. Ярким, хотя отнюдь не обычным, примером возвышения флорентийского банкира может послужить история представителя богатой флорентийской семьи Аччаюоли — Никколо. Этот незаурядный дипломат и политик был с середины XIV в. великим сенешалом королевства и полностью подчинил своему влиянию Джованну I (см. о ней ниже). Никколо Аччаюоли вел войны и устраивал браки королевы, управлял Болоньей и Романьей, являлся одним из крупнейших феодалов Южной Италии.

Северо- и среднеитальянские купцы и банкиры окончательно оттеснили местных, которые уже в предыдущую эпоху начали терять

свои позиции в экономике, от хозяйственной деятельности. В руках южноитальянских торговцев остался преимущественно мелкий локальный товарообмен.

В то время как в Центральной Италии зарождались капиталистические отношения, на Юге производство вообще не получило развития. Почти все сырье — шерсть, шелк-сырец и хлопок — ввозилось; ремесленными изделиями снабжали Южную Италию другие страны. Даже в самом крупном городе — Неаполе — вырабатывались лишь в незначительном объеме шелковые и льняные ткани и предметы роскоши. В XIV в. на Юге образовались ремесленные цехи (ранее запрещенные государственной властью), но вследствие слабости ремесла они не могли приобрести сколько-либо большого значения. Города, утратившие в XII—XIII вв. вольности, в анжуйскую эпоху несколько расширили свои административные и хозяйственные функции: выборные органы управления ведали раскладкой общей суммы налога, падающей на город, ремонтом стен и прочими второстепенными вопросами. Южноитальянские города, за исключением столицы королевства — Неаполя, захирели.

Жестоким притеснениям подвергались крестьяне. Обширные владения баронов и церкви обрабатывались лично зависимыми крестьянами. Сеньоры требовали с них оброки, обременительную барщину (ранее имевшую небольшие размеры), произвольные платежи; вотчинные агенты пользовались правом постоя в крестьянских домах. Феодалы устраивали по своему усмотрению браки дочерей крестьян и бросали зависимых людей в тюрьму, если те сопротивлялись воле сеньора. Представление о бесчинствах крупных феодалов дает текст судебного решения, составленного в 1294 г. В нем говорится о творимых бароном Одо де Солиако «страшных притеснениях, бесчеловечных жестокостях и опустошениях» Кастеллането и других земель его феода (Апулия). Одо, как рассказывается далее, виновен в бесчисленных вымогательствах у крестьян. Он бросал их в тюрьму и держал до тех пор, пока не исторгал все, что они имели, заставлял нести большую барщину, забирал у крестьян «лошадей, мулов, мельницы, волов, ячмень и другое их имущество по своему произволу, ничего не заплатив им» и довел крестьян до «крайней нужды» [76].

Подчас бароны собирали разбойничьи шайки. Недаром Никколо Аччаюоли называл феоды баронов разбойничьими притонами. Во второй половине XIV в. в районе Терамо (Абруццы) в результате грабежей шаек, состоявших из магнатов и их приспешников, были полностью уничтожены деревни Тревико, Флюмери и Аккадия. Разорение беззащитных крестьян довершали почти непрерыв-

[76] *D. Winspeare.* Storia degli abusi feudali, I, Napoli, 1811, nota № 59, p. 50—64.

ные феодальные смуты, а с XV в. также хищные кондотьеры со своими наемными отрядами. Часть пахотных земель Юга заросла лесами или превратилась в пастбища. За одно лишь столетие, с 1343 г. по 1442 г., население страны уменьшилось вдвое — с 3400 тыс. чел. до 1700 тыс. чел. Глубокая нищета крестьян препятствовала подъему агрикультуры. И все же даже в эти столетия Юг Италии (главным образом Апулия) продолжал, наряду с Сицилией, снабжать зерном города Северной Италии, что являлось следствием не более высокого уровня сельского хозяйства Неаполитанского королевства, а малой емкости внутреннего рынка из-за немногочисленности горожан и крайней бедности населения.

Упадок экономики страны и отказ королевской власти от союза с городами предопределили слабость государства. Серьезное политическое влияние и экономическое могущество приобрела церковь, земельные владения которой все более росли. От нее не отставали бароны, ставившие единственной целью расширить свои вольности и превратиться в мелких государей — «корольков», не зависимых от центральной власти. Уже в конце царствования Карла I, в 1283 г., они вновь обрели отнятые у них в предшествовавший период права без санкции короля вступать в брак и наследовать феоды как по мужской, так и по женской линии. Отныне крупные феодалы были подсудны только суду пэров — равных. Бароны могли отказаться нести службу королю за пределами королевства, а их собственные вассалы вообще освобождались от непосредственной службы государю. В начале XV в. магнаты получили важное право суда не только по гражданским, но и по уголовным делам. Несколько позднее узаконилось неограниченное право сеньоров пытать обвиняемых. Южная Италия покрылась замками — оплотом независимости феодалов. Прогрессирующее усиление баронов и ослабление королевской власти — две стороны одного процесса — распада централизованного государства, созданного норманнами и Фридрихом II.

Успехи во внешней политике Роберта (1309—1343), главы гвельфов всей Италии и некоторое время — сеньора Флоренции, Рима и Генуи, являли собой разительный контраст по сравнению с его положением в Неаполитанском королевстве. Во время царствования его внучки, слабой и развратной Джованны I (1343—1382), возобновилась борьба за Сицилию. Венгерский король Лайош, или Людовик I, мстивший за убийство своего брата Андрея, мужа Джованны, организовал два похода в Южную Италию; в стране начались новые династические распри. Все это создало благоприятную обстановку для разгула феодальной вольницы, мятежей баронов против королевы. В раздираемое смутами государство вторгся герцог Дураццо Карл, представитель другой ветви Анжуйской династии. Вступив в Неаполь и бросив Джованну в тюрьму, где ее вскоре задушили, он занял престол под именем Карла III. Четыре

года спустя он погиб в борьбе за корону Венгрии. Лишь сыну Карла Владиславу (1386—1414) удалось добиться некоторого упрочения королевской власти. Владислав не обладал достаточными денежными средствами и войсками и добивался успеха, действуя то силой и хитростью, то щедрыми пожалованиями феодов и иммунитетных прав. Он поодиночке расправился с некоторыми могущественными противниками из знатных семейств Руффо и Сансеверино. Не сумев взять осажденный им Таранто, король решил приобрести город путем брака с вдовой князя Тарантского Марией д'Энгиен.

Добившись важных военных успехов в Средней Италии, Владислав неожиданно умер в возрасте 39 лет, и в царствование его сестры Джованны II (1414—1435) наглядно обнаружилась глубокая внутренняя слабость королевства. В это время феодальная анархия достигла апогея. В поисках выхода бездетная Джованна сначала усыновила и признала своим наследником короля Арагона и Сицилии Альфонса V, но затем чрезмерное, по ее мнению, усиление Альфонса побудило Джованну порвать с ним и объявить наследником другого претендента на престол — Людовика III Анжуйского. Разгорелась ожесточенная борьба феодальных клик, в которой принимали активное участие кондотьеры. Крайнее разорение страны облегчило победу Альфонса V над новым наследником Джованны Ренэ Анжуйским (младшим братом Людовика). В 1442 г. Альфонс занял Неаполь и короновался под именем Альфонса I, объединив Арагон, Сицилию и Южную Италию, основав и в Неаполитанском королевстве Арагонскую династию. Так Юг Италии впервые оказался под испанским владычеством.

Альфонс, стремясь укрепить собственное положение, одновременно опирался на две группы феодалов. С одной стороны, он продолжал традиционную политику своих предшественников, давая новые пожалования местным баронам, с другой стороны — привлек в Южную Италию многих представителей испанской знати, которые получали земли и высокие должности в государственном аппарате. В Неаполитанское королевство начали проникать испанские торговцы и ремесленники, пользовавшиеся покровительством короны. Альфонс упорядочил фискальную систему, но еще более увеличил налоги, падавшие на народные массы. Таким образом, хотя усобицы и бушевали с меньшей силой, правление Альфонса I не улучшило состояния Южной Италии. Его внебрачному сыну Ферранте (Фердинандо, 1458—1494), унаследовавшему только Южную Италию, с трудом удалось справиться с грозным мятежом баронов, которых поддерживала часть итальянских государств. Сразу же после его смерти слабое и отсталое Неаполитанское королевство, сохранившее в неизменном виде феодальные отношения, стало объектом борьбы между Францией и Испанией. Наступила эпоха Итальянских войн.

4

ПЕРИОД ГОРОДСКИХ КОММУН

Нигде в Европе не было, естественно, такой густой сети цветущих городов как на Апеннинском полуострове — в самом средоточии Римской империи. Их кризис обозначился уже в III в. Путеолы, а затем и Остия, морские ворота римской торговли, потеряли значение. Население «вечного города», возможно, сократилось вдвое по сравнению с временами Августа. Города, погребенные под пеплом Везувия, больше не восстанавливались. Пришли в упадок Мутина, Болонья, Верчелли, в пределах городской черты появились заброшенные пустыри. Дольше других держались некоторые центры Паданской равнины, особенно ее северо-восточного угла, где Аквилея даже переживала подъем. Однако варварские вторжения IV—V вв. постепенно погрузили всю страну в хаос. Сельские жители спешили укрыться за городскими стенами; зато ремесленники бежали в села, спасаясь от налогов. Здания ветшали, денег не было, древние фамилии вырождались, промышленность и торговля замерли. В середине VI столетия гнет византийской бюрократии и война с вандалами довершили это бедственное состояние. Милан был снесен, Рим — разгромлен и опустошен.

Наконец нахлынули лангобарды, и для многих городов удар оказался более жестоким, чем все предыдущие. Например, Аквилея так и не смогла оправиться. Павия пала после трехлетней осады. Впрочем, укрепленные центры Ломбардии и Венето были захваче-

ны спустя 40 лет при короле Агилульфе, а Лигурия вместе с Генуей — только при Ротари. Завоевание растянулось почти на столетие. Лангобарды проникли в Тоскану, Умбрию и Абруццы. К середине VII в. началась более или менее мирная пора для городов. Однако что от них осталось? Они сберегли $^1/_{20}$ или $^1/_{30}$ прежнего населения, а их территории отчасти были распаханы или превращены в выгоны для скота. В Италии, как и во всей Европе, установилось господство натурального хозяйства. Казалось, античный город исчез, завещав средневековью одни великолепные развалины.

Но такой вывод был бы слишком поспешным[1]. Уже в VIII в. итальянская городская цивилизация обнаружила первые признаки оживления — на 200 или 300 лет раньше, чем в заальпийских странах (не считая Испании и Южной Галлии). Несомненно, перед нами город, возникающий на совершенно новой социально-экономической основе: в связи с новой формой отделения ремесла от земледелия, новой структурой городской поземельной собственности и новыми классовыми отношениями. Он развивается в раннефеодальной среде и неизбежно оказывается ее органическим элементом. В *этом* смысле перед нами — новый город, в котором бесполезно искать механическое продолжение античной традиции. Еще Исидор Севильский понимал, что «городом именуются не камни, а жители», не просто тип застройки (urbs), а характер человеческой общности (civitas).

Пережитки позднеримских отношений и порядков оказались в Италии необыкновенно цепкими (достаточно напомнить о работорговле, уцелевшей и в эпоху Ренессанса). Конечно, хозяйственные, правовые или художественные реликты подчас приобретали неузнаваемый смысл, подобно тому как языческие руины разбирались, чтобы послужить строительным материалом для христианских соборов. В Риме по-прежнему существовали сенат, префектура, деление на 12 районов, но античными были только названия. Средневековая коммуна может быть объяснена муниципией не больше, чем поэзия Данте — влиянием Вергилия. «Непрерывность развития» — миф, если подразумевать под этим отсутствие качественного перелома и неизменность исторической сущности.

Вместе с тем преемственность двух столь несходных цивилизаций ни в чем не ощущается так наглядно, как в судьбе итальянских городов. Подавляющее большинство их (по крайней мере, если говорить о сколько-нибудь крупных) — бывшие римские центры,

[1] См. La città nell'alto medioevo. Spoleto, 1959; *E. Sestan*. La città comunale italiana...— «XI Congrès International des Sciences Historiques», Rapports, III. Stockholm, 1960; *Дж. Луццатто*. Экономическая история Италии. М., 1954, стр. 151—196.

часто восходящие в свою очередь к поселениям этрусков, умбров или лигуров. Причем они не просто возникли на месте античных муниципий: городская жизнь в Италии подчас затухала, но никогда не прекращалась полностью. Даже при Теодорихе отстраивались крепостные стены, действовали термы, возводились новые церкви и дворцы (особенно в Равенне, Вероне и Павии). Позже кое-что сумели подновить византийцы. Нашествие лангобардов не затронуло некоторых городов, другие быстро оправились.

Генуя стала посредницей между лангобардами и греками и лишь после 642 г. потеряла значение на три столетия. К середине VII в. ожила Кремона. Площадь Болоньи еще при остготах уменьшилась до 25 гектаров, зато Парма тогда же расширилась до 23. В конце империи Верона занимала 35 га, Павия — 25, Лукка — 39, Флоренция — 24. Не вся эта территория была заполнена домами, но в «темные века» раннего феодализма размеры городских ареалов в общем сохранялись. Недавние раскопки во Флоренции показали, что в VI в. она приобрела кольцо стен, в VII в. — Баптистерий (перестроенный в XI в.), в VIII в. — церкви Сан-Пьер Маджоре и Санта-Мария Маджоре, в IX в. — Санта-Репарата. Если сопоставить античный и современный планы Флоренции или Турина, окажется, что они не лишены сходства, несмотря на двухтысячелетнюю дистанцию.

Запустение Рима особенно потрясало воображение современников: «Цветущий Константинополь зовется новым Римом, а стены и достоинство старого Рима в упадке». Не надо, однако, забывать, что в «старом Риме», где когда-то жило около миллиона человек, сокращение населения до 30 тысяч делало упадок более резким и заметным, чем в любом другом городе. Но это число жителей в средние века было вполне достаточным, чтобы Рим оставался значительным центром.

В античных городах стояли варварские, а затем византийские гарнизоны. Там, где обосновались лангобарды, эти же города вскоре превратились в военно-административные столицы герцогств (дукатов). Тут — часто со времен империи — находились и епископские курии. У римлян civitas — центр округа, носящего то же название. Церковь скопировала эту организацию, и границы церковных округов (диоцезов) практически не менялись. Епископат укрепился после принятия арианами-лангобардами католичества и прекращения ко второй половине VII в. распрей среди варварской знати.

Все это означало, что в городе размещались дука или королевский гастальд со своими судьями и чиновниками, епископ с клириками, воинские отряды и фиск: картина, далекая от мертвого безлюдья. Поддерживались постоянные связи с королевской администрацией в Павии.

Разумеется, некоторые древние города все же погибли — под воздействием не только общего кризиса, но и неблагоприятных политических обстоятельств, конкуренции соседей и т. д. (иногда по соседству отпочковывались новые поселения: таковы Сарцана или Масса Мариттима в Тоскане). Однако когда пришла пора подъема феодальных городов, им в большинстве случаев не пришлось возникать заново. Ведь все более или менее подходящие места были уже заняты! Все места, где не свирепствовала малярия, возвышенные и сухие, выгодные в стратегическом и административном отношении, у речных излучин и на скрещении сухопутных дорог, поблизости от горных перевалов и морских бухт,— короче, благословенные природой,— успели оценить римляне. И основные средневековые трассы торговых связей, от Сирии до Каталонии, от Северной Африки до Рейна — те же, что и трассы античности, повлиявшие на расположение италийских городов. Вот почему начиная с VIII в. едва тлевшие очаги городской цивилизации в высшей степени облегчили и ускорили становление феодальных центров ремесла и торговли.

Нам известны, конечно, и вновь основанные города. Но их мало по сравнению с остальной Европой. Они возникают, в отличие от Франции или Германии X—XI вв., не в один период и не в результате одного процесса, а на протяжении многих столетий и по самым разным историческим причинам (Феррара в VII в., Венеция в IX в., Алессандрия в XII в., Удине, Кунео и Витербо в XIII в.). В конце концов разве зарождение новых центров не происходило в любую эпоху?

Иначе обстояло дело с некоторыми мелкими городами, вроде Прато, Сан-Миньято или Сан-Джиминьяно. Порой «борги» закладывались старыми крупными городами. Но иногда их судьба напоминала «классический» заальпийский вариант.

Например, первые сведения о Сан-Джиминьяно относятся к 929 г. Вначале на холмах в долине Арно появился замок (castrum) епископа Вольтерры. Вскоре к замку прилепилось поселение (burgum). Примерно к X в. был создан рынок. Король Уго Прованский подтвердил епископские права и привилегии. В Сан-Джиминьяно потянулись выходцы из окрестных деревень, заводившие мастерские и лавки. Для купцов и паломников, ехавших по «дороге франков» (которая вела из пьемонтских долин в Рим), понадобились трактиры-гостиницы. Очевидно, к концу X в. «борго» обнесли стенами, а замок оказался в середине города [2].

[2] *E. Fiumi*. Storia economica e sociale di San Gimignano. Firenze, 1961, p. 16—20.

ГОРОДСКАЯ ЭКОНОМИКА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Главной артерией Северной Италии была По с множеством притоков, прорезавших всю великую равнину между Альпами и Апеннинами. Каждый город или сам стоял на реке, или обзаводился, подобно Милану и Брешии, близлежащими речными пристанями. Система По вела к морю. Адриатические порты связывали византийскую, а через ее посредство и лангобардскую Италию с Константинополем, Сирией и Балканами. В VII—VIII вв. здесь первенствовали Равенна и Комаккьо. В 715 г. король Лиутпранд дал привилегии «рыцарям из Комаккьо», торговавшим преимущественно солью, добывавшейся недалеко от устья По. Их корабли доходили до Пьяченцы. С ними конкурировали жители провинции Венето. На маленьких островках лагуны издавна обитали рыбаки и охотники, занимавшиеся также соляным промыслом. Уже в VI в. Кассиодор восторгался «многочисленными кораблями» жителей Венето, которые «чувствуют себя, как дома», плавая между Истрией и дельтой По. При вторжении лангобардов лагуна дала приют и безопасность беглецам. Судоходство и торговля обеспечили процветание возросшего населения. В начале IX в. возник город Риальто (который лишь с XIII в. стали называть Венецией). Разбой сарацинов на Тирренском море прервал связь Византии с Провансом, а лангобарды захватили Равенну. В результате возросло значение венецианцев, начавших устанавливать контроль над Адриатикой и оттеснять Комаккьо.

Через эти двери, открытые на Восток, Ломбардия получала дорогие ткани, пряности, лошадей, рабов. Пакт Лотаря подтвердил право венецианцев торговать беспошлинно, «согласно древнему обыкновению», «путешествуя по земле и проезжая по рекам, где им заблагорассудится». Из внутренних областей вывозили вино, оливковое масло, но прежде всего — зерно. В Павию стекались и южноитальянские, и заальпийские купцы. Судя по источнику X в. (Liber Honorantiae civitatis Papiae), крупнейшие монастыри и церкви имели здесь подворья, погреба, странноприимные дома (xenodochia). Свозившиеся в Павию земледельческие продукты венецианцы импортировали не только на свои острова, но и в Византию. В X в. с ними стали соревноваться купцы Феррары и Павии. Создала собственный флот Анкона.

В конце X в. выдвинулись Пиза и Генуя. Купцы ломбардских городов, пользовавшиеся в VIII в. кораблями Комаккьо, затем начали сами строить суда.

По закону Айстульфа (754 г.), купечество выделялось в особый слой, разбитый на три военно-податные категории. Наиболее крупные «негоцианты» приравнивались к земельным собственникам и

7. *Виа Сан-Джованни.*
Сан-Джиминьяно

служили в коннице, остальные — в тяжелой и легкой пехоте. Коммерческая активность отразилась и в характере налогов — за право стоянки корабля (palifictura), натуральный побор за провоз товаров (ripaticum) и рыночная пошлина (teloneum).

По крайней мере десять лангобардских городов чеканили золотую монету.

Меньше известно о ремесле, но все же в источниках упоминаются строители, ювелиры, мыловары, кожевники, оружейники, сапожники, портные и пр. «Дорога франков» способствовала подъему Лукки и Сиены. В Лукке зародилось производство шерстяных и, возможно, шелковых тканей.

Есть скудные сведения о подчиненных государству ремесленных корпорациях («схолах» и «министериях») в Равенне, Риме, Павии и Пьяченце.

Набеги арабов и венгров задержали, но не остановили экономический прогресс. Показательно, что в X в. цены на земельные участки и дома росли гораздо быстрей в городе, чем в деревне[3].

Выжившие города с самого начала сохранили значение военно-административных центров и не знали политической зависимости от сельских феодалов (кроме Фриуля, Луниджаны, Монферрато и других горных, главным образом окраинных, областей). В результате франкского завоевания лангобардские дуки и гастальды сменились графами, не имевшими прочных корней в городах. Италия не знала законченной иерархической системы, действительно крупных феодалов появилось немного, притом их поместья были крайне разбросаны, если речь не идет об отсталых, малонаселенных районах. В будущем возвысились лишь те знатные фамилии, которые сумели укрепиться в каком-нибудь важном городе. Так, позже д'Эсте срослись с Феррарой, захватив ее и сделав центром родовых владений. А маркизы Каноссы, которым не удалось проделать нечто подобное, канули в Лету.

Отсутствие централизации и относительная слабость светских сеньоров позволили ломбардским епископам уже в IX в. необычайно поднять свой престиж. На фоне феодальной раздробленности, усугубленной венгерскими опустошениями, церковь выступала как могущественный земельный собственник, связанный с городской экономикой прочней, чем светская знать. Епископы могли опереться на мелких вассалов (вальвассоров), использовать посреди анархии преимущества всеобъемлющей церковной организации и идеологической монополии. Постепенно распространяя свой судебный, фискальный и административный иммунитет на городскую территорию,

[3] C. *Violante*. La società milanese nell'età precomunale. Bari, 1953, p. 99—110 etc.

они вытесняли графов в контадо и сами становились «епископами-графами».

Когда распалась империя Карла Великого и выделилось Итальянское королевство с традиционным центром в Павии, когда затем угасла династия Каролингов, с 888 г. началась нескончаемая и запутанная борьба за железную лангобардскую корону. В ней приняли участие маркизы Фриуля, Ивреи и Монферрато, герцоги Бургундии и Сполето, графы Прованса и Шампани. Иными словами, попытки объединить Северную и Среднюю Италию вокруг королевского трона исходили из отсталых окраин и даже из областей, лежащих вне естественных границ страны. Италия не знала королевского домена, географически и исторически предназначенного стать ядром нации. Поэтому власть итальянских королей должна была остаться номинальной. Светские и особенно церковные сеньоры, засевшие в городах, вели себя независимо. Например, Беренгарий II потребовал у епископов заложников, чтобы обеспечить их послушание, однако натолкнулся на единодушный отпор не только врагов (вроде епископа Комо), но и собственных сторонников (во главе с епископом Верчелли). Не удивительно, что Оттон I и его преемники, стремясь сокрушить прованских графов и маркизов Ивреи, поспешили опереться на епископов, подтвердив и очень расширив их привилегии.

Только к середине XI в. императорский титул окончательно соединился с итальянским королевским титулом. Но тут же вспыхнула война Священной Римской империи и папства. Епископы участвовали в ней на той и на другой стороне. Внутри города, однако, зрели новые социальные силы, подтачивавшие их власть.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ В XI—XIII ВВ.

С XI в. североитальянские города вступили в период классического расцвета. Военные галеры и торговые парусники связали их с самыми культурными областями Средиземноморья, от Каталонии до Константинополя, а альпийские перевалы — с прирейнской Германией и Северной Францией. Традиционная для итальянских купцов роль посредников между Западом и Востоком неслыханно возросла в результате крестовых походов. Итальянцы дали крестоносцам флот и деньги, без которых нечего было и мечтать о заморских завоеваниях. В обмен они приобрели не только часть обильной военной добычи, но и, что гораздо важней, торговые привилегии. Едва ли не в каждом городе, захваченном крестоносцами, а также в некоторых арабских и византийских городах появились улицы или кварталы, принадлежавшие итальянцам. Церковь, рынок и пристань были обычными приметами такой колонии, пользовавшейся

самоуправлением, независимой по отношению к местным властям, но зато более или менее крепко связанной с далекой метрополией. Постепенно здесь складывалось из эмигрантов постоянное итальянское этническое ядро. Благодаря колониальным форпостам итальянские купцы не только освоили прибрежную полосу Восточного Средиземноморья, но и добирались с XIII в. до Внутренней Азии, а через Александрию получали экзотические индийские товары: пряности, драгоценные камни, слоновую кость. В течение нескольких столетий — до Васко да Гама и Колумба — итальянцы сохраняли это монопольное положение, сравнительно легко затмив провансальских, испанских и балканских конкурентов.

Ширилась и сухопутная торговля — от Богемии до Фландрии. Со второй половины XIII в. в ее сеть втянута Англия. Итальянцы задавали тон на знаменитых шампанских ярмарках (главным предметом импорта были грубые сукна, в том числе некрашеная ткань-полуфабрикат). В 1209 г. Филипп-Август пожаловал им первые привилегии. С 1278 г. встречаются упоминания об объединении итальянских купцов в Шампани и Французском королевстве во главе с «ректором» или «капитаном» (universitas mercatorum Italiae); в него входило не менее 15 городов Тосканы, Пьемонта, Ломбардии и других областей. (Вот одно из ранних свидетельств национального самосознания, пробуждаемого реальными нуждами!) В самой Италии ярмарки не играли сколько-нибудь сопоставимой роли, хотя можно упомянуть ярмарки на площади Святого Марка в Венеции, в Милане, Пьяченце, Генуе, Ферраре, Павии и др.

Естественно, экономический подъем раньше всего обозначился в приморских городах. С особой быстротой, опережая поначалу даже Венецию, возвысились тирренские государства — Генуя и Пиза, принявшие участие уже в первом крестовом походе. Пизанцы укрепились в Яффе и Аккре, с 1119 г. начали бесконечные войны с Генуей из-за Корсики, опередили генуэзцев в Сардинии, добились блестящих преимуществ в Тунисе и обосновались в Монпелье. Население Пизы, составлявшее в 1164 г. не более 11 тыс. чел., к 1233 г. выросло вчетверо. Обладание устьем Арно и близость «дороги франков» связали пизанскую гавань с внутренними районами Тосканы и Ломбардии. В XIII в. поток товаров, провозимых через Порто Пизано, примерно поровну распределялся между Левантом, Африкой и Южной Италией (вместе с Сицилией); половина всего оборота находилась в руках южноитальянских и тосканских купцов. Объем морского экспорта-импорта, судя по данным таможенных пошлин, составлял в 1247 г. около 900 тыс. лир, а к 1274 г. увеличился на 40% [4].

[4] *D. Herlihy.* Pisa in the Early Renaissance. New Haven, 1958, p. 163.

Однако под натиском Генуи с моря и Флоренции с континента пизанское могущество пошатнулось. Сардинию пришлось уступить арагонцам, а в 1284 г. пизанский флот потерпел ужасающее поражение в битве с генуэзцами неподалеку от собственной гавани, при островке Мелории — там же, где в 1241 г. столкновение принесло удачу пизанцам. Отныне Пиза раз и навсегда потеряла значение средиземноморской державы. Еще более столетия республика сохраняла независимость и богатство, но выбыла из большой исторической игры.

Генуя 200 лет дожидалась этого часа своего высшего торжества. Основы ее преуспеяния были заложены в XII в.[5] Стены, воздвигнутые в 1154 г., опоясывали лишь 50 га, но именно тогда были застроены самые многолюдные и пышные кварталы. К тому времени относятся наиболее древние и полные сборники коммерческих договоров, сохранившихся в архивах Генуи. Эти нотариальные «минуты» свидетельствуют, что, при всей важности торговли с византийским и мусульманским Востоком, для Генуи (как и для Пизы) в XIII в. решающими оставались трассы, ведшие в Сицилию, на итальянский Юг, в Сардинию и на Корсику, в Северную Африку, Испанию и Прованс. А главный внешнеполитический конфликт заключался в борьбе с Пизой за господство в Западном Средиземноморье. Со второй половины XIII в. сюда, на Запад, стали проникать венецианцы, а генуэзцы в свою очередь усилили экспансию на Востоке, и после краха Пизы ареной соперничества оставшихся двух великих морских держав стало все Средиземноморье. В 1261 г. генуэзцы помогли Михаилу Палеологу восстановить Византийскую империю и были вполне вознаграждены в ущерб венецианцам, укрепившись на Боспоре и черноморских берегах. Этот громкий успех, сопоставимый с победой при Мелории, послужил для Генуи началом золотого века. Оборот генуэзского порта, удвоившийся между 1214 и 1274 гг., в последующие 20 лет возрос в четыре раза.

В 1298 г. генуэзцы разгромили венецианский флот опять-таки у берегов противника, при Курцоле. Но Венецию было несравненно трудней поколебать, чем Пизу. В XII в. венецианцам, издревле преобладавшим в восточной торговле, пришлось потесниться. Политическая обстановка в Константинополе складывалась для них неудачно, пока в 1204 г. четвертый крестовый поход одним ударом не изменил положения, сделав Венецию «госпожой одной четверти и одной восьмой» рухнувшей Византии. Между Венецией и Кон-

[5] *R. Lopez*. Studi sull'economia genovese nel Medio Evo. Torino, 1936; *E. Bach*. La cité de Gênes au XII-e siècle. Kobenhavn, 1955; *I. Heers*. Urbanisme et structure sociale à Gênes au Moyen-Age.— «Studi in onore di A. Fanfani». Milano, 1962, vol. I, p. 369—412.

стантинополем протянулась цепь укрепленных портов и островных баз. Государственная навигация на главных линиях стала регулярной уже в XIII в.; частные корабли уходили все чаще в многолетние плавания. Становились обычными фигуры таких предприимчивых и закаленных людей, как купец и моряк Романо Майрано, избороздивший все уголки Средиземноморья. С XIII в. появился новый тип вооруженного торгового судна (galera da mercato) водоизмещением свыше 100 и до 500 тонн.

Падение Латинской империи подорвало монополию венецианцев на Востоке, но отнюдь не катастрофически. Заветнейшая цель Венеции — превращение Адриатики в свое внутреннее море — в середине XIII в. была уже близка к осуществлению. Только города Южной Далмации сохранили остатки самостоятельности, и все еще держались упорные анконцы.

В XII в. Анкона, расположенная на кратчайших путях из Тосканы, Умбрии и Романьи к Леванту и устроившая свои торговые «фондако» в Константинополе и Александрии, считалась, по словам арабского географа, «одним из центров христианского мира» — при населении в 10—12 тыс. чел.[6] Неприступные башни помогли республике выдержать в 1173 г. осаду венецианского флота и объединенной армии городов Марки. Только в 1264 г. по договору с Венецией анконцам были запрещены любые перевозки вне Адриатики и на севере ее, но Анкона (в союзе с Генуей) продолжала дерзко нарушать эти условия.

Однако в целом к XIV в. венецианцы держали под своим контролем торговые связи Паданской равнины с Адриатикой. Доставка по суше находилась преимущественно в руках континентального купечества. Венеция по-прежнему снабжала солью Ломбардию, вывозя взамен зерно (также из Апулии и Калабрии). В XIV в. годовой экспорт соли достиг 50 тыс. тонн, а морской импорт зерна, вероятно, 20 или 30 тыс. тонн[7]. Более четверти объема всей венецианской торговли приходилось на Северную Италию. Колоритная картина коммерческих предприятий на Востоке не должна затмевать для нас более прозаическую, но ничуть не менее значительную деятельность итальянцев в близлежащих землях и водах. Венеция или Генуя, превратившись в общеевропейские центры, не переставали быть прежде всего центрами итальянскими.

Политическая раздробленность, неравномерность развития отдельных областей, географические, социальные и культурные различия, изрезанность рельефа, конкуренция на внешних рынках и воздействие международной транзитной торговли помешали

[6] *M. Natalucci*. Ancona attraverso i secoli, vol. I. Città di Castello, 1960.
[7] *G. Luzzatto*. Studi di storia economica veneziana. Padova, 1954, p. 8—9.

8. *Палаццо Ручеллаи. XIV в. Флоренция*

складыванию единого итальянского рынка. Тем не менее в XIII—XIV вв. торговые связи были уже достаточно крепки — и не только во внутриобластном масштабе. Между Севером и Югом, приморскими и внутренними районами существовала экономическая общность и заметная специализация производства. Купцы плыли и ехали через долину По с востока на запад, от северных озер к Генуе и далее на каботажных судах к Пизе и Неаполю, из Пьемонта в Рим, из Венеции через Феррару и Болонью в Тоскану, из Сицилии и Неаполя — хлебных кладовых полуострова — на север, вдоль Адриатического побережья и к Флоренции сушей, из Тосканы через Умбрию в Марку. С начала XIII в. повсеместно появились объединения возчиков (vetturali), подряжавшихся для доставки грузов.

Характерно изобилие гостиниц — повсюду, в самых маленьких городишках, даже в селах. Во Флоренции их число в 1394 г. достигло 622, не считая 234 в контадо. В одной из гостиниц Ареццо в 1385 г. за 19 дней побывало 180 постояльцев; их имена сохранились — это преимущественно купцы из 25 областей Италии. Текли товары, смешивались люди и наречия. Вот заурядная коммерческая операция: некий аретинец отправляет сиенское сукно через Пизу в Палермо, где его приобретает болонский купец.

Конечно, внешняя торговля оставалась одним из решающих факторов и необходимым условием экономического прогресса полуострова. Но нельзя забывать, что крупнейшим рынком сбыта для итальянских импортеров являлась сама Италия с ее растущими населением и промышленностью, а в экспорт все больше вовлекались предметы отечественного производства.

Например, Флоренция к XIV в. была уже накрепко соединена торговыми и денежными узами со всеми уголками страны. Она получала медь из Массы, олово из Венеции, железо и лес из Калабрии, серу из Искьи, лен из Гаэты, тмин и мыло из Апулии, сахар из Сицилии, скот, хлопок, воск, соду, изюм, масло, вино из Романьи. Ее жители ели хлеб, выпеченный из южноитальянского зерна, и клали в кушанья генуэзскую соль; ее купцы перевозили товары на пизанских или венецианских судах; ее суконодельческие мастерские нуждались в красителях из Аквилы и Кортоны, в стальных кардах из Милана. В свою очередь, Флоренция вывозила сукна и сотни видов ремесленных изделий во все края Италии. В1252 г. Флоренция (примерно одновременно с Генуей) впервые, после длительного господства в Европе серебряной валюты, стала чеканить золотую монету: полновесный, в 24 карата, флорин. «Начали упомянутые новые флорины распространяться по свету»,— с восторгом пишет купец Джованни Виллани, рассказывая, как в Тунисе тамошний король расспрашивал пизанцев о городе, где делают такую замечательную монету, и как те не желали говорить, и как некий «мудрый» флорентиец посрамил перед королем Пизу, которая не

имела своей золотой монеты [8]. У хрониста были основания гордиться: флорин вскоре действительно обошел — вместе с флорентийским сукном — весь известный тогда мир, добравшись до Китая.

XIII век ясно выявил тенденции итальянской торговли, наметившиеся уже в предыдущем столетии. Можно было бы указать на пять таких динамических особенностей.

Во-первых, коммерческое оживление и общий подъем, исходя вначале из приморских эмпорий, неуклонно распространялись на внутренние районы, принимая все более глубинный и органичный характер.

Во-вторых, менялись объекты торговли: вместо дорогих, редких и компактных товаров начинали преобладать дешевые и тяжелые грузы массового потребления. Это крупные партии продуктов питания (особенно зерно и соль, а также вино, масло, скот, соленая рыба и др.); далее — шерсть, необработанные сукна, квасцы и красители; наконец, металлы, оружие, строительные материалы, кожа и меха. Типичный пример: в 1312 г. венецианец Джованни Планкони пустился в плавание с грузом строительного камня и леса. Выгрузив камень в Заре (для венецианских войск, ведших осаду), он доставил лес в Сицилию, наполнил там корабль зерном и отвез на Балеары; затем забрал в Сардинии соль и вернулся на родину, пробыв в пути четыре месяца.

В-третьих, совершенствовалась организация торговли: кооперирование денег и энергии, которое в Генуе известно с XII в. под названием «коменда» [9]. Суть коменды в том, что один компаньон (socius stans) дает капитал, а другой (socius tractans или tractator) берет на себя риск и тяготы плавания. Впрочем, рисковали оба — если не жизнью, то карманом. Лишь в случае благополучного исхода поездки купец получал 25% прибыли, а инвеститор остальные три четверти. Договор заключался только краткосрочный, на конкретный рейс. Удача обещала принести 40—50% прибыли от затраченной суммы.

Сколотив средства, «трактатор» мог вложить свой пай в новое предприятие. Тогда он обеспечивал треть исходного капитала, деля доходы пополам с компаньоном, оставшимся в городе. Эта форма коменды называлась в Генуе «морским товариществом» (societas maris). Она особенно характерна для Венеции, где упоминается уже в 1072 г. под именем «коллеганца». В генуэзских комендных договорах порой оговаривалось, какие товары должны быть закуплены и в каком количестве. Венецианская коллеганца — всегда только

[8] *G. Villani*. Cronica. Firenze, 1823, Lib. VI, 53.

[9] The Cambridge Economic History of Europe. Vol. III. Cambridge, 1963, chap. II; *E. Bach*. Op. cit., p. 50 sq.; *G. Luzzatto*. Op. cit., p. 59—79.

денежная, т. е. «трактатор» имел полную свободу действий. Но по возвращении был обязан представить отчет компаньонам.

Со второй половины XIII в. и венецианцы и генуэзцы стали отдавать предпочтение иной, более зрелой форме кредита, показывающей возросшую регулярность и надежность торговых операций. При «морском займе» (cambium maritimum) твердый процент прибыли инвеститоров (20—30, а то и 50% годовых) обеспечивался заранее по договору — независимо от коммерческого успеха или провала экспедиции (конечно, при условии, что пираты и штормы пощадят судно). От обычного займа это отличалось по существу лишь подотчетностью купца кредиторам. Для финансирования заморской торговли венецианские богачи ассоциировались, учреждая «компании».

Каждая компания могла иметь дело с несколькими купцами, и наоборот — «трактатор», собираясь в дорогу, получал ссуды и товары у разных лиц.

Компании приобрели особое значение и важность в городах Тосканы, где они имели совсем другой характер. Купцы объединялись на определенный (скажем, годичный) срок, возобновляя время от времени договор. Доходы и убытки распределялись пропорционально размерам паев. Ядро компании состояло из членов одной семьи; поэтому компании сохранялись под прежним именем многие десятилетия: перед нами предшественники будущих торговых домов.

Тосканские компании превратились в основную ячейку экономической активности [10]. Они сочетали купеческие интересы с ростовщическими. И это слияние торгового и ссудного капитала составляет *четвертую* особенность городской экономики Северной и Средней Италии. Во Флоренции не цех менял Камбио, а купеческий сукнодельческий цех Калимала был средоточием кредитного дела. Не менялы, а крупнейшие купцы ссужали всю Европу. Сиена со знаменитыми в XIII в. компаниями Буонсиньори и Салимбене, Пьяченца с компанией Буррини, Пистойя с Амманато, Рим, Асти и Флоренция превратились в центры международного ростовщичества (с постоянными представительствами в Марселе и Париже, Брюгге и Лондоне). Нормальный ссудный процент колебался между 7 и 12%.

Флорентийские компании в последней трети XIII в. кредитовали папскую курию, немецких архиепископов, фландарских графов, французского и английского королей. Их деятельность включала в свою орбиту также промышленность. Уже в 1244 г. мы находим упо-

[10] *В. И. Рутенбург.* Очерк из истории раннего капитализма в Италии (флорентийские компании XIV века). М.— Л., 1951.

минание о компании, созданной для производства сукон. Флорентийским компаниям предстояло сыграть роль экономического рычага, который способствовал появлению первых в мире мануфактур. Это было высшим итогом тенденции, составлявшей *пятую* особенность городской экономики: центр тяжести во многих случаях перемещался от посреднической торговли к промышленному экспорту. Выдвигались города, в которых торговый капитал сумел, не ограничиваясь посредническими функциями и импортом, выявить местные экспортные возможности и опереться на ремесло. Таковы Флоренция, Милан или Болонья.

Первые достоверные следы ремесленных цехов можно обнаружить только к концу XII в. (не раз высказывались догадки об их более раннем происхождении, но точных данных нет). Повсюду сначала появляются купеческие корпорации, которые и в будущем сохранят особое влияние и привилегированное положение. Иногда они включают также ремесленников или выступают от их имени.

В Пизе купцы объединяются в 1162 г. (ordo mercatorum), в 1201 обособляются судовладельцы, ведущие морскую торговлю (ordo maris); в течение полувека эти две корпорации представляют и пизанское ремесло. В Парме «общество купцов», судя по статуту 1219 г., охватывает и суконщиков, мясников, сапожников, железников. В Риме нечто сходное наблюдается уже в XII в. Во Флоренции в 1182 г. некие «консулы купцов» принимают платежи от имени коммуны, а в 1184 г. подписываются под договором с Луккой. В документе 1193 г. упоминаются «семь цеховых ректоров». Возможно, эти «консулы» и «ректоры» стоят, как и в Парме, во главе широкой торгово-промышленной ассоциации.

Собственно ремесленные цехи выделяются и формируются позже. Классический пример — история флорентийских цехов. В официальных перечнях с конца XIII в. они следуют в строго определенном порядке, указывающем на социальную иерархию. Среди семи «старших цехов» почетное первое место занимают судьи и нотариусы, а решающей силой оказываются суконодельческие корпорации Лана и Калимала, к которым примыкает цех менял Камбио, ведавший чеканкой городской монеты и насчитывавший в 1239 г. свыше 350 членов. Основание цеховой пирамиды составляют пять «средних» и девять «младших» цехов. Всего, таким образом, во Флоренции был 21 цех. Это число, установившееся к 1287 г., затем оставалось неизменным в течение полутора столетий. Цифра, конечно, небольшая, но она никоим образом не характеризует степень дифференцированности и развитости флорентийского ремесла.

Немногочисленность флорентийских цехов объясняется преимущественно политическими причинами. На протяжении многих десятилетий господствовавшее в городе дворянство лишало ремесленников права иметь своих консулов и знамена, политическую и воен-

ную организацию. Старшие цехи окончательно добились этого права лишь в 1266 г., младшие — в 1287 г. Цехи стали важнейшей формой консолидации пополанов в социальных конфликтах. Мелкие и разрозненные ассоциации не могли бы рассчитывать на успех в тяжелой борьбе против дворянства. Поэтому в развитии флорентийского ремесла, шедшем с конца XII в. по обычному пути дифференциации и отпочкования новых цехов, очень скоро наметилась противоположная тенденция к интеграции, подчас к искусственному соединению совершенно различных профессий (часто по территориальному признаку) в рамках одной корпорации. В конце концов эта тенденция решительно возобладала. В августе 1282 г. еще существовало 32 цеха. Через пять лет их число сокращается до 21: торговцы льном входят в цех старьевщиков, каменщики объединяются с плотниками, латники со шпажниками и т. д.

В конце XIII в. флорентийские цехи превращаются в организации, вне которых отныне нет полноправной гражданственности. В их руках — политическая власть. Оформление новых цехов означало бы теперь уменьшение доли уже существующих корпораций в управлении городом и нарушило бы сложившееся соотношение сил. Число 21 становится незыблемым традиционным устоем флорентийской конституции. Для кратковременного появления в 1378 г. трех новых цехов понадобится вооруженное восстание.

Мелким экономическим ассоциациям оставалось или влиться в один из официальных цехов, или влачить жалкое существование. Городские статуты 1322 г., провозгласившие, что «никакой цех или сообщество, которые не названы в «Установлениях Правосудия», не могут иметь уставов или статутов, а также консулов, ректоров и синдиков», тем самым прямо свидетельствуют о массе ремесленников, находившихся вне государственной цеховой системы.

Не менее важно другое обстоятельство. Представители разнообразных профессий, объединившись в одном цехе, сохраняли в большей или меньшей степени автономию и образовывали внутри цеха свои коалиции. Возникали причудливые федерации, случайные по экономическому составу, сложные по административной структуре и все же выступающие в политическом, военном, правовом и отчасти финансовом отношениях как единое целое.

Например, «цех торговцев у ворот святой Марии» — это, говоря словами Ф. Вальсекки, «скопление цехов, общее название и относительное единство которых определялось одинаковым топографическим расположением мастерских»[11]. Очень показателен «цех врачей и аптекарей-торговцев восточными товарами» (ars medicorum et

[11] *F. Valsecchi.* Comune e corporazioné nel medio evo italiano. Milano, 1949, p. 112—113, 128 etc.

spetiariorum), детально исследованный Р. Часка[12]. Вначале цехом заправляли только врачи и богатые купцы, торговавшие пряностями, сахаром, арабской водкой, парфюмерией и лекарствами. В 1296 г. с ними сравнялись галантерейщики, ибо среди них «в большом количестве имеются зажиточные, почтенные и достойные люди». Кроме трех главных «членов» (membra), в цех входили другие корпорации, лишенные права юридического представительства перед коммуной, но получившие собственные уставы, систему регламентации и штрафов, кассу и выборных чиновников.

Среди второстепенных «членов» выделялись живописцы и шорники. Последние в свою очередь делились на пять ответвлений: ременщики, изготовители конской упряжи, камзольщики и т. д. К врачам двух категорий (fisichi e cerusichi) примыкали парикмахеры и могильщики; к торговцам пряностями — колбасники, пергаментщики, свечники и т. д. Что касается корпорации галантерейщиков, то к ней принадлежали ремесленники примерно 30 специальностей! Всего в «цехе врачей» было представлено около 50 профессий. Он стал громадным симбиозом мелких цеховых групп. В 1297 г. в нем насчитывалось 505 мастеров, к 1320 г. их число возросло до 2000. Список товаров цеха, расходившихся по Италии, достиг 300 наименований.

А. Дорен совершенно справедливо называл 21 цех Флоренции «ассоциациями ассоциаций», «политическими цехами» — в отличие от цехов «экономических»[13]. По-видимому, во Флоренции, помимо сукноделия и внецеховых профессий, насчитывалось 80—85 дифференцированных ремесел. О размахе производства свидетельствуют в 1336 г. 300 обувных мастерских и 146 пекарен. Рядом с Генуей и вслед за Миланом Флоренция являлась международным центром оружейного дела, а слава ее художественных изделий уступала только славе венецианцев.

Политическая интеграция почти незнакома заальпийским цехам (за исключением, пожалуй, Пикардии и Рейнской области). В Италии же она встречается повсеместно, ибо цеховая и государственная структуры опосредствовали друг друга. Поэтому в Пизе после 1277 г. было 10 корпораций, но от цеха судовладельцев зависели ремесленники 24 профессий. В Пистойе 11 официальных цехов охватывали 30 ремесел. О Милане, крупнейшем промышленном городе Ломбардии, нет точных данных; характерно, что нам известны всего 8 названий миланских цехов XIII в. В Парме насчитывалось 24 цеха, в Павии — 25, в Бергамо — 20. В Болонье первое упоминание

[12] *R. Ciasca.* L'arte dei medici e speziali nella storia e nel commercio fiorentino. Firenze, 1927.

[13] *A. Doren.* Entwicklung und Organisation der Florentiner Zünfte. Leipzig, 1897, S. 20—23.

о цехах в 1219 г. связано с их участием в управлении, а в 1228 г. цехи захватили власть, и затем их число (около 20) почти не менялось целое столетие. Как и во Флоренции, это внутренне разнородные и сложные ассоциации. Болонские статуты содержат длинный перечень профессий, для которых сурово запрещена любая форма объединения.

Зато мы не случайно обнаруживаем множество цехов в Вероне при тирании Скалигеров. Вообще в Северо-Восточной Италии ремесло относительно слабее, но цехов больше (например 70 или 80 в Падуе в XIV в.), потому что здесь они не хозяева государства, а его слуги. Максимальным количеством цехов (142) могла похвалиться Венеция, где ремесло — особенно судостроительное, текстильное и стеклодельное — испытало удивительный расцвет, но находилось под бдительным контролем олигархического правительства.

С другой стороны, цехи Ломбардии и Тосканы были чужды мелочной производственной регламентации и жесткой эгалитарности. Как правило, вступление в цех оставалось простым делом; цеховая монополия чаще всего отсутствовала. Во Флоренции, например, цеховая регламентация купли-продажи была запрещена в 1290 г. постановлением коммуны, а Кремона в 1299 г. установила наказание за посягательства на свободу труда и торговли.

Итак, итальянские цехи родились сравнительно поздно, не утратили экономической гибкости и приобрели во многих городах особое политическое значение. Все это со временем облегчит их раннекапиталистическое перерождение в тех отраслях, где на протяжении переломного XIII в. сложилась наиболее благоприятная конъюнктура, преимущественно в сукноделии.

Шерстяная одежда нужна была всем. Овец разводили повсюду. Спрос отличался устойчивостью, а сырье находилось под рукой. Поэтому сукноделие — самая распространенная и характерная отрасль средневековой промышленности. Итальянские города не составляли исключения. Сперва это были грубые ткани из местной шерсти. Но уже с конца XII в. обозначилось нечто новое. Крупные купцы Генуи, Флоренции, Болоньи и других городов издавна занимались перепродажей чужеземных сукон. Теперь они начали отдавать их предварительно ремесленникам для окраски и дополнительной аппретуры. Генуэзские купцы-«шерстяники» (draperii) приглашали мастеров из Лукки, болонское «общество купцов» (società dei mercanti) переманивало красильщиков и сукновалов из Вероны и Флоренции. В самой Флоренции первое упоминание о суконном цехе «купцов Калималы» относится к 1192 г.

9. *Базилика Сан-Микеле. XII в. Павия*

В сукноделие вторгся торговый капитал. Ремесленники отделывали импортное сукно, доставленное из Фландрии или Северной Франции, и производили дорогую тонкую ткань, которая будет продана за сотни и тысячи километров от мастерской. Между ними и рынком стал богатый купец, доставляющий издалека полуфабрикаты, раздающий их в обработку и забирающий готовый товар. Взаимоотношения купцов и ремесленников регулировались в рамках своеобразного торгово-промышленного цеха, который неизбежно перерождался. Само название «цеха» такая корпорация получала постфактум, возникая сначала как купеческое объединение.

Рядом вскоре появился «цех шерсти» — Лана, носящий одинаковое наименование во Флоренции, Пизе, Болонье и т. д. Торговый капитал, ограничивавшийся ранее улучшением и перепродажей

готовых сукон, овладел теперь сукнодельческим производственным циклом в полном объеме. В источниках флорентийская Лана упоминается с 1212 г., а под 1218 г. мы находим показательную формулу: «консул купцов цеха шерсти». Тогда же Лана перешла на импортное сырье. Это в первую очередь шерсть из Испании, Португалии и Северной Африки («гарбо»). В последней трети XIII в. начало постепенно возрастать значение английской шерсти. В 1277—1278 гг. из Англии вывезли в Италию 4235 мешков шерсти, т. е. количество, достаточное для производства около 15 тыс. кусков сукна (не менее 150 тыс. метров). В 1290 г. одна лишь Флоренция импортировала из Англии 2380 мешков.

Так на протяжении XIII в. росло производство, связанное не с контадо, а с далекими заморскими рынками. Калимала и Лана защищали интересы не мелких мастеров, а людей, вступавших в деловую связь чуть ли не со всем известным тогда миром, кредитующих пап и королей. К XIV в. появились первые в истории сукнодельческие мануфактуры.

Флорентийские источники свидетельствуют преимущественно о блестящих и словно неожиданных результатах этого процесса. Зато его ранние этапы хорошо прослеживаются на болонском материале, где статут Ланы 1256 г. рисует выразительную картину производства, попавшего в руки богатых скупщиков и находящегося в предмануфактурной стадии [14]. Здесь существует уже четкое деление на полноправных «людей цеха» (homines artis), именуемых также просто «купцами», и «работников» (laboratores), которые считаются не членами, а лишь «подчиненными цеха» и «трудятся собственноручно» (qui laborant manibus). В статуте упоминается 11 профессиональных категорий этих «работников», совершающих некоторые операции в мастерских (stationes) хозяев, но в большинстве своем — на дому, и «получающих шерсть в работу». Им строго запрещено приобретать «все относящееся к их ремеслу» иначе, как у «хозяев мастерских цеха шерсти». Болонские «работники» середины XIII в., конечно, еще не наемные пролетарии, но уже и не традиционные мастера. В конце столетия во Флоренции этот процесс заходит уже далеко.

С опозданием и в меньших масштабах новые экономические отношения затронули занесенное в XII в. из Египта производство тканей из смеси льна и хлопка (fustagni), проникли в шелкоделие. И хлопок и шелк-сырец импортировались из Леванта. До XIII в. шелкоделие было развито только в Лукке. Венецианцы и генуэзцы предпочитали производить шелк в колониях, где под рукой оказы-

[14] Statuti delle società del popolo di Bologna. Roma, 1896, vol. II, p. 285—325.

вались и сырье, и квалифицированные руки. Повышение спроса и военно-дипломатические смуты на Востоке побудили перенести эту отрасль промышленности в метрополии.

Венецианские купцы стали раздавать коконы в обработку формально независимым надомникам. Раннекапиталистические тенденции наложили отпечаток в Венеции также на судостроение, монетный двор (начавший чеканить с 1284 г. золотые дукаты) и стеклодувные мастерские на острове Мурано[15]. Сходные явления заметны в Генуе.

XIII век обозначил в Италии вершину «классической» средневековой городской экономики и — одновременно — начало ее разложения. С одной стороны, расцвет внешней торговли, ориентация производства на иногородний и чужеземный рынок, обеспечение купеческим капиталом сырья, сбыта и финансирования. С другой стороны, дифференциация и усовершенствование сукнодельческого производства, рост зависимости ремесленников и создание внутри цеха возможности наемного труда. Перестройка задела главным образом одну — правда, ведущую — отрасль промышленности, и притом в немногих, хотя и важнейших, городах. До поры до времени эта эволюция не выходила за феодальные рамки, а купец-промышленник оставался средневековой фигурой. И все же в итальянской экономике XIII в., пожалуй, самый существенный итог — не ослепительные заморские предприятия, не размах и дерзость купеческих авантюр, не золото ростовщиков, а то, что неприметно менялось в недрах сукнодельческой или шелкодельческой боттеги. Уже в следующем столетии торговый капитал, вызвавший к жизни экспорт тканей, получил тем самым прочную основу внутри страны, а пополанская верхушка переросла в раннюю буржуазию. Это наложило на историю Италии особый, лишь ей присущий отблеск и отдалось многозвучным эхом в политике и культуре Ренессанса.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОММУНЫ

Главное политическое содержание описываемой эпохи в жизни Северной и Средней Италии — освобождение городов из-под гнета епископов и прочих феодальных сеньоров и превращение их в

[15] Н. П. Соколов склонен скептически оценивать раннекапиталистические тенденции в венецианской промышленности и настаивает на средневековом, феодально-ремесленном облике венецианских цехов (*Н. П. Соколов.* Венецианское ремесленно-цеховое производство в XIII и XIV вв.».— «Труды Горьковского пед ин-та», т. XVIII, 1956, стр. 226—227, 233—234).

независимые государства-коммуны. В XI в. коммуна зародилась, в XII в. победила, в XIII в.— достигла зенита.

Уже под 850 г. мы обнаруживаем в хрониках известие о волнениях горожан в Кремоне, под 891 г.— о «заговоре народа» в Модене, под 897 г.— об изгнании епископа в Турине. В 924 г. кремонские купцы «с дьявольской дерзостью» сгружали товары вне епископской пристани Вульпариоло. По-видимому, все начиналось с борьбы за свободу плавания, рыбной ловли, выпаса, порубки и помола. Далее нужно было покончить с ненавистными налогами (особенно с обложением торговых сделок — teloneum). Растущие богатство и мощь горожан нуждались в новых финансах, новой администрации, новом правосудии и новой дипломатии. Времена венгерских и сарацинских набегов миновали, и епископский замок посреди города, перестав быть в глазах жителей убежищем, превратился в тягостную помеху.

В удобный момент группа влиятельных людей вступала в «заговор» (conspiratio) против епископа-графа, создавая на определенный срок сообщество (communitas), скрепленное клятвой (conjuratio). Затем коммуна расширялась, теряла временный характер, добивалась у сеньора признания и начинала выступать от имени всего города — сперва *вместе* с епископом, потом *вместо* него. Таким образом, возникнув на частноправовой основе, коммуна перерастала в публичную власть. Издавна в делах епископского суда и управления участвовали должностные лица из горожан (скабины, адвокаты, кураторы), существовали народное ополчение, собрание прихожан и ассамблеи при епископской курии (boni homines). Эти политические традиции были усвоены коммуной. Ее законодательные функции осуществлялись собранием всех полноправных членов на площади перед собором (парламенто или аренга). Исполнительная власть принадлежала коллегии консулов, избиравшихся на год от районов (ворот) города, иногда раздельно по сословиям. Число консулов колебалось в разных городах и в разные периоды от двух до двадцати. Со временем выборы приобретали регулярность, и упрочение консулата свидетельствовало о торжестве коммуны.

Вот некоторые даты. В источниках коммуна упоминается: в Кремоне под 1078 г., в Пизе под 1081 г., в Генуе под 1099 г., в Вероне под 1107 г. В конце XI в. коммуна возникла в Лукке, Анконе, Асти; в начале XII в.— в Бергамо, Тревизо, Бассано, Падуе, Виченце. После смерти маркизы Матильды в 1115 г. коммуна победила во Флоренции, Сиене, Ферраре. Консулат появился в Кремоне к 1130 г., Вероне — к 1136 г., Флоренции — к 1138 г., Верчелли — к 1141 г., Фаэнце — к 1150 г. и т. д.

Иными словами, коммуна утвердилась в большинстве городов на протяжении трех-четырех десятилетий: где в результате восстаний, где посредством выкупа сеньориальных привилегий, где — вос-

пользовавшись благоприятным случаем. Коммунальное движение сочеталось в Ломбардии и Тоскане с борьбой за церковную реформу, искусно разжигаемой папами Александром II и Григорием VII. Интересы пап, стремившихся укрепить и централизовать церковную организацию, сокрушив непокорных епископов проимперской ориентации, причудливо скрестились с интересами горожан. Впрочем, отношения епископов с Империей тоже были далеки от идиллии. Североитальянский епископат оказался между двух огней. Горожанам оставалось воспользоваться этим.

Миланские архиепископы и крупная знать, составлявшая их курию, почти всегда поддерживали Империю. И все же ссоры Ариберта с Конрадом II и Генрихом III, а затем Ансельма да Ро с Генрихом IV ослабили позиции этих крупнейших сеньоров Севера. В XI в. Милан потрясли три последовательные волны восстаний: в 1035—1037 гг., в 1041—1044 гг. во главе с рыцарем Лансоном и, наконец, реформационное движение 50—70-х годов того же века во главе со знатными клириками Ариальдом, Ландульфом и Эрлембальдом. Итогом бурного столетия стало появление миланской коммуны (к 1098 г.) и консулата (к 1117 г.) [16].

Шествие коммуны не везде было триумфальным. В некоторых центрах Марки Тревизо и Пьемонта, Кампании и даже Тосканы (Вольтерра, Ареццо) эта борьба растянулась вплоть до XIV в. В окраинных городах на границах с Германией и Бургундией победа досталась горожанам с огромным трудом (пример — Верчелли, где с привилегиями епископа покончили лишь в 1243 г.) или вовсе не далась (Тренто, Ченеда, Аоста, Триест, Пирано остались под властью графов). Но не они, а свободные коммуны решали судьбы Италии.

Первая и главная проблема, с которой пришлось столкнуться коммунам, заключалась в усмирении окрестной знати. XII век заполнен грохотом рушащихся родовых замков. Их владельцев насильно переселяли в город, а коммуна, подчиняя контадо в радиусе 10—15 километров своей юрисдикции, превратилась в маленькое независимое государство. В Южной Германии или Северной Франции коммунальное движение вспыхнуло примерно в то же время (сигнал был подан восстаниями в Вормсе 1073 г. и в Камбре 1077 г.), но привело к существенно иным результатам. Там оно совпало с усилением королевской или княжеской власти и явилось важной предпосылкой национальной (или, напротив, областной) централизации на феодальной основе. А в Италии политический подъем городов, лавировавших между Империей и папством, лишь

[16] *В. В. Стоклицкая-Терешкович*. Основные проблемы истории средневекового города. М., 1960, стр. 67—105.

увековечил раздробленность страны. Когда Империя при двух Фридрихах подкрепила свои притязания наиболее осязаемо и грозно, коммуны уже успели опериться и смогли постоять за себя.

В XIII в. повсюду в Северной и Средней Италии границы городов-государств, вобрав территории бывших графств и диоцезов, смыкались друг с другом. Правда, отступление старого феодализма шло весьма неравномерно: сеньориальные режимы сохранялись по периферии областей, прижимаясь к отрогам Апеннин и Альп. Таковы владения маркизов Маласпина в Луниджане, маркизов Алерамичи в Монферрато, графов Бьяндрате в Пьемонте, Убальдини и Гвиди на востоке, Герардеска и Альборандеска на юге, Обертенги на северо-западе Тосканы. Все они оказались твердым орешком для городов.

Тем не менее достаточно бросить взгляд на политические карты Италии 1000 г. и 1300 г., чтобы оценить своеобычность итальянского средневековья.

Какие социальные силы обеспечили этот прогресс? Традиционный ответ: купцы и ремесленники. Епископов свергли те круги городского населения, которых позже будут называть пополанами. Люди, создавшие экономическую мощь городов, выковали и коммунальную свободу.

Однако факты сложней ясной схемы. Ибо в судьбах итальянской коммуны есть большая разница между зрелостью XIII—XIV вв. и детством XI—XII вв. Наиболее активную роль в утверждении консулата сыграл мелкий и средний нобилитет — тот самый слой, который был в конце концов обречен именно коммуной на жесточайшее историческое поражение.

В источниках идет речь о «людях Кремоны», «народе Флоренции» или «гражданах Генуи». За терминами, лишенными отчетливости, очевидно, скрываются все свободные жители (кроме духовенства). Перед лицом епископа и крупной знати горожане сохраняли единодушие. Но ведущей военной и политической силой были рыцари-вальвассоры, milites. Так обстояло дело в Милане и Риме, Флоренции и Генуе.

Перед нами, впрочем, урбанизированные феодалы — явление, почти не известное в заальпийских странах (за исключением Прованса). В беспокойном X веке число вальвассоров резко возросло: каждый очередной претендент на итальянский трон, каждый епископ и просто родовитый сеньор готов был пожаловать бенефиции людям, умеющим владеть оружием. В сравнительно более мирном XI веке образовалось избыточное рыцарство, плохо обеспеченное и воинственное, не знавшее, куда себя девать. То была общеевропейская проблема, отчасти решенная крестовыми походами. В Северной и Средней Италии рыцарство неизменно тяготело к городам, остававшимся военно-административными центрами. Мелких фео-

Италия в XII—XIII вв.

далов привлекали сюда епископская курия и городской рынок. Их дела в контадо шли неважно. Правда, в 1037 г. указ Конрада II превратил их бенефиции в наследственные лены. Но продолжались и дробление поместий, и произвол крупной знати (преимущественно немецкого происхождения).

В последнем пункте настроения рыцарей совпадали с желаниями купцов и ремесленников. А главное — осевшие в городе вальвассоры, сохраняя в целом феодальный облик, очень рано сами стали

проникаться торгово-ростовщическими интересами. Уже в XII в. закладывался фундамент будущего процветания знаменитых компаний Буонсиньори, Толомеи, Скали или Фрескобальди. Недаром на мошне каждого ростовщика, встреченного Данте в Седьмом круге ада, красовался древний дворянский герб. Хронист Стефани противопоставлял «городских нобилей» (nobili della citïà) и знать контадо (nobili di fuori) [17]. В Милане это размежевание было почти символически подчеркнуто событиями 1040—1041 гг., когда Ариберт со своими «капитанами» бежал и, опираясь на контадо, осадил город, защищаемый вальвассорами и «популярами».

В Тоскане или Романье грань между двумя категориями феодалов выглядит еще более четко — но лишь до середины XII в. По мере принудительного водворения знати контадо в город обстановка осложнялась. Раньше сплоченные горожане воевали с окрестными замками. Теперь борьба блока мелких нобилей и пополанов против знати перешла на городские улицы. Однако главная суть борьбы не изменилась. Переменились декорации, но на сцене остались прежние актеры. И даже в декорациях заметна преемственность. Переселившиеся феодалы воздвигали огромные дома-крепости с высокими башнями (до 120 и более локтей), зубцы которых напоминали замки контадо. Рыцарям приходилось возводить в ответ не менее внушительные башни, которые строились на общие средства соседями по кварталу и родственниками (консортериями). Если прежде знать контадо ощущала себя инородным городу телом, то теперь она считает себя его частью. Она уже не стремится уничтожить коммуну, а оспаривает у рыцарства власть над нею. «Нобили, владевшие в окрестностях замками и держаниями, желали стать консулами и править, как господа, а другие, тоже знатные и благородные люди, но не имевшие замков, противодействовали им» [18]. Иными словами, сугубо итальянский процесс урбанизации затронул старофеодальную верхушку. Совет тосканской знати в Эмполи в 1260 г., на котором решалась судьба Флоренции, выразительно обнаружил итоги этой эволюции. Предложение снести с лица земли ненавистный пополанский оплот, исходившее от полунезависимых графов контадо, не нашло поддержки у большинства. Высокородный Фарината Уберти, с гневом обнаживший меч и поклявшийся в любви к родному городу, тем самым не только дал повод Данте написать несколько прекрасных терцин, но и доказал, что крупный нобилитет сильно изменился по сравнению с XI в.

Граница, разделявшая знать и рыцарство, была относительной и подвижной. И вообще группы, составлявшие население итальян-

[17] *M. Stefani.* Cronica fiorentina.— «Raccolta degli storici italiani», t. XXX. Città di Castello, 1903—1913, rubr. 33. 63.

[18] Ibid., rubr. 32.

ского города, не знали в XII—XIII вв. сословного окостенения и незыблемых барьеров. Бурное экономическое развитие размывало всякие барьеры, порождая множество переходных социальных состояний и структурных средостений. Не учитывая этой удивительной и сложной изменчивости, невозможно что-либо понять в истории средневековой Италии.

Однако относительность границ не означает их исчезновения. Констатируя господствующее положение рыцарства в городах XII в., нельзя забывать, что это — нобили особого рода, мало похожие на своих, скажем, северофранцузских собратьев, что они принципиально отличны от прежней земельной знати и что потому, собственно, вальвассоры и смогли слиться с коммунальным движением, отнюдь не лишив его антифеодального смысла.

С другой стороны, социальная перестройка городского дворянства в XII—XIII вв. и даже в XIV в. не зашла настолько далеко, чтобы оно попросту слилось, отождествилось с «жирным народом». Это промежуточный слой. Рыцари предводительствовали в сражениях горожан против знати, но когда крупная знать оскудела и размылась, была изгнана и оттеснена,— сами оказались мишенью для окрепших купцов и ремесленников. Теперь они — вчерашний правый фланг коммуны — стали главной полуфеодальной преградой на пути пополанов.

Сорок лет назад Н. Оттокар выступил с ревизией коммунальной истории, отвергая глубинную природу политических конфликтов. В его изображении итальянский город создан прежде всего аристократией, переселившейся из контадо (и отчасти верхушкой крестьянства), и не носил «ограниченно бюргерского характера». Между городом и контадо осуществлялись поэтому взаимопроникновение и «тесное единство». Внутригородские противоречия были лишены экономического содержания и являлись «лишь фрагментарными и поверхностными аспектами более полной и общей реальности».

Последователь Оттокара И. Плеснер развил его построения, объявив основой экономического процветания города феодальную ренту. В наши дни концепция Оттокара — Плеснера признается «преувеличенной» и обставляется оговорками даже их учениками, но продолжает в той или иной форме оказывать воздействие на многих западных исследователей (Лестокуа, Эспинас, Сестан, Фьюми, Violante, Кристиани и др.) [19]. Споря друг с другом о конкретных особенностях и происхождении патрициата, эти исследователи

[19] *N. Ottokar.* Il comune di Firenze alla fine del dugento. Firenze, 1926; *idem.* Studi comunali e fiorentini. Firenze, 1948; *I. Plesner.* L'émigration de la campagne à la ville libre de Florence au XIIIe siècle. Kopenhagen, 1934; *I. Lestocquoy.* Les villes de Flandre et d'italie sous le gouvernement des

сходятся на отрицании социально-экономических различий между городским нобилитетом и пополанскими верхами. Разве нобили не вели коммерческих операций, а купцы не покупали земли? Разве рыцари не участвовали в создании коммуны? И, стало быть, разве позволительно считать пробуждение коммуны явлением антифеодальным? Даже крупнейший прогрессивный историк Джино Луццатто, стоявший на иных методологических позициях в отношении «крупных торговых коммун XIII—XIV веков», считал раннюю коммуну плодом деятельности сравнительно мелких феодальных земельных собственников [20].

Однако другой видный знаток итальянской экономической истории Армандо Сапори подчеркивает: «Существенно не то, что движущей силой нового института были... мелкие феодалы: аристократическая коммуна консулов предвещала коммуну цехов». И еще: «косвенный факт», который оказался решающим для самой возможности возникновения коммун, заключался в «подъеме торговой активности» с X в., сначала на морских побережьях, а затем во внутренних областях страны [21].

Верная мысль! Разумеется, незачем спорить с фактами и реставрировать точку зрения, выработанную романтической историографией прошлого столетия. Конечно, ранняя коммуна не была государством купцов и ремесленников. Достаточно изучить списки генуэзских или флорентийских консулов, чтобы убедиться в этом. В Милане, например, вальвассоры действовали радикальней, чем купцы. Выборы в миланский консулат производились от трех сословий: капитанов, вальвассоров и купцов, причем купеческие консулы пользовались меньшими правами. К выборам допускались только лица, владеющие землей. Сигнал к началу коммунальной эпохи дало городское рыцарство. Как писал Дж. Вольпе, «буржуазия приходит потом» [22].

Но когда возникала коммуна, бюргеры не сидели сложа руки. Купеческие интересы бывали (например в Кремоне) первым поводом для конфликта с епископом, в консульских списках встречались и купеческие фамилии. За спиной вальвассоров, подталкивая их к

patriciens. Paris, 1952, p. 46—48 sq.; *G. Espinas*. Pour une histoire urbaine comparée (villes italiennes et villes flamandes).— «Revue de Synthèse historique», t. 55, 1935, décembre, p 12 sq; *E. Sestan*. La città comunale italiana..., p. 86—89; *E. Fiumi*. Storia di San-Gimignano, p. 45—47; *C. Violante*. La società milanese..., p. 129—133 etc.; *E. Cristiani*. Città e campagne nell'età comunale in alcune pubblicazioni dell'ultimo decennio.— «Rivista storica italiana», fasc. IV. Napoli, 1963.

[20] *Дж. Луццатто*. Экономическая история Италии, стр. 235—242.

[21] *A. Sapori*. Lezioni di storia economica. Milano, 1955, p. 95, 140—141.

[22] *G. Volpe*. Medio evo italiano. Firenze. 1961, p. 90.

решительным действиям, кипела городская масса, возбужденная лозунгами реформы. В Ломбардии восстала «патария» — грозное слово, которым обозначались еретически и революционно настроенные низы, оказавшие могучее воздействие на ход событий. В борьбе против крупной знати рыцарский консулат нуждался в поддержке бюргерства. И получил ее.

В ранней коммуне существенней всего историческая перспектива. Коммуна появилась потому, что рост города вступил в противоречие с сеньориальным строем. Рост города, т. е. торговли и ремесла — воистину решающий «косвенный факт». Именно экономические стимулы привлекали в город вальвассоров, втягивали их в новую социальную атмосферу и обеспечивали их союз с бюргерством. Купцы и ремесленники сами по себе были еще недостаточно крепки. Поэтому до поры до времени лидировал мелкий нобилитет, представлявший интересы города в целом. Коммуна есть опосредствованный результат торгово-промышленных сдвигов и одновременно — политическая предпосылка дальнейшего прогресса. История склонна к иронии. Значение консулата состоит в том, что он подготовил условия, отрицающие его.

ИМПЕРИЯ, ПАПСТВО И ГОРОДА

Подъем городов совпал по времени с появлением в стране немецких императоров и возвышением пап. Идиллические отношения слуги-наставника и властелина-ученика, которые связывали ученого Сильвестра II и мистически одержимого Оттона III, скоро сменились обоюдным ожесточением Григория VII и Генриха IV. Начиная с середины XI в. Священная Римская империя и папство, эти два космополитических гиганта Европы, сводили счеты на итальянской земле. Их насквозь феодальные универсалистские притязания прочно переплелись с домашними делами ломбардцев и тосканцев. В результате первой серьезной пробы сил императору пришлось изведать унижение Каноссы, а папе — разгром Рима норманнами и бесславное угасание в далеком плену у Роберта Гвискара. Тогда же в Италии обозначилась поляризация всех политических лагерей и конфликтов вокруг папского и императорского престолов. Возникли «партия церкви» и «партия Империи», получившие спустя 100 лет наименования «гвельфов» и «гибеллинов». Города небезуспешно лавировали между Сциллой и Харибдой. Одни из них поддерживали Генриха IV в обмен на дипломы, дарующие суверенитет (например, Пиза, Сиена и Лукка). Другие добивались того же, выступая на стороне папской курии (например, Флоренция и Милан).

Вторая, гораздо более мощная полоса войн отмечена походами

Фридриха I Гогенштауфена. Фридрих впервые появился в Италии в 1154 г., с тем чтобы, по традиции, получить императорскую корону из рук папы на римском Капитолии. Он держался надменно с Адрианом IV, нарушал условия Вормсского конкордата, но еще пренебрежительней обошелся с горожанами Рима, отвергнув их послание и не соблюдая старинных обычаев, требовавших народного одобрения при венчании. Вспыхнувшее тут же восстание римлян Фридрих подавил, устроив резню, послужившую прологом к его итальянской политике последующих 20 лет. Однако в Риме он все же закрепиться не смог и был вынужден удалиться за Альпы. В 1157 г. на рейхстаге в Безансоне Фридрих велел прогнать папского легата. Опять возникла ситуация, напоминавшая спор об инвеституре. В 1158 г. Барбаросса вступил в Ломбардию, и Ронкальский сейм послушно провозгласил его неограниченную власть над Италией. Опытные юристы из Болонского университета нашли полное подтверждение этим притязаниям в «Кодексе» Юстиниана.

Фридриха поначалу поддержали многие города. Папе Александру III он противопоставил собственных антипап, избранных прогерманской частью кардиналов. Междоусобица городов и схизма церкви помогли Фридриху сокрушить в 1160 г. мятежную Кремону, а весной 1162 г. после долгой осады сдался Милан и был буквально сровнен с землей. Наступил кульминационный момент успехов Барбароссы и испытаний для итальянцев.

Варварская расправа над Миланом оказалось все же для Фридриха роковой: она побудила сплотиться под знаменем Александра III страну от Королевства Обеих Сицилий до Венецианской республики. Главное же — она заставила города забыть о раздорах. Барбаросса обладал всеми свойствами великого императора: безмерным честолюбием, полководческим и политическим талантом, жестокостью и «тевтонской хитростью». Он сумел справиться с оппозицией в Германии, натравив большинство своих вассалов на самого могущественного из них, Генриха Льва, герцога Баварского и Саксонского из рода Вельфов. Он решил в конце концов и норманскую проблему, женив сына Генриха на дочери Рожера II Констанции, наследнице сицилийского престола, и это стоило всех выигранных им сражений. Он заставил Александра III бежать во Францию. Одно только оказалось ему не под силу: героическое сопротивление североитальянских городов. Отстроившийся Милан стал душой Ломбардской лиги 1167 г.

Первая серьезная неудача постигла Фридриха под стенами новой крепости Алессандрии, воздвигнутой Лигой. Затем 29 мая 1176 г. городское рыцарско-пополанское ополчение обрушилось на императорский лагерь близ Леньяно. Победа была сокрушительной, Фридрих еле ускакал, оставив свой меч и знамя в виде трофеев ломбардцам. Без войска и без денег императору пришлось со-

гласиться на унизительное соглашение, лишавшее его плодов прежних походов и скрепленное Венецианским конгрессом в 1177 г. Спустя ровно 100 лет после Каноссы германский император снова смиренно целовал папскую туфлю. Новостью было, однако, присутствие на конгрессе представителей городов в качестве суверенного политического участника переговоров. В 1183 г. по Констанцскому миру Фридрих I торжественно признал коммунальные свободы.

Третий и главный этап борьбы, связавший в один узел интересы пап, Фридриха II Гогенштауфена и городов, изобиловал не менее яркими перипетиями, но оказался еще более длительным, упорным и кровавым. Сыше 30 лет, почти не отвлекаясь на Германию и на Восток, уверенно опираясь на полуарабскую Сицилию и феодальный Юг, Фридрих II с энергией и изворотливостью, предвещающими дипломатию Возрождения, пытался покорить северные города и осуществить планы своего деда. Порой он был, казалось, близок к этому: социальная обстановка усложнилась по сравнению с XII в., среди городов ослабло единодушие, императора поддерживало самое сильное государство Северной Италии — веронская тирания Эццелино да Романо. Неожиданная смерть Фридриха II в 1250 г. оборвала борьбу. Последовавшие затем поражения и гибель его преемников Манфреда и Конрадина послужили кратким эпилогом. На полвека Италия избавилась от императорских вторжений (немецкая угроза сменилась французской, исходящей из Неаполя от «анжуйцев» Карла I или Роберта I). В XIV в. походы Генриха VII и Людвига Баварского уже похожи на последние запоздалые вспышки. К середине XIV в. Священная империя покинула итальянскую политическую сцену, а распри гвельфов и гибеллинов потеряли значение.

Если рассмотреть столкновение Империи и папства в масштабе трех столетий, то станет очевидным, что, хотя чаши весов постоянно колебались, Империя потерпела поражение. Но выиграло в конечном счете не папство, ибо «авиньонское пленение» мало похоже на победу. Выиграли города Северной и Средней Италии, пусть они и оплатили это сполна кровью и тяжкими испытаниями. Ибо предприятия Генриха IV увенчались рождением коммуны, походы Барбароссы — переходом к подестату, войны Фридриха II — возникновением «малой коммуны» во главе с пополанским «капитаном».

Иначе говоря, в ходе каждого из трех основных раундов поединка между Империей и папством коммунальное движение поднималось на новую ступень. Военно-дипломатические потрясения, накладываясь на внутренние городские противоречия, одновременно и осложняли, и подхлестывали становление городов, играя роль катализатора социально-политических процессов.

Таков внешний фон, который окрашивал собой историю итальянского города в партийные цвета гвельфов и гибеллинов.

Однако причины гвельфо-гибеллинской распри в любом городе следует искать не выходя за его стены.

В гвельфском лагере на переднем плане заметны купцы и ремесленники, в гибеллинском — феодальная знать. Но исключений так много, что нельзя говорить о правиле. К гибеллинам примыкали и торгово-промышленные центры: Генуя, Пиза, Сиена, Пистойя, Лукка, Реджо, Кремона, Мантуя, Равенна, Павия, Верона. Если в большинстве коммун пополаны были гвельфами, а нобили — гибеллинами, то в тех же Пизе и Сиене, Ферраре и Риме, Пьяченце и Орвиетто дело обстояло иначе. И Бранкалеоне, демократический диктатор Рима, и Джованни Тиньози, радикальный вождь горожан Витербо, выступали под гибеллинскими знаменами.

Случалось, что обе партии объединялись: например, в Ареццо гвельфская и гибеллинская знать дружно боролась против цехов. То же самое происходило в Парме в 1297 г. Гвельфский вождь маркиз д'Эсте охотно поддержал гибеллинов Ламбертацци против гвельфской Болоньи. Когда Карл Анжуйский попытался подчинить Ломбардию, против него выступили совместо гибеллинские и гвельфские города.

За формулами «гвельфизма» и «гибеллинизма» скрывались разнородные, иногда диаметрально противоположные явления. Гвельфы — это и нищие ломбардские патарены, и маркизы д'Эсте, и флорентийские купцы. Гибеллины — это и тосканские графы, и генуэзские судовладельцы, и епископы Ареццо, и мятежные «апостольские братья», смотревшие на Империю как на орудие небесного промысла, которое сокрушит неправедную церковь и расчистит путь к светскому царству святого духа.

Очень часто город, городское сословие или отдельная семья принадлежали к гвельфскому лагерю только потому, что враждебные им город, сословие, семья соответственно стояли за гибеллинов. И наоборот. Города, соперничавшие с Миланом, входили, по традиции, в гибеллинскую партию, ибо Милан был гвельфским. Большинство городов Кампании, Умбрии и Марки неизбежно тяготело к гибеллинизму, так как здесь опасность папской теократии выглядела осязаемей, чем где бы то ни было. Генуя питала слабость к гибеллинизму из-за соперничества с Венецией и Робертом Неаполитанским, а папы Григорий X или Николай III — из страха перед Анжуйской династией. Но Генуя переметнулась к гвельфам, когда стремилась сокрушить Пизу; Пиза же оставалась неизменно гибеллинской, потому что ненавистная ей Флоренция поддерживала гвельфов. А так как у власти в гибеллинской Пизе стояли пополаны, то пизанская знать часто выступала с гвельфским кличем. Впрочем, трудно указать город или фамилию, которые не меняли бы партийной ориентации. Например, Сиена и Лукка переходили из одного лагеря в другой в зависимости от их взаимоотношений с Фло-

ренцией. Конечно, лозунги гвельфизма и гибеллинизма носили крайне условный характер. Удивительно, что при этом они все же играли вполне действенную роль в итальянской политической практике. Традиционная принадлежность к одной из двух партий сохраняла известное значение, даже когда традиция шла вразрез с обновившейся социально-политической ситуацией. Картина борьбы выглядит в итоге настолько пестро и хаотично, что термины «гвельфизм» и «гибеллинизм» сходны с алгебраическими знаками, которым можно придать любой конкретный смысл.

Юрист XIV в. Бартоло да Сассоферрато рассуждал: «В провинциях и городах, где возникли враждующие партии, они должны как-то называться; поэтому упомянутые названия едва ли не употребляются чаще обычного. Но вообще-то здесь ни при чем ни церковь, ни империя, а лишь раздоры, которые существуют в городе или в провинции... Предположим, в городе правит некий тиран, который со своей партией называется гвельфом, и какой-нибудь благомыслящий человек враждебен его домогательствам. Так как этот человек враждебен тирану, то в этом городе он именуется гибеллином. И вообразим в другом городе, независимо от первого, некоего тирана-гибеллина. Конечно, наш благомыслящий человек борется против него, и здесь он — гвельф»[23].

Ясней не скажешь. Партии в обоих городах остаются неизменными, как бы они ни назывались. Отсюда не только бессодержательность лозунгов «гвельфизма» и «гибеллинизма» в общеитальянском масштабе: в каждом *данном* городе и в каждый *данный* момент борьба гвельфов и гибеллинов соответствовала точному социальному размежеванию. И сущность его не исчезала, если партии менялись именами. В столкновениях гвельфов и гибеллинов отразились основные социальные противоречия эпохи. Под этими лозунгами скрывалась прежде всего борьба итальянского бюргерства и мелкого городского рыцарства против феодальной знати. С другой стороны, в обстановке постоянных чужеземных нашествий и притязаний гвельфские традиции давали итальянским городам готовые и удобные идеологические и организационные формы для борьбы против Империи и Арагона, а гибеллинские традиции — столь же удобные формы для борьбы против папства, Франции и анжуйцев. Каждая коммуна придерживалась обычно той ориентации, которая помогала защитить независимость.

Исторические корни шумной схватки двух партий следует искать в развитии коммун. Экономическое развитие городов-коммун влекло за собой социальный раскол в них, все обострявшийся дуализм феодального и антифеодального лагерей. В условиях полной политической раздробленности страны в каждом городе социаль-

[23] *G. Salvemini.* Magnati e popolani in Firenze. Firenze, 1899, p. 3—4.

ные противоречия сказывались в области внешнеполитической, очень сложно переплетаясь с дуализмом Империи и антиимперских сил — особенно папства. То и другое сквозь призму разнообразнейших местных интересов преломилось в дуализме гвельфов и гибеллинов. Что же касается того, какие именно силы итальянского общества примыкали к гибеллинам, а какие — к гвельфам, то это всегда определялось конкретными обстоятельствами.

ОТ КОНСУЛАТА К ПОПОЛАНСКОЙ КОММУНЕ

Итальянские города неожиданным образом оказались обязаны Фридриху I упрочением своего коммунального устройства. После того как на Ронкальском совещании в 1158 г. Барбаросса громогласно лишил их юридической независимости (iura regalia), он попытался подтвердить это практическими шагами и стал рассылать по городам наместников-правителей (викариев или подеста). Коммуны при первой же возможности вышвыривали их вон. Но сама административная идея подестата пришлась по вкусу. Например, болонцы в 1165 г. убили наместника и посадили собственного подеста.

Коллегия консулов отжила. Рост и дифференциация населения, появление обширных дистриктов, участившиеся военные столкновения, усложнение структуры коммунальных советов — все это требовало централизации исполнительной власти. Не случайно в Кремоне, Сиене, Вероне и др. выделилась должность, так сказать, первого консула (rettore). А главное — изменилось соотношение социальных сил. Консульский нобилитет был уже не в состоянии господствовать безраздельно. Его теснили богатеющие пополаны (часто в блоке с неродовитым рыцарством). Фигура подеста олицетворяла неустойчивое социальное равновесие. Конечно, нобилитет пытался навязать угодную ему кандидатуру. Пополаны предпочитали, чтобы подеста не имел корней среди местной аристократии. Нужен был посторонний человек, способный держаться в стороне от раздоров и блюсти общегосударственные интересы. После бурной борьбы, примером которой могут служить кремонские события 1209—1217 гг. или народное восстание в Губбио в 1240 г., в подавляющем большинстве итальянских городов установился новый порядок. На должность подеста стали приглашать чужеземцев.

Сначала подестат возникал более или менее спорадически. Рядом с ним некоторое время продолжала свое существование и консульская коллегия. Вскоре она исчезла. Во Флоренции первое упоминание о подестате относится к 1193 г., а его окончательная победа — к 1207 г. В Тревизо сведения о подестате начинаются с 1173 г., в Верчелли с 1177 г., в Виченце — с 1179 г., в Генуе — с 1190 г., в Ареццо — с 1192 г., в Анконе — 1199 г., в Вероне подестат возоб-

ладал с 1169 г., в Парме и Падуе — с 1175. Сроки, естественно, зависели от особенностей внутриполитической и военно-дипломатической ситуации. Но во всей Северной и Средней Италии этот переворот, начавшийся в разгар походов Барбароссы, занял не более 20—30 лет и завершился в начале XIII в.

Подеста приглашали на год. Чтобы быть избранным, требовались рыцарское звание, хорошая репутация и не менее 30 лет от роду. Подеста располагался в специальном укрепленном палаццо со своими лошадьми и другим имуществом, в сопровождении вооруженной охраны, нескольких судей и нотариуса. Весь штат он привозил с собой из родного города, сам содержал и оплачивал. Коммуна устанавливала ему значительное вознаграждение и окружала почетом. Однако его обязанности городского военачальника и судьи были строго регламентированы и обозначены в статутах, впервые появившихся к началу XIII в. Подеста считался председателем советов коммуны и повиновался их коллективной воле. Он мог быть переизбран только по истечении определенного перерыва (divïeto) и, прежде чем сдать полномочия, подвергался дотошной публичной ревизии (sindacato). Короче говоря, подеста, в отличие от консулов, являлся платным чиновником на службе у коммуны. Иногда честолюбие побуждало его притязать на нечто большее, и тогда концентрация власти в руках подеста становилась опасной. Кстати, оба правила —«дивьето» и «синдакато»— касались и прочих должностей и характерны для классической итальянской коммуны, стремившейся обезопасить себя от злоупотреблений и тирании. Эти конституционные гарантии были весьма эффективны.., если они соблюдались. Создание подеста свидетельствовало о расширении социальной базы коммуны. Все отчетливей вырисовывалось основное социальное противоречие Италии XIII в. между нобилитетом в целом и торгово-промышленным населением (тоже в целом). Это противоречие все повелительней проступало сквозь любые промежуточные формы, локальные варианты, сложные нюансы, сквозь хаос междоусобиц и путаницу партий. Populares или milites? Бюргерство или дворянство? вопрос решился в середине столетия. Старой аристократической коммуне в большинстве городов пришел конец.

Смерть Фридриха II послужила сигналом для перестановки исторических сил, особенно в Тоскане. В 1250 г. пополаны победили во Флоренции, Лукке, Орвието; в 1253 г.— в Сиене и Вольтерре; в 1254 г.— в Пизе, в 1255 г.— в Болонье и Фаэнце, в 1257 г.— в Генуе. Государственная структура постепенно приняла необычный вид. Рядом с «генеральным» и «специальным» («креденца») советами коммуны, в которых были представлены и нобили, и пополаны, появились аналогичные пополанские советы. Рядом с подеста как общегородским магистратом появился «капитан народа» (capitano del popolo), возглавлявший пополанское опол-

чение и выполнявший вообще те же функции, что и подеста, но только в отношении пополанов. Таким образом, внутри коммунальной организации и параллельно с ней возникала пополанская «малая коммуна» — с собственной армией, гербом, знаменами, чиновниками, судопроизводством и даже конституцией (в виде «статутов капитана», независимо от «статутов подеста»). Основные проблемы выносились на совместные заседания городских и пополанских советов, что давало купцам и ремесленникам явный перевес.

Это был переворот, с которым можно сопоставить по важности лишь само возникновение коммуны. Фигура подеста сохраняла административное, но потеряла политическое значение. Совершился переход к капитану. Такова схематическая суть изменившейся итальянской ситуации. Реальная картина поражает, однако, пестротой. Разнообразие и «перепад» социально-экономических уровней на протяжении XIII в. резко усугубились. Соответственно увеличилось несовпадение форм и темпов политического развития. Пополанская коммуна — явление менее распространенное, чем коммуна аристократическая. Если через консулат и подестат прошли все или почти все города, то с пополанской республикой дело обстоит несколько иначе. Условием ее прочного триумфа были мощные цехи. Часто это условие запаздывало или отсутствовало.

Если в Милане или Болонье пополаны стали господами положения еще во второй четверти XIII в., а в большей части Тосканы — в 50-е годы, то в Ареццо капитанат появился в 1308 г. и притом безуспешно. В Перудже капитанат возник с 1250 г., в Губбио — с 1258 г., но в обоих умбрийских городах «малая коммуна» кратковременно победила лишь в XIV в. А Феррара не знала ее никогда. В Анконе пополаны достигли победы в 1342 г. и вскоре испытали разгром. В Падуе капитанат установился в результате восстания в 1279 г., но послужил (как и в Мантуе или Вероне) ступенькой к тирании. Сказалась относительная слабость цехов в Северо-Восточной и Средне-Восточной Италии (Марка Тревизо, Марка Анкона, Умбрия, Абруццы, а также Кампания). Появление разнородных ранних синьорий крайне усложнило и без того сложную политическую карту Италии.

Далеко не всюду классовые сдвиги в городе XIII в. отличались такой же зрелостью и определенностью, как в Парме. Первые сведения о вооруженных столкновениях пополанов и рыцарей Пармы относятся к 1242 г. Спустя два года цеховые и квартальные консулы были включены в советы коммуны, «подеста купцов» Уго провозглашен капитаном, «и народ добился всего, чего желал»[24] (et quiquid voeuit populus, in totum habuit). Вот отличный эпиграф к исто-

[24] Chronicon parmense. — «Raccolta degli storici italiani», t. IX, parte IX, tasc. 1—2. Città di Castello, 1902, p. 13.

10. Палаццо капитано дель пополо. XII в. Орвието

рии эпохи! Впрочем, пармским пополанам предстояло еще испытать императорскую осаду в 1247 г., гибеллинскую аристократическую синьорию Гиберто в 1253—1259 гг., компромиссное правление в 1265 г. двух подеста, гвельфа и гибеллина. Только в 1266 г. капитанат возродился и приобрел устойчивость, но самые трудные и ожесточенные схватки между пополанами и феодалами начались именно после прихода пополанов к власти, в конце XIII в. Поверженная пармская знать не переставала быть живучей и опасной. Не повсеместно и не сразу «народ добился всего, чего желал». Это дорогого стоило — переварить дворянство в собственном чреве, без помощи королевской власти.

*

Извилистым был путь и флорентийцев к тому, что хронисты называют la signoria del popolo. В первой половине XIII в. рыцари и пополаны Флоренции сражались бок о бок под гвельфским стягом против крупной феодальной знати. В октябре 1250 г. пополаны сумели самостоятельно сбросить гибеллинское иго (основная часть нобилей-гвельфов находилась тогда в изгнании) и захватили политическую инициативу. Была создана «малая коммуна».

После изгнания знати в 1251 г. был торжественно изменен герб коммуны, опозоренный гибеллинами: вместо белой лилии на красном фоне отныне над гвельфскими войсками Флоренции возвышалась красная лилия на белом фоне. И рядом со знаменем коммуны развевалось, напоминая о великих политических переменах, пополанское знамя с красным крестом на белом поле. «Народ в это время держал управление с великою верностью и любовью к своей коммуне и был победоносен» [25].

Период 1250—1260 гг. характеризуется следующими чертами. Пополаны стали преобладающей, решающей политической и военной силой в городе, а нобилям пришлось с затаенной ненавистью уступать им. Вплоть до 1260 г. 12 старейшин-анцианов, оставаясь формально только пополанским советом, фактически будут управлять всей коммуной. Гвельфский блок дал зияющую трещину. Однако гибеллины оставались страшным врагом. Они докажут это при Монтаперти. Страшны они были, правда, уже не столько сами по себе, сколько благодаря союзникам в Тоскане, и, главное, Гогенштауфенам. Но как бы там ни было, пополаны нуждались в рыцарской гвельфской коннице, и относительное единство гвельфского блока все еще сохранялось.

В 1260 г. над Флоренцией сгустились тучи. Изгнанная знать, получив поддержку Сиены и Манфреда, приславшего ей на помощь отряд во главе с графом Джордано, вновь угрожала городу. В начале сентября флорентийское войско пришло к речке Арбия, «в место, называемое Монтаперти». 4 сентября началось сражение. Гибеллины, избежавшие изгнания и находившиеся в рядах флорентийского войска, внезапно изменили на поле битвы. «Они сами кричали: „Смерть флорентийцам!“»,— с ужасом отмечает хронист [26]. Некий мессер Бокка дельи Абати подскакал к мессеру Пацци, державшему «знамя народа», и отсек мечом ему руки; флорентийцы с содроганием увидели, как их боевое знамя неожиданно рухнуло на землю. (Предатель Абати угодит потом в ледяную стужу дантов-

[25] *M. Stefani*. Op. cit., rubr. 117.

[26] *P. Pieri*. Cronica.— RIS, t. II. Florentiae, 1770, p. 26.

ского Ада, и его коченеющую душу поэт собственноручно подвергнет неистовому истязанию, «за Монтаперти лишний раз отмщая».) 1500 пополанов было взято в плен, 2500 пали мертвыми; воды Арбии окрасились кровью.

16 сентября во Флоренцию торжественно вступили немецкие войска, а за ними — гибеллинская знать. Первое, что сделал граф Джордано,— уничтожил конституцию 1250 г. и связанные с нею порядки и учреждения. В палаццо, где раньше заседали пополанские старейшины, теперь обосновался королевский викарий.

Так очередное вмешательство внешних сил отбросило на несколько лет назад развитие Флоренции, и все нелегко доставшиеся успехи флорентийских пополанов в борьбе против «своих», местных феодалов были перечеркнуты в один день. «И по этой причине была уничтожена власть народа, длившаяся со стольким и победами и величием десять лет» [27].

Спустя шесть лет, в ноябре 1266 г., пополаны снова поднялись на восстание. Ибо «народ Флоренции был движим желанием вершить свои дела без господина» [28]. Но в итоге флорентийцы получили на шею вместо немецких наемников — французских, вместо засилья гибеллинского нобилитета — засилье нобилитета гвельфского. Вскоре битва при Тальякоццо покончила с вековыми посягательствами Гогенштауфенов, лишила крупную знать самой важной опоры и тем самым открыла простор для новых противоречий. Пополанам предстояли теперь долгие годы борьбы с другой фракцией феодального сословия — с гвельфским дворянством. «Этот раздор,— говорит Макиавелли,— оставался скрытым, пока гибеллины внушали страх, но как только они были обузданы, обнаружил свою силу» [29].

Только в 1282 г. пополаны «заговорили в смелых и пламенных речах о своей свободе и об испытанных несправедливостях, и набрались такой отваги, что создали законы и порядки, которые было бы трудно поколебать» [30]. Отныне высшую исполнительную власть осуществлял приорат — избиравшийся каждые два месяца совет из шести представителей старших цехов. С июня 1282 г. до 1293 г. Калимала, судейский цех, Камбио и Лана дали по крайней мере 256 приоров из 381. Иными словами, к власти пришли представители крупной торговли, сукноделия и банковского дела. Законодательные функции находились в руках пяти постоянных советов, в которых большинство принадлежало 600 членам цехов.

[27] *R. Malespini.* Istoria fiorentina. Firenze, 1718, cap. CLXVII.

[28] *M. Stefani.* Op. cit., rubr. 137.

[29] *N. Machiavelli.* Le istorie fiorentine. Firenze, 1851, p. 79.

[30] *D. Compagni.* Cronica delle cose occorenti ne'tempi suoi.— «Raccolta degli storici italiani», t. IX, parte II. Città di Castello, lib. I, cap. 4.

Так был заложен фундамент флорентийской пополанской республики. В дальнейшем на нем воздвигались все более замысловатые надстройки. В приорате выделилась верховная должность гонфалоньера правосудия, в 1320 г. над приоратом возвысился совет «12 добрых людей», в 1335 г. возник самый высокий пост «хранителя мира» (bargello) и т. п. Государственная структура итальянских коммун отличалась чрезвычайной изменчивостью и представляла собой удивительное зрелище на фоне средневековой жизни, где столь важны обычное право, неподвижность, традиции. Тогдашняя поговорка утверждала, что «флорентийский закон держится с вечера до утра, а веронский — с утра до полудня». И впрямь, городские статуты претерпели во Флоренции с 1213 до 1307 г. семнадцать метаморфоз. Непрерывно менялась система выборов, заключавшихся во многоступенчатой жеребьевке. Вводились новые принципы налогообложения. Чеканилась новая монета. Появлялись новые советы, комиссии, должности. Причем старые обычно не успевали исчерпать себя и не упразднялись. В результате новые политико-юридические институты и процедуры наслаивались сверху. И тирания не отменяла республиканской конституции, а надстраивалась над ней. Причина: неслыханный ранее динамизм и противоречия итальянского общества. Неустойчивое равновесие пополанских и дворянских сил, зигзаги политической борьбы, недоверчивость и хитроумие партий, восстания и компромиссы — все оставляло рубцы и шрамы на теле коммунального организма.

Гибкость и подвижность этого организма вели к своей противоположности. Государственная система становилась слишком громоздкой. Дробление власти должно было помешать появлению тирании, но в сущности облегчало ей путь, так как коммунальный аппарат утрачивал оперативность. Горожане искали выход в создании очередного органа, наделенного высшими полномочиями. Однако широкие полномочия требовали бдительного контроля. Узел запутывался еще больше. И все чаще его разрубал ударом меча предприимчивый честолюбец. Разумеется, этот своеобразный правовой кризис коммуны лишь отражал кризис политический. Опальный Данте едко упрекал Флоренцию:

«Тончайшие уставы мастеря,
Ты в октябре примеришь их, бывало,
И сносишь к середине ноября».

Поэт намекает на ноябрьский переворот 1301 г., отдавший Флоренцию в руки французского принца Карла Валуа и дворянской партии «черных гвельфов». Непрочность «тончайших уставов» была связана с борьбой тех, кого в Италии называли пополанами и магнатами.

*

С точки зрения социальной, пополаны — это все свободное население города за вычетом нобилитета и духовенства. С точки зрения правовой, это лишь те, кто имел собственный кров, платил прямые налоги и в качестве члена торгово-промышленной или военно-территориальной корпорации приобретал гражданские прерогативы.

В ломбардских документах уже с XI—XII вв. среди пополанов различаются «большие» (majores), «средние» (mediocres) и «меньшие» (minores). Хронист Фьямма полагал, что «популюс» — «та часть, которая живет куплей-продажей» (qui vivunt de emptionibus et venditionibus), в отличие от «живущих трудом своих рук»[31]. В XIII в. резко выделилась богатая верхушка. Во Флоренции ее называли «жирным народом»: это нотариусы, менялы, торговцы шелком и восточными специями, меховщики и галантерейщики из старших цехов, но прежде всего — купцы, банкиры и суконщики Ланы и Калималы, начавшие к XIV в. превращаться в раннюю буржуазию. Пополанская демократия — по преимуществу их власть.

«Тощий народ» —в широком смысле слова — составляли тысячи ремесленников и мелких торговцев. В хрониках «жирный народ» отождествляется со старшими цехами, а «тощий народ» — с младшими и средними цехами. Социальная реальность, однако, выглядит гораздо сложней. Богатые и влиятельные мясники, ювелиры, торговцы солью и маслом из «средних» цехов были во многом близки к «жирным пополанам». С другой стороны, шорники, гончары, оружейники, колбасники или портные, входившие в старшие флорентийские цехи «врачей и торговцев восточными товарами» или «ворот святой Марии», по существу принадлежали к «тощим». Большинство их было лишено полноправного голоса в делах цеха или пользовалось невысокой степенью автономии. Тем более это следует сказать о бесправных и зависимых ремесленниках — красильщиках, ткачах, сукновалах и т. д., входивших в Лану и Калималу. Наконец, к «тощему народу» примыкали внецеховые ремесленники, официально не принадлежавшие к пополанскому сословию, подобно наемным мастеровым, слугам и прочему бедному люду.

Нужно иметь в виду неоднородность и противоречивость «тощего народа», многообразие промежуточных элементов между отдельными его группами и всю пестроту оттенков внутри групп. И все же этот термин достаточно выразительно указывал на основную дифференциацию внутри пополо, между торгово-денежными кругами и ремесленной массой. Впрочем, только в конце XIII в.

[31] См. *А. Marongiu.* Storia del diritto publico. Milano — Varese, 1956. p. 131—132.

низы впервые выступили самостоятельно и заявили о своих особых требованиях и надеждах (волнения в Болонье в 1289 г. и 1295 г., в Парме в 1291 г., во Флоренции в 1295 г. и т. д.; движение плебейской секты «апостолических братьев» и расправа над их вождем Сегарелли в 1301 г.). Острые внутрипополанские противоречия чрезвычайно осложняли политическую жизнь итальянских городов. Но главным ее нервом по-прежнему оставался конфликт между пополо (в целом) и нобилитетом.

Между тем сам нобилитет заметно изменился. Хотя на окраинах дистриктов все еще отсиживались полунезависимые графы, хотя и в городах оставалось немало знати старого пошиба, все же даже такие заповедники феодализма, как владения маркизов Маласпина в Луниджане, неуклонно дробились и уменьшались. А в передовых коммунах процесс урбанизации дворянства с конца XIII в. пошел ускоренными темпами. Феодальный класс как бы размывался с двух сторон: одни нищали, вырождались, вымирали, другие постепенно «ополанивались». Дворянские земли уплывали к ростовщикам, их крестьяне получали свободу по торжественному постановлению коммуны, а сами они, отбросив фамильную гордость, занимались кондотьерством или коммерцией, подобно трем разорившимся отпрыскам знатного рода в одной из новелл «Декамерона».

Происходил и встречный процесс: часть разбогатевших пополанов примыкала к аристократии, имитируя ее быт, приобретая поместья и замки, обзаводясь рыцарскими званиями и гербами. Хронисты называют подобные социально переродившиеся, одворянившиеся фамилии «мнимыми пополанами». Им всегда противопоставляются «добрые пополаны», «добрые купцы и ремесленники».

Итак, если в начале XIII в. каждый дворянин был феодалом и грань между пополанами и дворянами обнаруживалась более или менее отчетливо, в каждой дворянской фамилии (или почти в каждой) насчитывались лица рыцарского звания, а быть рыцарем означало быть нобилем, то в конце этого же века положение сильно изменилось. Благородное происхождение теперь далеко не всегда совпадало с реальной экономической и политической принадлежностью к патрициату.

Поэтому в итальянском политическом словаре появилось новое обозначение патрициата: «магнаты» или «гранды» (magnates, grandi). Состав и облик магнатства весьма своеобразны. Но перед нами то же сословие, которое господствовало при консулате и потеряло власть с возникновением «малой коммуны». Хотя не всякий магнат был нобилем по крови и не всякий нобиль считался магнатом, в хрониках и документах оба понятия обычно употребляются как синонимы. Недаром основанием для занесения в список магнатов служило рыцарское звание или родство с рыцарями. Ведь рыцарское достоинство — характернейший дворянский атрибут, который

легко поддавался проверке и давал точный правовой критерий. При таком определении грандства было задето большинство знатных фамилий. Одновременно под удар попадали выскочки, стремившиеся удостоиться рыцарского посвящения. А некоторые фамилии с древней родословной выводились из-под удара, ибо отсутствие среди них рыцарей объяснялось их близостью к пополанам.

Впрочем, встречались и рыцари-пополаны, и магнатские фамилии, не имевшие рыцарей, но занесенные в список «по общему мнению», т. е. попросту решением пополанских властей.

Иными словами, несомненное совпадение понятий «нобилитет» и «магнатство» носило относительный характер. И не удивительно. Расстановка политических сил только в общем и целом соответствовала изменчивой экономической основе. Юридические формулы, отражавшие реальность, не могли обойтись без некоторой гибкости и неопределенности.

По мнению Н. Оттокара и его последователей, магнаты — это олигархия, не имеющая социально-экономических признаков, а ее конфликт с пополанами лишен классового содержания и сводится к столкновению «государственного принципа» с «эгоистическим партикуляризмом»[32]. Модернизированный вариант концепции Н. Оттокара развит в работах М. Беккера и Е. Фьюми. Подчеркивая, что и пополанская верхушка, и гранды — однородный «правящий слой», «выражение буржуазного и плутократического класса», Е. Фьюми утверждает, что их антагонизм «трудно, если не невозможно, перенести на экономическую почву»[33].

Тем самым историческая *тенденция* выдается за *результат*. Городской нобилитет действительно обуржуазивался, однако этот процесс был далек от завершения не только на рубеже XIII—XIV вв., но и спустя столетие. Законы об освобождении крепостных и реквизиции магнатских земель, фискальная и продовольственная политика коммуны свидетельствуют, что патрициат отнюдь не оторвался от аграрной основы. А одворянивание некоторых плутократов как раз обнаруживает цепкость и притягательность феодальных традиций.

[32] *N. Ottokar*. Il comune di Firenze..., p. 66, 139, 265—268; *idem*. Studi comunali..., p. 86, 97, 148—149; *N. Rubinstein*. La lotta contro i magnati a Firenze. Firenze, 1939, p. 15—21, 45, 53, 56; *A. Panella*. Storia di Firenze, 1949, p. 63—64, 67. Этой концепции в итальянской историографии противостоит традиция, идущая от Г. Сальвемини к А. Сапори и связанная с пониманием магнатства как знати и с признанием различий между пополанами и магнатами (см., например, *A. Sapori*. Lezioni..., p. 144, 161—162).

[33] См. *M. Becker*. The republican city state in Florence.— «Speculum», 1960, № 1; *E. Fiumi*. Fioritura e decadenza dell'economia fiorentina.— ASI, CXV (1957), p. 435 sq; CXVII (1959), p. 436 sq; *idem*. Storia di San Gimignano, p. 167 sq.

Превращаясь в купцов и банкиров, нобили поначалу сохраняли аристократические корни и политическую окраску. За нобилями сбереглось такое преимущество, как наследственные навыки в военном деле. Они по-прежнему составляли городскую кавалерию. Живучесть дворянства объяснялась и феодальным окружением. Например, флорентийским грандам приходили на помощь немецкие рыцари Фридриха и Манфреда, французские рыцари Карла Анжуйского и Карла Валуа, но пополанам обычно приходилось рассчитывать лишь на себя. Именно всеитальянским и европейским соотношением сил объяснялись поражения флорентийских пополанов в 1248, 1260, 1267 и отчасти в 1301 г. Наконец, важным обстоятельством, усиливающим нобилитет, было отсутствие единства внутри пополо. Сложность политической борьбы определялась глубокими экономическими изменениями, сжатыми в сравнительно небольшом промежутке. Новые социальные конфликты созревали раньше, чем старые успевали утратить свое значение. Феодальные и раннекапиталистические тенденции наслаивались друг на друга. Всего за полвека до рождения Данте были сожжены в окрестностях Флоренции последние замки независимых феодальных сеньоров, а через полвека после его смерти вспыхнуло грозное восстание предпролетариата — флорентийских чомпи.

Нигде борьба пополанов и магнатов не вылилась в такие классические формы, нигде ее антифеодальный дух не сказался с такой мощью, как во Флоренции конца XIII в. с ее «Установлениями правосудия» и движением Джано делла Белла. Почва была разрыхлена. Следующее столетие превратило Флоренцию в самый передовой город Италии. Именно поэтому возникает вопрос, насколько мы вправе, говоря: «Флоренция», подразумевать: «Италия»? Уровень флорентийского исторического опыта в известном смысле был, конечно, исключением, а не нормой: идет ли речь о масштабах мануфактуры, о дерзости искусства или о радикализме гуманистической мысли. Но это, так сказать, нормальное исключение. В необычном концентрировалась всеитальянская специфика.

ОБЩЕЕ И ЛОКАЛЬНОЕ В ИСТОРИИ ИТАЛЬЯНСКОГО ГОРОДА

Исследователям — от К. Гегеля до Дж. Вольпе и Е. Сестана — часто приходило в голову, что нет общей истории итальянских городов, но каждый из них имеет свою, неповторимую историю. Разумеется, на это можно было бы многое возразить. С одной стороны, локальность чрезвычайно характерна для всей средневековой жизни. В каждой местности молились своему святому. И все средневековье есть вместе с тем преодоление локальности и движение к

11. *Бастионы Сан-Джовенале. XIII—XIV вв. Орвието*

всеобщности, от натурального хозяйства к товарному обмену, от диалектов к языку, от племен к национальности, от корпораций к государству, от сословий к классу, от «этого феода» или «этого города» к единству исторических судеб в масштабе страны.

С другой стороны, подобные трудности связаны со свойствами любого исторического объекта: перед нами всегда не только отдельное, но и особенное. Феодализм во всех странах и на всех этапах выглядит индивидуально, и в этом смысле следовало бы говорить о «феодализмах», а «классический» северофранцузский феодализм — лишь своеобразная форма, в которой он откристаллизовался в небольшом уголке земного шара, которая была изучена раньше и полней прочих и на материале которой выработаны наши исторические понятия. Один и тот же социальный спектакль люди

разыгрывают по-разному в разные времена и при несходных условиях. Но мы без труда узнаем знакомую пьесу, даже если в местном варианте что-то изменено и опущено.

От Умбрии до Пьемонта мы обнаружим города, которые больше похожи друг на друга, чем на своих заальпийских соседей. Их сближают античная почва и происхождение, необычайно раннее развитие, посредническое положение между остальной Европой и Востоком, специфика цехов и аграрного фона, политическое господство над деревней и превращение в независимые государства, общая угроза этой независимости в лице пап и германских императоров, коммунальный строй, идеологические традиции. И, наконец, то простое и важнейшее обстоятельство, что все эти города к XII—XIII вв. населены *итальянцами*. Поразительно, что переход к подестату или зарождение пополанской коммуны прокатывались волной по Северной и Средней Италии в краткие сроки, подчас совпадая до мелочей. Структура советов, налоговая система или антимагнатские законы были обычно похожи. Как похожи кароччо, с которыми итальянские горожане выступали в поход. Как похожи от Перуджи до Вероны процессии «бичующихся». Как похожи ранние синьории, которых не найти северней Альп и южней Рима.

Похожи — и одновременно непохожи! Все-таки только более глубокое исследование локальных особенностей позволит нам лучше понять, что такое «североитальянскии город» вообще. Нельзя отождествлять Италию с Флоренцией или Венецией. Историкам еще слишком плохо известно, что происходило в каждом городе и в каждый исторический момент. Возможно, ни в одной западноевропейской стране пестрота местных условий не бросается в глаза так, как в средневековой Италии. Это различия почвенные, климатические, этнические, языковые, экономические, политические и культурные. Речь идет о городах приморских, равнинных или горных; в густонаселенных или полупустынных районах; с преобладанием ремесла, транзитной торговли или аграрных интересов; со следами лангобардского или византийского господства; с церковными или светскими сеньорами; с тиранией, олигархией или республикой; с коммуной, возникшей сразу или исподволь, в бою или посредством выкупа и т. п. Достаточно было проехать 20—30 километров, чтобы попасть в новое государство. И за каждой городской стеной были свои законы, своя монета, свое произношение, своя школа живописи, свои легенды, наконец, местный патриотизм, «привязанность к своей колокольне» (amor di campanile). Сама природа позаботилась об областном делении, которое, унаследованное от античных провинций, закрепилось в лангобардских «марках» и сохранилось в сущности до наших времен без особых изменений. Поныне сказывается и резкая неравномерность в развитии областей. Без учета исторического микроклимата наше знание итальянского города неизбежно останется схематичным.

Какова в таком случае типология итальянских коммун? Браться за их классификацию, думается, при современном уровне разработки этой проблемы было бы преждевременно. Поэтому примеры, приведенные ниже, должны лишь выборочно проиллюстрировать, как общие закономерности преломлялись сквозь местную специфику.

Венеция

Очевидно, следует согласиться с Дж. Луццатто, утверждавшим, что старая проблема происхождения венецианской знати никогда не будет решена окончательно из-за недостатка источников. Мольменти и Чесси полагали, что с IX в. феодальная аристократия уступила первенство торговому патрициату. Кречмайер и Дорен, напротив, настаивали, что патрициат — это и есть вчерашняя аристократия, изменившая социальный статус. По мысли Сапори, ее облик определился уже в VI в.: римские нобили, бежавшие от лангобардов на островки лагуны, должны были сразу же вложить энергию и сокровища в торговлю и пиратство. А советский исследователь Н. П. Соколов считает, что часть знатных пришельцев все же связала свои интересы не с морем, а с земельной собственностью. Возможно, за борьбой «провизантийской» и «профранкской» партий в VIII в. кроется столкновение двух, позже слившихся фракций венецианской знати — сугубо феодальной и купеческой [34].

Как бы там ни было, к началу X в. венецианский патрициат обрел социальную однородность. Аграрные, ростовщические и торговые интересы переплелись и стали едины, как христианская троица, но персонифицировались, в отличие от нее, в одном лице. Причем на первом плане оказалась коммерция. Например, лишь 1/5 состояния дожа Раньери Циано, скончавшегося в 1268 г., заключалась в недвижимости, а около половины было вложено в 132 контракта коллеганцы.

Урбанизация венецианской знати завершилась тогда, когда в остальной Италии эта проблема еще даже не возникала. Нет итальянского города, в истории которого столь важную роль сыграла бы география. Земли, пригодной для обработки, на лагуне очень мало. Зато моря — сколько угодно. Здесь легче стать рыбаком, чем пахарем, и проще обзавестись кораблями, чем поместьями. Разумеется, нобили владели виноградниками, лугами, салинами, домами и

[34] *Н. П. Соколов.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963 г. *G. Luzzatto.* Studi di storia economica veneziana. Padova, 1954; *A. Sapori.* Lezioni..., p. 164 sq.; *H. Kretschmayer.* Geschichte von Venedig, Bd. I, Gotha, 1905; *R. Cessi.* Storia della repubblica di Venezia, v. I. Milano 1944.

крепостными. Но эти участки дробились, свободное крестьянство никогда не переводилось, а львиная доля земель принадлежала церкви. Поэтому богатство и могущество венецианской верхушки не могли основываться на недвижимости. Между тем сама природа вручила венецианцам ключи от системы По и помогла им сделаться господами Адриатики.

По мере расширения венецианской экспансии крупнейшие патриции обзаводились владениями в дельте По, Северо-Восточной Италии, на Балканах, на Крите и Кипре. Однако на родине их социальный и политический статус оставался прежним. Перед нами торгово-денежная олигархия, надменная и практичная. Древняя родословная и тугая мошна в Венеции были нераздельны, как две стороны медали. Это предопределило своеобразие венецианской истории, не знавшей антагонизма между аристократией и пополанскими верхами. Те, кого во Флоренции называли «магнатами» и «жирными», в Венеции — суть одно и то же.

Отсюда удивительная внутренняя стабильность венецианского государства, просуществовавшего, кажется, дольше, чем любой другой город-государство в мировой истории: целое тысячелетие! Речь идет вовсе не о пресловутом «отсутствии классовой борьбы», на которое любили указывать буржуазные историки Венеции. Устойчивость обеспечивалась не гармонией социальных сил, а, наоборот, их крайним неравенством, при котором опасная зыбь не переходила в штормы. Венецианское государство не ведало глубоких внутренних потрясений, характерных в XII—XIII вв. для прочих итальянских коммун, ввиду подавляющего перевеса патрициата над неорганизованной и бесправной массой. Здесь, как и всюду, общество было расколото на nobiles и populares, но экономический прогресс не расшатывал, а укреплял позиции знати. Если во Флоренции «жирный народ» в схватках с дворянством искал поддержки низов и привлекал младшие цехи к управлению, то в Венеции патрициат мог не поступаться ничем. Власть изначально пребывала в его руках. Поэтому не было надобности во «второй коммуне» — и она не появилась. Ремесленные цехи оставались чисто хозяйственными корпорациями под строгим правительственным контролем.

Во главе венецианского государства с конца VII в. (т. е. еще до рождения города на Риальто) находились выборные «герцоги» (dux, duca). Их принято ретроспективно именовать «дожами», хотя этот титул обнаруживается в источниках на венецианском диалекте только с XIII в. (doge, doxe). Упрочение дожата в IX в. свидетельствовало о победе центростремительных тенденций. Впрочем, фамильные распри среди знати не прекращались еще два столетия. Когда патрициат наконец превратился в сплоченное сословие, сознающее и ревниво оберегающее общие интересы, полнота власти. сосредоточенной вокруг трона дожа, показалась излишней.

В середине XII в. возникла венецианская коммуна. В то время как по всей Северной Италии складывались ранние синьории, венецианцы неуклонно ограничивали старинные полномочия своих правителей. Церемонии с участием дожа приобретали все бо́льшую пышность, по мере того как убывала его реальная сила. Раньше господство патрициата олицетворялось в каком-нибудь Доменико Флабьянико, Себастьяно Циани или Энрико Дандоло. Теперь зрелая олигархия желала править непосредственно и облачалась в конституционные одежды. Постепенно оформились Малый совет, Совет сорока, Совет «приглашенных» (будущий сенат) и т. д. Верховным органом стал Большой совет, включавший в себя к середине XIII в. остальные ассамблеи и магистратуры. Административные функции небывало дифференцировались и усложнялись, а выборы должностных лиц проводились с хитроумной многоступенчатостью. В 1268 г. дожа избрали так: Большой совет выделил из своего состава 30 человек, те выделили девятерых, а 9 избрали 40 электоров среди членов Совета и вне его. Затем 40 выделили 12, те избрали 45, снова выделили 11 и, наконец, 11 определили 41 человека, которым предстояло назвать имя дожа. Эта система должна была преградить путь опасным честолюбцам, изредка в истории Венеции пытавшимся узурпировать власть при поддержке недовольных ремесленников и матросов. Если когда-то ряды патрициата пополнялись выходцами из средних слоев населения, то в XIII в. пропасть между знатью и пополанами расширяется. В 1298 г. был принят закон, по которому в выборах дожа могли принимать участие только те, чьи предки по отцовской линии входили в советы. Это «Закрытие Большого Совета» означало превращение венецианского патрициата в замкнутую касту.

Генуя и Пиза

Характер социальной эволюции двух республик на Тирренском море во многом сходен и отличается от венецианского варианта. Оба города были известны еще в античные (а Пиза, возможно, и в этрусские) времена. Упоминания о пизанских и генуэзских епископах встречаются соответственно с IV и V вв. Оба города затем оказались центрами лангобардских герцогств и франкских графств. Но Пиза раньше вышла в море. Пизанский флот в IX в. уже появился в Адриатике и успешно сражался с сарацинами у африканских берегов. О будущей сопернице Пизы источники хранят в тот период непроницаемое молчание. Генуя включилась в средиземноморскую игру только к XI в., уверенно наверстывая упущенное.

Генуэзская коммуна была создана на рубеже XI—XIII вв. (вначале на три года, как объединение частных лиц, для защиты

торговых интересов на Востоке) и называлась «компанией» (аналогичная Compagna Pisana возникла несколькими десятилетиями ранее). В 1122 г. «компания» стала постоянной, в 1130—1131 гг. начали различать «консулов коммуны» и «консулов правосудия», в 1143 г. был принят городской статут — первый в Италии из всех дошедших до нас. Создание генуэзской коммуны, очевидно, поддержали сторонники церковной реформы и одобрил архиепископ Ариальд. Консулат не сразу овладел всей полнотой власти. Еще в середине XII в. консулы клялись действовать «к чести нашего архиепископата, нашей матери-церкви и нашего города». В Пизе также виконт в первой половине XII в. еще устанавливал эталоны меры и веса и собирал налоги, а пизанский архиепископ сохранил политическое влияние даже в XIII в.

Господствовавший в Генуе и Пизе патрициат — преимущественно феодального происхождения. Это крупные и средние земельные собственники, выходцы из контадо, быстро приобщившиеся к морской торговле. Они пустили прочные корни в городе, но не потеряли и старых корней. Они стали купцами и судовладельцами: членами «компании» были, судя по генуэзскому статуту 1143 г., те, кто «отправляет свое добро морем» (pecuniam suam per mare portet). Но статут регламентировал также строительство башен и вассальные отношения. Генуэзские патриции выдвигали из своей среды своеобразные фигуры рыцарей-моряков, вроде Бенедетто Захариа, победителя при Мелории, излюбленным ложем которого, по выражению Р. Лопеца, служила палуба галеры. Но были и другие, лишь изредка вкладывавшие деньги в заморские предприятия. Были, наконец, и нобили вне коммуны, поддерживавшие архиепископов против консульской аристократии. Генуэзская знать, в отличие от венецианской, очень разнородна. Ее раздоры никогда не прекращались.

Нам известно 41 имя консулов, правивших генуэзской коммуной в первые 30 лет ее существования. 23 из них занимали эту должность дважды, трижды, а то и четырежды. Многие консульские фамилии восходили к виконтскому роду Обертенгов: Каффаро, Спинола, Эмбриаки и др. К концу XII столетия положение не изменилось: в Генуе верховодит довольно узкая олигархия. В 1182—1194 гг. три знатные фамилии во главе с Вольта дали 20 консулов из 78, а одиннадцать фамилий — более 40 консулов. Все эти люди — крупные землевладельцы, вассалы архиепископов. И они же, как свидетельствуют акты коменды, играли ведущую роль в левантийской торговле.

Если в Венеции различия между socius stans и socius tractans не имели социального характера, то в Генуе дело обстояло, видимо, несколько иначе. Патриции часто кредитовали заморские путешествия сидя дома. Задавали тон немногие крупные и знатные коммер-

12. *«Падающая башня» и абсида кафедрального собора. XI—XIII вв. Пиза*

санты, но в предприятиях участвовали в качестве «трактаторов» с небольшими паями, и люди поскромней. Рядом с торговой аристократией и в Генуе и в Пизе вырастали новые торгово-денежные слои.

В XIII в. эти слои усилились благодаря прогрессу ремесел и прежде всего сукноделия, основанного на импортном сырье. Пизанский цех Лана не зависел от знати. Генуэзские draperii, покупавшие необработанную фламандскую ткань и раздававшие ее для окраски и аппретуры, не упоминаются в списках консулов. Пизанские богачи Гамбакорта, Делле Браке и десятки других — все это пополанская верхушка, сумевшая повести за собой ремесленников и бросить вызов патрициату.

В Пизе народное восстание 1254 г. привело к власти совет анцианов и «народного капитана». В Генуе пополаны победили в 1257 г. под руководством Гульельмо Бокканегра, также получившего звание «капитана». В одном и том же 1270 г. пизанцы изгнали своих нобилей, а генуэзцы создали пост «народного аббата» в противовес капитанату, попавшему в руки аристократии. В обеих приморских республиках дальнейшая борьба шла с переменным успехом. Цехи здесь (особенно в Пизе) значили в политическом отношении больше, чем в Венеции, но не стали опорой государственной системы, как во Флоренции. А позиции патрициата, традиционно главенствующего в крупной торговле и в политике, были все еще крепки. Впрочем, на рубеже XIV в. судьбы Пизы и Генуи, дотоле сходные, резко расходятся. Одной предстоял постепенный упадок, другой — кратковременный, но замечательный расцвет.

Милан

Милан, наравне с Венецией,— по-видимому, самый крупный город Италии, с населением от 100 до 200 тысяч, к исходу XIII в. находился в центре водной и сухопутной паутины. Притоки связывали его с По, а каналы, проложенные уже в XII в., с северными озерами. Через Милан шел важнейший транзит из Венеции в Южную Германию. Однако это не привело к решительному преобладанию торговли, как в приморских городах. Миланское ремесло славилось добротным недорогим сукном и лучшим в Европе оружием; цехи рано обрели силу и независимость. С другой стороны, военно-стратегическое значение Милана питало активность феодальной знати, мало изменившейся с XI в. и по-прежнему группировавшейся вокруг архиепископского дворца. И еще одна чисто миланская особенность: нигде мелкий нобилитет не был так основательно урбанизирован и так обособлен организационно (корпорация вальвассоров называлась Моттой).

Вообще для Милана характерно очень ясное политическое и правовое размежевание сословий (показательно, что в консулате «капитанам» принадлежало 9 мест, вальвассорам — 6, «гражданам», т. е. пополанам,— 5). Масштаб и зрелость социальных конфликтов XI в. (лучше исследованных) достались в наследство и последующим столетиям.

Под 1198 г. в источниках впервые упоминается «Креденца святого Амвросия», организация цехов, созданная в противовес старой «Креденце консулов». По существу это означало зарождение «малой коммуны». Креденца Амвросия быстро обзавелась своей резиденцией, своими судьями, частично взяла под контроль городские

финансы и противопоставила миланскому правительству собственных консулов.

Подестат в Милане не привился. Каждая партия выдвигала угодных ей людей; избирали сразу нескольких подеста, притом из местных уроженцев. И понятно: подестат — это уступка консульской аристократии под давлением пополанов, уже достаточно крепких, чтобы оказать такое давление, но еще не готовых к захвату власти. В Милане же мощь пополанов к началу XIII в. была настолько внушительна, союз Креденцы Амвросия с Моттой давал такой заметный перевес, что промежуточная государственная форма не могла развернуться. В 1212 г. цехи и вальвассоры при поддержке части купечества начали наступление на патрициат.

Антифеодальные преобразования были заморожены в годы борьбы с Фридрихом II, когда вновь решался вопрос о жизни или смерти коммуны. Зато неудачи императора вдохновили миланцев в 1240 г. на создание капитаната. Первым пополанским старейшиной (ацианом) стал Пагано делла Торре, доблестный рыцарь особой и чисто итальянской социальной складки, заметной от Лансона до Джано делла Белла. Вскоре он скончался, но в 1247 г. титул анциана попал в крепкие руки его племянника Мартино делла Торре. Так закрепилось политическое лидерство этой семьи дворян-суконщиков. Аристократический консулат отжил свой век. Налоговые, продовольственные и административные реформы сделали 40—50-е годы XIII в. высшей фазой развития Миланской республики. Взлет оказался недолгим. Переход в 1259 г. к демократической синьории делла Торре свидетельствовал о кризисе, ибо продлить пополано-вальвассорское господство в иной форме было уже невозможно. За кризисом последовало крушение: спустя полвека в городе надолго установилась аристократическая тирания Висконти.

Болонья

Внутренняя эволюция Болоньи во многом протекала иначе. Это едва ли не самый пополанский и республиканский город XIII в. Недаром Болонья подарила Италии знаменитый университет с его юристами, возродившими римское право, и основателя поэтической школы «сладостного стиля» Гвидо Гвиницелли, писавшего: «Иной человек говорит: „Я благороден, ибо таков мой род“. Он подобен грязи, а благородство — солнцу. Ибо нельзя поверить, что может быть благородство без мужества, благородство, доставшееся по наследству».

Болонская знать, к которой обращены эти слова, была несравненно менее дифференцированна, чем в Милане, и противоположность между нею и пополанами выступала поэтому в более чистом

виде. Особого промежуточного слоя втянувшихся в торговлю вальвассоров здесь не было. Правда, в трех наиболее почетных и богатых корпорациях — купцов, менял и нотариусов — встречались, как и повсюду в Италии, родовитые имена. Но антинобильское законодательство затронуло и этих людей.

Местные Меркаданца и Камбио (заметна тенденция к их сращиванию с перевесом торговли над ростовщичеством) не вели международных операций широкого размаха. Болонские купцы перекупали у ломбардцев и тосканцев оптовые партии товаров. Чтобы заключить такую сделку, нужно было принадлежать к Меркаданце. И никто, кроме членов Меркаданцы, не имел права торговать импортными изделиями в городе и дистрикте Болоньи и в некоторых соседних областях. Старое болонское купечество ревниво оберегало свою посредническую монополию. Разумеется, речь шла прежде всего о дорогих сукнах — французских, фландрских, флорентийских, миланских, кремонских и пр. (в статуте перечисляются три десятка сортов). Неокрашенные ткани отдавались в работу красильщикам, находившимся в подчинении у Меркаданцы. Менялы держали лавки (tabula) на рынках Модены, Феррары, Анконы, Равенны, Римини. При всем том болонский торгово-ростовщический капитал был относительно слаб: господствуя в Романье, он в свою очередь явно зависел от чужеземных дельцов. В Болонье существовал даже «цех флорентийских купцов», влияние которого непрерывно усиливалось. Возможно, именно отсутствие собственных крепких позиций во внешней торговле и неизбежная неустойчивость сырьевой базы и сбыта помешали развиться предмануфактурным росткам в болонской промышленности и привели в конце концов к упадку, постигшему славный город в XIV в.

Другая существенная особенность Болоньи заключалась в том, что Меркаданца и Камбио не входили в политическую структуру промышленно-торговых цехов и, строго говоря, не считались частью пополо (ср. с Миланом). Они назывались societas, а не ars, их должностных лиц именовали «консулами», в отличие от цеховых «министериалов» и «анцианов пополо». Однако, несмотря на трения и колебания, болонское купечество блокировалось с цехами, против нобилитета, напоминая в этом отношении скорее своих флорентийских, а не миланских собратьев. Это же можно сказать о самой мощной в Италии (благодаря университету) болонской корпорации нотариусов, включавшей к концу XIII в. 2000—2500 членов.

Исключительное значение в Болонье имела военно-территориальная организация пополанов, оформившаяся к 1230 г. в тесной связи с цеховой, но параллельно и независимо от нее, и состоявшая в середине столетия из 24 «общин по оружию» (societá delle armï), в том числе трех общин ломбардцев и тосканцев. Этот институт харак-

терен для всех североитальянских городов и обычно встречается под именем «компаний» или vicinia. Он играл немалую роль и в Парме или Вероне. Но, кажется, только в Болонье «общины по оружию» достигли такой административной и политической зрелости (вплоть до статутов, утвержденных в 1255 г.). Наравне с цехами они посылали своих представителей в советы коммуны и определяли состав правительства (по «Генеральному статуту» 1248 г. половина анцианов избирались от цехов и половина — от «общин по оружию»). Вместе с цехами и торгово-денежными корпорациями «общины по оружию» были одним из трех китов, на которых зиждилась Болонская республика (in favorem omnium Artium et Armorum, societatum Cambii et Mercadandie). Остается прибавить, что с 1255 г. в «общины по оружию» не имели доступа нобили и члены их семей[35].

Купцы и менялы играли, конечно, гораздо более внушительную роль в жизни болонской коммуны, чем любой из остальных цехов. В 1268 г. в генеральном пополанском совете участвовало по 33 представителя от Меркаданцы и Камбио и лишь по 8—16 от прочих ассоциаций. Но в своей совокупности промышленные цехи и «общины по оружию» имели солидное большинство. Они и задавали тон в политике, постепенно оттеснив и феодальные, и купеческие круги. Впрочем, ремесленно-торговая среда была неоднородна. Среди цехов и внутри них ускорялось расслоение: ярким симптомом послужило в 1289 г. восстание тех, кого хронисты называют «народцем» и «голоштанными пополанами» (puovello, povolo senza braghe)[36]. Тем самым Болонья на пять лет опередила первое самостоятельное выступление флорентийских «тощих».

В XIII в. Болонья была, так сказать, своеобразным историческим «полигоном», где испытывались политические и правовые формы, оказывавшие затем воздействие на многие другие города, и особенно на Флоренцию. Причем болонские события упреждали сходные потрясения флорентийской истории на 20—30 лет. Вот основные вехи. В 1228 г. в результате «великой распри между рыцарями и пополанами» Болонья получила первую пополанскую конституцию, и со временем власть сосредоточилась в руках цеховых анцианов. В 1255—1257 гг. возник капитанат, были приняты новая конституция, лишавшая магнатов гражданских прав, и декрет об отмене крепостного права («Райский акт»). Победа была полной. В 1274 г.

[35] См. Statuti delle società del popolo di Bologna, vol. I, Società delle armi. Roma, 1889, p. 265, 267, 290—291, 322.

[36] Corpus chronicorum bononiensium.— «Raccolta degli storici italiani», t. XVIII, parte I. Città di Castello, 1906, p. 232—233. См. также *В. И. Рутенбург*. Народные движения в городах Италии. М.— Л., 1958, стр. 73—75; *N. Rodolico*. La democrazia fiorentina nel suo tramonto. Bologna, 1905, p. 98—100.

ушли в изгнание гранды-гибеллины во главе с Ламбертацци, в 1280 г. они вернулись, но их изгнали повторно. В 1282 г. началось составление «Святых и святейших Установлений» — третьей пополанской конституции. В эти десятилетия социальная борьба в Болонье достигла кульминационного напряжения, и за ней внимательно следила вся Италия.

Выразительный эпизод иллюстрирует политический облик этого города. В 1249 г. болонцы взяли в плен сына-бастарда Фридриха II, короля Сардинии Энцо. Он предложил фантастический выкуп — выложить вокруг города пояс из серебряных монет. Но пополаны пренебрегли и выкупом, и откровенным сочувствием болонской знати к пленному королю. Они предпочли любезно выстроить для Энцо специальный тюремный палаццо. Сын императора провел в городе ремесленников и нотариусов 23 года и умер, не дождавшись свободы. Эта маленькая история, пожалуй, не могла бы случиться ни во Франции, ни в Англии, ни в Германии. Только в Северной Италии она была в порядке вещей.

Рим

Судьба средневекового Рима омрачена его античной славой. «Вечный город» оказался жертвой исторического престижа. Ибо традиция требовала, чтобы Рим был столицей католического мира и, следовательно, центром Папского государства. Политическая драма римлян заключалась прежде всего во взаимоотношениях со святейшей курией. Далее, слава этого города неизменно гипнотизировала императоров, именовавших себя «римскими». Наконец, Рим особенно привлекал к себе высокомерную и воинственную знать, разыгрывавшую кровавый балаган вокруг апостолического престола. Короче говоря, проблемы, стоявшие перед римской коммуной, были не из легких.

Принято считать, что Рим сильно отставал в экономическом росте от других итальянских городов: преимущественно розничная торговля; промышленность, еле удовлетворявшая местные потребности; полуаграрный колорит. Эта в общем справедливая оценка, однако, нуждается в серьезных оговорках. Во-первых, отставание вряд ли наметилось ранее XIII в., когда прогресс захватил большинство не только приморских, но и внутренних районов страны. Во-вторых, отставание имело относительный характер — на фоне немногих крупнейших городов Ломбардии и Тосканы. Тем не менее римские купцы вели широкий экспорт соли, зерна, кож, мехов, вин, мрамора, предметов роскоши, участвовали в объединении итальянцев на шампанских ярмарках. «Местный» рынок включал папскую курию, бесчисленных приезжих и паломников и отличался космополитическим размахом, требуя разнообразных ремесленных услуг.

Кредитные операции римских ростовщиков соперничали по масштабам с Флоренцией и Сиеной.

В-третьих, слабость цехов объяснялась здесь, помимо уровня ремесла, и общими политическими условиями. Прав Дж. Луццатто, отмечающий, что успехи коммуны были не только следствием, но и важнейшей предпосылкой расцвета промышленного производства: повсюду образование коммун предшествует образованию цехов [37]. Мало указать, что в Риме недостаточность экономического развития вела к политическим неудачам пополанов. Существовала и обратная зависимость. Власть понтифика и хозяйничание аристократических группировок замораживали жизненные соки города. Римские пополаны были слабы в значительной степени потому, что были сильны их противники.

Среди римской знати можно встретить крупных ростовщиков, но к торговле и промышленности она не была причастна. Этим многочисленным феодалам, гораздо более феодальным, чем патриции Флоренции или Генуи, противостояли купцы и ремесленники (populus), иногда находившие поддержку у мелких рыцарей (milites). Ситуация напоминала миланскую — но социально-экономический уровень Милана был иной. И Милан не являлся средоточием католической церкви.

Напор пополанов привел в середине каждого из трех столетий к трем кульминационным взрывам, отмеченным тремя очень разными фигурами: Арнольд, Бранкалеоне, Кола ди Риенцо. В первой половине XII в. Римом правили префект и семь чиновников, назначаемых папой, формально подлежавших также имперской юрисдикции, а практически выдвигаемых знатью.

Осенью 1143 г. очередное столкновение римлян с папой привело к избранию ими общинного совета — «сената». Очевидно, в восстании принимали участие не только пополаны, но также и рыцари и даже некоторые «капитаны», нашедшие выгодным выступить против курии. Когда недавно созданный «святой сенат» пошел на уступки папе, римляне в 1114 г. его обновили и поставили во главе города «патриция»; на этот пост был избран нобиль Иордан Пьерлеони. Основное требование движения заключалось в отмене папских «регалий», т. е. совокупности политических, военных, судебных, финансовых и хозяйственных прав и привилегий, делавших папу полновластным феодальным сеньором Рима. В движение оказались втянуты весьма разношерстные группы населения, а в идеологии восставших характерно и причудливо смешивались античные реминисценции, гибеллинские лозунги и еретические настроения. Связующим было стремление уничтожить светское владычество церкви.

[37] *Дж. Луццатто.* Указ. соч., стр. 237.

В 1145 г. на папский престол взошел Евгений III, восьмилетний понтификат которого оказался однообразно бурным: папе то приходилось бежать из непокоренного Рима, то удавалось вернуться, пока события не принуждали его к новому бегству. Тем временем в городе появился Арнольд Брешианский, и движение начало принимать более решительный характер. Арнольд был тогда уже человеком достаточно известным. Он учился у знаменитого французского вольнодумца Абеляра, сеял возмущение среди горожан Брешии против местного епископа, удостоился осуждения Латеранского собора и проклятия Иннокентия II. Изгнанный в 1139 г. из Италии, он отправился во Францию и вновь примкнул к Абеляру, пока Людовик VII по требованию папской курии не подверг его новому изгнанию. Арнольд нашел приют в Цюрихе и «сразу же осквернил всю местность духом своего безнравственного учения», ибо «не допускал, чтобы граждане тех мест, где он проживал, находились в мире с духовенством» [38]. Не удивительно, что ему пришлось удалиться и из Цюриха. Заключительный и самый важный этап его бунтарской деятельности начался с 1145 г. в Риме.

Арнольд, «не чувствовавший потребности в еде и питье», «изнурявший свое тело грубой одеждой и постом», «осуждавший все плотское», аскет, страстотерпец и проповедник, принадлежал к достаточно распространенному в средние века, так сказать, «савонароловскому» типу деятелей. Он сочетал монашеские добродетели с острым социальным критицизмом и тяготел к политической практике не менее сильно, чем к любомудрию. Богослов Бернар Клервосский писал об Арнольде, что «слова его мед, а учение — яд»; подробностей этого учения мы, к сожалению, не знаем. Источники сберегли лишь их обобщенную и очень типичную суть: изобличение симонии и разбоя пап, кардиналов и всего священнического сословия; призыв к тому, чтобы церковь вернулась к евангельской бедности и, во всяком случае, удовлетворялась десятиной. Епископат должен быть отменен, а духовные пастыри лишены мирской власти. Император же пусть получит корону из рук римской республики. Мысль Арнольда тянется к античности, он мечтает отстроить Капитолий, восстановить сословие «всадников», вернуть квиритов и трибунов. Во всем этом он характерный идеолог коммунальной революции XII в.

В 1152 г. Арнольд возглавил заговор наиболее активных элементов римского движения, «без ведома знатных и богатых». В то время как брешианец обличал папу в Риме, римский папа Евгений отсиживался в Брешии, требуя выдачи еретика. Преемник Евгения Адриан IV в 1155 г. впервые в истории наложил интердикт на «веч-

[38] Цит. по: *Н. А. Бортник*. Арнольд Брешианский — борец против католической церкви. М., 1956, стр. 24—25.

ный город». Римляне не выдержали четырех дней без обедни в предпасхальные дни и дрогнули, Арнольду пришлось отправиться в еще одно, последнее свое изгнание. Близ Рима показалось войско Фридриха Барбароссы. Фридриху нужна была коронация на Капитолии, папе — среди прочих условий — поимка и выдача Арнольда. Сделка между будущими врагами состоялась, немецкие войска вступили в предместье Рима. Ответом на коронацию было отчаянное восстание римлян, потопленное в крови. Арнольд Брешианский был повешен 18 июня 1155 г., труп его сожжен, пепел брошен в Тибр. Двенадцатилетняя римская эпопея, однако, не осталась в историческом отношении бесплодной. Пополанское восстание 1143 г., вызвавшее к жизни «сенат», можно считать началом римской коммуны. Спустя 12 лет, после долгих трагических перипетий, Адриан IV с помощью войск Фридриха Барбароссы сумел овладеть положением. Но итогом героического сопротивления римлян было не только страшное кровопускание и мученическая гибель смелого еретика Арнольда Брешианского. Коммуна все же уцелела. Правда, это означало лишь создание аристократического противовеса теократии. Ясных доказательств участия пополанов в управлении городом у нас нет. Но даже такая коммуна подготовила возникновение римской «мерканции» и цехов.

Численность сената, аналогичного поначалу консульской коллегии в других городах, колебалась и достигала максимума в 56 человек. Рядом с сенатом зародились и коммунальные советы. К 1205 г. окончательно закрепился новый порядок: на должность сенатора избирался один человек, обычно на полгода. В сущности это соответствовало переходу от консулата к подестату. С весьма немаловажным отличием: римские «сенаторы» принадлежали к местной знати.

В 1252 г. пополаны настояли на приглашении сенатора-чужеземца. Выбор пал на болонца Бранкалеоне из рода Андало́. Этот знатный гибеллин начал с того, что повесил нескольких нобилей «на окнах их замков». Этот друг Фридриха II и Эццелино попытался установить в Риме порядки в духе родной Болоньи! Объяснялось ли поведение Бранкалеоне его политическими пристрастиями или, что естественней предположить, честолюбивым желанием поддержать достоинство своего сана и логикой борьбы с феодальной анархией? Так или иначе, в 1254 г. его провозгласили «капитаном римского народа». Он возглавил карательные антимагнатские экспедиции в дистрикте, усмирил непокорных Колонна и укрепил организацию цехов, стремясь, видимо, к оформлению «малой коммуны».

Военные финансовые тяготы и жесткий стиль правления Бранкалеоне, незрелость римского плебса и происки знати привели к политическому кризису. Всесильный сенатор в 1255 г. даже попал в тюрьму, но когда нобили опять подняли головы, был вновь торже-

ственно призван пополанами к власти — до внезапной смерти в 1258 г. События, связанные с его именем,— самая интересная страница в истории римской коммуны XIII в. Последние десятилетия этого века полны потрясений и поражают неустойчивостью ситуации. Папству отныне приходится считаться с цеховым объединением и пополанскими советами. Но лишь в краткие моменты (1267 г. или 1284 г.) пополанам удается сыграть активную роль в делах «вечного города», который остается жертвой местных и европейских феодально-церковных интересов и интриг [39].

*

Разумеется, итальянская история решалась главным образом в нескольких крупнейших центрах всеевропейского уровня и славы. На переднем плане высятся великолепные Венеция, Милан или Рим: к ним справедливо прикованы взгляды историков. Далее виднеются хуже изученные Сиена или Болонья, Асти или Мантуя. За ними толпятся еще более скромные коммуны вроде Ареццо или Модены, Фаэнцы или Тортоны и, наконец, множество маленьких городов, население которых чаще всего не превышало четырех-пяти тысяч. Их жизнь плохо известна, хотя они в высшей степени достойны нашего внимания.

Заметно пропитанные аграрным духом, они тем не менее перестраивали социальную структуру контадо и помогали урбанизировать страну. У каждого из них своя история; свой епископ, у которого они мучительно отвоевывают свободу; свои феодалы, которых они постепенно укрощают; местные купеческие династии и ремесленные традиции; собственная экспансия против совсем мелких поселений и замков (borghi, castelli); свои периоды процветания, совпадающие преимущественно с XIII в., ибо очень скоро они поглощаются дистриктами больших коммун, сохраняя элементы самоуправления. Радиус и сила их цивилизующего влияния как будто невелики, но зато таких городов было много, подчас в десятке километров друг от друга, и, словно тонкие кровеносные сосуды, они ветвились густой паутиной вокруг основных торгово-промышленных артерий. Для неподвижной феодальной старины попросту не оставалось места.

Заметим, кстати, что Лондон, или Кельн, или Гамбург, или Гент отнюдь не уступали по размерам ломбардским и тосканским цент-

[39] См. *Н. А. Бортник*. Город Рим в тридцатых годах XII века.— «Ученые записки Свердловского пед. ин-та», 1948; *его же*. Народные движения в Риме во второй половине XIII — начале XIV в. «Античная древность и средние века».— Сб. Уральского гос. ун-та. Свердловск, 1960; *его же*. Арнольд Брешианский — борец против католической церкви. М., 1956.

рам, а Париж разительно превосходил многолюдством любой итальянский город. Если «феодализм в Италии был сломлен исключительным развитием городов» (К. Маркс), то это определялось не только взятыми изолированно успехами флорентийцев да венецианцев, но особой частотой и плотностью городского расселения на весьма значительной территории, с которой не идут в сравнение даже Фландрия, Рейнская область или Прованс, а также благоприятной для итальянцев общей конъюнктурой в средиземноморском регионе.

Один из характерных маленьких городов — Сан-Джиминьяно в Тоскане, удивительно сохранившийся доныне, словно оцепеневший шесть веков тому назад.

В 1227 г. в Сан-Джиминьяно вместе с контадо проживало 6500—7000 человек, к началу XIV в. примерно в два раза больше, в том числе около 8000 в самом городе: это была высшая точка развития (между прочим, в современном Сан-Джиминьяно не насчитывается и четырех тысяч жителей). Первые столкновения людей Сан-Джиминьяно с их сеньором, епископом Вольтерры, восходят к 1129 г. Вскоре зародилась коммуна; к 1230—1231 гг. ее борьба с епископом достигла крайнего накала; но только к концу XIII в. город окончательно обрел независимость и разделался с привилегиями клира. Приходилось все время остерегаться аппетитов Флоренции и Вольтерры, лавируя между ними. Сан-Джиминьяно был важным стратегическим пунктом на скрещении торговых путей между Сиеной, Луккой и Пизой. Коммуна извлекала доход из габеллы, сан-джиминьянские возчики подряжались перевозить вьюки с шерстью, хлопком и льном из Пизы, в 1262 г. в городе было уже 9 гостиниц. Контадо поставляло на вывоз отличные вина, оливковое масло, зерно, скот. Возникло крупное товарное производство шафрана (для лекарств и особенно красителей). Купцы Сан-Джиминьяно объединились в товарищества и закупали урожай не только на корню, но и в счет будущего года. В 1258 г. в городе было 8 цехов (остальные ремесленники не имели права ассоциации). Получили развитие стекольное дело, добыча серебра, сукноделие.

Однако самое поразительное — международный размах сан-джиминьянской торговли. Купцов из этой неприметной коммуны можно было встретить в Леванте (главный маршрут — через Пизу в Акру), Малой Азии, Северной Африке, Сардинии, на ярмарках Шампани и в Провансе. Всюду они поспевали по пятам купечества больших городов, останавливаясь во флорентийских или сиенских фондако, подчиняясь их юрисдикции. В Неаполе, Мессине и Палермо сан-джиминьянцы не только торговали, но и давали деньги в рост; в Пизе с 1232 г. у них был собственный фондако с гостиницей. К 1332 г. свыше 60 сан-джиминьянских компаний имели свои представительства за пределами родного города. По налоговому об-

ложению 1277 г. значилось 1011 податных «очагов», причем 25 семей (2,5%) платили 24000 лир (28,9%), а 558 семей (55,2%), вносивших до 20 лир каждая, давали лишь 6% всей суммы (5000 лир). 11,5% семей были почти неимущими, внося менее 5 лир, а богачи Сальвуччи давали 5367 лир. Иными словами, социально-экономическая дифференциация зашла достаточно далеко. Конфликт пополанов и магнатов разгорался здесь, как и, скажем, во Флоренции — конечно, с поправкой на нивелирующие провинциальные масштабы.

Во-второй половине XIII — первой половине XIV в. прогресс Сан-Джиминьяно достиг кульминации, затем последовало поглощение Флоренцией и упадок.

Вот такие Сан-Джиминьяно повсюду на протяжении столетий участвовали в общем движении, вовлекаемые в орбиту крупных центров. Их «спутники» — они обживали все уголки и создавали тот высоко развитый фон, вне которого Флоренция или Милан выглядели бы загадочно.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ

Средневековую Италию принято называть «страной городов». Впрочем, не менее традиционное возражение сводится к тому, что преобладающей производственной сферой в феодальную эпоху повсеместно было сельское хозяйство, и при самых блестящих успехах городской экономики Италия, конечно, не составляла исключения. В нашем распоряжении нет достаточных статистических данных, чтобы судить о соотношении городского и сельского населения. Хотя можно предположить, что в некоторых наиболее развитых районах в XIII—XIV вв. перевес был все же в пользу города. Дело, однако, не просто в экономической или демографической статистике. Известно, что она сама приобретает огромное значение лишь в рамках качественного анализа. Ибо в изменчивой общественной структуре обычно доминируют элементы, выделяющиеся не количественно, а функционально. Во Франции или Англии история городов составляла важную часть общенациональной истории. В Северной и Средней Италии эти понятия в известной мере покрывали друг друга, особенно если речь идет о политике и культуре. Разумеется, нельзя забывать об аграрной среде, в которую были вкраплены итальянские города. Но специфика самой этой среды в значительной мере определялась воздействием урбанистических факторов. Нет другой крупной средневековой страны, в судьбе которой деревня сыграла бы настолько скромную роль.

Так как в XIII в. североитальянские коммуны окончательно присвоили себе суверенные права и, устояв против императоров,

стали практически единственными носителями государственности, проблема политического сплочения Италии превратилась в проблему объединения городов. Но города неспособны самостоятельно решить эту задачу (кроме Ганзы, мы не знаем ни одной устойчивой конфедерации городов, хотя бы в областном масштабе и ради ограниченных целей). Повсюду в Европе централизация свершалась с их непременной помощью, однако централизующим началом была внешняя по отношению к ним королевская власть. А король основывался на сугубо феодальной мощи собственного домена, совпадавшего с естественным центром народности.

В Италии не нашлось своего Иль-де-Франса и Парижа. Необычно раннее развитие городов размыло феодальные массивы. Непосредственной опорой претендентов на королевский трон поэтому оказались горные малонаселенные окраины или небольшие соседние княжества, пока их не оттеснили германские императоры. Отныне попытки объединить страну исходили не от национальной династии, а от чужеземных завоевателей. Битва при Леньяно явилась поэтому не только спасением коммунальной свободы, но и торжеством коммунальной децентрализации. За прогресс приходится расплачиваться.

Ценой независимости Италии стало ее единство.

С другой стороны, впечатляющие, но эфемерные успехи веронских Скалигеров или миланских Висконти подтвердили невозможность сплочения Италии вокруг какого-нибудь крупного города. Эгоистическая гегемония одного города ущемляла интересы прочих. Коммунам подошел бы беспристрастный арбитр вроде дантовского всемирного монарха. Но историческая действительность не предоставила варианта, в котором преимущества консолидации сочетались бы с выгодами автономии. Большинство городов поначалу хорошо принимало и Карла Анжуйского, и Генриха VII, отчасти даже Гогенштауфенов. Очень быстро наступало отрезвление.

Следует подчеркнуть, что распространенное мнение об отсутствии в Италии центростремительных тенденций — ошибочно. Города невыносимо страдали от непрерывных междоусобиц и опустошительных вторжений. Купцы и банкиры были лишены серьезной государственной поддержки за рубежом. Чересполосица границ воздвигала частокол пошлин. Политические конфликты затрудняли подвоз продовольствия и обрекали горожан на голод. Хаос мешал течению коммерческих дел. Отсутствие королевской власти крайне осложняло подавление знати. Каждый город в одиночку пытался выжить в вечной войне с остальным миром.

Например, на протяжении столетия рядовая коммуна Фаэнца сталкивалась с окрестными графами Куньо и Траверсара, сражалась за Барбароссу и против него, была взята после восьми месяцев осады войсками Фридриха II, отбивалась от Равенны и других

соседей, противостояла папам и «романским графам». Одновременно на другом конце страны, в Пьемонте, коммуна Верчелли дралась со своим епископом, враждовала с Павией, Новарой или Пармой, металась между Миланом и Гогенштауфенами, сражалась с маркизом Монферрато и снова с епископом. Но подобными фактами пестрят хроники любого города. Особенным напряжением отмечена вторая четверть XIII в. Страна обливалась кровью. Горожан охватывали отчаяние и страшная усталость. В 1233 и 1260 гг. Италию захлестнули мгновенные волны на редкость массового миротворческого движения. «Ибо вся Италия была истомлена и истерзана многими бичами и развращена многими грехами и пороками». Жители, босые и полуобнаженные, бичуя друг друга попарно, с хоругвами и пением псалмов, выходили на улицы, двигались из города в город, призывая к покаянию. Вдруг от Умбрии до Марки Тревизо прекращались социальные распри, родовые вендетты и военные экспедиции, вчерашние враги обменивались поцелуями, власти не смели возражать и присоединялись к процессиям, тираны произносили смиренные клятвы, и у всех на устах было одно слово: мир. Разумеется, спустя несколько недель жизнь входила в привычное и тревожное русло. Братание всех городов и политических партий Северной Италии в августе 1233 г. по призыву проповедника Иоанна Винченцкого, на которое, как уверяет восторженный хронист, собралось четыреста тысяч человек,— не продержалось и месяца. Но эти настроения глубоко симптоматичны, а их импульсивность и размах впрямь необычны.

В Европе XII—XIII вв. образование централизованных государств шло в соответствии с обособлением народностей. Настоятельная потребность эпохи затронула также Италию. В XII в. проснулось итальянское национальное самосознание. Его следы заметны уже в призывах римлян к Конраду III в 1149 г. или в анонимной антииспанской поэме о взятии Майорки (Liber Maiolichinus). Среди идеологических свидетельств XIII в. следует выделить хронику Салимбене, «с великим рыданием» писавшего о «несчастной Италии» и о раздорах среди «нас, итальянцев». Соперничество с испанцами и французами и особенно немецкое вторжение оказались в этом отношении лучшими учителями. Возникали региональные союзы городов («веронское сообщество» в 1164 г., тосканская лига в 1198 г. и т. д.). Первая «ломбардская» лига (1167 г.) провозгласила «согласие» ради «общей пользы». Ее руководители, собравшись в Венеции в 1177 г., заявили, что борются против императора во имя «чести и свободы Италии». По словам хрониста, «города, давшие клятву друг другу, стали все как одно тело». Вторая «ломбардская» лига существовала около 30 лет. Обе лиги функционировали и в дни мира, после исчезновения императорской угрозы.

Военные блоки подкреплялись валютными договорами и торговым арбитражем, в Совете лиги обсуждались и внутренние дела ее членов.

Милан, Пиза, Павия, Падуя, Флоренция и др. охотно именовали себя «вторым Римом», «дочерью Рима» и т. п. В глазах современников Italia — это не только «итальянское королевство», но и Апеннинский полуостров, жители которого («латиняне») сродни по античному происхождению, языку и нравам. Клич «Долой немцев!» составил первую связную фразу в горькой повести итальянского патриотизма, которому уже Данте сумел дать осознанное и высокое выражение.

Конечно, флорентийский изгнанник видел намного зорче и дальше, чем другие. Но каким бы смутным ни было национальное чувство в душах его читателей, знаменитые слова «Италия, раба, скорбей очаг, в великой буре судно без кормила» — обращены именно к ним и рассчитаны на понимание. Это не значит, что мы вправе поставить знак равенства между патриотизмом XIV и XIX вв. Разумеется, есть неизмеримая дистанция между дантовскими инвективами и истолкованием их у Сильвио Пеллико или Мадзини. Не стоит увлекаться: ведь средневековый сепаратизм оказался гораздо весомей национального самосознания. Призывы Данте и Петрарки, как известно, не помогли.

Однако, важно одно: итальянская раздробленность была не фатальным абсолютом, а постепенно выработанным результатом столкновения противоречивых исторических тенденций. Причем преграды заключались не только в недостаточности экономических связей, конкуренции на внешних рынках, неравномерности развития и расхождении местных интересов. Это в порядке вещей. При складывании национальных государств всегда бушуют центробежные потоки. Во Франции, Испании или Англии сепаратизму было противопоставлено насилие. Но в Италии отсутствовал стержень, без которого в средние века немыслима централизация — не было национальной монархии.

В XIII в., по-видимому, еще существовала какая-то возможность выбора, и ситуация сохраняла некоторую пластичность. Однако в XIV—XV вв. стремления к консолидации привели лишь к полицентризму и окончательному закреплению областного размежевания. В итоге вместо дантовской Монархии появились монархии. Итальянская специфика, так сказать, отвердела. И проблема национального объединения отодвинулась на несколько столетий.

ФОРМИРОВАНИЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА. ПЕРВЫЕ ШАГИ ЛИТЕРАТУРЫ

Перерастание разговорных латинских диалектов в итальянскую речь началось, несомненно, еще в лангобардские времена. В документах VII—VIII вв. просвечивают топонимические и синтаксические сдвиги. Шутливый стишок, записанный в начале IX в., обнаруживает эту эволюцию более отчетливо. Но первым памятником итальянского языка принято считать краткую свидетельскую формулу 960 г. При тяжбе Монтекассинского монастыря с феодалом Родельгрино Аквинским писец, к счастью, зафиксировал одну из фраз в точности, как она прозвучала (Sao ko kelle terre, per kelle fini que ki contene, trenta anni le possette parte Sancti Benedicti — «мне ведомо, что эти земли, в означенных здесь границах, вот уже тридцать лет принадлежат отцам-бенедиктинцам» — так выглядит фраза, с которой начинается достоверная история языка Петрарки). От XI в. сохранилось немногим больше: три фрагмента. От XII в. ровно столько же (в том числе четырехстрочная надпись на феррарском соборе). Первый образчик тосканской речи датируется лишь началом XIII в. и весьма символичен: это отрывок из счетной книги флорентийского менялы. Таким образом, на протяжении пяти или шести столетий итальянский язык формировался словно бы подспудно, почти не прорываясь в письменность. Очевидно, латынь оставалась понятной для жителей Италии дольше, чем где бы то ни было. Зато, когда итальянский язык (idioma volgare) запоздало и внезапно вторгся в литературу и превратился в важный фактор культурно-исторического развития, ему понадобилось каких-нибудь несколько десятилетий, чтобы достичь под пером Данте неслыханной зрелости, рывком обогнав остальные европейские языки. Не случайно это произошло именно в XIII веке. Торжество городских коммун было ознаменовано рождением национальной культуры.

Пока же, в XI—XII вв., безраздельно господствовала латинская образованность, хотя и не давшая в Италии таких оригинальных плодов, как в Северной Франции, но произведшая на свет обильную литературу: комментарии, теологические трактаты и гимны, учебники риторики, военно-политические поэмы и, наконец, прекрасные хроники (вроде миланских хроник Арнольфа и двух Ландольфов или генуэзских анналов Каффаро).

В первой половине XIII в. латинская традиция сохранила монополию в ученой и эпистолярной прозе, но в поэзии ей пришлось потесниться, чтобы дать место могучему северо-французскому и провансальскому влиянию. Впервые появились поэты, пишущие не на латинском языке, но то был и не итальянский, а своеобразная смесь северофранцузского языка с местными говорами: франко-венетский,

франко-миланский диалекты. Итальянцы тогда зачитывались бретонским циклом и «Романом о Розе», аллегоризм которого впечатлил не только флорентийского эрудита Брунетто Латини, но и его ученика, будущего автора «Божественной комедии». Распространились переводы и переделки французских chansons de geste, превращавшие храброго Роланда в римского сенатора Орландо. Характерно, что на французском языке были написаны такие важные памятники итальянской культуры столетия, как «Книга о сокровище» Латини и «Миллион» Марко Паоло.

Еще явственней сказалось увлечение провансальской поэзией: близость социальной почвы, на которой выросла эта поэзия, к итальянским условиям, чувственный отблеск античности, привлекательность более разработанного и притом родственного «народного» языка, богатство форм и изощренность версификационной техники — легко объясняют, почему творчество трубадуров получило прочное значение образца и обязательного элемента литературных знаний. (Спустя сто лет Данте в «Комедии» все еще непринужденно переходит на провансальский язык, предполагая, очевидно, знакомство с ним и у своих читателей.) С конца XII в. некоторые трубадуры переселялись в Италию (например Рамбальдо Ваквейрос), а после альбигойских войн они во множестве искали приюта при всех сиятельных североитальянских дворах, от Монферрато до Марки Тревизо. Вскоре у них появились подражатели — итальянские трубадуры, писавшие на провансальском (Ланфранко Чигала, Сорделло и др., до нас дошло около 30 имен, из них половина — генуэзцы).

Провансальское влияние, скрестившись с арабским, отразилось и в первой, собственно итальянской, сознательной поэтической традиции, возникшей на Юге, при дворе Фридриха II, где стихи писали все: сам император, члены его семьи, сановники. Среди поэтов «сицилийской школы» можно обнаружить флорентийца, аретинца, генуэзца (по происхождению); хотя в основу был положен сицилийский диалект, его сильно латинизировали и очистили, стремясь приблизить к другим диалектам и сделать общепонятным. Часто указывалось на риторическую сухость и подражательность этой поэзии.

Первый шаг труден. Для оправдания сицилийцев достаточно указать, что они подарили мировой поэзии жанр сонета.

Культурные течения, шедшие из Сицилии и с итальянского Севера, удачно сомкнулись в Болонье — с ее политическими традициями, университетом и собственными трубадурами (вроде Рамбертино Бувалелли). Нотариус Гвидо Гвиницелли (умер ок. 1276 г.) придал «культу Дамы» философский смысл и окрасил рационализмом, а главное — решительно заменил рыцарские достоинства моральными добродетелями. Куртуазная поэзия была пересажена

на сугубо городскую почву. В таком виде она перекочевала во Флоренцию, где знатный Гвидо Кавальканти (ок. 1260—1300) и целая плеяда способных молодых людей из магнатской и пополанской верхушки придали ей рафинированность и завершенность. Так возникла школа «сладостного стиля», из которой вышел Данте (1265—1321).

Но «Комедия» никогда не была бы создана, если бы Данте опирался только на традицию «двух Гвидо». Данте вобрал все, что было значительного в недолгой истории итальянской литературы, начавшейся с 30-х годов XIII в. Простонародный тон — от самой древней сицилийской канцоны Чьело д'Алькамо до флорентийцев Гвидо Орланди, Рустико ди Филиппо и талантливейшего сьенца Чекко Анджольери, сумевшего сплавить горький лиризм и буйный гротеск; политический пафос и поэтическая публицистика Гвиттоне д'Ареццо; глубокая наивность и нежная вера Франциска Ассизского с его поэмой на умбрийском диалекте о «брате — Солнце»; чувственно-мистическое исступление Якопоне да Тоди и драматичные песнопения (laudi) флагеллантов — все эмоциональные и стилевые потоки влились в «Комедию» — и растворились в гениальной индивидуальности автора. А также вся средневековая латинская ученость, вся религиозная и этическая проблематика и все социальные страсти. Фигура Данте крайне сложна, как сложно культурное развитие итальянской коммуны в XIII в. Флорентийский изгнанник подытожил это развитие — и тем самым распахнул двери в Возрождение. «Эпоха Данте» переломна. Редко бывает, чтобы исторический поворот, затронувший любую грань жизни, от экономической структуры до структуры личности, с такой рельефностью и хронологической точностью обозначался бы датами поэтической биографии. Чрезвычайно существенно то, что один исследователь назвал «загадкой Дученто»: почему итальянская литература возникла так поздно и, не дав на протяжении XIII в. истинно оригинальных и великих свершений, вдруг выдвинула титаническое творчество Данте?

Среди прочих причин следует принять во внимание «практический» уклон городской культуры: первые университеты Италии XII в. готовят не богословов, а врачей и юристов; в середине XIII в. Фибоначчи и Вителло создают в области алгебры, геометрии и оптики более независимые и интересные сочинения, чем опусы итальянских трубадуров. Что касается Бонавентуры и Фомы Аквинского, то их теология есть продукт не столько Италии, сколько парижской Сорбонны (и явление скорей европейское, чем национальное).

Важно то обстоятельство, что в Италии не было почвы и места для классической рыцарской культуры (XIII век принес худосочные заимствования). А чисто городская культура задерживалась в

своем росте, пока пополаны оставались в тени консульского нобилитета. Вообще, если для Франции XII—XIII веков характерна зрелось социальных форм, то в Италии этого периода — непрерывное переходное брожение.

Цепкость латинских традиций и влияние соседних старших литератур (на volgare) обусловили в целом подражательную слабость словесности Дученто. Сформирование итальянской народности и расцвет коммунальной жизни позволили литературе быстро использовать и плодотворно изжить ученичество. Напрашивается сравнение с Россией, успевшей за столетие, миновав Возрождение, ускоренно пройти уроки французского классицизма и европейского Просвещения и, начав в XVIII в. с младенческого лепета, величественно шагнуть к своему Данте — к Пушкину.

ЭВОЛЮЦИЯ ИСКУССТВА

Итальянское искусство XII—XIII вв.— весьма специфический вариант романского стиля. На романскую основу, в общем сходную с тем, что было в остальной Европе, органично наслаивались сильные воздействия древнеримских традиций и «греческой манеры» (восточновизантийского происхождения). С другой стороны: если за Альпами классическое городское средневековье выразило себя в готике, пришедшей на смену раннефеодальной художественной культуре, то в Италии романское искусство с подъемом коммун лишь обрело дополнительную свежесть и, углубляясь на рубеже XIII—XIV вв., вылилось в формы, которые можно с одинаковым успехом считать и последним словом средневековья, и первым словом Ренессанса. Мощная волна готики не могла не затронуть Италии. Но, во-первых, она сюда нахлынула позже, а исчезла раньше, чем в других странах, продержавшись в пластике и живописи примерно столетие. Во-вторых, это гоподство никогда не было безусловным. Тенденции, возникшие в дантовскую эпоху — на протяжении Треченто не исчезли. Они сохранились, словно заторможенные, чтобы затем внезапно возродиться в начале XV в. (в принципиально новом качестве). В третьих, сама итальянская готика — особенно в средней Италии — компромиссна: даже в архитектуре, где ее влияние было наиболее заметным.

Созревание национального романского стиля происходило неравномерно. Оно началось с архитектуры в XII в., захватило скульптуру в середине XIII в. и только в 80-е годы XIII в. достигло вершины в живописи. В том же порядке эти виды искусства подвергались готической экспансии. В результате, когда «проторенессанский» дух овладел живописью, архитектура успела его изрядно позабыть.

Поэтому Филиппо Брунеллески придется, возводя купол флорентийского собора, оглядываться не в XVI и даже не в XIII век, а еще дальше. Вдохновлявшие его известнейшие образцы — Баптистерий или Сан Миньято во Флоренции, Бадия в Фьезоле и др.— относятся к XI—XII вв. Типично романский широкий разлет полуциркульных арок, коринфский ордер достаточно массивных колонн, небольшие уютные размеры, нерасчлененные объемы, которые не кажутся статичными благодаря особому изящному членению плоскости стен и строгонарядным инкрустациям из белых, темно-зеленых и красных мраморных плит. Удивительное сочетание геометрической простоты конструкций и нежной тонкости ритма и деталей.

Соответствующий стиль в скульптуре преимущественно связан с именами Никколо Пизано (ок. 1220 — ок. 1280) и его ученика Арнольфо ди Камбио (ок. 1240— ок. 1310), в живописи — с именем Пьетро Каваллини (ок. 1250— ок. 1330). Опять-таки Тоскана и Кампанья впереди, хотя первые импульсы, по-видимому, исходили, как и в поэзии, из окружения Фридриха II. Гораздо более традиционны, но все-таки движутся в том же направлении мастера, усвоившие уроки передовой византийской иконографии, с ее драматичными сюжетами, композиционной собранностью, полихромностью палитры. Это сьенские живописцы Гвидо и Дуччо, флорентиец Чимабуэ, римлянин Коппо да Марковальдо. У Пизано скульптура начинает отделяться от плоскости стены, а Каваллини добивается сходного эффекта в своих фресковых фигурах. Зарождается вкус к материальности и чувственной осязаемости фактуры и пространства. Лица индивидуализируются: например, Франциск Ассизский в изображении «византийствующего» Чимабуэ или грешники из «Страшного суда» Никколо Пизано. Индивидуализируются и творческие манеры, впервые давая исследователям основания для персональной аттрибуции. Это искусство по-прежнему не нуждается в правдоподобии. Его фундаментом остается спиритуализм. Но оно ищет не бога в человеке, а человека в боге.

Поиски увенчиваются живописью Джотто (1276? — 1337). Он моделирует фигуры с помощью светотени и дает им плоть; размещает их друг за другом, создавая трехмерное пространство (однако не подчиненное законам перспективы, а условно-замкнутое); заменяет абстрактный фон обобщенным пейзажем или интерьером. Современники восторгались у Джотто естественностью «подражания», но, возможно, имели в виду нечто большее. Для зрителей джоттовский предмет был непривычно достоверен, но главное не в том, что они «узнавали предмет». Они узнавали себя. Джотто не был реалистом. Это позднейшая мерка вообще не идет к делу. Джотто давал синтетическое выражение человеческих страстей сливая, как и Данте, символ и реальность. Его церковные росписи

13. Андреа дель Кастаньо. Фарината дельи Уберти. Монастырь Санта-Аполлония. Трапезная. XIV в. Флоренция

стали фактом светской культуры и внушали людям, вступившим в XIV век, что искусство самоценно. Именно эта гуманистическая концепция, а не техника воспроизведения предметной действительности позволила замечательному флорентийцу стать родоначальником новой европейской живописи.

Итак, особенно с середины XIII в., в пору появления пополанской «малой коммуны», ясно обозначились перемены, с изучения которых начинает каждый, кто интересуется генезисом итальянского

Возрождения. Но характеристика интеллектуальных и эстетических веяний эпохи как «Проторенессанса» была бы неизбежно односторонней. Перед нами зрелая средневековая городская культура, приобретшая в итальянском климате очень ранние и заметные антикизирующие тенденции и обладающая оригинальным и автономным содержанием. Разумеется, в отношении к Ренессансу — это «Проторенессанс»; как бюргерство в отношении к буржуазии — «протобуржуазия». Ретроспективный подход правомерен, но всегда несколько выпрямляет исторический процесс. Важным оказывается не сам факт, а что он дает для исследования последующих фактов. Обнаруживая в том, что делали и создавали люди, вполне объективный смысл, о котором они, впрочем, не подозревали, легко упустить из виду иной существенный смысл — о котором не подозреваем мы. Стремясь установить, что могло значить итальянское искусство XIII в. для подготовки Кватроченто, постараемся не проглядеть, что оно значило для современников. В художнике дорого чуткое выражение настоящего, а не «устремленность к будущему». Джотто и Арнольфо ди Камбио действительно возделали почву для Мазаччо и Донателло — и долго казались неуклюжими и наивными при сравнении со своими ренессансными преемниками. Лишь относительно недавно распространилось понимание того, что прогресс в искусстве — двусмысленная вещь и что итальянские «примитивы» нельзя оценивать на основе более поздних критериев художественного совершенства.

5

РАННИЙ КАПИТАЛИЗМ. ГОРОДСКИЕ ВОССТАНИЯ XIV—XV ВВ.

Итальянский город являлся самым развитым хозяйственным и культурным центром Западной Европы. Истоками раннего развития его экономики и многогранной культурной жизни были глубокие античные традиции. Многие из итальянских городов с античных времен сохранили свои акведуки, дворцы, башни, стены, мощеные каменными плитами площади и улицы, открытые амфитеатры.

Материальное наследие античных городов — неотъемлемая часть обстановки, в которой жили многие поколения итальянской народности в средние века. Античность раскрывала себя не сразу; немало произведений искусства и архитектуры оставалось скрыто под землей, и их появление сыграет роль могучего живительного потока в эпоху Возрождения. Но каменная одежда — строения и статуи — не единственное и не решающее из того, что унаследовал итальянский средневековый город. От античности он получил искусство чеканки денег, некоторые орудия ремесла и сельского хозяйства, искусство виноградарства и садоводства, наконец, элементы товарных отношений и городской политической жизни. Все эти ростки будущего буйного цветения городской экономики и культуры в Италии IX—XII вв. не были до конца сметены ураганом варварских нашествий в эпоху великого перелома, гибели античности и зарождения средневековья. Италия, как и другие романские страны, не

знала плавной эволюции при переходе к новой феодальной формации, но не знала и длительной полосы тотальной ликвидации городов и их населения. Рассматривать Италию IV—VI вв. как tabula rasa и в экономике, и в политической жизни можно лишь по отношению к старой рабовладельческой системе в целом. Уже в VIII—IX вв. происходит значительное укрепление хозяйственной основы итальянского города, а в X—XII вв. он сбрасывает иго сеньора и становится коммуной, сила которой была испытана в успешно завершившейся к концу XII в. многолетней борьбе с полчищами германских феодалов Фридриха Барбароссы. Крестовые походы способствовали расширению хозяйственных связей итальянских городов, превративших их торговлю в масштабах XIII в. в международную. Развитие коммерческой и банковской техники в рамках слаженного организма компании, появление векселя, золотой монеты отражало экономическое процветание городов-республик. Широкий размах торговли подстегивал развитие ремесла в городах и толкал его к радикальной перестройке.

Этот процесс охватывал и итальянскую деревню. XIII век — канун качественного скачка, который бесспорно можно отметить в XIV в., когда впервые в истории в стенах итальянского города появилось мануфактурное производство, первая ячейка раннего капитализма.

Политическая структура коммуны способствовала значительно более сильному развитию и расширению ремесла, чем в других странах, и организации сбыта его продукции не только в рамках города-государства, но и в масштабе региональном, а затем и международном. Широкая экспортная торговля требовала интенсификации ремесленного производства, поисков новых путей для увеличения количества товарной продукции. Такие отрасли промышленности, как сукнодельческая, в первую очередь переходят к еще более детальному разделению труда, применению в широких масштабах труда наемных рабочих, живущих на заработную плату. Так появляются первые раннекапиталистические предприятия — мануфактуры. В значительной мере этому способствует законодательная политика городов, направленная не только на организацию торговли и производства, но и на узаконение капиталистической эксплуатации, так как не только наемные рабочие, но и мелкие ремесленники фактически были лишены политических прав.

Итальянский город играл более важную роль, чем города других европейских стран.

Если в подавляющем большинстве стран Европы борьбу с феодалами вели объединенные силы королевской власти и городов, то в Италии, где короли существовали лишь номинально, город вел эту борьбу один на один. Коммуна не ограничивала свою власть городскими стенами: пестрые участки многочисленных холмов и по-

14. Средневековый квартал. XIV в. Витербо

лей, простиравшихся далеко за ее пределами, также были подчинены ей. В XII в. контадо — сельская местность с ее деревнями и замками феодалов — становится подчиненной городу территорией, что самым радикальным способом подрывает политическое могущество феодалов. Они отступают с боем: блокируют горные переходы и дороги, мешая торговому обмену, нарушают законодательные установления коммун. Это приводит к полной драматизма вооруженной борьбе пополанов с грандами — феодалами. Городские ополчения штурмуют, разоряют и сжигают замки, подвергая грандов насильному переселению в города (инурбанизация). Здесь феодалы нередко строили высокие башни и даже замки, но эти военные укрепления находились в окружении сильной коммуны и под ее бдительным контролем. Так города-коммуны сломили политическое и экономическое могущество феодалов, что к тому же способство-

вало ликвидации конкуренции сельского ремесла с городским и подчинению сельского хозяйства интересам города. Победа городов над феодалами способствовала росту их экономики и, в частности, перестройке ее на новых, раннекапиталистических началах.

Ранний капитализм, зародившийся в наиболее передовых центрах Италии (Флоренция, Сиена, Болонья, частично Перуджа, Милан, Венеция и др.) развивался в условиях феодального окружения. Связанный с Сиеной и Флоренцией, папский Рим широко пользовался их разветвленной банковской системой, представляя собой типично феодальный в политическом и хозяйственном отношении центр [1]. Ремесленно-торговое население римской коммуны, крайне слабое в организационно-хозяйственном отношении, не раз пыталось изменить порядки и ослабить власть папы и феодальных баронов, но неизменно терпело поражение. Так было и в XII в., когда Римская республика оказалась раздавлена, а ее вдохновитель Арнольд Брешианский — казнен. Этим же закончилась и попытка Кола ди Риенцо (как народ называл Никколо ди Лоренцо Габрини), сломить своеволие феодалов Рима в XIV в.

20 мая 1347 г. сын прачки и трактирщика, однако образованный горожанин и нотарий, Кола ди Риенцо при поддержке римских горожан захватил правительственные здания на Капитолии. Феодальные бароны, управлявшие Римом в отсутствие папы, резиденцией которой стал южнофранцузский город Авиньон, фактически лишились власти и принесли присягу Кола ди Риенцо, как народному трибуну. Кола отменил мостовые, дорожные и другие феодальные подати, обратив доходы на улучшение состояния торговли. Он выпустил монету с надписью: «Родной трибунат. Рим — глава мира». Когда феодальные бароны изменили своей присяге, городская милиция вела с ними беспощадную вооруженную борьбу, хотя в конечном итоге слабо объединенные горожане церковной стражи вынуждены были отступить, а Кола ди Риенцо пришлось бежать. Не менее показательна судьба такого политического проекта Кола ди Риенцо, как объединение городов Италии вокруг Рима: в связи с отказом отдельных городов проект полностью провалился. Такой классический центр раннего капитализма, как Флоренция, выступил против объединения, боясь ущемления своих политических и экономических прав и интересов со стороны метрополии, на роль которой претендовал Рим [2].

[1] *Y. Renouard.* Les relations de papes d'Avignon et des compagnies commercia les et banchaire de 1316 à 1378. Paris, 1941; *В. И. Рутенбург.* Очерки из истории раннего капитализма в Италии. М.— Л., 1951, стр. 75—81.

[2] *Н. А. Бортник.* Арнольд Брешианский — борец против католической церкви. М., 1956; *J. Macek.* Racines sociales de l'insurrection de Cola di Rienzo.— «Historica», VI. Praha, 1963; *idem.* Pétrarque et Cola di Rienzo.— «Historica», XI. Praha, 1965.

Южная Италия и Сицилия также развивались, как типично феодальные районы, к тому же отягощенные бременем чужеземного владычества. Сильное феодальное государство, сложившееся на юге Италии, держало города в своем полном подчинении, ремесленное производство было в них развито слабо, торговля носила преимущественно транзитный характер. Все это способствовало проникновению к рычагам их хозяйственной жизни торгово-банковских компаний передовых городов Северной и Средней Италии, что, обогащая их и стимулируя развитие раннекапиталистического производства у себя на родине (во Флоренции, Сиене, Венеции), консервировало феодальные отношения на юге Италии[3]. В неприкосновенности сохранились прежние формы феодальной эксплуатации, и даже крепостничество в предгорьях Альп и в некоторых горных местностях Апеннин.

Отсталой феодальной областью был, например, северо-западный район Италии — Савойское герцогство, где сохранялись личная и поземельная зависимость крестьян, барщина, произвольная талья и элементы менморта и формарьяжа. В условиях феодальной (в целом) Италии первые ростки капитализма в передовых ее центрах не могли изменить общее положение дел в стране, но как явление новое и прогрессивное они оказали значительное воздействие на экономическое, политическое и культурное развитие страны в течение XIV—XVII вв.

В первую очередь развитые городские центры оказывали влияние на окружающие их сельские районы. Невиданно быстрое развитие городов и товарно-денежных отношений в Северной и Средней Италии подрывало натурально-хозяйственные отношения в деревне и без того укрепившиеся в Италии не так прочно, как в других странах Европы. Это приводило к существенным изменениям в аграрном строе данной части Италии. Если такое воздействие на итальянскую деревню оказывали итальянские города уже в XI—XIII вв., то естественно, что городские центры XIV—XV вв., где появились и развивались раннекапиталистические отношения, способствовали еще более радикальной перестройке аграрных отношений. Раннекапиталистический город, в котором проживало многотысячное население (например, во Флоренции XIV в. около 100 тыс. чел.), требовал невиданного для средневековых масштабов роста сельскохозяйственных продуктов, необходимых для городского населения.

Растущий спрос городов привел к расширению посевных площадей и обрабатываемых земель путем осушения болот, расчистки

[3] *G. Yver*. Le commerce et les marchands dans l'Italie méridionale au XIII-e et au XIV-e siècle. Paris, 1903; *В. И. Рутенбург*. Очерк..., стр. 81—98.

пустошей. Изменяется также система землепользования. Уже в XII в. сокращается домениальное хозяйство: феодалы начинают сдавать земли в аренду крестьянам, мелким рыцарям, горожанам. Значительная часть земель переходит в руки городской верхушки, которая превращает их в фактическую собственность или прямо скупает. Развитие товарно-денежных отношений в городах приводит к ранней коммутации ренты; уже в XI—XII вв. денежная рента получает широкое распространение, хотя она была известна в Италии и ранее. Характерным результатом развития товарно-денежных отношений в некоторых областях Северной Италии является увеличение удельного веса продуктовой ренты: собранные у крестьян продукты феодалы, а нередко, как, например, в Лукке, и горожане, отправляли на рынок крупными партиями; таким образом увеличивалась товарная масса сельскохозяйственной продукции.

Одним из важнейших последствий экономического и политического укрепления городов, особенно тех, где развивались раннекапиталистические отношения, было оживление сельских общин: в условиях ослабления власти феодалов и даже частичной их ликвидации как класса, в процессе инурбанизации сельские общины превращаются в коммуны. Этот крайне своеобразный процесс приобретает массовый характер и во многом меняет не только облик, но и сущность итальянской деревни. С конца XII в. и в последующие два столетия общины не без помощи города в ожесточенной борьбе с сеньорами добиваются самоуправления и образуют сельские коммуны, напоминающие по своей форме коммуны городские [4].

Таким образом, борьба против феодалов, которую вели города, сливалась в единый поток с борьбой сельской общины против сеньоров: феодалы были их общим врагом. Этот двуединый процесс и привел в Италии к подрыву феодализма и возникновению раннекапиталистических отношений. Если в централизованных странах Западной Европы борьбу с феодальными сеньорами вела королевская власть, опиравшаяся на города, то в Италии ее вел город, который нашел теперь поддержку у крестьянства. Исключительно большая роль итальянского города в экономике и политике явилась предпосылкой для зарождения в нем раннекапиталистических отношений в XIV в. С помощью городов феодалов лишили судебной власти над крестьянскими общинами и права на взимание некоторых феодальных поборов.

[4] *Е. В. Бернадская*. Из истории сельских коммун Моденской провинции.— «Средние века», вып. XIV, 1959, *Л. М. Брагина*. Общинное землевладение в Северо-Восточной Италии XIII—XIV вв.— «Средние века», вып. XII, 1958. *Л. А. Котельникова*. Политика городов по отношению к сельским коммунам Северной и Средней Италии в XII в.— «Средние века», вып. XVI, 1959.

Высвобождение сельских общин из-под власти феодальных сеньоров — невиданное в Европе того времени явление, даже если учесть, что эта свобода была не очень длительной и далеко не полной. Сельские общины переходили обычно под власть соседнего крупного города, который, правда, сохранял им некоторую автономию. Переход сельских общин под власть городов не избавлял крестьян от эксплуатации, но в целом он сыграл весьма положительную роль, так как город был центром прогрессивного экономического развития, особенно город раннекапиталистический. Включение сельской округи в состав города-государства способствовало ликвидации крепостничества в деревне в большинстве районов Северной и Средней Италии. Там же, где метрополия республики достигла уровня раннекапиталистических отношений, это включение привело к новой, более высокой фазе товарно-денежных отношений и появлению полукапиталистических форм аренды земли. Таким образом, итальянский город, и больше всего город раннекапиталистический, способствовал не только подрыву экономической и политической мощи феодализма, но и радикальной перестройке итальянской деревни.

Как правило, ликвидация крепостничества происходила прежде всего в землях тех городов, где широкое развитие приобретало ремесло, перераставшее в мануфактуру. И это естественно, так как мануфактурное раннекапиталистическое производство требовало значительного увеличения рабочих рук. Эти города-государства специальными декретами объявляли отмену крепостного права на всей подчиненной им территории. Так было в Болонье, где в 1256 г. согласно «Райскому акту» получило свободу около 6 тыс. крепостных, принадлежавших 400 феодальным сеньорам, и во Флоренции, где крепостное право фактически отменили в 1289 г.

Именно XIII век был временем, когда созревали условия для зарождения в Италии первых форм мануфактуры. Конечно, развитие мануфактуры — не единственная причина ликвидации крепостничества. Общий рост экономического и политического значения города в Италии наряду с ослаблением роли феодалов приводил к увеличению числа налогоплательщиков и военнообязанных (за счет крестьян, зависевших ранее от феодала), уничтожению монополии феодальных сеньоров в снабжении города продуктами земледелия. Освобождение крестьян вело к ликвидации сеньориальной юрисдикции, а иногда и к ликвидации всех феодальных контрактов и обязательств. Города выигрывали, феодальные отношения подтачивались, ранний капитализм вызревал на этой благодатной почве, что в целом толкало Италию по прогрессивному пути.

Прогресс не означает немедленного блага, он дает себя знать лишь в итоге сложного процесса развития общества. Итальянские крестьяне в XIII—XIV вв. испытали эту истину на себе. По

образному выражению итальянского историка Эмилио Серени, «рай, описанный в „Райской книге“, в которую коммуна Болоньи вписала освобожденных крепостных, оказался, может быть, раем личного освобождения, но, конечно, не раем „блаженных собственников“» [5].

Крестьяне при освобождении теряли свое традиционное право пользования землей, что выбивало их из обычной колеи крестьянской жизни. Нередко городским властям приходилось принудительным способом проводить освобождение крестьян, угрожая за отказ от него жестокими карами. Следует иметь в виду, что процесс личного освобождения крестьян проходил в Италии не только в рамках строгого городского декретирования и нередко — в интересах определенной части феодалов. К тому же раннее проникновение товарно-денежных отношений в деревню, широкое распространение денежной ренты в XI—XII вв. привели к тому, что в Северной и Средней Италии бо́льшая часть крестьянства пользовалась личной свободой уже к началу XIII в., задолго до городских декретов. Однако все эти потоки сливались воедино, и в целом шел процесс разложения крепостнических отношений, непосредственно связанный с зарождением в Италии раннекапиталистических отношений. «В Италии,— писал Маркс,— где капиталистическое производство развилось раньше всего, раньше всего разложились и крепостные отношения. Крепостной освобождается здесь прежде, чем он успел обеспечить за собой какое-либо право давности на землю. Поэтому освобождение немедленно превращает его в поставленного вне закона пролетария, который к тому же тотчас находит новых господ в городах...» [6]

В городах крестьяне пополняли ряды наемных рабочих, главным образом неквалифицированных или легко осваиваемых профессий. Значительная часть превращалась в арендаторов, державших землю на разных условиях, но часто на условиях испольщины — медзадрии, при которой арендатор отдавал собственнику земли половину урожая. Медзадрия, известная в Италии с давних пор, в XIII—XIV вв. приобрела черты полукапиталистической аренды: владелец земли вкладывал в хозяйство и часть своего капитала, как правило, в виде семян, рабочего скота, инвентаря. Издольная аренда являлась переходной формой организации сельского хозяйства от феодальной к капиталистической [7], поэтому для нее характерны были и полуфеодальные черты, в частности крайне ограниченная

[5] *Э. Серени.* Развитие капитализма в итальянской деревне. М., 1951, стр. 184.

[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 23, стр. 728, прим. 189.

[7] Там же, т. 25, ч. II, стр. 367.

возможность ухода испольщика с участка. К концу XV в. испольщина приобретает более четко выраженные феодальные черты, сохраняя, однако, и элементы полукапиталистического хозяйства [8].

*

В связи с резкими сдвигами, происходившими в социально-экономической жизни Италии XIII—XIV вв., чрезвычайно обострилась классовая борьба. Прежде всего это дало себя знать в деревне, которая ощутила эти сдвиги уже в XIII в. Для всей Европы XIV век был столетием крупных экономических и социальных потрясений [9]. Италия, которая шла в своем развитии впереди всей Европы, первая стала на этот путь. Первое в Европе XIV в. крупное крестьянское движение возникло в Италии, причем за много десятилетий до Жакерии и восстания Уота Тайлера. Это — восстание Дольчино, охватившее некоторые районы Северной Италии и длившееся около 4 лет [10]. Сложное переплетение старого и нового в аграрной жизни Италии — ликвидация крепостничества и половничество, эмфитевзис и либеллярное держание, усиление товарно-денежных отношений и увеличение продуктовой ренты, зарождение полукапиталистических форм в одних областях и сохранение типично феодальных в других — все это переплеталось в клубок противоречий, которые крайне обостряли обстановку. Италия на грани XIII—XIV столетий напоминала Везувий, в глубине которого скрыта энергия, готовая в любой момент вырваться наружу.

Уже в XIII в. недовольство крестьянской и городской бедноты находило выражение в распространении еретических учений катаров и вальденсов. В конце XIII в. недалеко от Пармы возникла секта, члены которой, возглавляемые крестьянином Сегарелли, именовали себя апостольскими братьями. Ересь носила весьма определенную социальную окраску, ее стержнем были крестьянско-плебейские слои, а острие ее было направлено против богачей и господ, которым апостольские братья призывали не подчиняться. Поэтому их деятельность была запрещена папой, а их вожак — Сегарелли схвачен и сожжен, как еретик. Тогда апостольские братья, возглавляемые учеником погибшего на костре вождя, послушником францисканского

[8] *K. Rumohr*. Ursprung zur Besitzlösigkeit der Colonen in neueren Toscana. Hamburg, 1890; *E. Conti*. La formazione della struttura agraria moderna nel contado fiorentino, Roma, 1965.

[9] *J. Heers*. L'Occident aux XIV-e et XV-e siècles. Aspects économiques et sociaux. Paris, 1963.

[10] *С. Д. Сказкин*. Исторические условия восстания Дольчино.— «Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме». М., 1955, см. также ниже, гл. VII.

монастыря Дольчино, объявили папу антихристом и призвали к уничтожению церкви, осквернившей себя своими богатствами. Епископские и герцогские войска жестоко расправились с восставшими.

Таковы были первые отблески эпохи, которую Энгельс образно назвал зарей капиталистической эры. В этих же условиях, через несколько десятилетий в Северной Италии вспыхнуло второе крупное восстание крестьян, именовавших себя тукинами и добившихся сокращения барщины, отмены монморта и формарьяжа, а также освобождения от ренты своим непосредственным сеньорам, с заменой ее уплатой денежного побора верховному сеньору — герцогу Савойскому (см. ниже, гл. 7).

Резкие социальные противоречия, проявившиеся прежде всего в связи с высокой степенью развития товарно-денежных, а в наиболее передовых центрах и с зарождением раннекапиталистических отношений, были причиной того, что Италия стала страной первого крупного крестьянско-плебейского восстания в XIV в. В этом же основная причина радикальности и универсальности требований, выдвинутых апостольскими братьями, и результативности восстания тукинов. Сложное переплетение противоречий объясняет направленность первого крупного восстания крестьян и бедных горожан: оно не только носило антифеодальный и антицерковный характер, но и являлось первым серьезным протестом против невиданного до того накопления капиталов в городах, где созревали условия для зарождения раннекапиталистических отношений. Обилие в программах этих восстаний (особенно тукинов) антифеодальных требований свидетельствует о крайней сложности и противоречивости социально-экономического конгломерата, на почве которого в Италии зарождались первые ростки капитализма.

Однако непосредственно ранний капитализм породил в XIV в. другие народные движения, основными участниками которых выступали городской плебс и предпролетариат.

Накопление капиталов от торговли и банковских операций в XIII в., как уже говорилось, приводит к естественным поискам наиболее выгодного их применения. Богатые пополаны строят дворцы и загородные виллы, приобретают земли, фрахтуют или строят корабли для заморских путешествий. Все это требует непрерывного пополнения капитала: безотказным источником его становится промышленное производство на экспорт. Торгово-банковские компании организуют доставку сырья, а нередко организуют большие мастерские, перерастающие рамки обычных цеховых. Так появляются мануфактурные предприятия с широким разделением труда и массовым применением наемного труда.

Нередко данный факт рассматривается как явление совершенно случайное и крайне незначительное. Сторонники такого подхода мотивируют свое мнение тем, что в большинстве стран Европы по-

добные явления наблюдаются лишь с XVI в. Но эта бесспорная истина не опровергает возможности появления раннекапиталистических отношений в отдельных странах в более ранний период при наличии соответствующих условий. Такие условия сложились в Италии. Прежде всего, здесь натуральные отношения в экономике не были столь продолжительными, всеобъемлющими и глубокими, как в других странах. Это повлекло за собой наиболее раннее в Европе отделение ремесла от сельского хозяйства, что означало появление города, как центра ремесла и торговли. Еще Маркс отмечал обилие в средневековой Италии городов, сохранившихся, как правило, с древнеримских времен [11]. Город пережил вторжения варварских племен, и, если в Италии не было простого продолжения истории римского города, средневековая коммуна обязана многим своему предшественнику, хотя она и представляла собой продукт очень сложного развития [12]. Роль города в средневековой Италии крайне велика: в определенной степени феодализм был здесь подорван, «сломлен исключительным развитием городов» [13]. В таких условиях итальянский город играл весьма прогрессивную роль, и характеристика Энгельса, относящаяся к периоду начавшегося разложения феодализма в Европе XV в., в еще большей степени приложима к Италии конца XIII—XIV в.: «В то время как дворянство становилось все более и более излишним и мешало развитию, городские бюргеры стали классом, который олицетворял собой дальнейшее развитие производства и торговых отношений, образования и социально-политических учреждений..., притом у городского бюргерства было могучее оружие против феодализма — деньги» [14]. Таким сословием городского бюргерства были «жирные» пополаны Италии, которые превращались в раннюю буржуазию; в конце XIII — начале XIV в. они обладали наиболее крупными накоплениями в Европе и с выгодой направляли их на организацию мануфактур, как правило производящих продукцию на экспорт. Это не означает, что в отдельных городах отсутствовало цеховое ремесло, но оно подчинялось мануфактуре, а ремесленники являлись хотя и массовым, но придатком отряда мануфактурных наемных рабочих.

В борьбе против феодализма «жирные» пополаны использовали не только такое могучее оружие, как деньги, но и политические рычаги государства. Только в условиях Италии мог в XIII в. появиться такой антифеодальный закон, как флорентийские «Установления

[11] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 23, стр. 728.

[12] *В. Ф. Шишмарев.* У истоков итальянской литературы.— «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», № 3, 1941, стр. 75.

[13] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 365

[14] Там же, т. 21, стр. 407.

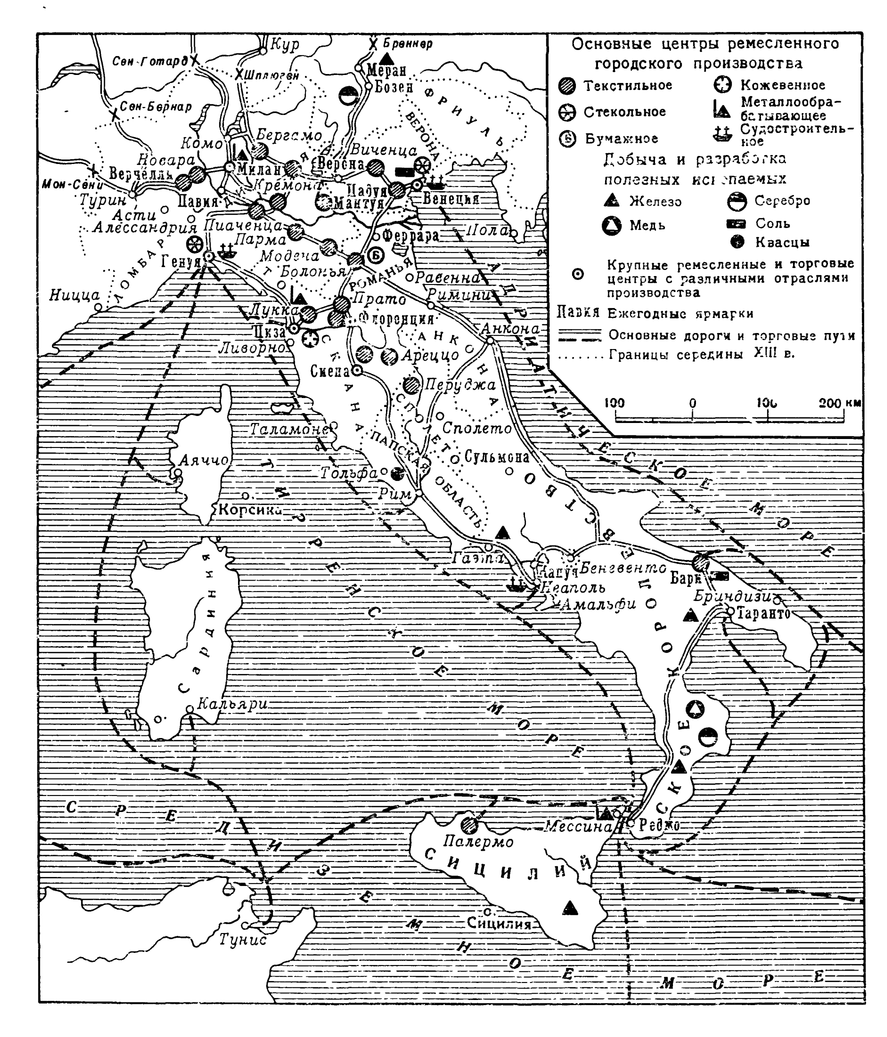
справедливости», согласно которому гранды лишались политических прав и подвергались смертной казни за преступления, совершенные против пополанов.

В обстановке политического и экономического господства «жирных» пополанов, объединявших свои усилия и средства в рамках торгово-банковско-промышленных компаний, и стали появляться мастерские нового типа. Раньше всего они возникли в сукноделии, которому свойственно широкое разделение труда еще в условиях цеховой организации; позднее — в шелкоткачестве и судостроении; некоторые элементы капиталистического производства появились также в горно-рудной промышленности. В XIV в. мануфактурные мастерские с широким разделением труда и массовым применением наемной рабочей силы появились в текстильной промышленности Флоренции, Сиены, Лукки, Милана, Болоньи и в судостроении Венеции и Генуи. По свидетельству хрониста Джованни Виллани, в 30-х годах XIV в. во Флоренции, которая может служить эталоном подобных явлений, насчитывалось от 200 до 300 сравнительно крупных суконодельческих мастерских, которые производили до 80 тыс. кусков сукна в год; их стоимость в три раза превышала весь бюджет города. Одна суконодельческая мастерская вырабатывала в 1300 г. в среднем 333 куска сукна в год, а в 1336—1338 — 400 кусков. Обработкой шерсти занималось около 30 тыс. человек, не считая нескольких тысяч, занятых обработкой грубых чужеземных сукон [15]. Каждый рабочий выполнял отдельную производственную операцию, повторяемую им из года в год. Таких операций насчитывалось в суконодельческой мастерской от 20 до 25.

Масштабы производства можно определить средними цифрами, однако весьма показательны максимальные из известных данных: в отдельных крупных мастерских Флоренции, по свидетельству хрониста Питти, отец которого сам владел суконодельческой мастерской, изготовлялось до 1100 кусков сукна в год. По минимальным подсчетам, в 30-х годах XIV в. все флорентийские суконодельческие мануфактуры производили в год не менее 1600 тыс. метров дорогого тонкого сукна различных окрасок. Эти масштабы производства определяют и размеры прибыли владельцев мастерских. При сравнении стоимости дневной продукции, вырабатываемой одним наемным рабочим в 30-х годах XIV в., с его дневным заработком можно установить, что прибавочная стоимость, получаемая владельцами мастерских Флоренции в течение одного года, колебалась от 528 тыс. до 792 тыс. флоринов [16].

[15] *G. Villani*. Cronica. Firenze, 1844, p. 324—325.

[16] *В. И. Ритенбург*. О прогрессивности капиталистических отношений в Италии XIV—XV веков.— «Средние века», вып. VI, 1965, стр. 395; *его же*. Очерк, стр. 127.

Италия в XIII—XIV вв.

Могли ли такую огромную прибавочную стоимость создать несколько десятков тысяч наемных рабочих? Это можно определить по их удельному весу в городе. Источники дают ответ: в 30-х годах XIV в. население Флоренции составляло 120—125 тыс. человек, из них 30 тыс. занимались сукноделием; в годы восстания чомпи в городе на Арно проживало около 50 тыс. чел., из них 9—13 тыс. работали в суконодельческой промышленности [17]. Таким образом, го-

рожане, связанные с сукноделием, т. е. чомпи и их коллеги, составляли от 18 до 26% всего населения Флоренции. Такой удельный вес предпролетариата говорит о значении новой социальной прослойки итальянского города XIV в.

В XV—XVI вв., несмотря на значительные изменения в политической и экономической жизни Италии, эта прослойка не исчезает, как не исчезают и ранние капиталистические отношения. В XV в. во Флоренции работает не менее 270 суконодельческих мастерских [18]. К концу XV — началу XVI в. происходит заметное сокращение сукноделия — однако уже с XV в. получает развитие промышленность шелкоткацкая, продукция которой находила широкий сбыт как в самой Италии, так и во Франции, Англии, Испании, Северной Африке,

Хронист Деи сообщает о 83 шелкоткацких мастерских во Флоренции 1472 г.

В середине XVI в. произошло относительное расширение суконодельческой промышленности, вышедшей за рамки Флоренции: мастерские Тосканского герцогства стали производить до 33 тыс. кусков сукна стоимостью до 1 млн скуди. Структура предприятий в XV—XVI вв. и даже вплоть до начала XVII в. оставалась та же — это были мануфактурные мастерские с массовым применением наемного труда.

Изменилось лишь значение шелкоткацкой промышленности, где в XVI—XVII вв. капиталистические отношения уже более развиты, чем в сукноделии. Они проникали в другие отрасли промышленности. Таким образом, раннекапиталистические отношения, зародившиеся в XIV в., пустили глубокие корни и в XV—XVI вв. Они не только не исчезли, но в известном смысле развились дальше [19].

[17] Cronaca dello Squittinatore.— RIS, t. XVIII, p. 111. Bologna, 1916; *N. Rodolico.* La democrazia fiorentina nel suo tramonto. Bologna, 1905, p. 442.

[18] *B. Dei.* Cronica. In: *Pagnini.* Della decima, v. II. Lisbona — Lucca, 1766, p. 275.

[19] *А. Д. Ролова.* Социально-политическая борьба во Флоренции в 1527—1537 гг. и зарождение абсолютизма Медичи. Автореферат канд. дисс. Л., 1953; *ее же.* Экономический строй Флоренции во второй половине XV и в XVI веке.— «Средние века», вып. XIII, 1956; *ее же.* К вопросу о состоянии промышленности Флоренции во второй половине XVI в. и в первой половине XVII в.— «Средние века», вып. XXIII, 1963; *ее же.* Структура промышленности Флоренции второй половины XVI — начала XVII в.— «Ученые записки Латвийского гос. ун-та им. П. Стучки». т. LXI. Рига, 1965.

*

Раннекапиталистические отношения привели к новым методам эксплуатации, более продуктивным по своим результатам, но и более жестоким по отношению к трудящимся. В результате социально-экономических сдвигов образовалась значительная прослойка сельского и городского населения, представлявшая собой дешевую рабочую силу,— прежде всего обезземеленные крестьяне и разорившиеся городские ремесленники. Именно дешевая рабочая сила явилась главным рычагом, который использовали владельцы мануфактур для того, чтобы обогнать цеховое производство по относительной дешевизне продукции, при улучшении ее качества и значительном увеличении ее масштабов.

Преимущества мануфактуры, даже самой примитивной, вытекают из реальной возможности снижения заработной платы, увеличения прибавочной стоимости, получаемой сверх торговой прибыли. Владельцы суконодельческих, шелкоткацких, судостроительных, горнорудных предприятий мануфактурного типа делали все возможное для выжимания прибавочной стоимости. Архивные документь Прато позволяют установить размер дневной оплаты наемного рабочего суконодельческой промышленности: она достигала всего 8 сольдов [20]; близкие к этому данные можно получить из материалов флорентийской мастерской Уццано [21]. Расчет, происходивший в конце недели, производился медными деньгами — кватринами, фактическая ценность которых была весьма низкой. К тому же при расчете наемные рабочие не получали причитающихся им 24 кватринов (8 сольдов) из-за жестокой системы штрафов. Например, в Сиене взимали пять сольдов штрафа за недостаточно хорошо обработанный кусок сукна; чесальщик шерсти, не успевший уложить шерсть к концу рабочего дня, лишался двух сольдов из заработанных им восьми [22]. Фактически дневной заработок сводился к 5 сольдам. Штрафам подвергали также ткачей, прядильщиков и др. Методы фискального наказания переплетались с давлением морально-религиозным: за погрешности при выработке пряжи на прядильщика налагался штраф в 1 сольд, повторное замечание увеличивало его до 2 лир, а за третий случай ему грозило отлучение от церкви [23]. Несвоевременная уплата штрафа увеличивала его сумму на 25

[20] Quaderno di Lavoranti «D». Archivio Datini da Prato sezione del Archivio di Stato di Firenze, p. 173.

[21] Libri degli Uzzano. — Архив ЛОИИ АН СССР, западноевроп. секция, 5/86.

[22] Statuto della Lana di Siena. Statuti senesi, t. I. Bologna, 1863, p. 175, 261—262, 266—267, 272, 332.

[23] Statuto della Lana di Firenze. Firenze, 1940, I, cap. VII, p. 151—152.

процентов[24]. Реальная заработная плата наемного рабочего была крайне низкой: питание стоило не менее 2—4 сольдов в день, получал же он — 5. Учитывая другие затраты, а тем более наличие семьи, такая заработная плата не обеспечивала прожиточного минимума.

При поступлении на работу наемный рабочий нуждался в неотложном получении аванса, так как не имел никаких средств существования и владел лишь своими рабочими руками. Независимо от условий работы он не имел права покинуть хозяина до полной отработки аванса, что он мог сделать лишь в течение нескольких месяцев.

В начале XV в. было принято решение, запрещавшее наемным рабочим бросать работу, не предупредив об этом хозяина за 4 месяца. Предприниматель же мог уволить наемного рабочего без всякого предупреждения[25]. При решении всех спорных вопросов рекомендовалось верить хозяину, «а не низкому рабочему»[26].

Для наблюдения за работой и поведением наемных рабочих вводились специальные должности «чужеземного чиновника», надсмотрщиков-факторов и секретных осведомителей. В обязанности «чужеземного чиновника» входило предупреждать заговоры наемных рабочих против хозяев, в чем ему помогали секретные осведомители и стражники. Хозяевам суконодельческой или шелкоткацкой мастерской достаточно было указать на любого рабочего, чтобы «чужеземный чиновник» арестовал его, бросил в тюрьму и держал там по воле хозяина. В то же время владельцы мануфактурных мастерских формально отстранялись от следственных и карательных функций, так как их исполнение возлагалось на иногороднего жителя («чужеземного чиновника»), к тому же юриста, считавшегося лицом нейтральным и беспристрастным. По его усмотрению штраф, налагаемый на рабочих, мог быть заменен другим, более унизительным наказанием: позорный колпак, позорный столб, сечение розгами, пытки на дыбе, веревкой или водой[27]. Секретные осведомители доносили «чужеземному чиновнику» о всех видах нарушений, допущенных наемными рабочими, от опоздания на работу до заговора.

На разных участках производства за работой и поведением рабочих непосредственно следили надсмотрщики-факторы. Итак, владельцы мануфактурных мастерских, хоть и являлись членами цеха, освободились не только от ручного труда, но и от непосред-

[24] Statuto della Lana di Radicondoli. Statuti senesi, t. I, p. 205.

[25] *В. И. Рутенбург.* Народные движения, стр. 50, 63, 65.

[26] Statuto della Lana di Radicondoli, p. 168.

[27] Statuto della Seta. Firenze, 1934, p. 590—591, 615.

15. Кафедральный собор XIII—XIV вв. Сиена

ственного надзора за своими рабочими. Его теперь осуществлял особый аппарат («чужеземный чиновник», факторы, осведомители) промышленных обер-офицеров и унтер-офицеров, как их образно именовал Маркс, поясняя, что они появляются там, где массу рабочих объединяет один капитал, от имени которого они и распоряжаются во время процесса труда[28]. В Италии в XIV в. впервые появляется такой административный аппарат, вызванный к жизни появлением мануфактурной промышленности с ее новыми, капиталистическими методами эксплуатации.

[28] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 23, стр. 343—344.

Эти методы, как показано, приводили к тому, что значительная часть городского населения (18—25%) жила впроголодь, не говоря уже об ее полном политическом бесправии. Тем не менее некоторые буржуазные историки доказывали, что якобы «условия жизни трудящихся во Флоренции были более терпимыми, чем где бы то ни было в те времена»[29]. Современный же итальянский историк А. Сапори признает, что наемным рабочим Италии приходилось принимать крайне жесткие условия труда и оплаты, продиктованные хозяевами[30]. Этот вывод подтверждается таким реалистическим наблюдателем жизни итальянского города XIV в., как Франко Саккетти: в одной из своих новелл он рассказывает о семье шерстобита Аньоло, который до 70 лет работал по найму, а его жена дни и ночи занималась прядением на дому, и оба они с трудом могли прокормить своих детей. «Ты рабочий-шерстяник, у тебя нет ничего, кроме жалкого заработка. Будь проклят день, когда я была дана тебе в жены, ибо мои руки обессилены от работы»[31].

*

Новые, более жестокие формы эксплуатации, связанные с возникновением раннекапиталистических отношений, привели к обострению классовой борьбы. Это проявилось в целой серии забастовок и восстаний наемных рабочих.

Первое стихийное выступление шерстобитов произошло в Болонье еще в 1289 г. Через несколько десятилетий, в 1345 г. во Флоренции чесальщик шерсти Чуто Брандини пытался организовать союз наемных рабочих, за что был осужден на смертную казнь. На его защиту поднялись наемные рабочие, которые покинули мастерские своих хозяев.

1371 год отмечен крупными восстаниями в Перудже и Сиене. Перуджинские рабочие суконодельческих мастерских подожгли дома богачей, и их активные действия помогли свалить правительство богатых пополанов. Наемные рабочие Сиены, потребовавшие повышения заработной платы, захватили правительственный дворец коммуны и образовали новое правительство из представителей народа. Богатые горожане жестоко расправились с восставшими[32].

Крупнейшим восстанием предпролетариата в Италии XIV в. является восстание чомпи (так именовались чесальщики шерсти и

[29] *F.-T. Perrens.* La civilisation florentine du XII au XVI siècle. Paris, 1892, p. 65—66.

[30] *A. Sapori.* I secoli d'oro del mercante di Firenze, il Trecento. Firenze, 1955, p. 186.

[31] *F. Sacchetti.* Novelle, t. I, Firenze, 1860, nov. C, 403—405.

[32] *В. И. Рутенбург.* Народные движения..., стр. 72—133.

другие наемные рабочие)[33]. Оно вспыхнуло во Флоренции в июне 1378 г. По призыву колокола на башне дворца приоров, как было заранее условлено, 22 июня собрались вооруженные отряды наемных рабочих и ремесленников младших цехов и стали поджигать дома магнатов, которых они считали виновниками всех своих бед. Сильвестро Медичи и другие представители зажиточных горожан пытались ограничить размах движения и взять инициативу в свои руки. Но, как писал очевидец, «когда масса народа сдвинута с места, она не вернется снова на то же место, с которого ее сдвинули»[34]. Вооруженная демонстрация у дворца приоров заставила их принять решение, направленное против магнатов, что временно усилило власть «жирных» пополанов.

В июле положение обострилось. Ничего не получившие от «жирных» пополанов чесальщики шерсти и бедные ремесленники начали собираться за стенами города в Ронко, где вырабатывали программу своих требований. Они добивались улучшения материального положения и предоставления им политических прав. Более детально программа чомпи оформилась на собраниях в церкви Сан-Лоренцо. Чомпи требовали права «принимать участие в правительстве»[35], причем в весьма конкретной форме: им должна быть отведена четвертая часть мест и пост главы правительства — гонфалоньера справедливости.

Таким образом, речь шла не о ликвидации власти «жирных» пополанов, а об уравнении политических прав чомпи. Понимая, что этими правами могут пользоваться только члены цеха, чомпи настаивали на создании самостоятельной корпорации наемных рабочих. Мысль о предоставлении политических прав и участии в правительстве свидетельствует о довольно высоком уровне сознательности предпролетариата в Италии XIV в.

Чомпи составляли не только программы, но и планы действий. Несмотря на арест в результате доноса их вожаков (Симончино, Паголо дель Бодда, Филиппо ди Симоне), 20 июля чомпи нанесли удар своему главному противнику — «жирным» пополанам: они подожгли их дома и дворец цеха Лана — оплот угнетателей. 21 июля после длительного сражения они захватили дворец подеста, а на следующий день изгнали правительство приоров из дворца Синьории. Был создан новый приорат с участием чомпи. Наемные рабочие организовали свой цех, получив, таким образом, политические права, как и их собратья по восстанию — мелкие ремесленники,

[33] Там же, стр. 134—292.

[34] Ser Nofri delle Riformagioni. Cronaca il Tumulto dei Ciompi. Cronache e memorie. a cura di G. Scaramella.— Raccolta degli storici italiani, nuova ed., t. XVIII, p. III. Bologna, 1934, p. 55.

[35] *A. Acciaioli.* Cronaca (1378).— Ibid., p. 21.

образовавшие два цеха. Новое правительство поддерживало специально сформированное народное ополчение из 1500 арбалетчиков.

«Жирные» пополаны, однако, не сдавались. Им удалось сделать гонфалоньером справедливости своего ставленника, в прошлом чесальщика шерсти, а в дни восстания надсмотрщика за наемными рабочими Микеле ди Ландо. После восстания они отказались открыть суконодельческие мастерские и обрекли победителей на голод. К тому же богачам удалось организовать хлебную блокаду города.

Требование чомпи о повышении на 50% заработной платы правительство приняло, но не реализовало из-за действий Микеле ди Ландо, связанного с богачами и подкупленного ими. Близкий к чомпи хронист писал: «Жирный народ все делает для себя и подносит вам ко рту пустую ложку, поэтому изыскивайте способ исправить это положение» [36].

В августе чомпи во главе с чесальщиком Пьеро Чири, Лукой Мелани, Мео де Грассо собрались на окраине города — Камальдоли — и решили создать собственное правительство, получившее название «Восемь святых божьего народа». Резиденцией его стала церковь Санта-Мария Новелла. Многочисленный вооруженный отряд чомпи осадил дворец Синьории и заставил приоров принять требование о подчинении их власти «Восьми». 29 августа было избрано новое, революционное правительство во главе с чесальщиком шерсти Бартоло ди Якопо. К Микеле ди Ландо, еще не сдавшему своих полномочий, направилась делегация представителей «Восьми» — чесальщик шерсти Доменико ди Туччо, Маттео Сальви и один нотариус, требуя, чтобы Микеле присягнул им. В ответ на это Микеле набросился на них с оружием, ранил и приказал бросить в темницу в башне дворца. Наемные рабочие не знали, что Микеле поддерживали не только богачи, но и ремесленники многих цехов, отошедших от чомпи из-за радикальности их программы. Когда 31 августа Микеле собрал все цехи на площади Синьории, они набросились на чомпи и беспощадно расправились с ними. 5 сентября на той же площади казнили Доменико ди Туччо и Маттео Сальви. Перед казнью они обратились к народу со словами: «Если родина получит успокоение от нашей жертвы, мы умираем удовлетворенными» [37]. Так закончилось первое в истории восстание предпролетариата, которое Маркс рассматривал как первое выступление будущего пролетариата [38].

В XIV и начале XV в. итальянские города, достигшие мануфактурной стадии промышленности, стали ареной крупных восстаний,

[36] Cronaca prima d'Anonimo.— Ibid., p. 79.

[37] Ibid., p. 84.

[38] *В. И. Рутенбург.* Народные движения..., стр. 259.

происходивших в Болонье, Перудже, Сиене, Флоренции[39]. На первых порах народные движения не обходятся без участия грандов, пытающихся использовать недовольство наемных рабочих и ремесленников в своих целях: так было, например, в Перудже[40], а на ранних этапах и во Флоренции. Городские феодальные партии, вроде перуджинских «клюющих», пользовались тем, что главным врагом трудящихся являлись хозяева мастерских, вроде перуджинских «царапающихся». Однако уже и на этом этапе движение порождалось не демагогическим подстрекательством грандов, а условиями жестокой эксплуатации, против которых и выступали городские низы. Некоторые буржуазные историки необоснованно писали о союзе нобилей и народных низов[41]. В последующих крупных движениях горожан — например, в восстании чомпи — городские низы резко выступают против феодалов, требуя их изгнания с различных постов. Показательно, что уже с конца XIII в. городские низы, а затем и предпролетариат играют все бóльшую роль в политической жизни городов-государств и нередко решают исход событий. Впервые наемные рабочие стали инициаторами и ядром городских движений именно в Италии XIV в. (о чем свидетельствует, например, восстание в Сиене в 1371 г.)[42].

Предпролетарский характер городских восстаний проявлялся в содержании программ, которые нередко фиксировались в письменном виде, а частично и реализовывались во время восстаний. Одним из наиболее характерных пунктов этих программ было требование повышения заработной платы. Такое требование выдвигалось в 1345 г. во Флоренции участниками движения, возглавляшегося чесальщиком шерсти Чуто Брандини[43]; оно легло в основу программы сиенского восстания 1371 г., а в восстании чомпи уже формулировалось совершенно конкретно (увеличение оплаты труда с 8 сольдов до 12, т. е. на 50%) и к тому же связывалось с требованием установить твердый курс золотого флорина.

Только наемные рабочие могли заявить о необходимости ликвидации аппарата посредников между трудом и капиталом, прежде всего в лице «чужеземного чиновника», верного исполнителя воли хозяев. Чомпи решительно провели в жизнь это требование во время восстания 1378 г.: имущество «чужеземного чиновника»

[39] См. *В. И. Рутенбург.* Народные движения...

[40] Cronaca di Perugia. — ASI, t. XVI, par. I. Firenze, 1850.

[41] *R. B. D'Ajano.* Lotte seciale a Perugia nel secolo XIV.— «Vierteljahrschrift fur Sozial und Wirtschaftsgeschichte». Bd. VIII. Berlin — Stuttgart — Leipzig, 1910, p. 338.

[42] *В. И. Рутенбург.* Народные движения..., стр. 119—133.

[43] *D. Velluti.* Cronica di Firenze. Firenze, 1914, p. 148.

сожгли, а его самого изгнали из дворца[44]. Восставший предпролетариат начинал с лозунга равных прав с хозяевами (Сиена), а затем, после долгого и тяжелого опыта борьбы пришел к мысли о том, что нужно добиваться решающего участия во всех делах города-государства[45]. Вполне закономерна для такого раннего этапа предпролетарского движения недостаточная решительность восставших, сочетание революционных методов действий (захват правительственных дворцов в Сиене и Флоренции, казнь палача Нуто во время восстания чомпи и т. п.) с конституционными иллюзиями. Но при всей компромиссности и наивности ряда требований, выдвинутых в ходе восстаний, особенно важно наличие у предпролетариата высокого для XIV в. уровня политической сознательности. Предоставление политических прав и организационное оформление политической власти наемных рабочих можно отметить впервые в европейской истории. Итальянский предпролетариат попытался тем самым, пользуясь выражением Энгельса, выйти за рамки зарождавшегося капиталистического общества. Он пришел также к идее всеобщего равенства в самой примитивной и утопической форме — равенства всех горожан, бедных и богатых, к чему стремились чомпи.

Программа предпролетариата не была и не могла быть последовательной, так как в условиях XIV в. она не имела перспективы: чисто предпролетарские требования отталкивали от наемных рабочих их союзников-ремесленников, что и являлось одной из причин поражения. Программы и действия предпролетариата в Италии XIV в. в такой же мере нельзя считать чисто пролетарским, в какой и раннекапиталистические отношения — чисто буржуазными: и те и другие зародились в обстановке феодального общества. Однако главной силой городских народных движений в период раннего капитализма в Италии выступал предпролетариат, отсюда в целом и предпролетарский характер этих восстаний. Поэтому Маркс, обращаясь к самому крупному и показательному движению данного периода — восстанию чомпи,— ставит его в один ряд с последующими пролетарскими восстаниями (die proletarischen Erhebung)[46].

[44] *A. Acciaioli.* Cronaca (1378).— «Raccolta degli storici italiani», nuova ed., t. XVIII, p. 111. Bologna, 1934, p. 24.

[45] *M. Stefani.* Cronaca fiorentina.— «Raccolta degli storici italiani», t. XXX. Città di Castello, 1913, p. 330—331.

[46] *K. Marx.* Exzerpte (1879). — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, фонд I, опись 1, ед. хр. № 4081, стр. 354.

6

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ИТАЛЬЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ СИНЬОРИИ И ПРИНЦИПАТЫ

«Когда аристократы замечают, что не могут противодействовать народу, они выставляют из своей среды государя, чтобы под его прикрытием удовлетворять своим страстям».

Макиавелли. «Князь»

В то время когда в середине XIII в. во Флоренции пополаны одерживали победы над грандами, а в конце века были приняты знаменитые «Установления справедливости»; когда сошел со сцены грозный враг итальянских коммун Фридрих II и с падением династии Штауфенов исчезла сильная императорская власть; когда, казалось, создались благоприятные условия для процветания итальянских коммун и господства пополанов,— именно тогда то в одном, то в другом городе Северной, а затем и Средней Италии власть начали захватывать единоличные правители — синьоры или тираны. Они постепенно подавляли коммунальные свободы, подчиняли себе городское управление, расширяли прерогативы своей власти, стали передавать ее по наследству и, наконец, превратили собственные владения в территориальные княжества. Многочисленные самостоятельные города, феодальные земли, церковные и монастырские патримонии, сельские коммуны — все эти разнообразные и дробные владения Северной и Средней Италии XIII—XIV вв. были объединены ко второй половине XV в в несколько территориальных государств: Флорентийскую республику (в XVI веке ставшую герцогством), Патримоний св. Петра (Папскую область), герцогства Миланское и Феррарское, маркизат Мантую, республики Венецию и Геную. Большинство из них в конце XV— начале XVI в. являлось государствами монархического

типа и вело свое происхождение от синьорий. Поэтому вопрос о синьории — это прежде всего вопрос о путях развития итальянской государственности.

Процесс возникновения и развития синьорий был весьма разнообразен и разновременен. Достаточно сказать, что период их создания растянулся с середины XIII до конца XV в. и наряду с синьориями, превратившимися в территориальные государства, было много политических образований такого типа, которые быстро распадались. Синьории возникали и в относительно мало развитых (по итальянским масштабам) городских центрах (Мантуя и Феррара), и в самом передовом городе Италии — Флоренции; порой экономически слабые города попадали в зависимость от крупных феодальных синьоров (графы Монтефельтро в Урбино, маркизы Монферратские в Верчелли, Альби, Алессандрии). Основатели синьорий опирались на различные социальные силы. Иногда они возглавляли феодальную группировку (Висконти, графы Сан-Бонифаччо, маркизы Палавичини и др.), иногда их выдвигали пополаны (делла Торре в Милане, Скалигеры в Вероне, Каструччо Кастракани в Лукке, Бокканегра в Генуе). В XV в. синьории основывались удачливыми кондотьерами или папскими непотами. В связи с этим возникает вопрос: есть ли общее между синьориями Эццелино да Романо и Палавичини в XIII веке, господством Каструччо Кастракани в Лукке XIV в., правлением Висконти в Милане или поздней синьорией Медичи во Флоренции XV в.? Перед исследователями стоит задача осмыслить всю сложность процесса, выяснить, имеются ли общие причины, приведшие к господству единоличных режимов в Италии XIII—XV вв., изучить типологию итальянских синьорий.

ОТ КОММУНЫ К СИНЬОРИИ

Раньше всего переход власти в руки единоличного правителя происходил в городах Северной Италии. Так, с 1236 г. установилось господство Эццелино да Романо в Вероне, которое затем распространилось на Падую, Тревизо, Виченцу, Верчелли и Беллуно. В 1254 г. маркиз Оберто Палавичини был избран пожизненным синьором Кремоны, Павии и Пьяченцы. В Милане делла Торре фактически с 1240 г. оказались во главе города, а с 1277 г. здесь укрепилась синьория Висконти. В Вероне с 1262 г. власть захватил Мастино делла Скала; в 1264 г. пожизненным синьором Феррары был избран Обиццо II д'Эсте и т. д, Не все из этих синьорий оказались прочными, но тенденция к их возникновению была повсеместна и несомненна. В чем причины трансформации коммун в синьории?

До XI—XII вв. развитие Северной и Средней Италии имело много общего с другими странами Европы. Эти области делились на крупные феодальные (светские и церковные) владения; многочисленные города, сохранившиеся от римского периода, находились, как правило, под властью епископов. Однако чрезвычайно интенсивный рост городов в результате развития ремесла и торговли с Востоком изменил это положение. Освободившиеся в X—XI вв. от власти синьоров города Северной и отчасти Средней Италии не только стали самостоятельными коммунами, но распространили свою власть на округ и в той или иной степени подчинили себе окрестных феодалов. Политическое господство крупных феодалов было значительно ослаблено, феодальные массивы распадались.

К середине XIII в. эти области уже мало походили на прочие европейские страны; городские коммуны с зависимыми районами занимали бо́льшую часть территории, феоды и церковные владения лишь вклинивались в них, сохраняя господство в горах и в отдаленных от города местностях. Но сами города к этому времени проделали значительную эволюцию, чему способствовало бурное развитие их экономики. Изменился состав городского населения. Шел интенсивный процесс урбанизации феодалов: иногда коммуны заставляли их насильственно переселяться в города; часто они сами воздвигали здесь свои башни, ибо господствовать в Северной Италии можно было, лишь заняв влиятельное положение в городе. Порой феодалы поступали на военную службу к городу, в XIV в. многие из них превратились в кондотьеров. Часть представителей знати разорялась и продавала свои земли городской верхушке, некоторые стали заниматься торговлей.

Многочисленные рыцари также переселялись в города, составляли здесь основу городской кавалерии и активно участвовали в экономической и политической жизни города, то поддерживая пополанов, то примыкая к крупным феодалам. Сами пополаны в развитых итальянских центрах были уже весьма неоднородны. Богатые предприниматели и скупщики, купцы, связанные с европейскими и восточными рынками, ростовщики, менялы, местное среднее купечество, состоятельные мастера, основная масса ремесленников, подмастерья — все имели довольно различные экономические и политические интересы, сталкивающиеся между собой.

Городская верхушка начала скупать земли и родниться с нобилями. Грани между сословиями были весьма подвижны, но основной социальный конфликт XIII в. заключался в борьбе между феодалами и пополанами.

Если в XI—XII вв. население города довольно единодушно выступало против синьора и крупных феодалов, то теперь положение изменилось, и социальные конфликты внутри города достигли большой остроты. Сила коммуны, основанная на участии в управлении

каждого члена городской общины, была подорвана глубоким социальным неравенством. Коммунальные учреждения представляли собой не стройный государственный организм, а конгломерат различных ассоциаций рыцарства, купечества, объединений старших и младших цехов, различных товариществ взаимной защиты, церковных конгрегаций и т. д. Все они имели свою организацию, свои уставы. Органы городской власти являлись постоянной игрушкой в руках той или иной группировки, захватившей в данный момент власть в городе, и превращались по существу в орудие олигархии.

С активизацией ремесленников в большинстве городов возникли «малые коммуны» со своими советами, народными капитанами и подеста[1]. «Малая коммуна» тоже начала борьбу за власть в городе, но, как правило, оказывалась не в силах надолго ее удержать.

Прямое господство цеховой верхушки, установившееся с середины XIII в. в ряде городов, вызывало недовольство богатых предпринимателей — купцов («мерканти»), крупных ростовщиков, городского нобилитета, и они оспаривали власть цехов. Каждая группировка пополанов или нобилитета, придя к власти, изгоняла своих противников, конфисковывала их имущество. Изгнанники находили приют в дистретто, и между городом и округом шла постоянная политическая борьба. Если горожане часто господствовали в контадо, ближайшей местности вокруг города, то их власть над всем округом носила спорадический характер. Вместе с тем к середине XIII в. значительно окрепли экономические связи между городом и округом и между более обширными районами. Назревала потребность в преодолении разрыва между высокоразвитым городом и дистретто, где сохранялись сравнительно отсталые отношения.

Только самые крупные города, имевшие главные экономические интересы вне Италии (на Востоке и в Европе),— Флоренция, Венеция, Генуя, располагавшие огромными ресурсами, могли до поры до времени меньше считаться с интересами округа. Большинство же городских коммун находилось в ином положении, и даже такой крупный центр, как Милан, все больше превращался в XIII в. в экономический центр Ломбардии.

Между тем ожесточенная борьба социальных групп в коммуне ослабляла позиции привилегированных сословий, нарушала нормальный ход экономической жизни, препятствовала установлению тесных взаимоотношений между городом и округом. Дальнейшее существование коммунального строя, при котором городская коммуна становилась рупором узких интересов то одной, то другой фракции богатых пополанов или ремесленной верхушки, к середине XIII в. во многих центрах обнаружило свою несостоятель-

[1] См. выше, гл. 4.

ность. Широко распространено мнение, что переход от коммуны к синьории обусловлен обострением борьбы в итальянском городе. Такая точка зрения вряд ли в достаточный мере объясняет события. Ведь сама эта борьба свидетельствовала о том, что городская коммуна, как правило, не могла справиться с задачами, выдвинутыми временем, а именно с необходимостью экономического и политического сплочения внутри отдельных областей, создания устойчивой государственности, опирающейся на более широкую классовую базу. Да ведь нигде в Европе городам одним было не под силу решить эту проблему. Всюду объединение страны или ее частей осуществлялось королевской или княжеской властью, опирающейся на города и мелкое рыцарство.

В Италии не было ни своей королевской власти, которая играла бы такую централизующую роль, ни сильного территориального князя, способного стать союзником коммун[2]. Германские императоры выступали как чуждая сила, заинтересованная прежде всего в ограблении и подчинении городов, а не в конструктивной работе по объединению итальянских земель.

В этих условиях потребностям господствующей верхушки больше всего отвечала синьория, при которой реальная власть в городе переходила в руки единоличного правителя — военачальника, крупного феодала или влиятельного пополана. Она была необходима городским предпринимателям — скупщикам, крупным торговцам, ростовщикам-банкирам, городскому нобилитету, экономический потенциал которых все возрастал, но которые в большинстве коммун не могли самостоятельно, без помощи центральной власти, одержать победу над цеховой верхушкой и массой ремесленников. В ней нуждались также мелкие и средние феодалы округа, оттесненные от управления в пополанской коммуне.

Синьория — специфически итальянская форма правления, возникшая в условиях, когда существовали многие разнородные экономические центры. Ни один из них не стал экономическим средоточием страны, но каждый мог объединить вокруг себя округ или более обширный район с мелкими центрами. При отсутствии центральной или княжеской власти перед синьориями стояла задача осуществить местную, региональную централизацию.

Раньше всего синьории возникли в тех центрах Северной Италии, где шла ожесточенная борьба феодалов и различных фракций пополанов, где сложилось определенное соотношение сил между феодалами и пополанами, когда первые уже не могли основать своего прямого господства, а вторые, будучи экономически разнородным сословием, не сумели удержать власть и установить прочную государственность.

[2] См. выше, гл. 4.

Иные условия были в крупнейших и богатейших итальянских городах, где синьория так и не сложилась (Венеция) или возникла позже (Флоренция), или оказалась весьма не прочной (Генуя). Однородность интересов венецианского патрициата при отсутствии феодальных владений до XV в. позволила создать весьма стабильное управление, не подвергавшееся сильным атакам ни со стороны аристократов, ни пополанов. Отчасти это относится к Генуе, патрициат которой, имевший обширные интересы на Востоке и связанный со всей Европой банковскими операциями, располагал огромными материальными ресурсами и мало зависел от феодального округа. Тем не менее генуэзская знать принимала активное участие в борьбе, и в Генуе неоднократно имели место попытки установить синьорию, иногда в виде пополанской диктатуры, и политический режим здесь был гораздо менее устойчив, нежели в Венеции. «Жирный народ» Флоренции, при всех бурных всплесках классовой борьбы, к концу XIII в. своими силами одержал относительно последовательную победу над грандами и обладал в течение долгого времени достаточной экономической и политической мощью для непосредственного владычества над городом и округом.

Большинство прочих городов Северной и отчасти Средней Италии или сами стали центрами образующихся синьорий, или надолго подпали под власть тиранов более крупного города.

Конкретные пути перехода к синьории были различны. Многие из ранних синьорий возникли путем продления должности подеста.

Само распространение подестата в XIII в. свидетельствовало о попытках найти выход из тупика противоречий, в который зашла коммуна: подеста, часто военачальник, поставленный как бы над коммуной, должен был сдерживать «партийные» распри. Но функции его длились всего один год, и городские статуты сильно ограничивали его власть. Естественно, что в таком виде подестат не мог выполнить свою задачу, и эта должность становилась яблоком раздора в руках той или иной группировки. Однако постепенно в ряде коммун проявляется тенденция продлить должность подеста и расширить ее функции. Так складывалась, например, синьория маркиза Оберто Палавичини. Крупный феодал, находившийся на службе у Фридриха II, он в 1239 г. был избран подеста Павии, в 1249 г.— Кремоны, в 1250 г.— Пьяченцы; в 1254 г. его избрали пожизненным подеста этих городов. В 1259 г. Милан передал ему власть на 5 лет; затем он стал синьором Алессандрии, Комо, Лоди, Новары и Бергамо. Во все эти города Палавичини должен был назначать своих заместителей, иногда передавая им должность подеста, а сам стал называться пожизненным правителем (perpetuus dominus). После смерти Палавичини его синьория быстро распалась.

В 1248 г. в Сончино, небольшом городке дистретто Кремоны, должность подеста доверили Буозо ди Доария на 10 лет, а в 1255 г

его избрали там пожизненным подеста. В Тоскане Карл Анжуйский после 1267 г. получил на 6 лет должность подеста во Флоренции, Лукке, Прато и Пистойе. Пиза в 1285 г., после катастрофы у Мелории, избрала подеста графа Уголино Герардески на 10 лет. Синьория в Равенне возникла также из должности подеста — за нее шла борьба фамилий Полента и Траверсари.

Вокруг вопроса о продлении подестата разгорелась острая борьба. В ряде статутов содержались постановления, запрещавшие продлевать эту должность под угрозой штрафа и даже смертной казни. Но подобные меры не соблюдались и не могли задержать естественного хода развития.

СИНЬОРИИ В СЕВЕРНОЙ ИТАЛИИ

Феррара

Из всех синьорий, которые возникли путем продления должности подеста, наиболее длительной и устойчивой оказалась синьория в Ферраре, сложившаяся в середине XIII в. Ее история довольно типична для небольших государств Северной Италии.

Расположенная в Северо-Восточной Италии Феррара являлась последним крупным центром перед впадением реки По в Адриатическое море. Именно здесь перегружали товары с морских кораблей на речные суда для перевозки их по реке По в Ломбардию. Поэтому естественно, что в XII—XIII вв. город стал крупным торговым центром, где происходили большие ярмарки. Сюда приезжали не только итальянские купцы, но и торговцы из Франции и Германии. Однако в самом городе ремесло было развито слабо (сравнительно с наиболее передовыми центрами страны), и феррарцы торговали продуктами сельского хозяйства — зерном, вином, маслом, льном, пенькой, сырьем (кожа), лесом, металлами (железо, медь), солью, рыбой.

Благосостояние города в первой половине XIII в., о котором пишут хронисты [3], основывалось на выгодах от транзитной торговли. Местное купечество было развито незначительно, ремесленные цехи (суконщиков, сапожников, каменщиков, моряков и перевозчиков) не играли существенной политической роли. Феррарские феодалы в значительной степени сохранили позиции в округе. Как и всюду, многие феодалы и мелкие рыцари переселялись в город и вели ожесточенную борьбу за власть. В первой половине XIII в. в Ферраре шла длительная война двух группировок. Одна из них,

[3] Chronica parva ferrariensis. — *Muratori*. RIS, v. VIII. Milano, 1726, p. 435.

состоящая в основном из феодалов округа, возглавлялась крупным феодальным родом Северной Италии — маркизами д'Эсте, придерживавшимися гвельфской ориентации. Другую возглавил род Торелли — Салингуерра, городских феодалов, связанных с купечеством, торговлей и опиравшихся на пополанов. О Салингуерре II, возглавлявшем эту партию в XIII в., хронист говорит: «Простой народ города Феррары во всем был согласен с ним» [4]. Группировка Салингуерры придерживалась гибеллинской ориентации, ибо главными противниками самостоятельности Феррары выступали папство и гвельфская Венеция.

Торговое процветание Феррары создавало условия для политического преобладания «партии» Салингуерры в первой половине XIII в. Борьба велась непосредственно за должность подеста. С 1222 по 1240 г. основные должности в городе занимали сторонники Салингуерры, и он был фактически синьором Феррары, пользуясь поддержкой Эццелино да Романо. Но на пути Феррары в этот период стала ее мощная соперница — Венеция. Поскольку морские корабли поднимались по реке По до Феррары, часть заморских и итальянских товаров ускользала от Венеции. Поэтому, когда Венеция стала захватывать с XIII в. всю торговлю Адриатики и устанавливать непосредственные торговые связи с Ломбардией, она столкнулась с Феррарой. Между Венецией и Феррарой происходили и военные столкновения в 30-х годах XIII в., но господство Салингуерры, отстаивавшего интересы феррарской торговли и независимость города, препятствовало успехам Венеции.

В 1240 г. против Салингуерры образовалась мощная гвельфская коалиция, куда вошли д'Эсте, папа, Венеция и гвельфы североитальянских городов. После четырех месяцев осады с суши и моря Феррара была вынуждена сдаться. Сторонников Салингуерры изгнали из города, и политическую власть вскоре захватил Аццо д'Эсте, занявший должность подеста. Венецианцы добились полной победы: Ферраре было запрещено принимать в свои гавани корабли из Адриатики, если они шли не из Венеции; ломбардские купцы могли, минуя Феррару, направляться с торговыми кораблями в Венецию. Эти условия договора с Венецией уничтожали значение Феррары как складочного места товаров между Верхней Италией и Востоком. Венецианцы получили право свободного ввоза и продажи соли в Ферраре, право закупки здесь пеньки, зерна, бобов и их беспошлинного вывоза, что фактически превращало Феррару в сырьевой придаток Венеции. Феодальная знать пошла на это, купив такой ценой победу своей группировки в городе. По существу на этом закончился решающий этап внутренней борьбы в Ферраре.

[4] Chronica parva ferrariensis, p. 438.

После 1240 г. в городе не было реальных сил, заинтересованных в господстве коммунального строя. Купечество, потеряв свои экономические позиции, ослабело, ремесленники были недостаточно организованы. Между тем в феррарском округе и городе оставались сильны позиции феодалов. Поэтому естественно, что после 1240 г. Феррара пошла по пути более тесного объединения города со своим округом за счет усиления феодальных, землевладельческих элементов, которые не являлись сторонниками сохранения коммуны. Так расчистилась почва для ее ликвидации и установления власти феодалов в форме единоличного режима — синьории. Слабость феррарских пополанов предопределила относительно быструю и легкую победу феодалов.

Период с 1241 по 1264 г. подготовил установление синьории в Ферраре. В феврале 1264 г., на другой день после смерти Аццо д'Эсте, состоялось избрание его племянника Обиццо синьором Феррары. Выборы происходили на народном собрании, тщательно подготовленном: сторонники д'Эсте были вооружены, к ним на помощь пришли гвельфы других городов; подозрительных лиц выслали из города, остальным гражданам приказали явиться без оружия. Сподвижники д'Эсте предложили избрать Обиццо д'Эсте пожизненным синьором Феррары. Его поддержали те, «кто владел имуществом изгнанников» [5]. После этого синдик коммуны передал Обиццо д'Эсте полное господство над городом с правом действовать по своей воле, «справедливо и несправедливо». Автор хроники едкой фразой заключает свой рассказ: «Новому господину было передано тогда больше власти, чем имеет вечный господь, который не может совершить несправедливое» [6]. Естественно, что в таких условиях невозможно говорить о демократичности выборов. При соблюдении старых коммунальных форм фактически произошел государственный переворот, осуществленный с помощью вооруженного давления на специально подобранный состав собрания.

Согласно акту о выборах, Обиццо получал неограниченную власть над городом для себя и своих наследников; он назначался господином, ректором города и его дистретто с полной юрисдикцией, правом составлять и изменять статуты, назначать чиновников, распоряжаться общественными доходами и т. д. Коллегиальное управление сменилось единоличной властью. Так было положено начало господству д'Эсте в Ферраре, длившемуся с небольшим перерывом три века.

Обиццо д'Эсте (1264—1293), первый синьор Феррары, стал вождем гвельфов в Северной Италии. Подавление оппозиции внутри

[5] Ibid., p. 487.
[6] Ibidem.

города, организация вооруженных сил позволяли синьории более успешно, нежели мелким коммунам, вести захватническую политику. Обиццо удалось присоединить на юго-западе Модену (1289) и Реджо (1290). Внутри государства оформление нового режима нашло выражение в статуте 1287 г. Вся полнота законодательной и судебной власти передавалась в руки наследственного синьора, назначавшего чиновников коммуны и командовавшего вооруженными силами. Но старый коммунальный аппарат сохранялся, и это отражало самую сущность нового режима: несмотря на победу феодальных элементов, город отнюдь не поглощался округом, и власть синьора исходила непосредственно из города.

Статут 1287 г. содержал многочисленные постановления, направленные против мятежей, запрещавшие устраивать какие-либо сборища, ношение оружия и т. д. Малейшее нарушение этих постановлений каралось отсечением ноги или руки или даже смертной казнью. Статут включал также и постановления против еретиков. Суровые законы характерны и для других синьориальных статутов (например, статут синьора Вероны Кан Гранде делла Скала от 1329 г.).

Феррарская синьория была первой синьорией, запретившей в 1287 г. существование цеховых организаций. Острие постановления направлялось против объединения моряков, которые рассматривались как наиболее мятежные элементы и «наихудший народ». Сохранились лишь некоторые корпорации, необходимые государству: коллегия судей, нотариусов и глашатаев, духовные конгрегации, ополчения и организации городских и сельских кварталов, а также цехи кузнецов и мясников. Видимо, это запрещение определялось прежде всего боязнью политической активности цехов, которые выступали против д'Эсте. Вместе с тем синьория, отменяя цехи, брала на себя и некоторые экономические функции в организации труда: статут 1287 г., предписывал ремесленнику или рабочему полностью подчиняться хозяину-нанимателю, выполнять по его приказу любую работу без права жалоб в суд на хозяина. В памяти народа Обиццо остался как жестокий тиран, в котором олицетворялись все пороки. Отсюда версия о насильственной смерти синьора Феррары, которая дошла до Данте. Поэт поместил Обиццо в аду среди тиранов:

...Здесь не один тиран, который жаждал золота и
крови...
Вот этот, с черной шерстью,— пресловутый
Граф Адзолино[7]*; светлый, рядом с ним,—*
Обиццо д'Эсте, тот, что в мире смуты
Родимым сыном истреблен своим[8].

[7] Эццелино да Романо
[8] *Данте.* Божественная комедия. М., 1968. Ад., XII, 104—112.

После некоторого периода смут с 1308 по 1317 г. власть д'Эсте была восстановлена, и они получили титул папских викариев в Ферраре.

В течение XIV в. д'Эсте участвовали во всех военных предприятиях Северной Италии; со второй половины XIV в. их главными и наиболее опасными противниками оказываются Висконти, с которыми шла борьба за Модену и Реджо. Постоянные войны, необходимость содержать чиновничий аппарат, строительство дворцов — все это требовало больших средств. К концу XIV в. при Никколо д'Эсте, прозванном Хромым, был введен новый поземельный налог, выросли соляные поборы. В 1381 г. в Ферраре был создан монетный двор и стала чеканиться местная серебряная монета — маркизанская лира. Тяжесть налогов усугубилась бедствиями от неурожаев 1369, 1370 и 1374 гг.

В мае 1385 г. в Ферраре вспыхнуло антиналоговое восстание. Около тысячи человек собрались на площади коммуны и потребовали выдачи инициатора новых налогов Томмазо ди Тортона. Правительству пришлось уступить. Тортона был растерзан толпой, налоговые книги сожжены, налоги временно снижены. Интересно, что планы восставших ремесленников шли гораздо дальше: они намеревались убить маркиза и восстановить коммуну. Восстание жестоко подавили.

В конце 80-х годов в Ферраре усилилась диктатура: увеличилось количество наемных войск, началось строительство новой крепости и т. д. С конца XIV в. окончательно укрепившийся синьориальный режим принимает меры для подъема сельского хозяйства и промышленности. Маркиз Альберто д'Эсте в 1392 г. добился от папы Бонифация VIII буллы, согласно которой светским держателям церковных земель разрешалось свободно покупать, продавать и арендовать земельные держания при уплате небольшого ценза. Это приближало феодальные держания к свободной земельной собственности. Феррарские арендаторы с восторгом встретили вернувшегося из Рима Альберто: на мраморном портале феррарского собора был высечен текст буллы и в нише собора поставлена статуя маркиза Альберто.

В XV в. правительство поддерживало рядом мер производство шерстяных и шелковых тканей. Для улучшения сельского хозяйства строились и укреплялись осушительные каналы и плотины; вместе с тем в интересах городского населения устанавливались твердые цены на зерно и запрещался вывоз продуктов из Феррарского округа. Основными производителями в феррарской деревне стали испольщики, платившие половину или треть урожая. Ростовщики, предприниматели скупали землю у разорившихся дворян и крестьян и также вели хозяйство при помощи испольщины. Вместе с тем в более отсталых районах сохранялась чисто феодальная эксплуатация.

В период долгого правления Никколо III (1393—1440) власть д'Эсте приобретает абсолютный характер и распространяется на обширную территорию — от Адриатики почти до Тирренского моря. В XV в. окончательно сложился государственный аппарат синьории, состоявший из своеобразного сочетания старых учреждений коммуны и новых центральных ведомств. Во главе города продолжали стоять подеста и его викарий, но они назначались синьором; за подеста остались лишь судебные и некоторые административные функции. Подеста опирался на большую армию чиновников — ассесоров, синдиков, адвокатов; при синьоре существовало несколько советов — совет мудрых, совет юстиции и т. д. Отдельными отраслями управления руководили чиновники, ведавшие торговлей, финансами, снабжением города продовольствием, строительством дамб, насыпей и т. д.

Феррара становится крупным центром Возрождения; в ее университет, основанный в конце XIV в., привлекаются виднейшие профессора философии, литературы, медицины. В 1476 г. здесь появилась типография. Одной из первых печатных книг был новый статут 1476 г., закрепивший власть феррарских правителей.

В 1471 г. сыну Никколо III, маркизу Борсо д'Эсте, был присвоен титул герцога; тем самым завершилось превращение синьории в принципат — государство монархического типа. Феррарский двор стал одним из блестящих и богатых в стране. Огромные средства тратились на роскошные приемы коронованных особ, строительство дворцов и замков, пышные турниры и празднества. Первое место в герцогстве занимали дворяне, его государи выступали как способные кондотьеры, дворцы Феррары напоминали крепости; при дворе процветали рыцарские обычаи, и горожанину тут не было места.

Итак, на примере развития Феррары можно проследить процесс превращения города-коммуны в небольшое территориальное государство. При слабости торгово-ремесленных слоев феодалы достигли в этой синьории быстрой победы и заняли господствующее положение. Тем не менее их победа не привела к экономическому упадку города — синьория в XV в. покровительствовала развитию торговли и промышленности.

Верона, Падуя, Мантуя

В весьма развитых ремесленных и торговых центрах — таких, как Верона и Падуя, утверждение синьории происходило в более сложных условиях. Активная деятельность купечества и ремесленников привела здесь к учреждению «малой коммуны» во главе с народными капитанами, подеста торговой гильдии или подеста народа.

Из пяти синьорий Северной Италии, существовавших сравнительно длительный срок — в Ферраре, Милане, Вероне, Мантуе и Падуе — четыре последних вели происхождение из должности народного капитана, т. е. из «малой коммуны». Классовая борьба достигла здесь большой напряженности. Внутренняя непримиримость интересов отдельных группировок осложнялась тем, что ослабленные этой борьбой города становились добычей различных авантюристов-феодалов.

Верона, этот крупный торговый и ремесленный центр с развитым сукноделием, имела большое количество цехов и купеческую организацию. Но и феодалы были сильны; их многочисленные башни высились в городе (одна из них, башня Ламберти, достигала в высоту 78 метров). Ожесточенной борьбой феодальных группировок Монтекки и Сан-Бонифаччо воспользовался способный военачальник Эццелино да Романо, опиравшийся на помощь Фридриха II Гогенштауфена. В 1236 г. Эццелино захватил власть в Вероне, а затем распространил господство на Падую, Верчелли, Тревизо, Беллуно, Фельтре. Грозный тиран, не знавший страха, он совершал опустошительные набеги на гвельфские города, прибегал часто к убийствам и казням своих противников, разрушал их замки, сменял по своей воле подеста Вероны. Не раз во время его правления войска Фридриха II занимали и грабили город. В 1256 г. против Эццелино был организован крестовый поход, и он потерял Падую. В конце концов от веронского тирана откололись союзники; в 1259 г. у Адды он потерпел поражение и умер в замке Сончино от ран, отказавшись примириться с церковью. Сразу после смерти Эццелино да Романо его синьория, носившая хищнический характер, не успевшая пустить глубоких корней, распалась.

Смерть Эццелино привела к активизации пополанских элементов Вероны, и цеховой верхушке удалось захватить власть. Был создан совет цеховых старейшин (гастальдов), который стал избирать подеста и других должностных лиц. Но уже в 1262 г. на общем собрании капитаном народа избрали Мастино делла Скала, ставшего фактическим синьором города. Новые синьоры Вероны были, по-видимому, незнатного происхождения. Все знающий Д. Виллани приводит рассказ о том, что их фамилия якобы произошла от некоего Фико, который изготовлял лестницы (la scala) и продавал их.

Однако Скалигеры, сохранив формально коммунальные органы и Совет гастальдов, постепенно лишили их власти. При Мастино и его преемнике Альберто делла Скала были составлены новые статуты Вероны (1277), которые ставили синьора во главе коммуны; подеста назначался отныне с его согласия, сохранившийся Совет гастальдов собирался тоже только с одобрения синьора. Некоторые статьи статута были направлены против независимости

феодалов — запрещалось строить новые замки в Вероне и дистретто без согласия синьора, под власть которого перешло много крепостей.

Наибольшего расцвета синьория Скалигеров достигла при Кан Гранде («Большой пес») делла Скала (1308—1329). Все правление этого грозного и талантливого воителя прошло в войнах. Глава гибеллинов Северной Италии, Кан Гранде получил от Генриха VII в 1311 г. титул имперского викария Вероны. В 1311 г. он захватил Виченцу, а затем распространил господство на Фельтре, Беллуно, Падую и Тревизо. В 1318 г. Кан Гранде был избран главой гибеллинской лиги в Ломбардии.

В самой Вероне и других городах, подчиненных синьории, продолжался процесс ослабления коммунальных учреждений и корпораций цехов[9]. Новый статут 1328 г. устанавливал порядок назначения членов Большого совета синьором. Вместе с тем оказывалось значительное покровительство торговцам и предпринимателям, заключались выгодные торговые договоры с Венецией. Многие должности при дворе получали представители знати. В 1350 г. Кан Гранде II фактически лишил власти Совет гастальдов, передав ее Совету 24, назначенному из определенного круга лиц. В 1359 г. синьория Скалигеров стала наследственной.

Усиление веронских тиранов вызвало создание против них большой коалиции, и вскоре у Скалигеров остались лишь Верона и Виченца. В 1387 г., после войны с Джан-Галеаццо Висконти, Верона вошла в состав Миланского герцогства; власть цеховой верхушки к этому периоду была окончательно сломлена. В начале XV в. Верона прочно вошла в состав Венецианских владений.

Аналогична судьба Падуи, где ремесленные цехи в конце XIII в. объединились в братство и попытались играть решающую роль в управлении городом. Но уже в 1328 г. Якопо Каррара был избран здесь народным капитаном и стал имперским викарием, получив власть синьора, право назначать гастальдов и анцианов. Последние начали принимать решения, угодные синьору.

Падуанская синьория достигла расцвета во второй половине XIV в. при Франческо II Старом (1355—1388). К этому времени политическое влияние цеховой верхушки ослабело и господствующие позиции стали занимать нобилитет и крупные предприниматели-суконщики, которые все больше подчиняли себе экономически ремесленную массу. Синьоры Падуи оказывали покровительство промышленности и торговле. Хотя старые советы коммуны — анцианов и гастальдов — сохранились, их власть была сильно ограниче-

[9] *A. Ventura.* Nobiltà e popolo nella società veneta del' 400 e' 500. Bari, 1964, p. 4—5.

на. Большой совет, прежде выборный орган, стал теперь закрытым учреждением и должности в нем передавались по наследству. Агрессия со стороны Ломбардии, укрепление позиций Венеции на terra ferma оказались гибельными и для синьории Каррара. В 1389 г. Пудуя была захвачена Джан-Галеаццо Висконти, а с 1406 г. город вошел в состав венецианских владений.

Таким образом, в Вероне и Падуе укрепление синьории привело к отстранению от власти цеховой верхушки и к господству городского нобилитета, крупных предпринимателей и торговцев.

Прочно утвердилась синьория в Мантуе, расположенной в центре богатого сельскохозяйственного округа. В XIII в. здесь, как и в других центрах, шла ожесточенная борьба различных феодальных партий. В 1272 г. власть в Мантуе захватили Бонакользи, придерживавшиеся гибеллинской ориентации. С помощью Скалигеров крупный феодал Северной Италии Луиджи Гонзага в 1328 г. захватил Мантую. Пассерино Бонакользи был убит, и Луиджи Гонзага избрали пожизненным народным капитаном с правом назначать преемника. Людвиг Баварский назначил его императорским викарием. В XIV в. Гонзага пришлось отстаивать свои владения от д'Эсте, Скалигеров и Висконти. Хотя формально коммунальные органы сохранились, большинство чиновников назначались синьором. В XV в. были созданы новые синьориальные статуты. В отличие от синьории Скалигеров, Гонзага не претендовали на широкую экспансию и ядро их небольших владений было устойчивым. Джан-Франческо Гонзага в 1433 г. получил титул маркиза. Город стал одним из центров гуманизма, украсился замками, дворцами, церквями. Маркизы покровительствовали развитию промышленности и сельского хозяйства, укрепляли администрацию, заключали брачные союзы с европейскими дворами, умело лавировали в сложном лабиринте итальянской политики.

Почему же Ферраре и Мантуе удалось создать небольшие территориальные государства на долгий период, в то время как, казалось бы, более мощные синьории Скалигеров, Каррара и других властителей были поглощены своими соседями?

Дело не только во внутренней устойчивости синьориальных режимов в этих областях, но и в том, что Ломбардия и Венеция, по-видимому, были заинтересованы в существовании таких «буферных» государств, которые создавали некоторую разрядку и позволяли вступать с ними в союз. К тому же Феррара экономически зависела от Венеции и не представляла особого интереса для богатых соседей. Верона и Падуя сами по себе являлись более важными жизненными центрами, потому венецианцы стремились захватить их в свои руки.

Милан

Милан, самый значительный город Северной Италии, стал ядром обширной синьории, охватившей почти всю Ломбардию. Расположенный на пересечении важных международных торговых путей из Франции, Германии и Швейцарии с итальянскими путями из Венеции, Тосканы и Генуи, Милан рано стал крупным торговым и промышленным центром. В городе было развито производство сукна, шелковых, льняных и полотняных тканей, а своим оружием Милан славился на всю Европу; производство носило мелкий, ремесленный характер. Город являлся транзитным пунктом для восточных товаров, поступавших через Венецию в долину По, а затем через альпийские проходы провозившихся в другие страны Европы. В миланском округе XII—XIII вв. в значительной степени сохранялись феодальные отношения.

Социальная структура Милана XIII в. была сложной. Огромную роль играли миланские феодалы, от которых зависело снабжение хлебом и другими припасами огромного населения Милана; активно участвовали они и в военных предприятиях города. Многочисленный урбанизированный мелкий нобилитет, связанный с купечеством, образовал свой союз — Мотту. Влиятельное положение занимала Креденца св. Амвросия, объединявшая представителей цеховой верхушки; ее возникновение знаменовало рождение «малой коммуны». Но ни одна из социальных группировок (нобили, вальвассоры, купечество, цеховая верхушка) — не была достаточно сильна, чтобы надолго удержать власть в своих руках.

Рост внутренних экономических связей в Ломбардии создавал между тем почву для объединения ее территории под властью Милана, который во второй половине XIII в. стал превращаться в промышленный центр Паданской долины. Однако коммунальный режим, раздираемый противоречиями, не мог выполнить эту задачу.

В первой половине XIII в. основная борьба в Милане шла между нобилями и пополанами, выступившими в союзе с вальвассорами. Союз Мотты и Креденцы св. Амвросия, т. е. союз вальвассоров, цеховой верхушки и купечества, в тот период имел превосходство над нобилитетом. Именно этому союзу принадлежала инициатива создания синьории в Милане. В 30-х годах XIII в. главенствующую роль в Креденце стала играть гвельфская семья делла Торре, нобилей и сукноторговцев. Пагано делла Торре, снискавший симпатии миланцев своей храбростью в битве при Кортенуово, стал анцианом и подеста Креденцы в 1240 г. С 1247 г. на эту должность был избран его племянник Мартино.

В 40—50-х годах XIII в. в Милане провели некоторые демократические реформы: стал взиматься поземельный налог с владений светских и духовных феодалов, представители пополанов приняли

участие в контроле над финансами, комиссия из пополанов производила оценку зерна, привозимого в город. На 10 миль вокруг Милана отменялась феодальная юрисдикция, многие замки в контадо были разрушены; представители знати неоднократно изгонялись из города. Урезывались права миланского архиепископа, на монастыри возложили обязанность привозить в город зерно. Запрещалось конфисковывать у должников имущество за неуплату долгов.

Но, наступая на праве нобилитета и духовенства в округе, партия делла Торре не решалась опереться на сельские коммуны и крестьянство, поэтому ее политика фактически не имела опоры в дистретто и контроль над сельской местностью в значительной степени был потерян. Все это обострило внутреннюю борьбу, и пополаны попытались создать диктатуру для борьбы со знатью. Мартино делла Торре с помощью пополанов окрестных городов стал в конце 50-х годов синьором города.

Однако демократические реформы вызвали опасения не только знати, но также купечества, ростовщиков и вальвассоров. Их недовольство вызывало облегчение положения должников, установление низких цен на зерно и некоторые другие начинания. В результате в конце 50-х годов от Креденцы св. Амвросия стали отходить зажиточные слои. Мотта воссоединилась с партией нобилей, что и решило участь синьории делла Торре, лишившейся поддержки имущих классов.

В 1262 г. архиепископом Милана был избран с помощью папы Оттон Висконти, представитель старой гибеллинской семьи Ломбардии. Делла Торре не признали нового архиепископа, и он не смог въехать в Милан. Постепенно Оттон Висконти стал официальным главой изгнанных нобилей, к которым присоединились многие вальвассоры и представители купечества. Оттону удалось привлечь на свою сторону ряд ломбардских городов. В январе 1277 г. он одержал решительную победу над делла Торре при Дезио. Напо делла Торре, синьор Милана, был взят в плен и окончил жизнь в железной клетке.

Оттона Висконти приветствовали в Милане не как главу партии капитанов, каковым он в действительности являлся, а как примирителя, пастыря, который может успокоить кипящие политические страсти. Его встречали криками «Мир! Мир!». И Оттон, хитрый и опытный политик, в начале своей деятельности пытался создать иллюзию политического нейтралитета. Но скоро стало ясно, что архиепископ решительно опирается на феодалов. Делла Торре и его сторонников изгнали. Была проведена реформа, которая допускала к занятию высших должностей в церкви и государстве только представителей знати, для чего специально составили список крупнейших феодальных фамилий Милана (около 200). Произошло как бы «закрытие» феодального сословия. Хронист Ацарио дает интересную

оценку политики Оттона: «Так возвышал он капитанов и вальвассоров в ожидании, что придет время их подавить»[10].

В 1287 г. племянника Оттона — Маттео — избрали народным капитаном со всей полнотой власти. Однако Висконти тогда не сумели удержаться в Ломбардии, где гвельфизм не был сломлен; Гвидо делла Торре с помощью ополчений ряда городов одержал победу над Маттео. Вторая синьория делла Торре длилась с 1302 по 1310 г., но делла Торре не удалось создать прочную опору в Милане; знать, духовенство и часть купечества не оказывали им доверия.

Тем временем Маттео Висконти вел скромную жизнь в одном из феррарских замков. По словам Джованни Виллани, Гвидо делла Торре отправил к Маттео своего посла, который спросил его, когда он собирается вернуться в Милан. Маттео ответил: «Скажи своему сеньору, что я вернусь тогда, когда его грехи превысят мои собственные»[11]. На самом деле возвращению Висконти в Милан способствовали симпатии нобилей и поддержка со стороны Генриха VII Люксембурга. В декабре 1310 г. Генрих VII вступил в Милан и сделал попытку примирить делла Торре и Висконти. Попытка не увенчалась успехом, и вскоре делла Торре выступили во главе недовольных против Генриха VII, но потерпели поражение. Дома их в Милане были разрушены и сожжены, а семья навечно изгнана из города.

Маттео Висконти в 1311 г. сумел получить от Генриха за 50 тыс. золотых флоринов титул имперского викария Милана. Уже после смерти Генриха VII, в сентябре 1313 г., Общий совет Милана провозгласил Маттео «господином и генеральным ректором». В течение короткого времени господство Висконти распространилось на Павию, Комо, Тортону, Алессандрию, Бергамо, Верчелли. В мае 1317 г. на Общем совете, где собрались 1200 человек, сторонники Висконти, Маттео был провозглашен пожизненным синьором Милана. С тех пор Висконти твердо удерживали власть над Миланом до середины XV в.

Итак, в Милане одержала победу синьория, опирающаяся на нобилей, и это не случайно. Дворянство занимало крепкие позиции в округе и самом Милане, а союз городского рыцарства и пополанов, при большой дифференциации последних, обнаружил свою непрочность. Партия делла Торре оказалась неспособной перейти от политики городских пополанов к более широкой платформе и найти социальную опору в дистретто. Поэтому мнение Р. Ромео, считающего период правления делла Торре в Милане скорее про-

[10] *A. Visconti.* Storia di Milano. Milano, 1952, p. 277.

[11] *G. Villani.* Cronica, libro ottavo, cap. 61.

должением политики городских пополанов в форме диктатуры, чем синьорией в широком значении этого слова, представляется правильным [12]. Перед новой миланской синьорией стояли две основные задачи: 1) объединить города и сельские местности Паданской долины под главенством Милана; 2) создать из разрозненных феодальных и церковных владений, подчиненных городов, стремящихся к сепаратизму, единое государство, с единым законодательством, стройной организацией государственного аппарата, общей финансовой системой и т. д.

Представители династии Висконти, большей частью весьма энергичные, активные и ловкие политики, действовавшие достаточно беззастенчиво, с неуклонным рвением осуществляли эту программу и не склонялись под тяжестью неудач и многочисленных препятствий.

А трудности были велики. Первые Висконти еще не располагали ни достаточными финансовыми средствами, ни своим аппаратом управления, ни армией. Власть их не имела прочной юридической основы и базы, сохраняли силу и традиции коммунальных «свобод». Поэтому правление первых синьоров часто опиралась на прямое насилие. При Маттео Висконти (1313—1322) возвышающаяся синьория, не имея регулярных налоговых поступлений, прибегала к постоянным конфискациям имущества политических противников, поборам с городов. Уже в начале своего правления Маттео часто захватывал имущество миланских церквей и монастырей, присваивая их доходы. В связи с этим он неоднократно подвергался церковному отлучению вместе с сыновьями до четвертого поколения. Папа называл его в своей булле «яростным опустошителем Ломбардии» [13]. Маттео заботился об увеличении домена Висконти; он приказывал подделывать документы и на их основании захватывал то или иное владение.

Вместе с тем Маттео продолжал линию Оттона Висконти и совершенно определенно опирался на нобилей. Представителей нобилитета он назначал начальниками замков, но ежегодно их менял. Хронист Гальвано Фиамма подчеркивает: «Он охотно выслушивал миланских нобилей и не противился их советам» [14]. При преемниках Маттео, Адзоне (1329—1339) и Лукино (1339—1349), синьория Висконти распространилась почти на всю Ломбардию. Были присоединены Бреша, Комо, Крема, Лоди, Пьяченца, Парма, Асти, Альби, Бра и Кераско. Быстрое, часто добровольное присоединение этих городов к Милану оказалось подготовлено их экономическими

[12] *R. Romeo*. L'abate di Sant'Ambrogio e il comune di Origgio.— RSI, 1957, fasc. IV, p. 506.

[13] *P. Verri*. Storia di Milano, v. II. Firenze, 1963, p. 76.

[14] Ibid., p. 150.

связями. К тому же ремесленники и купечество городов Ломбардии, измученные беспрерывными войнами, ослабляемые внутренними раздорами, не имея средств и сил для борьбы с врагами, искали часто защиты у более сильного синьора даже ценой потери независимости.

В присоединенных городах могущественные ранее подеста становились представителями центральной власти, и многие должностные лица стали назначаться прямо синьором. Принимались меры для безопасности дорог; грандам запрещалось облагать купцов пошлинами. Горожан освободили от обязанности служить в городской милиции.

После смерти Лукино власть в Милане перешла в руки его брата, архиепископа Джованни (1349—1354). Опытный и ловкий политик, Джованни предпочитал действовать не грубой силой, а при помощи дипломатических союзов, подкупов и т. п. В 1349 г. Общий совет Милана утвердил наследственность синьории Висконти, что юридически укрепило их положение.

Во внутренней политике Джованни удалось сосредоточить всю полноту власти в своих руках, хотя формально сохранялись старые органы коммунального управления. После долгого обсуждения в 1351 г. были приняты новые статуты Милана, закреплявшие победу синьориального режима. Путем различных интриг Джованни удалось приобрести Болонью и Геную, что привело к созданию каолиции против Висконти.

Как и прочие синьоры, Висконти старались привлечь к своему двору ученых и поэтов. Торжественный прием был устроен в Милане в 1353 г. Петрарке, который называл Джованни «самым великим человеком Италии»; вскоре, прервав свое одиночество в Воклюзе, поэт переехал к миланскому двору. Друзья и недруги осуждали такое поведение гордого республиканца.

После смерти Джованни (1354) синьория перешла в руки его племянников — Галеаццо II и Бернабо. Наиболее энергичным из них был Бернабо, человек необузданного нрава, жестокий тиран, в политике которого дерзость и необоснованные предприятия преобладали над продуманностью и мудрым расчетом. Вскоре были потеряны Генуя и Асти, затем Болонья.

Двор Бернабо и Галеаццо II отличался пышностью. Брачные церемонии (например, празднование брака дочери Галеаццо II с английским принцем) проходили с большой роскошью. Все это требовало огромных средств и вызывало рост налогов. Малейшее сопротивление правителям каралось казнью. Тираны находились в постоянном страхе. Бернабо построил себе крепость в Милане, Галеаццо II — в Павии, где они жили охраняемые гвардией, заботясь прежде всего об удовлетворении своих прихотей. Бернабо, любивший охоту и собак, построил в Милане особый дворец, где он дер-

жал около 500 собак; много собак было роздано жителям Милана, которые своим имуществом, а иногда и жизнью отвечали за здоровье животных.

В середине 70-х годов Галеаццо II стал привлекать к управлению своего сына Джан-Галеаццо, который после смерти отца (1478) стал соправителем Бернабо. Осторожный и умеренный, Джан-Галеаццо стремился привлечь симпатии миланской знати.

В 1485 г. он попросил Бернабо о встрече, во время которой предательски захватил своего дядю в плен и заключил его в замок, а затем, чтобы оправдать этот поступок, устроил над ним открытый суд. Обвинить Бернабо не составляло труда; вскоре после процесса тиран умер в тюрьме. Общий совет безропотно передал синьорию в руки Джан-Галеаццо, который вскоре объединил в своих руках всю Ломбардию (благодаря женитьбе на дочери Бернабо).

*

С середины XIV и до конца XV в. экономика Ломбардии, особенно Милана, переживает период интенсивного развития, что обусловливалось отчасти объединением Ломбардии при синьории [15].

В Милане бурно развивалась текстильная промышленность — суконное производство, изготовление хлопчатобумажных тканей, бумазеи. В миланском округе производились льняные ткани. Продолжало изготовляться оружие разных видов, кожаные изделия. Производство сохраняло мелкий характер, но в структуре суконной промышленности с середины XIV в. происходили важные изменения. Прежде суконное производство базировалось на местной шерсти, теперь же оно использовало привозную шерсть из Англии, Франции, Бургундии. Торговцы шерсти, крупные оптовики, стали раздавать сырье мастерам-суконщикам и покупать у них готовую ткань, постепенно подчиняя себе производство. Так возникала рассеянная мануфактура, особенно распространившаяся в XV в. Такие же процессы имели место в шелковом хлопчатобумажном производстве.

Господствующей фигурой в экономической деятельности становится предприниматель, оптовый купец и банкир — mercante. Эти предприниматели-скупщики объединялись в могущественнную организацию Camera dei Mercanti, состоявшую из 12 консулов, фактически руководившую хозяйством Милана. Контролируя производство, они вели и оптовую торговлю сырьем и продуктами миланской и ломбардской промышленности, а также транзитными

[15] Storia di Milano, ed. Treccani, t. VIII. Milano, 1967; *C. Cippola.* I Movimenti economici generale (1350—1500), p. 348; *M. Romani.* Milano. Città mercanti dottrine nell'economia europea dal IV al XVIII sec. — «Saggi in Memoria di Gino Luzzatto». Milano, 1964, p. 174.

товарами. Миланские торговцы были известны во всей Европе, а в некоторых городах они имели свои фактории. Довольно устойчивая денежная система приводила к развитию банковских операций и организации в самом Милане многочисленных банков [16]. Процветание промышленности и торговли вызывало рост населения Ломбардии и особенно Милана. Несмотря на неоднократные эпидемии чумы в XIV—XV вв. и войны, население Милана в XV в. приближалось к 100 тыс. чел. [17]

Крупные изменения наблюдались и в сельском хозяйстве. В XIV в. бóльшая часть плодородных земель Ломбардии находилась в руках церкви и светских феодалов, которые сдавали ее в долгосрочную аренду. Арендаторами часто выступали богатые горожане, обрабатывающие землю при помощи мелких арендаторов и батраков, вкладывавшие в участки средства для увеличения их доходности. К XV в. они добились изменения условий аграрных контрактов: теперь в договоре оговаривалось, что если земельный собственник по окончании срока аренды не сможет возместить арендатору расходов, затраченных на улучшение участка, то он обязан возобновить аренду на тех же условиях. На практике это приближало аренду к условиям полной собственности, ибо феодалы и церковные магнаты не имели средств возместить затраты на улучшение участков и должны были сдавать их одним и тем же арендаторам, которые продолжали платить им ту же арендную плату, ставшую теперь мизерной после всех нововведений. Старые феодальные собственники все больше теряли контроль над землей и разорялись, а реальными хозяевами становились предприимчивые арендаторы, державшие в течение многих лет участки, а иногда и покупавшие их. В XV в. шла интенсивная мобилизация земель и спекуляция земельными участками. Новые собственники и крупные арендаторы вкладывали капиталы в землю. Это обстоятельство не следует рассматривать как проявление начавшейся реакции — промышленность и торговля не поглощали всех капиталов, и вложение их в сельское хозяйство означало его обновление и интенсификацию.

Введение новых культур, технические усовершенствования, расчистка лесов, увеличение обрабатываемой земли, особенно проведение системы осушительных и оросительных каналов — все это превратило Ломбардию XV в. в цветущую область Европы.

Экономические изменения привели и к значительным социальным сдвигам. В городах сложилась группа крупнейших предпринимателей — мануфактуристов, купцов, банкиров, среди которых ру-

[16] Storia di Milano, ed Treccani, t. VIII. Milano, 1957; *C. Cippola.* L'economia milanese alla metà del sec. XV, p. 338—345.

[17] *C. Cippola.* L'Economia milanese..., p. 382.

ководящие позиции заняли фамилии Борромео, Фольперти, Диверси, Микели и др. Многие из них заняли руководящие должности при дворе. Интересна в этом отношении фигура крупного торговца и землевладельца Пазино дельи Эустаки, который был капитаном и адмиралом флота при дворе Висконти. Эта новая категория людей выдвинулась из различных социальных слоев — богатых мастеров и менял, из старой знати, среднего нобилетета. Увеличилось число средних торговцев и состоятельных мастеров, углубилась пропасть между ними и мелкими ремесленниками, подмастерьями и наемными рабочими.

В деревне ослабели позиции старой феодальной знати и крупного духовенства, стали появляться новые землевладельцы, выдвинувшиеся из городских богачей и состоятельных арендаторов, скупавшие держания у старой знати. Они вкладывали капиталы в землю и вели довольно интенсивное хозяйство; напротив, мелкие арендаторы разорялись. Новые землевладельцы и зарождающиеся буржуазные элементы стали опорой окрепшей синьории. Они нуждались в сильной центральной власти, которая бы ограничивала произвол и привилегии старой феодальной знати, патрицианской верхушки, цеховых организаций, обеспечивала дополнительные доходы от гражданской и военной службы, способствовала объединению Ломбардии, покровительствовала торговле и промышленности, помогала держать в повиновении народ. Недолгое правление Джан-Галеаццо (1385—1402) вполне отвечало этим задачам.

Централизация и унификация государства, которые едва наметились при его предшественниках, получили при нем дальнейшее развитие. Политика Джан-Галеаццо носила весьма целеустремленный характер и была ясно направлена к одной цели — к объединению Северной и Средней Италии и созданию из разрозненных владений с местным правом и привилегиями единого государства с единым законом, правом, единой финансовой и военной системой. Проницательный, волевой и гибкий политик с широкими замыслами, Джан-Галеаццо вместе с тем, как правило, трезво оценивал действительность и понимал, что все эти новые задачи необходимо осуществлять постепенно, считаясь со сложившимися обычаями, интересами различных групп господствующего класса и своеобразием коммун. Поэтому ему постоянно приходилось лавировать, идти на некоторые уступки, а нередко и вовсе останавливаться на полпути.

Джан-Галлеаццо начал с укрепления центрального управления и финансов, а также с введения единого законодательства. Сразу же ему пришлось встать на путь компромисса: создав довольно стройную систему центрального управления, Джан-Галеаццо сохранил старые коммунальные органы, хотя и лишил их реальной власти. Здесь он, как и многие синьоры, придерживался принципа,

сформулированного Макиавелли: «При переменах надо сохранять тень прежних установлений, чтобы народ не подозревал о перемене порядка»[18]. Прежний Общий совет Милана (Совет 900, избираемый по 150 чел. от шести ворот) назначался государем, реально же управлял городом верховный совет, состоявший из 12 человек, назначаемых синьором. Этот орган просуществовал до конца XVIII в. Он ведал непосредственно главными отраслями гражданского управления, и от него зависел ряд вспомогательных учреждений. Некогда всесильный подеста стал лишь председателем судебного трибунала. Из независимого города-коммуны Милан превратился, таким образом, в столицу государства, администрация которого полностью подчинялась синьору.

Управление возглавлял генеральный викарий, при нем был создан Тайный совет из 12 человек. Он ведал основными политическими и военными вопросами, отношениями с иностранцами, а также являлся судебным трибуналом по особо важным делам. Совет справедливости (Consiglio di guistizia) занимался текущими гражданскими делами. В его состав входил специальный орган — казначейство (camera), которое делилось на два управления — по обычным и экстраординарным доходам. За финансами отдельных коммун следил общий референдарий, а в каждую коммуну назначались еще специальные референдарии. Кроме того, был создан ряд учреждений, ведающих отдельными отраслями управления, например Комитет переписки (Officie delle Bollete), занимавшийся организацией почты и осуществлявший контроль за корреспонденцией. Чиновники, служившие во всех этих управлениях, должны были регулярно отчитываться в своей деятельности.

В отношении подчиненных городов Джан-Галеаццо придерживался тех же принципов: формальное сохранение коммунальных органов и фактическое подчинение всех чиновников синьору. Но в смысле организации управления отдельные города отличались друг от друга, так как учитывалась специфика каждого города.

В 1396 г. были изданы новые статуты, согласно которым высшая законодательная и судебная власть в государстве сосредоточивалась в руках государя, который издавал свои законы и распоряжения — «герцогские грамоты» (Lettere ducali). Они объединялись в тома и становились юридической нормой при решении аналогичных вопросов. Вместе с тем сохранялись и старые статуты коммун, которым следовали в том случае, если они не препятствовали распоряжениям государя.

Правительство Джан-Галеаццо, покровительствуя торговле и промышленности, вместе с тем стремилось подчинить себе цехи и

[18] *Н. Макиавелли*. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. СПб., 1912.

торговые объединения, главным образом опасаясь их политической активности. Статут 1396 г. определял, что уставы корпораций ремесленников и торговцев сохраняются только в том случае, если они не противоречат общему миланскому законодательству; но и при этом они должны утверждаться соответствующими учреждениями. Исключения делались для коллегии юристов, нотариев, а на практике давались широкие привилегии коллегиям торговцев, финансистов, цеху сукноделов и т. д. Предпринимались попытки унифицировать меры веса, был отменен ряд феодальных пошлин; новые торговые пути прокладывались вдали от феодальных замков, чтобы избежать обложения.

В городах Ломбардии установился относительный порядок. Ему способствовала и отмена некоторых феодальных и церковных привилегий, запрещение местных обычаев, препятствующих свободному развитию торговли и промышленности, упразднение поборов со стороны городского патрициата, хотя при этом города подвергались значительному налогообложению со стороны центральной власти. Патрициат мелких городов (например Павии) лишался власти над окрестной территорией.

Принимались меры для снабжения городов продовольствием: сильно был ограничен экспорт зерна за пределы государства, что мешало феодалам продавать хлеб по высокой цене. Пастбища вокруг Милана освобождались от налога; скот и продукты сельского хозяйства не подлежали конфискации за долги, проводились большие мелиоративные работы во владениях самих Висконти.

Продолжалось строительство судоходных каналов и принимались меры для свободного плавания по рекам; заключались соглашения с швейцарскими кантонами с целью создания благоприятных условий для провоза товаров через Сен-Готард.

Беспрерывные войны и содержание чиновников требовали огромных государственных средств. Естественно, организации финансов уделялось много внимания, и эта отрасль управления была централизована больше, чем какая-либо другая. Если прежде центральная власть ежемесячно получала определенную фиксированную сумму от коммун, то в 1388 г. была проведена реформа, согласно которой назначались казначеи, которые собирали в коммунах все налоги и передавали их в казну, а коммуны получали из нее суммы только по разрешению сеньора. Это позволило Джан-Галеаццо распоряжаться огромными ресурсами. Его ежегодные доходы составляли 850 тыс. флоринов, а расходы (на первом месте стояло жалованье наемным отрядам) — 800 тыс. флоринов, но часто случались перерасходы, и тогда прибегали к экстраординарным налогам. Налоги тяжелым бременем падали на простой народ. За неуплату налогов грозил арест с конфискацией имущества, что вызывало порой эмиграцию ремесленников и купцов.

Централизаторская политика Джан-Галеаццо встречала оппозицию среди крупных феодальных фамилий, сохранивших ряд привилегий и иммунитетов. Некоторые из представителей знати подвергались изгнанию и конфискации имущества, издавались указы о срытии частных замков (по закону 1370 г. не разрешалось строить новые крепости). Были запрещены частные тюрьмы феодалов, отменены многие иммунитеты. Издавались указы о запрещении ношения оружия, что прежде всего затрагивало интересы знати; упразднялись и их союзы.

Джан-Галеаццо попытался подчинить своему влиянию и церковь. Он запретил духовенству без его одобрения получать бенефиции, поставив под контроль церковное землевладение, иногда даже прибегая к конфискациям земель духовенства. Иногда духовенство подпадало под гражданскую юрисдикцию; нередко с него взимались экстраординарные расходы (например эстимо 1389 г.).

Все эти централизаторские меры Джан-Галеаццо осуществлял, ведя непрерывные войны за расширение государства, в состав которого он мечтал включить всю Северную и Среднюю Италию. Основным направлением его внешней политики были восток и юг.

Под флагом борьбы с кондотьерскими бандами чужеземцев, «опустошающими земли прекрасной страны», он создал Лигу, в состав которой вошло большинство государств Северной и Средней Италии. Более близкой целью Висконти ставил захват владений Скалигеров. Добившись нейтралитета Венеции, Джан-Галеаццо в союзе с Франческо Каррара разбил Антонио делла Скала в двух битвах (1386 и 1387 гг.). В результате Милан присоединил Верону, а к Падуе отошла Виченца. Могущество Скалигеров было сокрушено. После этого в союзе с Венецией, маркизами д'Эсте и Гонзага Джан-Галеаццо направил силы против Франческо Каррара, и последний потерпел в 1388 г. решительное поражение. Завоевание Виченцы, Падуи и Вероны явилось крупной вехой ломбардского господства во всей Верхней Италии. Владения Висконти простирались почти до Адриатического моря. Венеция после этого стала в позицию обороны на восточной границе. Насторожились Мантуя и Феррара.

Затем Джан-Галеаццо обратил взоры на Тоскану. В Пизе, Лукке, Сиене, Перудже, Сан-Миньято действовали его агенты и шпионы, большие деньги тратились на подкупы. Теперь Флоренция возглавила борьбу против государства Висконти, которое угрожало самому ее существованию. Начался знаменитый поединок республики с миланской тиранией. В мае 1390 г. из канцелярии Флорентийской республики, секретарем которой был известный гуманист Колюччо Салютати, вышел манифест против Висконти. «Теперь стали окончательно ясны цели ядовитой змеи» [19],— говорилось в нем; пос-

[19] Змея — герб Висконти.

ле ряда преступлений, насильственных захватов, тиран хочет итальянской короны, чтобы оправдать свою узурпацию. «Но истинная Италия — это мы; мы, защищая наше существование, помешаем тому, чтобы все итальянцы впали в рабство»[20].

В свою очередь, придворные поэты Джан-Галеаццо и юристы из его канцелярии заявляли, что Висконти хочет спасти честь Италии, избавить ее от бесчинств чужеземных наемников. В то время как флорентийцы настаивали на защите «сладчайшей свободы», Джан-Галеаццо неустанно подчеркивал, что тот «мир» (pace) и «благосостояние» (benessere), которые гоподствуют в его государстве, он мог бы дать и другим владениям. Поэты писали о нем как о короле и даже императоре, «новом Цезаре».

Военные действия начались весной 1390 г., и сначала флорентийцы имели некоторые успехи. Но летом 1391 г. миланское войско под командой кондотьера Якопо дель Верме нанесло французским отрядам графа Арманьяка, состоявшем на службе Флоренции, крупное поражение под Алессандрией. Эта победа вызвала воодушевление миланцев; ее расценивали как первую победу над чужеземцами-варварами, одержанную после битвы при Леньяно теми же миланцами. Успехи Джан-Галеаццо позволили ему начать переговоры с императором Венцеславом о приобретении им титула герцога. Получив в дар огромную сумму денег (100 тыс. золотых флоринов), император согласился. Титул герцога Милана должен был стать наследственным в роде Висконти. 5 сентября 1395 г. в Милане состоялась торжественная церемония вручения Джан-Галеаццо знаков герцогского достоинства; в начале 1397 г. он получил титул герцога Ломбардии. Так завершился процесс трансформации синьории в государство монархического типа, принципат. Двор Висконти стал и культурным центром. В Павии был основан университет, в Милан приглашались ученые и поэты. Успешно продожалось строительство Миланского собора. Вместе с тем сам герцог все более уединялся, жил в Павии чрезвычайно замкнуто, окруженный ближайшими помощниками.

Война с антимиланской коалицией шла с переменным успехом, но в 1399 г. Висконти удалось овладеть Пизой, затем Сиеной и Перуджей, а в 1400 г. он установил фактическое господство над Луккой. Казалось, Джан-Галеаццо уже близок к осуществлению идеи создания сильного и единого государства в Северной и Средней Италии — придворные открыто говорили о короне Италии для герцога, Флоренция была стянута железным кольцом и ничто как будто не могло спасти ее. Но 3 сентября 1402 г. Джан-Галеаццо умер от чумы в своем замке Мариньяно, и Флоренция благодарила смерть, которая, по словам Макиавелли, «была всегда более друже-

[20] Storia d'Italia, v. I. Torino, 1959, p. 609—610.

ственна к флорентийцам, чем кто-либо из их друзей, и более могущественна, чем все, кто пытался спасти их доблесть»[21].

В политике Джан-Галеаццо явственно выступают черты раннего абсолютизма: опираясь в основном на дворянство и крупных предпринимателей, правительство придерживалось принципов протекционизма и меркантилизма, оказывало поддержку купечеству, финансистам, ограничивая права старой феодальной знати, цеховой и патрицианской верхушки. Создание центральных учреждений, бюрократического аппарата, единой налоговой системы — все это те же основы, на которых начнут строиться абсолютистские государства Европы спустя столетие.

Однако работа по централизации Ломбардии лишь началась, и даже внутри этой области не удалось преодолеть сепаратизм отдельных коммун, что обнаружилось вскоре после смерти первого герцога. Тем не менее ломбардское ядро владений Висконти было скоро восстановлено и сохранилось надолго. Попытка же объединить всю Северную и Серднюю Италию, несмотря на большие ресурсы и возможности Джан-Галлеаццо, оказалась неудачной и нереальной. Множество своеобразных и самостоятельных центров, которые создали предпосылки для расцвета итальянских коммун, мешали теперь объединению страны; самая энергичная централизаторская политика терпела крах. По-видимому, возможности развития, заложенные в блестящих итальянских городах, не были исчерпаны к началу XV в., и вряд ли включение тосканских городов (особенно Флоренции) в герцогство Ломбардию способствовало бы их развитию. В условиях Италии только капитализму было суждено осуществить централизацию всей страны, а политическим силам это оказалось не под силу. Поэтому политика Джан-Галеаццо представляется полезной и необходимой лишь в рамках Ломбардии, а его борьба за единую Италию — утопичной.

Джан-Галеаццо завещал владения своим несовершеннолетним сыновьям Джованни-Мариа и Филиппо-Мариа. Казна была пуста, миланские кондотьеры стали захватывать одну область за другой, знать устраивала заговоры. К началу XV в. территория герцогства сократилась до Милана и Павии. В 1412 г. Джованни-Мариа был убит знатными заговорщиками. Власть перешла к герцогу Филиппо-Мариа (1412—1447), второму сыну Джан-Галеаццо, обладавшему большим политическим чутьем, хитростью и прозорливостью.

[21] *N. Machiavelli.* Storie fiorentine, III, p. 29.

При помощи кондотьеров (Карманьолы и др.) он начал восстанавливать свое государство, и к 1421 г. почти вся Ломбардия вновь объединилась под властью миланского герцога. Но во внешней политике ему пришлось столкнуться с возросшим влиянием Венеции, которая успешно укреплялась в Северо-Восточной Италии. В союзе с Флоренцией она вела непрекращающуюся борьбу с Филиппо-Мариа.

Во внутренней политике Филиппо-Мариа стремился укрепить централизацию. Было восстановлено центральное управление, созданное при Джан-Галеаццо, укреплялись финансовые органы. Выросли бюрократизация аппарата и число чиновников. Денег постоянно не хватало, и правительство неоднократно прибегало к новым обложениям. Так, в 1437 и в 1440 гг. герцог потребовал от всех дворян внести в казну в два срока годичный доход с их феодов. В Милане обложили налогом даже балконы и колонны. Продолжалось наступление на права феодалов: в 1441 г. было торжественно объявлено об отмене их частной юрисдикции и подчинении центральному законодательству.

Филиппо-Мариа был предан идее сильного государства. По словам его биографа Пьера Кандидо Дочембрио, на предложение папы вернуть церкви некоторые владения, чтобы спасти свою душу, он ответил, что душа ему очень дорога, но целостность государства он ставит выше спасения души и тела. Вместе с тем ему стало ясно к концу правления, что Ломбардское герцогство не может играть роль объединителя страны: оно должно обороняться от врагов и оставаться в рамках территориального государства. Еще в 1441 г. Филиппо-Мариа должен был согласиться на брак своей дочери Бьянки-Марии с талантливым и удачливым кондотьером Франческо Сфорца, сыном крестьянина. В 1447 г. Филиппо-Мариа умер, и Сфорца, женатый на его единственной дочери, хотел занять миланский престол. Но в августе 1447 г. в Милане была провозглашена так называемая Амброзианская республика. Ее основала группа республикански настроенных дворян — Антонио Тривульцио, Теодоро Босси и др. Республику поддержали часть дворян, старый патрициат и отчасти народ, который ждал облегчения налогового бремени. Был восстановлен Совет 900, создан исполнительный Совет из 24 «капитанов и защитников свободы». Был разрушен замок «порта Джовия», оплот тирании Висконти, сожжены налоговые книги.

Но республика не могла выстоять под напором соседей, которые начали захватывать ее территорию. Пришлось призвать на помощь Франческо Сфорца, который стал занимать один город за другим и в 1448 г. нанес серьезное поражение венецианцам. Миланцы теперь стали бояться успехов Сфорца; последний вступил в соглашение с Венецией, начав наступление на Милан. Одновременно Сфорца

укрепил свое положение дипломатическими союзами, в частности заручился поддержкой Козимо Медичи. В Милане между тем начался жестокий голод, что привело к волнениям народных низов, не сумевших, однако, захватить власть в городе.

В феврале 1450 г., народное собрание провозгласило Франческо Сфорца синьором Милана, а вскоре он стал герцогом. Если в первое время новый правитель Ломбардии раздавал привилегии знати и дворянам, которым он был обязан престолу, то в дальнейшем он постепенно стал ограничивать права феодалов и приближать ко двору крупных банкиров, мануфактуристов и предпринимателей. При нем и его преемниках — Галеаццо-Мариа (1466—1476) и Лодовико Моро (1479—1508) — разросся и укрепился бюрократический аппарат, широко применялась продажа государственных должностей.

При последнем Висконти и в период синьории Сфорца правительство проводило политику протекционизма и меркантилизма. Оно содействовало открытию мануфактур, уступало монополию на организацию того или иного производства. Особый успех это имело в шелковой промышленности: в 1442 г. Филиппо-Мариа даровал привилегию на открытие шелковой мануфактуры флорентийцу Пьетро ди Бартоло, освободив его от налогов: через год такие же привилегии и денежные субсидии он предоставил другим лицам. К 1461 г. в Милане уже возникло объединение шелковых мастеров, охватывавшее тысячи мастерских; в шелковом производстве было занято около 15 тыс. чел.[22] Вводились заградительные пошлины на ввоз сукна из других стран, и в лавках Милана разрешалось продавать только миланское сукно; напротив, запрещалось вывозить из герцогства сырье — хлопок, шерсть и т. д. Принимались меры для увеличения населения, многодетные семьи и те, кто недавно вернулся в герцогство, освобождались от налогов.

Правительство также покровительствовало сельскому хозяйству, тратило средства на ирригацию, осушение болот, расчистку лесов; сами Висконти и Сфорца в своих поместьях заботились об улучшении земледелия.

Не следует думать, что политика миланской синьории, а позже принципата имела только положительное значение для экономики Ломбардии. Содержание двора, пенсии знати, бесчисленные войны требовали огромных затрат; тяжелые налоги, истощавшие население, порой тратились непроизводительно. С другой стороны, политика протекционизма, проводимая на небольшой территории, иногда обнаруживала отрицательные последствия и ставила искусственные препятствия специализации производства. Тем не менее, несмотря на многочисленные войны, высокие налоги, стихийные бед-

[22] Storia di Milano, ed. Treccani, v. VIII; C. *Cippola*. L'economia milanese..., p. 353—354.

ствия, чумные эпидемии, экономика Милана и Ломбардии в XV в. процветала — не случайно в Италии говорили тогда: «Богат, как миланец», а знаменитый историограф французского короля Филипп де Коммин писал, что Ломбардия — самая прекрасная, самая лучшая и самая богатая область мира. Нет сомнения, что политика синьории в целом способствовала этому экономическому расцвету.

Этапы развития синьории

При всем разнообразии синьорий Северной Италии можно наметить общие черты, присущие их развитию.

Установление синьорий всюду происходило при внешнем соблюдении конституционных норм коммуны, но по существу являлось насильственным актом, ибо выборы синьора на народном собрании проводились под вооруженным давлением сторонников претендента на власть, а состав собрания часто был специально подобран. Ранние синьории, возникшие в Северной Италии, опирались первое время главным образом на феодальные элементы, но в более передовых центрах — Милане, Вероне, Падуе — в течение XIV в. классовая опора синьории расширилась; с этого периода синьория оказывает энергичное покровительство предпринимателям — мануфактуристам, крупным торговцам, банкирам, финансистам, а также новым землевладельцам — бывшим крупным арендаторам и городским богачам, скупавшим землю у светских и духовных феодалов. В известной степени это относится и к синьориям, возникшим не в столь развитых центрах (Мантуе и Ферраре), хотя там основной опорой нового режима в XIV—XV вв. продолжало оставаться дворянство.

Юридически всякая синьория покоилась на двух основах: 1) выборах синьора на народном собрании («парламенто») или в большом совете и 2) пожаловании ему викариата со стороны империи или папства. Народное собрание передавало синьору всю полноту власти в городской коммуне и округе: право издавать и изменять статуты, назначать должностных лиц, распоряжаться финансами, командовать городским войском. Имперский и папский викариат вручал синьору суверенную власть над коммуной: право суда в высшей инстанции, право высшей законодательной инициативы, решение вопросов войны и мира.

Характерный чертой синьории являлось своеобразное сочетание синьориальных учреждений (советов при синьоре, ведомств, возглавлявших определенные отрасли управления) со старым коммунальным аппаратом, который не исчез, но все больше превращался в послушное орудие синьора. Сохранение в течение долгого времени структуры коммуны при синьории отражало тот факт, что власть синьора исходила из города, и даже при наиболее «феодаль-

ном» варианте нового режима город продолжал играть доминирующую роль. Новые органы власти вводились постепенно и осторожно, и вывод Макиавелли о том, что «самое трудное — это введение новых учреждений» [23], опирался на длительную практику итальянских правителей. Вместе с тем было бы неправильно говорить о дуализме управления, диархии коммунальных и синьориальных органов власти. В действительности реальная власть находилась в руках синьора и его ближайшего окружения, а осуществлялась она как через новые учреждения, так и через старые коммунальные органы, покорные воле синьора.

Укрепление власти и успех централизаторских тенденций привели к трансформации синьории в принципаты или княжества, которые представляли собой небольшие государства монархического типа, с абсолютной властью государя, сложившимся чиновничьим аппаратом, назначаемым сверху. Формально переход от синьории к принципату осуществлялся благодаря приобретению синьором герцогского или княжеского титула: раньше всего это удалось Джан-Галеаццо Висконти (1399), а затем в течение XV в. почти все властители Северной Италии стали герцогами или маркизами.

Если синьория базировалась на двух юридических основах, то при переходе к принципату эта связь с «народным» происхождением отпадала, непосредственное звено, соединявшее синьора и коммуну, терялось. Из первого гражданина, которому Общий совет или «парламенто» доверили единоличное управление, синьор, получив титул наследственного герцога, обретал не только де-факто, но и де-юре полную независимость от сохранившихся коммунальных учреждений. Переход к принципату способствовал росту абсолютистских тенденций, обособлению двора, созданию пышного этикета и даже обожествлению правящей династии. К середине XV в. в результате долгой и упорной борьбы и поглощения крупными государствами более мелких образований в Северной Италии осталось лишь несколько территориальных государств: герцогства Ломбардия, Феррара, маркизат Мантуя, республики Венеция и Генуя.

ВЕНЕЦИЯ И ГЕНУЯ

Могущество Венеции основывалось на ее обширных колониальных владениях в Далмации, Албании, Эпире, на Крите, островах Эгейского моря, в Константинополе, Салониках, факториях Египта и Сирии. Бо́льшую часть продукции из этих центров Республика св. Марка вывозила в страны Европы. Сама она снабжала солью

[23] *Н. Макиавелли.* Князь. Под ред. А. Дживелегова. М., 1934, стр. 10.

16. Андреа Вероккьо. Конная статуя кондотьера Коллеони. Деталь Пьяцца деи Санти-Джованни э Паоли. Венеция

почти всю Италию, а ее ремесленная продукция — шелковые, шерстяные ткани, кружева и особенно изделия из стекла — славилась на весь тогдашний мир.

Устойчивость политического строя Венеции поражала современников и потомков, особенно на фоне политических бурь, которые сотрясали прочие итальянские города. «Из всех городов Италии только Венеция не знает гражданских раздоров»,— отмечал Филипп де Коммин в конце XV в. Причины этого явления кроются прежде всего в мощи венецианского патрициата, преобладавшего над прочими классами и социальными группами. Колоссальные капиталы, нажитые в торговых и ростовщических операциях, сравнительная однородность интересов патрициата, общность действий, выработан-

ных в коллективных заморских предприятиях и управлении колониями,— все это сплотило правящую верхушку, выковало из нее опытных, осторожных, гибких и жестоких политиков, прекрасно понимающих задачи своего класса и беспощадно подавлявших всякое сопротивление. Они постепенно оттеснили пополанов от участия в политической жизни. Хотя в Венеции хватало бедняков, правящая олигархия подкупала население щедрыми подачками и предоставлением всему населению работы.

Чрезвычайно важно и то обстоятельство, что в Венеции не было сильной феодальной прослойки, так как Республика до конца XIV в. не располагала значительными владениями на суше.

Венецианский патрициат не встречался, таким образом, с сильной оппозицией ни со стороны пополанов, ни феодалов. Однородностью интересов патрициата, его сплоченностью объясняется, повидимому, то обстоятельство, что в Венеции отсутствовала реальная почва для укрепления синьории, возникавшей, как уже отмечалось, в результате острых конфликтов между пополанами и феодалами или внутри феодального класса.

В Венеции сложилась аристократическая республика, основы которой заложила в конце XIII в. реформа, получившая название «Закрытие Большого совета»[24]. В 1315 г. была составлена «Золотая книга», включавшая фамилии 200 семейств правящей олигархии, которые полностью захватили власть в свои руки. В течение XIV в. имели место лишь две попытки вырвать власть у этой верхушки и установить режим личной диктатуры — синьорию. Это заговор Баймонте Тьеполо (1310), для ликвидации которого был создан орган по охране безопасности государства Совет Десяти, и попытка переворота, предпринятая 80-летним дожем Марино Фальеро (1355), также окончившаяся арестом и казнью его участников.

Государственное устройство, оформившееся в Венеции в первой половине XIV в., сохранилось без существенных изменений в течении многих столетий.

Большой совет, верховный орган республики, имел законодательную власть, избирал и назначал все магистраты, начиная с дожа. Реальное управление сосредоточивалось в более узком совете — сенате, окруженном целой армией чиновников.

Власть дожа все больше принимала парадный характер. Особое место занимал Совет Десяти, наблюдавший за всеми должностными лицами, пользовавшийся услугами шпионов и доносчиков, тайно осуждавший врагов республики на смерть, заключение в свинцовые камеры, изгнание и т. д. Сложная и хитроумная система выборов магистратов, взаимный контроль над учреждениями обеспечивали за патрициатом решающие позиции в управлении.

[24] См. выше, гл. 4, стр. 249.

В своих владениях на суше (в Италии, Истрии, Далмации, Албании) Венеция вела осторожную и гибкую политику, сохраняя привилегии и обычай провинций, но местная знать не получала венецианского гражданства и не допускалась к управлению республикой.

На протяжении XIV в. Венеция вела ожесточенную борьбу со своей крепнущей торговой соперницей — Генуей. Морские бои шли у стен Константинополя, у берегов Сардинии, Кипра, а в мае 1378 г. генуэзский флот под командованием Пьетро Дориа появился под стенами Кьоджи, сухопутного предместья Венеции. Но гордые слова Дориа о том, что он успокоится лишь тогда, когда взнуздает коней св. Марка, не оправдались. Ценой огромных усилий венецианцам удалось отстоять свою независимость и изгнать генуэзцев из Кьоджи. В конце XIV — начале XV в. Венеция продолжала экспансию на Восток и захватила Корфу, Дураццо, некоторые центры Албании и Греции.

Судя по завещанию дожа Томмазо Мочениго (1421), в Венеции проживало 195 тыс. жителей; ее капиталы составляли 10 млн. дукатов, ежегодные прибыли — 40%. Флот республики насчитывал более 3 тыс. кораблей, которые обслуживал 20-тысячный экипаж. Ремеслом занимались 16 тыс. рабочих. В состав патрициата входило около тысячи семейств. Эти цифры (несомненно, преувеличенные)[25] свидетельствуя о поляризации богатств, в то же время убедительно говорят о процветании Светлейшей, как стала называться Венеция (Serenissima Signoria). Дож Мочениго, выражая точку зрения старой аристократии, призывал республику перейти к мирной политике.

Тем не менее по его смерти дожем избрали представителя обедневшего патрицианского рода Франческо Фоскари (1423—1457), страстного приверженца новой политики — активной экспансии в Италии. Эта политика диктовалась многими соображениями: и начавшимся с конца XIV в. наступлениями турок, и трудностями Кьоджанской войны, когда блокированный город не мог опираться на владения на суше, и, особенно, консолидацией Миланского герцогства при Филиппо-Мариа Висконти, который угрожал захватить Верону, Виченцу, Падую и другие города, находившиеся под покровительством Венеции.

В первой половине XV века Венеция участвовала во всех конфликтах полуострова, особенно в войнах против Милана.

По миру в Лоди (1454) Республика св. Марка распространила власть на часть Ломбардии (Брешию, Бергамо, Кремону). Обширные владения на terra ferma, включавшие сверх того Падую, Тревизо, Верону, Патриархат с Аквилеей, превратили ее в могуществен-

[25] *G. Procacci*. Storia degli italinai, v. I. Bari, 1968, p. 78.

ное государство в Италии. Эти владения обеспечивали снабжение Венеции лесом, сырьем, давали возможность венецианскому патрициату вкладывать капиталы в землю.

Однако тяжелейший удар Светлейшая получает на Востоке. Взятие турками Константинополя (1453) причинило венецианцам огромный материальный ущерб, а затем они потеряли к концу XV в. свои колонии на Востоке и Балканах; присоединение Кипра (1489) не могло компенсировать эти потери. Лишь соглашение с турками, обеспечившие привилегии венецианским купцам в турецких владениях, немного улучшили благосостояние патрициата.

К середине XV в. Венеция стала красивейшим городом Италии. Вдоль Большого канала располагались около 200 дворов; эффектные празднества сменяли друг друга. К началу итальянских войн Венеция продолжала оставаться наиболее богатым и сильным государством Италии; правящая олигархия твердо держала власть в своих руках.

*

С конца XIII в. начинается расцвет другого крупнейшего порта Северной Италии — Генуи. Восстановленная в 1261 г. с ее помощью Византийская империя предоставила Генуе монопольное положение в торговле на Черном море и через Босфор. Приобретенные вскоре Каффа и Тана позволили Генуезской республике захватить в свои руки торговлю с Южной Русью. В начале XIV в. Генуя укрепилась в Эгейском море — на Хиосе и Лесбосе. В Западном Средиземноморье генуэзцы установили тесные торговые связи с Испанией, Южной Францией и Северной Африкой. К середине XIV в. Генуя захватила почти все побережье Крыма с Солдайей (Судаком), укрепилась на Кипре. Одержав решительную победу над Пизой в конце XIII в., Генуя вступила в ожесточенную борьбу с Венецией в 1381 г. Однако Кьоджанская война была последним успехом Республики св. Георгия, как называлась Генуя по имени своего патрона.

Несмотря на то, что в экономике обеих морских держав имелось много общего, их политические судьбы сложились различно. Объясняется это главным образом разнородностью генуэзского патрициата, гораздо менее консолидированного, чем венецианский. Генуэзская олигархия была большей частью феодального происхождения; многие ее представители, вкладывая капиталы в торговлю, судостроение продолжали оставаться феодальными собственниками. Некоторые феодальные фамилии не участвовали в коммерческих делах. Кроме того, в отличие от Венеции, пополаны принимали здесь широкое участие в торговых предприятиях, и во время политических битв вступали в союз с цехами. Отсюда — крайняя неустойчивость политической жизни Генуи. Неоднократно там предпринимались попыт-

ки создать синьорию, но верхушка патрициата и знать никак не могли прийти к соглашению; генуэзские диктаторы встречали столь энергичное и сильное противодействие то со стороны представителей олигархии и знати, то пополанов, что обращались часто к помощи других государств, и Генуя в XIV—XV вв. неоднократно находилась под их властью.

В 1339 г. генуэзские пополаны, недовольные хозяйничаньем знати, выдвинули на должность дожа честолюбивого Симоне Бокканегра. Напуганная этой пополанской диктатурой, крупная знать передала город на некоторое время под покровительство Милана. С 1390 по 1396 г. в Генуе сменилось 11 правительств, после чего республика перешла до 1402 г. под власть Франции, затем с 1421 по 1435 г. вернулась под владычество Милана, а с 1458 по 1461 г. опять господами оказались французы. Весь этот период в Генуе продолжались беспрерывные смуты и перевороты, велась борьба между представителями старой и новой знати — Дориа, Спинола, Фиески, Адорно, Фрегозо и т. д. Неоднократные попытки пополанов захватить власть кончались неудачей.

В XV в. ухудшилось финансовое положение республики. В 1408 г. государственный долг Генуи достиг огромной суммы — 2938 тыс. генуэзских лир. Росли прямые и косвенные налоги, правительство прибегало к займам. Многочисленные кредиторы, обеспокоенные неплатежеспособностью государства, соединились в компанию — Дом св. Георгия (Casa di San Giorgio), которая взяла в свои руки управление займами. Постепенно, чтобы гарантировать уплату процентов, Дом св. Георгия все больше вмешивается в экономическую жизнь, контролирует целые территории и превращается в настоящее государство внутри республики.

Огромный удар Генуе нанесло падение Константинополя, в результате чего город утратил свои позиции на Востоке, а следовательно, и доходы. Только верхушка олигархии, захватив господство в Доме св. Георгия, сосредоточила огромные богатства; представители ее превратились в крупнейших европейских банкиров.

ПАПСТВО И РИМ

Средняя Италия делилась на две крупные области: Папское государство и Тоскану.

Папские владения охватывали в целом малоразвитые в экономическом отношении районы: Романью, Марку, Умбрию, Кампанию. Сюда же входили и некоторые сравнительно крупные города — Феррара, Болонья. Из этих разнородных, практически самостоятельных коммун, феодальных владений, церковных земель папство

неоднократно пыталось в XIV—XV вв. создать крепкое государство, что не имело под собой ни экономической почвы, ни достаточных политических основ.

В центре папских владений был Рим — неповторимый и непохожий на все прочие итальянские, да и европейские города. Он жил в сущности двойной жизнью — как крупный город со своими местными интересами, торговлей, цехами, коммуной (ведущей непрерывную борьбу с феодальными родами) и как центр католицизма, столица христианского Запада, с многочисленным духовенством, постоянными паломниками, торжественными церемониями, коронациями императоров и т. д. Паломничества, особенно в юбилейные годы, начиная с 1300 г. (потом они повторялись 50, а то и каждые 25 лет), приносили немалые доходы римлянам, но отвлекали их от производительного труда, приучая к легкой наживе.

На рубеже XIII—XIV столетий папство в лице Бонифация VIII (1294—1303) еще раз попыталось вернуть себе первенствующее положение в Европе. Однако это стремление встретило решительный отпор со стороны крепнущей французской монархии, и после Бонифация ни один из его преемников не посмел продолжать подобную политику. Больше того, папство подпало под влияние французских королей, и в 1308 г. Климент V, француз по происхождению, перенес свою резиденцию в Авиньон, где папы оставались почти 70 лет (1308—1377).

Анархия и феодальные усобицы усилились в «вечном городе»; уменьшились и доходы римлян. Не внесли существенных изменений походы германских императоров в Италию и их коронация в Риме — Генриха VII (1310—1313) и Людвика Баварского (1328). Из далекого Авиньона папы то поддерживали римскую коммуну, то играли на противоречиях между римскими феодалами — Колонна, Орсини, Савелли. Попытка укрепить власть коммуны над городом, предпринятая в 1312 г. народным капитаном Арлотти Стефанески, потерпела крах. Воспользовавшись пребыванием пап в Авиньоне, феодальные властители Папской области пытались сколотить карликовые тиранистические государства.

Таковы графы Монтефельтро, с XIII в. владевшие в качестве феода Урбино, городом Северной Марки. С 1443 г. Монтефельтро получили от папы титул герцогов Урбино. Храбрые и воинственные кондотьеры, синьоры Урбино много средств тратили на строительство и украшение города. При дворе герцогов Урбинских процветали искусства: он был прибежищем для Рафаэля и Браманте. Другая видная фамилия — Малатеста, гвельфской ориентации, получив должность подеста, укрепилась в Римини, а затем в Фано и Сенигалье. Используя затруднения папства, Малатеста в 40-х годах XIV в. стали захватывать земли в Анконской Марке, но их экспансию пресекли войска кардинала Альборноза (1353—1360). С сере-

дины XIV в. Малатеста в качестве кондотьеров служили Висконти, мало заботясь об устройстве своих земель.

Одним из выдающихся синьоров XV в. был Сиджизмондо Малатеста (1417—1463). Храбрый военачальник, деливший с солдатами трудности в походе, выносливый и неутомимый, человек неукротимого темперамента и страстей, Сиджизмондо сочетал жестокость и грубость с большой образованностью и любовью к искусству. Уже в 18 лет он стал командующим папским войском в Романье и Анконской Марке. На службе Венеции он сражался с турками. Вместе с тем Сиджизмондо много времени уделял украшению Римини и накануне сражения под Сиеной мог решать с Леоном Баттиста Альберти вопрос об архитектуре собора Сан-Франческо. Отчаявшись отстоять свои владения от папских притязаний, он собирался собственноручно заколоть папу кинжалом.

На территории церковного государства устанавливали свою власть и другие тираны, укреплявшиеся в мелких городах: Полента в Равенне, Манфреди в Фаэнце, Орделаффи в Форли и т. д. Ожесточенная борьба властителей между собою обескровливала Папскую область и причиняла ей огромный вред.

Все эти режимы, нельзя по-видимому, называть «синьориями». Они возникли в городах, не являвшихся развитыми торгово-ремесленными центрами, в них не наблюдалось ярко выраженной борьбы городских сословий, сложившейся коммунальной организации, на базе которой зарождались синьории. Скорее это были типично феодальные княжества, основатели которых использовали ослабление папства для увеличения своих доменов.

Между тем Рим продолжал находиться в состоянии упадка. В 1341 г. город посетил Петрарка; здесь его короновали на Капитолии лавровым венком по образцу античных поэтов. Его письма, где он воспевал величие древнего Рима, сама торжественная церемония коронации способствовали пробуждению интереса к античной истории, которая стала знаменем борьбы за сильный, независимый Рим.

В 1347 г. борьбу римской коммуны против феодалов возглавил Кола ди Риенцо, нотариус, сын прачки и трактирщика, мечтавший о восстановлении былой славы Рима. В мае ему удалось вместе со своими сторонниками захватить Капитолий, где его провозгласили «трибуном свободы, мира и справедливости». Верховная власть над новой республикой передавалась народу, бароны изгонялись, замки их подлежали срытию. Были отменены феодальные пошлины на провоз товаров, снижены налоги, создана народная милиция для защиты республики.

Антифеодальная политика Кола ди Риенцо привлекла к нему римский народ. Трибун обратился ко всем итальянским городам с просьбой поддержать новый порядок и объединиться вокруг столицы Италии — Рима. Но вскоре против Риенцо выступили

феодалы и папа; диктаторские замашки трибуна вызвали недоверие к нему народа, и в декабре 1347 г. он должен был покинуть Рим. Так кончилась эта эффектная, но эфемерная попытка установить в Риме пополанскую республику и объединить Италию под главенством Рима.

Теперь папство попыталось само укрепить власть над патримонием и создать здесь своеобразную синьорию; пример Риенцо казался заманчивым. Для этой цели в Италию направился энергичный и твердый испанский кардинал Альборноз; свой первый удар он обрушил на Малатеста, господствовавшего в Романье и Марке, а затем, умело использовав раздоры среди отдельных городов и феодалов, захватил Витербо, Орвието, Ассизи, Монтефельтро, Пезаро. В 1357 г. он созвал «парламенто» из представителей знати, епископов и синдиков земель церковного государства, которые одобрили конституцию, предложенную кардиналом. Папские владения были разделены на семь провинций, каждая из которых управлялась ректором и другими чиновниками, назначавшимися папой. Законы и распределение налогов находились в ведении знати, духовенства и представителей отдельных коммун каждой провинции. Эта конституция с небольшими изменениями просуществовала до 1816 г.

Успешная война с Висконти и захват Болоньи закрепили успехи Альборноза. Когда кардинал встречал папу Урбана VI, возвращавшегося в Рим, то впереди ехала повозка, полная ключей от подчиненных городов и крепостей.

Однако власть папских легатов и кондотьеров тяжелым бременем ложилась на передовые города, препятствуя их экономическому и политическому развитию. Борьбу ряда центров против авиньонской церкви, папских кондотьеров и французского духовенства возглавила Флоренция, канцлер которой гуманист Колюччо Салютати писал к римлянам: «Пришло время пробудить древнюю доблесть итальянцев. Эти тираны, которые захватывают Италию от имени церкви, не имеют ничего общего с истинными итальянцами... Не позволяйте, чтобы Италия, которую ваши предки сделали госпожей мира, теперь стала подданой варваров и иностранцев» [26].

Расправляясь с восставшими, кондотьеры папы подвергли чудовищному разгрому Фаэнцу и Чезену, где было истреблено все мужское население. Но это не остановило другие города, и к середине 70-х годов XIV в. около 80 центров добились независимости от Рима.

В 1378 г. начался раскол в католической церкви («великая схизма»), когда во главе ее оказались сразу два, а позднее даже три

[26] Storia d'Italia, v. I. Torino, 1959, p. 578 *J. Luchaire*. Les sociétés italiennes du XIII au XV siècles. Paris, 1933, p. 116.

папы, избранные кардиналами различной политической ориентации Церковный раскол, прекратившийся лишь в 1417 г., после Констанцского собора, пагубно сказался на положении Италии и особенно Рима. Папы занимались междоусобной борьбой, втянув в нее не только итальянских, но и европейских государей. В Италию вторгаются французские претенденты; Рим неоднократно занимают и грабят войска неаполитанского короля Владислава. В городе — запустение и упадок; в 1411 г. в саду папской резиденции встречались волки.

Известный перелом наблюдается по окончании схизмы. Укрепление национальных государств в Европе окончательно подорвало политические претензии папства; схизма поколебала и его религиозный авторитет. В частности, понтификат Иоанна XXIII (1410—1415), прославившегося своими преступлениями и развратом, отнюдь не способствовал популярности высшего духовенства.

Теперь, в XV в. для папства остается один путь: укрепить положение в своем патримонии и превратить его в более централизованное государство, синьорию. Мартин V, избранный единственным папой, после Констанцского собора в 1420 г. возвратился в Рим, восстановил коммунальное устройство города, усмирил мелких феодалов и разбойников. Современники отмечали с удивлением, что теперь можно спокойно пройти на расстоянии 200 миль вокруг города с мешком золота днем и ночью и не быть ограбленным. Укрепилась администрация Папской области. Папы предоставляли широкие привилегии патрициату отдельных городов, но пытались выжать из последних как можно больше средств. Особенность Папского Государства заключалась в том, что власть пап не была наследственной и они укрепляли положение, обогащая своих родственников, «непотов» («племянников», как обычно называли детей самого папы). Каждый новый папа стремился разорить непотов предыдущего и возвысить своих ставленников, поэтому политика непотизма порождала чрезвычайно острую борьбу за власть и богатства вокруг папского престола.

К середине XV в. папы, отвечая новым веяниям, выступают как меценаты, покровительствуют искусству, строительству дворцов и церквей, привлекают к своему двору гуманистов (Поджо Браччолини, Леонардо Бруни, Пьетро Аретино, Флавио Бьондо и др.). Особенно прославились своими гуманистическими симпатиями Николай V (1447—1455) и Пий II (1458—1464). Религиозные вопросы в политике этих пап занимали второстепенное место.

В центре внимания папства по-прежнему оставались политические интриги, интересы личного обогащения и укрепления положения их семьи. Это нашло особенно яркое выражение во время понтификата знаменитого Александра VI Борджа, превзошедшего своих предшественников властолюбием, роскошью, цинизмом и

беззастенчивым непотизмом. Его сын Цезарь Борджа, в 27 лет сделанный кардиналом, а затем отказавшийся от духовного сана и получивший титул герцога Валентино, стал руководителем политики папы. Он привлек к себе внимание и вызвал восхищение Макиавелли, возлагавшего на него надежды как на объединителя Италии. Цезарь действительно стремился прежде всего создать крепкую синьорию в Романье; он захватил Римини, Фаэнцу, присоединил к ним и Урбино. Затем он провел ряд экономических и административных мероприятий по централизации этих областей. С коварством и ловкостью герцог заманил в ловушку и уничтожил кондотьеров, составивших против него заговор. Однако смерть Александра VI (1503) привела к полному крушению его планов. Так безрезультатно закончилась в XV в. попытка папства создать на территории Италии централизованное государство, предпринятая, несомненно, с меньшими ресурсами и меньшей базой, чем аналогичные усилия миланских герцогов.

Постоянное вмешательство пап в дела других итальянских государств, военные грабежи папских кондотьеров наносили большой ущерб стране и усиливали ее раздробленность.

СИНЬОРИИ В СРЕДНЕЙ ИТАЛИИ

Лукка и Пиза

В Тоскане до середины XV в. синьория не пустила глубоких корней. В крупных ее центрах — Лукке, Сиене, Пизе и прежде всего во Флоренции — благодаря интенсивному развитию промышленности и зарождению капиталистических элементов «жирному народу» удавалось довольно твердо держать власть в своих руках; феодалы здесь не участвовали в городском управлении. По-видимому, сравнительная однородность интересов правящей верхушки и победа ее над феодалами обеспечили в этих центрах длительное существование коммунального строя.

Установление кратковременных синьорий в Лукке и Пизе было связано главным образом с внешними обстоятельствами и борьбой этих городов с Флоренцией. Но, конечно, и здесь основатели синьорий играли на противоречиях социальных группировок. Так, в Пизе, после разгрома при Мелории, на четыре года власть захватил граф Уголино делла Герардески, опиравшийся на богатых пополанов и цеховую верхушку. Но в 1288 г. против Герардески вспыхнуло восстание, и граф погиб вместе со своими сыновьями в «башне голода».

В начале XIV в. разгорелась борьба Пизы и Лукки против гвельфской Флоренции. В 1314—1316 гг. Пизой овладел Угуччоне делла Фаджола, имевший титул подеста и народного капитана. Он

17. *Кафедральный собор Сан-Мартино. XI—XIV вв. Лукка*

одержал ряд побед над гвельфами, особенно при Монтекатини в 1315 г. Между тем в другом тосканском городе, Лукке, выдвинулся представитель пополанов, гибеллин и талантливый кондотьер Каструччо Кастракани дельи Антельминелли.

Сначала он занимал должность генерального капитана, а в 1320 г. стал пожизненным синьором Лукки, получив титул имперского викария. При нем была изменена гвельфская конституция Лукки и создан Общий совет, состоявший из сторонников гибеллинов. Каструччо почти не прибегал к городскому ополчению и создал наемные отряды, бывшие верной его опорой. Правление его носило тиранический характер; он построил в Лукке укрепленный замок, где жил, окруженный наемной гвардией. Он вел войны за расширение владений Лукки, поставив целью покорить Флоренцию. Ему удалось захватить Пистойю, Луниджану; в 1325 г. он одержал победу над Флоренцией под Альтопашо. Положение Каструччо укрепил поход в Италию Людвига Баварского, который даровал ему титул герцога. В 1328 г. Каструччо удалось захватить Пизу, и над Флоренцией нависла серьезная угроза. Ее спасла лишь смерть Каструччо, после чего его синьория распалась и в Лукке восстановилось коммунальное управление.

Флоренция

Во Флоренции XIII—XIV вв. не раз имели место попытки установить синьорию. Тот или иной государь или крупный феодал получал иногда на длительный срок должность подеста, но это было связано лишь с исполнением военных функций и не приводило к внутренним изменениям во Флорентийской республике. В 1342 г. на пост военачальника во Флоренцию пригласили родственника французского короля Готье де Бриенни, герцога Афинского. Опираясь на грандов, он заигрывал также с младшими цехами и «чомпи», и ему удалось почти на два года установить господство, воспользовавшись социальными противоречиями во Флоренции. Летом 1344 г. «жирный народ» восстановил свою власть, хотя ему пришлось пойти на уступки «тощим» — три члена приората теперь избирались от младших цехов. Почти 100 лет во Флоренции сохранялось республиканское устройство. Но в 1434 г. было положено начало новой синьории, которая совершенно изменила политический строй города и трансформировала его в принципат. Чтобы понять, как пришла к этому ревнительница свободы, всегда выступавшая против тиранов, следует обратиться к тем социально-экономическим процессам, которые имели место в XV в. во Флоренции.

Экономический расцвет Флоренции падает на первую половину XIV в., когда она превращается в европейский центр сукноделия и банковских операций, когда в ней зарождаются раннекапиталисти-

ческие отношения на базе развития мануфактуры. Но уже во второй половине XIV в. в сукноделии возникают некоторые трудности, связанные с конкуренцией других итальянских городов и сокращением рынков сбыта. В XV в. Англия и Франция ставят преграды ввозу сукон из Флоренции и запрещают вывоз шерсти. Турецкие и монгольские завоевания на Востоке суживают рынки для промышленности Италии. Количество суконодельческих мастерских во Флоренции XV в. сокращается по сравнению с XIV в. Вместе с тем здесь развиваются другие отрасли производства, в частности, шелковая промышленность, продукция которой поступает на европейский рынок. В XV в. флорентийские купцы пытаются захватить морские торговые порты, приобретают Пизу и Ливорно.

XV век характеризуется укреплением внутренних связей в Тоскане и появлением элементов внутреннего рынка. Производство грубых сукон развивалось во всей области и обслуживало местный рынок. Верхушка предпринимателей все больше вкладывала свои капиталы в банковское дело; в 1472 г. во Флоренции насчитывалось 33 крупных банка. Первое место среди них занимала семья Медичи, связанная с папской курией, Неаполитанским королевством, владениями бургундских герцогов и Англией. Медичи занимались также крупной торговлей шерстью, шелком, мехами и т. д. Другие владельцы суконных и шелковых предприятий тоже превратились в крупных банкиров-ростовщиков европейского масштаба (Строцци, Содерини, Альбицци, Сальвиати). Но и в области банковского дела во второй половине XV в. обнаруживаются изменения. В XV в. капиталы, накопленные в промышленности и банковском деле, все интенсивнее вкладываются в землю. По-видимому, уже ко второй половине XVI в. земельные владения стали преобладающей частью имущества флорентийской верхушки. Так во Флоренции стал складываться новый патрициат, терявший связь с капиталистической экономикой и основывавший свои богатства на ростовщичестве и земельных владениях. В дальнейшем флорентийский патрициат «одворянивается» и отходит не только от производства, но и от банковского дела.

Средние и мелкие предприниматели, главным образом связанные с местным рынком, сохраняли свои позиции. Они тоже приобретали земли, но в основном продолжали жить эксплуатацией труда наемных рабочих и мелких ремесленников. Преобладающую массу крестьян в Тоскане XV—XVI вв. составляли испольщики, условия договоров которых ухудшались в XV—XVI вв. и обросли рядом феодальных повинностей.

Когда Флоренция переживала экономический подъем, в ней господствовали «жирные» пополаны, предприниматели и купцы, зарождавшиеся буржуазные элементы, которым удалось поддерживать республиканское устройство (поскольку политическая актив-

ность феодалов была подавлена). Интересы правящей группы оставались сравнительно однородными.

С выделением из этой верхушки патрициата, который стал «одворяниваться», возникли противоречия между двумя прослойками господствующей верхушки. Патрициат не мог укрепить непосредственное, прямое господство, предприниматели-пополаны еще сохранили свою силу. Вместе с тем обострилась классовая борьба; выступления народных масс во время восстания чомпи 1378 г. показали необходимость сплочения господствующего класса. Новая форма требовала более широкой основы, учета интересов и патрициата, и предпринимателей, для этого она должна была выделиться в относительно самостоятельную силу, чтобы иметь возможность лавировать между двумя группами [27].

Синьория, следовательно, возникла во Флоренции не в условиях зарождения капиталистической экономики, а напротив, в период начавшегося свертывания раннебуржуазных элементов, при сокращении международных связей Флоренции и роста внутреннего экономического рынка во всей Тоскане, при установлении известного соотношения сил между патрициатом и предпринимателями. Эти условия противоположны тем, которые сложились в Западной Европе, где абсолютизм возникал в связи с зарождением буржуазии. Флоренция была единственным европейским городом, в котором предприниматели и купцы сумели в XIV в. установить прямое, хотя и не очень устойчивое, господство; если бы Италия дальше пошла по капиталистическому пути, здесь могла бы сложиться настоящая буржуазная республика. Но процесс развития раннекапиталистических элементов приостановился, что и отразилось на политическом строе города.

Синьория Медичи, как и все другие синьории, возникла в условиях острой политической борьбы.

Последствия восстания чомпи были ликвидированы к 1382 г., когда «жирные» пополаны установили олигархическое правление богатейших фамилий — Альбицци, Каппони, Уццано. Во главе их стал сначала Мазо дельи Альбицци, а после его смерти — Никколо да Уццано. Эта олигархия вступила в союз с некоторыми феодальными фамилиями. Были изгнаны пополаны и представители патрициата, связанные с предпринимательной деятельностью (Альберти, Медичи, Аччаюоли). Внешняя политика велась также в интересах верхушки «жирного народа», стремившегося получить выход к морю. Между тем начинает формироваться широкая оппозиция против олигархии, куда вошли средние предприниматели,

[27] *А. Д. Ролова.* Социально-политическая борьба во Франции в 1527—1537 гг. и зарождение абсолютизма Медичи. Л., 1953.

мелкие ремесленники и торговцы — «тощий» народ, изнемогавший под тяжестью налогов. Во главе их негласно встал Козимо Медичи, использовавший недовольство народа, чтобы прийти к власти.

В 1433 г. олигархия приняла решение об изгнании семьи Медичи. Самого Козимо арестовали, но через месяц освободили и изгнали из города. Однако вскоре Альбицци потерпели поражение во Флоренции, и сторонники Медичи добились решения о возвращении Козимо. Всех Альбицци перевели в гранды и отправили в изгнание.

5 ноября 1434 г. Козимо торжественно въехал во Флоренцию и вскоре стал ее фактическим государем. Так началось господство Медичи, которое продолжалось с некоторыми перерывами свыше трех столетий — сначала в виде синьории, позже — в качестве герцогства. Вожди олигархии — Альбицци, Палла Строцци, Ридольфо Перуцци и др. были изгнаны, многие их сторонники казнены.

Придя к власти, Медичи стали защищать интересы «жирного» народа, представителям которого передавались высокие должности. Вместе с тем осуществлялась протекционистская политика в интересах предпринимателей, и они также частично привлекались к управлению. В отношении низов Медичи вели себя как опытные демагоги — постоянно раздавали народу деньги, организовывали широкую строительную деятельность. В 1443 г. был введен новый прогрессивный налог, идею которого выдвигали еще чомпи. Но верхушку «жирного» народа, участвовавшую в управлении, он не затронул. Если Альбицци прямо и неприкрыто защищали интересы «жирного» народа, то Медичи опирались на более широкую базу и лавировали иногда между различными группировками.

Однако борьба против синьории Медичи продолжалась еще около 50 лет: патриции долго не хотели смириться с потерей непосредственного господства, предприниматели-пополаны стремились сохранить влияние, которое они имели в республике, народные массы хотели добиться облегчения своего положения.

Козимо Медичи не занимал никакой государственной должности и вел жизнь частного гражданина. Все республиканские органы — синьория из 8 приоров во главе с гонфалоньером, две коллегии («добрых мужей и гонфалоньеров компаний»), Общий совет, судебные инстанции — сохранились, но реальная власть находилась в руках «балии» (комиссии, получившей особые полномочия), составленной из сторонников Медичи и фактически назначавшей все магистраты. Налоговым аппаратом тоже распоряжались сторонники Козимо, причем широко практиковались подкупы. Было уничтожено исключительное положение старших цехов, так как разрешался переход из одного цеха в другой, и Козимо удалось ввести в управление старших цехов своих сторонников. Так он действовал и по отношению к другим учреждениям. В 1458 г. был создан совет, состоящий из патрициев, чем-либо обязанных Козимо.

Дальнейшее укрепление власти Медичи связано с именем внука Козимо Лоренцо Великолепного (1469—1492), при котором создается блестящий фасад новой синьории с широким меценатством по отношению к искусству, с бесконечными карнавалами, празднествами, турнирами, представлениями. Сохранив республиканские формы, Лоренцо в 1480 г. создает Совет 70, от которого целиком зависят все высшие должности. Затем выдвигаются две новых коллегии — одна, из 8 членов, ведает политическими и военными делами, другая, коллегия 12, распоряжается государственным кредитом и юрисдикцией. Старые органы синьории сохранялись, но по существу стали фикцией. Лоренцо сам руководил внешней политикой, принимал послов, в качестве личных секретарей часто привлекал нефлорентийцев простого происхождения. Опирался он на личную гвардию и жестоко расправлялся с восстаниями (в Вольтерре в 1472 г. и др.). Ему удалось ослабить значение гвельфской партии. Было сокращено число младших цехов. Но с патрициями Лоренцо считался, и их в целом удовлетворяло его правление.

Однако в последние годы правления Лоренцо налоговый гнет значительно увеличился — прямые налоги со 100 тыс. флоринов возросли до 360 тыс. Иногда прямые налоги взимались по 10—12 раз в год. Торгово-банкирские дома были недовольны опекой Медичи, население возмущено налогами и вопиющей роскошью верхушки. После смерти Лоренцо его сын Пьеро оказался неспособным разумно управлять государством и вызвал недовольство даже среди патрициев. Огромный успех имели в то время страстные проповеди доминиканского монаха Савонаролы, обличавшего роскошь верхов и разврат духовенства. Возмущение вызвала внешняя политика Пьеро, позорно капитулировавшего перед Карлом VIII. В страхе перед народным негодованием Совет 70 захватил власть, Пьеро бежал, народ открыл тюрьмы, разгромил некоторые дома Медичи. В интересах средних предпринимателей был введен новый прямой налог, десятина (дечима): доходы с недвижимого имущества облагались теперь по прогрессивной шкале. В 1520 г. была создана должность пожизненного гонфальонера, на которую избрали Пьетро Содерини, покровительствовавшего в основном средним предпринимателям. Недовольные патриции вступили в союз с Медичи, которые в свою очередь рассчитывали на поддержку испанцев. В августе 1512 г. патриции ворвались во дворец, добились отставки Содерини и разрешения Медичи вернуться. Старые учреждения были восстановлены, и Медичи возвратились во Флоренцию.

В 1513 г. один из Медичи, Джованни, стал папой под именем Льва X. Фактически он управлял Флоренцией через других членов своей семьи — Лоренцо Урбинского, Джулиано Медичи. В этот период Медичи окончательно сблизились с феодальной средой —

заключали брачные союзы с членами правящих династий, становились кардиналами, вели княжеский образ жизни. Во Флоренции они стремились стать неограниченными государями, но все же считались с патрициями и предоставляли им высшие должности. Однако значительной части патрициата не нравились их абсолютистские тенденции.

Франческо Гвиччардини, крупный патриций и историк Флоренции, писал, что правление Медичи было «ненавистно всему городу». Беспрерывные войны совершенно истощили казну, заработная плата рабочих была мизерной; чтобы купить пару простынь, каменщик должен был потратить 23-дневный заработок» [28].

В мае 1527 г. были снова изгнаны из города Медичи и восстановлена республика. Патриции старались удержать власть в своих руках, но предприниматели и купечество добились участия в управлении. Тогда патриции пошли на союз с Медичи. Между тем активизировались народные массы города, и на полтора года власть во Флоренции перешла в руки радикально настроенных ремесленников и торговцев. Патрициев облагали принудительными займами, некоторых из них казнили. В последний героический период республики флорентийские горожане сражались с объединенными силами Медичи, папы и императора. После долгой осады и жестокого голода зажиточные предприниматели, купечество и ремесленники, недовольные нарушением деловой жизни города и испуганные активностью народных низов, пошли на соглашение с патрициями. Осенью 1530 г. верхушка патрициата вернулась в город. Руководителей республики 1527—1530 гг. Кардуччи и Содерини казнили и восстановились прежние порядки.

Поражение последней республики показало, что средние предприниматели и купечество Флоренции оказались слишком слабы чтобы удержать власть. Вместе с тем большинство патрициев поняло, что без Медичи им не удастся господствовать в городе. Гвиччардини писал, что его друзья «поймут, что не смогут находиться во Флоренции, если там нет дома Медичи... Мы имеем в качестве врага весь народ, так что нам есть чего бояться в течение 100 лет». [29]

В 1532 г. вступила в силу новая конституция Флоренции, согласно которой главой государства являлся герцог. Им стал племянник папы Алессандро Медичи. Старые республиканские органы были уничтожены. Так совершился во Флоренции переход к принципату. Правда, при герцоге Алессандро борьба части патрициев

[28] *А. Д. Ролова.* Роль народных масс в период последней республики во Флоренции (1527—1530).— Сб. «Из истории трудящихся масс в Италии». М., 1959, стр. 206.

[29] *F. Guicciardini.* Opere inedite. Firenze, 1859, p. 368.

против Медичи еще продолжалась, но при Козимо I (1537—1574) в Тоскане окончательно оформилось централизованное государство с неограниченной властью герцога и сложившимся бюрократическим аппаратом.

Экономическими предпосылками этого государства абсолютистского типа послужило зарождение внутреннего рынка в Тоскане. Флоренция при первых Медичи сделалась центром экономической жизни государства, а не монополистом в промышленности. Если синьория возникла здесь в результате противоречий между патрициатом и предпринимателями, то в качестве социальной опоры тосканского принципата выступало в основном дворянство, образовавшееся в результате слияния одворянившегося патрициата со старой знатью. Это дворянство состояло на службе в армии и при дворе и получало от этого дополнительные доходы. Вместе с тем правительство придерживалось меркантилистской политики, покровительствовало развитию промышленности и торговли в рамках всей Тосканы. В XVI в. в Тоскане продолжали развиваться отрасли промышленности, работавшие на местном сырье (производство грубой шерсти, шелка). В этих отраслях сохранялись капиталистические отношения. Представителям буржуазии давались должности в центральном бюрократическом аппарате, вытеснившем окончательно элементы дуализма синьориального управления.

Установление абсолютизма в Тоскане в целом можно считать прогрессивным явлением, ибо другой путь развития — утверждение аристократической республики — означал бы победу произвола олигархии. В условиях начавшегося упадка Италии абсолютизм Медичи способствовал развитию промышленности, торговли и внутреннего рынка в масштабах всей Тосканы. Существование самостоятельного герцогства Тосканского мешало также укреплению власти империи и Испании на всем полуострове и способствовало развитию итальянской культуры [30].

Флорентийская синьория имела, таким образом, ряд особенностей. Прежде всего, она сложилась позже большинства других синьорий, на гораздо более высоком экономическом и политическом уровне развития, но уже при начавшемся свертывании капиталистических элементов во Флоренции; поэтому и социальные основы ее были другими. Гораздо бóльшую роль играл здесь страх господствующей верхушки перед народным движением, что вызывало необходимость в устойчивом правлении. Вместе с тем традиции коммунальной жизни и республиканских свобод во Флоренции были особенно сильны, поэтому в течение длительного времени Медичи пришлось сохранять республиканский фасад синьории: долго они

[30] *А. Д. Ролова.* Социально-политическая борьба во Флоренции..., стр. 10—15.

18. Понтормо. Портрет Козимо I. Медичи Флоренция. Галерея Уффици

не решались добиваться герцогского титула, маскируя абсолютистские тенденции, и едва они нарушали эти принципы, их свергали. Короче говоря, флорентийская синьория дольше сохраняла свой «буржуазный» дух; маска была сброшена лишь через столетие, к 30-м годам XVI в., когда раннебуржуазные элементы пришли в упадок и их оппозиция была сломлена. В отличие от других синьорий, в утверждении господства Медичи военные силы не играли значительной роли.

Создание тиранических режимов вызвало в Италии появление нового типа политики, который далеко отошел от средневекового идеала. Крупные экономические сдвиги, дерзость предпринимательства, бурные политические перемены, военные удачи давали

простор для личной активности и энергичной деятельности. Хотя многие основатели синьорий или тираний вышли из среды феодалов, среди них насчитывалось немало предприимчивых авантюристов, выдвинувшихся из низов (Франческо Сфорца) или из купцов (Каструччо Кастракани). Многих охватывало стремление к власти и казалось, что она доступна всякому. Саккетти высмеивал в своей новелле сапожника, который, вместо того чтобы изготовлять сапоги, «захотел отнять землю у мессира Ридольфо да Камерино»[31]. Но если первоначальное возвышение и бывало связано со знатным происхождением, в дальнейшем многое зависело от личных качеств правителя. В том кипящем политическом котле, который представляла собой Италия XIV—XV вв., любой политик или военный авантюрист, стремившийся к тирании, встречался с многочисленными препятствиями; нередко смертельных врагов он обретал в собственной семье. Не имея законной опоры в виде учреждений, которые еще предстояло создать синьории, тиран должен был обладать политической прозорливостью, трезвостью, умением находить нужных, пусть даже временных, союзников и отыскивать наиболее действенные меры для борьбы с соперниками. Единственным мерилом его деятельности служила выгода. Еще до сформулированных Макиавелли принципов итальянский тиран был в действительности то лисицей, то львом, прибегая то к хитрости, то к прямому насилию. Личное мужество, презрение к опасности, проницательность, способность реально оценивать обстановку, понимание людей и игра на их слабостях, тонкое коварство, жестокость, беспринципность в использовании средств, лицемерие, сочетание щедрости и скупости,— таковы основные качества, которые характерны для большинства тиранов.

Это не мешало им нередко оказывать покровительство искусству, интересоваться литературой, изучать гуманистическую культуру, что не только обеспечивало тиранам поддержку тогдашней интеллигенции, но и способствовало росту их собственной образованности. Сочетание любви к искусству, тонкости художественного вкуса с жестокостью и развращенностью вообще характерно для этого ломающегося, переходного времени с острой и обнаженной политической борьбой. Позже основные принципы политики периода итальянского Возрождения будут четко выражены Макиавелли, сочинения которого станут настольной книгой многих государей Европы XVI—XVII вв., а затем и буржуазных деятелей нового времени.

[31] *Sacchetti.* Novella XC. Firenze, 1861.

7

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ XIV—XV ВВ.

ЕРЕСЬ АПОСТОЛЬСКИХ БРАТЬЕВ

С момента своего возникновения еретические движения являлись формой выражения оппозиции существующему строю. Особый толчок ереси получают с развитием городов, увеличением экономической роли и ростом социально-политической активности различных слоев городского населения — как бюргерства, так и плебейских низов.

Италия XII—XIII вв. с ее бурной городской жизнью представляла собой исключительно благоприятную почву для расцвета еретичества. В стране существовали десятки еретических сект, как общеевропейских, привившихся на местной почве (катары, вальденсы) и их продолжателей (католические бедняки, ломбардские нищие, леонисты), так и собственно итальянских (арнольдисты, гумилиаты, еремиты, фратичелли и многие другие). Широкое распространение в самых разных слоях общества получили идеи раннего францисканства, особенно его радикального направления — спиритуалов. Размах еретических настроений в обществе был невиданно велик, недаром ряд историков с полным основанием называют то время «эпохой ересей».

В целом эти во многом отличающиеся друг от друга на практике и в догме секты можно определить как бюргерскую ересь с элементами не отделившейся от нее крестьянско-плебейской ереси [1].

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 7, стр. 363.

Всех их объединяла идея осуждения неправедно нажитого богатства, оппозиционные настроения по отношению к существующим порядкам, отрицание (хотя и в разной степени) римской церкви. ее организации, догмы, морали. Их идеалом являлись порядки раннехристианской церкви с ее простотой и моральной убежденностью, аскетизмом и мученичеством.

Среди массы оттенков пассивного и неопределенного, хотя и широкого, протеста, свойственного разным слоям общества, можно выделить несколько черт, характерных главным образом для беднейших слоев населения. Прежде всего — отношение к имуществу. Основная масса еретиков не останавливается на осуждении богатства и принятии собственности, приобретенной личным трудом, а идет дальше, утверждая, что в этом мире невозможно справедливое распределение имущества. А раз собственность нельзя распределить так, чтобы удовлетворить всех, нужно отказаться от всякой собственности; раз бедность неизбежна, то она является необходимым условием спасения души. Так возникает идеал бедности, нищенства, присущий большинству еретических направлений XIII в. Это отражающее низкий уровень социального протеста негативное отношение к собственности в дальнейшем послужит основой возникновения и развития идей равенства и общности имущества.

Другой важной стороной еретической идеологии XIII в. являются хилиастические воззрения. Идея «тысячелетнего царства» равенства и справедливости нашла подробную и убедительную аргументацию в творчестве Иоахима Флорского (ум. в 1202 г.) и его последователей. Близость предсказанного иоахимитами «второго пришествия Христа» (1260 г.) усиливала еретические настроения и активизировала сектантство.

Особо благоприятный отклик иоахимитство нашло среди низших слоев населения, настроения которых всегда имели более радикальный оттенок.

Еретическое движение к концу XIII в. претерпело серьезные изменения. Превращение части горожан в правящую прослойку итальянских городов-государств сказалось на судьбах многих сект. Наиболее близкие к бюргерской ереси направления (патарены, вальденсы и их последователи) или значительно эволюционировали, или, постепенно угасая, сходили с исторической арены. В то же время широкий размах получили народные ереси. Расслоение крестьянства, его отрыв от земли, возникновение новых форм эксплуатации как в городе, так и в деревне нарушали привычный уклад народной жизни, усиливали стремление к старым идеалам. Эти идеалы наиболее полно выражались в теории спиритуалов, и естественно, что многие из еретических направлений копировали практику францисканского ордена. «Каждый, кто хочет основать какое-нибудь новое братство,— тонко подметил известный хронист XIII в.

Салимбене,— обязательно перенимает что-либо у миноритов» [2]. Широкое распространение получает и флагеллантство («самобичевание»), утверждающее, что наступило время, предсказанное Иоахимом Флорским; возникнув в середине XIII в., оно сразу приняло невиданный размах. Религиозная экзальтация, ожидание неминуемых изменений, оппозиция официальной церкви во второй половине XIII в. достигают исключительного накала. В этих условиях в 1260 г. возникает секта апостольских братьев.

Основателем секты был неграмотный монах, в прошлом простой крестьянин пармской округи — Сегарелли. Выступая под личиной «простонародной святости», из-за чего современники называли его дурачком и шутом, он начал пропаганду новой ереси, основанной на идеалах раннехристианской, апостольской церкви. После его смерти (1300 г.) эти идеи были развиты и продолжены Дольчино.

Доктрина апостольских братьев в отдельных моментах шла дальше распространенных в ту эпоху ересей. И первым ее отличием являлся исключительно революционный характер воззрений.

На современную им эпоху они смотрели как на переходное к 1000-летнему царству божию время, цель которого — возвращение к истинным правилам жизни, завещанным Христом и апостолами. Мир, учили они, прошел в своем развитии четыре стадии. Первая из них — эпоха Ветхого завета, когда люди лишь размножались и утверждались в своем назначении. Затем идет время Христа и апостолов, внесших смысл и истину в человеческое существование, утвердивших простоту и равенство в отношениях между людьми. В конце этого периода церковь широко распространилась по земле, однако вместе с тем она получила власть и богатство, которые привели к извращению апостольского идеала. Третий период — время монашеских орденов, ставивших своей целью исправить положение; однако ни бенедиктинцы, ни францисканцы не смогли вернуть мир к его прежним идеалам. С Сегарелли начался последний, четвертый период, задача которого — создать истинную церковь, живущую по апостольским нормам и правилам. Сегарелли основал эту истинную, апостольскую церковь, Дольчино должен ее расширить и укрепить, и новый, «святой» папа должен сделать ее единственной и господствующей.

Апостольские братья полагали, что на них возложена миссия ломки старых и утверждения новых порядков. От пассивного ожидания иоахимитов они перешли к конкретной подготовке слома старого общества. При этом они резко и даже враждебно противопоставляли себя всем окружающим. Папа, предсказывал Дольчино, должен быть смещен, и выбор нового папы должен зависеть не от

[2] Chronica Fr. Salimbene Parmensis.— «Monumenta historica ad provincias Parmensem et Placentinam pertinentia». Parma, 1857, p. 122.

решения кардиналов, а от бога. Все существующие монашеские ордена следует уничтожить, церковную иерархию разрушить, и на руинах старой церкви воссияет новая, которая и будет существовать вплоть до пришествия Христа.

Однако главную работу по разрушению церкви, полагал вначале Дольчино, придется проделать светской власти — в лице неаполитанского короля Фридриха. Самим же апостоликам нужно лишь словом и примером убеждать в своей правоте. Здесь поле их деятельности безгранично широко — они могут принимать к себе и монахов, и горожан, и синьоров, и мужчин, и женщин, всех жаждущих перейти в лоно истинной церкви — церкви без храмов, без священников, без пышного богослужения, где все одинаково бедные и равные между собой верующие будут связаны внутренними узами, а не внешними обязанностями.

Равнозначна ли эта церковь всему обществу? Другими словами, переносится ли апостоликами принцип всеобщего равенства из сферы религиозной в сферу общественную, на существующие общественные отношения? Теория апостольских братьев, дошедшая до нас в изложении инквизиторов, не дает прямого ответа. Однако если обмирщение церкви при папе Сильвестре и императоре Константине, уход ее от апостольских принципов оправдываются расширением сферы влияния христианства, вовлечением в его орбиту всего окружающего мира; если на данном этапе перед апостоликами ставится задача возвращения этого мира к первоначальному «истинному» положению, то очевидно, что здесь под новой церковью понимается самый широкий, хотя и неопределенный, круг верующих. Тем более, что вступление в церковь для апостольских братьев представлялось актом свободной воли любого человека.

Огромное значение в догматике апостольских братьев имела идея равенства. Как и у большинства современных сектантов, она выражалась в отрицании имущества, т. е. в негативном равенстве. Они продавали свое имущество, раздавали бедным деньги и, следуя апостольским идеалам, жили милостыней, не работая и не имея собственного очага. В то же время в теории апостольских братьев просматриваются некоторые моменты, выделяющие их над обычным уровнем раннефранцисканских представлений о нищете и равенстве. На допросах у болонских инквизиторов (1299, 1303, 1304 гг.) апостолики единодушно утверждали, что они не имеют личной собственности (bona propria). Между тем в числе обвинений, предъявленных апостоликам в трактате инквизитора Де Гуи [3],

[3] Бернар Гуи (1261—1331) — инквизитор-доминиканец, действовавший в Северной Италии, Южной Франции и Испании, автор руководства по практике инквизиционного расследования и ряда трактатов против еретиков, в том числе против апостольских братьев (1316 г.).

говорится, что они требовали, чтобы десятина вносилась не папской церкви, а им. Возможно, что секта в целом (по крайней мере, на последних этапах существования) обладала каким-то имуществом, не являвшимся собственностью отдельных ее членов, а представлявшим общее достояние. Не исключено, что здесь перед нами зачатки идеи общности имущества, идеи, присущей наиболее радикальным представителям крестьянско-плебейского сектантства.

Отличительные черты догматики апостольских братьев — их активная, деятельная позиция, далеко идущие стремления преобразования существующих отношений собственности, стирание границ между «государством божьим», церковью и мирским обществом, исключительно широкий, массовый характер их проповеди — говорят о постепенном переходе секты на позиции крестьянско-плебейской ереси. Во многих своих представлениях апостолики еще стоят на общем уровне еретического движения того времени, но вместе с тем в некоторых важнейших вопросах теории они идут вперед, прокладывая, пусть пока нечетко и неуверенно, дорогу к самостоятельной крестьянско-плебейской ереси.

Становление элементов плебейского мировоззрения происходит постепенно. Сегарелли еще никак не похож на воинствующего противника существующей церкви и бунтовщика-ниспровергателя ее основ. Раздавший свое имущество беднякам и проводивший все свое время в молитвах и проповедях, он послушно подчиняется решениям церковных властей и без сопротивления встречает сначала пожизненное заключение, а затем мучеником восходит на костер. Однако уже в его взглядах можно обнаружить элементы будущих идей — признание особой, отличной от других сект и орденов, роли за своими последователями, организацию их по принципу «скорее внутренней связи и повиновения»[4], чем внешнего послушания. Движение сторонников Сегарелли резко идет вширь, находя отклик во всех слоях бурного итальянского общества. Источники сохранили нам наивный, но характерный рассказ о проповеди одного юноши-апостолика, на которую отправились равеннцы, оставив в одиночестве проповедовавшего в это же время в другой церкви францисканца. В кафедральный собор собралось столько народа, что местная знать так и не смогла туда пробиться.

Идеи апостольских братьев проповедует сам Сегарелли, сохраняя своим центром Парму, они победоносно шествуют по всей стране — от Альп до Тирренского моря. Проповедников-апостоликов радушно принимают в домах и слушают их на улицах простые крестьяне и знатные сеньоры, купцы, мастеровые и священники; особо мно-

[4] *B. Guidonis.* De secta illorum qui se dicunt esse de Ordine Apostolorum. — RIS, N. Ed., t. IX, p. V. Città di Castello, 1967, p. 20.

гих приверженцев эти проповеди находят среди женщин. Ни запрещение Лионского собора 1274 г., ни буллы Гонория IV (1285 г.) и Николая IV (1290 г.), ни начавшиеся преследования инквизиции, сопровождаемые, как всегда, кострами и пытками, не смогли остановить распространения ереси, и если Сегарелли поначалу был окружен толпой последователей в несколько сотен человек, то к моменту его смерти число активных членов секты достигало нескольких тысяч, общее же число их сторонников не поддается учету.

В самом движении существуют различные течения, и одно время в нем разгорается борьба двух направлений, возглавляемых Гвидо из Фаэнцы и Маттео из Анконской Марки. После смерти Сегарелли к руководству сектой приходит новарец фра Дольчино, вождь радикально настроенных апостоликов горных районов Северной Италии (область Тренто). В августе 1300 г., спустя месяц после казни Сегарелли, он обратился к апостольским братьям и всем сочувствующим с письмом, в котором изложил основные положения апостольского учения. Очевидно, это кредо новарца оказалось настолько созвучным и приемлемым для всех сторонников и последователей, что в последующее время Дольчино из безвестного трентинского проповедника быстро превращается в признанного главу всей секты, наследника Сегарелли. Несомненно, что среди апостоликов уже достаточно сильны были крестьянско-плебейские настроения, если у руководства оказались наиболее радикальные представители — Дольчино и его сподвижники. В следующем своем обращении он назвал их имена: Федерико из Новары, Альберто Карентино, Вальдерико из Брешии и «возлюбленная сестра» и подруга Дольчино — Маргарита.

В первые годы своего пребывания в роли главы секты Дольчино развертывает чрезвычайно активную деятельность. Он обсуждает с ближайшим окружением основные вопросы догматики, принимает в Тренто многочисленных посланцев из других областей, вынашивает планы на будущее. Результатом всего этого явилось второе его послание последователям (декабрь 1303 г.). По форме обычное пророчество, оно по сути являлось глубоко продуманной программой действий.

Четыре папы будут последними на папском престоле, из них первый и четвертый — «добрые», второй и третий — «плохие». Первый из них, как предсказывали пророки, безвинно пострадавший, погибнет по воле своего преемника. Так и случилось с Целестином V, умершим в тюрьме (1294 г.). О Бонифации VIII (1294—1303) — втором из этих пап, о его гордыне, пренебрежении к пастве тоже немало говорится в библии. Еще в первом своем послании Дольчино предсказал его скорую смерть, и это предсказание пророчески сбылось. Трагична будет судьба и следующего папы, Бенедикта IX, всего за месяц до того избранного на престол. Дольчино предрекает

ему и его кардиналам неизбежную гибель от руки Фридриха Арагонского. Тогда воспрянут апостольские братья, с ними воссоединятся другие, «чистые духом», и на развалинах старых орденов и епископств возникнет новая церковь во главе с четвертым, «святым» папой. И это время уже близко — первый год из предсказанных пророками трех уже наступил — год 1303-й. В следующем году погибнут папа и кардиналы, и 1305 г. будет годом гибели всех священников и монахов, годом триумфа новой церкви.

Под обычной для того времени пророческой оболочкой нетрудно увидеть конкретное содержание. Время решительных испытаний, которые приведут к победе правого дела, наступает; каждый должен быть готов к ним. И сам Дольчино, на которого, по его убеждению, провидение возложило миссию укрепления и расширения секты до прихода «святого» папы, предпринимает решительные меры перед последним сражением. В 1303 г. он с ближайшими помощниками покидает Тренто и отправляется в новые места, готовя почву для грядущих событий. Области Брешии, Бергамо, Комо, Милана — таков путь ересиарха. 1304 год застает его в Пьемонте, недалеко от родных мест, в долине реки Сезии.

ВОССТАНИЕ ДОЛЬЧИНО

Социально-экономическое развитие средневекового Пьемонта изучено далеко недостаточно. Однако все-таки можно полагать, что общие линии развития в восточной, равнинной части области (земли Асти и Алессандрии, Верчелли и Новары) совпадали с основным направлением социально-экономических процессов в других областях Северной и Средней Италии. Здесь, как и по всей стране в XI—XII вв., возникают городские коммуны, постепенно освобождающиеся от власти синьоров и подчиняющие себе деревенскую округу. В них широко развиваются ремесло и торговля, создаются цехи, и верхушка городского населения прочно захватывает власть в свои руки. Уже в XIII в. в Ломбардии широкую известность получают сукна из Верчелли и Новары, а астиджанские купцы и банкиры пользуются всеевропейской славой. Коммуны вступают в борьбу с окрестными синьорами, нередко подчиняя их своей власти и переселяя в города; идет процесс слияния городской верхушки с феодальной знатью и превращения ее в земельных собственников. Однако по сравнению с наиболее передовыми областями Ломбардии и Тосканы здесь эти процессы протекали более замедленно и не приняли завершенных форм; по-прежнему большую роль в политической жизни коммун продолжали играть местные светские и церковные феодалы.

Своеобразное положение сложилось в горах и предгорьях Северного Пьемонта. Развитие рыночных отношений и влияние денег сказалось и в этих районах, ведя к расслоению крестьянства и обострению отношений внутри его. Вместе с тем географические выгоды и наличие соперничества среди соседних сеньоров-городов, дворянства и церковных магнатов нередко давали возможность крестьянству горных местностей сохранить общинные свободы и частично отстоять свою независимость. Примером может служить судьба крестьян долины Сезии. Вальсезия (область долины реки Сезии), расположенная в северной части Пьемонта, издавна представляла собой замкнутую полуавтономную территорию. На протяжении XIII в. в долине постепенно складывается федерация сельских коммун (Universitas Vallis Siccidae), объединяющая все поселения этой местности [5].

Большинство из сельских коммун, входящих в федерацию, имели свои законы (statuti vicinali); по некоторым из дошедших до нас статутов мы можем судить, что основная цель законодательства состояла в регулировании правил общинного скотоводства и коллективных лесоразработок. Несомненно, Вальсезия представляла собой типичный образец федерации сельских коммун XIII—XIV вв.

К концу XIII в. власть бывших феодальных владетелей этой области, графов Бьяндрате, сошла на нет. Вынужденные уже во второй половине XII в. поселиться в городской черте Новары и Верчелли, они постепенно передают коммунам свои права на долину. В Вальсезии неуклонно усиливается влияние этих городов, однако их власть устанавливается в ходе бесчисленных междоусобиц, сопровождаемых попытками Бьяндрате вернуть себе прежние права и осложненных вмешательством миланских делла Торре и Висконти. Сами местные коммуны также оказывают упорное сопротивление как старым, так и новым хозяевам, нередко открыто выступая против них (1217, 1259—1260, 1275 гг.). В долине широко распространяются различные ереси, по поводу которых Новара и Верчелли вынуждены принять специальные статуты. В этой долголетней борьбе с городскими коммунами федерация Вальсезии сумела сохранить отдельные права и свободы, гарантированные ей городскими властями, однако на практике они неоднократно нарушались.

Один из таких инцидентов в самом начале XIV в. привел к открытому восстанию жителей коммуны Гаттинара, изгнавшей представителей епископа и городской коммуны Верчелли [6].

[5] См. Statuti di Valsesia del secolo XIV, ed. C. G. Mor. Milano, 1932.

[6] См. *C. G. Mor.* Frammenti di storia Valsesiana. Varallo, 1960; *E. Anagnine*. Dolcino e il movimento ereticale all'inizio del Trecento. Firenze, 1964.

В этой накаленной обстановке в самом начале 1304 г. появляется Дольчино со своими соратниками. Горячо принятый населением, он обосновывается в Нижней Сезии, в районе Гаттинара и Серравалле, в 30—35 км от Верчелли. Именно здесь ересь апостольских братьев перерастает узкие рамки сектантско-заговорщической организации и превращается в широкое народное движение. Проповедь Дольчино собрала вокруг него толпы последователей, и в короткое время их численность достигла нескольких тысяч человек. Основную их массу составляли крестьяне близлежащих мест, хотя среди них было немало выходцев из других областей Италии и даже Швейцарии и Германии. «Дольчино,— говорит Джованни Виллани,— появился с большой ватагой еретиков, мужчин и женщин из разных горных и равнинных мест, людей мелкого достатка» [7].

О том, какой размах с первых шагов приняло движение, свидетельствует тот факт, что против апостоликов была срочно создана лига, состоявшая из маркизов Салуццо и Монферрато, епископов Верчелли и Сиона, коммун Биеллы, Верчелли и ряда местных феодальных фамилий. Значительное по тем временам войско (около 2 тыс. чел.), составленное из епископского и городского ополчений и швейцарских наемников, отправилось вдоль обоих берегов Сезии, намереваясь взять в кольцо восставших. 28 марта на подступах к Гаттинара произошло кровопролитное сражение, окончившееся полной победой восставших под руководством Каттанео ди Бергамо и Амброджо Саломоне. С апреля по июль апостолики беспрепятственно распространились по всей округе и даже доходили до городских стен Верчелли.

Сектантское движение вылилось в вооруженную борьбу восставшего народа. Над участниками феодальной лиги нависла серьезная опасность, которая требовала немедленных мер. Было собрано новое войско, и ему удалось вытеснить повстанцев с равнины. Жителей Гаттинара настигла суровая кара; десятки их подверглись казням за помощь, оказанную мятежникам. Восставшие уходили вверх по течению Сезии и ее притоков, теряя на пути сотни убитых и раненых; однако число их непрерывно пополнялось за счет крестьян тех деревень, через которые проходил их путь. Отступление длилось несколько месяцев, пока наконец у подножья одной из гор в Новарской области не был устроен укрепленный лагерь, где повстанцы оставались до конца лета 1305 г.

Успехи повстанцев и невозможность справиться с ними собственными силами заставили Райнерия, епископа Верчелли, искать помощи у других. Летом 1305 г. папа Климент V обратился с бул-

[7] Istorie Fiorentini di Giovanni Villani, cittadino fiorentino fino all'anno 1348. libr. VIII, cap. LXXXIV. Milano, 1802, t. IV, p. 171.

лой к местным феодалам, в которой призвал их оказать помощь верчелльскому епископу. Всем участникам армии епископа было обещано полное отпущение грехов. В августе 1305 г. собравшиеся новарские и верчелльские рыцари принесли клятву в том, что они будут беспощадно бороться с врагами «католической веры и христианского мира». Фактически начался крестовый поход.

В этот момент восставшие проявили стратегическую дальновидность. Они укрепились на горе Парете Кальва («Отвесная стена»), естественной цитадели, господствующей над долиной одного из притоков Сезии — Расса. «Ее вершина, представляющая ровную овальную площадку окружностью в 600 шагов,— пишет историк Ф. Тонетти,— была доступна только со стороны Кампертоньо; со всех других сторон вверх вздымались голые скалы, одним своим видом наводящие страх» [8]. На горе восставшие построили временные жилища и возвели укрепления. Однако новая позиция имела и серьезный недостаток — она находилась далеко от окрестных селений, что серьезно затрудняло снабжение. Рост численности осажденных, главным образом за счет местного крестьянства, и суровая зима усугубили положение апостоликов. Им пришлось устраивать вылазки в соседние деревни и городки, неизбежно восстанавливая против себя население. В лагере начался голод. В этих тяжелых условиях восставшие проявили огромное мужество, дисциплину и стойкость. В стане осажденных, как можно предполагать на основании косвенных данных, естественно возникло организованное распределение продуктов и одежды, коллективное пользование некоторыми предметами — оружием, доспехами и т. п. Именно здесь развернулся талант Дольчино — страстного трибуна, блестящего организатора и незаурядного военачальника. Он сумел превратить своих сторонников из случайной полуторатысячной толпы в строго организованную армию, одушевленную справедливой идеей.

В конце зимы 1305/06 г. положение осажденных стало чрезвычайно тяжелым. Не выдержав лишений, дезертировал Амброджо Саломоне со своим отрядом. Голод, холод и потери заставили Дольчино предпринять попытку обмануть осаждающих. Ночью 10 марта 1306 г. около тысячи апостоликов, больные и истощенные, по глубокому снегу прошли через перевал и вышли к горе Цебелло, недалеко от Триверо. Можно только удивляться героическому подвигу восставших, сумевших в невыразимо трудных условиях ускользнуть от армии преследователей и этим удачным маневром снять осаду. На новом месте были спешно возведены укрепления, в окрестностях собраны запасы продовольствия. Когда крестоносное войско подошло к лагерю апостоликов, оно встретило воздвигнутую по всем правилам феодального военного искусства крепость.

[8] Цит. по: *E. Anagnine*. Op. cit., p. 165.

Начались новые ожесточенные схватки. 1 мая 1306 г. авангард крестоносцев был наголову разбит апостоликами под непосредственным предводительством Дольчино; свыше ста рыцарей погибло и попало в плен. Возглавлявший объединенное войско епископ Райнерий решил повести регулярную осаду апостоликов. Он окружил их плотным кольцом фортов, башен и бастионов, подвел осадные машины. Восставшие пытались помешать строительству постоянными вылазками.

Осенью произошло одно из самых кровопролитных сражений, не принесшее победы ни одной из сторон, однако вскоре после этого объединенное войско феодалов отступило в соседние селения, оставив гарнизон в осадных укреплениях. Вокруг восставших была создана мертвая зона — крестьян окрестных деревень выселили из их мест, чтобы они не смогли оказывать помощь продовольствием. Установилась блокада лагеря.

В сентябре 1306 г. папа снова обратился с буллою к графу Савойскому, архиепископу Милана и ломбардским инквизиторам. Против восставших крестьян поднялась вся феодальная Северо-Западная Италия. Официально был объявлен крестовый поход против еретиков. Несмотря на некоторые успехи,— восставшие овладели несколькими из соседних фортов, выбив оттуда оставленные гарнизоны,— их положение стало катастрофическим. Кольцо блокады сужалось. Среди апостольских братьев начался повальный голод. Измученные продолжающимися несколько лет лишениями, повстанцы не выдержали тягот новой зимы; голод и холод косили ряды осажденных. В марте 1307 г. Райнерий решил перейти к открытым действиям и предпринял штурм цитадели. Три дня продолжалась последняя битва, сотни повстанцев пали, дорого отдав свои жизни; многих взяли в плен. Среди них оказались и руководители — Дольчино, Маргарита, Лонгино ди Бергамо. Суд и следствие были недолги, спустя три месяца всех троих приговорили к казни. По наиболее распространенной версии, Маргариту сожгли первой — на глазах Дольчино; затем наступила очередь измученного пытками, но до последнего момента сохранявшего присутствие духа вождя повстанцев [9].

[9] Восстание Дольчино, не в пример другим крестьянским восстаниям в Италии, относительно богато библиографией. Из последних работ о нем отметим следующие: *С. Д. Сказкин.* Исторические условия восстания Дольчино.— Сб. «X международный конгресс историков в Риме. Доклады советской делегации». М., 1956; *его же.* Первое послание Дольчино.— «Из истории социально-политических идей. Сборник статей к 75-летию академика В. П. Волгина». М., 1955; *А. Д. Люблинская.* «Медиевисты ГДР о городских восстаниях XIV в.» — «Средние века», вып. 24, 1963; *E. Dupré-Théseider.* Fra Dolcino: storia e mito. — «Bolletino della Società di Studi Valdesi», № 77, 1958. *E. Anagnine.* Op. cit.; *B. Töpfer.* «Das Kommende Reich des Friedens». Leipzig, 1965.

*

Во время восстания, в ходе вооруженной борьбы в большей степени проявляются те характерные черты, которые намечались в идеологии апостольских братьев предыдущего времени.

Анонимный историк сообщает, что восставшие во главе с Дольчино считали, что им «позволено вешать, казнить и убивать людей, повинующихся римской церкви, а также жечь, брать в плен и требовать с них выкуп; и в этом для них никакого нет греха» [10]. В данном отрывке нашли отражение чрезвычайно важные для понимания эволюции теории аспостольских братьев идеи: война против врагов справедлива, что обосновывается теоретически и возводится в догму; ведется она уже не только против церкви, а против всех ее сторонников, против всего поддерживающего церковь общества. Так, выступление против церкви естественно переросло в борьбу против освящаемого ею строя.

Другим моментом является развитие в ходе вооруженной борьбы идеи равенства. Суровые обстоятельства требовали от восставших объединения всех сил и напряжения всех ресурсов. Захваченные продукты, оружие и одежда распределялись среди осажденных в зависимости от необходимости; практически в лагере Дольчино был введен порядок, наивно именуемый некоторыми западными историками «военным коммунизмом». От идеи равенства духовного повстанцы перешли к равенству социальному, к осуществлению идеи общности имущества, хотя эта общность имуществ и существовала главным образом как военная мера.

Очевидно, указанные особенности последнего этапа движения апостоликов были вызваны спецификой борьбы и являлись логическим следствием условий, в которых эта борьба протекала. Однако вне зависимости от своеобразия пути, по которому развивалась ересь апостольских братьев, ее эволюция привела к перерастанию ереси, основанной на широком и в то же время неопределенном недовольстве разных слоев общества существующими порядками, в ересь крестьянско-плебейскую, выступающую против основ самих этих порядков. Таким образом, движение Дольчино явилось одним из первых открытых выступлений собственно крестьян под флагом плебейской еретической идеологии против феодальных общественных отношений.

Можно высказать еще одно, уже гипотетическое соображение. Внимание историков давно привлекало то обстоятельство, что, несмотря на преследования, восставшие упорно придерживались од-

[10] *Anonimo Sincrono.* Historia fratris Dulcini heresiarche. — RIS, t. IX, p. V Città di Castello, 1906, p. 7.

ной местности — долины Сезии и ее притоков. В армии Дольчино принимали участие выходцы из многих областей Северной и Средней Италии (Фриуль, Бергамо, Парма и др.) и даже из соседних стран; однако движение носило чисто локальный характер и не выходило за границы Новарского диоцеза. Можно предположить, что это вызывалось не только соображениями обороны. Конечной целью Дольчино, возможно, был захват долины и организация вольной деревенской коммуны с уравнительным разделом земли — неосуществленный идеал всех крестьянских бунтарей средневековья. Эта гипотеза, в случае если дальнейшие исследования подтвердят ее справедливость, позволит дать еще более радикальную оценку восстанию и наметить черты его сходства с идеологией крестьянских движений позднего феодализма.

Восстание Дольчино вызвало неслыханную реакцию в Европе того времени. События одного отдаленного района заставили говорить о себе не только итальянцев, привыкших к острым политическим перипетиям и взрывам этой бурной эпохи, но и правящие классы других стран. Спустя полтора столетия церковный историк фра-Форести из Бергамо писал: «Известиями о Дольчино в то время была переполнена вся Европа и другие страны мира» [11]. Действительно в движении апостольских братьев было немало необычного и нового, что заставило волноваться разных людей во многих странах.

Уже современники обвиняли Дольчино в том, что к старым, распространенным заблуждениям он прибавил новые. В глазах их Дольчино предстает не просто сектантом, а ересиархом, основателем новой концепции духовной и моральной жизни. И недаром в «Божественной комедии» великий флорентиец связал Дольчино с Магометом, создателем новой религии — соперницы христианства. Великая опасность новых идей ощущалась и многими другими современниками (Бенвенуто из Имолы, Салимбене и др).

Разгром апостоликов привел в ликование феодальную Европу. Местный хронист сообщает, что известие о победе епископа вызвало в Верчелли такую радость, что «едва ли можно выразить ее словами и описать пером». В июле 1307 г. Климент V обращается с посланием к епископу Верчелли, фактическому главе крестоносцев, с благодарностью за тот «труд, который он приложил на винограднике господнем». В августе издается новая булла, адресованная всем крестоносцам — новарским, верчелльским феодалам,

[11] Цит. по. *E. Anagnine.* Op. cit., p. 259.

принимавшим участие в походе; не смущаясь долгим перечислением имен, папа дает им привилегии, освобождение от некоторых вассальных повинностей, отпущение грехов. Еще раньше Климент V посылает королю Франции Филиппу Красивому известие о победе, одержанной над «исчадием ада, ужасным ересиархом Дольчино».

С разгромом восстания движение апостоликов пошло на убыль; однако следы его сохраняются еще долго. Около середины XIV в. в Падуе состоялся процесс 22 людей «низкого положения, невежд и крестьян», подозреваемых в апостольской ереси; все они кончили жизнь на костре. Еще дольше существует ересь в Трентино: статуты области спустя более века все еще предписывают суровые меры против апостольских братьев. Движение имеет отклики и вне Италии — в Германии (решения Кельнского и Трирского соборов 1306 г. и 1310 г.), Франции (Нарбонский и Тулузские соборы 1347—1368 гг.), особенно в Испании, где нашли себе пристанище многие последователи Дольчино, для борьбы с которыми Де Гуи написал свой трактат «О секте, именующей себя апостоликами».

Но и на родине Дольчино имя его не было забыто. Долго сохранялись в народной памяти события того времени, и не случайно ряду гор, на которых останавливались апостолики, народная традиция дала новые, напоминающие о прошедшем имена (гора Катаров — бывшая Цебелло; гора Патарена у Гаттинара). Веками в народе жили легенды о Дольчино — мученике или герое, волшебнике или колдуне; до последнего времени существовали поверья о кладах, которые он, наподобие Стеньки Разина, якобы оставил на этой земле. Пожалуй, наиболее интересной из легенд является зарегистрированное спустя четверть века трентскими инквизиторами мнение о чудесном спасении Маргариты, и о том, что она под другим именем живет среди народа.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ XIV—XV ВВ.

Героическая борьба апостольских братьев во главе с Дольчино не только представляла собой кульминационный пункт еретического движения — крестьянско-плебейскую ересь, соединенную с восстанием; она также была наиболее ярким и своеобразным крестьянским выступлением в Италии XIV—XV вв. После него восстания крестьян принимают иной, отличный от прежнего характер, обусловленный особенностями социально-экономических отношений в стране.

Относительно высокий уровень развития товарного производства в средневековой Италии имел своим следствием глубокую дифференциацию итальянского крестьянства, и в первую очередь обеднение основной массы держателей, превращение их в малозе-

мельных и неимущих испольщиков, краткосрочных арендаторов и т. п. Вместе с тем меняется и характер крестьянской эксплуатации, один из главных акцентов которой переносится, наряду с поземельными повинностями и арендной платой, на другие формы обложения. Большую тяготу для крестьянского хозяйства начинают представлять многочисленные налоги и повинности, взимаемые государством: общественные службы по ремонту дорог, мостов, строительству укреплений, подвозу материалов, расходы на содержание пышного двора, ординарные и экстраординарные налоги на военные нужды, взносы на самооборону и многие другие обложения. Хроники того времени переполнены фактами возмущения крестьян размерами повинностей и служб, их постоянными разногласиями с сеньорами по поводу распределения налогов. Особую ненависть крестьянства вызывала торговая политика синьорий: установление максимума цен на сельскохозяйственные продукты, торговые пошлины, ограничение размера платы за труд и т. п. Тяжелой была и политическая обстановка в стране: постоянные распри городских партий, разбой кондотьерских банд, агрессивная внешняя политика синьорий. По крылатому выражению хронистов той эпохи, «кровь итальянская лилась, как вода».

Серьезный отпечаток на классовую борьбу крестьянства наложила эволюция итальянской общины — сельской коммуны. В XIV—XV вв. общинному землевладению были нанесены тяжелые удары. Решающим среди них явился процесс концентрации мелких участков в компактные «подере», ликвидировавшие прежнюю чересполосицу, общинные порядки землепользования и разрушившие традиционные связи между жителями деревни. Другим важным моментом было подчинение сельских коммун городской власти и превращение их в одну из ячеек городской административной системы в контадо. Сельские коммуны, общины, дававшие крестьянину, по словам Ф. Энгельса, «локальную сплоченность и средство к сопротивлению» и бывшие одним из орудий крестьянства в борьбе с эксплуататорами, теперь часто используются городом как орудие самой эксплуатации.

Все эти обстоятельства неизбежно сказывались на особенностях классовой борьбы крестьянства, на ее содержании и формах; однако не только они определяли специфику крестьянских движений. Особенностью исторического развития Италии в средние века является то обстоятельство, что здесь деревня подчинялась городу не только экономически, но и политически. Городская коммуна, во главе которой стояли земельные собственники, проводила в деревне политику, преследовавшую их узкособственнические цели. На службу правящей верхушке были поставлены чрезвычайно разветвленный административный аппарат, детально регламентированное законодательство, до мельчайших подробностей разработанная система

бюрократического контроля, тотальной слежки, круговой поруки и взаимной ответственности. Итальянскому крестьянству противостоял господствующий класс, обладающий такой степенью организации, таким аппаратом принуждения, равные которым трудно найти в тогдашней Европе. Очевидно, именно поэтому наиболее крупные движения крестьян XIV—XV вв. происходили там, где города не стали ведущей силой в экономической и политической жизни страны (Савойя, Калабрия, Фриуль). Возможно, с этим связано также и то, что выступления крестьян в округе развитых городов-коммун обычно возникали в тот момент, когда внимание города было отвлечено какими-либо политическими обстоятельствами. Так, единственное упоминание о массовом движении падуанских крестьян относится к 1311 г., когда Падуя воевала с Виченцой. Захватив часть падуанской территории, вичентинцы разрушили административную машину коммуны, и это дало возможность крестьянам оккупированных местностей выступить против своих сеньоров. В обычное же время стихийные движения крестьян подавлялись мощной административно-полицейской системой города в самом зародыше. В той же Падуе в хрониках нередко появляются сообщения о том, что в дистрикте то и дело сжигаются «неповинующиеся виллы».

Политическая обстановка вообще играла большую роль в комплексе обстоятельств, приводивших к вспышкам крестьянского недовольства. Политические пертурбации не только отвлекали внимание и силы господствующего класса, но, как правило, сопровождались введением новых налогов, дополнительным гнетом ложившихся на плечи крестьянства. Именно в таких условиях произошло восстание 1438 г. в Равенне, где изменение политической ориентации синьора города Остазио да Полента, сопровождавшееся усилением налогового гнета, привело к мятежу крестьян и штурму ими города. Немалое значение приобрела политическая направленность и в самих восстаниях. Многие из них имели оттенок борьбы за политические свободы или проходили под знаком сопротивления иноземным колонизаторам. Такой характер присущ, например, крестьянскому движению в Фриуле (1511 г.), развернувшемуся во время войны Венеции с австрийцами. Цель — установление и укрепление местных свобод — преследовали и восстания коммун в Вальдинон и Вальдисоле (Альто-Адидже) против чужеземных князей-епископов Георга Лихтенштейна (1407 г.) и Александра Мазовши (1434—1436 гг.). Политическая окраска крестьянских выступлений порой приводила к тому, что их использовали в своих интересах местные феодалы и горожане, нередко и сами участвовавшие в этих событиях. Попытки такого временного объединения столь различных по своему положению союзников заметны во многих крестьянских бунтах.

Италия XIV—XV вв. была ареной многочисленных крестьянских выступлений. Не только относительно отсталые окраины — Савойские земли, Тренто, Фриуль и южные районы,— но и развитые области Центральной и Северной Италии — Парма и Падуя, Пьяченца, Равенна, Пистойя — вспыхивали огнем крестьянских мятежей. Почти во всех дистретто итальянских коммун непрерывно происходили крестьянские волнения, нередко перераставшие в открытые восстания. Остановимся на одной из небольших областей Тосканы — Пистойе [12].

XIV век в истории Пистойи открылся движением крестьян горных районов под руководством Музоне делла Москаккиа. Летом 1303 г., в разгар борьбы коммуны с Луккой и Флоренцией, крестьяне отказались платить налоги, перешли к открытым стычкам и блокировали один из основных торговых путей области — дорогу на Болонью. И хотя сам Музоне скоро был разбит, волнения в горной части дистретто продолжались до конца 1307 г. Крестьянские вспышки в горах не утихали на протяжении почти всего столетия. В 1346 г. на их подавление отправилось 200 всадников, в 1349 г.— еще 100. В 1351, 1352 и 1356 гг. снова поднялось население горных местностей, а в 1358 г. уже все сельское население дистретто выступило против горожан. Городу пришлось пойти на смягчение налогообложения и другие уступки. Но в 1369 г. снова вспыхнуло движение горцев, охватившее и часть равнины.

В последней четверти XIV в. в Пистойе усиливается власть флорентийцев; на место аппарата ослабленной внутренними распрями коммуны приходит централизованная бюрократическая машина, возглавляемая «капитаном горных местностей» — флорентийцем. В течение нескольких десятилетий в деревне царит спокойствие. Однако это было затишье перед бурей. Уже в 1401—1403 гг., во время антифлорентийского восстания нобиля Ричардо Канчельери, поднялись с оружием десятки сельских коммун горных и холмистых районов. Внутрифеодальная распря скоро вылилась в народное движение. Почти во всем дистретто прекратились сельскохозяйственные работы; многие крестьяне требовали снижения рент, некоторые отказывались убирать с полей господскую часть урожая, а другие совсем уходили с земель. Последняя и в то же время наиболее крупная вспышка крестьянского недовольства произошла в 1455 г. Крестьянское войско подошло к городу, убивая встречающихся на пути горожан, и захватило часть городских кварталов. Флорентийское руководство Пистойи (подеста, капитан и комиссии) оказалось вынуждено принять крестьянские требования, главными из которых было усиление наказаний за насилия и наруше-

[12] См. *D. Herlihy*. Medieval and Renaissance Pistoia. Pistoia, 1967.

ния закона. Вскоре после этого крестьянские отряды рассеялись; последующие выступления пистойских крестьян уже не принимали столь развитых форм и масштабов.

Движения в Италии находились в тесной связи с борьбой крестьянства в других странах. В 1525 г. под непосредственным влиянием немецкой Крестьянской войны поднялись крестьяне альпийских областей Северной Италии. С выступлением французских тюшенов по времени и характеру совпало движение тукинов в Северо-Западной Италии.

Восстание тукинов

Восстание тукинов[13] в Северо-Западной Италии было одним из крупнейших крестьянских движений XIV—XV вв. Оно охватило территорию Верчелли, Канавезе (северная часть современного Пьемонта), южную часть области Аоста и другие пьемонтско-савойские земли (в частности Валлезе в Южной Швейцарии). Движение продолжалось более пяти лет (около 1382—1387 гг.), попеременно усиливаясь то в одном, то в другом районе. Однако связи между этими вспышками не было, и в целом борьба носила ярко выраженный стихийный характер.

Разбросанные по равнинам и горным местам Северо-Западной Италии, Юго-Восточной Франции, Бургундии, швейцарским землям, владения графов Савойских и их пьемонтской ветви — графов Аккайа — отличались исключительной пестротой социально-экономического развития. В них наряду с относительно развитыми городскими коммунами (Верчелли, Турин, Ивреа, Берн, Фрибур) существовали горные территории, где население жило по патриархальным обычаям свободной общины. Несколько иным было положение в Пьемонтских землях, где старые феодальные фамилии графов Вальперга, Сан-Мартино, Мазино, соседних с ними маркизов Монферрато и многих других представителей знати сохранили не только политическое влияние, но и свою экономическую мощь. Феодальный нажим на крестьян резко усилился в XIV в., когда часть сеньоров стала возвращаться к старым барщинным порядкам и крепостному праву. Этот процесс имел место, в частности, в предгорьях и долинах Канавезе, где получили распространение наиболее тяжелые формы крепостнической зависимости, сопровождаемые формарьяжем, менмортом и произвольной тальей.

[13] Существует несколько версий происхождения этого термина. Одни производят его от tuchia (лес), другие — от tuchinaggio (объединение). Наиболее распространенным объяснением является tutti uno (на пьемонтском наречии — tuic'un) — «все, как один».

Положение населения ухудшалось и вследствие политической обстановки. Постоянные распри и открытая борьба между графами Савойи, маркизами Монферрато и местными феодальными родами не только приносили разорение крестьянству, но и увеличивали налоговой гнет, а также прямую выкачку денег путем контрибуций и займов у горожан. Особенного произвола эти поборы достигли в правление Амедея VI (ум. в 1383 г.), предпринявшего ряд военно-политических авантюр в Южной Италии и на Балканах.

Отдельные выступления крестьян начались задолго до 80-х годов. В 1363 г. жители долины Конье в Аоста поднялись против местного епископа и изгнали его кастеллана. С начала 80-х годов движение стало принимать массовый размах и охватывать уже не отдельные селения, а целые районы — Валлезе, Мориана, Тарантеза. Программа восставших была крайне неопределенной. Крестьянство Валлезе, например, выступившее с местными горожанами против епископа Сиона и его союзника графа Савойского, не выставило своих отдельных требований, и первый этап борьбы закончился в 1384 г. предоставлением некоторых вольностей городскому населению. Движение 1387 г. в Пьемонте было направлено не только против местных сеньоров, но и против «ломбардцев», банкиров и ростовщиков окрестных городских коммун. Значительная часть крестьянства Канавезе боролась против феодалов-гибеллинов Мазино, Вальперга, Сан-Джорджо, противников Амедея VII Савойского, под лозунгом «Да здравствует Савойя и народ, и пусть погибнут все знатные!». Однако и они нередко высказывались «против чести графа Савойского».

Наибольший размах и остроту крестьянское движение приобрело в Канавезе. Начавшись в августе 1386 г., оно сразу охватило десятки деревень в окрестностях Турина, особенно на севере этой области. Первыми шагами восставших было разрушение феодальных замков Броццо, Кастелламонте, Страмбинелло, Скарманьо и десятка других. Поднявшимся крестьянам оказывало помощь население соседних мест, открыто не участвовавшее в восстании,— снабжая их продовольствием, укрывая от преследований. Попытки выступлений зарегистрированы во многих близлежащих местностях — от Биеллы и долины Сезии до Аосты и Монферрато, однако там (так же, как и во многих деревнях в самом Канавезе) движение не переросло в открытую борьбу. Тем не менее еще в начале 90-х годов протоколы судебных канцелярий графа Савойского переполнены данными о расследованиях и наказаниях сторонников тукинов: многих из жителей земель Савойского дома штрафуют за то, что они «были заодно с тукинами», вступали с ними в переговоры, тайно помогали им. Наряду с мужчинами широкое участие в движении принимали женщины. Все это свидетельствует о широком размахе народного выступления.

Восстание в Канавезе носило известный политический оттенок — значительная часть крестьянства выступила против местных сеньоров-гибеллинов, чем, конечно, воспользовались их политические противники. В других местах той же области движение было направлено против гвельфов, сторонников Савойского дома, и пользовалось поддержкой их врагов. Несомненно, что крестьянское выступление, происшедшее в период столкновения двух феодальных фракций, влияло на их борьбу и каждая из сторон пыталась использовать крестьян в своих интересах; однако неверно на этом основании рассматривать движение тукинов только как эпизод в борьбе феодальных клик, как делают некоторые итальянские ученые [14].

С самого начала деятельность тукинов имела антифеодальный характер. Восставшие сжигали и разрушали замки, уничтожали местных сеньоров. В первые же дни восстания в Броццо были подвергнуты пыткам и казнены сеньор Монталеоне Джованни и его жена Маргарита. Там же, в долине Броццо, крестьяне имели специальный «план расправы», которым руководствовались в своей мести. Возможно, что одной из целей плана являлось истребление всех представителей ненавистного рода Сан-Мартино. Местом казни крестьяне выбрали скалу, с которой бросали в пропасть осужденных.

Начало восстания застало феодалов врасплох. Лишь спустя месяц с трудом собранное войско из вассалов Савойи и городского ополчения Турина под руководством назначенного капитаном Пьемонта крупного феодала Грандсона расположилось у Монкальери (к югу от Турина), пытаясь предотвратить дальнейший размах восстания в этой области и возможное нападение со стороны Монферрато. Одновременно к северу от Турина, в районе Чирие, Ривароло, Кастелламонте, появился приехавший из Франции Амедей VII. Графские войска вначале придерживались пассивной тактики, стремясь ограничить размах движения во владениях самого Савойского дома и лишь изредка помогая осажденным крестьянами местечкам — владениям местной знати.

Но восстание принимало все более угрожающий размах. В конце 1386 г. на равнину вторглись толпы крестьян из горных районов и учинили разгром многих поместий. В начале 1387 г. тукины осадили, а вскоре взяли штурмом замок Монтеструтто и стали угрожать Сеттимо, расположенному в 10—12 км от Турина. С минуты на минуту ожидая набега крестьян, туринцы установили круглосуточное дежурство дозорных на Кампаниле Сан-Джакомо.

[14] См. *F. Gabotto.* Il tuchinaggio in Canavese ed i prodromi dell'assedio di Verrua. — «Bolletino storico-bibliografico subalpino», 1896, № 2—3.

Перепуганный Амедей Савойский рассылает по своим владениям приказ — спрятать ценности в укрепленных местностях, приостановить торговлю, выставить повсюду охрану и проявлять максимальную осторожность. Почти весь савойский Пьемонт полыхает в огне крестьянской войны, которая весною 1387 г. достигла своего апогея. Но почти сразу же начинается спад.

Предоставленные самим себе разрозненные крестьянские группы оказались не в состоянии закрепить успех массового стихийного движения. Наиболее крупные отряды крестьян в апреле — мае 1387 г. были разгромлены рыцарскими войсками графов Савойи и Аккайа, усиленными городским ополчением Кьери и Савиньяно. Восстание разбилось на массу мелких очагов, постепенно угасающих и легко подавляемых местными феодалами. Однако это затухание растянулось на годы, и еще в 1390 и 1391 гг. в Иврее происходят публичные казни руководителей тукинов, а по всему Канавезе — расследования степени вины рядовых мятежников. Очевидно, что столь затянувшаяся расправа с повстанцами была вызвана начавшимися летом 1387 г. открытыми военными действиями между Савойей и Монферрато. Из этого положения часть крестьянства сумела извлечь выгоду; примером этому является решение, принятое 9 июля 1387 г. Амедеем VII по делу крестьян семи деревень, принадлежавших враждебной Савойскому дому семье Канаведа. Графский указ отменял наиболее тяжелые формы крепостной зависимости от прежних сеньоров — формарьяж, менморт, произвольную талью, сокращал барщину и одновременно превращал крестьян в подданных графа Савойского, которому они теперь должны были платить поголовный налог [15].

Восстание в Калабрии

Восстание 1459 г. в Калабрии — далеко не первое вооруженное выступление южноитальянских крестьян против феодального строя; на протяжении столетий [16] шла глухая, а порой и открытая борьба

[15] К сожалению, состояние исследования этого вопроса не позволяет поставить проблему последствий движения тукинов в более широкой плоскости. Кроме отдельных страниц в ценной, хотя во многом и устаревшей работе М. М. Ковалевского «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (т. II. М., 1918), восстание тукинов вообще не было предметом исследования в русской и советской исторической литературе. Западная историография тоже бедна работами на эту тему.

[16] См. *М. Л. Абрамсон*. Положение крестьянства и крестьянские движения в Южной Италии в XII—XIII вв.— «Средние века», вып. III, 1951.

крестьянства южных областей со своими угнетателями. В середине XV в. эта борьба приобрела невиданный дотоле размах, охватив практически все население крупнейших провинций Неаполитанского королевства [17].

Крестьянство Южной Италии находилось в чрезвычайно тяжелом положении. Гнет феодальных платежей и повинностей, стихийные бедствия (землетрясения, неурожаи, эпидемии) усугублялись политикой королевской власти. Основатель Арагонской династии на неаполитанском престоле Альфонс Великодушный вводил испанские хозяйственные правила, поощряя развитие перегонного скотоводства в ущерб земледелию. Калабрия, ранее нередко производившая зерно на вывоз, стала нуждаться в его ввозе. Однако он ограничивался существовавшим в то время запрещением на перевоз продовольствия из одного района в другой. Самым же тяжелым гнетом для крестьянства был налоговый. Многочисленные налоги, главным из которых являлся фоколлеро (налог на очаги), отнимали значительную часть урожая и делали жизнь крестьян невыносимой.

Летом 1458 г. на неаполитанский престол вступил побочный сын Альфонса Ферранте I. Началась баронская смута, которую в Калабрии возглавил крупнейший магнат — маркиз Котроне и граф Катандзаро Антонио Чентеллес. Положение Ферранте было шатким также и вследствие претензий на престол со стороны Рене Анжуйского и Хуана Испанского (правда, от последнего Ферранте удалось откупиться обещанием выплаты огромной суммы — 400 тыс. дукатов золотом). Политическая анархия и новые налоги переполнили чашу терпения.

С весны 1459 г. калабрийские крестьяне начинают отказываться от уплаты налогов и организуют отряды для борьбы с королевскими сборщиками.

На первом этапе движения еще довольно сильно чувствуется влияние на крестьян баронской смуты. Нередко сами бароны подстрекали крестьянство к отказу от выплаты налогов и выступлению против короля. Значительная часть восставших крестьян вошла в состав армии Чентеллеса, сражавшейся против королевских войск. Одновременно крестьяне выступали против баронов, сохранявших верность Ферранте. Что же касается собственно крестьянских устремлений, то они еще не выходили за рамки неопределенного требования снижения налогов.

За март — апрель 1459 г. восстание охватило значительную часть области. Главным районом движения стали гористые местно-

[17] См. *И. С. Кацман*. Крестьянское восстание в Калабрии 1459 года.— Сб статей «Итальянское возрождение». Изд. ЛГУ, Л., 1966.

сти Центральной Калабрии, однако волнение охватило также многие районы южной части полуострова. Восставшие придерживались тактики мелких стычек и неожиданных нападений на королевских чиновников и сопровождающие их войска. Вместе с тем были созданы крупные отряды, которые сражались с основными силами королевских войск — как самостоятельно, так и в составе баронской армии. И хотя отряды состояли из крестьян разных местностей, иногда довольно удаленных от района непосредственных сражений, в целом движение характеризовалось отсутствием организованности, сплоченности и руководства, типичным для стихийных выступлений крестьянства. Это позволило королевским войскам довольно быстро справиться с армией мятежников. 9 мая у Белькастро объединенное войско Чентеллеса и крестьян потерпело поражение. Сам Чентеллес бежал, бросив на произвол и своих воинов, и союзников. Сотни крестьян оказались в плену и по приказу короля казнены. Вскоре правительственные войска разбили трехтысячную крестьянскую армию в районе Никастро; более 500 крестьян погибло, над остальными была произведена жестокая расправа. Однако это не остановило крестьянского восстания.

Летом 1459 г. движение вступает в новую фазу. Крестьяне вырабатывают общую программу, главным требованием которой является отмена фоколлеро и возвращение к старой системе налогообложения — налогу на урожай (коллета). Усиливается дисциплина и сплоченность внутри восставших, во главе их встает Николо Тосто, под руководством которого крестьянам удается одержать несколько побед над королевскими войсками. Ослабевают связи крестьянского движения с баронским мятежом, и оно приобретает более ярко выраженный антифеодальный характер: восставшие громят и сжигают замки баронов, вступают в стычки с рыцарскими отрядами. Восстание, особенно сильное в центральной части Калабрии (плоскогорье Ла-Сила), захватывает и другие области, находя отклики далеко за пределами южной части полуострова. По некоторым данным, число восставших летом 1459 г. достигало 20 тыс. человек. Почти все взрослое население деревень Калабрии участвовало в войне против угнетателей. Но вместе с тем крестьяне еще не избавились от монархических иллюзий. Многие из них связывали свои надежды на «доброго короля» с именем Рене Анжуйского, приславшего небольшой отряд на помощь Чентеллесу; основная же масса крестьян заявляла, что они выступили против Ферранте «только потому, что не желали платить налогов, а не затем, чтоб нанести ущерб власти Его Величества».

В июне 1459 г. основные силы повстанцев осадили Козенцу, место пребывания губернатора Калабрии испанца Сискара. Началась регулярная осада города. Попытки королевских войск помочь осажденным кончились провалом. Успехи восставших заставили

Ферранте ускорить давно намечавшийся поход в Калабрию. К армии короля присоединились почти все калабрийские бароны, повел переговоры о примирении и Чентеллес; перед лицом смертельной угрозы были забыты внутренние разногласия. Тосто, учитывая неудобства позиции, расположенной на равнине, и к тому же имея в тылу гарнизон Козенцы, предпочел отступить в труднодоступные места Ла-Силы. Здесь крестьянская армия рассредоточилась по многочисленным ущельям и деревушкам, сам Тосто с 700 повстанцев занял деревню Кастильоне, расположенную на вершине одной из гор. Новую позицию он укрепил частоколом и рвом, на случай осады здесь были собраны запасы продовольствия. На предложение о сдаче подошедшего с превосходящей армией Ферранте повстанцы ответили уклончиво, ожидая возможных подкреплений. На другой день королевские войска штурмом овладели наспех укрепленной деревней; почти двое суток длились надругательства над попавшими в плен повстанцами.

Падение Кастильоне означало подавление главного очага восстания. Отдельные его вспышки еще на протяжении двух месяцев продолжались в других местах области — в районе Никастро, Марторано и особенно Катандзаро, где укрепился бежавший из Кастильоне Николо Тосто. Только регулярный штурм этого замка с помощью подвезенной артиллерии заставил крестьян сложить оружие. Вслед за замком сдались и последние очаги крестьянского сопротивления. Восстание, которое по своему размаху и характеру напоминало настоящую крестьянскую войну, было подавлено. Наступило время репрессий. Король заставил крестьян выплатить все просроченные платежи, начались конфискации имущества мятежников. Но вместе с тем, чтобы не допустить новой вспышки народного недовольства, Ферранте пришлось пойти на некоторые уступки.

Восстание в Пьяченце

Одной из основных причин восстания, как утверждают хронисты, была налоговая политика герцога Миланского Франческо Сфорца, который в 1448 г. стал синьором Пьяченцы. Особую ненависть населения вызывало введение высоких пошлин и различных ограничений при продаже продуктов — зерна, вина и мяса. Однако недовольство сурово подавлялось рукой бывшего кондотьера. В начале января 1462 г. пронесся слух о смерти ненавистного герцога, что послужило сигналом к открытому выступлению. Толпы крестьян со всей области собрались в Лаведоло, месте пребывания городского чиновника — капитана контадо. Они штурмом взяли дворец, сожгли дома оказавших им сопротивление горожан и выпустили из тюрем находившихся там должников.

Можно предполагать известную степень организованности этого движения. Источники говорят о наличии какого-то объединения крестьян (fecerunt comunitatem). Возможно, что среди руководителей восстания существовало определенное распределение функций; один из них, Бьянко Гранелло, был военным предводителем восставших, другой — Пелоджо — очевидно, являлся верховным главой и носил громкий титул «крестьянского императора» (imperator rusticorum)[18].

В конце января 1462 г. крестьяне (около 7 тыс. человек) подступили к Пьяченце. 30 января наместнику герцога были предъявлены крестьянские требования — отменить налог на помол зерна, объявить свободную продажу продуктов, уменьшить налоги на вино, зерно, скот и другие предметы. Пелоджо впустили в город с охранной грамотой от имени наместника. Начались долгие переговоры, которые, однако, не привели к результату ввиду отказа герцога утвердить с трудом достигнутое соглашение. Между тем в лагере восставших начались серьезные разногласия, усугубленные вынужденным ожиданием под стенами города. Победила наиболее решительно настроенная часть крестьян, требовавшая активных действий. Во главе их оказались извечные враги Сфорца графы Ангвиссола, предлагавшие дать сражение войскам герцога. В начале апреля крестьянское войско осадило резиденцию миланского комиссара в Новеллано. Вскоре произошла решающая битва, во время которой рыцари позорно бежали, бросив на произвол судьбы своих союзников. Крестьянское войско потерпело сокрушительное поражение. Начались кровавые репрессии; первыми сложили головы на плахе в Пьяченце Гранелло и еще пять крестьянских руководителей, за ними — многие другие. Восстание было подавлено, однако казни и преследования продолжались еще свыше полугода.

Восстание в Фриуле

Восстание в Фриуле выходит за хронологические рамки данной главы, однако по своему характеру оно принадлежит к типичным движениям XIV—XV вв.

В социально-экономическом развитии Фриуль намного отставал от других итальянских районов. Города области не представляли собой крупных ремесленных или торговых центров. Ведущую роль в политической жизни страны играли крупные и средние феодалы (кастелланы), значительная часть которых по происхождению была немцами. В XV в. усилилось расслоение среди феодальной прослойки,

[18] См. *P. S. Leicht*, Operai, artigiani, agricoltori in Italia del sec. VI al XVI. Milano, 1946.

часть которой переселилась в города и связывала свои интересы с торговлей. Одновременно усилился нажим на крестьянство со стороны разорявшихся кастелланов.

Фриульское крестьянство раньше не знало тяжелых форм крепостной эксплуатации. Основную часть его составляли свободные крестьяне, объединенные в общины, которые ежегодно выставляли ополчение (черниде). Начавшееся в конце XIV—XV в. усиление эксплуатации крестьянства резко сказалось на его положении. Оно усугублялось еще и политическими обстоятельствами. В 1420 г. независимое светское государство аквилейских патриархов во Фриуле сменилось венецианским господством. Местное население было обложено многочисленными повинностями в пользу республики: поземельным налогом (ангарией), взносами на содержание венецианской армии, чиновников и губернаторов, работами по укреплению замков и крепостей во всех венецианских землях, обязанностью поставлять повозки для транспортировки соли и т. п.

Новый этап в ухудшении положения крестьян наступил в начале XVI в. в связи с открывшимися военными действиями между Империей и Венецией. Особое разорение принесла Фриулю кампания 1509 г., более полугода ведшаяся на его территории. Свыше 14 тыс. австрийских солдат опустошали страну, подойдя даже к столице области — Удине. Извечная враждебность крестьянства к своим господам, сочетавшаяся с ненавистью к австро-немецким грабителям, вылилась в ряд открытых выступлений против местных феодалов — сторонников немецкой ориентации. В июле-августе 1509 г. вооруженные крестьяне осадили ряд замков пронемецкой знати. Один из них — Стерпо — был захвачен большим отрядом ополченцев, а затем сожжен и разрушен.

Обстановка в стране накалялась. Резко обострились отношения и в господствующем классе; среди дворянства сложились две враждующие партии — основная часть знати и кастелланов во главе с миланскими выходцами Делла Торре поддерживала австрийских интервентов; некоторая часть дворянства ориентировалась на Венецию. На стороне последних выступало также и городское население.

В начале 1511 г. вождь венецианской партии знатный нобиль Антонио ди Саворньян, бывший одновременно главой крестьянских черниде, собрал в Удине около 3 тыс. ополченцев. Попытка использовать их в борьбе против Делла Торре привела к тому, что крестьянство вышло из повиновения. Антонио ди Саворньян бежал под защиту венецианского наместника, который попробовал успокоить взбунтовавшихся различными обещаниями. Однако его встретили оскорблениями. Крестьяне перешли к активным действиям, штурмом овладели арсеналом и захватили оружие. Три часа длился бой за дворец Делла Торре; борьба окончилась гибелью большинства его защитников. Затем восставшие рассыпались по всему го-

роду, к ним присоединилась городская беднота. Три дня — 27, 28 февраля и 1 марта — длился погром дворцов дворян и городских богачей, три дня в Удине продолжались пожары и убийства представителей ненавистной знати. Лишь с помощью прибывших из Градиски войск удалось вытеснить крестьян из города. Армия восставших прошла по округе, уничтожая все на своем пути; затем она распалась.

Но под влиянием этих событий поднялось крестьянство во многих местах Фриуля. Участники похода в Удине, возвращаясь по домам, вставали во главе недовольных и шли на штурм дворцов и вилл сеньоров. Было захвачено и разрушено свыше десяти замков и крепостей. На несколько десятков километров в окрестностях Удине полыхало пламя восстания. Современник этих событий пишет: «Отовсюду было слышно о бунтах, и со всех сторон были видны зарева пожарищ». Смертельно испуганное дворянство бежало на окраины области, многие искали спасения в Венеции[19].

Восстание удалось подавить объединенными силами феодалов, как сторонниками Саворньяна, так и их противниками. Разрозненные и разбросанные по отдельным деревням группы восставших крестьян оказались бессильными перед организованным войском. Начались кровавые расправы над руководителями и участниками. Однако и после этого в течение нескольких месяцев продолжались отдельные вспышки крестьянского недовольства, и только австрийская оккупация Фриуля положила конец движению.

*

Нарисованная выше картина крестьянских движений в Италии XIV—XV вв. заставляет изменить представление об этом периоде как «безмятежном» времени в истории итальянской деревни. Мы еще мало знаем о причинах, событиях и последствиях крестьянских выступлений, но уже и то немногое, что нам известно, позволяет представить, пусть в самых общих чертах, размах и значение классовой борьбы итальянского крестьянства в ту эпоху.

По сравнению с XIII — началом XIV в. выступления крестьян в конце XIV—XV в. обладают рядом характерных особенностей. Исчезает религиозная оболочка движений, крестьянская борьба приобретает характер борьбы за непосредственные, реальные требования — отмену или снижение налогов, торговых пошлин, протест против возвращения к наиболее тягостным формам эксплуатации. С одной стороны, это означает отказ от обобщенных, хотя и

[19] См. *P. Paschini*. Storia del Friuli, vil. II. Udine, 1954; *P. S. Leicht*. Un movimento agrario nel Cinquecento.— «Scritti vari di storia del diritto», vol. I. Milano, 1943.

в специфических сектантских формах, программных теоретических требований и идеалов крестьянства, что, несомненно, ослабляло движение в целом. С другой стороны, антиналоговая борьба крестьян означает новый, более высокий этап социальной борьбы, в которой крестьянство выступает не только как класс, преследующий собственные, отдельные от других интересы, но и интересы значительной части общества. Точно так же и связь крестьянских выступлений с общеполитическими событиями эпохи, с конкретной политической обстановкой в стране позволяла крестьянским движениям приобретать невиданный до сих пор размах, придающий им нередко характер настоящей крестьянской войны.

Поэтому, сравнивая итальянские восстания второй половины XIV—XV в. с крестьянскими движениями более раннего периода, сочетающимися с ересью (восстания Дольчино в Италии, Уота Тайлера в Англии), неверно делать вывод о более низком уровне классовой борьбы и классового сознания крестьян в восстаниях первого типа. Выступления итальянского крестьянства XIV—XV вв. (так же как, например, выступления английских и французских крестьян в XV в.) представляют собой новый, закономерный этап в классовой борьбе крестьянства, вызванный новыми условиями социально-экономического развития общества. Но вместе с тем этому этапу, несмотря на всю остроту борьбы и невиданный ранее размах, еще в большей степени присущи органические пороки крестьянских движений — стихийность, разобщенность, неорганизованность, вера в «добрых» феодалов и «справедливого» царя, непонимание собственных целей.

Крестьянские восстания XIV—XV вв. вне зависимости от конкретных форм, в которых они протекали, объективно носили антифеодальный характер, и в этом их исторически прогрессивная роль. Несмотря на поражения, борьба крестьян нередко приводила к конкретным результатам. Остановимся лишь на фриульском примере. В XVI в. значение сельских коммун фриульских крестьян неуклонно повышалось. Постепенно складывается объединение всех местных коммун (контадинанца), которое приобретает функции самоуправления, имеет собственную кассу и вооруженное ополчение. Основная роль этого объединения заключалась в представительстве интересов крестьян перед Венецией и в легальной борьбе с местным парламентом, составленным из феодалов. Контадинанца выдвигает протесты против принятия антикрестьянского законодательства (1518 г.), против введения новых налогов (1525 г.) и принимает участие в обсуждении других вопросов. Несомненно, что создание и широкие функции этой организации явились одним из результатов движения фриульского крестьянства в 1511 г.

8

ИСТОКИ ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

«Юристы забыли Юстиниана, медики — Эскулапа.
Их ошеломили имена Гомера и Вергилия.
Плотники и крестьяне бросили свое дело
И толкуют о музах и Аполлоне».

Петрарка

Шарж, тонкий юмор и реальная действительность выступают перед нами из этой лаконичной характеристики Возрождения, написанной на заре Возрождения. Приведенные слова Петрарки могут служить основой для суждений о том, каковы истоки итальянского Возрождения. Оно уходило корнями в античность — греческую и латинскую; первыми носителями его выступали горожане и крестьяне; характерные черты его начальной стадии — народность, универсальность, и прежде всего универсальность гуманитарная, всеобъемлющая — в области искусств, науки и техники. Конечно, не все плотники и крестьяне «бросили свое дело»; они продолжали работать, строить дворцы и церкви, возделывать поля, но вся атмосфера их жизни действительно была проникнута новыми веяниями, охватившими Италию, которая черпала свое вдохновение у Гомера и Вергилия. Именно поэтому сын прачки и трактирщика, вожак антифеодального движения Кола ди Риенцо становится эрудированным поклонником античности и трибуном Рима, который провозглашается им главой мира (Roma caput mundi), как это было в древности. Именно поэтому такой пополан Флоренции, как Франко Саккетти (1330—1400), реалистически воспринимающий жизнь, не может не писать, и пишет, создавая бесхитростные, но рельефные и колоритные новеллы, которые дышат атмосферой Возрождения и

доказывают справедливость слов Петрарки о новом духе и напряженном тонусе жизни, охватившем все слои Италии [1].

Античность вдохновила их, она оказалась близка и понятна им, хотя их творчество не было и не могло быть повторением греческой и римской литературы и искусства. Античность служила для людей Возрождения источником и образцом творчества и мировоззрения, оправданием политической деятельности, действенным реальным фактором, а не только фоном или строительным материалом. Реализация политических и творческих замыслов эпохи Возрождения, отталкивающихся от античности, зависела от условий эпохи [2].

Наличие элементов античности в творчестве итальянцев естественно и закономерно, но само по себе оно еще не означает появления Возрождения, хотя и является его истоком.

«В XI и XII столетиях,— писал Аллеш,— в Италии опять проявляются отдельные импульсы, бывшие не чем иным, как внезапными устремлениями античного духа, которым была насыщена почва в ее глубине» [3]. Он именовал это время подготовительным периодом Возрождения. С ним можно согласиться, но остается нерешенным вопрос о причинах проявления «античного духа» лишь с XI—XII вв. Почему он не мог проявить себя раньше, какие цепи держат его под спудом с VI по XI в.? Аллеш считает, что его задерживал внешний гнет. Однако была ли Италия свободна от него с XI по XIII в., когда на античной почве появились первые ростки, а затем, с XIV в., началось пышное цветение культуры Возрождения. Более плодотворными представляются поиски причин внутреннего порядка. Один из тонких знатоков итальянского Возрождения Дживелегов говорил, что для итальянца этого периода «древний мир был живой легендой», «страна была богата памятниками старины, преданиями о былом величии, о господстве далеких предков над всем миром» [4].

Наиболее ярким и крупным носителем этой живой легенды был поэт Данте Алигьери (1265—1321). Античность в образе Вергилия выступала как путеводная звезда Данте в его странствии по Аду. Вергилия он называл своим учителем и любимым автором (Tu se'lo mio maestro e lo mio autore) [5].

Данте не только почитатель античности, он прежде всего сын своего времени, активный политический деятель, поэт и философ

[1] *V. Pratolini*, F. Sacchetti e la novellistica fiorentina del Trecento.— «Secoli vari». Firenze, 1958.

[2] *J. Macek*. Petrarque et Cola di Rienzo. — «Historica», XI, Praha, 1965.

[3] *Г. Аллеш*. Ренессанс в Италии. М., 1916, стр. 52.

[4] *А. К. Дживелегов*. Итальянская народная комедия. М., 1954, стр. 17.

[5] *Dante Alighieri*. La divina commedia. Firenze, ed. G. Barbara, 1901. L'Inferno, canto I, 85, p. 10.

раннего Возрождения. Он пишет цикл стихов «Новая жизнь» на итальянском языке, в которых средневековые аллегории вытесняются глубокими человеческими чувствами. Защите итальянского языка он посвятил специальный трактат — «О народной речи». Главным произведением Данте является его «Комедия», *прозванная* за свои высокие качества «божественной». В основу «Божественной комедии» положен средневековый сюжет — путешествие в потусторонний мир, вся она пронизана символическими числами, аллегориями, формально в ней признаются феодальные нормы поведения. Но главным в «Комедии» является скульптурно выраженная в стихах реалистичность мира, живой человек раннего Возрождения, его радости и горести. В этом произведении Данте выступил как создатель литературного итальянского языка. Энгельс образно определил место Данте в истории культуры: «Конец феодального средневековья, начало современной капиталистической эры отмечены колоссальной фигурой. Это — итальянец Данте, последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени» [6].

В области искусства не менее значительная и показательная фигура — художник Джотто ди Бондоне (ок. 1266—1337). Его можно считать одним из родоначальников европейской реалистической живописи. Изображение человека с его характером составляло главную черту его творчества.

В произведениях Джотто, ясных и выразительных, чувствуются античные предшественники; фигуры его фресок концентрируют на себе внимание зрителя с такой же силой, как греческий рельеф, как изображения на античной вазе. Эта черта характерна и для такого скульптора как Никколо Пизано (1205—1278). Кафедра баптистерия в Пизе показывает, что он был склонен к пониманию античных форм (хотя образцы на пизанском camposanto (кладбище), бывшие для него идеалом, относились не к лучшим временам римского искусства): его Мария близка к Юноне, а фигура царя подобна античному юноше.

Родоначальником гуманизма эпохи Возрождения можно считать поэта Франческо Петрарку (1304—1374). Его «Сонеты» в честь Лауры отражают тончайшие движения человеческой души. Обращение к античности имело для него конкретный смысл: идею былого величия Рима он рассматривал как орудие объединения Италии эпохи Возрождения, что сделало его вдохновителем антифеодального движения, возглавленного Кола ди Риенцо.

Джованни Боккаччо (1313—1375) продолжает эту реалистическую линию развития литературы эпохи Возрождения. Он создает первый в европейской литературе психологический роман «Фьямет-

[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 22, стр. 382.

та» и блестящую серию реалистических новелл — «Декамерон», в котором отражены все стороны жизни современной ему Италии. Он подвергает беспощадному осмеянию старый феодальный мир, и прежде всего лицемерие и тунеядство клира, противопоставляя ему мир человека Возрождения со свойственной ему свободой чувств и смелостью мысли.

Если у истоков Возрождения итальянские мастера интуитивно обращались к античным предшественникам, то ученые и художники Возрождения сознательно обращались к сочинениям древних, переводили Плиния или Витрувия, чтобы приспособить их к запросам своего времени. Так, для XV в. весьма показательно творческое содружество математика Луки Пачоли с художником Пьеро делла Франческа, которые вместе искали секрет пропорций человеческого тела, найденный древними. Они пришли к открытиям в практике искусства и в теории. Лука Пачоли изучал и вводил в текст своих сочинений советы Витрувия, призывая быть внимательными к ним и усердно запечатлевать их. Древние дают знания, но, кроме умения, считал Пачоли, нужно обладать талантом пополнять недостающее и убавлять лишнее, смотря по обстоятельствам, т. е. творчески усваивать античное наследие.

Леон Баттиста Альберти, художник и философ XV столетия [6а], писал в трактате «О зодчестве», что древние старались подражать природе, лучшей художнице всех форм, собирали законы, коими она пользовалась, а поэтому нужно учиться у античных мастеров. Учился у них и Донателло, занимавшийся реставрацией античных голов, восстановивший античную статую Марсия.

Выразительные скульптурные портреты Донателло, вроде его знаменитой скульптуры, изображающей пророка Аввакума («Тыква» — Цукконе), исходят по своему характеру из позднего римского портрета.

Все это говорит о значении античного наследия в формировании всего комплекса Возрождения, ярче всего выраженного в искусстве («Искусство отражает сущность жизни» — l'art est le résumé de la vie,— говорил Ипполит Тэн) [7], но окрасившего все потоки сложного и многогранного процесса. Приведенные примеры говорят о том, что Возрождение не было и не могло быть простым повторением античности. Нельзя видеть в нем и отражение каких-то вечных, присущих итальянцам свойств. Его появление, как и его окончание, связаны с определенными историческими условиями развития Италии.

[6а] См. *P.-H. Michel*. Un idéal humain au XV-e siécle. La pensée de Leon — Baptiste Alberti. Paris, 1930.

[7] *H. Taine*. Voyage en Italie, t. I. Paris, 1965, p. 126.

19. Кафедральный собор. XIII—XIV вв. Орвието

Эти условия не могли оставаться неизменными на протяжении трех веков, поэтому, несмотря на единый стержень, вокруг которого объединяются все события культурной, умственной жизни Италии XIV—XVI вв., можно говорить особо не только о Возрождении XIV в., XV в., XVI в., но и об отдельных периодах его развития в рамках каждого столетия. Можно говорить о едином и цельном процессе общеитальянского Возрождения, об основных его характерных чертах, однако крайняя экономическая, политическая, культурно-диалектальная дробность Италии требует специального рассмотрения данного явления для Флоренции, Рима, Венеции, Феррары, Неаполя. О Неаполе следует сказать особо, как и обо всей Южной Италии. Не случайно первый зафиксированный в литературе памятник итальянского языка родился на юге Италии, в Мон-

текассино. Именно на юге Италии еще до Данте появилась первая школа итальянской поэзии, которая наряду с очищенным сицилийским диалектом использовала и другие. Известно, насколько творчество Боккаччо связано с южноитальянским периодом его жизни, не говоря уже о мыслителях и деятелях позднего Возрождения, выросших на итальянском Юге (достаточно назвать Ванини, Кампанеллу, Джордано Бруно)[8]. Можно указать на целую плеяду поэтов, писателей и других представителей Возрождения в Южной Италии (Бекаделли, Панормита и др.). Поэтому встречающееся в литературе исключение Южной Италии из сложного и противоречивого процесса Возрождения представляется нам неправомерным. Естественно, характер процесса в разных центрах окрашивался в разные тона. Было ли это Возрождение, говоря условно, буржуазным, как во Флоренции, придворно-аристократическим, как в Неаполе или Ферраре, патрицианским, как в Венеции,— оно исходило из одного источника: все очаги его разгорелись под солнцем античной культуры. Поэтому она является непременным источником Возрождения.

Это было не только обращение к античной культуре, но и к античному, в целом реалистическому и языческому мировосприятию. Возрождение и явилось эпохой, когда человек средних веков был «сломлен и переплавлен» и сформировался человек нового времени. Становление было крайне сложным, а результат его не столь кристально чистым, но в целом переворот произошел. Человек с небес сошел на землю в жизни и в искусстве.

Здесь, однако, и возникает центральная проблема: в чем же причина силы искусства Возрождения — античность ли привела к новому миросозерцанию и новому этапу в искусстве или Возрождение т. е. новая обстановка, привела к оживлению античного искусства?

«Отправляясь от этого античного наследия, итальянские мастера облегчили себе возможность выйти на широкие пути реалистического искусства. Они начали органически усваивать античное наследие лишь тогда, когда оно стало созвучным их собственным творческим исканиям... Но это ни в какой мере не означает, что обращение к этим памятникам следует трактовать как основную причину проторенессансного движения. В действительности к ним обратились уже после того, как четко оформились новые художественные запросы, вытекавшие из глубоких социальных сдвигов в

[8] См. *А. Н. Веселовский*. Боккаччо, его среда и сверстники (*А. Н. Веселовский*. Собр. соч., т. 3. Пг., 1915); *V. Branca*. Boccaccio medievale. Firenze, 1964; *А. Х. Горфункель*. Джордано Бруно. М., 1965; *В. И. Рутенбург*. Кампанелла. Л., 1956; *его же*. Великий итальянский атеист Ванини. М., 1959; *А. Х. Горфункель*. Томмазо Кампанелла. М., 1969.

итальянской коммуне дученто»[9]. Интерес к изучению римских построек, саркофагов, статуй, монет, медалей, раннехристианских базилик, фресок, мозаик, не лишенных античных традиций, привел к тому, что античность «сделалась самым существенным фактором в процессе формирования нового реалистического искусства»[10].

Конечно, античность — не единственный источник итальянского искусства; его формирование не обошлось без влияния византийских образцов и готики, но их воздействие не могло быть решающим, хотя и из византийского наследия извлекалась античная подоснова, элементы реализма. Элементы готики начали проникать в Италию со второй половины XII в., но лишь с начала XIII столетия приняли более широкий характер (аббатство в Фоссанова, Сан-Гальгано около Сиены, затем соборы в Орвието конца XIII в., Санта-Кроче и Санта-Мария Новелла во Флоренции, ломбардская архитектура). Даже в этих образцах «итальянской готики», если ее так можно назвать, не только под влиянием строгих уставов цистерианцев, францисканцев и доминиканцев, но прежде всего под влиянием романской основы, античных форм, она становится рациональной, земной, и очень далекой от сверхчувственной напряженности северофранцузской готики.

Торжествует не готика, а Италия, ее античные традиции. В XIV веке художники Симоне Мартини в Сиене, братья Лоренцетти, авторы «Триумфа смерти» в Пизе, строители лоджии делла Синьория (лоджия Ланци) и лоджии дворца гвельфов во Флоренции продолжают линию эпохи Джотто, доводя ее до расцвета реалистического искусства в XV в., до Донателло. Конечно, развитие искусства Возрождения не было и не могло быть плавным и непрерывно возрастающим процессом. Здесь возможны взлеты и падения: история не идет по прямому и гладкому пути, тем более история такой переломной эпохи, как Возрождение.

Нет сомнения, что Возрождение — это не только искусство, философия, наука, но и взаимодействие всех факторов эпохи, в том числе экономических, политических и связанных с ними явлений острой классовой борьбы.

Так оно справедливо рассматривалось уже в первых специальных исследованиях советских ученых, расценивавших Возрождение как сложное прогрессивное явление переходной эпохи, представлявшее «переворот в сфере социальной, экономической, политической и культурной»[11], содержанием которого является расшатывание фео-

[9] *В. Н. Лазарев*. Происхождение итальянского Возрождения, т. I. М., 1956, стр. 64.
[10] Там же.
[11] *М. А. Гуковский*. К вопросу о сущности так называемого «Итальянского Возрождения». — Сб. «Академия наук в память К. Маркса». Л., 1933; *его же*. Итальянское Возрождение, т. I. Л., 1947; т. II. Л., 1960.

дальных основ общества и зарождение раннекапиталистических отношений[12]. Таким образом, речь идет не о появлении развитых буржуазных отношений, за появлением которых обязательно следует Возрождение, а о процессе наиболее раннего в Европе подрыва и ослабления феодальной экономики, дворянского права, феодальной идеологии и о первых шагах капитализма. Это процесс крайне противоречивый и далеко не синхронный.

«Экономическое положение,— говорил Энгельс,— это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки: ...политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм.

Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное количество случайностей»[13].

В чем можно видеть базис Возрождения? Прежде всего в новом экономическом положении Италии XIV—XVI вв. А это новое экономическое положение — раннекапиталистические отношения, которые, как отмечал в «Капитале» Маркс, появились там раньше других стран[14]. Создает их не сама по себе широкая торговля или ростовщичество, которые могут питать и даже консервировать феодальную экономику, а такой уровень торговли и банковского дела, который породил мануфактурное производство на самой ранней ступени его развития. Новые формы эксплуатации обострили классовую борьбу, а бурные сражения магнатов и пополанов сменились боями богатых пополанов с бесправными наемными рабочими, т. е. ранней буржуазии и предпролетариата. Маркс называет крупнейшее восстание наемных рабочих в XIV в.— движение чомпи — пролетарским по своему характеру[15].

[12] *В. И. Рутенбург.* Очерк из истории раннего капитализма в Италии. М.—Л., 1951.

[13] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 37, стр. 394—395.

[14] «В Италии, где капиталистическое производство развилось раньше всего, раньше всего разложились и крепостные отношения» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 23, стр. 728).

[15] «Proletarischen Erhebung [*K. Marx.* Exzerpte (1879)]; *G. Capponi.* Storia della Repubblica di Firenze. — Центральный партийный архив ИМЛ при ЦК КПСС, ф. I, оп. 1, ед. хран. № 4081, стр. 15 (см. *В. И. Рутенбург.* Народные движения в городах Италии. М., 1958, стр. 259).

Маркс и Энгельс давали характеристику Италии на основе исторических исследований XIX в. Работа Маркса над книгой Каппони показывает, с какой тщательностью он изучал историю Италии XII—XV вв. и к каким глубоким выводам он пришел на основании этой работы. Последующие исследования подтвердили и уточнили характеристику Италии, данную Марксом и Энгельсом.

Вопрос о буржуазных истоках итальянского Возрождения рассматривали многие советские итальянисты, обращаясь к методологическим проблемам Возрождения и гуманизма [16]. Они установили, что идеология Возрождения создавалась молодой зарождающейся буржуазией, хотя не лишена была рыцарско-дворянской и народной струи. Многогранность Возрождения вполне закономерна в период ломки старых социально-экономических отношений, хотя буржуазия являлась тогда носителем прогрессивных тенденций, а ее идеология служила как бы средней равнодействующей всех прогрессивных элементов того времени.

Однако ранняя буржуазия Италии быстро прошла свой путь от вожака всех пополанов в XIII в. до открытого эксплуататора-мануфактуриста, антипода чомпи в XIV в., прислужника тирании в XV в. и консервативной феодализирующейся верхушки общества в XVI — начале XVII в. В конце XIII в. это автор первой народной конституции Джано делла Белла, в XIV в.— банкир и политик Сильвестро Медичи, в XV в.— глава династии Медичей — Лоренцо Великолепный, в XVI в.— историк и политик Гвиччардини. В ранние времена капиталистических отношений она выступала как носитель и потребитель ренессансной культуры. Этому не противоречит тот факт, что среди художников и скульпторов мы видим немало представителей народа: достаточно вспомнить сына портного знаменитого художника Андреа дель Сарто, его первого учителя простого пополана Джан-Бариле, сына бедного крестьянина Андреа дель Доменико Контуччи из Сансовино, не менее знаменитого архитектора и многих других. Они были ремесленниками и по профессии, так как далеко не сразу интеллигентный труд деятеля искусства стал свободной и почетной профессией. Дело не в их социальном происхождении и социальном положении. Они являлись создателями не средневековой культуры ремесленников, а раннебуржуазной культуры Возрождения со всеми ее противоречиями.

Характеризуя Возрождение как «величайший прогрессивный переворот», Энгельс имел в виду общеевропейские события, однако

[16] *С. Д. Сказкин.* К вопросу о методологии истории Возрождения и гуманизма. СВ, вып. XI, 1958. См. также материалы дискуссии о Возрождении в Москве: «Вопросы истории», 1955, № 2, а также материалы дискуссии в Ленинграде и статью: *В. И. Рутенбург.* Итальянское «Возрождение» и «Возрождение» мировое.— «Вопросы истории», 1969, № 11.

начались они именно в Италии. Насколько итальянское Возрождение связано с капитализмом, можно судить по характеристике, относящейся к истокам, самому началу Возрождения: «Манифест,— писал Энгельс в предисловии к итальянскому его изданию,— воздает полную справедливость той революционной роли, которую капитализм сыграл в прошлом. Первой капиталистической нацией была Италия. Конец феодального средневековья, начало современной капиталистической эры отмечены колоссальной фигурой. Это — итальянец Данте, последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени. Теперь, как и в 1300 г., наступает новая историческая эра. Даст ли нам Италия нового Данте, который запечатлеет час рождения этой новой, пролетарской эры?» [17]

В Италии XIV в., хотя и более развитой, чем другие европейские страны, но еще феодальной, только зарделась заря капиталистической эры. Именно поэтому в Возрождении наряду с элементами народности, демократизма, буржуазности можно обнаружить и элементы дворянского аристократизма. Во второй половине XV в. даже во Флоренции героические идеалы Возрождения сменяются попытками определенной группы гуманистов «спасти» его на путях к мистицизму и вере. Именно к данному этапу Возрождения и к данной группе деятелей гуманизма относится известная формулировка Антонио Грамши о реакционной окраске гуманизма [18]. Это еще не было закатом Возрождения. В конце XV в. рухнула относительно стабильная система политических связей итальянских государств, чужеземное нашествие сдвинуло все со своих мест, что позволило упадочному гуманизму второй половины XV в. перейти к новому боевому этапу в XVI в. Серьезные и неотложные жизненные проблемы потребовали активного действия и энергичной мысли, причем с элементами рационализма и эмпиризма [19]. Свидетельство тому — творчество историков и философов Макиавелли (1469—1527) и Гвиччардини (1483—1540), великих художников Микеланджело (1475—1564) и Тициана (1477—1576). Этот боевой этап Возрождения впоследствии подготовит титанические фигуры таких борцов, как Бруно и Ванини.

Поэтому в целом Возрождение по своей направленности — прогрессивный процесс, антифеодальный по характеру. Отрицать его как «величайший прогрессивный переворот», смешивать с средневековьем означало бы отойти от объективной исторической оценки данного явления, что пытаются делать ряд современных буржуаз-

[17] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 22, стр. 382.

[18] *A. Gramsci.* Opere. Torino, 1949—1952, v. 3, p. 38.

[19] *F. Catalano.* La crisi italiana alla fine del secolo XV.— «Belfagor», 1956. № 4.

ных ученых. Выдавая собственную точку зрения за последнее слово науки, они фактически исходят из старых и неверных концепций. Так, Хескинс, Мейер, Штейнен, Вейзе, Бертони объявляют XII век временем возникновения Возрождения, основываясь на наличии элементов рационального мышления, светских тенденций, некоторого интереса к природе, к античности в средние века [20]. Уолш считает, что эпоха Возрождения не сказала нового слова в области гуманизма, который якобы присущ всему средневековью. Мак Айлуэйн полагает, что «Ренессанс XII века — это гораздо более фундаментальный сдвиг, и в большой исторической перспективе он представляется несоизмеримо более значительным явлением, чем позднейший этап развития, обычно обозначенный термином Ренессанс» [21].

Попытки искать черты Возрождения в глубине веков не новы: в 20-х годах Патцель и Науман открывали их для эпохи Каролингов и Оттонов, а один из итальянских писателей — Гверцони — за полвека до них начисто отрицал Возрождение в Италии, считая средневековье более высоким этапом развития культуры [22].

Некоторые сторонники медиевизации Возрождения не отрицают наличия ренессансных черт культуры в Италии XIV в., но настаивают на существовании «двух ренессансов» (XII и XIV вв.), как это делает, например, названный уже Хескинс [23]. Автор многочисленных трудов по истории философии средневековья Жильсон отрицал наличие творческой разработки философских идей гуманистов и проводил прямую линию от Фомы Аквинского до Декарта [24].

Другим полюсом буржуазной критической мысли является попытка слить Возрождение с Реформацией, элементы которой Бурдах находит в позднем средневековье [25]. Необходимо с крайней осторожностью в целях сохранения исторической истины выводить Возрождение из реформационных и еретических течений средневе-

[20] *C. H. Haskins*. The Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge, 1927; *Mayer*. Die Liturgie und der Geist der Gotik— «Jahrbuch für Liturgiewissenschaft», 1926 (VI), у. 69; W. *von der Steinen*. Die Renaissance des 12. Jahrhunderts.— «Bulletin of the International Committee of Historical Sciences», 1933, VII, № 40, p. 606—609; *G. Bertoni*. Il Rinascimente del secolo XII.— Ibid., p. 605—606; *G. Weise*. Die geistige Welt der Gotik und ihre Bedeutung für Italien. Halle, 1939.

[21] *G. Walsh*. Medieval Humanism. New York, 1942; Ch. H. *Mc Ilwain*. Medieval Institutions in the Modern World.— «Speculum», 1941, (16), p. 277—279.

[22] *E. Patzel*. Die karolingische Renaissance. Francfurt, 1926; *G. Guerzoni*. Il primo Rinascimento. Verona e Padova, 1878.

[23] *C. H. Haskins*. Op. cit., p. 5.

[24] *E. Gilson*. R. Decartes. Paris, 1930; *idem*. Humanisme médiévale et Renaissance. Paris, 1932.

[25] *K. Burdach*. Reformation. Renaissance und Humanismus. Berlin, 1926.

ковья или протестантизм из гуманизма. Если Ранке, Готхейнс, Бурдах настаивали на неразрывной связи Реформации и Возрождения, то Трельч, а теперь и Гарэн пришли к выводу об их антагонистичности [26], что не исключает наличия прогрессивных, гуманистических черт как в явлениях Реформации, так и средневековья.

Не умаляя культуру средневековья, нельзя смешивать ее с культурой эпохи Возрождения: наследие античности не прошло мимо средневековья, но далеко не в полной мере дошло до него, в отличие от эпохи Возрождения [27]. Эпоха Возрождения в значительно большей степени, чем средневековье, восприняла античность, а главное, восприняла творчески, программно, в соответствии с новыми условиями и во многом, что было естественным, качественно превзошла античность.

Если неубедительным представляется смещение плоскостей и стирание граней между средними веками и Возрождением, еще менее обоснованно объявлять Возрождение насквозь религиозным, а человека этой эпохи — толкователем деяний бога, стремящимся уподобиться ему с помощью художественного творчества и науки, как это делают во многих работах реакционные буржуазные историки Джованни Папини или Джузеппе Тоффани. У последнего, например, гуманизм, христианство и контрреформация представляются единой линией, да и сам гуманизм начинается с Августина Блаженного [28].

Не отрицая того, что Возрождение не обходит религиозных проблем [29], следует учитывать, что его мыслители и художники подвергли их новому осмыслению, вплоть до атеистического. Мы не можем согласиться с «христианизацией» Возрождения в целом, так как такой подход лишает его одной из присущих ему сторон. В трудах прогрессивных западных ученых дается интересная, реалистическая оценка Возрождения: в первую очередь среди них следует назвать Гарэна, Саитту, Барона, Кристеллера, Сапори, Пановски [30].

[26] *E. Troeltsch.* Aufsätze zur Geistgeschichte und Religionssoziologie, Tübingen, 1925; *E. Garin.* Il Rinascimento italiano. Milano, 1949.

[27] *B. L. Ullman.* Studies in the Italian Renaissance. Roma, 1955; *P. O. Kristeller.* The Pace of classical humanism in Renaissance Thougth.— «Journal of the History of Ideas», № 1, v. IV, 1943, p. 61.

[28] *В. Н. Лазарев.* Проблема Ренессанса и ее фальсификация в буржуазной науке эпохи империализма.— «Известия АН Армянской ССР», общественные науки, № 4, 1951, стр. 47—65.

[29] Об этом см. *C. Angeleri.* Il problema religioso del Rinascimento. Firenze, 1952; см. также *В. Рутенбург.* Лоренцо Валла и его время.— В кн.: *А. И. Хоментовская.* Лоренцо Валла — великий итальянский гуманист. М.— Л., 1964, стр. 9—15.

[30] *E. Garin.* Op. cit.; *G. Saitta.* Il pensiero italiano nell'umanesimo e nel Rinascimento. Bologna, 1949—1951; *J. Huizinga.* Geschichte und Kultur. Gesam-

20. *Рафаэль Санти.*
Портрет Франческо Мариа делла Ровере, герцога Урбинского.
Флоренция. Галерея Уффици

Исходя из мировоззрения крупных мыслителей, можно установить, что в обществе эпохи Возрождения религиозное чувство не играло существенной роли, а светским духом было насыщено все, хотя нельзя сказать о полном исчезновении религиозности в массах[31]. В подтверждение того, что светское начало проявлялось не

melte Aufsätze, Stuttgart, 1954; *H. Baron*. The Crisis of the Early italian Renaissance, v. 1—2. Princeton, 1955; *P. O. Kristeller*. Studies in Renaissance thought and letters. Roma, 1956; *A. Sapori*. La Renaissance: son esprit es ses limites chronologiques.— «Recueil des travaux de la Faculté de Philosophie», t VI. Beograd, 1962; *E. Panowsky*. Renaissance and Renaissances in Western Art, v. 1—2. Stockholm, 1960.

[31] *A. Sapori*. La Renaissance, p. 12.

только в трудах философов, достаточно привести один весьма колоритный пример. Итальянский купец XIV в. Марко Датини из Прато говорил: «Человек опасная штука, когда с ним имеешь дело, но все же в этом мире я больше уповаю на людей, чем на бога, и этот мир хорошо платит мне за это» [32]. Такова философия «среднего итальянца» эпохи Возрождения, не лишенного внешней религиозности, а нередко и внутренней убежденности.

Религия как объект сомнений, размышлений, критики, изображения — один из противоречивых источников Возрождения, не решающий, но требующий особого рассмотрения. Религия является наследием средневековья, но вовсе не заканчивается вместе с ним. Возрождение связано со средневековьем, вырастает, как правило, из его прогрессивных проявлений, в борьбе с его консервативными и даже реакционными сторонами, поэтому средневековье и не может быть основным его источником.

По этому поводу следует учесть замечание В. И. Ленина: «„Мы" часто сбиваемся все еще на рассуждение: „капитализм есть зло, социализм есть благо". Но это рассуждение неправильно, ибо забывают всю совокупность наличных общественно-экономических укладов, выхватывая только два из них. Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству...» [33].

Итальянский ранний капитализм и является таким «благом», т. е. рычагом прогресса, истоком Возрождения, тормозом для которых и являлось средневековье, мелкое производство [34]. Раннекапиталистические отношения возникли в развитых городах Италии именно в условиях разложения цеховой промышленности. Это вполне закономерно. Благодаря античным традициям не только в области языка и литературы, но и техники, чеканки денег, некоторых политических форм управления итальянские города окрепли раньше, чем в других странах Европы; во многом этому способствовало наличие сотен городских центров, сохранившихся еще с римской эпохи, хотя бы в виде материального костяка городского поселения. Отделение ремесла от сельского хозяйства, лежащее в основе развития городов как новых экономических центров средневековья, произошло в Италии в IX—X вв., значительно раньше, чем в других европейских странах. В этот же период началась борьба городов за независимость от феодальных сеньоров, а в XI—XII вв.— образование коммун. Оттон Фрейзингенский писал, что «итальянцы

[32] См. *В. И. Рутенбург*. Три книги о Датини.— СВ, 27, 1965, стр. 240.

[33] *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 329.

[34] *В. И. Рутенбург*. Об истоках Возрождения в связи с творчеством Леонардо да Винчи.— «Ученые записки Ленинградского гос. университета», № 192, 1956, стр. 169—190.

управляются консулами, а не господами» и потому «намного превосходят другие государства богатством и могуществом» [35].

Коммуны способствовали не только политической, но и экономической независимости горожан, что давало возможность увеличения средств для развития ремесла и торговли. Победа североитальянских городов над феодальными полчищами Фридриха Барбароссы после 20-летней напряженной борьбы свидетельствовала о силе городов, а ее результатом был еще более высокий уровень развития экономики и культуры. Небывалое развитие итальянских городов дало А. Сапори повод назвать XII—XIV вв. эпохой становления «экономического Возрождения», а XV—XVI столетия — периодом дальнейшего его развития [36].

Среди множества проявлений такого сложного процесса, каким является итальянское Возрождение, первостепенное место принадлежит идеологии. Идеологией Возрождения был гуманизм, о формировании которого и рассказывает следующая глава.

[35] Scriptores Rerum Cermanicarum. Hannoverae, 1889, p. 93.

[36] *A. Sapori.* Il Rinascimento economico. Milano, 1955; *В. И. Рутенбург.* Новые работы Армандо Сапори.— СВ, вып. XI, 1958, стр. 162—165.

9

ГУМАНИЗМ

В итальянских городах-государствах расцвела и дала наиболее яркие плоды культура, поражающая грандиозностью и величием. Современники назвали ее Возрождением (Renovatio, Rinascimento), желая подчеркнуть преемственную связь с античной культурой и обновление, которое внесла она в развитие средневековой культуры. Термин «Возрождение» (Ренессанс) был принят последующими поколениями и прочно вошел в научную литературу, получив новые оттенки и более широкий смысл. За сто лет после Я. Буркгадта, положившего начало научному осмыслению итальянского Возрождения, написано тысячи общих работ и специальных исследований. И хотя многие проблемы, встающие при изучении этой культурной эпохи, далеки от разрешения, положительные итоги более чем векового пути историографии итальянского Возрождения очевидны. Общепризнана историческая заслуга итальянского Возрождения, открывшего простор творческой мысли во всех областях знания и восстановившего почти исчезнувшую в средние века преемственную связь с античной культурой. Большинство исследователей согласно в том, что пышное цветение ренессансной культуры оказалось возможным лишь в условиях высокого развития итальянских городов. Можно признать единодушным взгляд на гуманизм как на одну из самых существенных сторон культуры итальянского Возрождения.

Однако споров и противоречий значительно больше, чем единства. Еще нет четкости в определении хронологических границ итальянского Возрождения. Начало этой эпохи датируют или XIII в., или XIV в. (иногда — лишь концом XIV в.), а ее конец определяют серединой либо концом XVI либо началом XVII в.[1]

Что же вынуждает исследователей столь различно датировать Возрождение в Италии? По-видимому, и недоговоренность относительно понимания термина «Возрождение», и отсутствие строгости в его употреблении, и различный подход к оценке самой ренессансной культуры, и, наконец, неравномерность в развитии отдельных ее сторон. В тех случаях, когда начало эпохи Возрождения связывают с появлением гуманистических принципов в идеологии, литературе, искусстве, первым веком новой культуры обычно считают XIV в. (Треченто) и конец ее относят к тому времени, когда эти принципы утрачивают ведущую роль почти во всех сферах ренессансной культуры, т. е. к началу XVII в.[2]

Определение хронологических границ Возрождения в Италии тесно соприкасается с решением проблемы преемственности между античной, средневековой и ренессансной культурами — проблемы, остающейся крайне спорной и по настоящее время. В одних случаях ориентация на высокие античные образцы и идеалы, скромная в средние века и безудержная, охватившая все области культуры в эпоху Возрождения, рассматривается как главное связующее звено между тремя европейскими культурами[3].

Другие исследователи сводят проблему преемственности к христианской традиции, идущей из древнего мира через средние века к Возрождению. Главный акцент при этом делается на «христианском характере» культуры Возрождения, несмотря на очевидную связь ее с языческой культурой античности[4].

[1] В работе *E. R. Labande*. L'italie de la Renaissance. Duecento — trecento — quattrocento. Evolution d'une sociéte. Paris. 1954, итальянское Возрождение датируется XIII—XV вв., а в одновременно вышедшей работе Er. Bérence. La Renaissance italienne. Paris, 1954 его хронологические рамки определяются творчеством Данте и Микеланджело (конец XIII — середина XVI в.). С середины XIII в. начинает эпоху Возрождения в Италии и советский исследователь М. А. Гуковский (см. его «Итальянское Возрождение», т. I. М., 1947).

[2] *G. Saitta*. Il pensiero italiano nell'umanesimo e nel Rinascimento, vol. I. Umanesimo. Bologna, 1949; vol. II. Il Rinascimento. Bologna, 1951. Автор считает XIV—XV вв. периодом гуманизма, а Возрождение связывает лишь с XVI и началом XVII в.

[3] *P. O. Kristeller*. The classics and Renaissance thought. Cambridge — Mass., 1955, p. 7; *Ф. Монье*. Опыт литературной истории Италии XV века. Кваттроченто. СПб., 1904, стр. 83—92.

[4] *K. Burdach*. Riforma — Rinascimento — Umanesimo. Firenze, 1935, p. VI, 70; *A. Chastel*. Art et la réligion dans la Renaissance.— «Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance», t. VII, 1945, p. 28.

Очевидно, что как та, так и другая тенденции — окрасить итальянское Возрождение в языческий или христианский тон,— заметные в некоторых современных работах, по существу лишают ренессансную культуру оригинальности, неповторимости, растворяя ее в предшествующих культурных эпохах. Тем не менее именно проблема самобытности итальянского Возрождения издавна привлекала внимание исследователей, стремившихся понять его историческую ценность. Еще Буркгардт писал, что «культура эпохи Возрождения влечет за собой не только ряд внешних открытий, ее главнейшая заслуга в том, что она впервые раскрывает внутренний мир человека и призывает его к новой жизни[4a]. Самоценность этой культурной эпохи была подчеркнута и русской историографией XIX в. Акцентируя светский характер итальянского Возрождения, М. С. Корелин видел в нем «движение, освободившее на Западе Европы личность и культуру от порабощения католической церковью и положившее прочное начало новой, независимой науке, светской философии, литературе, школе и самодеятельному искусству»[5].

Признание особой, самостоятельной заслуги итальянского Возрождения в развитии европейской культуры отличает и советскую историографию[6]. При этом ей свойственно искать объяснение высокой исторической роли Возрождения не только в особенностях и специфических закономерностях развития самой культуры, но и в характере социальных отношений данной эпохи. Близкий к этому подход к оценке итальянского Возрождения заметен и в современной зарубежной историографии[7]. Нельзя не отметить, что проблема исторической заслуги итальянского Возрождения, его места в развитии европейской культуры еще далека от разрешения — можно говорить лишь о наличии некоторых гипотез, нуждающихся в дальнейших доказательствах. Между тем есть вполне устоявшееся и общепризнанное определение культуры Возрождения в Италии как культуры гуманистической, и уже этим (и прежде всего

[4a] *Я. Буркгардт.* Культура Италии в эпоху Возрождения, т. II. СПб., 1906, стр. 25.

[5] *М. С. Корелин.* Очерки итальянского Возрождения. М., 1896, стр. 1—3.

[6] *А. К. Дживелегов.* Начало итальянского Возрождения. М., 1924, *М. А. Гуковский.* Итальянское Возрождение, т. I. М., 1947, т. II. М., 1962; *С. Д. Сказкин.* К вопросу о методологии истории Возрождения и гуманизма.— «Средние века», вып. XI, 1958; «Всемирная история», т. III, гл. XXXIX; т. IV, гл. VI.

[7] *W. K. Ferguson.* The reinterpretation of the Renaissance.— «Facets of the Renaissance», 1959, p. 15—16; *W. Darant.* A History of Civilization in Italy from the Birth of Petrarchto the Death of Titian — 1304 to 1576 A. D. New York, 1953, p. 48; *D. Hay.* The Italian Renaissance in its Historical Background. Cambridge, 1961.

этим) отграниченной от культуры средневековой. Термин «гуманизм» (очень широкий и не однозначный в современном его употреблении) имманентен понятию «Итальянское Возрождение». Однако между ними нет тождества. Если понятие «Возрождение» обнимает комплекс явлений культуры, знаменующих особую эпоху, то термин «гуманизм» выражает лишь наиболее характерную сторону этой культуры, ее мировоззрение. Получивший широкое употребление еще в эпоху Возрождения термин «гуманизм» (Humanitas, studia humanitatis) означал тогда комплекс знаний о человеке, его месте в природе и обществе. Такое понимание гуманизма сохранилось отчасти и в историографии. Нередко гуманизмом называют период расцвета гуманитарных знаний в Италии в XIV—XV вв. В новейших исследованиях все чаще встречается понимание гуманизма как идейной стороны культуры итальянского Возрождения.

Среди исследователей нет, однако, единого мнения относительно существенных черт гуманистической идеологии и ее особенностей, что позволяет одним доказывать гуманистический характер средневекового мировоззрения, другим — религиозную сущность гуманизма. Или иного рода крайность, когда гуманизм фактически отождествляется с индивидуализмом.

Научный интерес к итальянскому гуманизму не исчерпывается исследованием его характера и выявлением наиболее отличительных черт; определение сущности гуманизма — каким бы оно ни было — неизбежно приводит к проблеме его исторических предпосылок. Стало традиционным искать идейно-философские истоки гуманизма в античном мировоззрении, в греческой и римской философии, гармонически вписывавшей человека в общую картину мироздания и наделявшей его способностью к самопознанию и познанию окружающей природы.

Близость гуманизма к античному мировоззрению прослеживалась в самых различных планах — и в жизнеутверждающем характере идеологии, и в рационалистической окраске философии и особенно этики (культ разума как важнейшей добродетели, признание безграничных потенций человеческого знания и т. д.), и в эстетическом восприятии действительности, свойственном не только искусству, но и науке. Средние века, отвергнувшие античное наследие и утвердившие религиозный способ мышления как универсальный и всеобъемлющий, рассматривались как антипод и античности, и Возрождения. В эту схему, утвердившуюся со времен Мишле и Буркгардта и восходящую к ренессансной эпохе, вносят коррективы новейшие исследования.

Новые элементы в средневековом мировоззрении, предвосхитившие гуманистические идеи, оказываются заметными уже в XII—XIII вв. Пути к широкому освоению античного наследия и отделению науки от теологии начали прокладывать философы Шартр-

ской школы и парижские аверроисты[8]. Абеляр сделал первую попытку воскресить достоинство человеческого разума, умаляемое верой. Усилия Абеляра и ученых Шартрской школы возродить античные представления о человеке и его месте в системе мироздания были скромными и одинокими. Но именно в них видит Ле Гофф начало гуманистического мировоззрения. «Последнее слово этого гуманизма,— пишет он,— несомненно таково: человек, который сам является природой и который может понять ее разумом, способен также преобразовать ее своей активностью[9]. Едва ли правомерно называть гуманизмом передовые философские идеи XII—XIII вв.[10], но именно в них следует искать истоки гуманистического мировоззрения эпохи Возрождения. В них, а не в учении Фомы Аквинского, как это пытается делать Вернер Егер, по мнению которого, Фому Аквинского, возрождавшего античную концепцию человеческой природы как рационального бытия, роднит с гуманизмом приближение человеческого разума к реальности, «даже если это реальность бога»[11]. Но рационалистическая система Фомы была ограничена рамками теологии и уже поэтому несла в себе иной смысл, не сходный с рационализмом античности и Возрождения.

Зарождение гуманистической идеологии было неразрывно связано с расширением интереса к античной литературе и философии. Хорошее знание классиков можно обнаружить и у Абеляра, и у Иоанна Солсберийского, и у ученых Шартрской школы, и при дворе Фридриха II. Аристотель и Платон, Вергилий и Овидий, Ювенал, Лукиан и Гораций, пусть не в полной мере, но все же были известны в средние века, особенно в XII—XIII вв., что позволяет некоторым исследователям относить к этому времени и начало Возрождения. Но нельзя не видеть качественной разницы между отдельными элементами гуманизма, возникавшими в XII—XIII вв., и гуманистическим мировоззрением XIV—XVI вв. Последнее отличали и значительно более широкая античная идейная основа (греческая и латинская литература предстали в эту эпоху в полном своем объеме), и более глубокое проникновение в мысль древних, и, главное, восприятие принципов античного мировоззрения как основы для построения новой идеологии. Этот качественный перелом еще не произошел в мировоззрении Данте, несмотря на отчетливо проступающие черты нового в его философии, и особенно, в художест-

[8] *Г. Лей.* Очерк истории средневекового материализма. М., 1962, стр. 221—279.

[9] *Le Goff.* Les intellectuelles au moyen âge. Paris, 1960, p. 62.

[10] Нельзя согласиться и с утверждением немецкого историка Бурдаха, что возрождение платонизма в Шартрской школе было аналогичным возрождению его Петраркой и другими гуманистами (K. Burdach. Op. cit., p. 110).

[11] *W. Jaeger.* Humanism and theology. Milwaukee, 1943, p. 18—19.

венном мышлении. Рождение гуманизма как системы мировоззрения, построенной на принципах, во многом противоположных основам христианской идеологии, большинство исследователей относит к XIV в., связывая его с Петраркой.

Франческо Петрарка (1304—1374) — поэт, политик и философ, человек не менее сложных противоречий, чем его предшественник Данте. Его культ греческих и римских классиков граничил с фанатизмом. «Один вид современных людей меня просто коробит,— признается он в одном из писем,— тогда как воспоминания о древних, их действия, славные имена возбуждают во мне великолепное чувство радости...»[12]. Предметом особого поколения Петрарки были сочинения Цицерона, которого он открыл; рукописи его он тщательно разыскивал по всей Европе. Собранная Петраркой прекрасная библиотека включала сочинения Платона и Гомера, Катулла и Проперция, Ливия и других почти не известных средневековому миру авторов[13]. Погруженный в древность, Петрарка остро чувствовал и современную политическую ситуацию Италии — переживал трагедию ее раздробленности, мечтал об объединении страны, о возрождении былого величия и мировой славы Рима и даже сделал практические шаги к осуществлению этих планов[14]. Но, может быть, острее всего чувство современности проявилось в поэзии и философии Петрарки, где вырастало начало новой идеологии. Петрарка открыто противопоставил себя схоластической науке средневековья, отвергнув все ее авторитеты. Крупнейшему авторитету схоластики — Аристотелю — он противопоставил Платона, положив начало возрождению платонизма, ставшего во второй половине XV в. важным направлением в развитии итальянского гуманизма. Главное место в науке он предоставил учению о человеке, а цель самой науки видел в совершенствовании человека.

Человек и его жизнь — вот главный предмет философии, поэтому итог всякой философии — этика[15]. В теории морали — она нашла отражение в трактатах De remediis utriusque fortunae («О превратностях судьбы»), De contemptu mundi («О презрении к миру») и многих письмах — Петрарка опирался на учения Платона, стоиков, Августина.

На арене жизненной борьбы главной силой человека является разум — помощь божественных сил второстепенна. Таков первый удар по католической морали и первый камень в фундаменте новой идеологии. Благородство человека зависит не от знатности проис-

[12] *Ф. Монье.* Опыт литературной истории Италии, стр. 100.

[13] *Г. Фойгт.* Возрождение классической древности, т. I. СПб., 1884, стр. 39—50.

[14] *М. С. Корелин.* Указ. соч., стр. 80—160.

[15] *Г. Фойгт.* Указ. соч., т. I, стр. 69—79.

хождения, а от его добродетели. И этот тезис Петрарки (он развивает его в De remediis), навеянный античной этикой, резко противоречил официальным взглядам. Наконец, глубокий интерес к внутреннему миру человека, его чувствам и мыслям, призыв к самопознанию и в данном смысле индивидуализм (наиболее полное выражение подобные идеи Петрарки получили в его поэзии и письмах) завершили построение важных принципов гуманистической идеологии. Знаменитый принцип античной этики «Познай самого себя» стал стержнем этических взглядов Петрарки. Акцент переносится с познания бога на познание человека, на смену «государству божьему» (cïvitas dei) средневековья Петраркой выдвигается «государство муз» (civitas musarum), покоящееся на мудрости древних [16].

В гуманизме Петрарки часто подчеркивают индивидуализм, который связывают обычно с его проповедью сельского уединения, отрешенности от мирских забот. Но в одиночестве, провозглашенном Петраркой, нет монашеского ухода от жизни; здесь было целью открыть человеку богатства его внутреннего мира и указать путь к сплочению с ближним [17]. Таким образом, конечная цель индивидуализма Петрарки выступает как осознание общественных связей и органическое включение индивида в общество.

Роль Петрарки как основоположника гуманизма в Италии давно общепризнана; это осознавали и младшие его современники, да и он сам. Его поэтический гений завоевал славу, равную Данте. Многогранность его интересов и творческой деятельности, высокая оценка способностей собственной личности, эмоциональное богатство натуры и трезвость научного мышления, глубокое и искреннее понимание античной культуры — все это позволяет исследователям называть Петрарку первым человеком Возрождения, олицетворявшим значительность характера, человеческое достоинство и те новые, гуманистические идеи, отцом которых был он сам.

После смерти Петрарки, в последние десятилетия XIV в., знамя итальянского гуманизма было поднято Флоренцией, которая стала главным центром развития новой культуры и идеологии на протяжении всего последующего столетия. Гуманист и канцлер Флорентийской республики Колюччо Салютати (1331—1406), блестяще сочетавший занятия наукой с политической деятельностью, выступил с широкой идейной платформой, в которой главным было понимание гуманизма, studia humanitatis, как комплекса культуры, необходимого для формирования нового человека. Отсюда — признание высокой практической роли этики для воспита-

[16] *L. Russo.* Storia della letteratura italiana, vol. I. Firenze, 1957, p. 313.

[17] *E. Garin.* L'Umanesimo italiano. Filosofia e vita civile nel Rinascimento Bari, 1958, p. 251.

ния гражданина. Воскрешая тезис Аристотеля об активной жизни как важнейшем призвании человека и под таким углом зрения рассматривая христианскую догму об идеальном царстве божьем, Салютати пришел к утверждению, что царство милосердия и мира люди могут создать на земле в упорной борьбе и труде[18]. Человек не должен оставлять поле битвы — его удел всю жизнь сражаться за справедливость, истину и честь. Основное оружие в его борьбе с земным дьяволом — воля, ибо мир человеческий — мир воли[19].

Салютати воспевает свободу как необходимое условие проявления воли человека; свободу не ограничивает божественная благодать, без которой невозможно спасение души. В рассуждениях Салютати бог выступает не как главный творец благ на земле, согласно католической теологии, а лишь как гарантия создания этого блага усилиями самих людей[20]. Созданное людьми благо — благо общественное, и оно закрепляется справедливыми законами, которые направляют всю деятельность людей и тем самым объединяют их в общество[21]. Этот тезис положен в основу всей гражданской этики Салютати. Вывод из него таков: поскольку базой законов является справедливость, уважение к ним есть добродетель, а высшее ее проявление — любовь к отечеству. «Две вещи есть среди самых приятных,— писал Салютати,— родина и друзья»[22]. Служение отечеству, деятельное исполнение гражданского долга — таков смысл добродетельной жизни. Добродетель не дается от природы, но достигается благодаря делам[23].

Сам Салютати более чем 30-летним служением Флорентийской республике на посту ее канцлера заслужил славу истинного гражданина и патриота. Гражданский гуманизм Салютати спускался с высоких сфер философии Петрарки на почву практической действительности. Наука — источником ее для Салютати, как и для Петрарки, были античные авторы — из отвлеченного знания превращалась в средство служения человеку, его делам. «Цель человеческого счастья,— отмечал Салютати,— состоит не только в том, чтобы найти истину, но и в том, чтобы насладиться тем, что открыто; и не только насладиться, но и претворить его в действительность»[24].

[18] *E. Garin.* I trattati morali di Coluccio Salutati. Firenze, 1944, p. 8.
[19] Ibid., p. 8, 9.
[20] Ibid., p. 10—12, 22.
[21] Ibid., p. 23—25.
[22] Ibid., p. 5.
[23] *G. Saitta.* Op. cit., v. I, p. 150.
[24] *G. M. Sciacca.* La visione della vita nell'umanesimo e Coluccio Salutati. Palermo, 1954, p. 169.

Здесь слышен призыв освободить науку не только от оков теологии, поскольку знание должно быть обращено к земным делам, но и от кабинетности и схоластической отвлеченности. Но коль скоро наука призвана служить человеку, первостепенной оказывается проблема образования и воспитания, важность которой подчеркивал и сам Салютати и, особенно, его последователи.

Только гуманистическое образование (studia humanitatis), система гуманитарных знаний (humanae litterae) могут и должны формировать цельного человека — таков основной тезис Леонардо Бруни (1370—1444), ставшего преемником Салютати в развитии флорентийского гуманизма [25]. Образование должно быть всесторонним, равно совершенствующим духовные и физические качества человека. Бруни, следовательно, всецело принимает античную идею гармоничного развития личности. В системе воспитания важную роль играют этика как наука о жизни человека в обществе и политика — учение о наилучшем государственном строе. Но самое высокое место в системе наук занимает философия, «которая является матерью всех свободных искусств; из ее источников проистекает вся человеческая культура (omnis nostra humanitas)» [26].

Бруни обрушивается на современных ему философов, которые преподают то, в чем не сведущи сами, и во всех случаях ссылаются на авторитет Аристотеля, приписывая ему всякий абсурд [27]. Необходимо восстановить античную философию в ее подлинном и полном виде. Бруни неустанно повторяет эту мысль, близкую всем гуманистам, и сам прилагает немало усилий к ее реализации, переводя и комментируя, исправляя и собирая рукописи древних авторов (он перевел «Никомахову этику» и «Политику» Аристотеля).

Но смысл образования Бруни видел не в том, чтобы прочитать классиков и заучить мысли древних: необходимо освоение философии, чему более всего способствует дискуссия, духовное общение между людьми [28]. Важно также не углубляться в оторванную от действительности теорию, но сочетать ее с практическими знаниями. «Знания теоретические без знания действительности бесполезны и пусты,— утверждал Бруни,— и знания действительности, как бы велики они ни были, если они не украшены блеском литературных сведений, будут казаться лишними и темными» [29]. Жизнь ученого не должна проходить в стороне от жизни общества, так как уединение не способствует плодотворности знания.

[25] *E. Garin*. L'Umanesimo italiano..., p. 48.

[26] *L. Bruni*. Ad Petrum Paulum Histrum dialogus.— «Prosatori latini del Quattrocento». Milano — Napoli, 1952, p. 54.

[27] Ibid., p. 56.

[28] Ibid., p. 74.

[29] *М. А. Гуковский*. Указ. соч., т. II. М., 1961, стр. 153.

Только в обществе раскрываются в полной мере совершенства человеческой натуры[30]. Наука — философия, этика и, особенно, политика — должна служить обществу — таков главный смысл гуманистического образования, таков долг каждого ученого.

Сам Бруни с честью выполнял гражданский долг на посту канцлера Флорентийской республики (он бессменно занимал эту должность с 1427 по 1444 г.). Будучи убежденным сторонником республиканского строя, Бруни посвятил наиболее значительные свои сочинения — «Похвала городу Флоренции» и «История Флоренции» — прославлению Флорентийской республики, подчеркивая преимущества демократии перед тиранией. «Нет другого места на земле,— восклицает Бруни в «Похвале городу Флоренции»,— где была бы бóльшая справедливость, нигде в другом месте не проявляется больше свободы и нет столь равного положения высших и низших»[31]. В этом патриотическом трактате, написанном в разгар борьбы Флоренции с Миланом, Бруни явно идеализирует флорентийскую демократию. Но эта идеализация не была данью политическому моменту: позже, когда конфликт разрешился в пользу Флоренции, Бруни сохранил убеждение, что законы Флорентийской республики являются идеалом подлинной демократии. Вот рассуждения Бруни из его письма от 1413 г.: «Основанием нашего правления является равенство граждан... Все наши законы направлены только к тому, чтобы граждане были равны, так как только в равенстве коренится действительная свобода. Поэтому мы устраняем от управления государством самые могущественные фамилии, чтобы они не стали слишком опасными благодаря обладанию публичной властью. Поэтому мы установили, чтобы санкции против нобилей были самыми тяжелыми»[32]. Очевидно, Бруни имеет здесь в виду «Установления справедливости»; но действительность начала XV в. существенно расходилась с политическими принципами, закрепленными после победы над грандами. Время Бруни — это период утверждения во Флоренции олигархии, а затем и тирании при видимом сохранении всех республиканских институтов. Идеал Бруни явно отклонялся от политической реальности, но тем сильнее, очевидно, было стремление канцлера-гуманиста вернуть прежнюю силу Флорентийской демократии. Его сочинения «Похвала городу Флоренции» и «История Флоренции» проникнуты идеей бесспорных преимуществ республики перед тиранией.

Леонардо Бруни и Колюччо Салютати вошли в историю итальянского гуманизма как провозвестники идей гражданственности и

[30] *E. Garin.* L'Umanesimo italiano..., p. 49—50.

[31] *E. Garin.* La cultura filosofica del Rinascimento italiano. Firenze, 1961, p. 19.

[32] *H. Baron.* Humanistic and political literature in Florence and Venice at the beginning of the Quattrocento. Cambridge, 1955, p. 60.

республиканизма, принципов творческой активности человека и воспитательной роли гуманитарных знаний. Их вдохновляла философия древних, и в особенности этика Аристотеля. Обращение к сочинениям Аристотеля, Цицерона и других античных авторов не было случайным; флорентийские гуманисты первого поколения находили в них категории гражданских добродетелей и добродетелей разума, идеи служения общественному долгу и политической активности граждан, возвеличение роли разума и знания. Почвой, на которой вырастал этот интерес, являлись общественные условия, сложившиеся во Флоренции в конце XIV в.— первой половине XV в. Это был период экономического подъема и расцвета флорентийской демократии — демократии цеховых мастеров, торговцев и ростовщиков, входивших в состав 21 цеха города. Борьба отдельных крупных семей за ведущую роль в делах республики, особенно усилившаяся после восстания чомпи, не сковывала политическую активность социальной верхушки, а стремление борющихся сторон опереться на широкие слои флорентийского пополо поддерживало иллюзию подлинной демократии.

Идеи гражданственности и республиканизма соответствовали настроениям высших слоев пополо, для которых участие в законодательстве и управления городом было необходимым условием экономического процветания. Служение обществу — родному городу, необходимое и бесспорно выгодное экономически господствующей верхушке Флорентийской республики, стало важной моральной догмой. Не удивительно, что складывавшаяся гуманистическая интеллигенция была тесно связана с господствующим классом флорентийского общества, как это убедительно показано в фундаментальном исследовании Лауро Мартинеса[33]. Бруни был почетным членом цехов Лана и Калимала; Роберто Росси, Чино Ринуччини, Филиппо Виллани, Грегорио Дати и некоторые другие гуманисты по своему экономическому и социальному статусу принадлежали к купеческо-ростовщической верхушке Флоренции[34].

В первой половине XV в. гуманистическое образование становится достоянием высших слоев общества — книги античных авторов и современных гуманистов не только прочно входят в быт крупных купеческих фамилий, но пользуются и более широкой популярностью, о чем свидетельствуют, в частности, «Заметки» купца средней руки Джованни Морелли[35]. Однако неверно видеть во флорентийском гуманизме первой половины XV в. лишь выра-

[33] *L. Martines.* The social world of the Florentine humanists, 1390—1460. London, 1963.

[34] Ibid., p. 255, 278—279.

[35] *Л. М. Баткин.* Этюд о Джованни Морелли.— «Вопросы истории», 1962 № 12, стр. 102—103.

21. *Андреа делла Роббиа. Портрет молодой женщины. Флоренция. Галерея Уффици*

жение моральных принципов купеческо-ростовщического слоя и зажиточных ремесленников. Складывавшееся гуманистическое мировоззрение с самого начала было шире идеологии породивших его социальных слоев — светский характер и рационалистические принципы, утверждаемые гуманизмом, придавали ему гораздо бо́льшую общественную значимость. Это особенно заметно в том прогрессивном влиянии, которое гуманистическое мировоззрение начало оказывать на искусство Флоренции этого времени — широко демократичное и по составу его творцов, и по социальному заказу, стимулировавшему его развитие, и по складывавшимся принципам самого художественного творчества. Подлинную революцию переживала в XV в. архитектура. Творцами нового архитектурного стиля были выдающиеся мастера Флоренции — Брунеллески, Микелоццо, Альберти, Бенедетто да Майяно. Главным типом архитектурного соору-

жения становится светское здание — палаццо. Монументальность и простота фасада, гармоничность пропорций здания, удобство и красота интерьера характеризуют новый, ренессансный стиль, базой для формирования которого послужила античная ордерная архитектура.

Формирование итальянского гуманизма было длительным процессом (конец XIV — начало XVII в.), протекавшим не только во Флоренции, хотя именно ей принадлежит наиболее заметный вклад, но и в других культурных центрах Италии — Риме, Милане, Неаполе, Венеции, Мантуе, Урбино, Ферраре. Местные условия социальной и политической действительности, несомненно, оказывали влияние на окраску гуманистических идей, связанных с отдельными центрами культуры Возрождения. Но школы и направления, складывавшиеся в Италии в ходе развития гуманизма, как правило, выходили за рамки местных особенностей, будучи порождены общими условиями итальянской действительности, и приобретали звучание в масштабах всей страны. Этому способствовала и деятельность гуманистических общеобразовательных школ — особой славой в XV в. пользовались школы Гаспарино да Барцицца в Падуе, Гварино да Верона в Ферраре и Витторино да Фельтре в Мантуе.

Различные направления наметились в итальянском гуманизме уже на первом этапе его развития. Современник Бруни Лоренцо Валла (1407—1457), служивший сначала секретарем при дворе неаполитанского короля Альфонса Арагонского, а затем секретарем в папской курии, выступил с иной гуманистической программой, чем его флорентийские коллеги. В трактате «О наслаждении», сопоставляя моральные принципы стоиков, христиан и эпикурейцев, Валла более всего критикует первых, а христианскую и эпикурейскую этику пытается совместить, но на основе последней. Не добродетель, связанная у стоиков с отсутствием страданий, не христианская аскетическая любовь к богу, а наслаждение — вот тот главный и универсальный закон, который направляет человеческую жизнь. И Валла утверждает жизнь, реальную и земную, в которой проявляются все стороны человеческой природы, как главный критерий моральных принципов. «Следуйте законам природы»,— призывает Валла [36]. В действенном проявлении природы, как и природы самого человека, заключено реальное, конкретное, плодотворное благо и признак его плодотворности — наслаждение, которое является как бы знаком божественного благословения. Наслаждение — цель и награда человеческих поступков [37]. Природа человека в рав-

[36] *E. Garin.* La cultura filosofica..., p. 81.

[37] *E. Garin.* L'Umanesimo italiano..., p. 60.

ной мере духовна и телесна, поэтому наслаждения чувственные столь же ценны, как и духовные [38]. Человек должен стремиться испытать их в полной мере в реальной жизни. Интересно, что наслаждения, предназначенные человеку в вечном потустороннем бытии, Валла понимает как чувственно осязаемые, близкие к земным, реальным. Здесь Валла вступает в прямое противоречие с христианской моралью, с ее принципом аскетизма, отказа от чувственных удовольствий в земной жизни и чистым, лишенным всякой телесной основы наслаждением души в загробной жизни [39].

В учении Валлы о наслаждении есть и другая важная сторона. Наслаждение — это не только высшее благо и конечная цель человеческих стремлений, но оно полезно человеку, а полезность — естественный принцип его действий, всей его жизни. «Тот, кто осмеливается насиловать в себе то, что предписывает природа,— заявляет Валла,— делает против своей пользы, так как все должно делаться каждым по своей пользе...» [40]. Польза, совпадающая с наслаждением,— важнейший стимул и вместе с тем критерий человеческих поступков. Отсюда — выгода и расчет, которые оказываются у Валлы основой добродетели. Поступать добродетельно значит действовать с пользой для себя [41]. Но это не только не исключает, а предполагает взаимную любовь людей, ибо она тоже дает наслаждение. «Не может быть такого, чтобы люди, если они не злодеи и не глубоко несчастны, не радовались благу другого и, что больше, чтобы они не были причиной радости для другого»,— пишет Валла [42]. Индивид и общество, в понимании Валлы, выступают как некое единство, связанное взаимной полезностью; принцип полезности лежит не только в основе деятельности людей, им определяются и функции государств [43].

В этической теории Валлы заметна тенденция к утилитаризму и индивидуализму, ставшими в новое время основой буржуазного мировоззрения. В отождествлении полезности с наслаждением можно видеть стремление оправдать и придать этическую ценность деятельности людей, направленной на приобретение благ. Валла не осуждает накопительство во имя жизни в достатке, без материальных забот и стеснений, ибо добродетелен тот, кто ищет наибольшего блага. Теория Валлы воскрешала основные принципы эпикурейской этики и была ближе к учению самого Эпикура, далекого от

[38] *Н. В. Ревякина.* Из истории этических учений эпохи Возрождения.— «Вестник МГУ», серия IX. История, 1962, № 2, стр. 59—60.

[39] Там же, стр. 59.

[40] Там же, стр. 64.

[41] Там же, стр. 65—68.

[42] Там же, стр. 68.

[43] Там же, стр. 70.

проповеди безграничного наслаждения, особенно в его чувственных формах, чем к крайним проявлениям эпикурейства.

В историю итальянского гуманизма Валла вписал немало ярких страниц. И не только тем, что обратил внимание на первостепенную важность удовлетворения всех потребностей человеческой натуры, подчеркнул право человека на чувственные наслаждения, на все радости земного бытия, но и острой критикой монашества (трактат «О монашеском обете») и папства («Рассуждения о подложности так называемой Дарственной грамоты Константина»). Валла блестяще осуществил разоблачение знаменитой папской фальшивки, опираясь на новую, гуманистическую науку [44].

Особое направление в итальянском гуманизме связано с именем Леона Баттиста Альберти (1404—1472) — гуманиста и литератора, архитектора и математика, прослужившего бо́льшую часть жизни секретарем в папской курии. Трактаты («О спокойствии духа», «О семье» и др.) и литературные сочинения (так называемые «Застольные беседы») Альберти посвящены темам морали, ставшим в XV в. главным аспектом развития гуманистического мировоззрения в Италии. Исходный принцип этики Альберти — человек по природе своей творец; он рожден для труда; его усилиями создано земное государство. Труд создает человеку славу и почет в обществе; в творчестве он проявляет самого себя, гармонически развивает свои душевные и физические свойства и наслаждается счастьем созидания и гармонии. В жизни человека более всего следует ценить разумное начало: «Разум значит больше, чем судьба, благоразумие — больше, чем случай»,— замечает Альберти в трактате «О семье» [45].

Альберти решительно отвергает средневековые представления о безусловной силе судьбы, показывает нелепость мистических и астрологических обоснований решающей роли фортуны в жизни человека. Разум должен помогать людям бороться с превратностями судьбы, ибо источник добра и зла заключен в самом человеке. Если разумно следовать добродетели, то можно избежать опасности стать слепым орудием судьбы [46]. «Ничто так не расстраивает жизнь людей, как пороки» [47]. Сила разума и твердость духа, благоразумие, скромность, щедрость и человечность, любовь к труду и знаниям — вот основные добродетели, украшающие человека и ведущие его к спокойной, счастливой жизни.

[44] *А. И. Хоментовская.* Лоренцо Валла — великий итальянский гуманист. М.—Л., 1964.

[45] *L. B. Alberti.* Della famiglia. Milano, 1928, p. 35, 44, 53; *E. Garin.* L'Umanesimo italiano..., p. 76, 77.

[46] *G. Santinello.* Leon Battista Alberti. Firenze, 1962, p. 86.

[47] *L. B. Alberti.* Op. cit., p. 50.

Добродетель дана человеку от природы, и «смертным самой природой дано любить и сохранять любую весьма похвальную добродетель»[48]. Добродетели поддерживаются и воспитываются в упорном труде, в напряженной содержательной жизни, тогда как праздность, наоборот, рождает пороки. Старшие должны неустанно воспитывать в молодом поколении любовь к добродетели и ненависть к порокам. В добродетели не только источник личного счастья каждого и его сила в борьбе с судьбой, но залог благополучия общества. Честные и добродетельные люди более уважаемы обществом, чем очень богатые и могущественные[49].

Трудом и добродетелью человек служит не только себе, но и обществу — ведь «человек рождается, чтобы быть полезным человеку»[50]. Самая прочная слава у того, «кто посвятит себя приумножению славы своей родины, граждан и своей семьи»[51]. Гармоническое сочетание интересов личности и общества — жизненный идеал каждого и основа процветания государства. Гуманистические принципы этики Альберти — некоторые из них уходят корнями в этику Аристотеля — явились вызовом католической морали с ее служением богу как главной добродетелью и проповедью пассивности и покорности человека перед силами судьбы. Идеальный человек Альберти творчески активен и душевно спокоен, лично счастлив и полезен другим, силен разумом и знанием и не обеднен чувствами. Внутренняя гармония человека, счастье его земного бытия вполне достижимы усилиями самих людей. Это — центральная идея и главная ценность гуманистических воззрений Альберти.

Исходным моментом учения Альберти была сама действительность; он в значительно большей степени, чем его предшественники — Петрарка, Салютати, Бруни и другие гуманисты,— стоял на почве реальности. По мнению А. К. Дживелегова, «реализм является, быть может, наиболее яркой особенностью восприятия мира у Альберти»[52].

Альберти занимает особое место не только в истории гуманизма, но и в художественной культуре итальянского Возрождения. Будучи талантливым архитектором, хорошо знакомым с ремеслом живописца и скульптора, Альберти дал первое научное обоснование принципов ренессансной архитектуры и изобразительного искусства (трактаты «О зодчестве», «О живописи», «О статуе»), использовав

[48] Ibid., p. 86.
[49] Ibid., p. 68.
[50] *E. Garin*. L'Umanesimo italiano..., p. 72.
[51] *L. B. Alberti*. Op. cit., p. 53.
[52] *А. К. Дживелегов*. Альберти и культура Ренессанса.— В кн.: *Альберти*. Десять книг о зодчестве, т. 2. М., 1937, стр. 182.

сочинения античных авторов и свой собственный богатый научный и практический опыт. Наибольшее внимание он уделил архитектуре, которую понимал в широком смысле, т. е. как строительное искусство, которое «и в общественном, и в частном отношении весьма полезно и приятно роду человеческому и по достоинству почитается среди первых искусств не последним»[53].

Полезность людям сочетается с совершенством произведения архитектуры и искусства и выступает как один из эстетических принципов Альберти.

Труд архитектора близок и понятен людям, ибо каждый человек по природе своей созидатель. «А как приятны заботы и мысль о строительстве,— пишет Альберти,— и как глубоко они коренятся в душе человека, явствует, между прочим, из того, что ты не найдешь никого, кто не старался бы, имей только он к тому способности, что-нибудь построить»[54].

Альберти — теоретик и практик архитектуры — стремился выразить в своем творчестве гуманистические принципы, в значительной мере разработанные им самим. Этические и эстетические идеи Альберти были приняты и высоко оценены современниками — гуманистической интеллигенцией, архитекторами и художниками. Альберти много писал на тосканском наречии, что делало его сочинения, отличавшиеся живостью изложения и яркостью формы, доступными широким слоям городского населения. Особой популярностью пользовался трактат Альберти «О семье», постоянно переписывавшийся и профессионалами книжного дела, и многими образованными купцами. Сочинения Альберти приобрели известность не только в Италии, но и в других европейских странах, а разносторонняя деятельность и универсальность знаний создали ему славу выдающейся личности эпохи Возрождения.

Во второй половине XV в. итальянский гуманизм обогащается новыми направлениями и школами, приобретает более сложную философскую основу, глубоко внедряется в сферу гуманитарных наук, стимулируя их расцвет в конце XV — начале XVI в. Центром новой культуры и образованности Италии по-прежнему остается Флоренция, где важную роль начинают играть уже с 50-х годов XV в. университет и так называемая Платоновская академия. Большое влияние на формирование мировоззрения нового поколения гуманистической интеллигенции оказал византийский философ Иоанн Аргиропуло, читавший во флорентийском университете на протяжении 15 лет (с 1456 по 1471 г.) курс по философии Аристотеля и переведший на латинский язык большинство его сочинений.

[53] *Альберти.* Десять книг о зодчестве, т. I. М., 1935, стр. 5—6.

[54] Там же, стр. 7.

Среди проблем, которые излагал своим слушателям Аргиропуло, одной из главных была проблема знания, роли философии в системе человеческого познания [55]. Он рассматривал способность к познанию как наиболее ценное отличительное свойство человеческой природы. Эта способность дарована богом и присутствует в человеческой душе в виде интеллекта. Знание ведет человека к совершенству и позволяет достичь высшего блага, счастья, наслаждения. Сферы знания разнообразны и соответствуют формам природы и человеческого бытия; знание может быть теоретическим и практическим — и то и другое имеет свои преимущества и в равной мере необходимо человеку. Человеческому познанию доступны все сферы действительности — за его пределами оказывается только бог. Роль знания, науки чрезвычайно велика: теоретические науки раскрывают суть вещей и явлений природы, а практические науки (их объединяет этика) указывают путь к совершенству разума человека и всей его природы, учат познанию самого себя, направляют к добру и в конечном итоге — к высшему благу. Аргиропуло подчеркивает, что познание — не пассивный процесс, но результат активных действий человека, не связанных непосредственно с божественной волей. Воскрешая античное понимание знания и науки, Аргиропуло раздвигает горизонты человеческого познания, оставляя в удел теологии, вере только природу бога, которую он мыслит в традиционно христианском духе. И хотя нельзя найти у Аргиропуло полного отрыва философии от теологии, важно, что первую он не только не подчиняет последней, но рассматривает как единую и всеобъемлющую сферу знания, включающую наряду с прочими науками и теологию. Важно и то, что не вера и благочестие, а наука и особенно этика — а для Аргиропуло таковой является аристотелевское учение о морали — ведут человека к счастью и высшему благу.

И не удивительно, что перевод и комментарии Аргиропуло к «Никомаховой этике» Аристотеля пользовались широкой популярностью не только среди его учеников, но и в широких слоях читателей [56]. Наиболее верные и последовательные ученики Аргиропуло — известные флорентийские гуманисты второй половины XV в. Донато Аччаюоли и Аламанно Ринуччини — продолжали развивать традиции гражданского гуманизма, сложившиеся в предшествующий период. Их привлекали идеалы гражданской жизни — любовь к семье и отечеству, забота об общем благе, активность в экономической, политической и научной деятельности. Но эти идеалы,

[55] *Л. М. Брагина.* Аргиропуло (Из истории философии итальянского Возрождения).— СВ, вып. 31, 1968.

[56] *E. Garin.* Le traduzioni umanistiche di Aristotele nel sec. XV.— «Atti dell' Academia Fiorentina di Scienze morali. La Colombaria», 1950, p. 32.

нашедшие яркое выражение в творчестве таких известных гуманистов и политических деятелей Флоренции середины XV в., как Джанноццо Манетти и Маттео Пальмиери, постепенно теряли под собой реальную почву по мере того, как менялась социально-политическая ситуация во Флорентийской республике с приходом к власти семьи Медичи. Но тем более страстными были речи многих гуманистов в защиту свободы, справедливости, республиканизма.

Гражданское направление в гуманизме второй половины XV в. носило определенную политическую окраску; его идеи были поставлены на службу республике. В ее сохранении были заинтересованы не только оппозиционные Медичи круги флорентийской торгово-ростовщической знати, но и широкие слои пополо, интересам которого противоречила линия Медичи.

Наряду с идеями гражданственности флорентийский гуманизм второй половины XV в. обогащается новыми концепциями, базирующимися на философии Платона и неоплатоников. Центром этого нового направления стала так называемая Платоновская академия во Флоренции, созданная по инициативе Козимо и пользовавшаяся постоянным покровительством семьи Медичи. Основоположником и признанным главой Платоновской академии был Марсилио Фичино (1433—1499). Ему принадлежит заслуга перевода с греческого на латынь большинства сочинений Платона и неоплатоников.

Основные сочинения Фичино — «Платоновская теология», «О бессмертии души», «О христианской религии» — посвящены доказательству неразрывной связи, даже тождественности философии «божественного» Платона с христианской теологией. Он создает «ученую религию» (docta religio) на базе «благочестивой философии» (pia philosophia), пытаясь синтезировать догматику священного писания, учения отцов церкви, арабскую и еврейскую философию, учения Платона и неоплатоников. Главный его тезис — истина едина, она заключена в самом боге, но открывается людям через свет божественного откровения в различной языковой и догматической формах. Возвеличивая идеалистические принципы философии Платона, Фичино приходит к определению познания не как знания реальных вещей, добытого усилиями человеческого разума и опыта, а как дара божественного откровения, который тем ближе человеку, чем дальше он отходит от реального мира, ибо истинное знание о вещах не в них самих, но в боге-творце, хранящем чистые идеи созданного мира [57].

Величие человека — в его свободе, но свобода человеческого познания есть свобода от мира вещей, а не от бога [58]. Знание и вера неразрывны. Знание есть познание истины внутри человеческого

[57] *E. Garin.* Storia della filosofia italiana, vol. I. Torino, 1966, p. 382—383

[58] Ibid., p. 409.

разума, но это самосозерцание — не пассивность, а активное действие заключенной в человеке частицы божественного интеллекта [59]. Стремление человека к счастью есть движение разума к высшему благу, т. е. к непосредственному и вечному созерцанию бога как воплощения абсолютной истины и блага. И это стремление — не что иное, как любовь к красоте божественной истины и божественного творения [60]. Философия Фичино, сложная, отвлеченная, проникнутая искренним стремлением связать новую гуманистическую систему знаний с традициями христианской религии, оказала значительное влияние на все платоновское направление в итальянском гуманизме второй половины XV — начала XVI в., особенно на этические и эстетические теории этого времени, а также на поэзию и живопись. При дворе Лоренцо Медичи возрожденные Фичино идеи Платона, его теория любви стала частым сюжетом ученых диспутов и многих поэтических произведений. Им отдали дань Анджело Полициано, Луиджи Пульчи, Джироламо Бенивьени, Лоренцо Медичи и другие флорентийские поэты конца XV в.

Среди членов Платоновской академии весьма значительной была фигура Кристофоро Ландино (1424—1498), профессора поэтики и риторики флорентийского университета, друга и единомышленника Марсилио Фичино. В обширном трактате «Диспуты в Камальдоли», написанном в подражание «Тускуланским беседам» Цицерона, Ландино поднимает обширный круг этических проблем, решение которых он строит на принципе примата разума и знания в человеческом бытии. В его рассуждениях заметно влияние и платоновских, и аристотелевских, и христианских идей. Исходная посылка Ландино: разум есть высшее проявление человеческой природы, а назначение человека — познание истины. Поскольку жизнь человека определяют принципы разума, высшими добродетелями являются рассудок, мудрость и знание, так называемые добродетели разума.

Эти добродетели помогают человеку идти путем познания собственной и окружающей природы к наслаждению истиной, к высшему благу, которое осуществляется в боге. Разум направляет волю и чувства человека, воспитывает в нем гражданские добродетели, без которых невозможно благополучие общества [61]. (Здесь отчетливо звучат идеи Аристотеля.)

[59] *N. A. Robb.* Neoplatonism of the italian Renaissance. London, 1935, p. 69.

[60] Этические и эстетические идеи Фичино нашли яркое выражение в его сочинении «Комментарий на „Пир“ Платона». Фрагменты в русском переводе см. в книге: «История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли», т. I. М., 1962.

[61] *Л. М. Брагина.* Этические взгляды итальянского гуманиста второй половины 15 в. Кристофоро Ландино (по его трактату «Диспуты в Камальдоли»).— «Вестник МГУ», серия IX. История, 1965, № 5, стр. 48—65.

Добродетели связаны с разумом и знанием, а невежество рождает пороки. «Тот, кто освещен светом разума,— подчеркивает Ландино,— познает истину и правильно поступает. Те же, которые теряют [этот свет], впадают в пороки, не познав своей природы» [62]. Знание — это не только добродетель; стремление к знанию — гражданский долг каждого человека, ибо знание, наука умножают общественное благо. Общественной ролью наук определяется и призвание ученых — добывать знания в неустанных исследованиях. Плодотворные занятия наукой возможны лишь в условиях уединенной и созерцательной жизни. Однако жизнь ученого, сосредоточенная на познании и выключенная из сферы общественных дел, не менее добродетельна, чем активная гражданская жизнь, хозяйственная или политическая. А для общества жизнь ученых даже более ценна, так как именно им обязано оно хорошими законами и правилами поведения каждого гражданина. Сопоставляя преимущества созерцательного и активного образа жизни, Ландино в конечном итоге склоняется к более высокой оценке первого: «Те, которые пребывают в действии, несомненно приносят пользу, но либо в настоящий момент, либо на короткое время; те же, которые освещают нам скрытую природу вещей, приносят пользу вечно. Действия кончаются с людьми. Мысли же, побеждая века, живут вечно» [63]. Такова в общих чертах этическая концепция Ландино, изложенная им в трактате «Диспуты в Камальдоли», который был «одним из наиболее характерных произведений второй половины XV в.» [64]

Идеи гражданского долга, служения обществу приобретают в учении Ландино новый аспект — главную этическую и общественную ценность получают активная деятельность разума, творческая мысль ученого. Ландино склонен утверждать ведущую роль в государстве скорее интеллигенции, чем политических деятелей, следуя известному учению Платона. Созерцательная жизнь мудрых, углубление в науку не есть лишь процесс самопознания и наслаждения божественной истиной, как у Марсилио Фичино, а познание действительности (хотя и в умозрительной форме) во имя интересов общества. Аристотелевская идея гражданского долга, столь близкая флорентийским гуманистам XV в., очевидна и в этической концепции Ландино.

Большой резонанс имели идеи, выдвинутые другим членом Платоновской академии — Джованни Пико делла Мирандола (1463—

[62] *Л. М. Брагина*. Этические взгляды итальянского гуманиста второй половины 15 в. Христофоро Ландино (по его трактату «Диспуты в Камальдоли»), стр. 54.

[63] Там же, стр. 60.

[64] *E. Garin*. L'Umanesimo italiano..., p. 100.

1494), человека исключительных способностей, философа большой эрудиции и таланта, блестящего знатока древних языков (латинского, греческого, арабского, халдейского и еврейского).

Пико, рано нашедший свое призвание в философии, смело выступил против догматизма, теологии и схоластики в защиту прав разума, творческого мышления и философии, свободной от оков догмы и авторитета. Однако первая же попытка Пико выступить самостоятельно на поприще философии и теологии (он написал «900 тезисов, относящихся к разного рода наукам», которые предполагал отстаивать на публичном диспуте) привели его к серьезному конфликту с папской курией. В итоге тезисы Пико были признаны еретическими, а сам он предстал перед судом инквизиции, от которого его спасло только заступничество Лоренцо Медичи. Но написанная им в 1486 г. вступительная к диспуту «Речь о достоинстве человека» приобрела широкую известность и стала гуманистической программой последних десятилетий XV в.

В «Речи» Пико дано глубокое философское обоснование достоинства человеческой природы. Опираясь на античные идеи — человек-микрокосм, человек — центр вселенной — и связывая их с христианским учением о сотворении человека, Пико меняет главный смысл последнего (человек создан по образу и подобию бога) и приходит к заключению, что сам человек может быть свободным творцом своей собственной природы. Такая возможность — исключительная привилегия человека, предопределенная тем, что именно человек должен оценить величие мироздания и возвыситься благодаря этому над всеми прочими творениями. Эта мысль четко выражена в следующих словах Пико: «Но, закончив творение, пожелал мастер, чтобы был кто-то, кто оценил бы смысл такой большой работы, любил бы ее красоту, восхищался ее размахом» [65]. Создав человека и поставив его в центре мира, возгласил творец: «Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в границах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире» [66].

Свободный выбор, не скованный божественным провидением, выделяет человека из остального мира и определяет его высокое

[65] *Пико делла Мирандола.* Речь о достоинстве человека. Пер. Л. М. Брагиной.— В кн.: «История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли», т. I, стр. 507.

[66] Там же, стр. 507.

достоинство. «О, высшее и восхитительное счастье человека,— восклицает Пико,— которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, кем захочет!» [67] Но путь человека к счастью лежит через познание: к «естественному счастью» его ведет философия, к «сверхъестественному счастью» — теология [68]. Путь философии — это путь совершенствования разума, составляющего главную часть человеческой природы; теология открывает человеку высшие божественные тайны, но лишь тогда, когда его разум подготовлен философией.

Таким образом, не вера и божественная благодать, а разум, познающий внутреннюю природу человека и окружающий его мир, оказывается у Пико той силой, которая способна привести человека к счастью, к высшему благу [69]. Этика, философия природы и теология — таковы три ступени познания, поднимаясь по которым и совершенствуясь на каждой из них, человек достигает счастья и тем обнаруживает высокое достоинство своей природы. Этика (наука о морали) — подготовительная ступень; она смиряет страсти и создает условия для спокойной деятельности разума, учит человека познанию добра и зла, побуждает следовать по пути добра. Вторая ступень — естественная философия, открывающая человеку тайны природы, сущность земных и небесных явлений. На третьей ступени происходит познание глубочайших тайн мироздания «через свет теологии» [70]. Наука, совершенствующая разум,— вот что позволяет человеку выявить и сохранить достоинство его природы и достичь высшего блага.

Платоновские идеи оказываются в учении Пико более сильными, чем догмы христианской теологии, и придают строгий рационалистический смысл его мировоззрению. И хотя он сохраняет за теологией высшее место в системе познания, основной творческой силой оказывается философия, на которой он делает главный акцент (в понятие «философия» Пико, согласно античной традиции, включает этику и философию природы).

Прославлению и возвеличению философии, науки (в античном ее понимании) посвящено немало блестящих страниц в сочинениях Пико. Без обогащающей разум философии невозможно совершенствование человека и раскрытие всех его способностей. «Без философии нет человека»,— таково твердое убеждение Пико, которое приводит его к важному практическому выводу о том, что занятия фи-

[67] *Пико делла Мирандола.* Речь о достоинстве человека, стр. 508.

[68] *Л. М. Брагина.* Этические взгляды Джованни Пико делла Мирандола.— СВ, вып. 28, 1965, стр. 132—133.

[69] Там же, стр. 134.

[70] Там же, стр. 135—136.

лософией должны стать потребностью и уделом всех людей, а не горстки избранных[71].

Служение философии должно быть всепоглощающим и бескорыстным. И сам Пико — прекрасный образец такого служения. «Не постыжусь похвалить себя за то,— пишет он в «Речи о достоинстве человека»,— что никогда не занимался философией иначе, как из любви к ней, и ни в своих исследованиях, ни в размышлениях никогда не рассчитывал на какое-либо вознаграждение, кроме как формирование моей души, осознание той истины, к которой я страстно стремился. Именно философия научила меня зависеть скорее от собственного мнения, чем от чужих суждений, и всегда думать не о том, чтобы не услышать зла, но о том, чтобы не сказать или не сделать его самому»[72]. В этих словах звучит не только гордость человека, отдавшегося бескорыстному научному познанию, но и твердая вера в то, что именно философия дает простор творческому мышлению и является важнейшей моральной силой, устремляющей человека на путь добродетели.

Итак, основной гуманистический принцип — утверждение достоинства человека — получает в учении Пико наивысшее выражение. Достоинство человека заложено в его природе и проявляется в творческой деятельности разума на пути науки и знания. Человек свободен в выборе этого пути и наделен способностью к формированию самого себя. Свободный творец, он возвышается над прочим миром и становится подлинным центром вселенной.

Это учение послужило теоретической основой выступления Пико против астрологии с ее принципом зависимости человеческой судьбы от небесных тел. Человек, стоящий выше прочих сущностей, не может быть ограничен в своей воле, ибо создан как свободный творец самого себя, поэтому он не подвержен влиянию ни материальных, ни духовных субстанций[73]. Звезды и планеты не могут определять судьбу человека, и доказательство тому — человеческая культура, созданная гением мыслителей, художников, государственных деятелей. Чудеса разума величественнее небесных чудес, поэтому нельзя первые выводить из последних[74]. Пико пытался опровергнуть астрологию с позиций гуманизма; как и большинство гуманистов XV в., Пико был далек от опытного знания: его философия носила умозрительный характер. Но оставаясь еще целиком в рамках традиционной философской схемы, он пытался обогатить ее новым содержанием. Многие принципы католической теологии по-

[71] Там же, стр. 137.

[72] *Пико делла Мирандола.* Речь о достоинстве человека, стр. 514.

[73] *E. Cassirer.* The Individual and the Cosmos in Renaissance philosophy. New York, 1963, p. 117—119.

[74] Ibid., p. 119.

лучили в философии Пико, и особенно в его учении о свободной воле и достоинстве человека, иное понимание, выходящее за пределы католической ортодоксии.

Появление в рамках традиционной аристотелевско-схоластической философии смелых идей, резко порывающих с теологической догмой католицизма, связано с именем философа Падуанской школы Пьетро Помпонацци (1462—1525). Помпонацци пришел к отрицанию бессмертия человеческой души. Он утверждал, что душа человека, подобно душам растений и животных, неразрывно связана с телом и не имеет самостоятельного существования. Возможность существования духовных субстанций вне времени он допускал лишь в сфере сверхъестественного, т. е. за пределами материального мира. Человека Помпонацци рассматривал как неотъемлемую часть природы, материального мира, где все рождается и умирает. Как и гуманисты платоновского направления, Помпонацци стремился подчеркнуть исключительность и величие человеческой природы, но исходил при этом не из ее духовных особенностей, а из отличительных свойств самой жизнедеятельности человека [75].

Гуманистическая философия второй половины XV в.— начала XVI г. (как платоновское, так и аристотелевское ее направления) оставалась верной формально-схоластическому методу, далекой от естествознания и в целом идеалистической. Но, поставив в центре своего внимания человека, возвеличивая его разум, воскрешая его право на творческое мышление, подрывая слепую веру в догмы и авторитеты, она тем самым готовила почву для развития натурфилософии и естествознания, открывших более широкие возможности для рождения смелых и оригинальных идей. Важным звеном научного познания был признан опыт, что поставило философию на более реальную основу.

Первый шаг в этом направлении сделал не философ, а художник, инженер и ученый Леонардо да Винчи (1452—1519), не принадлежавший к кругу гуманистов и даже с некоторым предубеждением относившийся к их схоластической учености.

Леонардо да Винчи был решительным противником умозрительной, книжной науки, бесплодного философствования о таких «великих проблемах», как бог, душа и тому подобное; он считал лишенным ценности созерцательное знание, не соединяющее мысль с действием, не подтверждающее теорию практикой [76]. Ученый должен познавать природу вещей, изменяя их своими руками; авторитет не

[75] *E. Garin.* L'Umanesimo italiano..., p. 160—163; *idem.* Storia della filosofia italiana, vol. II, p. 528—536; *E. Cassirer.* Op. cit., p. 109, 140—141.

[76] *E. Garin.* Scienza e vita civile nel Rinacsimento italiano. Bari, 1965, p. 96—97.

должен мешать опыту. Леонардо не только отстаивал эти принципы, но и претворял их в собственной деятельности. Глубокой теоретической разработке многих гениальных догадок и наблюдений Леонардо в области физики и механики мешала, однако, метафизичность мышления, вера в неизменность «принципов», лежащих в основе вещей и явлений. Природа наполнена «разумными принципами» (ragioni), утверждал Леонардо, но не все из них присутствуют в эксперименте. Если понят принцип, то отпадает необходимость в самом опыте[77].

Вместе с тем роль эксперимента Леонардо не подвергал сомнению. Ошибки, по его мнению, никогда не рождаются опытом, но коренятся в нашем мышлении, в нашем невежестве[78]. Опыт — лучший учитель и его не заменят никакие книги[79]. Возвышая опыт, Леонардо не отрицал и важности теоретического его осмысления, полагая, что конкретное видение вещи или явления и абстрактное суждение о них — две стороны одного и того же процесса познания. «Анализировать факт, рассуждая о нем, или анализировать его с помощью рисунка,— писал Леонардо,— суть лишь две формы одного и того же процесса»[80]. Однако отвлеченное мышление, не опирающееся на опыт, не может быть плодотворным: «Знание — дочь опыта»,— говорил Леонардо[81]. Опыт открывает путь к познанию законов природы, но в конечном итоге они познаются разумом, ибо сама природа устроена разумно[82]. Посредником между опытом и знанием стоит математика, отражающая и раскрывающая рациональный порядок вещей — символ божественного их происхождения[83]. В этом Леонардо был близок к платоновскому направлению в гуманизме, в частности к идеям Марсилио Фичино[84].

Знание оказывается у Леонардо не только великой способностью человека, но и жизненной потребностью, необходимостью, определяющей его отношение к окружающему миру. «Приобретение любого познания,— утверждал Леонардо,— всегда полезно для ума, ибо он сможет отвергнуть бесполезное и сохранить хорошее. Ведь ни одну вещь нельзя ни любить, ни ненавидеть, если сначала ее не познать»[85].

[77] *E. Cassirer.* Op. cit., p. 158.
[78] Ibid., p. 154.
[79] *E. Garin.* Storia della filosofia italiana, v. II, p. 618.
[80] *E. Cassirer.* Op. cit., p. 158.
[81] *E. Garin.* Storia della filosofia italiana, v. II, p. 618.
[82] Ibid., p. 619.
[83] Ibid., p. 619.
[84] Ibid., p. 620.
[85] *В. П. Зубов.* Леонардо да Винчи. 1452—1519. М., 1962, стр. 342.

Знание составит надежную основу и для творческой деятельности человека, которая есть не что иное, как применение на практике познания законов природы. Особенно хорошо это видно, по мнению Леонардо, в творчестве живописца — он может воссоздать на полотне предмет, лишь изучив законы светотени и перспективы[86]. Леонардо высоко ценил живопись и всегда подчеркивал ее близость и сходство с наукой, ибо «живопись — удивительное мастерство, вся она состоит из тончайших умозрений...»[87].

Познание делает безграничными творческие возможности человека. «Там, где природа кончает производить свои виды,— писал Леонардо,— там человек начинает из природных вещей создавать с помощью этой же самой природы бесчисленные виды новых вещей[88]. Человек-творец — это «величайшее орудие природы» (massimo strumento di natura), как называл его Леонардо,— поднимается над самой природой, так как «природа простирает свою мощь лишь на произведение простых веществ, тогда как человек из таких простых веществ производит бесконечное множество сложных, не имея возможности создать что-либо простое»[89].

Прекрасным воплощением идей Леонардо, его представлений о роли знания и созидательной деятельности человека было творчество самого Леонардо, чей гений проявился во многих областях науки, в изобретательстве, искусстве. Мысли Леонардо, разбросанные в многочисленных заметках по самым разнообразным вопросам, не были широко известны современникам и ближайшим потомкам (публиковать его рукописи начали только в XIX в.), но, осветив все творчество Леонардо, ставшего живым воплощением нового идеала человека, они внесли достойный вклад в развитие гуманистического мировоззрения. Изучение окружающей действительности как важнейший принцип человеческого бытия стало стержневым положением реалистических концепций в итальянском гуманизме XVI в., рождавшихся чаще в сфере натурфилософии (Кардано, Телезио, Бруно) или в области политической мысли (Макиавелли, Гвиччардини), чем в системе гуманитарных знаний, где консервировались традиции XV в.

У крупнейшего политического писателя итальянского Возрождения Никколо Макиавелли (1469—1527) принцип реалистической оценки действительности выступает как исходный момент в учении о наилучшем направлении. По мнению Макиавелли, не бог и не фортуна, а лишь глубокий трезвый анализ обстоятельств и умение

[86] *В. П. Зубов.* Леонардо да Винчи, стр. 327.
[87] Там же, стр. 326.
[88] Там же, стр. 328.
[89] Там же.

перестроить действия в соответствии с реальной ситуацией могут обеспечить правителю успех во всех его начинаниях. Этой мыслью проникнуты все политические рекомендации Макиавелли и в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия», и в «Князе». И основанием для них служит не только античная история, но сама итальянская действительность, глубокое понимание которой обнаруживает Макиавелли.

Изучение жизненной ситуации, конкретных обстоятельств должно определять поступки людей, если они стремятся к счастью и благополучию, ибо «причина счастья и несчастья людей состоит в том, соответствует ли их поведение времени или нет» («Рассуждения...», кн. 3, гл. 9) [90]. «Если же мы сумеем изменять наш образ действий сообразно с временем и обстоятельствами,— пишет Макиавелли,— то счастье нам не изменит» («Князь», гл. 25) [91]. Даже судьба не может нарушить этого принципа, ибо ее возможности равны возможностям человека. «Я полагаю, что весьма возможно, что судьба управляет половиной наших действий, но вместе с тем думаю, что она оставляет по крайней мере другую их половину на наш произвол» («Князь», гл. 25) [92]. Заключая рассуждения о роли судьбы в жизни человека, Макиавелли подчеркивает важность оценки обстоятельств: «При изменчивости судьбы и при постоянстве образа действий людей они могут быть счастливы только до тех пор, пока их действия соответствуют окружающим им обстоятельствам; но едва это нарушается, люди тотчас же делаются несчастными» («Князь», гл. 25) [93].

Всякий человек, и тем более государь, должен применяться к действительности. Изучение жизненной ситуации и ее требований должно определять всю деятельность государя, ибо от этого зависит его успех. И во имя принципа соответствия действий требованиям времени Макиавелли допускает возможность нарушения государем этических норм. «Государи должны обладать гибкой способностью изменять свои убеждения сообразно обстоятельствам и, как я сказал выше, если возможно не избегать честного пути, но в случае необходимости прибегать и к бесчестным средствам» («Князь», гл. 18) [94].

Последовательно проводя этот принцип, Макиавелли приходит к оправданию аморальности. Однако не следует игнорировать цель,

[90] *Макиавелли*. Государь и Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. СПб., 1869, стр. 403.

[91] *Н. Макиавелли*. Сочинения, т. I. М., 1934, стр. 107.

[92] Там же, стр. 105.

[93] Там же, стр. 108.

[94] Там же, стр. 75.

во имя которой санкционирует Макиавелли аморализм государя. Цель эта — не эгоистические побуждения, но благополучие государства, а в условиях Италии, в значительной мере определивших политическую концепцию Макиавелли,— создание сильной единой политической власти в масштабах всей страны.

Макиавелли разделял веру большинства гуманистов в могучие творческие возможности человека. Лишенная всякой абстрактности, его вера обладает практической целеустремленностью. Идеал человека воплощается у Макиавелли в образе сильной, политически активной личности, способной создать хорошо устроенное государство, где интересы народа и действия правителя находятся в полном согласии. Общество нуждается в сильной личности, и потому ее деяния должны быть направлены на общее благо. Эта мысль отчетливо звучит в «Рассуждениях...» Макиавелли. «Надо принять за общее правило,— пишет он,— что никогда или почти никогда ни одна республика и ни одно царство не было хорошо устроено или преобразовано вновь на прежних своих основаниях, от которых отклонилось, если основателем его не было одно лицо; необходимо, чтобы воля одного давала государству его порядок и чтобы единичный ум распорядился всеми его учреждениями. Вот почему мудрый учредитель республики, одушевленный одним желанием служить не лично себе, а общественной пользе, заботящийся не о наследниках своих, а об общем отечестве, должен всеми силами стараться достигнуть единовластия; ни один умный человек не будет упрекать его, если при устроении государства или при учреждении республики он прибегнет к каким-нибудь чрезвычайным мерам» (кн. I, гл. 9) [95]. Политическая доктрина Макиавелли впервые была поставлена на реальную почву, освобождена от теологических пут и подкреплена такой же земной, конкретной этикой.

Восприятие человека не столько в его связях с богом, сколько в земном окружении, в рамках природы, характерно и для итальянской натурфилософии XVI в., развивавшейся в тесном контакте с естествознанием. Здесь делался акцент на равноценности и неразрывности духовного и физического начала в человеке. Гармония тела и духа выступает как важный этический принцип Джироламо Кардано, математика, медика и философа. Выдающийся философ и ученый эпохи Возрождения Джордано Бруно (1548—1600) подчеркивает теснейшую связь души с телом на том основании, «что и сама душа есть не вовсе нематериальная субстанция» [96]. Различие души человека и душ животных он относит за счет особого строения человеческого тела, ибо «степень совершенства ума и действий»

[95] *Н. Макиавелли.* Сочинения, т. I, стр. 148.

[96] *А. Х. Горфункель.* Джордано Бруно. М., 1965, стр. 123.

зависит, по его мнению, от способа соединения духовной субстанции с органами тела [97]. Будучи порождением природы, человеческое познание должно быть обращено на раскрытие ее глубинных тайн [98]. Бруно твердо убежден, что в познании окружающего мира человек может быть свободным, имеет право подвергать сомнению установившиеся истины и опровергать авторитеты.

Не только разум, но и труд составляет высокое достоинство человека, возвышая его над миром живых существ. Разум и труд приносят человеку высшее наслаждение и помогают бороться с судьбой [99]. Таков гуманистический идеал Бруно, который он назвал героическим энтузиазмом.

В учении о человеке, органически связанном с космологией Бруно, можно видеть материалистические тенденции, отличающие его философскую систему в целом. Бруно с его близким к атеизму пантеизмом, с его непримиримостью к религии как главному врагу знания и прогресса навлек на себя гнев католической церкви, увидевшей в нем опаснейшего противника. Учение Бруно, впитавшее лучшие достижения гуманистической философии и естествознания эпохи Возрождения, было решительным вызовом всей системе старого мировоззрения. Этот вызов стал осознанной целью всей жизни Бруно — борца против невежества, предрассудков и религии, их насаждавшей и поддерживавшей. Но силы оказались неравными — Бруно сожгли на костре, католическая реакция торжествовала.

Трагична судьба и двух последних титанов итальянского Возрождения — Галилея, провозгласившего опыт единственной основой научного знания, и Кампанеллы, выступившего с социальной утопией, в которой общество без классов и эксплуатации стало воплощением гуманистического идеала Возрождения.

В трехвековом периоде истории итальянского гуманизма можно выделить условно три главных этапа: XIV — середина XV в. (эпоха раннего гуманизма), вторая половина XV в. и, наконец, XVI — начало XVII в. Эти хронологические периоды не вполне совпадают, однако, с общей периодизацией культуры Возрождения в Италии — Треченто, Кватроченто, Чинквеченто (XIV, XV, XVI в.). Но и последние этапы условны, поскольку одна из особенностей итальянского Возрождения — неравномерное развитие отдельных его сторон.

[97] Там же, стр. 124.
[98] Там же, стр. 125—126.
[99] Там же, стр. 171—172.

Если изобразительное искусство и архитектура подчиняются новым принципам уже в XV в., то ренессансный театр и музыка складываются в Италии лишь в XVI в. [100]

Не беря на себя задачу дать исчерпывающую характеристику особенностей развития итальянского гуманизма на каждом из перечисленных этапов, попытаемся указать на некоторые из них. В раннем гуманизме обращает на себя внимание практическая целенаправленность нового мировоззрения и его светский характер. Источником гуманистических идей в этот период служит преимущественно латинская литература, а их носителями выступает небольшая группа гуманистов и сравнительно узкий круг образованных людей, принадлежащих к высшим слоям города. Во второй половине XV в. гуманистические идеи приобретают теоретическую, философскую основу и часто облекаются в более отвлеченную форму, чем прежде. Идейным источником нового мировоззрения становятся не только латинские, но и греческие классики, ставшие доступными в оригинале и многочисленных переводах. Гуманистические науки в середине XV в. завоевывают твердые позиции в ведущих университетах Италии (во Флоренции, Болонье, Ферраре, Неаполе); новая интеллигенция вырастает в заметную социальную прослойку и пользуется широким покровительством правителей. Гуманистические идеи и ренессансное искусство становятся достоянием широких слоев общества (начиная с торгово-ремесленной среды и кончая феодальной аристократией и частью духовенства).

Особенностью последнего этапа в развитии итальянского гуманизма (XVI —первая половина XVII в.) можно считать постепенное затухание гуманистического движения, связанного с подъемом гуманитарных знаний. Во второй половине XVI в. базой формирования нового мировоззрения оказывается не только античная философия, но и естествознание, а подлинными носителями передовых идей — не столько гуманисты-профессионалы, сколько ученые, занимающиеся физикой, математикой, медициной. Традиционный гуманизм, опирающийся на филологию, диалектику, риторику, приобретает академический характер; к концу XVII в. в нем укореняются черты застойности, консерватизма.

Распространение гуманистических идей в широких слоях общества, усилившееся в первые десятилетия XVI в. благодаря книго-

[100] Об искусстве итальянского Возрождения см. работы: *В. Н. Лазарев.* Происхождение итальянского Возрождения, т. 1. М., 1956, т. 2. М., 1959; *Е. Ротенберг.* Искусство Италии. Средняя Италия в период Высокого Возрождения. М., 1966, *Б. Р. Виппер.* Борьба течений в итальянском искусстве XVI века. М., 1956; *Б. Бернсон.* Живописцы итальянского Возрождения (перевод с англ.). М., 1965; *A. Chastel.* Art et humanisme à Florence au temps de Laurent le Magnifique. Paris, 1959; *W. Durant.* The Renaissance. New York, 1953.

печатанию, прервала католическая церковь. Католическая реакция была призвана восстановить пошатнувшиеся позиции церкви. Отношение церкви к ренессансной культуре резко изменилось. Если во второй половине XV в.— первые десятилетия XVI в. папство охотно покровительствовало новому искусству и не препятствовало гуманистическому движению (лишь постольку, поскольку последнее не посягало на устои католицизма), то с середины XVI в., после Тридентского собора, католическая церковь выступала как ярый враг и душитель культуры Возрождения.

Столь резкий поворот в позиции церкви стал неизбежным, кроме прочих причин, в силу самого характера новой идеологии и культуры, во многих своих чертах противоречившего принципам церковно-католического мировоззрения. Утверждение в эпоху Возрождения светской иделогии и культуры в широких слоях итальянского общества нанесло серьезный удар господству религиозно-теологической идеологии и церковной культуры.

В гуманистическом мировоззрении, несмотря на различие школ и направлений, сложилось единое ядро, определившее сущность и главную особенность новой идеологии, отличную от господствовавшей церковной идеологии. Это ядро составила совокупность собственно гуманистических идей, наполняющих содержание понятия «гуманизм эпохи Возрождения». Прежде всего — это признание высокого достоинства человеческой личности и ее творческих способностей. Созидание, творчество (будь то труд, как у Альберти, или активность разума, как у Фичино) — главное свойство человеческой природы. В этом принципе можно видеть то общее, что объединяет все гуманистические течения и направления и что прямо отрицает христианскую догму о ничтожности человеческой природы по сравнению с внематериальными сущностями, о бесконечной пропасти между творениями рук человека и его разума и творениями божественными. Гуманистическая идея активной жизнедеятельности человека, непосредственно вытекающая из признания высокой ценности его творчества, никак не совпадала с проповедью пассивности и терпеливого ожидания милости божьей.

Яркой чертой гуманистического мировоззрения был культ человеческого разума и его способностей к познанию мира. Не вера, а разум выступает у гуманистов главной силой, определяющей и направляющей действия человека; разум и творчество неразделимы. Ценность разума как частицы божественного в человеке признавалась и многими католическими теологами, но акцент делался на возможности проникновения в тайны мироздания лишь в божественном откровении — способность человеческого разума к самостоятельному познанию действительности сводилась к минимуму. Гуманисты, не отрицая роли божественного откровения, переносили его на самые высокие ступени познания, открывая простор

творческим возможностям разума человека в познании как его внутреннего мира, так и окружающей действительности. Сфера человеческого знания, науки, философии при этом значительно расширялась, а роль теологии сводилась лишь к познанию божественных субстанций. Гуманисты были единодушны в признании активности самого процесса познания и его самостоятельности, независимости от божественной воли. Леонардо да Винчи, Бруно и Галилей важным условием знания считали опыт, что еще более подчеркивало творческие возможности человека в познании действительного мира. Все это подготовило полный отрыв науки от теологии и религии.

Знание, поскольку оно определяет творчество, провозглашалось многими гуманистами как главная цель человеческого бытия, рассматривалось как высшая этическая цель. В системе добродетелей так называемые теологические добродетели во главе с верой уступили место добродетелям разума — знанию, мудрости, благоразумию, воспринятыми из античной этики.

Стремление к знанию рассматривалось не только как путь к моральному совершенствованию каждого человека, но приобретало характер общественного долга. Принцип служения обществу, определивший назначение человека, был общим для всех направлений в гуманизме, хотя эта идея приобретала различные конкретные формы: политическая деятельность — у Салютати, Макиавелли; труд — у Альберти, Бруно; занятия наукой — у Ландино, Пико. Даже в тех случаях, когда целью жизни провозглашались личная польза и наслаждение, как у Валлы, эгоистический принцип не вступал в противоречие с общественным благом. Эпикурейские теории эпохи Возрождения имели скорее антиаскетическую направленность, чем антиобщественную.

Гуманизм решительно порвал с аскетической этикой католицизма. Осуждение института монашества, лицемерного аскетизма и ханжества духовенства стало содержанием многих гуманистических трактатов. Идее пренебрежения плотью во имя свободы религиозного духа противопоставлялись теории гармонии тела и души, чувств и разума во имя совершенства человеческой природы, ради высшего проявления творческих способностей человека.

Перечисленные особенности гуманистической идеологии лишь в основных чертах характеризуют мировоззрение эпохи Возрождения и далеко не исчерпывают всего богатства его содержания, однако именно эти черты представляются нам наиболее важными и существенными для понимания общего характера итальянского гуманизма.

Но если новое мировоззрение в существе своем противоречило многим важным принципам господствующей католической идеологии, то отношение гуманистов к религии и церкви далеко не всегда

22. *Рафаэль Санти. Женский портрет. Флоренция. Галерея Питти*

находилось в соответствии с их передовыми идеями. Большинство итальянских гуманистов, несмотря на решительную подчас критику отдельных церковных институтов, осуждение пороков духовенства и папства, никогда не порывало с католической церковью и, более того, проявляло полную лояльность к ней в повседневной жизни. Идеи Реформации не волновали гуманистическую интеллигенцию Италии, и к вопросам культа и веры в целом она проявляла полное равнодушие. Что же касается проблемы философского обоснования религии, то она, наоборот, вызывала большой интерес у многих гуманистов, особенно во второй половине XV в. в связи с возрождением платонизма.

Основы католической теологии, как правило, не подвергались сомнению. Учение о боге, душе, о системе мироздания не стало

главной сферой рождения новых идей. Лишь Помпонацци в учении о душе и Бруно в теории мироздания осмелились отойти от идеалистической концепции католицизма. И в том, что идеалистическая система объяснения мира оставалась господствующей и не вызывала сомнений у большинства теоретиков гуманизма, можно видеть одну из слабых сторон нового мировоззрения. Слабостью итальянского гуманизма, особенно на первых двух этапах его развития, можно считать и отсутствие ярких и значительных оригинальных концепций — слишком велики были сила и влияние античного наследия. Вся система гуманистической науки создавалась в Италии в строгом соответствии с канонами древних; всюду господствовал авторитет греческих и латинских авторов. Однако культ античности, характерный для всего ренессансного движения в Италии, не привел к простому возрождению и воссозданию почти забытой в средние века греческой и римской культуры. Она не только сделалась достоянием общества, но ее достижения оказались переосмыслены и приспособлены к условиям эпохи XIV—XVI вв. При этом не было отброшено полностью и средневековое наследие. Гуманистическая идеология формировалась в христианско-языческой оболочке.

Только к концу Возрождения начали проявляться черты самостоятельности и оригинальности новой идеологии, когда ее базой в большей мере стали естественные науки, чем гуманитарные, слишком тесно связанные с античным наследием. Блестящий пример этому — научная и философская система Джордано Бруно. Но она уже подводила черту гуманистической эпохе и знаменовала начало идеологии нового времени. Если попытаться оценить роль гуманизма в социальном развитии Италии эпохи Возрождения, то нужно обратиться к анализу самой действительности этого времени. Здесь мы ограничимся лишь некоторыми общими замечаниями, которые, разумеется, не могут играть роли окончательных выводов, но скорее носят характер гипотезы.

Мировоззрение эпохи Возрождения сложилось в переходную эпоху, отделявшую средневековье от нового времени, и несло на себе неизбежно следы влияния этого сложного по своей социальной структуре периода. Историческая задача гуманизма как мировоззрения переходной эпохи состояла в том, чтобы подготовить почву для свободного развития науки, высвободить ее из системы иррационального мышления и отделить от религии. Принципы рационального мировоззрения сложились на этой почве уже в новое время, в эпоху утверждения господства капиталистических отношений и буржуазии, чьи объективные исторические условия отражала рациональная система мышления.

Гуманизм эпохи Возрождения, стиснутый рамками религиозно-идеалистической схемы мироздания, не свободный от умозритель-

но-схоластического метода мышления и еще не обладающий принципами научного метода познания действительности, по своей сути не может быть охарактеризован как мировоззрение буржуазное. Как в явлении переходного типа, в гуманистической идеологии сочетались черты старого и нового, зрело новое качество, постепенно разрушающее старую форму, но этот процесс смог завершиться лишь в эпоху нового времени, в XVII—XVIII вв., и не в Италии, где он был прерван католической реакцией и общим упадком страны, а в других европейских странах, шедших по восходящему пути капиталистического развития.

Но в рамках эпохи Возрождения формирующееся новое мировоззрение, во многом отражавшее раннекапиталистические тенденции, играло прогрессивную общественную роль. Культ разума, знания и творчества, окрасивший главное содержание гуманистической идеологии в Италии, расчищал путь свободному развитию науки, скованному тысячелетним господством религии и теологии в средние века. Естествознание уже в XVI в. сделало первые серьезные шаги в сторону действительной науки. Гуманизм продолжил светские тенденции в развитии идеологии и искусства, наметившиеся в Италии еще в XII—XIII вв., и утвердил право на существование самостоятельной светской культуры. В этом можно видеть одно из главных достижений эпохи Возрождения в Италии.

10

ИТАЛЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ

«Вы постоянно толкуете мне об Италии, а между тем я ее никогда не видел».

Ответ Лодовико Моро флорентийскому послу (3.III 1494 г.)

Среди факторов, неблагоприятно отразившихся на социально-экономической истории Италии,— таких, как турецкая экспансия в Восточном Средиземноморье, перемещение центра международной торговли в Атлантику,— особую и даже решающую роль сыграли так называемые Итальянские войны 1494—1559 гг. Завоевательные походы Франции и Испании, в течение 65 лет опустошавшие и разорявшие полуостров, особенно его северную и центральные части, превратившие его в поле битвы между крупнейшими политическими силами тогдашней Европы, закончились установлением более чем на 200 лет иноземного господства на большей части полуострова.

Эти войны не только на время прервали, но и деформировали естественное политическое и экономическое развитие страны. Иноземные нашествия не были новостью для Италии. В течение всего средневековья империя и отдельные группы французских и испанских феодалов неоднократно пытались захватить и подчинить себе эту богатую страну. Но всегда в конечном итоге итальянские города выходили победителями из этого противоборства — факт утверждения на юге страны (в Неаполе) иноземной династии — анжуйской в XIII в. и арагонской с 1442 г.— не противоречит этому общему положению. Даже Арагонское завоевание не повлекло за собой государственного подчинения Неаполитанского королевства

Испании (за исключением Сардинии и Сицилии). Уже с 1459 г. неаполитанская арагонская династия приобрела формальную и фактическую самостоятельность от метрополии, проявив тенденцию к ассимиляции, к превращению в «национальную» неаполитанскую династию.

Трагизм положения Италии в конце XV в. перед угрозой иностранного нашествия состоял в том, что она, лишенная даже тени национального единства, впервые столкнулась не с эфемерной империей или отдельными группами иноземных феодалов, а с сильными централизованными государствами, оказавшимися способными не только к значительным территориальным завоеваниям, но и к прочному включению завоеванных частей в свою собственную государственную систему.

Политическая борьба, почти столетие сотрясавшая полуостров, завершилась к середине XV в. созданием некоей политической системы, в которой ведущую роль играли пять сравнительно крупных государств, охватывавших подавляющую часть территории полуострова [1]:

Венецианская республика и герцогство Миланское в Северной Италии; флорентийское государство Медичи в Средней; Папское государство, владения которого включали территорию как Северной, так и Средней Италии, растянувшись вдоль восточного края полуострова от Сполетто на юге до Равенны на севере; юг полуострова занимало Неаполитанское королевство. Наряду с ними и между ними сохранились и мелкие государства, являя собой как бы предел и резерв объединительных и экспансионистских устремлений своих более сильных соседей: городские республики Сиена и Лукка в Тоскане; синьории Мантуя и Феррара — небольшие островки, зажатые между владениями папы, Венеции и Милана; три феодальных государства на крайнем северо-западе полуострова — герцогство Савойское, маркизаты Салуццо и Монферрато.

Политическая система равновесия являлась не выражением сознания общности интересов входящих в нее государств (слишком различны были они по своим политическим и экономическим характеристикам), а лишь способом нейтрализации экспансионистских устремлений друг друга (а подчинение мелких государств крупными составляло одну из главных черт политической истории Италии в предшествующее столетие) [2]. В основе ее лежало то, что на какой-то срок потенциальные возможности этой экспансии оказывались исчерпанными.

[1] Они были почти равны по территории и численности населения — от 1,5 до 1,7 млн. человек; самым маленьким было Флорентийское государство, население которого составляло только 800 тыс. человек.

[2] См. выше, гл. 6.

Трудно судить, насколько процесс складывания региональных государств, даже на Севере и в Центре, где он происходил вокруг крупных городов — Венеции, Милана, Флоренции, естественных торгово-промышленных центров своих областей,— можно рассматривать как этап на пути преодоления территориальной раздробленности Италии, так как естественное течение его прервалось в тот момент, когда формирование этих государств было еще далеко от завершения, не только внешне, но и главным образом в смысле их внутренней консолидации.

Можно присоединиться к мнению современного итальянского историка Пьеро Пьери о том, что иностранное вторжение застало итальянские государства в «наиболее деликатный момент их развития», и в этом, вероятно, следует искать разгадку того, что еще современники называли «величайшим позором Италии» — крушения (crollo) ее государств при первом же толчке извне, вначале фактическую, а затем и формальную потерю независимости большинством ее государств.

Та быстрота, с которой Италия, столь блестящая страна, стоявшая во главе экономического и культурного развития тогдашней Европы, стала добычей иноземцев, тех, кого итальянцы с высоты своей культуры называли не иначе, как «варварами», потрясла современников и участников событий. Два великих итальянца — Николо Макиавелли и Франческо Гвиччардини, первые историки в современном нам смысле этого слова,— стоят у истоков историографии Итальянских войн[3], основным вопросом которой был и остается вопрос — почему? Действительно, почему, когда, как пишет Гвиччардини в своей «Истории Италии», «достигшая в итоге (системы равновесия.— *К.*) мира и спокойствия, возделанная вся от плодородной равнины до скудных гористых земель, не подчиняющаяся никакой другой власти, кроме своей собственной, она была самой изобильнейшей не только своим населением, своей торговлей, своими богатствами, но и славилась великолепием своих властителей, блеском своих многочисленных благороднейших городов, которые прославлены людьми, искусными в управлении общественными делами, умами, сведущими во всех науках, людьми, искусными и изобретательными во многих ремеслах и по обычаю того времени не лишенными и военной славы, украшены великими учеными так, что по заслугам и по справедливости страна наша пользовалась уважением, известностью и славой?» И эта Италия в течение жизни одного поколения пришла в столь жалкое состояние.

[3] *N. Machiavelli.* Ritratto delle cose di Francia (1510—1511); *idem.* Il Principe (1512); *Fr. Guicciardini.* Storia d'Italia (1538—1540).

Гвиччардини дает лишь общий и в целом негативный ответ: не честолюбие миланского правителя Лодовико Моро, но слабость всей системы, частью которой он был, не его злосчастное желание власти, но хрупкость и неудовлетворительность государственной системы итальянских городов были истинной причиной падения Италии — таков лейтмотив его сочинения. Н. Макиавелли был первым, кто попытался рассмотреть конкретные причины «итальянского кризиса». Помимо того зла, которое принесла Италии система наемных войск, основной порок итальянских государств секретарь Флорентийской республики видел в разрыве, существовавшем между «государем и пополанами» (principe e populo), в том, что политика итальянских князей была в своей основе отличной от политики французского короля, который в противоположность итальянским государям, по мнению Макиавелли, заботился и поддерживал свободное развитие торговли и сельского хозяйства и поэтому пользовался поддержкой буржуазии во всех своих начинаниях: «Лучшая крепость [для князя] не быть ненавидимым пополанами» (la migliore fortezza e non essere odiato dal populo).

Отсюда берут свое начало два направления в объяснении событий, потрясших Италию в конце XV — первой половины XVI в.: поиски общих причин и проблема личной ответственности. Последняя являлась преобладающей в историографии эпохи Рисорджименто.

Пьетро Верри[4] и Чезаре Бальбо[5] видели в Моро, в его политике прямого попустительства французскому завоеванию Неаполитанского королевства, все последующие беды Италии: «Моро — предатель, наиболее ненавистный памяти каждого итальянца». Это общее обвинение породило целый поток апологетических или инвективных сочинений, за и против отдельных деятелей начала Итальянских войн, не иссякающий и до сих пор. П. Пиери[6] считал, что Моро, как и любой итальянец, ненавидел иностранных захватчиков, и ошибочно рассматривать его как виновника похода Карла VIII; как бы ответом на историческое оправдание политики Моро является блестящая работа Дж. Саранцо[7], защищающая политику Александра VI. Последней по времени появления, ставящей во главу угла проблему личной ответственности, является

[4] *P. Verri.* Storia di Milano. Firenze, 1851.

[5] *C. Balbo.* Sommario della storia d'Italia dalle origini fino a' nostri tempi. Firenze, 1859.

[6] *P. Pieri.* Studi sulla crisi italiana alla fine del s. XV. — «Archivio storico Lombardo», 1923.

[7] *G. Saranzo.* Papa Alessandro VI e la discesa di Carlo VIII re di Francia in Italia, in: «Il tempo di Alessandro. VI papa e di fra G. Savonarola». Milano, 1960.

работа американского историка Б. Фергюсона[8]. Он приходит к выводу о «личной невиновности Л. Моро»: его политика порождалась общей итальянской обстановкой, и, оставшись в изоляции, он вынужден был броситься в объятия Карла VIII и извечного врага Италии — императора.

Крупнейший итальянский историк литературы Фр. де Санктис выдвинул развивавшийся затем многими историками тезис о моральном упадке итальянского общества конца XV в., сопровождавшемся отрывом от народной основы идеологов этого общества — итальянских гуманистов, как причине внутренней слабости Италии. В конце XV — начале XVI в. гуманисты, как и все общество в целом, утратили какие-либо идеалы — религиозные, моральные, политические. Итальянцы, пораженные язвой крайнего индивидуализма, политической индифферентности и скептицизма, оказались неспособны к какому-либо сопротивлению[9].

Стремлением выйти за пределы чисто моральных и идеологических причин «итальянского кризиса XV в.» отмечена книга немецкого историка Э. Фютера[10]. Он, пожалуй, впервые попытался поставить эту проблему в международном плане. Одной из главных причин поражения Италии он считал ее политическую раздробленность и неспособность выдержать соревнование с такой державой, как Франция, «страной, где политическая цель позднего западноевропейского средневековья — консолидация — была уже достигнута и вследствие этого концентрация военных, политических и финансовых средств в одних руках давала возможность использовать их наиболее эффективным образом».

Идею общей политической слабости итальянских государств, раздираемых внутренними противоречиями, преследующих только свои партикулярные интересы, перед лицом «централизованных противников» — Франции и Испании — развивает и Н. Валери[11], усматривая самую причину этой политической слабости во «всеобщем кризисе итальянской свободы», в падении коммунального правления и победе синьориальных режимов.

Последним достижением итальянской историографии в решении проблемы Итальянских войн следует считать соответствующие главы «Истории Италии» (они написаны Франко Каталано), учи-

[8] *B. R. Ferguson.* Europe in transition 1300—1520. Boston, 1962.

[9] *Фр. де Санктис.* История итальянской литературы. М., 1964.
Эта точка зрения нашла отражение и в художественной литературе XIX в. См. новеллу К. Ф. Мейера «Искушение Пескары» (*К. Ф. Мейер.* Новеллы, стихотворения. М., 1958).

[10] *E. Füeter.* Geschichte des europäischen Staatensystems von 1492 bis 1559. München, 1919.

[11] *N. Valeri.* Italia nell'età dei principati dal 1343 al 1516. Milano, 1949.

тывающие все многообразие факторов — экономических, социальных, политических и международных, которые решали судьбы итальянских государств в конце XV — середине XVI в. Однозначного решения этой комплексной проблемы быть не может. И все же, видимо, тезис, выдвинутый П. Пьери, позволяет ухватиться за главное ее звено. Однако для окончательного ее решения требуется целая серия специальных работ по экономической и социально-политической истории итальянских государств второй половины XV в., по истории внутриполитической эволюции итальянской синьории — все эти проблемы остаются пока белым пятном в детально разработанной истории Италии эпохи Возрождения [12].

Первым объектом иностранной агрессии оказалось Неаполитанское королевство — наиболее слабое из всех итальянских государств не только в политическом, но и в экономическом отношении.

Арагонская династия, потратившая столетие на свое утверждение в Неаполитанском королевстве (1343—1442), не располагала ни силами, ни временем для того, чтобы преодолеть слабость и внутреннюю дисгармонию государства. Королевская власть не имела опоры ни в одном из слоев общества.

Сам феодальный класс делился по крайней мере на три, зачастую враждебные друг другу группы: местное провинциальное баронство — дикое и непокорное, сохранившее в своих феодах по существу еще всю полноту политической власти; мелкое дворянство, которое в противоположность, например, французскому не поддерживало королевскую власть, ибо оно ничем ей не было обязано, сохраняло по традиции тесную связь с баронами и составляло военную силу их отрядов. Макиавелли весьма точно характеризовал обе эти группы господствующего класса Неаполитанского королевства как «лишенные всякой способности к политической жизни».

Подавление последней вспышки феодального мятежа (баронского восстания 1485—1486 гг.) и резкий поворот неаполитанского короля Ферранте I в сторону ограничения политической власти баронства только внешне укрепили позиции королевской власти. Анархические устремления феодалов были пресечены, но не ликвидированы, что кстати, отчетливо выявилось при приближении Карла VIII к границам Неаполя, когда бароны подняли мятеж.

[12] Обширную библиографию по всем проблемам Итальянских войн см. *F. Chabod*. Gli studi di storia del Rinascimento. Cinquant'anni di vita intellettuale italiana. Napoli, 1950; *W. R. Ferguson*. La Renaissance dans la pensée historique. Paris, 1950; *E. R. Labande*. L'Italie de la Renaissance. Paris, 1944.

Отдельной группой правящего класса феодалов являлась столичная аристократия, в подавляющем большинстве испанского происхождения. Она захватила в свои руки все места в государственном управлении, составляла основу королевского аппарата и вызывала ненависть остальных неаполитанских феодалов; но с местной династией она была связана еще слабо, больше ориентируясь на собственные владения в Испании, чем на Неаполь.

Города с их немногочисленной, еще только зарождающейся буржуазией, купечеством и ремесленниками, несмотря на богатство, не играли сколько-нибудь заметной роли в политической жизни. В Неаполе горожане не принимали решительно никакого участия даже в городском управлении. В экономическом отношении, в деле обеспечения внешних связей они целиком зависели от североитальянских городов, точнее от банкиров и купцов Флоренции и Венеции; для местной же королевской власти они служили главным образом объектом беспощадной налоговой эксплуатации. Те немногочисленные и робкие мероприятия по развитию экономической жизни страны, упорядочению налоговой системы и увеличению политической роли городов в противовес феодалам, которые пытался осуществить Ферранте I буквально накануне начала французской агрессии, не могли еще дать сколько-нибудь ощутимых результатов.

Низшие классы общества — ремесленники, крестьяне, задавленные непомерной феодальной эксплуатацией и налоговым гнетом, не только не могли быть опорой для правительства, но, напротив, питали некоторые иллюзии об изменении своего положения при смене власти.

Особую, весьма значительную прослойку населения южноитальянских городов, особенно Неаполя, составлял плебс — предки будущих знаменитых неаполитанских лаццароне. Лишенный всякой политической организации, подкармливаемый аристократией и дворянством, он представлял собой материал огромной взрывчатой силы, который мог быть использован разными группами господствующего класса.

Восстание городского плебса Неаполя во многом решило его судьбу во время первого французского похода.

Таким образом, пользуясь словами современника, венецианского историка М. Санудо, можно сказать, что «арагонский дом не имел никого, кто бы остался ему верен, ни среди горожан, ни среди крестьян, ни даже среди собственных вассалов» [13].

Папское государство — «самая крупная аномалия в Европе» — состояло из конгломерата феодальных владений, автономных ком-

[13] *M. Sanudo*. La spedizione di Carlo VIII, re di Franzia in Italia. Venezia 1873, p. 193.

мун и отдельных полунезависимых государств-синьорий, иногда очень эфемерно связанных с папством (например, Феррара и Мантуя). Почти для всех папских владений характерным являлось, так сказать, «двоевластие» — они управлялись, с одной стороны, папскими легатами, а с другой — местными коммунальными властями (Перуджа) или синьорами. Многие области Папского государства находились под сильным влиянием или в фактическом владении других крупных государств Италии: мелкие синьории Марки — в сфере венецианского влияния, Умбрия — флорентийского; Романья — наиболее богатая и передовая область, состоявшая также из отдельных синьорий (из которых самой крупной была Болонья), служила одним из основных объектов территориальных претензий Венеции, Милана и Флоренции, уже владевших здесь рядом опорных пунктов (Венеции принадлежала Равенна, Флоренции — Форли, Милану — Пезаро). Центр Папского государства — Римская Кампанья, Маритима и Патримоний — фактически находился в руках папских баронов во главе с вечно враждующими семьями Орсини и Колонна.

В ходе Итальянских войн состояние государства во многом определяло позицию папы как одного из итальянских правителей. Стремясь унифицировать и централизовать свои владения, папы неизменно старались использовать военные и политические силы то одной, то другой из борющихся сторон.

Такой же, хотя и в неизмеримо меньшей степени, незавершенностью юридической унификации подвластной территории отличалось и Миланское герцогство (самое большое из региональных государств Италии, включавшее почти всю территорию современной Ломбардии.

Процесс создания регионального государства имел там уже более чем вековую традицию, и в Милане прочно утвердилась власть синьора, принявшая при Лодовико Моро черты, близкие к абсолютизму. На территории герцогства, в основном в пограничных областях, существовало еще около десятка независимых феодов, владельцы которых к тому же являлись прямыми вассалами германского императора, как, впрочем, и сам герцог. Оставался далеко еще не преодоленным партикуляризм отдельных городов, которые продолжали владеть многочисленными привилегиями, ограничивающими их подчинение центральной власти. Это очень отчетливо обнаружилось в 1447 г., когда после смерти Филиппо-Мариа Висконти все города дуката, кроме Новары и Алессандрии, объявили о своей независимости от Милана.

Противоречия между столицей и остальными городами дуката дополнялись противоречиями между столичным и провинциальным дворянством. Последнее было крайне недовольно ограничением доступа к государственному управлению (в состав Тайного герцог-

ского совета входила только столичная аристократия), к государственному аппарату, а следовательно, и к эксплуатации государственного фиска. Назревал также конфликт между герцогом и аристократическо-купеческой олигархией Милана. Достаточно мощная и сплоченная, она, способствуя укреплению герцогской власти, рассчитывала использовать ее как прямое орудие в собственных интересах. Усиление абсолютистских тенденций Лодовико Моро лишало ее такой надежды. При первом же появлении французов близ Милана в 1499 г. этот давно намечавшийся разрыв стал реальностью. Миланская олигархия при поддержке средней буржуазии и народа открыто перешла на сторону завоевателей.

Можно ли на основании приведенного выше перечня внутренних противоречий, характеризующих положение Миланского государства накануне похода Карла VIII, говорить об инволюции миланской синьории, об отходе ее правителя Лодовико Моро от политики своих предшественников, неизменно ограничивавших права феодалов (Моро вновь ввел в практику продажу феодов со всеми юридическими прерогативами), патронировавших торговлю и промышленность, искавших поддержку у буржуазии и в бюрократическом аппарате? [14] Вряд ли. Как и его предшественники, Моро отлично понимал необходимость такой политики для процветания государства, необходимость тесного контакта с буржуазией для упрочения собственной власти. Но напомним, что Моро пришлось как бы заново утверждать эту власть в государстве, узурпировав ее у своего племянника. В этом он, как и его предшественники, опирался главным образом на ломбардское дворянство.

Утверждение власти требовало сосредоточения в его руках больших денежных средств, отсюда увеличение налогов, введение новых государственных монополий, ограничивающих свободу торговли, в частности, хлебной. Как только новый герцог получил подтверждение своих прав на престол (императорская инвеститура, официальное признание со стороны других итальянских государств), в его внутренней политике наметился поворот в пользу буржуазных элементов. Сам Моро писал в одном из писем 1494 г., что его основная забота — «получить благоволение пополанов (di gratificarsi li popoli), добиться расположения (procacciarsi la loro affezzione)» [15]. Эту политику отразили указы 1494 г. о свободе торговли, отмене налога на ввоз хлеба в Милан, сокращении косвенных налогов на предметы первой необходимости и даже отмене некоторых габелл, разрешение пользоваться лесом в резервированных

[14] См. выше, гл. 6, стр. 324.

[15] *F. Catalano*. La crisi italiana alla fine del secolo XV. Belfagor, 1956, n. 4, p. 420 sgg.

ранее для герцогской охоты местах и ряд других[16]. Эта политика, правда, не всегда была последовательной, а главное — не успела дать эффективных результатов. К тому же при французском правлении буржуазия надеялась достичь большего — перехода власти непосредственно в ее руки.

Во Флорентийском государстве, где всякие политические претензии феодального дворянства были разбиты еще в XIII—XIV вв. длительной антимагнатской политикой флорентийской буржуазии, в конце XV в. на первый план выступили противоречия между Флоренцией и городами подчиненного ей дистретто.

Объединение Тосканы в тех пределах, в каких оно осуществилось к середине XV в., проходило исключительно в интересах торгово-промышленных кругов самой Флоренции. Местная олигархия не только не имела доступа к государственному управлению, но и на местах ее права весьма существенно ограничивались. Своеобразная протекционистская политика, проводившаяся Медичи в интересах промышленности и торговли Флоренции, приводила к гибели внешней торговли и некоторых отраслей ремесла (например, местного высококачественного сукноделия)[17]. Таким же своекорыстием отличалась и налоговая политика Флоренции[18]. Город-гегемон, таким образом, оказался единственным, кто извлекал выгоды из территориального объединения. Французские города поступались своими привилегиями в пользу королевской власти, получая взамен этого реальные выгоды: защиту от чрезмерной эксплуатации их феодалами и поддержку центральной властью их торгово-промышленной деятельности внутри и вне страны. В Италии же, и в частности в Тоскане, где политическое сопротивление феодалов было давно сломлено, а города достаточно сильны, чтобы самим обеспечить необходимые торговые связи и экономическое процветание, выгоды от объединения представлялись делом далекого будущего. Пока же такие города Тосканы только и ждали удобного случая, чтобы освободиться от ненавистного ига Флоренции. Приход французов в Тоскану в 1494 г. явился как раз подходящим моментом. Полностью воспользоваться благоприятными обстоятельствами смогла только Пиза, которая в течение 15 лет (1494—1509) с невыразимым упорством отстаивала свою свободу, отняв

[16] Ibid., p. 423—424. Отметим, что Каталано связывает все эти мероприятия только с боязнью восстания в случае прихода французов, но в 1494—1495 гг. непосредственной угрозы Милану еще не было.

[17] *P. Silva.* Intorno all'industria e al commercio della bana in Pisa. — «Storia dell'economia italiana», a cura di C. M. Cipolla. Torino, 1959, p. 123—162; *E. Fiumi.* San Gimignano. Firenze, 1961, p. 170—192.

[18] M. Becker. Problemi della finanza pubblica fiorentina.— «Archivio storico italiano», 1965, disp. IV, p. 463—465.

у Флоренции не только колоссальное количество денег и сил, но и нанося ущерб ее торговле, лишив столь необходимого выхода к морю. Пизанское восстание — только наиболее яркое выражение противоречий между Флоренцией и городами дистретто. С исторической точки зрения эта борьба за «свободу» носила реакционный характер, ее можно сравнить с партикуляристскими устремлениями южнофранцузских городов в XVI в. во время религиозных войн. Но пизанская буржуазия этого не понимала и продолжала борьбу. Такие попытки неоднократно делали и другие города Тосканы: Ареццо (1494, 1498 гг.), Пистойя (1501 г.). Это в значительной мере определило постоянную пассивность флорентийской внешней политики в период Итальянских войн и ее полную зависимость от Франции (до 1527 г.).

Особое положение среди региональных государств полуострова занимала аристократическая республика Венеция, отличавшаяся от прочих завидной монолитностью и прочностью строя.

Несмотря на то, что она последней закончила подчинение своего региона (terra ferma), ей в значительно меньшей степени, чем другим государствам Италии, были присущи те внутренние противоречия, которые разрывали Милан и Флоренцию. Объясняется это не только всем известной воспитанной веками монолитностью ее правящего класса и мудростью его политики, но и тем обстоятельством, что, являясь в основном, в отличие от Флоренции, торговым центром, Венеция не была заинтересована в подавлении промышленной деятельности подвластных ей городов. Напротив, именно после включения в состав Венецианской республики шерстяное производство Вероны и Бреши, полотняное — Кремы достигают необыкновенного расцвета. Это обеспечило ей деятельную поддержку торгово-промышленных слоев всех городов terra ferma в тяжелейшее для республики время, когда она стала объектом агрессии объединенной коалиции Франции, Империи и папы (1508—1513). Верность республике населения ее городов смогла нейтрализовать антивенецианскую деятельность местного дворянства и олигархии, как и везде проявлявших активное неудовольствие в связи с лишением их всяких привилегий и низведением до положения простых чиновников Венеции.

Совершенно особое и удивительное обстоятельство, не свойственное более ни одному итальянскому государству — заинтересованность в сохранении целостности Венецианского государства крестьянства terra ferma и беднейших слоев городского населения. На подвластных землях венецианское правительство благодаря богатству метрополии смогло существенно снизить налоговое бремя, наиболее тяжело ложившееся на плечи именно низших классов. К этому нужно добавить и то, что собственно венецианцы только в конце XV в. начали приобретать земельные владения на terra ferma, вы-

тесняя местных землевладельцев. Эта перемена хозяев на первых порах приносила некоторое облегчение крестьянам [19].

«Свобода рук» в области внутренней политики позволила Венеции наряду с папством не только играть активную роль на всем протяжении Итальянских войн, но и сохранить независимость и целостность своей территории.

И все же перечисленные признаки внутреннеполитической слабости отдельных государств Италии вряд ли можно рассматривать как проявление кризиса, точнее они являются следствием незавершенности процесса внутреннего развития региональных государств Италии, который наткнулся на такое мощное деформирующее препятствие, как иностранная агрессия.

Политическая пестрота полуострова дополнялась экономической неравномерностью развития его частей. Когда говорят о необыкновенном, блестящем развитии итальянских городов, их торговли и промышленности в XII—XIV вв. [20], то часто забывают, что вся южная и половина Средней Италии не имела к этому расцвету прямого отношения, как, впрочем, и некоторые части Северной Италии (Пьемонт, альпийские области). Поэтому, коль скоро речь заходит об упадке в XV в., можно сосредоточить внимание на наиболее передовых областях страны, так как именно они в конечном итоге определяли общее состояние экономики полуострова.

При общем взгляде на экономическое положение Италии в XV в. обращают внимание на ряд тревожных фактов. Прежде всего — потеря Италией монопольных позиций в торговых связях стран европейского континента с Востоком; утрата монополии в области банковского дела (финансирование европейских государств) и в производстве и сбыте сукон вначале на рынках Европы, а затем и Востока. Кроме того, явно обнаруживается стремление части купцов и банкиров, накопив огромные богатства, отойти от активной торгово-промышленной деятельности и вкладывать капиталы в приобретение земельной собственности, в банковские операции и государственные займы.

Что касается первого, то необходимо подчеркнуть, что это была утрата именно монопольного, исключительного положения Италии в ряде отраслей европейской экономики. Ее обусловило быстрое развитие промышленности и торговли в странах Западной Европы, где складывались мощные национальные государства, промышленность и торговля которых получала не только финансовую, но и политическую и военную поддержку. Это изменение роли Италии

[19] *A. Ventura.* Nobiltà e popolo nella società veneta del' 400 e' 500. Bari, 1964, p. 167—188.

[20] *A. Sapori.* L'età del'rinascimento ss. XIII—XIV. Milano, 1957, p. 235.

в общеевропейской экономической конъюнктуре еще не могло привести в XV в. к значительному сокращению ее промышленной продукции, торговли и банковских операций. Что же касается второго, то тяга торгово-промышленных и ремесленных кругов к приобретению земельной собственности отнюдь не является чем-то присущим именно XV в. Для решения же вопроса, не была ли в XV в. нарушена пропорция между «капиталовложениями» в торговлю и промышленность, с одной стороны, и в приобретение земли с другой, мы пока не располагаем достаточным количеством данных, говорящих о составе капитала даже наиболее крупных промышленников и банкиров.

В середине XV в. итальянская посредническая торговля испытала жестокие удары. Тем более поражает та быстрота и энергия, с которой Генуя и Венеция, особенно пострадавшие от турецкой экспансии, сумели изменить ориентацию своей торговли, перенести центр тяжести ее: первая — в Западное Средиземноморье, Испанию и Португалию, вторая — в порты Северной Африки, в Сирию и Египет. В 1332—1345 гг. пунктом назначения всех венецианских галер, ушедших в восточном направлении, были порты Черного моря и Восточного Средиземноморья; общая прибыль от этих рейсов оценивалась в 100 400 золотых дукатов. В 1400—1412 гг. галеры отправлялись как в Черное море, так и в Сирию и Египет, они дали 96 300 золотых дукатов, из них 78% пришлось на порты Леванта. В 1443—1456 гг., т. е. в годы самых тяжелых потерь на Востоке, венецианские купцы удвоили стоимость своих перевозок в Левант: из 129 галер (против 111 в 1400—1412 гг.), покинувших венецианский порт, 123 отправились в Сирию и Египет; общая прибыль от этих рейсов составила 221 510 золотых дукатов (при этом нужно учесть возросшую долю накладных расходов — в связи с турецкой опасностью пришлось увеличить вооружение и военный конвой купеческих галер)[21]. Для конца XV в. (1495—1496 гг.) имеются следующие данные о восточной торговле Венеции: в Сирию на венецианских галерах отправлено товаров на 500 тыс. золотых дукатов, в Александрию на 190 тыс.[22] Из этих же районов в Венецию доставлено товаров на общую сумму 350 тыс. золотых дукатов. И после взятия Константинополя Венеция не полностью утратила свои позиции на территории бывшей Византии. Отдельные купцы сохраняли там фактории вплоть до начала XVI в.[23]

[21] *F. Thiriet.* Observation sur le trafic des galées vênetiennes.— «Studi in onore di A. Fanfani». Milano, 1962, v. III, p. 495 и сл.

[22] *G. Priuli.* Diarii.— RIS, N. Ed., t. XXIV, parte III, p. 30, 48, 59.

[23] *F. Thiriet.* Les lettres commerciales des Bembo et le commerce vénetien dans l'Empire Ottoman à la fin du XV s. — «Studi in onore di A. Sapori», t. II. Milano, 1957, p. 911, sgg.

23. *Памятник фра Джироламо Савонароле. XV в. Феррара*

Генуя также сумела в основном возместить потери на Востоке, освоив Западное Средиземноморье. Сосредоточив в своих руках почти всю итальянскую торговлю в этом районе и транзитные перевозки других стран, она до первой четверти XVI в. сохранила монополию в бурно развивавшейся торговле Испании и Португалии. В области судостроения ее первенство также оставалось бесспорно. В 1473 г. на генуэзских верфях строилось втрое больше кораблей, чем в XIV в.[24]

Что касается торговли Ломбардии и Тосканы, то в ней в XV в. также еще не видно никаких признаков упадка. Напротив, для Ломбардии характерно не только увеличение торговых операций через Венецию, но и бурное развитие сухопутной торговли с немецкими городами через альпийские перевалы. Первое место в этой торговле занимали миланские купцы, обслуживавшие торговлю не только своего города и контадо, но всей области, что значительно облегчалось мерами по улучшению и развитию природной сети речных путей. Только между 1439 и 1476 гг. было построено 90 км судоходных каналов.

Основу вывоза составляла продукция местного производства — бумазея, шелк, шафран, рис. В конце XV в. купеческая коллегия (Camera dei mercanti di Milano) открыла новые постоянные резиденции в Бари, Генуе, Лионе и Марселе. Большую роль в обороте ломбардских купцов играли легкие шерстяные ткани, которых с 70-х годов XV в. доставляли из Брюгге, Лилля и Англии — как для удовлетворения потребностей внутреннего итальянского рынка, так и для отправки на Восток через Венецию. Одновременно Милан пользовался и услугами генуэзских купцов для получения высококачественной английской шерсти: в 1452 и 1458 гг. генуэзские купцы приобрели для этой цели в Англии по 200 мешков шерсти.

Не менее активно организовывала свою собственную экспортную торговлю Флоренция. Затратив немало сил, энергии и средств (в 1406 г. была завоевана Пиза, и в 1421 г. у Генуи куплен за 100 тыс. золотых флоринов порт Ливорно), флорентийские купцы сумели использовать открывающиеся перед ними возможности прямой экспортной торговли с Востоком. Сразу же после приобретения портов было создано специальное ведомство Консулов моря (Consoli dell mare) для строительства флота, который вскоре не уступал по численности торговому флоту Венеции, и организации регулярных рейсов. Уже в 1421 г. галеры под флорентийским флагом отправились в Александрию, Константинополь и Брюгге. Галеры строились государством с тем, чтобы затем сдавать их в наем

[24] *J. Heers* Genês au XV s. Paris, 1961, p. 363—473.

Итальянские войны 1494 - 1559 гг.
Походы французских королей в Италию
Карла VIII в 1494 г
Франциска I в 1515 г
Франциска I в 1524-25 гг
Поход имперских войск в 1527 г.
1527 Дата взятия и разрушения Рима имперскими войсками
Владения испанских Габсбургов в XVI в.
ГЕНУЯ Итальянские города, находившиеся под влиянием Габсбургов
Городские восстания в Италии
Границы даны на 1559 г. (мир в Като-Камбрези)
Цифрами на карте обозначены:
1 - герцогство Мантуя
2 - герцогство Феррара (с 1598 г. к Папской области)
3 - маркграфство Монферрат
4 - республика Лукка
5 - республика Сан-Марино
6 - республика Дубровник
7 - герцогство Урбино
8 - к Франции 1548-1601 гг.
0 60 120 180 км
СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ
КОРОЛЕВСТВО ФРАНЦИЯ
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
РЕСПУБЛИКА ВЕНЕЦИЯ
ГЕРЦОГСТВО САВОЙЯ
ПАПСКАЯ ОБЛАСТЬ
КОРОЛЕВСТВО САРДИНИЯ
КОРОЛЕВСТВО ОБЕИХ СИЦИЛИЙ
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
ТИРРЕНСКОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
ИОНИЧЕСКОЕ МОРЕ
ЛИГУРИЙСКОЕ МОРЕ
Генуэзский залив
Венецианский залив
залив Таранто
Страсбург
Пассау
Аугсбург
Мюнхен
Зальцбург
Лангр
Дижон
Базель
Констанц
Цюрих
Боденское оз.
Безансон
Берн
Инсбрук
пер. Бреннер
Женевское оз.
пер. Сен-Готард
Кьявенна
оз. Лаго-Маджоре
Женева
пер. Сен-Бернар
Лион
Тренто
Беллуно
Аквилея
Триест
оз. Комо
Комо
Бергамо
Виченца
Верона
Новара
Милан
оз. Гардо
Мариньяно
Верчелли
пер. Мон-Сени
Кивассо
Павия
1515
Мантуя
Падуя
ВЕНЕЦИЯ
Гренобль
Суза
Турин
1525
Ференцуола
пер. Мон-Женевр
Мон-Дофен
Амбрен
Асти
Алессандрия
Парма
Модена
Феррара
Пола
Барселоннет
Салуццо
Кучео
ПЬЕМОНТ
ГЕНУЯ
Понтремоли
Болонья
Равенна
Задар (Цара)
Дюранс
Экс
Марсель
Ницца
Лукка
1527
Флоренция
САН-МАРИНО
Урбино
Анкона
Сплит (Спалато)
Пиза
Ливорно
Ареццо
Сиена
Ассизи
Сполето
Терамо
Чиета
ДУБРОВНИК
Которь
Аяччо
о. Корсика
Витербо
ОБЛАСТЬ ПРЕЗИДИИ
1527
РИМ
Тальякоццо
Веллетри
Понтекорво
Манфредония
Лучеро
Бари
Капуя
Беневенто
Неаполь
1647
1648
Салерно
Потенца
Бриндизи
Таранто
о. Сардиния
Кальяри
Козенца
Мессина
Палермо
Реджо
о. Сицилия

отдельным купцам или компаниям, т. е. по такой же системе, как в Венеции. В 1428 г. Строцци арендовали 3 галеры, а в 1429 г.— 4 для отправки товаров в Англию и Францию. Вскоре эти рейсы стали регулярными: ежегодно из Порто Пизано отправлялось в Англию и Фландрию, Каталонию, в Северную Африку и на Восток от 3 до 6 больших галер. Всего за 1421—1472 гг. в этих направлениях было совершено более 200 рейсов. В расходах по снаряжению судов активно участвовали не только частные лица, но и государство. Таким образом, торговые позиции Флоренции в Европе еще более упрочились, а на Востоке даже были расширены [25].

Во время турецко-венецианской войны 1463—1479 гг. флорентийские купцы утвердились на берегах Черного моря. По договору 1483 г. турецкий султан Баязет обязался покупать ежегодно 5 тыс. кусков флорентийского сукна, а в 1498 г. было подписано еще одно предпочтительное для флорентийских товаров соглашение. Именно в XV в. Флоренции удалось получить ряд существенных привилегий в Тунисе и Египте, точнее — вернуть себе те привилегии, которыми пользовалась там некогда Пиза (соглашения 1421 и 1422 гг.). Еще в 1507 г. в Константинополе было от 60 до 70 флорентийских купцов, оборотный капитал которых оценивался в 500—600 тыс. дукатов.

Основу итальянской внешней торговли в XV в., помимо транзита, продолжали составлять товары собственного производства — сукна, шелковые и хлопчатобумажные ткани, стекло, керамика, бумага, изделия художественного ремесла и предметы роскоши. Особо широкой известностью и в Европе, и на Востоке пользовались знаменитые флорентийские сукна. Господствующее положение этих сукон на внешнем рынке, а следовательно, и бурное развитие флорентийского сукноделия, было подорвано развитием производства сукон во Фландрии в середине XIV в., не уступающих флорентийским по качеству.

Но в начале XV в. спад флорентийского сукноделия прекратился: данные, собранные А. Д. Роловой, говорят о том, что уровень производства на протяжении XV в. оставался в общем стабильным: И это несмотря на следующие, несомненно неблагоприятные для

1309 г. — 300	мастерских	с общим	производством	100 тыс.	кусков
1338 г. — 200	»	»	»	70—80 тыс.	»
1373 г. — »	»	»	»	30 тыс.	»
1378 г. — »	»	»	»	24 тыс.	»
1427 г. — 279	»	»	»	19 тыс.	»
1472 г. — 270	»	»	»	24—25 тыс.	»
1494 г. — 280	»	»	»		

[25] *M. E. Mallett.* The florentine galleys in the fifteenth century. Oxford, 1967.

развития флорентийского сукноделия факторы: 1) развитие высококачественного английского сукноделия и выход его на международный рынок (уже в середине XV в. Англия вывозила 50 тыс. кусков сукна); 2) развитие собственного сукноделия в Испании и Франции, в котором также появляются экспортные сорта; 3) изменение вкусов — тот тип сукон, на производстве которого специализировалась Флоренция, все больше выходил из моды, его вытесняли шелка и легкие шерстяные ткани; 4) очень дорогие флорентийские сукна (их стоимость в 3—4 раза превышала стоимость обычных сукон) имели довольно ограниченный круг потребителей. Общий же объем производства сукон более низкого качества, чем флорентийские, не только не упал, но возрос в XV в., так как сукноделие в той или иной степени развивалось не только во Флоренции и контадо, но буквально проникло во все уголки Тосканы[26]. К сожалению, точных данных о размере этого производства нет.

Общий объем производства тканей в Италии XV в., несмотря на неполноту сведений, все же не дает оснований говорить об общем упадке этой отрасли промышленности. Только через Венецию ежегодно вывозилось 48 тыс. кусков ломбардских сукон, 16 тыс. флорентийских, 40 тыс. кусков кремонской фланели. Маленькая Павия доставляла в Венецию тканей больше, чем на 200 тыс. дукатов. А ведь это далеко не исчерпывает всего объема экспортной торговли, а следовательно, и производства, так как известно, что Флоренция сама вывозила около 14 тыс. кусков сукна, Ломбардия вела широкую торговлю с Германией, Южной Францией, Генуя экспортировала итальянские ткани в Испанию и Португалию.

Кроме того, никак не учтен объем внутриитальянской торговли, в частности торговли Тосканы и Неаполитанского королевства и производства тканей на экспорт в более мелких центрах — таких, как Лукка, Сиена и др. Все исследователи отмечают, что производство сукон, как и шелковых тканей, вышло за пределы крупных и средних городских центров Ломбардии, Тосканы, Лигурии, Венето и проникло во все уголки этих областей. Широкое распространение шелкоткачества в Италии XV в. и его процветание общеизвестно[27] только во Флоренции в 83 мастерских в 1472 г. (в 1494 г. их насчитывалось уже 120) производилось ежегодно шелковых тканей не менее, чем на 400 тыс. золотых флоринов. Потребителями флорентийских шелков являлись Южная Франция, Антверпен, Англия, страны Востока, а в самой Италии — Рим, Неаполь, Сицилия, Марка. Отметим также такие центры шелкоткачества, как Милан,

[26] *A. Sapori.* Studi di storia economica (secoli XIII—XIV—XV), v. I. Firenze, 1955, p. 455, 467, 573.

[27] О шелковом производстве см. *P. Pieri.* Intorno alla storia dell'arte della Seta in Firenze. Bologna, 1927.

Болонья, Венеция, Генуя, Лукка. На международном рынке итальянские шелка занимали почти монопольное положение до середины XVI в. Застой в итальянской промышленности XV в. проявился не в сокращении общего объема ее продукции, а в неподвижности ее форм. В структуре текстильного производства в Италии в XV в. не происходит каких-либо изменений. Господствующей остается рассеянная мануфактура, скрытая под оболочкой цеховой организации. Новая развивающаяся отрасль — шелкоткачество — проходит в своем развитии тот же путь, что и сукноделие. А оружейное дело, например в Милане, несмотря на значительный объем, не перерастает форм простого ремесленного производства.

Централизованная мануфактура не получает сколько-нибудь широкого распространения (если не считать генуэзского и венецианского судостроения), что, однако, не исключает некоторых ее зачатков не только в производстве тканей, но и, например, в кожевенном производстве, о чем свидетельствуют цеховые статуты, например статуты Перуджи 1431, 1437 и следующих годов, все более детализирующие условия труда и оплаты наемных рабочих (lavoranti). Наиболее же распространенной была следующая структура производства: мастер-суконщик, шелковщик, кожевенник, владеющий лавкой и одной или несколькими мастерскими, где производится окончательная отделка товара; он же раздает отдельным ремесленникам сырье и оплачивает производство готового продукта; в целом все это предприятие финансируется купцом, иногда в компании с мастером. Одновременно отдельные отрасли текстильного производства все более выходят не только за пределы города, но и контадо, как, например, шелкомотание. Увеличивается доля чисто купеческого капитала в организации производства (в частности в Генуе и Милане), который все сильнее подчиняет себе деятельность цеха и отдельных ремесленников.

А. Сапори характеризует XV в. как время, когда вообще не происходило каких-либо качественных изменений в организации промышленности, торговли и банковского дела. В то же время он отмечает значительные количественные сдвиги. Те формы, которые еще только зарождались в XIV в., в XV в. приобретают широчайшее распространение. Это относится в первую очередь к такой форме объединения, как компания, которая проникает теперь не только во внешнюю, но и во внутреннюю торговлю, а также во все отрасли ремесла и, что очень важно, приобретает межгородской и межобластной характер. Наряду с этим она модернизируется, становится более подвижной [28], что тоже косвенно свидетельствует о

[28] *A. Sapori.* L'età..., p. 463; *B. Casini.* Aspetti della vita economica e sociale di Pisa dal Catasto del 1428—1429. Pisa, 1965, p. 81.

развитии экономической активности вширь.

Сельское хозяйство в средневековой Италии занимало важное место по количеству занятого в нем населения, но в экономической жизни страны не играло большой роли; его продукция служила главным образом источником питания для самого сельского населения и населения небольших городов. Крупные городские центры, особенно на Севере и в Тоскане, жили в основном за счет импортного хлеба, который привозился из Сицилии и Северной Африки. Экспортных отраслей сельское хозяйство Италии до второй половины XIV в. не имело.

Так как данные по аграрной истории Италии XV в. еще более скудны, чем по истории промышленности и торговли, характеристика сельского хозяйства Италии XV в. поневоле оказывается слишком общей.

В XV в. удельный вес сельского хозяйства в экономике полуострова, безусловно, возрос за счет общего роста продукции и увеличения его роли как поставщика сырья для промышленности Италии и других стран. С этим связано более широкое развитие ряда технических культур и овцеводства.

Широкое распространение получило выращивание тутовых деревьев и разведение шелковичного червя. Культура тутового дерева, до 1409 г. известная главным образом на Юге, распространилась по всей Италии, вплоть до предгорьев Альп. О размерах данной отрасли хозяйства говорит тот факт, что растущая шелкоткацкая промышленность Италии до середины XVI в. почти полностью удовлетворялась местным сырьем. В Ломбардии получила развитие культура индиго, обеспечивающая потребность в этом красителе не только местной промышленности, но и широко экспортировавшаяся в Англию; то же можно сказать и о шафране, который выращивали в Тоскане и Абруццах: им снабжали текстильную промышленность Южной Германии. Среди отраслей, постепенно приобретавших экспортный характер, можно назвать также виноделие, маслоделие (оливковое масло все чаще фигурировало среди статей восточной торговли) и рисоводство (ломбардский рис уже в XV в. известен в Германии).

Именно к XV в. относится «неслыханный расцвет мелкой земледельческой культуры, организованной по типу садоводства», отмеченный еще К. Марксом[29]. Это хорошо прослеживается по земельным актам того времени: участки, определяемые еще в XIV в. как необработанные, поросшие кустарником и т. д., вытесняются садами, виноградниками, почти все пахотные участки имеют и культурные насаждения — оливы, фруктовые и тутовые деревья.

[29] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 23, стр. 728.

Все эти улучшения в сельском хозяйстве Италии, особенно Северной и Центральной, связаны также с изменением в структуре землевладения и землепользования. Уже в XIV в. основным землевладельцем в Северной Италии и Тоскане становится горожанин, серьезно потеснивший не только светских, но и духовных феодалов. И если в крупном землевладении наряду с купцами и банкирами (флорентийцами Медичи, Строцци, Гвиччардини, миланцем Томмазо Грасси и др.) большую роль еще играет землевладение монастырей (миланского Сант-Амброджо, тосканского Камальдоли или падуанского Сан-Джустино) и владения таких феодалов, как Маласпина, Мирандола или Каррара, то в среднем землевладении этих областей преобладание городского элемента несомненно. В целом на Севере и в Центре преобладало, вероятно, мелкое и среднее землевладение; среднее и на протяжении XV в. продолжает развиваться в ущерб крупному и мелкому. Для флорентийского контадо, например, это движение приблизительно таково[30]:

	Мелкое	Среднее	Крупное
1427 г.	28,9%	32,2%	39,9%
1498 г.	25,5%	40,3%	34,2%

Изменения в структуре землевладения в XV в. не всегда влекли за собой изменения в структуре землепользования. Разделенная на средние и мелкие участки, земля сдавалась в обработку крестьянам или обрабатывалась самими владельцами (мелкое землевладение). Основным видом землепользования, вероятно, оставалось в XV в. вечно-наследственное или долгосрочное держание (либелла), особенно на Севере, но наряду с этим с конца XIII в. все большее распространение получает краткосрочная аренда за определенный денежный взнос (affitto) или за часть урожая (mezzadria), последняя особенно в Тоскане. Превращение испольной формы аренды, которую К. Маркс с экономической точки зрения характеризует как форму, переходную к капиталистической, в систему несомненно связано с переходом земель в руки купцов и промышленников, с вложением в землю части свободных капиталов, накопленных в торговле и промышленности. При аренде на условиях медзадрии землевладелец не просто сдавал землю, но и участвовал в ее эксплуатации, предоставляя арендатору половину скота и семян, а иногда и часть рабочей силы. При этом нужно учесть, что новая система аренды несла с собой существенные изменения аграрного пейзажа — на смену мелким, иногда разрозненным участкам (pezie

[30] *E. Conti.* La formazione della struttura agraria moderna nel contado fiorentino, v. III, pt. 2. Roma, 1965, p. 26—103.

terre) приходят более компактные podere, которые не совсем удачно определяются в русском языке как «поместье». Чтобы создать такое podere, землевладелец должен был путем покупок объединить некоторое количество участков, построить дом и другие хозяйственные постройки, а иногда, как, например, в Ломбардии, провести и мелиоративные работы. Таким образом, доля урожая, которую вносил арендатор, частично являлась земельной рентой, а частично возмещением капитала, вложенного землевладельцем в хозяйство.

Экономическая характеристика испольной арены и определение ее роли в развитии капиталистических отношений в итальянской деревне XV в. пока не представляются возможными ввиду почти полной неразработанности этого вропроса в литературе и отсутствия массовых публикаций испольных контрактов. Заметим, однако, что краткосрочная аренда была делом, несомненно, выгодным для землевладельца. По данным для округи Вероны, доходность земель, находившихся в краткосрочной аренде, возрастала и составляла в 1486 г. 15,5% с пахотных земель и 20,5% с участков, содержащих пашню и виноградник, в то время как доход от либеллярных держаний неизменно падал от 5% в XIV в. до 1,8% в 1482 г.[31]

Учитывая необычайное разнообразие в социально-экономическом уровне развития отдельных областей Италии, нельзя без длительного обследования каждой из них говорить об общем распространении медзадрии, особенно в ее классической форме, даже во всех наиболее развитых областях полуострова. Однако преобладание ее в Тоскане в XV в. несомненно: в округе Сан-Джиминьяно (близ Флоренции) 62,3% земель сдавалось в аренду на условиях медзадрии. Во флорентийском контадо доля медзадрии составляла от 80 до 93% на землях горожан и до 70% на землях церкви.

Распространение краткосрочной аренды и переход массы земельных владений к новым собственникам, очевидно, оказывали влияние и на эволюцию либеллярного держания, которое все более сближалось либо с собственностью (свободное распоряжение держанием вплоть до отчуждения), либо с краткосрочной арендой (сокращение сроков либеллярного держания с 19—29 лет до 6—10: происходит как бы «разветвление» либеллы). Наряду с этим наблюдается все более активное вмешательство собственника в хозяйственную деятельность держателя. Условия либеллярного договора все чаще содержат обязательства засевать пашню не только пшеницей, насаждать плодовые и тутовые деревья и т. п.

Если учесть, что эти изменения влекли за собой также увеличение взноса за держание, вносимого, как правило, натурой, необхо-

[31] *M. Lecce.* Beniferrieri di ospitalieri veronese sec. XII—XVIII.

димость вносить определенную плату при возобновлении договора и ряд других тягот для держателя, то можно считать, что в целом положение держателей в XIV—XV вв. имело тенденцию к ухудшению. Но эта тенденция значительно смягчилась общим подъемом сельского хозяйства, а также снижением в крупных государствах налогового бремени. Такая обстановка, вероятно, явилась одной из причин, почему, несмотря на ухудшение условий землепользования и усиление эксплуатации держателей и арендаторов, Италия XIV—XV вв. совершенно не знала тех крестьянских восстаний, которые потрясали в это время другие страны Западной Европы.

Приведенная выше обобщенная характеристика сельского хозяйства нуждается, однако, в уточнениях: во-первых, в ограничении ее только наиболее передовыми областями Северной Италии — из нее выпадают такие области, как Фриуль, Пьемонт, а также ряд феодальных владений в Лигурии и Тоскане, где феодальное вечно-наследственное держание полностью сохранило свое господство, а крестьяне были обременены не только многочисленными поземельными, но и личными поборами. Кроме того, из этой характеристики нужно полностью исключить Папскую область и Неаполитанское королевство, где феодализм пустил очень глубокие корни и не подвергся разлагающемуся влиянию городов. Здесь крестьянские массы, задавленные повинностями, становившимися все более многочисленными, были привязаны к земле системой наследственных держаний. Для сельского хозяйства этих областей в XV в. характерен упадок, особенно в Неаполитанском королевстве. Именно там, в Калабрии, разразилось крестьянское восстание 1459—1461 гг.

Разорение, которое принесли с собой Итальянские войны, испытало прежде всего сельское хозяйство страны, особенно северной ее части (на территории Папского государства и Неаполитанского королевства военные действия не велись после 1504 г.); ее поля топтали свои и чужеземные солдаты, сжигавшие урожаи и обременявшие жителей поборами, постоями и реквизициями. К середине XVI в. сельское хозяйство пришло в полное расстройство. Промышленность же и торговля после замирения страны пережили даже некоторое оживление, чтобы в конце века окончательно прийти в жалкое состояние.

Итак, несмотря на некоторые тревожные симптомы в развитии экономики в XV в., Италия продолжала оставаться наиболее развитой страной Европы, хотя, вероятно, и отстающей по темпам развития от таких стран, как Франция и Англия. По богатству же и блеску своих городов она не знала себе равных. И это — не последняя причина, почему Италия стала ареной многолетних ожесточенных битв крупнейших государств Европы — Франции, Испании и Империи, когда они вступили в борьбу за политическое и экономическое первенство в Европе.

С 1469 г. итальянские государства были объединены Всеобщей лигой в некую политическую систему, известную под названием «системы итальянского равновесия». Суть этого равновесия заключалась не столько в сознательной политике отдельных правителей Италии, сколько в исчерпании потенциальных возможностей наиболее крупных государств расширять свои территории. Ни одно из них не было слишком слабым, чтобы другие могли даже общими усилиями подчинить его или разделить его владения, и ни одно не было достаточно сильным, чтобы покорить соседа. Эта система не несла в себе никаких объединительных тенденций — она преследовала цель сохранить status quo, а следовательно, объективно, закрепить раздробленность Италии.

Непрочность системы итальянского равновесия обнаружилась при первой же угрозе иностранного вторжения, когда стало ясно, что давнишний план Франции возвратить себе анжуйское наследство — Неаполитанское королевство — может стать реальностью (1491 г.).

Итальянские государства увидели возможность использовать французское вмешательство в собственных интересах. Со своей стороны Франция заботилась о том, чтобы подыскать себе союзников на полуострове. В первую очередь ее интересовала позиция Лодовико Моро, что определялось географическим положением Миланского герцогства. Дело в том, что французские войска, двигаясь на юг, неибежно должны были пройти через Ломбардию. Естественно, для Моро было важно, чтобы в его владениях оказались войска союзника, а не врага, тем более, что положение его в это время стало неустойчивым. Узурпировав власть у своего племянника Джан-Галеаццо, Моро вступил в прямой конфликт с арагонским домом Неаполя, который требовал восстановления прав Джан-Галеаццо, женатого на Изабелле, внучке Ферранте I Арагонского. В этой ситуации Франция, сама претендовавшая на Неаполь, выступила союзником Моро, хотя в любой момент Карл VIII мог переменить фронт и сговориться с Ферранте против Моро.

Возможность французского похода не оставила равнодушной и Венецию, мечтавшую приобрести принадлежавшие Неаполю апулийские порты. Милан и Венеция первыми заключили союз с Карлом VIII (январь 1492 г.). Папа Александр VI, давно конфликтовавший с Неаполем из-за прав на некоторые феоды, долго колебался, но в конце концов в октябре 1493 г. уступил настоятельным требованиям Франции и обещал беспрепятственный проход через свои владения и инвеституру на Неаполитанское королевство (которое официально находилось в вассальной зависимости от папы).

Одновременно Лодовико Моро, Александр VI и венецианский сенат, хорошо сознавая опасность французской агрессии, заключили тройственный союз (25 апреля 1493 г.), целью которого провозгла-

шалось «поддержание мира в Италии». Но всем была ясна его антинеаполитанская направленность — Неаполю даже не предложили участвовать в новой лиге. Правитель Флоренции Пьеро Медичи отказался примкнуть к ней, оставшись единственным, хотя и пассивным, союзником Неаполя. Тройственная лига официально не имела антифранцузского характера. Напротив, в договоре лиги специально оговаривалось, что она не затрагивает союзные отношения сторон с Францией. Для Моро этот тройственный союз имел немалое значение, ибо одна из статей договора признавала его законным правителем Милана.

Таким образом, Италия уже накануне похода Карла VIII разделилась на два враждебных лагеря: Милан, Венеция, папа — с одной стороны, и Неаполь и Флоренция — с другой. Один лагерь ориентировался на Францию, другой — на Испанию. Последнюю пока, правда, рассматривали только как потенциального союзника. На первом этапе Итальянских войн — накануне и во время похода Карла VIII — Испания не обнаружила большой охоты вмешиваться в судьбу Неаполитанского королевства. Несмотря на неоднократные просьбы Ферранте I, она не оказала ему никакой помощи, ограничившись несколькими неопределенными заявлениями дипломатического характера. Летом же 1495 г. в связи с успехами французской экспедиции она послала мощный флот для защиты Сицилии.

Несмотря на деятельную военную и дипломатическую подготовку Франции к походу, итальянские государства все еще питали надежду на то, что он не состоится: Франция не сможет начать военные операции в ближайшее время из-за бездарности ее короля, ничтожности его советников, внутренних неурядиц и внешних осложнений — таков общий вывод венецианского посла Закария Контарини в его обширном донесении Сенату об общем положении Франции буквально накануне похода[32]. Флорентийский посол оказался менее категоричным, заявив: «Чтобы разобраться в здешних делах, нужно быть гадателем или магом, человеческого разума здесь недостаточно»[33]. Уже осенью 1494 г., когда французская армия перешла через Альпы, венецианский купец и политический деятель Дж. Приули записывал в своем дневнике, что «это было дело, чрезвычайно всех удивившее»[34]. В реальность экспедиции поверили только, когда к армии прибыл сам король.

Свои внешние затруднения (конфликты с Англией, Испанией и Империей) Франции удалось уладить в 1493 г. заключением серии договоров. Для решения же внутренних проблем итальянский

[32] Relazioni degli ambasciatori veneti. Venezia, 1889 s. I, v. IV, p. 16.
[33] Négociations diplomatiques de la France avec la Toscana, t. I. Paris, 1859, p. 256.
[34] *G. Priuli.* Diarii, p. 3.

поход был просто необходим. Он давал возможность найти занятие и средства к существованию для многочисленного бедного французского дворянства, единственным занятием и источником дохода которого являлась война. Французская аристократия рассчитывала получить новые феоды, купечество — опорные пункты в Южном Средиземноморье.

К тому моменту, когда поход Карла VIII стал реальностью, итальянские государи, в частности Лодовико Моро, успели уладить многие разногласия, напряженность внутриитальянской обстановки разрядилась: Моро получил подтверждение своих прав на герцогство Миланское; Венеция видела, что она сможет получить апулийские порты в обмен на одно лишь обещание союзных отношений с Неаполем; Александр VI урегулировал споры из-за феодов в Неаполитанском королевстве и очень опасался появления там такого соседа, как французский король. Но узел был уже завязан крепко, и изменить что-либо — уже не зависело от отдельных итальянских государей. Предпринятые же Моро попытки сколотить общеитальянскую антифранцузскую лигу — единственное, что могло бы предотвратить французскую угрозу,— не дали результата главным образом из-за равнодушия Венеции. Посольство Моро к Светлейшей осталось безрезультатным. «Они полагают, что только выиграют, оставаясь в стороне и глядя, как другие властители Италии будут тратиться и страдать»,— доносил из Венеции миланский посол. Позиция Светлейшей определила отношение к антифранцузской лиге и других государств Италии.

Французский посол Перон де Баски, выяснявший отношение к французскому походу и посетивший кроме Милана (осень 1493 г.) также Венецию, Феррару, Флоренцию и Рим, нигде не встретил дружеского приема, хотя и не получил явного отпора. Все собирались следовать совету флорентийского посла Джентиле Бекки: «Лучше стоять на якоре между Миланом и Неаполем — пусть чешутся те, у кого зуд». Путь в Италию французским войскам был открыт. Летом 1494 г. авангард французской армии появился в Романье и на Лигурийском побережье, а в первых числах сентября, пройдя через перевал Монедженевро, в Италию вторглись и основные части во главе с Карлом VIII. Навстречу им в Геную направился неаполитанский флот, в Романью — армия под командованием герцога Калабрийского. Первые же поражения итальянцев как бы предрешили исход дальнейших военных действий. Жестокость французов на поле боя и по отношению к мирным жителям потрясла современников. Итальянцы, хотя и воевали за последнее столетие много и часто, не привыкли к таким кровопролитиям. По выражению одного из хронистов, итальянцы пришли в состояние панического ужаса (timore panico), и этот ужас был в значительной мере причиной того, что дальнейшее завоевание осуществлялось не силой

оружия, а мелом (col gesso), которым французские квартирьеры помечали дома для постоя французских войск. Города и сильные крепости сдавались без боя.

Из Пьемонта Карл VIII триумфальным маршем направился на юг через Пьяченцу и Павию и далее через Апеннины в Луниджану и Тоскану. Этой дорогой (вместо той, что шла по побережью Адриатики) он воспользовался, так как учитывал настроение мелких феодалов этих областей, недовольных властью Флоренции. Пройдя через Луниджану и зверски разграбив по пути Фивиццано, Карл вышел к Сарцане. На этом участке пути через дикую и безлюдную местность, гористые ущелья и болота французская армия подверглась огромной потенциальной опасности, ибо могла быть уничтожена даже малыми силами. Но никто об этом и не помышлял.

В Сарцану вскоре прибыл вконец перетрусивший Пьеро Медичи, соглашавшийся на полную капитуляцию Флоренции на очень тяжелых условиях. Но осуществить условия столь позорного договора французам не удалось. Возмущенные флорентийцы восстали (8 ноября) и создали новое правительство, объявившее об изгнании Медичи. Хотя Флоренция находилась поистине в отчаянном положении — без войска, без поддержки ряда городов (восстали Пиза, Ареццо, Монтепульчано), новому правительству удалось организовать дело так, что Карла VIII встретили не как завоевателя, а как возможного союзника. Правда, условия нового договора были все же достаточно тяжелы: уплата 120 тыс. флоринов контрибуции, передача важнейших крепостей французским гарнизонам, дальнейшая помощь Карлу VIII в завоевании Неаполя. Основную задачу новое правительство Пьеро Каппони видело в том, чтобы как можно скорее спровадить французскую армию из Флоренции и из Тосканы вообще. 28 ноября французы покинули город, предварительно разграбив сокровища дворца Медичи. Из Флоренции Карл направился в Рим, сопровождаемый упорными слухами о намерении провести реформу церкви, что особенно восстановило против него папу. Но Карл и не думал об этом, ему нужно было прежде всего получить от папы инвеституру на Неаполитанское королевство.

При приближении французов Александр VI заперся в крепости св. Ангела, но наведенные на нее пушки быстро примирили его с королем. 31 декабря он вступил в переговоры. 15 января 1495 г. они завершились к обоюдному удовольствию, и Карл VIII беспрепятственно двинулся к Неаполю. В стране вспыхнуло новое баронское восстание. Крепости сдавались одна за другой. Фердинанд II, наследник Ферранте, бежал. 22 февраля Карл VIII вступил в столицу как триумфатор и освободитель. Народ бежал вслед за ним, крича «Карло, Карло, Франция, Франция!»; по словам Коммина, его встречали, как «иудеи мессию, кто не мог поцеловать руку, целовал ногу».

Каковы же причины столь неожиданного и блестящего успеха Карла VIII? Совершенно очевидно, что французское завоевание нельзя считать результатом военного поражения итальянских государств — военных действий по существу не происходило. В своей основе это было политическое поражение, следствие внутренних противоречий государств полуострова, остроту которых не смягчила даже внешняя опасность, последствия которой многие предвидели. Характерны в этом отношении «пророческие» письма наиболее слабого и подвергавшегося наибольшей угрозе государя Ферранте Неаполитанского (умершего накануне французского вторжения), где он, моля о помощи и единении, предсказывал грядущую катастрофу: «Французы ни разу еще не приходили в Италию без того, чтобы не повергнуть ее в прах. А предстоящий их приход, если хорошенько в него вдуматься, будет таков, что повлечет за собой общую гибель, хотя и грозят пока лишь нам одним». Но, как мы видели, эти призывы остались втуне. Каждый думал только о себе, надеясь уйти от опасности путем сепаратных соглашений, с наименьшими потерями, а иногда и с выгодой за счет ослабления соседа.

В Неаполе, несмотря на некоторые меры, принятые Карлом, чтобы обеспечить поддержку торгово-ремесленных кругов и народа (предоставление прав в городском самоуправлении, попытка упорядочить взимание налогов), французам не удалось добиться прочного положения. Надежды, которые возлагали на приход французов некоторые круги Неаполитанского королевства, не сбылись: французы пришли грабить, чем они и занялись в первую очередь — как официально, так и неофициально. Для содержания огромной армии объявлялись все новые поборы. Французская администрация оказалась еще более продажной. Земли и замки широко раздавались французским дворянам из свиты короля. К этому нужно добавить грабежи и бесчинства французских солдат. «Наши не считали итальянцев за людей»,— писал Коммин в своих мемуарах. Для того, чтобы возбудить единодушную ненависть и поставить себя и армию под угрозу всеобщего восстания, Карлу VIII понадобилось всего 50 дней.

Одновременно с севера, из Венеции, пришло грозное известие о создании антифранцузской Лиги, в которую вошли Лодовико Моро, Венеция, папа Александр VI, германский император и Испания.

Таким образом, уже на первом этапе Итальянских войн в борьбу оказалась втянута и Испания, несмотря на возражения некоторых государей, в частности Моро. «Если у нас сейчас одна болячка, то тогда их будет две»,— предупреждал он венецианский Сенат. Всех участников Лиги по разным причинам не могло не беспокоить намерение Карла VIII, утвердившись на Юге, попытаться подчинить себе и другие государства Италии.

Известие о создании Лиги явилось полной неожиданностью для Карла VIII. Реляции его посла Филиппа де Коммина, находившегося все время в Венеции, были самые успокоительные. Итальянцам же удалось обмануть проницательнейшего французского дипломата, поставив его перед фактом подписания договора. Создание Лиги сделало катастрофическим и без того нелегкое положение французов в Италии. 20 мая 1495 г. Карл VIII, боясь быть отрезанным от Франции, спешно покинул Неаполь и, оставив гарнизоны в разных крепостях страны, быстро двинулся на север.

6 июля французы и войска Лиги встретились в долине реки Таро у Форново. Это была, вероятно, одна из самых беспорядочных битв в истории. Итальянские хронисты расходятся даже в том, сколько она длилась: одни утверждают, что 15 часов, другие — 2 и даже меньше. Потери обеих сторон были очень велики. Итальянцы имели численное превосходство, но оно не принесло им победы. Сами итальянцы называли битву у Форново «непростительным позором» (inescusabile vergogna): их не разбили, а французы, стремившиеся пройти,— прошли.

Основные французские войска во главе с Карлом VIII беспрепятственно покинули Италию. В их руках еще оставались крепости на севере, в Лигурии и Тоскане, не говоря уже о Неаполитанском королевстве. Но там их участь была уже предрешена. Сразу же после ухода Карла VIII в Калабрии высадился Фердинанд II с нанятыми им испанцами под командованием одного из крупнейших полководцев XV в. Гонсальво де Кордова. Потерпев ряд крупных поражений и потеряв оставшуюся часть своих войск, французы 7 июля 1496 г. должны были подписать общую капитуляцию и очистить территорию королевства (декабрь 1496 г.).

Теперь, казалось, государства полуострова вновь предоставлены самим себе. Но они не смогли использовать те преимущества, которое давало бы им объединение. Вторжение Карла VIII безвозвратно подорвало систему политического равновесия, возродило приглушенные было противоречия, оживило экспансионистские тенденции отдельных государств, и особенно папства.

Уход французов не принес умиротворения. Один за другим вспыхивают очаги внутренних войн. Одним из главных узлов противоречий стала Романья, из территории которой Александр VI решил выкроить владение для своего сына Цезаря Борджа. Это затрагивало непосредственно интересы Милана и Венеции, которые сами претендовали на Романью. Вторым пунктом столкновения стала восставшая Пиза, против которой сразу же после прихода французов Флоренция начала изнурительную войну (1494—1509), чтобы восстановить в ней свое владычество.

Пиза искала союзников. Венеция, которая не прочь была укрепиться на западном побережье Италии, охотно оказала поддержку

войсками. В свою очередь Моро не мог остаться равнодушным к возможному усилению Венеции, как и вообще к необыкновенному росту ее престижа после Форново, когда Светлейшая пыталась играть роль спасительницы Италии. Для нейтрализации влияния Венеции в Тоскане герцог Миланский не только сам принял участие в Пизанской кампании, но и привлек императора, снабдив его деньгами. Таким образом, конфликт Пиза — Флоренция превратился в общеитальянский.

Между тем Франция, несмотря на неудачный поход Карла VIII, отнюдь не оставила намерений покорить Неаполь. Сведения о подготовке еще одной экспедиции начали поступать буквально сразу же после ухода Карла VIII. Уже в январе 1497 г. Франция сумела вернуть себе ряд крепостей в Северной Италии — Нови, Алессандрию. Не менее деятельно велась и дипломатическая подготовка нового вторжения.

Новому французскому королю Людовику XII (Карл VIII умер в 1498 г.) предстояло исправить ошибки своего предшественника. Он понимал, что прежде, чем возобновлять военные действия против далекого Неаполитанского королевства, необходимо прочно закрепиться на севере полуострова. Ближайшим объектом агрессии должен был стать Милан — «замо́к полуострова». Первую претензию на него он заявил уже при вступлении на престол: титул «герцог Миланский» был включен в официальную титулатуру французских королей.

Изменение направления французской агрессии и то перераспределение сил внутри самой Италии, которое явилось следствием похода Карла VIII, привели к изменению ориентации и перегруппировке итальянских государств. В приходе французов на этот раз активно были заинтересованы: Венеция (Франция становилась для нее естественным союзником в борьбе против притязаний империи и в поддержке ряда ее собственных притязаний в Восточной Ломбардии); папа, стремившийся полностью подчинить мелкие синьории Романьи и Анконской марки и видевший во Франции единственную опору в борьбе с остальными итальянскими государствами; Флоренция, которая в свою очередь рассчитывала, что Франция не захочет чрезмерного усиления папства и не допустит присоединения к Папскому государству и ряда городов Тосканы; кроме того, флорентийцы надеялись на поддержку Людовика XII в пизанской кампании. Все эти государства не только высказали благожелательное отношение к планам Людовика XII относительно Милана, но и обещали помочь деньгами и войском. Французская экспедиция для завоевания одного из итальянских государств осуществлялась силами и средствами самих итальянцев (Людовик XII располагал для итальянского похода весьма ограниченными силами — не более чем 10-тысячным войском).

24. *Санти ди Тито.*
Портрет Макиавелли.
Флоренция. Палаццо Веккьо

Военные действия начались осенью 1499 г. захватом Тортоны французским кондотьером Тривульцио. Несмотря на то, что герцог Миланский располагал крупными силами, французы сумели стремительно развить первый успех. Уже через неделю они оказались под стенами Милана. «Крепости мало стоят, когда народ тебе враг»,— писал Макиавелли в своих «Рассуждениях», имея в виду события в Ломбардии. Моро с остатками войска отступил к столице и старался подготовить Милан к обороне. Но миланцы не желали осады. В городе вспыхнуло восстание, и герцогу пришлось спасаться бегством (6 октября 1499 г.). В его руках осталась только цитадель.

Вскоре вся Ломбардия очутилась под властью французов. Не военная или финансовая слабость, а главным образом народное недовольство, прямая враждебность миланской олигархии и предательство феодалов — начальников крепостей, т. е. по существу те же причины, что обеспечили быстрый успех Карла VIII в Неаполитанском королевстве, явились залогом столь быстрого успеха французов в Ломбардии.

На этот раз французы решили обосноваться более прочно. Ломбардию официально присоединили к королевскому домену. В результате некоторой реорганизации государственного управления вся власть сосредоточивалась в руках дворянско-купеческой олигархии под французским контролем. Тайный герцогский совет заменили неким подобием сената, куда входили и французские феодалы. Налоги снизили для Милана примерно на одну треть, но миланцы остались недовольны, полагая, что за сдачу города без боя они заслужили полное освобождение от налогов. Исполнительную власть осуществлял наместник короля. Им стал кондотьер Джан-Джакомо Тривульцио, человек, который даже в те отнюдь не щепетильные времена славился исключительной жестокостью. Его правление вскоре вызвало новое восстание в городе. Как писал Гвиччардини, не только политика французов, а и их обычаи, костюмы — все настраивало миланцев против них, но главным образом — «крушение надежд на свободу». 5 февраля 1500 г. Моро смог вернуться в Милан во главе войск, набранных им в Швейцарии. Но успех его оказался кратковременным. Если в первый раз на завоевание Ломбардии французам понадобилось три недели, то вторично на это ушло три месяца. Моро боролся с полным напряжением сил, и теперь уже общественное мнение городов и крепостей, побывавших под властью французов, было на его стороне. Но его наемные войска изменили ему, в решающий момент отказавшись вступить в бой.

Моро был разбит (7 апреля), взят в плен и окончил свои дни во французском замке Лош. Ломбардия вновь очутилась под властью Франции.

Содержание в Ломбардии огромного войска стоило немалых денег. Бо́льшую часть расходов Людовик XII решил переложить на своих союзников, в частности на Флоренцию, куда он послал для участия в осаде Пизы несколько отрядов. Платить им должна была Флоренция. Кроме того, Людовик XII потребовал вернуть ему те суммы, которые флорентийцы брали в свое время взаймы у Лодовико Моро, и предоставить не менее 50 тыс. флоринов для подготовки французского похода против Неаполя. Флоренция, уже и без того испытавшая тяготы в связи с пизанской войной, не могла взять на себя столь непосильное бремя расходов, но опасалась и раздражать Людовика отказом.

Трудности пизанской войны и неудача штурма 7 июня 1500 г. привели и без того мало дисциплинированные отряды французских войск к полной деморализации. Теперь они представляли прямую угрозу Флоренции. Тяжесть положения усугублялась тем, что и другие города Тосканы готовились поднять восстание (Ареццо, Пистойя), а на севере Тосканы отряды Цезаря Борджа захватили некоторые флорентийские крепости и угрожали самой Флоренции. Только колоссальным напряжением всех финансовых возможностей (Флоренция должна была выплатить сразу около 200 тыс. дукатов) и благодаря бешеной энергии секретаря республики Макиавелли Флоренции удалось избежать опасности. Спасению Флоренции способствовало также то, что Людовик XII, преодолев, наконец, дипломатическое сопротивление Испании его неаполитанским планам и заключив с ней в ноябре 1500 г. договор о разделе Неаполитанского королевства (Франция получала Неаполь, Кампанию, Абруццы, Испания — Апулию и Калабрию), смог, наконец, отправиться в поход и ему пришлось отозвать свои отряды из Тосканы.

Неаполитанское королевство, находившееся в полной изоляции (все его возможные союзники оказались связаны с Францией), фактически без войска (Фердинанд II сумел собрать лишь около 7 тыс. человек против 30 тыс. французов и испанцев), не могло оказать сколько-нибудь успешного сопротивления, хотя отдельные крепости оборонялись с необыкновенным упорством.

При приближении вражеских войск жители Неаполя и Капуи (горожане, нобили, духовенство) единодушно поклялись в верности своему королю. Но стойкость горожан не могла спасти общего положения — не было союзников, не было армии, бароны во главе с королевским сенешалом графом Мельфи перешли на сторону врага, а в Капуе нашелся предатель, открывший ворота. За год французы и испанцы завоевали Неаполитанское королевство — каждый свою часть. 1 марта 1502 г. в Таранто сдался последний арагонский отряд. Неаполитанское королевство перестало существовать. Это был момент наивысшего торжества Франции в Италии и в то же время начало прямого соперничества Франции и Испании — правда, пока только на юге полуострова.

Весной 1503 г. между французскими и испанскими войсками начинаются столкновения из-за спорных областей — Базиликаты и Капитанаты. Это взволновало итальянские государства, все с тревогой ждут, что испанцы, используя военное преимущество, двинутся на север и отнимут у Франции Ломбардию. Но тревога оказалась напрасной. Испания, вытеснив французов с юга, предпочитает закрепить свое положение и соглашается подписать трехлетнее перемирие с Францией (11 февраля 1504 г.).

Так заканчивается второй период Итальянских войн, когда

итальянские государства играли если не решающую, то во всяком случае существенную роль в событиях. Основные итоги этого периода: разгром двух крупнейших государств Италии — герцогства Миланского на севере и Неаполитанского королевства на юге и активное вмешательство в борьбу Испании. Итальянские государства еще не отказались от борьбы, но теперь она ведется на два фронта — против Испании и против Франции. Одна за другой создаются многочисленные лиги (крупнейшими и наиболее прочными из них были Камбрейская (1508 г.) и Святейшая (1511 г.). Ни одна из них не является чисто итальянской, в них постоянно принимает участие та или иная иностранная держава. Итальянская политика сводится теперь к стремлению создать равновесие между Францией и Испанией. Это — единственная надежда на сохранение какой-то независимости. Временами делаются попытки самостоятельно решать итальянские проблемы, но они неизменно разбиваются из-за невозможности создать длительный союз всех итальянских государств.

Наиболее активной политической силой третьего периода Итальянских войн (1504—1516) стало папство. Не сумев противостоять иностранной агрессии и утверждению французов на севере и испанцев на юге полуострова, папа и другие итальянские государства проявляли особое беспокойство в связи с усилением Венецианской республики, которая, как казалось итальянцам, «была способна отнять у них тот призрак свободы, которой они еще располагали».

Действительно, Венеция оказалась единственным государством, которое извлекло выгоду из бедствий, обрушившихся на Италию. Она не только обнаружила удивительную стойкость в борьбе против злейшего врага — турок, не подорвав при этом экономики, но и сумела, воспользовавшись десятилетними войнами, значительно расширить свои владения на полуострове. Первое завоевание Неаполитанского королевства принесло ей апулийские порты — Трани, Бриндизи, Отранто, покорение Милана — значительные области Ломбардии с городами Кремона и Гьярдадда. Падение Цезаря Борджа поставило в зависимость от нее Романью, где она приобрела ряд городов, в том числе и Фаэнцу. Захват Романьи, по словам Макиавелли, «мог либо открыть ей дверь в Италию, либо стать источником ее гибели». Это особенно взволновало папу Юлия II, стремившегося создать сильное государство, куда должна была войти и Романья.

Притязания венецианцев буквально выводили его из себя, и он заявил, что готов объединиться с Францией, императором, с кем угодно, лишь бы добиться гибели Венеции.

Чтобы создать коалицию против Венеции, не требовалось особых усилий — ее ненавидели все государства Италии, обвиняя в стремлении к созданию «итальянской монархии», которая объеди-

нила бы весь полуостров. Вряд ли Венеция имела столь далеко идущие замыслы, но само обвинение весьма характерно — оно свидетельствует о том, как далеки были итальянские государства и даже крупнейшие государственные деятели, в том числе Макиавелли, от идеи итальянского единства. Из всех видов рабства самое тяжелое — подчинение одной республики другой, писал Макиавелли в своих «Рассуждениях...», имея в виду венецианские притязания.

К создаваемой Юлием II антивенецианской коалиции охотно присоединились Франция, Испания и Империя: Испания выгнала из Неаполитанского королевства Францию, но должна была терпеть там Венецию; Франция могла стать госпожой всей Ломбардии, но землями от Адды до По владела та же Венеция; Империи же она преграждала выход к Адриатическому морю, владея Фриулем и Горицией.

Однако для объединения усилий будущим союзникам понадобилось четыре года (Камбрейская лига была официально провозглашена в 1508 г.). Это время Светлейшая, отлично сознававшая грозившую ей опасность, использовала для укрепления своих крепостей и создания большого войска. Она собрала также ополчение (10 тыс. пехотинцев) из жителей Падуанской округи и Фриуля. Хорошо обученные и вооруженные ополченцы оказались самой стойкой частью венецианской армии. Тем не менее объединенные силы союзников намного превосходили венецианские.

Весной 1509 г. французы двинулись на Тревильо в долине Адды, что и положило начало войне, которую Паоло Джовио, историк и современник событий, назвал «самой продолжительной и самой ужасной из всех, какие велись со времени изгнания готов». Почти месяц ушел на мелкие стычки и сложное маневрирование обеих армий. Франция, отобрав за 11 дней все ломбардские владения Венеции, не склонна была далее продолжать активную борьбу. Только 14 мая главные силы Венеции и Лиги встретились у Аньяделло. Венецианские войска оказали упорное сопротивление численно превосходящему противнику. Мощным ударом с фланга тяжеловооруженной французской коннице удалось смять и обратить в бегство легкую венецианскую кавалерию, но пехота, состоявшая в основном из ополченцев, осталась на месте, выдерживая натиск гасконских стрелков, швейцарских копейщиков и французской и итальянской кавалерии. Она была перебита лишь при помощи артиллерии.

Венеция, безусловно, могла гордиться мужеством и стойкостью своих граждан. Несмотря на поражение, сражение при Аньяделло остается наиболее героической страницей в истории Венецианской республики.

В результате огромных людских потерь Светлейшая оказалась в трагическом положении, а между тем ей предстояло защищать

огромную, по итальянским масштабам, территорию. Она могла рассчитывать лишь на верность и силу сопротивления своих подданных.

Венецианский Сенат, по сообщению М. Санудо, пошел на такую меру, как освобождение всех городов республики от клятвы верности Венеции, чтобы спасти их от разрушения, а жителей от резни, ибо «само имя „венецианец“ было ненавистно ее врагам». Одновременно Венеция обещала награду каждому городу, который сможет создать у себя ополчение и гарнизон. В остальном города республики были предоставлены сами себе. Оставшиеся у Венеции отряды предназначались для защиты столицы.

В июне 1509 г. войска императора заняли Верону, Виченцу и Падую. Герцог Феррарский захватил для папы Эсте, Полезино и Монселиче. Французы закрепились в ломбардской части, между Адидже и По, оставив швейцарцам долину Бренты и Пьяве. Враг подступал к самой Венеции.

Однако 17 июня венецианцам неожиданным нападением удалось освободить Падую. Одновременно начались крестьянские восстания против немцев и французов в долине Адидже и во Фриуле. Макиавелли, который в это время в качестве посла Флоренции находился при дворе императора, писал из Вероны: «Дворяне не любят Венецию, но народ, городские низы и крестьяне необыкновенно преданны ей, их нельзя убедить, даже под страхом смерти, отказаться от имени венецианца; невозможно, чтобы государи удержали бы области с такими крестьянами».

Но пока сила все же оставалась на стороне Лиги. В августе императору вновь удалось захватить ряд мелких городов, а в середине августа его войска разбили лагерь в 5 км от Венеции. Но раньше, чем угрожать столице, союзники должны были взять Падую, чтобы обеспечить свой тыл. Осада Падуи началась 3 сентября, 17 дней длился почти беспрерывный обстрел немецкой артиллерией, четырежды город подвергался штурму, но все попытки благодаря мужеству населения, составлявшего основной контингент защитников Падуи, окончились неудачей. Ночью 1 ноября император, в войсках которого вспыхнула эпидемия, приказал отступить в Виченцу. Падуя, а с ней и Венеция были спасены.

Героическая защита Падуи дала Венецианской республике возможность оправиться, собрать новые силы, а главное — пустить в ход искусство дипломатии и разрушить единство грозной коалиции. С Испанией и папой удалось достичь соглашения: в пользу Испании Венеция отказывалась от всяких территориальных претензий на юге, папе же возвращались все ранее захваченные города Романьи. Юлия II вполне удовлетворяло ослабление Венеции. Но для полного восстановления и укрепления Папского государства необходимо было избавиться от присутствия иноземцев на полуострове, и в первую очередь от французов в Северной Италии.

Первой союзницей папы стала Венеция, часть владений которой находилась в руках Людовика XII и императора. Некоторые города она смогла вернуть, но даже объединенных сил папы и Республики не хватило, чтобы серьезно поколебать положение Людовика XII в Ломбардии. Франция привлекла на свою сторону некоторые североитальянские государства (Модену, Феррару) и угрожала созывом вселенского собора, а следовательно, новым расколом. Папа ответил созданием Святейшей лиги (1511 г.), выдвинувшей лозунг — «изгнание варваров».

Если бы под этим девизом объединились все итальянские государства, возможно, Италии и удалось бы освободиться от иностранных завоевателей. Но одни из них открыто встали на сторону Франции, другие, в частности Флоренция, сохраняли стойкий нейтралитет. Главную военную силу Лиги составляли испанцы.

Решающее сражение произошло в пасхальное воскресенье 11 апреля 1512 г. под стенами Равенны. Длительная и кровопролитная битва закончилась победой французов, но оставила их без армии. На поле сражения остались 16 тыс. убитых, погиб также и лучший французский полководец Гастон де Фуа.

Французы не смогли воспользоваться плодами своей победы. В городах Ломбардии в Генуе вспыхнули антифранцузские восстания. На сторону Лиги перешел и бывший союзник Людовика XII— германский император. Франция потеряла в Ломбардии все важнейшие крепости; не имея опоры в стране, остатки французской армии покинули Милан, где восстановилась власть Массимильяно Сфорца, сына Лодовико Моро.

Основную военную силу Святейшей лиги составляли наемные испанские и швейцарские отряды. Длительная война истощила папскую казну, и в качестве платы за услуги Юлий II предложил испано-швейцарской армии Флоренцию. К тому же он намеревался оказать услугу главе рода Медичи влиятельному кардиналу Джулиано и, восстановив власть Медичи во Флоренции, тем самым приобрести влияние и в Тоскане. Объединенные испано-швейцарские отряды получили разрешение захватить Флоренцию и получить с нее контрибуцию. Флоренция не имела войск для сопротивления, ее милиция — единственная военная сила, которой она тогда располагала, была разбита под стенами Прато. Узнав об этом, другие города Тосканы сами предлагали испанцам ключи от своих ворот. Флорентийская олигархия, стоявшая у власти, чтобы избежать штурма и разграбления города, согласилась на его сдачу, восстановление власти Медичи и уплату 200-тысячной контрибуции. Смерть Юлия II (11 марта 1513 г.) и избрание на папский престол Джованни Медичи под именем Льва X надолго поставили Флоренцию в полную зависимость от папской политики; Лев X рассматривал город как собственное владение.

Необыкновенное усиление позиций папы решительно изменило позицию Венеции, которая вновь заключила договор с Францией (1513 г.) в противовес блоку папа — Испания. Французы опять вторглись на территорию Ломбардии, но ощутительного успеха сумели добиться только после смерти Людовика XII, благодаря решительным действиям нового короля Франциска I. В результате победы при Мариньяно (13 сентября 1515 г.) объединенных франко-венецианских сил Франция вновь утвердилась в Милане, Венеция же возвратила себе Брешию и Бергамо и, таким образом, восстановила свое государство в тех границах, которые существовали до войны с Камбрейской лигой.

Истощение военных и финансовых ресурсов борющихся сторон и достижение некоторого равновесия сил приводят к заключению в марте 1517 г. общего мирного договора, который закрепляет сложившееся в ходе длительной борьбы разделение Италии на четыре зоны влияния: Венеции — в северо-восточной части, Франции — в Ломбардии, за папой остается его государство и Тоскана, на юге господствует Испания. Гарантами этого положения выступают Империя и Англия, которые заинтересованы в создании равновесия сил между Испанией и Францией. Папское государство и Венеция входят существенными элементами в новую систему европейского равновесия сил, и это приносит многострадальной Италии несколько лет спокойного существования.

Но уже в 1519 г. равновесие нарушается в пользу Испании. Имперскую корону после смерти Максимилиана I получает Карл I, испанский король, ставший императором Карлом V. Его владения объединяют большую часть тогдашней Европы (Нидерланды, Германию, Австрию, Испанию и Южную Италию), окружая Францию смертельным кольцом и угрожая ее национальному существованию. Единственной брешью в этом кольце, прерывающей сухопутные коммуникации между заальпийскими владениями Карла V, Германией и Нидерландами, с одной стороны, и Италией и Испанией, с другой, была Ломбардия.

Таким образом, владение Миланом становится для Франции жизненно необходимым, в то же время для осуществления общих планов Карла V и объединения его владений надо было изгнать Францию из Северной Италии. Италия вновь становится полем битвы крупнейших держав Европы.

Предупреждая намерения Карла V, французский король первым начинает наступление весной 1521 г. До 1525 г. в Северной Италии разворачиваются события франко-испанской войны, приносящие успех то одной, то другой стороне. Итальянские государства принимают в них самое минимальное участие.

Но в начале 1525 г. дело принимает неожиданный оборот: в битве при Павии французы терпят жесточайшее поражение, а ко-

роль попадает в плен к испанцам. Собственно, победу над французами одержали по существу итальянцы, так как в многочисленной испанской армии под командой Пескары насчитывалось всего лишь 600 испанских солдат. Однако и силы победителя были на исходе. Испания стала перед финансовым крахом. Не получая жалованья, испанские наемники разбредались; отдельные отряды в поисках провианта занимались грабежом.

К тому же дела в обширной империи Карла V шли прескверно — вспыхнула Крестьянская война в Германии, началось брожение в Нидерландах.

Прекращение борьбы между Францией и Испанией, взаимное ослабление обеих держав вдохнули новые надежды в измученные итальянские государства. С инициативой объединения итальянских сил на этот раз выступила Венеция. 6 марта 1525 г. Сенат вынес постановление «воодушевить (inanimar) папу заняться успокоением и единством Италии». Через несколько дней венецианский посол имел секретное совещание с Джироламо Мороне, первым министром миланского герцога Франческо II Сфорца, о создании тайного союза против испанцев, надеясь привлечь к нему не только папу, но, если возможно, и Францию. В качестве полководца будущей лиги они хотели привлечь Пескару, победителя при Павии, итальянца по происхождению, пообещав ему за изгнание испанцев неаполитанскую корону. Но затея провалилась. Пескара арестовал Мороне и предал его суду, герцога Миланского лишили власти, а Миланское герцогство было официально присоединено к владениям испанской короны.

Эта неудача на время остановила создание антииспанской лиги. Но последовавшая вскоре смерть Пескары, освобождение из плена Франциска I быстро продвинули переговоры. 22 мая 1526 г. оформилась так называемая Коньякская лига, в нее вошли Франция, папа, Венеция, Генуя, Флоренция и герцог Миланский. Французский король по условиям договора выступал уже не как завоеватель, а только как союзник.

Итальянцы являлись истинными хозяевами новой лиги; французы в награду за помощь получали протекторат над Генуей и крепость Асти, Карл V оставался королем Неаполя, но только в качестве вассала папы; герцогство Миланское возвращалось Сфорца. Основу армии лиги должны были составить итальянцы.

Наступление решили начать двумя армиями (венецианской и папской) и прежде всего освободить от испанцев Ломбардию — ключ к остальным областям. Казалось, наконец-то, при столь благоприятных обстоятельствах, Италии удастся освободиться от завоевателей. Но еще до начала решительных военных действий, до получения каких-либо реальных результатов среди участников лиги вспыхнули раздоры, уже не раз губившие лучшие начинания италь-

янцев. Между Флоренцией и папой возникли разногласия из-за будущего дележа территории Сиенской республики, между Венецией и папой — из-за судьбы Феррары.

Действия армии лиги под командованием трусливейшего из полководцев Франческо Мариа делла Ровере отличались крайней нерешительностью и неэффективностью. Тактика его, по выражению одного из современников, заключалась в том, чтобы «постоянно удаляться от неприятеля и наконец одержать победу, не вынимая меча из ножен». После ряда военных маневров 6 июля итальянцы овладевают Миланом, но 24 июля опять его теряют. Бесплодно передвигаясь по Ломбардии, они понапрасну тратят деньги (войска получали поденную плату) и время. Наконец, начинается решительная подготовка к новому штурму Милана и захвату Генуи. Но уже поздно. Карл V успевает набрать в Германии довольно крупную армию (12 тыс. ландскнехтов) и, поставив во главе ее немецкого полководца Фрундеберга, посылает ее в Италию. Там она соединяется с остатками испанской армии под командованием французского изменника конетабля Карла Бурбона. Объединенными силами они берут Милан и весной 1527 г. начинают движение на Рим, сопровождая свой путь грабежами. Армия Лиги, почти равная по численности испанской, бездействует.

В феврале испано-имперская армия подходит к Болонье, где в течение месяца ждет исхода переговоров с папой. Наконец, 15 марта соглашение подписано. Папа объявляет о роспуске Лиги, императорские войска получают приказ вернуться за Альпы. Но ни папа, ни Карл V уже не могут справиться со своими разложившимися армиями, превратившимися в бандитские отряды. В лагере немецких ландскнехтов вспыхивает мятеж. Они требуют похода на Флоренцию и Рим, и Карл Бурбон был бессилен что-либо предпринять. Пройдя Романью и обратив в пепел все встретившиеся им селения, банды вступают в Тоскану. Города сдаются один за другим. Но Флоренцию, которая, вновь изгнав Медичи, приготовилась к обороне, наемники предпочитают обойти стороной и спешат прямо к Риму. 5 мая огромная армия встала лагерем у стен беззащитного «вечного города», не располагавшего ни войсками, ни средствами, чтобы откупиться. Утром 6 мая первые отряды ворвались в Рим и бросились к собору св. Петра. Четыре тысячи римлян, изрубленных алебардами, легли между собором и Трастевером. Папа укрылся в замке св. Ангела. На следующий день начался повальный грабеж, варварское разрушение памятников, не щадились даже церкви. Город и окрестности были опустошены так, что начался голод, население ело собак и крыс. Папа довольствовался травой, нарванной в окружающих замок рвах.

В декабре возобновились переговоры с Карлом V. Папа отказывался в пользу императора от своих крупнейших городов в Северной Италии (Пьяченцы, Пармы, Модены) и уплачивал выкуп в 400 тыс. дукатов. Но так как платить было нечем, он еще полгода провел в Орвието в качестве пленника, пока Карл V, убедившись, что взять действительно нечего, не простил ему этот долг. Но величайшее унижение папства в Италии в целом еще предстояло. На Болонском соборе 1530 г. Климент VII вынужден был короновать императора, своего победителя, поработителя Италии, немецкой и итальянской коронами.

Последняя попытка Италии сбросить с себя чужеземное иго кончилась национальным позором. Папа, Савойя, Монферрато, Мантуя, Феррара признали себя вассалами императора; если не юридическим, то фактическим вассалом Карла V стала и медичейская Флоренция. Миланское герцогство, как и Неаполитанское королевство, было объявлено испанским владением.

Независимыми оставались только Венеция и Флоренция. Но судьбу последней предрешила предательская политика Климента VII. Чтобы вернуть своей семье восставший город, папа (сам из рода Медичи) призвал испанцев и немецких ландскнехтов, которые подвергли Рим столь жалкой участи.

Флоренция успела подготовиться к защите, срочно вооружив жителей и 10 тыс. крестьян контадо. Благодаря энергичным мерам и необыкновенному мужеству и стойкости ее защитников Флоренции удалось выдержать одиннадцатимесячную осаду, но в конце концов, обессиленный голодом, понеся тяжелые потери, город сдался на милость победителя. 12 августа туда вошли испанские войска, восстановившие тиранию Медичи. Фактически этим уничтожалась политическая независимость Тосканы.

Испанцы стали почти полными господами положения в Италии. За Францией сохранился только Пьемонт. Еще 30 лет она продолжает оставаться ареной военных действий соперников. На ее территории решаются вопросы национальной политики Франции и Испании. Но Италия теперь — только жертва, ожидающая решения своей судьбы; собственное участие ее государств в этих войнах ничтожно, они являются лишь поставщиками кондотьеров для борющихся держав. Венеция прочно замыкается в своей политике невмешательства. Единственной действующей силой Италии остается папа, который политикой лавирования, в основном профранцузского направления, старается сохранить некоторую видимость независимости. Разоренная, ослабленная экономически и политически, Италия перестает играть сколько-нибудь значительную роль в политической, а затем и в экономической жизни Западной Европы.

11

ФЕОДАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ И УПАДОК ИТАЛИИ

Вторая половина XVI в. и XVII в.— новая эпоха в истории Италии, эпоха феодальной реакции, когда Италия — прежде самая передовая страна Европы — уступает свои ведущие позиции другим западноевропейским странам. Промышленность хиреет, объем торговли сокращается, капиталистические отношения, появившиеся раньше, чем где-либо, слабеют, вновь укрепляются феодальные и полуфеодальные отношения. Вместе с тем приходит в упадок буржуазия и усиливается феодальная верхушка общества. Италия остается политически раздробленной.

В буржуазной историографии принято обозначать этот период эпохой испанского владычества. Действительно, Испания стала играть огромную роль в жизни Италии. В результате мира в Като-Камберези значительно расширилась территория, непосредственно подчиненная Испании: кроме Неаполитанского королевства, Сицилии и Сардинии, ей принадлежали теперь Миланское герцогство и целый ряд мелких феодов в Центральной Италии. Остальные государства были самостоятельными, но большинство из них находилось под сильным влиянием Испании. Это относится в первую очередь к Генуэзской республике с принадлежавшим ей островом Корсика, к Тосканскому герцогству (с 1569 г.— великому герцогству), сменившему Флорентийскую республику и присоединившему к своим владениям Сиену, а также к таким мелким государствам, как

герцогства Мантуанское с Монферрато, Феррарское и Моденское, Парма и Пьяченца. Полной самостоятельностью пользовались только Савойское герцогство, куда входили Савойя, Пьемонт и графство Ниццское, Венецианская республика и Папское государство, под влиянием которого находилось герцогство Урбинское.

Испанцы воздействовали не только на политическую жизнь, но и на экономику, нравы и обычаи общества, его духовную жизнь. Историография XVIII—XIX вв. считала Испанию виновницей упадка, переживаемого Италией в тот период. В последнее время, однако, Б. Кроче, В. ди Токко, Дж. Конильо [1] и ряд других ученых объявили испанское господство полезным для Италии. Факты не подтверждают подобной оценки. С другой стороны, не следует также целиком сводить к испанскому влиянию наступление реакции и упадка. Испанское владычество могло лишь ускорить, углубить те процессы, которые происходили в самой Италии — как в социально-экономической, так и в политической и духовной жизни — и которые берут свое начало задолго до установления испанского господства. Решающим фактором, определившим судьбы страны, были изменения, происшедшие в ее экономической жизни. Поэтому обозначение всего рассматриваемого периода истории Италии как эпохи испанского владычества является, на наш взгляд, неправомерным.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ в XVI—XVII вв.

Судьба итальянской экономикиXVI—XVII вв., бывшая до недавнего времени одной из вовсе не исследованных страниц истории Италии, стала ныне одним из наиболее широко обсуждаемых вопросов. Это понятно, ибо его разрешение позволяет не только выяснить специфику данного периода в целом, но и понять корни многих характерных черт в жизни современной Италии. Уже А. Грамши писал о том, что одним из путей исследования Рисорджименто является «изучение предшествующей истории итальянского полуострова» [2]. Никто из исследователей, занимающихся этим вопросом, не сомневается, что в течение XVI—XVII вв. экономика Италии приходит в упадок, но вопрос о том, когда начался упадок и насколько он затрагивал отдельные области Италии и различные отрасли экономики, как он протекал и в какой степени достижения

[1] *B. Croce.* La Spagna nella vita italiana durante la rinascenza. Bari, 1922; *V. Di Tocco.* Ideali d'independenza in Italia durante la preponderanza spagnuola. Messina, 1926; *G. Coniglio.* Il viceregno di Napoli nel secolo XVII. Roma, 1955.

[2] *А. Грамши.* Избранные произведения, т. III. М., 1959, стр. 261.

прежних веков были утрачены, представляется еще сегодня спорным.

Начиная с XVIII в. историки утверждали, будто уже в XVI столетии Италия пришла в полный упадок. Сегодня лишь немногие ученые придерживаются подобной точки зрения (например К. Барбагалло, П. Лейхт и А. Фанфани)[3]. Однако их аргументация явно не может противостоять убедительным данным большинства исследователей, отвергающих в той или иной степени этот взгляд.

В наиболее категорической форме упадок XVI в. оспаривается в работах Ф. Броделя. Он признает трудности и застойные явления в экономике первой половины XVI в., но считает, что Италия успешно преодолела их и во второй половине века добилась новых значительных успехов. Об упадке, по его словам, может идти речь только в отношении XVII в.[4] С ним в основном согласен К. М. Чиполла, который относит «трагический период упадка» лишь к 1620—1700 гг.[5]

Несколько более сдержанны в оценке XVI в. Дж. Луццатто и А. Сапори. Луццатто считает, что в XVI в. Италия еще успешно противодействовала тенденциям к упадку и не утратила своего значения в мировом масштабе[6]. Сапори также признает достижения XVI в. и отмечает, что Италия еще находилась в авангарде экономической жизни Европы, но уже потеряла инициативу и динамизм развития, которые перешли к другим народам. XVI век является, по его мнению, периодом зрелости и одновременно прелюдией спада. Нельзя говорить о развитии, но нельзя также говорить и об упадке[7].

[3] *C. Barbagallo*. La crisi economico-sociale dell'Italia della Rinascenza.— «Nuova rivista storia». 1950, fasc. 5/6, fasc. 1951, 1/2; *P. S. Leicht*. Operai artigiani agricoltori in Italia del secolo VI al XVI. Milano, 1946; *A. Fanfani*. Storia del lavoro in Italia dalla fine del secolo XV agli inizi del XVIII, Milano, 1943; *idem*. Il mancato rinnovamento economico.— «La civiltà veneziana del settecento». Firenze, 1960; *idem*. Nuove vedute sulla decadenza di Venezia in una storia economica della Serenissima.— «Economia e storia», 1962, № 1. В последней работе Фанфани его суждения по этому вопросу несколько более сдержанны (*A. Fanfani*. Storia economica. P. I. Antichità. Medioevo. Età moderna. Torino, 1965).

[4] *F. Braudel*. La Mediterrannée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. Paris, 1949; *idem*. La vita economica di Venezia nel secolo XVI.— «La civiltà veneziana del Rinascimento». Firenze, 1959.

[5] *C. M. Cipolla*. The decline of Italy. The case of a fully matured economy.— «The Economic History Review». Sec. series, vol. V, № 2, 1952; *idem*. Mouvements monétaires dans l'Etat de Milan (1580—1700). Paris, 1952.

[6] *G. Luzzatto*. Storia economica dell'età moderna e contemporanea. P. I. L'età moderna. 4 riv. ed. Padova, 1955; *idem*. Storia economica di Venezia dall'XI al XVII secolo. Venezia, 1961.

[7] *A. Sapori*. Il problema economico.— «Il Rinascimento. Significati e limiti». Firenze, 1953; *idem*. Problemi di storia economica e sociale.— «Nuova ri-

В работах советских историков, появившихся за последнее время, также отмечаются успехи, достигнутые еще в XVI в., и наличие полного и безусловного упадка в XVII в.[8]

Процессы, характеризующие развитие итальянской экономики XVI—XVII вв., берут свое начало уже в XV в., когда экономическая жизнь полуострова столкнулась с большими трудностями.

Трудности возникли в первую очередь из-за турецких завоеваний на Востоке и падения Константинополя. Турки аннулировали привилегии итальянских городов, которыми они пользовались со времен крестовых походов. Венеция и Генуя постепенно исключа-

vista storica», 1958, № 1; *idem*. Una storia di Venezia dalle origini al Cinquecento. Problemi e discussioni.— «Moneta e credito», vol. XVI, № 63, 1963.

Многочисленные историки, исследовавшие конкретные явления экономической жизни Италии и экономическое положение отдельных ее городов и государств в XVI—XVII вв., сходятся на том, что не следует преуменьшать значение успехов Италии и ее удельного веса в мировом масштабе. Почти во всех районах и городах они констатируют подъем во второй половине XVI в. и полный упадок в XVII в. См. *A. De Maddalena*. Prezzi e aspetti di mercato in Milano durante il secolo XVII. Milano, 1949; *F. Braudel*, *R. Romano*. Navires et marchandises à l'entrée du port de Livourne (1547—1611). Paris, 1951; *B. Caizzi*. Il Comasco sotto il dominio spagnolo. Como, 1955; *J. Delumeau*. Vie économique et sociale de Rome dans la seconde moitié du XVI-e siècle, vol. I. Paris, 1957; vol. II. Paris, 1959; *idem*. L'alun de Rome. XV—XIX s. Paris, 1962; *G. Aleati*. La popolazione di Pavia durante il dominio spagnuolo. Milano, 1957; *D. Sella*. Il declino dell'emporio realtino.— «La civiltà veneziana nell'età barocca». Firenze, 1959; Aspetti e cause della decadenza economica veneziana nel secolo XVIII Venezia — Roma, 1961; *F. Ruiz Martin*. Lettres marchandes échangées entre Florence et Medina del Campo. Paris, 1965. Эта точка зрения принята также историками-марксистами Италии. См. *E. Sereni*. Mercato nazionale e accumulazione capitalistica nell'unità italiana.— «Studi storici», 1959/1960, № 3; *R. Villari*. Il riformismo e l'evoluzione delle compagnei italiane nel Settecento attraverso gli studi recenti.— «Studi storici», 1964, № 4 (в русском переводе: *Р. Виллари*. Движение за реформы и эволюция итальянской деревни в XVIII веке в свете последних исследований.— «Проблемы советско-итальянской историографии». М., 1966).

[8] «Всемирная история», т. IV. М., 1958, стр. 103—106; «Очерки истории Италии». М., 1959, стр. 154—158; *В. И. Рутенбург*. Италия. Исторический очерк до 18 в. — «Советская историческая энциклопедия», т. VI. М., 1965, стр. 618—619. Этот вопрос применительно к экономике Флоренции XVI — начала XVII в. был рассмотрен нами в статьях: «Экономический строй Флоренции во второй половине XV и в XVI веке».— СВ, VIII, 1956; «К вопросу о состоянии промышленности Флоренции во второй половине XVI в. и в первой половине XVII в.» — СВ, XXIII, 1963; «Структура промышленности Флоренции второй половины XVI— начала XVII в.» — «Ученые записки Латвийского гос. ун-та им. П. Стучки», т. LXI, 1965. Исторические науки, IV, № 1. Об успехах Венеции в XVI в. говорится в статье: *Т. Д. Фомичева*. К вопросу об особенностях экономической и культурной жизни Венеции XVI в.— «Труды Гос. Эрмитажа», т. VI. Л., 1961.

лись из торговли с районом Черного моря. В 1505 г. турецкое правительство повысило с 2 до 5% таможенные тарифы на товары, привозимые с Запада и вывозимые туда. Постепенно тяжелые последствия турецких завоеваний стали испытывать и другие итальянские города. Еще в 1507 г. свыше 60 флорентийских компаний имели своих агентов в Константинополе. После 1530 г. торговля Флоренции с Турцией прекратилась. Тем самым столь важные для итальянской экономики рынки на Востоке сократились и были даже частично утрачены.

Известным препятствием на пути дальнейшего развития являлась также конкуренция между крупнейшими промышленными и торговыми центрами Италии — как на внутреннем, так и особенно на внешнем рынке. Но во второй половине XV в. пришлось столкнуться с гораздо более опасным и все возрастающим соперничеством других стран Европы. Англия стала производить сукна лучшего качества, чем флорентийские. Франция начала сама изготовлять шелковые ткани и стекло. Бумазейная промышленность Ломбардии встретилась с конкуренцией южногерманских городов, роль Милана в металлообрабатывающей промышленности ущемлялась Нюрнбергом. Политика протекционизма, проводившаяся правительствами Англии и Франции, постепенно лишала изделия итальянской промышленности их монопольного положения на рынках этих стран. Ограничение вывоза английской шерсти означало потерю основного источника сырья для итальянской суконной промышленности. Протекционистская политика итальянских правительств в рамках городов или региональных государств не была в состоянии противостоять соответствующей политике правительства централизованных государств. В этом сказывалась пагубная роль политической раздробленности Италии.

В самом конце XV в. новый тяжелый удар обрушился на итальянскую экономику: португальцы открыли морской путь в Индию. Венецианцы признавали, что это — худшая весть, которую они когда-либо могли получить. В первые годы XVI в. цена перца в Венеции была в 2—3 раза выше, чем в Лиссабоне. В 1504 г. венецианские галеры вернулись из Бейрута и Александрии почти пустыми, так как пряности доставлялись в Европу португальцами. Постепенно центр тяжести экономической жизни Европы стал перемещаться из Средиземного моря к побережью Атлантического океана.

Итак, целый ряд серьезных препятствий возник почти одновременно на пути развития экономики итальянских городов. Промышленности грозила утрата рынков сбыта и сырья. А это было чрезвычайно опасно, так как итальянские мануфактуры, как это вообще свойственно мануфактурам на ранней стадии развития, были всецело связаны с внешним рынком и зависели от него.

В таких условиях начались Итальянские войны, принесшие народу страшные бедствия и совершенно истощившие страну. Закрепление политической раздробленности и установление иноземного владычества в результате Итальянских войн в свою очередь не могли не оказать отрицательного влияния на экономическую жизнь Италии.

Владельцы капитала стали лихорадочно искать выход из возрастающих трудностей. Уже в XV в. увеличились инвестиции капиталов в земельные владения. Это означало не только ослабление торговой и промышленной деятельности, но также, учитывая наличие полуфеодальных и феодальных отношений в деревне, усиление удельного веса феодальной экономики. Не менее выгодными казались покупка доходных должностей и церковных бенефициев, откуп государственных доходов и в первую очередь разного рода финансовые операции. Государи и папы нуждались для своей внутренней и внешней политики в больших денежных средствах. Это создавало выгодные условия для деятельности итальянских банкиров. Генуэзцы становились банкирами испанской короны, флорентийцы — банкирами короля Франции. В связи с этим многие наиболее богатые дельцы Италии покидали родину и поселялись во Франции, в Испании, Нидерландах и других странах. Повсюду возникали итальянские колонии, представители которых занимали первые места в финансовом мире Европы. Генуэзцы Гримальди и Чентурионн, сиенец Киджи, флорентийцы Строцци, Сальвиати, Гваданьи, Каппони и многие другие принадлежали к богатейшим и влиятельнейшим финансистам не только Италии, но и всей Европы. Это и позволило И. Ренуару утверждать, что «итальянские дельцы остаются в XVI в. одним из наиболее активных экономических ферментов Запада» [9].

Следует, однако, отметить, что вместе с тем они не прерывали деловых связей с Италией.

Увлечение верхушки буржуазии разного рода финансовыми операциями, эмиграция — все это в конечном итоге тоже отрицательно отразилось на экономической жизни Италии, так как крупные капиталы изымались из сферы производства и частично даже попадали за пределы Италии, что, естественно, тормозило развитие раннекапиталистических отношений.

Все же ни турецкие завоевания, ни географические открытия и Итальянские войны, ни начавшаяся перестройка деловой активности некоторой части буржуазии не привели еще экономику Италии к полному упадку. Наряду с вышеупомянутыми отрицательными явлениями имели место и противоположные тенденции, которые на

[9] *Y. Renouard.* Lumières nouvelles sur les hommes d'affaires italiens du moyen âge. — «Annales E. S. C.», 1955, № 1, p. 78.

какой-то срок дали возможность Италии не только сохранить достигнутый уровень экономического развития, но и добиться некоторых новых успехов. Дело в том, что часть буржуазии старалась противодействовать тяжелым ударам, обрушившимся на Италию, и преодолевать трудности путем приспособления к новым условиям, не покидая прежней сферы деятельности. Она находила новые пути и возможности для извлечения прибыли из промышленности и торговли. Для этого использовались самые различные средства. В торговых центрах энергичная борьба за восстановление утраченных позиций на прежних рынках сочеталась с увеличением удельного веса промышленности.

По мере сокращения одних отраслей промышленности переходили к занятиям другими, более перспективными.

Наиболее верным средством борьбы с экономическими трудностями казалось укрепление деловых связей с Испанией, Португалией и их колониями. Итальянцы активно действовали в Севилье, Лиссабоне, на Канарских островах, их можно было встретить в Бразилии, Индии и других колониях. О предприимчивости итальянцев говорит их активное участие почти во всех экспедициях по открытию и исследованию новых земель. Подобная связь с Испанией и Португалией оказала благоприятное воздействие и на промышленность. Вместо английской шерсти флорентийские суконщики перерабатывали испанскую, вместо восточных красителей использовали американские. Так итальянцы на первых порах сумели извлечь пользу из результатов географических открытий. Творческие силы итальянской буржуазии не были исчерпаны, она проявляла еще немало энергии и инициативы.

Результаты такой активности проявились в полной мере во второй половине XVI в., когда для Италии более благоприятными становились и внешние условия. Прекратились долголетние Итальянские войны, и на длительный период установилась мирная жизнь. Правительства отдельных итальянских государств, заинтересованные в упрочении хозяйственной жизни и финансов, стали придерживаться политики протекционизма. Франция как соперник Италии не представляла в то время существенной опасности, так как гражданские войны в значительной степени парализовали экономическую жизнь этой страны. В Нидерландах началась буржуазная революция. Англия переживала известные экономические трудности и была занята политической и экономической борьбой с Испанией. Если к тому же еще учесть вышеупомянутое укрепление экономических связей с ведущими колониальными странами Испанией и Португалией, то приходится признать, что во второй половине XVI в. создались такие внешние условия, которые могли быть использованы итальянской экономикой для достижения новых успехов.

Для Венеции постоянная необходимость противостоять турецкой агрессии требовала мобилизации всех материальных ресурсов. Тем не менее она оставалась важнейшим коммерческим центром на Средиземном море, поддерживавшим регулярные торговые связи с портами Сирии, Египта и Эгейских островов. Вплоть до 70-х годов XVI в. венецианский торговый флот господствовал в восточной части Средиземного моря. Несмотря на значительное сокращение торговли пряностями в начале века, к 60-м годам прежний уровень был вновь достигнут. Таким образом, Венеция сохранила наряду с Португалией ведущее положение в этой области.

Если прежде промышленность не играла сколько-нибудь значительной роли в экономике Венеции, то в XVI в. она стала одним из наиболее сильных индустриальных центров на полуострове. Особенно показательны успехи ее сукноделия. В 1521 г. Венеция производила всего 3500 кусков сукна, в 1569 г.— уже 26 541 кусок, а в 1602 г.— 29 тыс. кусков. Венеции принадлежало первенство среди городов Италии в области типографского и издательского дела. Во второй половине XVI в. 113 предприятий печатали в среднем каждое по 90 книг в год. В XVI в. здесь было напечатано в $3^1/_2$ раза больше книг, чем в Милане, Флоренции и Риме вместе взятых. По производству предметов роскоши (стекла, зеркал, парчи, бархата, кружев) Венеция стояла на первом месте в Европе. Вплоть до 70-х годов XVI в. успешно развивалось судостроение. Таким образом, трудности, испытываемые торговлей, частично компенсировались развитием промышленности.

По сравнению с предыдущими веками изменилось и экономическое лицо второго важнейшего торгового центра — Генуи. Успешно развивалась промышленность, в первую очередь кораблестроение и шелкоделие. Генуэзцы называли шелкоделие жизнью и душой республики. Особой славой пользовались на европейских рынках генуэзский бархат, тафта, парча. Но основное значение Генуя приобрела в качестве крупнейшего банковского центра. Ее банкиры господствовали на знаменитых французских ярмарках в Безансоне и на итальянских в Пьяченце; они занимали первое место среди банкиров Италии и одно из первых мест в Европе, успешно соперничая с банкирами Аугсбурга. Деловая активность Генуи была ориентирована главным образом на страны Пиренейского полуострова. Это относится также к торговле. Уже в 30-х годах XVI в. половина генуэзского импорта шла из Испании. В дальнейшем эти связи еще расширились. Через испанский порт Кадикс Генуя поддерживала также торговлю с Англией и Фландрией. Она стала важнейшим транзитным центром, связывающим Испанию с южногерманскими городами.

В городах Тосканы и Ломбардии, особенно тяжело пострадавших от Итальянских войн, в середине XVI в. наступил перелом, озна-

чавший начало нового подъема их торговой и главным образом промышленной деятельности.

Так, во Флоренции число суконодельческих мастерских возросло с 63 в 1537 г. до 152 в 1561 г. Количество изготовленных сукон увеличилось с 14 700 в 1553 г. до 33 212 кусков в 1572 г. В 1589 г. венецианский посол Контарини писал: «Сукноделие Флоренции настолько расширилось, что трудно представить себе, сколь великую выгоду получает от этого город» [10]. Возросло также производство шелковых тканей, которое по объему превзошло уровень XV в. В то время как в 1472 г., по сведениям склонного к преувеличениям хрониста Бенедетто Деи, во Флоренции насчитывалось 83 шелкодельческие мастерские, в 1561 г. их стало уже 91. Аналогичное оживление имело место и в других отраслях промышленности. Словом, затруднения, испытываемые флорентийцами в начале века, не заставили их отказаться от занятий промышленностью.

Заметно оживилась торговля Флоренции. Вновь установились контакты с Востоком, но преимущественно торговля велась с Испанией, Португалией и их колониями. В конце века Флоренция привозила зерно из Гамбурга, Гданьска и торговала даже с Московским государством. Предприимчивые флорентийские купцы получили от царя Бориса Годунова право свободной торговли и пытались через Московское государство установить непосредственный деловой контакт с Персией. Наконец, нельзя не упомянуть о бурном росте Ливорно, ставшего во второй половине XVI в. важнейшим международным портом на Средиземном море, куда беспрепятственно входили корабли всех стран. За 1574—1577 гг. ежегодно в Ливорно входило в среднем 417 кораблей, а в 1592/93 г.— 2266. То, что новый и растущий порт Италии был связан прежде всего с Западом, очень показательно для общей тенденции развития итальянской торговли того времени.

В крупнейшем промышленном центре Ломбардии Милане после серьезного спада экономики в первой половине века также расширились инвестиции в промышленность; росла продукция в области сукноделия, шелкоделия. Правда, явно начала отставать прежде столь знаменитая металлообрабатывающая промышленность, а также бумазейное дело, но зато бесспорна тенденция к расширению производства предметов роскоши. В одном официальном донесении от 1593 г. говорится, что за 1540—1580 гг. ювелирное дело возросло в 10 раз.

По производству парчовых тканей Милан занимал первое место в Италии. Вплоть до конца XVI в. этот город был главным поставщиком шелковых тканей для Франции.

[10] *E. Albéri.* Le relazioni degli ambasciatori veneti. Ser. II, vol. V. Firenze, 1858, p. 436.

Аналогичные явления имели место в городах всей Северной Италии. В Комо и Бергамо, Павии и Мантуе, Виджевано и Вероне наблюдалось в той или иной степени оживление промышленности.

В центральной части Италии и на Юге, где города никогда не отличались сколько-нибудь значительными экономическими успехами, во второй половине XVI в. также происходит известный рост мануфактурного и ремесленного производства и оживление торговли. В Неаполитанском королевстве развивалось шелкоделие, расширялись внешнеторговые связи, особенно с Нидерландами. В Папском государстве добыча квасцов в знаменитых приисках Тольфы достигла наибольшего расцвета в 50—60-х годах. Вместе с кастильскими квасцами они обеспечивали полностью нужды текстильной промышленности Италии, Англии, Фландрии и других стран.

Наконец, при характеристике экономики второй половины XVI в. нельзя не сказать о некотором укреплении внутреннего рынка как в региональных рамках, так и в пределах всей Италии.

Итак, промышленное производство и торговля после бесспорного сокращения в первой половине XVI в. пережили явное оживление и некоторый подъем во второй его половине. Правда, металлообрабатывающая промышленность и производство бумазейных тканей в Милане, а также сукноделие в ряде городов Ломбардии пришли в упадок, но зато сукноделие успешно развивалось в Венеции, Флоренции и других городах. В целом в Италии того времени наибольшего развития достигло производство предметов роскоши, в частности шелкоделие. Примечательно, что успешнее всего развивались те отрасли промышленности, которые находили сбыт на Западе или же снабжались там сырьем.

Заметна также тенденция ориентироваться на внутренний рынок. Так, сырьем для шелковой промышленности служил местный шелк-сырец, производство которого получило в XVI в. все большее распространение в Италии. А суконщики изготавливали в гораздо большем количестве, нежели прежде, дешевые шерстяные ткани, находившие сбыт на внутреннем рынке. Явно ощущается стремление перенести промышленное производство (в частности, производство шелковой пряжи) ближе к источникам сырья, т. е. в деревню, где была также более дешевая рабочая сила.

Следует отметить и появление некоторых технических усовершенствований, прежде всего широкое распространение гидравлических шелкопрядилен. Монтень, увидев в 1581 г. такое сооружение во Флоренции, с удивлением отметил, что одна женщина управляла одновременно 500 веретенами [11].

[11] *M. Montaigne.* Journal de voyage en Italie. Paris, 1946, p. 347.

Все же не следует придавать чрезмерного значения отмеченным новым и прогрессивным явлениям в промышленности. Они примечательны не столько как правило, а скорее как тенденция, которая свидетельствует о непрекратившихся поисках новых способов извлечения прибыли из промышленности. Но они не означали переворота в характере промышленного производства того времени. В целом итальянская промышленность продолжала существовать в традиционной форме, установившейся уже в предыдущие века,— с цеховым устройством и монопольным положением старых торгово-промышленных центров.

Та же картина предстает перед нами, если обратиться к организационным формам промышленного производства. Исследование структуры промышленности Флоренции XVI в. позволяет установить, что в ведущих отраслях сохранились раннекапиталистические мануфактуры, которые были уже известны итальянским городам в XIV—XV вв.[11a] Так, в сукноделии процесс производства по-прежнему осуществлялся частично в центральной мастерской купца-предпринимателя, частично в мастерских и домах зависимых от него мастеров. Для изготовления куска сукна требовалось участие не менее 20—30 рабочих рук.

Но если в сукноделии никаких существенных изменений в процессе производства не наблюдается, то в шелкоделии появляется ряд новых промежуточных этапов производства, которые требуют специальных навыков и знаний. Здесь же имели место уже отмеченные ранее технические усовершенствования и стремление перенести отдельные производственные этапы из города в деревню. Организаторами производства выступали, как и раньше, купцы-предприниматели, объединенные в компании. Обычно только один из членов компании непосредственно руководил работой, остальные давали лишь капитал и получали соответствующую часть прибыли.

Рабочая сила на производстве была чрезвычайно неоднородной. Прежде всего это мастера, работавшие в своих мастерских или на дому, которые еще обладали частично средствами производства (вроде красильщиков) или же были вовсе их лишены (бóльшая часть ткачей). Они экономически полностью зависели от купцов-предпринимателей и лишь формально сохранили некоторые черты, свойственные ремесленникам (возможность эксплуатировать чужой труд, работать на разных предпринимателей). Источники свидетельствуют о том, что процесс пролетаризации этих прежде

[11a] А. Ролова. Структура промышленности Флоренции второй половины XVI — начала XVII в.

свободных ремесленников продолжался, зашел, видимо, дальше, чем в предыдущие века, и был несколько более глубоким в шелковой промышленности, нежели в суконной. Подобные же явления наблюдаются в Лукке и других городах Италии.

Наряду с зависимыми мастерами в процессе производства участвовали наемные рабочие — постоянная категория трудящихся с определенным, сложившимся социальным лицом. Свое место в производстве занимали также всякого рода посредники и надзиратели, которые, будучи сами зависимы от предпринимателей, в то же время наживались за счет рабочих.

Экономическая зависимость всевозможных категорий и групп трудящихся, занятых в промышленности, от предпринимателей закреплялась общественными и правовыми нормами. Так, за нарушение цеховых правил все категории трудящихся подвергались телесному наказанию, в то время как в предыдущие века такая мера наказания применялась только к рабочим; зависимые мастера прежде наказывались так же, как и предприниматели,— денежным штрафом. Впервые в истории Флоренции работники промышленности, находившиеся в неодинаковом экономическом положении, объединялись в одну социальную категорию с единым названием manifattori. По сравнению с XIV—XV вв. пропасть между предпринимателями, с одной стороны, и зависимыми мастерами и рабочими, с другой, углубилась не только в экономическом, но и в общественно-правовом отношении.

Итак, хотя никаких коренных изменений, никакого переворота в характере промышленного производства не было, все же раннекапиталистические отношения в том виде, в каком они сложились в предыдущие века, не исчезли, а, наоборот, даже несколько укрепились. Следовательно, ни о каком полном упадке итальянской экономики в XVI в. речи быть не может. Она переживала много трудностей, бесспорны признаки ее спада, но в то же самое время нельзя не отметить отдельные успехи как в торговле, так и в промышленности и банковском деле, а также безусловный подъем экономики во второй половине века.

Однако подъем оказался кратковременным, и в XVII в. наступил полный упадок. Грозные предзнаменования обнаружились в отдельных отраслях экономики уже в последних десятилетиях XVI в.

Печальное зрелище представляла текстильная промышленность крупнейших городов Италии XVII в. В начале столетия в Милане было 60—70 суконных мастерских, производивших примерно 15 тыс. кусков в год, а к 1640 г. их количество уменьшилось до 15 и объем производства — до 3 тыс. кусков. В 1682 г. осталось всего 5 мастерских. В то же время резко сократилось производство шелковых и парчовых тканей. В 1615 г. в Кремоне насчитывалось еще 187 шер-

стяников, а в 1648 г.— всего 23. Аналогичный упадок переживала бумазейная промышленность Кремоны. В 1607 г. в Комо было 49 шерстяников, изготовивших 8—10 тыс. кусков в год, а в 1650 г. остались всего 4 мастерские с общей продукцией в 400 кусков. В Генуе уже после чумы 1579 г. количество ткацких станков по шелку сократилось до 8 тыс., а в 1676 г. осталось 2564, к тому же многие из них не работали. Тяжелые времена переживала и венецианская текстильная промышленность. В 1650 г. венецианцы производили примерно 10 тыс. кусков сукна против неполных 30 тыс. в начале века, в 1640 г. было выработано 6 тыс. кусков шелковых тканей против 10 тыс. в 1590 г., а к 1660 г. их производство сократилось до 2300 кусков. В конце XVII в. Сенату пришлось открыть доступ на венецианский рынок сукнам иноземного изготовления.

Ту же картину представляют и остальные города Италии, в частности крупнейший промышленный центр Тосканы — Флоренция. В 1612 г. венецианский посол сообщил из Флоренции о небольшой занятости рабочих в сукноделии и о том, что великие герцоги вынуждены содержать оставшуюся без работы флорентийскую бедноту, предоставив ей разные работы и ежедневные пособия [12]. Действительно, уже к 1602 г. объем флорентийской суконной продукции сократился до неполных 17 тыс. кусков, а в 1616 г. производили всего 5783 куска. В то же самое время цех шелковщиков неоднократно жаловался, что флорентийские шелка не находят больше сбыта. В 1621 г. 200 ткачей по шелку не имели работы. Глубокий упадок текстильной промышленности наступил и в Лукке. С 1585 по 1645 г. закрылось 88 шелкодельческих мастерских.

В других отраслях промышленности положение было такое же. По свидетельству современника, к 1638 г. во всей Ломбардии резко уменьшилось число мастерских и количество выработанной ими продукции, сократился экспорт и возрос приток иноземных товаров. Хотя миланские оружейники еще производили прекрасные изделия, вызывавшие восхищение иностранцев, в целом это знаменитое производство почти исчезло, и Милан начал ввозить французское оружие. В 1613 г. в Брешии осталось всего 6 самостоятельных оружейников, Во Флоренции закрывались предприятия по изготовлению бумаги. В Венеции пришли в упадок кораблестроение, типографское и стеклодувное дело.

То же самое наблюдается и в торговле. С тех пор как англичане и голландцы захватили в свои руки португальскую торговлю с Индией, пряности стали прибывать непосредственно в Лондон и Амстердам. Там же покупали их и итальянцы. В 1625 г. даже ве-

[12] *F. Mutinelli.* Storia arcena ed aneddotica d'Italia raccontata dai veneti ambasciatori, vol. III. Venezia, 1858, p. 401.

25. *Донателло.*
Конная статуя кондотьера Гаттамелаты.
Пьяцца дель Санто. Падуя

нецианцы именуют пряности западным товаром. Турецкий рынок, ранее снабжавшийся преимущественно венецианскими сукнами, наводняется голландскими и английскими изделиями. Постепенно англичане и голландцы полностью вытесняют Венецию из торговли с Востоком, а после потери ею Крита корабли западных стран господствуют в средиземноморской торговле. Даже по Адриатическому морю плавают корабли под английским и голландским флагами. Процветал лишь крупнейший порт Тосканы — Ливорно, но он обслуживал иностранных купцов и был мало связан с местной экономикой.

В XVII столетии наступил упадок знаменитых ярмарок в Пьяченце, что привело к сворачиванию генуэзского банковского дела. С полным правом поэт и государственный деятель Фульвио Тести мог констатировать, что Миланское государство разорено, Неаполитанское королевство опустошено, а Сицилия погублена [13]. Однако различие между XVII в. и предыдущими столетиями сводится не только к количественным изменениям, но и к изменениям структурного характера. Большое значение в экономической жизни Италии приобретает производство шелка-сырца и шелковой пряжи, а также сельскохозяйственных продуктов, которыми обеспечивается не только внутренний, но и внешний рынок. Шелком-сырцом и шелковой пряжей Италия снабжает Францию, Германию, Англию и другие страны. Во второй половине XVII в. она уже обогнала Турцию и Персию по вывозу этих продуктов. Таким образом, из страны, экспортирующей готовую промышленную продукцию и тесно связанной с международным рынком, Италия постепенно превращается в экспортера сырья и полусырья, в страну с замкнутой и преимущественно сельскохозяйственной экономикой.

Почему же итальянская экономика сумела противостоять трудностям лишь в течение очень короткого срока?

Начиная с конца XVI в. ситуация на мировой арене вновь резко изменилась не в пользу Италии, экономика которой по-прежнему сильно зависела от внешнего рынка. В течение XVI в. в связи с более односторонней ориентацией на испанский рынок она стала еще более уязвимой. Поэтому финансовый крах Испании нанес ей тяжелейший удар. Он был причиной полного упадка генуэзского и флорентийского банковского дела, тормозил торговлю и промышленность, которая испытывала затруднения в снабжении сырьем и сбыте своей продукции. Ослабление Испании привело также к значительному росту фискального гнета в районах, непосредственно подчиненных испанской короне.

[13] *B. Croce.* La Spagna nella vita italiana..., p. 256.

Но тяжелее всего на Италии отразилась конкуренция Англии, Франции и Голландии. Итальянские шелка вытеснялись отовсюду французскими, сукна — изделиями английского и голландского происхождения, которые были значительно дешевле итальянских. В 1645 г. один флорентийский шерстяник объяснил упадок сукноделия тем, что примерно 30 лет назад стали изготавливать сукна в местах, где прежде сбывались флорентийские; уступая по качеству флорентийским, они все же находили сбыт у тех, кто не мог много платить [14].

Преимущество западных стран заключалось в том, что в них успешно развивалась капиталистическая промышленность, далеко превзошедшая уровень раннекапиталистических отношений, достигнутый Италией. Английские и голландские капиталисты имели в своем распоряжении дешевую рабочую силу, не были скованы цеховой регламентацией и пользовались протекционизмом правительств. А в Италии того времени в деревне укреплялась феодальная реакция, цехи господствовали беспрепятственно, а вместо протекционизма в национальном масштабе имело место острое соперничество отдельных городов и тяжелый финансовый гнет местных государей. Анонимный автор писал в 1689 г. из Флоренции, что во времена его деда работалось и много и хорошо с испанской шерстью, пока ради увеличения доходов государя не повысились пошлины на испанскую шерсть, из-за чего она перестала прибывать или прибывала в очень небольшом количестве [15].

Целый ряд других причин ускорил экономический упадок Италии. Это и усилившийся процесс одворянивания буржуазии, протекавший особенно бурно в XVII веке, и феодальная реакция в деревне и во всей общественной жизни полуострова, и реакционная политика правительств отдельных итальянских государств, и, наконец, возобновление военных действий на территории Италии.

Сказанное вовсе не означает, что промышленная и торговая деятельность в Италии полностью прекратилась. Шелкоделие, хотя и резко сократилось, отнюдь не исчезло окончательно, так же как производство ряда предметов роскоши и, конечно, товаров, обеспечивающих нужды внутреннего рынка. Внутрирыночные связи в рамках всей Италии, а также в пределах каждого из ее государств, значительно ослабленные, продолжали существовать. Наконец, не была забыта мануфактурная форма промышленного производства. Она сохранилась в крупнейших центрах Италии, преимущественно в шелкоделии и других относительно новых отраслях

[14] *R. Romano*. A Florence au XVII-e siècle: industries textiles et conjoncture.— «Annales E. S. C.», 1952, № 4, p. 152.

[15] Lettera economico-politica sullo stato e Città di Firenze, 1689.— «Miscellanea di Storia Fiorentina». Арх. ЛОИИ АН СССР 19/183, № 33, f. 73.

промышленности. Ни Генуя, ни Венеция не прекратили борьбы за сохранение хотя бы некоторых позиций на мировом рынке.

Следовательно, об абсолютном разрыве между экономикой эпохи Возрождения и экономикой XVIII—XIX вв. говорить нельзя — некоторые элементы из наследия прошлого передавались через XVII век следующим столетиям.

Требуется, правда, одна существенная оговорка. Сказанное относится не ко всей Италии, а главным образом к ее северным районам. В то время как на Севере наблюдалась наибольшая экономическая активность и сплочение, наибольшее развитие рыночных связей и современных форм хозяйствования, Юг погрузился в вековой сон; здесь время как бы остановилось.

Различие в экономическом развитии Севера и Юга Италии, существовавшее уже в предыдущие века, не только сохранилось, но и углубилось. Это заметно как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Заметные сдвиги в экономике Италии давали о себе знать не только в промышленности и торговле, но и в сельском хозяйстве. Исследования последних лет внесли известные коррективы в традиционную точку зрения, будто рассматриваемые века были периодом сплошной реакции и беспрерывного упадка.

Прежде всего следует отметить, что по мере сокращения промышленности и торговли возрастал удельный вес сельского хозяйства в рамках экономической жизни Италии. В первую очередь это нашло выражение в росте и концентрации земельных владений, наблюдаемых уже во второй половине XV в. и в XVI в., но резко усилившихся в XVII в. Однако инвестиции капиталов в землю не всегда означали изъятие их из сферы обращения; они в известной мере использовались для развития сельского хозяйства. Возобновление сельскохозяйственной активности становится особенно заметным во второй половине XVI в., чему несомненно способствовал рост цен на сельскохозяйственные продукты.

Возросший интерес к земле косвенно отражается и в появлении большого количества трактатов, в которых настойчиво звучит мысль о выгодности сельского хозяйства. Агостино Галло, Джакомо Лантиери и другие авторы подобных трактатов призывают землевладельцев активно включиться в сельскохозяйственную деятельность. Не случайно в аграрном развитии Италии XVI в. можно отметить заметные успехи. Происходит расчистка земель под пашню, ирригационные и осушительные работы, более интенсивное использование земли. Наряду с традиционными зерновыми культурами появляется ряд новых: на Севере Италии распростра-

няются кормовые культуры, в Ломбардии, Венецианской республике и частично в Тоскане расширяются посевы риса. С середины XVI в. в Венеции, а затем и в Ломбардии, Пьемонте, Эмилии появляется кукуруза. Э. Серени говорит о триумфальном шествии риса и кукурузы [16]. Окрестности Болоньи становятся центром коноплеводства. Повсюду расширяется выращивание тутового дерева, цитрусовых культур, сахарного тростника. Венеция, которая прежде вынуждена была жить за счет привозного зерна, в конце XVI в., по свидетельству дожа Николо Контарини, сама обеспечивала свои потребности в зерне.

Наиболее интенсивно эти процессы происходят в Ломбардии и в Венецианском государстве, где распространяются также искусственные пастбища, стойловое содержание скота и вводятся прогрессивные формы севооборота (отказ от парового поля). Там закладываются основы той структуры сельскохозяйственного производства, которая и сегодня характерна для этих районов. Даже в отсталом по сравнению с Северной Италией Неаполитанском королевстве увеличивается сельскохозяйственная продукция, развивается овцеводство, распространяется тутовое дерево и другие культуры. И здесь, как, впрочем, во всей остальной Италии, растет связь деревни с рынком.

В окрестностях городов Тосканы наблюдается тот «неслыханный расцвет мелкой земледельческой культуры, организованной по типу садоводства», о котором говорил К. Маркс [17]. Тщательно обработанные поля-сады в конце XVI в. вызвали восхищение Монтеня [18] и в наши дни составляют отличительную черту тосканского пейзажа. Но вместе с тем капиталовложения в землю и прогрессивные формы хозяйствования были здесь более редким явлением, нежели на Севере Италии.

В XVII в. наступает регресс. В Тоскане сводятся на нет осушительные работы, вновь освоенные земли большей частью приходят в запустение, появляются крупные охотничьи заповедники. В Папском государстве и на Юге Италии сокращаются зерновые культуры, пахотная земля превращается в пастбища. Обширные территории вновь покрываются болотами или зарастают лесом и кустарником; происходит возврат к примитивным формам севооборота. И если даже местами растет урожайность, то это достигается не путем интенсификации сельскохозяйственных работ и капиталовложений, а благодаря усилению эксплуатации крестьян.

Основной, хотя и не единственной, причиной упадка сельского хозяйства было сохранение в деревне традиционных форм произ-

[16] *E. Sereni*. Storia del paesaggio agrario italiano. Bari, 1961, p. 187.

[17] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 23, стр. 728.

[18] *M. Montaigne*. Journal de voyage en Italie, p. 277.

водственных отношений. Если учесть, что даже в период наивысшего расцвета итальянской экономики (XIII—XIV вв.) в деревне продолжали господствовать феодальные и полуфеодальные отношения, станет ясно, что в XVI—XVII вв., когда Италия столкнулась с большими экономическими трудностями, ни о каком преодолении феодальных традиций не могло быть речи. В этих условиях стремление к увеличению доходов с земли неизбежно должно было привести к усилению эксплуатации на основе существующих производственных отношений.

Одной из наиболее распространенных форм производственных отношений в то время была испольщина — переходная форма ренты от феодальной к капиталистической. Испольщина господствовала в Тоскане и Эмилии, имела большой удельный вес на Севере Италии и в Папском государстве и меньший — на Юге и в Сицилии.

Испольщина XVI—XVII вв. непохожа на испольщину в ее классической форме. Часть капиталовложений в хозяйство землевладелец превращал в простую ссуду крестьянину, требуя обязательного ее возвращения; одновременно издержки производства возлагались на крестьян. Все это означало, что доход, получаемый земельным собственником, все больше превращался лишь в ренту за землю и все меньше являлся прибылью с капитала, вложенного в хозяйство. Поскольку крестьянин обычно не мог отдать долг, он попадал в кабалу и терял вместе с тем возможность покинуть землю. Юридически свободный, не имевший никаких прав на землю, он фактически прикреплялся к ней. Наряду с этим увеличивались разные добавочные оброчные и отработочные повинности, являвшиеся выражением «уважения и верности». Землевладелец постепенно приобретал право неограниченного вмешательства в семейную и домашнюю жизнь испольщика. Крестьянские семьи находились под постоянным унизительным надзором и контролем землевладельца. Характер повинностей и ограничений, возлагавшихся теперь на испольщика, свидетельствует о том, что феодальные черты в испольщине усиливались.

В Северной и Средней Италии наряду с испольщиной была распространена краткосрочная аренда, при которой крестьяне давали землевладельцу фиксированные денежные и натуральные платежи. Но и тут добавлялись всякие повинности феодального характера. На Юге Италии, где господствовала чисто феодальная рента, в XVII в. происходило, говоря словами Р. Виллари, оживление феодализма [19]. Здесь усиливаются все формы проявления феодального режима. Более жестким становится осуществление личных и фискальных прав, расширяется юрисдикция землевладельцев. Уси-

[19] *R. Villari.* Mezzogiorno e contadini nelle'età moderna, Bari, 1961, p. 77.

ление феодальных форм эксплуатации при сохранении рыночных связей особенно тяжело отразилось на крестьянстве Юга. В Сицилии феодальный сеньор мог обосновать арест крестьянина словами: «Мотивы нам хорошо известны».

Немногим отличалось положение в отсталых районах Севера и центральной части страны. Местами даже не было изжито крепостное право. Так, в Савойском герцогстве только конституция 1568 г. разрешила крепостным выкупиться на свободу.

Появление в XVI—XVII вв. нового лица в итальянской деревне — крупного арендатора, игравшего роль посредника между землевладельцем и крестьянином, означало лишь дополнительное бремя для крестьян, и так отягощенных всякого рода повинностями. Упрочение феодальной и полуфеодальной эксплуатации крестьян составляет наиболее характерную черту итальянской деревни XVI и особенно XVII в. и позволяет говорить о процессе феодальной реакции, не совсем точно именуемой иногда рефеодализацией.

В этих условиях труд крестьян становился менее производительным, доходы землевладельцев сокращались, капиталовложения в землю уменьшались. Все это отрицательно влияло на сельское хозяйство.

Упадку деревни способствовала также феодализация верхов общества, потерявших интерес ко всякого рода деловой активности, тяжелый финансовый гнет, произвол и разруха, царившие в стране, частые голодовки и эпидемии. Крестьяне нередко бывали вынуждены бросать свою землю и уходить куда глаза глядят.

Следует отметить, что состояние деревни XVII в. представляет по сей день фактически еще не изученную страницу в истории Италии. Появившиеся за последние несколько лет исследования касаются главным образом Ломбардии, Венецианского государства и Неаполитанского королевства. Центральная часть Италии, в частности Тоскана, пока ждет своих исследователей.

Все же и на основе имеющихся данных можно заключить, что в сельском хозяйстве, так же как в промышленности и торговле, не все наследие прошлого было забыто. При общем преобладании регрессивных явлений, в отдельных, главным образом равнинных, районах Италии (в долине реки По и в Венецианской республике) достижения предыдущих веков, ослабленные в XVII в., сумели противостоять трудностям и, таким образом, стали предпосылкой прогрессивного развития в следующих веках.

ЗНАТЬ И БУРЖУАЗИЯ

Развитие итальянского общества в XVI—XVII вв. характеризуется расширением рядов феодальной знати и увеличением ее удельного веса.

На Севере Италии и в Тоскане осталось очень мало представителей родовой титулованной знати. На Юге и в Папском государстве они еще играли важную роль в социально-политической жизни, но в XVI—XVII вв. расточительный образ жизни нередко приводил их к разорению. Ряды местной феодальной знати частично росли за счет испанских грандов, обосновавшихся преимущественно в районах, подчиненных Испании или находившихся под ее влиянием. Но в гораздо большей степени феодальная аристократия пополнялась за счет новых землевладельцев, вышедших из рядов буржуазии.

Прежде земельные владения служили буржуазии не столько источником доходов, сколько основой доверия к ее материальному могуществу, а также местом летнего отдыха. Теперь же они постепенно становились основным источником дохода. Как уже отмечалось, интерес к земельным владениям возрос в XV в. и со временем все усиливался. Уже в 1527 г. венецианский посол писал, что флорентийцы, получив 20 тыс. дукатов дохода, тратят 10 тысяч на приобретение дворцов вне города[20]. За период с 1510 по 1582 г. недвижимое имущество венецианцев в одной только Падуанской провинции выросло в четыре раза. Тяга к приобретению земли становилась всеобщей. В завещаниях, составленных купцами и финансистами, врачами и адвокатами, то и дело высказывались пожелания, чтобы накопленные ими богатства использовались на приобретение земли. Буржуазия прекрасно понимала, что прибыль с земли меньше прибыли, получаемой от торговли и промышленности, но гораздо надежней в условиях возраставших экономических трудностей.

Тяга к приобретению земельных владений объясняется не только экономическими соображениями, но и тем, что это был основной путь для восхождения по социальной лестнице. Как уже говорилось, в XVI—XVII вв. в деревне сохранялись феодальные и полуфеодальные отношения. По мере того как основными источниками существования буржуазии становились феодальные доходы, происходил процесс ее одворянивания. С полным правом Б. Каицци говорит, что ни один век не видел такого размаха вхождения в дворянство, как XVII[21]. Ведущие в то время представители милан-

[20] *E. Albèri.* Le relazioni..., ser. II, vol. I, p. 23.

[21] *B. Caizzi.* Le classi sociali nella vita Milanese.— «Storia di Milano», vol. XI, Il declino spagnolo (1630—1706). Milano, 1958, p. 339.

ской знати — Борромео, Литта, Кузани, тосканской аристократии — Сальвиати, Каппони, Гвиччардини, римской знати — Альдобрандини, Боргезе, Перетти и многие другие — были выходцами из купеческой среды. Став по своим источникам дохода в один ряд с титулованным дворянством, бывшие буржуа стараются полностью слиться с ним и добиваются громких титулов. В Милане, например, во второй половине XVI в. началась настоящая погоня за титулами. Итальянские государи, постоянно нуждавшиеся в деньгах, охотно шли навстречу стремлениям новых землевладельцев и за большую мзду раздавали в огромном количестве не только титулы, но и феоды, права юрисдикции и различные привилегии. Испанский король Филипп IV писал миланскому магистрату, чтобы тот «превратил в феод любую государственную землю, предлагая на выбор титул маркиза, графа или другой за наивысшую цену»[22]. В Неаполитанском королевстве титул князя продавался за 20 тыс. скуди, титул герцога — за 15 тысяч. В 1575 г. там насчитывалось 13 герцогов, 30 маркизов и 54 графа, а в 1597 г. уже 41 герцог, 75 маркизов и 72 графа. В 1580 г. было 14 князей и 488 баронов, а в 1597 г.— 25 князей и 600 баронов.

При непосредственном содействии итальянских государей феодальная знать все больше выделялась своими привилегиями. Она освобождалась от налогов и повинностей, имела монопольное право носить личное оружие, занимать высшие должности и окружать себя неограниченной роскошью. Введение майората обеспечивало старших сыновей возможностью вести привольный образ жизни, а младшим сыновьям открывался доступ во вновь созданные духовно-рыцарские ордена, в армию и ко двору. Если когда-то быть зачисленным в ряды аристократии считалось для флорентийца величайшим наказанием, то теперь это стало мечтой его жизни. Посол Лукки писал из Флоренции: «Кресты, двор и армия отвлекли молодую знать от торговли»[23]. Знатное происхождение, столь едко высмеянное в свое время гуманистами, вновь становится признаком принадлежности к аристократии. «Ни богатство, ни роскошная одежда не делают человека знатным, а блеск его предков»,— писал придворный Феррарского герцога Аннибале Ромеи[24].

Со временем занятие торговлей стало считаться не совместимым с принадлежностью к аристократии (в Милане с 1593 г.). Но в то время как на Юге Италии подобные запреты соблюдались, в Лом-

[22] *B. Caizzi*. La ville et la campagne dans le système fiscal de la Lombardie sous la domination espagnole.— «Eventail d'histoire vivante». Hommage à L. Febvre, vol. II. Paris, 1953, p. 369.

[23] *A. Anzilotti*. Movimenti e contrasti per l'unità italiana. Bari, 1930, p. 85.

[24] *A. Romei*. Discorsi. Città di Castello, 1900, p. 184.

бардии и Тоскане, где купеческие традиции были очень сильны, знать нередко вкладывала свои капиталы в выгодные торговые дела через подставных лиц. Англичанин Томас Мэн писал в начале XVII в., что в Тоскане мало дворян, которые бы сами не занимались торговлей[25]. Пример показывали сами великие герцоги, не брезгавшие доходами с коммерции. Но в целом молодежь стала относиться с презрением к такого рода занятиям. «Знатный человек не может без того, чтобы не опозорить себя, заниматься, кроме созерцательных наук, еще и торговлей, ни тем более каким-либо ремеслом...» — говорится в диалоге «Воображаемая республика» итальянского утописта XVI в. Людовико Агостини, который сам решительно выступал против знатных бездельников[26].

Изменился образ жизни бывших буржуа. Флорентийские купцы и предприниматели, о которых венецианский посол в начале XVI в. с удивлением и некоторым презрением писал, что они собственноручно занимаются самыми простыми ремеслами[27], теперь строят себе роскошные дворцы в городе и не менее роскошные летние резиденции в деревне. Они окружают себя большим штатом слуг и разной клиентелой, выезжают в роскошных каретах, мода на которые в XVI в. стала появляться в Италии, одеваются в шелка, бархат и парчу, покупают драгоценности за баснословные деньги. В 1600 г. посол Лукки писал из Флоренции, что «флорентийцы, оставив прежний образ жизни, восприняли обычаи придворных»[28]. Построить дворец, иметь карету и дать роскошное приданое дочери — вот три основные заповеди римской аристократии XVI в.

Процесс феодальной реакции находил свое выражение и в росте удельного веса духовенства. По всей Италии расширяется церковное землевладение: в XVII в. в Миланском герцогстве церкви принадлежало почти $^1/_4$ земли, в Парме — более $^1/_2$. На Юге церковное землевладение достигало местами $^2/_3$ территории. В Венецианском государстве рост церковных земель становился настолько угрожающим, что в 1605 г. Сенат запретил отчуждение светского имущества в пользу церкви. Фра Паоло Сарпи писал[29], что «духовенство составляет сотую часть населения, но владеет более чем

[25] *A. Anzilotti*. Movimenti e contrasti..., p. 83.

[26] *G. Barni*. Mutamenti di ideali sociali dal secolo XVI al secolo XVIII: giuristi, nobilità e mercatura.— «Rivista internazionale di filosofia del diritto», an. 34, 1957, fasc. 6, p. 770. Ср. *Л. С. Чиколини*. «Воображаемая республика» итальянского утописта XVI века Людовико Агостини.— СВ, 28, 1965.

[27] *E. Albèri*. Le relazioni..., ser. II, vol. I, p. 21.

[28] *N. Rodolico*. Storia degli italiani. Firenze, 1954, p. 235.

[29] *S. F. Romano*. Questioni di storia economica e sociale d'Italia dal XVI al XIX secolo. Lezione XIV. Roma, 1955, p. 6—7.

$^1/_4$ [недвижимого имущества], в Падуанской провинции — $^1/_3$, Бергамской — более чем $^3/_5$...»

Кардиналы и высшее духовенство Папского государства были значительно богаче светских феодалов и в смысле роскоши не отставали от них.

Перемены, происходившие в верхах итальянского общества, являлись прямым результатом изменившейся экономической ситуации; они в свою очередь существенно тормозили дальнейшее развитие страны. Дело не только в том, что знать тратила средства непроизводительно, но и в том, что своим образом жизни и нравами она действовала разлагающе на остальные слои общества.

Указанные процессы имели место уже в XVI в., но проявились с полной силой лишь в следующем столетии. Не подлежит сомнению, что XVI век знал еще немало предприимчивых, энергичных и хищных буржуа, успешно продолжавших дело своих отцов, но бесспорно, что дух буржуазного предпринимательства ослабевал. Постепенно ряды купцов и предпринимателей редели, а пополнения не было.

Те, кто не переключился на землевладение, обращали свои взоры к ростовщичеству, спекуляциям с государственными займами, к откупу государственных доходов, покупке всякого рода должностей. Рост рядов финансистов происходил особенно бурно в Папском государстве и Неаполитанском королевстве, где буржуазия и прежде была слаба. При папе Льве X (1513—1521) количество продаваемых должностей составляло 2232, а при Пие IV (1559—1565) — 3645. Тяга к приобретению должностей объяснялась их большой прибыльностью: они давали 12% с вложенного капитала. Обычно финансисты пользовались должностями как трамплином для приобретения земель, обеспечивавших более верные доходы и открывавших дорогу к дворянскому званию.

В XVII в. торгово-промышленная буржуазия отступает на задний план перед финансистами и чиновниками, судьями, адвокатами и нотариусами, откупщиками государственных доходов и арендаторами земель. Нездоровый дух спекуляций, интриг и азарта царит среди них. Они уже забыли о тех временах, когда их предприимчивые, находчивые и смелые предки составляли, по словам папы Бонифация VIII, пятый элемент мироздания. Теперь они являются элементом консервативным, больше всего заинтересованным в обеспеченной роскошной жизни, мечтают о карьере и дворянских титулах.

ПОЛОЖЕНИЕ НАРОДНЫХ МАСС. КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Чем роскошнее жили верхи общества, тем больше беднели народные массы — крестьяне, рабочие, мелкие ремесленники и лавочники.

Условия жизни рабочих и зависимых мастеров даже в XVI в., когда промышленность находилась еще на сравнительно высоком уровне, были крайне тяжелыми. Предприниматели платили мало, выдавали заработную плату натурой и неполноценной монетой, запутывали мастеров и рабочих в долговые сети. Реальная заработная плата во Флоренции, в Венеции и других городах имела тенденцию к понижению. В Неаполе, например, с начала XVI до начала XVII в. реальная заработная плата уменьшилась на 1/4, а для некоторых категорий трудящихся даже на 1/3. Если в 1520 г. доходов флорентийского каменщика едва хватало на содержание семьи, то в 1551 г. и об этом уже не могло быть речи. В середине XVI в. больше половины дневного заработка флорентийского ткача уходило на один хлеб для семьи из 5 человек. В XVII в. в Савойском герцогстве заработная плата обычно не обеспечивала прожиточного минимума.

Страшным бичом для народных масс были косвенные налоги — эти «налоги на бедных», как их метко охарактеризовал В. И. Ленин [30]. Ими облагалось буквально все: хлеб и вино, масло, мыло, соль. Самым разорительным и ненавистным был соляной налог. Платить приходилось за взвешивание и измерение товара, за ввоз и вывоз. Венецианский посол писал из Флоренции, что «там нет вещи..., которая не имела бы своего колокольчика» [31].

В одной жалобе ткачей города Лукки говорится: «Наша нищета столь велика, что стоит нам только выйти из дома, как нас сразу схватывают, будто мы воры, и бросают в тюрьму. Кредиторы преследуют нас без всякой жалости..., купцы относятся к нам плохо; жить дальше невозможно в такой нищете» [32].

С конца XVI в. положение ухудшилось еще больше. Алеати и Чиполла подсчитали, что в начале XVII в. в Падуе один ремесленный мастер должен был работать 220 дней в году, а поденщик 370 дней, чтобы обеспечить себя одного средствами к жизни [33]. Ве-

[30] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 172.

[31] *E. Albéri.* Le relazioni..., ser. II, vol. II, p. 72—73.

[32] *M. Berengo.* Nobili e mercanti nella Lucca del Cinquecento. Torino, 1965, p. 287.

[33] *G. Aleati e C. M. Cipolla.* Contributo alla storia dei consumi e del costo della vita in Lombardia agli inizi dell'età moderna. — «Éventail d'histoire vivante», v. II, p. 333.

ликие герцоги Тосканские постоянно были вынуждены распределять среди бедноты деньги и хлеб.

В этот период увеличилась безработица. Флорентийский купец Джулиано Риччи записал в своей хронике: «Из-за отсутствия работы в шелкоделии и сукноделии большая часть (плебеев) дошла до полной нищеты, занимается попрошайничеством, но не находит никого, кто дал бы им хлеба»[34]. В 1647 г. тосканское правительство констатировало, что число бедных в городе достигло 11 тыс. человек. И это при населении в 70 тысяч! Нищие и бродяги заполняли города и деревни. Особенно много их было в Риме и Неаполе. Нищенство стало бичом всей Италии. Более предприимчивые ремесленники отправлялись в соседние государства. Но на что они могли рассчитывать в пределах Италии, где всюду положение было одинаковым, а в деревне, пожалуй, еще хуже, чем в городе!

Крестьяне отдавали землевладельцу бóльшую часть своего урожая. Достаточно было одного неурожайного года, чтобы они оказались в неоплатном долгу. То, что не отбиралось землевладельцем, шло на уплату бесконечных налогов. Наиболее тяжелым был налоговый гнет в государствах, непосредственно подчиненных Испании. По образному выражению Томмазо Кампанеллы, в Неаполитанском королевстве надо платить и за то, чтобы сохранить голову на плечах. Феодалы обычно освобождались от налогов. Кто меньше имел, тот платил больше. Крестьяне пытались спастись бегством, но тогда возрастало бремя, ложившееся на плечи тех, кто остался, так как за уплату налогов отвечала вся сельская коммуна.

Английский путешественник, объясняя причины нищеты населения Италии, отмечал, что духовенство отнимало у народа для обогащения церквей и монастырей то, что оставляли правители[35]. Не следует также забывать об откупщиках налогов, о ростовщиках и чиновниках, живших за счет тех же крестьян.

В Папском государстве и на Юге пахотные земли превращались в пастбища, и крестьяне сгонялись с земли. Не было на Юге ни одного села, население которого не ходило бы в должниках и не имело бы больше расходов, чем доходов. Теряли землю и мелкие арендаторы Севера, бессильные уплатить растущую арендную плату. А крестьяне, сохранившие землю, все больше запутывались в долгах. Дорога риса и кукурузы была, по словам Серени, покрыта слезами и кровью[36].

[34] *G. Sapori.* Giuliano de'Ricci e una sua cronaca inedita.— «Studi in onore di A. Sapori», vol. II. Milano, 1957, p. 1067.

[35] *G. Burnet.* Some letters containing an account of what seem'd most remarkable in travelling through Switzerland, Italy... s. l., 1708, p. 115.

[36] *E. Sereni.* Storia del paesaggio..., p. 187.

Современники рисуют крайне печальную картину крестьянской жизни. Вот что говорится о венецианских крестьянах 1574 г.: «Богат тот, у кого нет долгов, кто имеет орудия труда и домашнюю утварь. Но у большей части нет скота, зато есть бесконечные долги и столько мук и лишений, что едва можно существовать» [37]. Жалкие жилища, плохая одежда, невежество характеризуют жизнь крестьян в Миланском герцогстве. Почти единственная их пища — хлеб, в котором зерно составляло меньшую часть.

Бедствия крестьян усугублялись частыми голодовками и эпидемиями. В голодные годы крестьяне, по словам очевидцев, «с тусклыми и бледными лицами толпой отправлялись в города и полуживые выпрашивали себе кусок хлеба» [38]. Особенно страшной была чума 1630 г., описанная впоследствии А. Мандзони в его романе «Обрученные».

С удивительным трудолюбием, вызвавшим восхищение Монтеня, крестьяне возделывали свои клочки земли, но приостановить постоянное ухудшение материального положения они не могли. Английскому путешественнику, посетившему Тоскану спустя 100 лет после Монтеня, она казалась удивительно малонаселенной и обездоленной. Он видел необработанные земли, бедных людей, развалившиеся дома и с трудом верил, что в такой богатой стране может быть столько нищеты [39].

Итак, безмерная роскошь на одном полюсе и безмерная нищета на другом — вот к чему пришло итальянское общество в эпоху феодальной реакции.

*

Трудящиеся массы Италии отнюдь не безропотно переносили тяжкие бедствия. Города и деревни не знали покоя. Не случайно Франческо Гвиччардини с ужасом вспомнил восстание чомпи и опасался его повторения [40]. В 1606 г. тосканский посол писал из Неаполя: «Здесь нет ни хлеба, ни вина, есть новые габеллы, и дай бог, чтобы этот народ не восстал» [41].

Эта боязнь отражается в мероприятиях государств. В 1621 г. правительство Тосканы оказало материальную помощь шелковщи-

[37] *D. Beltrami.* Un ricordo del Priuli intorno al problema dell'ammortamento dei depositi in zecca del 1574.— «Studi in onore di A. Sapori», vol. II, p. 1078.

[38] *C. De Frede.* Rivolte antifeudali nel mezzogiorno d'Italia durante il Cinquecento.— «Studi in onore di A. Fanfani», vol. V. Milano, 1962, p. 28.

[39] *G. Burnet.* Some letters..., p. 176.

[40] *Fr. Guicciardini.* Opere inedite. Firenze, 1858—1867, vol. X, p. 377.

[41] *V. de Caprariis.* Il Seicento.— «Storia d'Italia». Coordinata da N. Valeri, vol. II. Torino, 1959, p. 580.

кам из страха перед угрожающими выступлениями безработных. Флорентийским рабочим запрещалось посещать трактиры — излюбленное место их тайных сходок и сговоров. Та же боязнь объясняет издание жестоких законов против нищих и бродяг.

Власти боялись не зря.

В XVI в. в Италии распространяются реформационные учения, бывшие в то время своеобразной формой выражения классового протеста. Характерно, что среди ремесленников и крестьян наибольшей популярностью пользовались самые радикальные течения реформации: анабаптизм и антитринитаризм.

Массовое бегство трудящихся города и деревни наносило явный ущерб господствующему классу: пустующие поля и бездействующие станки доходов не давали. Но наиболее распространенным явлением в итальянской деревне XVI—XVII вв. был так называемый «бандитизм». Вооруженные группы беглых крестьян, дезертировавших солдат, пауперов и бродяг нападали на проезжих, занимались грабежом и разбоем. Шла, по словам Броделя, «жестокая и повседневная война» [42]. Но «бандитизм» носил характер не просто преступного разбоя. Венецианский посол писал в 1595 г. из Рима, что бандиты, которые живут вымогательством и ради большого выкупа захватывают на дороге людей, выступают только против богатых. В отношении же бедняков они щедры и часто делают им подарки. Посол подчеркивает, что «бандиты» находятся в дружественных отношениях с народом [43]. Не случайно «бандиты» наиболее энергично действовали там, где народным массам жилось особенно тяжело (в Папском государстве и Неаполитанском королевстве), и в те годы, когда неурожай и голод делали положение крестьян совершенно невыносимым (80—90-е годы XVI в.).

«Бандитизм» был очень сложным явлением. Нередко «бандиты» возглавлялись феодалами, которые хотели использовать крестьянское движение в своих личных интересах. Такой характер носило движение, возникшее на стыке границы Тосканы и Папского государства в 1590—1591 гг. и возглавлявшееся герцогом Альфонсо Пикколомини. В Неаполитанском королевстве бароны использовали движение крестьян в целях междоусобных войн. В таких случаях «бандитизм» становился орудием феодальной реакции. Тем не менее классовый характер «бандитизма» не подлежит сомнению. Можно присоединиться к словам Броделя, назвавшего это явление «скрытой крестьянской войной» [44]. Карательные экспедиции против

[42] *F. Braudel.* Misère et banditisme au XVI-e siècle.— «Annales E. S. C», 1947, № 2, p. 134.

[43] *E. Albéri.* Le relazioni..., ser. II, vol. IV. Firenze, 1857, p. 393—394.

[44] *F. Braudel.* Misère et banditisme..., p. 139.

«бандитов», отличавшиеся страшной жестокостью, зачастую обрушивались и на крестьян, оказывавших «бандитам» помощь.

Вместе с тем то в одной, то в другой части Италии вспыхивали вооруженные восстания. Уже говорилось о событиях 1527—1530 гг. во Флоренции. В 1531—1532 гг. в Лукке происходит так называемое «восстание оборванцев», начавшееся выступлением ткачей в ответ на ограничение их экономической самостоятельности и вылившееся в всеобщее движение ремесленников и бедноты города против купцов и правителей. В 1547 г. восстали неаполитанцы, протестуя против попыток правительства ввести испанскую инквизицию. Вслед за выступлением столицы пришла в движение и деревня Неаполитанского королевства. В том же году в Генуе возник заговор Фиески, всколыхнувший и народные массы. Тогда же взялся за оружие народ в Сиене. В 1561 г. имел место заговор протестантов в Мантуе, одновременно восстали подданные герцога Урбинского. В войне корсиканцев против Генуи в 1564—1569 гг. движение за независимость переплеталось с борьбой народных масс против угнетателей. То же самое относится к событиям 1575—1576 гг. в Генуе, когда борьбу «новой знати» со «старой» использовали плебеи для выдвижения своих экономических и социальных требований. Дело доходило до уличных столкновений и борьбы на баррикадах. В 1581 г. в знак протеста против отказа властей повысить заработную плату восстали рабочие венецианского арсенала и разгромили государственное зернохранилище. В 1589 г. вновь вспыхнуло восстание в Урбино, а ровно через десять лет в Калабрии под предводительством Томмазо Кампанеллы было подготовлено восстание, разгромленное в самом начале.

Наиболее ожесточенные формы носила революционная борьба крестьян в Неаполитанском королевстве. Не проходило года, чтобы где-нибудь крестьяне не разгромили замки феодалов или не убили их самих.

Именно в Неаполитанском королевстве произошло восстание, превзошедшее по своему размаху все остальные выступления народных масс и получившее широкий отклик как во всей Италии, так и за ее пределами.

Восстание началось в Неаполе 7 июля 1647 г. в связи с повышением налога на фрукты. Во главе народных масс встал простой рыбак Томмазо Аньелло (Мазаньелло), именем которого названо все восстание. Народ громил дома чиновников и финансистов, убивал ненавистных знатных господ, освобождал из тюрем заключенных. Он требовал отмены габелл и отстранения «плохих» правителей. К народным низам примкнула буржуазия, надеявшаяся добиться расширения своих политических прав. Вице-королю пришлось согласиться с требованиями восставших. Но вскоре после предательского убийства Мазаньелло руководство восстанием пере-

шло в руки буржуазии, которая не принимала во внимание интересы масс. Тогда они восстали вторично. В течение нескольких месяцев власти не могли справиться с неаполитанцами.

Между тем к Неаполю присоединился целый ряд других городов. Восстали крестьяне, которые начали убивать ненавистных баронов и громить их усадьбы, нападать на сборщиков налогов и чиновников. Почти все королевство охватило пламя восстания.

22 октября в Неаполе была провозглашена республика. Новые власти немедленно объявили по всему королевству об отмене габелл и отстранении королевских чиновников от занимаемых постов; они начали организовывать свои военные силы. Но в рядах восставших отсутствовало единство: слишком противоречивыми были интересы буржуазии и народных масс. Этим воспользовался ловкий демагог и авантюрист герцог Лотарингский Генрих Гиз, который сумел добиться своего избрания на должность герцога республики. Предательская роль буржуазии и герцога Гиза становилась все более очевидной.

В этих условиях испанцы, пообещав отменить все габеллы и «жить в мире с народом», добились восстановления своей власти. 5 апреля 1648 г. они заняли Неаполь и немедленно начали расправу с участниками восстания как в городе, так и во всем королевстве. Восстание было потоплено в крови, реакция восторжествовала.

Почти одновременно восстал народ Палермо и ряда других городов Сицилии. В 1670 г. вспыхнуло восстание в Мессине. Однако и эти восстания потерпели поражение.

Революционные движения на Юге Италии показали, что даже в условиях жесточайшего социального и политического гнета народные массы сохранили боевой дух и стремление к свободе и независимости.

Восстания и заговоры свидетельствовали о высоком накале классовой борьбы. Но критика существующей действительности выражалась не только такими методами. Лучшие умы тогдашней Италии поднимали голос протеста и в гневных словах обличали пороки общества. Они мечтали о его радикальном преобразовании, создавали фантастические картины воображаемых идеальных обществ и государств. Наиболее стройную картину идеального бесклассового общества создал Томмазо Кампанелла в знаменитом труде «Город Солнца». Об обществе без частной собственности, о справедливости и всеобщем равенстве, о наступлении «золотого века» мечтали и другие представители утопического социализма Италии: Антон Франческо Дони, Фабио Альбергати, Лелио Соччини, Франческо Патрици и многие другие.

В эти тяжелые годы упадка, разорения, реакции народ Италии не склонил головы и вел беспрерывную, повседневную борьбу. Но условия итальянской действительности наложили отпечаток на

характер классовой борьбы. Она была стихийной, разобщенной, в ней не хватало боевого духа, энергии, инициативы. Отрицательно сказывались политическая раздробленность, чужеземный гнет, наконец, католическая реакция.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

XVI—XVII вв. представляют собой новый этап и в политическом строе итальянских государств. Города-государства и синьории прежних веков превратились в территориальные княжества. В основе этих изменений лежит постепенная экономическая консолидация отдельных провинций, начавшаяся еще задолго до рассматриваемого времени. В Италии, где единый внутренний рынок не образовался, подобная консолидация по провинциям являлась промежуточным этапом от экономической раздробленности средневековья к национальному рынку нового времени. Из-за длительной задержки экономического развития страны промежуточный этап был преодолен лишь в XIX в.

По своему политическому устройству большинство итальянских государств превратилось в абсолютистские княжества. Только Венеция, Генуя и Лукка остались республиками.

Типичный пример абсолютистского княжества — Тосканское великое герцогство. Не внеся никаких изменений в существовавшую в начале XVI в. государственную структуру, великие герцоги лишили его учреждения всякой самостоятельности. Выборность должностных лиц превратилась в фарс, а сами должности из почетных — в источник дохода. Истинная власть сосредоточивалась в руках великого герцога и его обширного чиновничьего аппарата. «Нет у нас другого обычая, кроме нашей воли»,— говорил Козимо I. Централизаторские тенденции во внутренней администрации, суде и финансовом аппарате сочетались с протекционистской политикой. Все это дало известные положительные результаты в смысле экономического и политического сплочения великого герцогства. Но успехи оказались кратковременными.

Дело в том, что политика правительства не отличалась последовательностью. Тенденция к сплочению княжества в единое целое сочеталась с политикой, сохраняющей монопольное положение его столицы. Положительные результаты протекционистской политики были вскоре сведены на нет тяжелым финансовым прессом, собственным участием государя в торговле, политикой откупов, введением монополий и т. д. Финансовые потребности правительства явно шли вразрез с возможностями маленького государства.

Огромные денежные средства требовались не только для содержания чиновничьего, полицейского аппарата и вновь созданной по-

стоянной армии, но и для содержания пышного двора, о роскоши которого в начале XVII в. с удивлением говорил французский путешественник дю Валь [45].

Абсолютистское княжество, выжимавшее из народных масс все соки, служило прежде всего нуждам феодальной аристократии. Ее представители занимали высокооплачиваемые должности при дворе и в армии. Ради них был создан духовно-рыцарский орден Сан-Стефано, им раздавались феоды, титулы и привилегии. Ни о каком уравнении всех жителей перед законом, которым так восхищаются буржуазные историки Анцилотти, Панелла и др., в действительности не может быть речи. Указывая на колонну со статуей Справедливости, флорентийцы говорили с усмешкой: «Справедливость вознесена столь высоко, что бедный народ не может ее достичь» [46].

Аналогичное положение сложилось в Савойе. Однако здесь положительные результаты экономического и политического сплочения более заметны, так как оно позволило некогда отсталому герцогству догнать наиболее развитые государства Италии и прочно занять среди них одно из первых мест.

Чем меньше княжество, тем более нелепым выглядел пышный двор, принявший испанский этикет и соперничавший с дворами Мадрида, Парижа и Вены, громоздкий чиновничий аппарат и самодержавная политика мелкого государя.

В условиях экономического упадка, ослабления буржуазии и территориальной узости итальянские княжества не смогли играть той положительной роли, которую играли абсолютистские государства Франции или Англии. Некоторые успехи, достигнутые ими на начальном этапе существования в смысле политического и экономического сплочения, не получили дальнейшего развития из-за феодальной реакции, выразителем которой становилось само правительство. В мелких государствах реакционные черты княжеского абсолютизма выступали особенно резко.

На области испанского подчинения распространилась абсолютистская политика мадридного правительства, осуществляемая миланским губернатором и вице-королями Неаполитанского королевства и Сицилии. Функции миланского сената сводились всего лишь к регистрации решений короля, парламент в Неаполе не созывался с 1542 г.

В Миланском герцогстве местная знать была верной опорой испанских правителей, но на Юге Италии последние сталкивались

[45] *F. G. Pariset.* Jean-Baptiste du Val en Italie (1608—1609).— «Révue de la Méditerranée », 1961, № 1, p. 28—29.

[46] An Account of divers choice remarks, as well geografical as historical... taken in a journey... by E. Veryard. London, 1701, p. 245.

с яростным сопротивлением баронов, которые желали отказаться от своей политической самостоятельности. Причем бароны выдавали себя за защитников национальных интересов, ловко прикрывая этим узкоклановые корыстные цели. Однако испанские власти сумели компенсировать баронов за утрату некоторых политических вольностей, поддерживая их социальный статус. Сговор между испанцами и баронами осуществлялся за счет народных масс.

Римские папы в качестве светских государей правили по образцу остальных итальянских правителей. Но вся их централизаторская и протекционистская политика не давала сколько-нибудь заметных результатов. Феодальная вольница не прекращалась, государственный аппарат становился все более громоздким и все менее действенным. Это объясняется не только отсталостью экономики и слабостью буржуазии, но в значительной степени спецификой Папского государства как центра международной церковной организации. Огромные богатства, стекавшиеся со всех концов католического мира, сделали Рим притягательной силой для всех, кто искал легкой наживы. За счет государства жили не только прелаты, родственники пап и чиновники, но и финансисты всех мастей. Благодаря жесткой финансовой политике доходы казны со времен Пия V (1565—1572) до Климента VIII (1592—1605) удвоились, и все же она была постоянно пуста, так как эти доходы заложили еще до того, как их стали получать. Нигде система откупов и продажи должностей не была так развита, как в Папском государстве, нигде так не процветала коррупция. В конце XVI в. Т. Боккалини писал, что «все кардиналы хотели бы стать папами, все прелаты — кардиналами, а все придворные — прелатами» [47].

Сами папы рассматривали свое избрание прежде всего как способ обогащения собственной семьи. Так, Сикст V (1585—1590) назначил 14-летнего племянника кардиналом, а его 8-летнего брата — губернатором Борго и генеральным капитаном гвардии. Если даже временами удавалось пополнить папскую казну, то деньги шли на строительство великолепных дворцов, а государство оставалось в прежней нищете. Не случайно Боккалини считал его «наиболее несчастным во всей Италии» [48]. В этих условиях абсолютизм папы фактически превратился, говоря словами Кароччи, в олигархический режим наиболее богатых семейств [49].

В утверждавшемся столетиями республиканском устройстве Венеции никаких существенных изменений не произошло. Патрициат,

[47] *G. Carocci*. Lo stato della Chiesa nella seconda metà del secolo XVI. Milano, 1961, p. 17.

[48] Ibid., p. 172.

[49] Ibid., p. 170.

сохранивший все ведущие экономические позиции, остался монополистом и в политической жизни, не допуская никаких отклонений от прежнего курса. В конце XVI и в начале XVII в. образовалась группировка так называемых «молодых» из среды менее богатых и влиятельных патрициев, связанных не столько с землевладением, сколько с торгово-промышленной деятельностью. Они желали добиться некоторого расширения рядов узкой правящей олигархии, несколько более гибкой политики, лучшего приспособления к изменившимся экономическим и политическим условиям, но натолкнулись на железную стену консерватизма. Не стремившееся к каким-либо коренным реформам движение «молодых» вскоре прекратилось само собой.

Закостенелая политика венецианских патрициев в отношении подчиненных земель в области экономики и в политической жизни была не менее реакционной, чем политика итальянских князей и существенно тормозила развитие республики.

Тем не менее для современников Венецианская республика олицетворяла принципы свободы. В начале XVI в. флорентийцы Гвиччардини и Джанотти видели в ней образец политического устройства, достойный подражания. Впоследствии ею восхищались французы Этьен де ля Боэси, Монтень и Боден. А итальянцы, мечтавшие о свободе своей родины, нередко с надеждой обращали взоры на Венецию.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИТАЛЬЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ

Установление испанского владычества решающим образом повлияло на внешнеполитическое положение итальянских государств. Кончилось время, когда они могли мечтать о гегемонии в Италии. Для большей части итальянских государств задача заключалась теперь в том, чтобы защитить остатки самостоятельности или же добиться наибольшего расположения Испании. Новый почетный титул или же некоторое расширение границ за счет более слабого соседа — вот предел мечтаний большинства итальянских государей. В этом отношении успехов добился герцог Тосканы Козимо I (1537—1573), который присоединил к своим владениям Пьомбино и добился в 1569 г. титула великого герцога. В целом же политика итальянских государей была непоследовательной, их дипломатическая деятельность малоэффективной.

Из всех итальянских государств одна Савойя, прежде не игравшая сколько-нибудь значительной роли в истории Италии, сумела извлечь выгоды из создавшегося положения. Расположенная на границе Франции и испанских владений в Италии, она воспользовалась противоречиями между этими государствами и добилась воз-

вращения всех феодов, оставшихся после 1559 г. в руках Франции и Испании, а также маркизата Салуццо.

Единственным государством с совершенно независимой внешней политикой оставалась Венеция. Все ее заботы сводились к тому, чтобы не допустить продвижения Турции в Средиземном море.

Римские папы, занятые упрочением сильно поколебленных позиций церкви, мало занимались внешнеполитическими проблемами. Но когда в 1570 г. турки заняли принадлежащий Венеции Кипр, по инициативе Пия V была создана Священная лига, в состав которой вошли Венеция, Испания, Савойя, Генуя и сам папа. Против турок направился объединенный флот под командованием побочного брата Филиппа II Хуана Австрийского. В 1571 г. произошла битва при Лепанто, в которой участвовало 230 христианских галер и 208 турецких, не считая мелких кораблей. Впервые не знавшие поражений турки были разбиты. Но Европа ликовала преждевременно. После смерти Пия V Священная лига распалась. Испания не была заинтересована в продолжении борьбы, которая могла привести к нежелательному для нее усилению Венеции.

В этих условиях Венеция, испытавшая большие финансовые и экономические трудности, смирилась с утратой Кипра и пошла на мир с Турцией.

В конце XVI в. политическая ситуация несколько изменилась. Франция после окончания религиозных войн вновь обратила свои взоры на Италию. Этим немедленно воспользовались Венеция, Савойя, римские папы, Тоскана, надеясь найти во Франции поддержку против Испании. Так, великий герцог Тосканы Фердинанд I (1587—1609) выдал свою племянницу Марию за Генриха IV, сам женился на французской принцессе, желая таким образом скрепить союз с Францией. Но Испания была достаточно сильна, чтобы не допустить подобного умаления своего авторитета, а маленькая Тоскана слишком слаба, чтобы выдержать борьбу с Испанией и идти своим собственным путем.

В первой половине XVII в. Италия вновь превратилась в арену кровавых войн, принесших итальянскому народу тяжелые бедствия. Войны из-за Вальтелины (1623—1626) и за мантуанское наследство (1627—1631) были не чем иным, как эпизодами борьбы Франции и Габсбургов за гегемонию в Европе. Во второй половине XVII в. Италия еще неоднократно становилась полем боя между Францией и Испанией. Втянутые в эти войны итальянские государства служили лишь пешками в руках великих держав. Только Савойя вела до известной степени самостоятельную политику. В 1614—1615 гг. она, опираясь на Францию, воевала с Испанией ради приобретения Монферрата. Затем, приняв участие в войнах между Испанией и Францией, она добилась некоторого упрочения своего международного престижа.

В 1598 г. папа Климент VIII воспользовался династическим кризисом дома Эсте и захватил Феррару, а в 1631 г. Урбан VIII (1623—1644) таким же образом присоединил к своему государству Урбинское герцогство. Но подобное расширение границы не сделало Папское государство более сильным и авторитетным. Попытка Урбана VIII отнять у Фарнезе их ленное владение Кастро (1641—1643) привела лишь к длительному конфликту с рядом итальянских государств и кончилась полной неудачей пап.

Венеция, принявшая участие в упомянутых войнах первой половины XVII в., играла в основном пассивную роль: она заботилась лишь о сохранении в неприкосновенности собственных границ. Гораздо бо́льшую активность она проявляла на море в борьбе с Турцией. Вспыхнувшая в 1645 г. война из-за Крита кончилась, несмотря на героическое сопротивление венецианцев, потерей этого острова (1669 г.), столь важного для их торговых и политических интересов. Крайне ослабленная огромными военными расходами, Венеция, однако, в 1684 г. возобновила войну против турок и приобрела по Карловицкому миру (1699 г.) полуостров Морею и расширила свои далматинские владения. Ей все же не хватило ни сил, ни средств, чтобы удержать эти территории, и в начале XVIII в. она была вынуждена отказаться от них. Венецианский патриций Морозини метко охарактеризовал политическое положение Венеции XVII в.:

«Нынешнее состояние публичных дел можно лучше описать слезами, нежели чернилами: воспоминания о прежнем величии причиняют одни только мучения».

Эти слова можно, пожалуй, отнести ко всем государствам Италии, прежде игравшим самостоятельную политическую роль.

Внешнеполитический упадок Италии является несомненно результатом не только испанского владычества, но и глубокого упадка всей социально-экономической и политической жизни, мешавшего Италии того времени добиться объединения и сбросить испанское иго.

РЕАКЦИОННАЯ РОЛЬ ПАПСТВА

Большую роль в судьбах Италии XVI—XVII вв. сыграли римские папы. Занимая ключевую позицию в центре полуострова, обладая значительными материальными ресурсами и огромным авторитетом, папы еще в XVI в. могли бы стать силой, способствующей национальному объединению страны. Но вся их деятельность приводила к прямо противоположным результатам. Энгельс писал, что «уже с 1500 г. папа в качестве князя средней руки перерезал своими владениями Италию и сделал ее объединение практически

неосуществимым»[50]. Это проявилось во время Итальянских войн, когда непоследовательная политика пап, направленная прежде всего на удовлетворение сугубо личных интересов, не только не способствовала борьбе с иноземными завоевателями, но нередко облегчала им захват итальянских земель. И если в XVII в. Италия пришла к полному упадку, то в этом немалая доля вины и римских пап.

После многочисленных неудач в Итальянских войнах, не будучи более в состоянии активно участвовать в международной политической жизни, папы стали уделять основное внимание церковным делам, тем более что быстрые успехи Реформации нанесли авторитету католической церкви немалый ущерб.

Реформационные учения не получили в Италии такого распространения, как в других странах Европы, но все же имели немало последователей. Основными центрами реформационных идей были Венеция, Пьемонт, Тоскана, Феррара, Болонья и Неаполь. Идеи реформы церкви в духе умеренных требований Эразма Роттердамского находили отклик в среде гуманистически образованной аристократии. Так, далекий от каких-либо мыслей о насильственных действиях кружок Хуана Вальдеса, в который входили поэтесса Виттория Колонна, знатная аристократка Джулия Гонзага и многие другие, представлял себе реформу церкви как постепенное ее обновление путем просвещения, убеждения, примера.

Настроение аристократии мало волновало пап. Но они всерьез забеспокоились, когда среди буржуазии стали распространяться более радикальные взгляды Цвингли и других реформаторов, когда итальянцы стали все чаще симпатизировать идеям антритринитаризма, когда среди крестьян отсталых горных районов Севера и Юга Италии возродилось учение вальденсов, а среди ремесленников обнаруживалось все больше приверженцев анабаптизма.

Орудием католической реакции стали в первую очередь новые религиозные ордена: театинцы, капуцины, барнабиты и в первую очередь иезуиты. В Риме была восстановлена инквизиция по испанскому образцу. Другим действенным орудием контрреформации стали решения Тридентского собора (1545—1563), укрепившие поколебленный авторитет пап и покончившие с наиболее вопиющими злоупотреблениями духовенства. Наконец, чтобы полностью подчинить своему контролю духовную жизнь общества, папы издали в 1559 г. индекс запрещенных книг; впредь любой книге, издаваемой в Италии, предстояло предварительно пройти через руки цензора-инквизитора. Многие книги выдающихся писателей и мыслителей (Боккаччо, Макиавелли, Эразма Роттердамского и др.) подверглись запрету или сокращению.

[50] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинение, т. 18, стр. 572.

Беспощадная деятельность таких пап, как Павел IV (1555—1559), Пий IV и Пий V, увенчалась успехом. В первую очередь пострадали приверженцы Реформации. Кто не сумел спастись бегством, должен был отречься от своих взглядов или же кончал жизнь на костре. Но папы не ограничивались преследованием протестантов. Религиозная реакция распространилась и на гражданскую жизнь. С угрозой стать жертвой инквизиции столкнулся каждый, чей образ мыслей и действия казались опасными не только церкви, но и властям. Католическая реакция стала союзницей политической реакции. Этим в значительной мере и объясняются успехи контрреформации в Италии.

В крупных централизованных европейских государствах папы столкнулись с противодействием государей, в Италии же мелкие правители усмотрели в католической реакции удобное орудие борьбы как с политическими, так и с классовыми врагами. Так, при прямом содействии Козимо I в 1567 г. был сожжен за ересь Пьетро Карнесекки. Вице-король Неаполя послал своих солдат против вальденсов Калабрии. Нельзя забыть и того, что Венеция выдала папской инквизиции наиболее крупного мыслителя своего времени, борца за прогресс в науке Джордано Бруно.

Но в целом Венеция благодаря своей политической самостоятельности оказалась единственным итальянским государством, осмелившимся противиться папскому диктату. Об этом свидетельствует конфликт в 1605—1607 гг.

В ответ на решение венецианского правительства ограничить церковное землевладение и на арест двух духовных лиц папа Павел V наложил на Венецию интердикт. Власти не посчитались с этим, а орден иезуитов, верный сторонник папы, был изгнан из Венеции, где с пламенными речами выступал Фра Паоло Сарпи, открыто обличавший и пап, и католическую церковь. Не случайно протестанты называли его «маленьким Лютером Италии». Конфликт кончился явным поражением Рима, вынужденного снять интердикт и ничего не добившегося, что лишний раз свидетельствует о способности Венеции вести самостоятельную политику.

Костры инквизиции пылали во всей Италии. В их огне погибали лучшие умы того времени: Пьетро Карнесекки, Аонио Палеарио, Джордано Бруно и многие другие. 27 лет томился в тюрьме великий утопист и революционер Томмазо Кампанелла. Преследованиям инквизиции подвергся выдающий ученый Галилео Галилей. А сколько безвестных героев стали жертвой католической реакции! Так политика римских пап помогла утверждению феодальной реакции во всех областях общественно-политической жизни страны.

*

Итак, упадок и феодальная реакция сменили блестящий период Возрождения в истории Италии. Это произошло не случайно, а как неизбежный результат целого ряда крайне неблагоприятных внутренних и внешних факторов (как экономических, так и политических), первые признаки которых начали проявляться уже во второй половине XV в. При специфическом характере развития Италии (отсутствие единого внутреннего рынка и неравномерность экономического развития, спорадический характер раннекапиталистических отношений, политическая раздробленность и т. д.) они неизбежно должны были оказать пагубное влияние на всю дальнейшую судьбу страны.

Вместе с тем рассматриваемое время отнюдь не является периодом сплошного упадка, а отличается крайне противоречивыми тенденциями. В XVI в. ослабление экономики, упадок политической жизни и усиление реакции еще не доминируют. Признаки упадка сочетаются с дальнейшим развитием экономики, ожесточенной борьбой с реакцией во всех сферах общественно-политической и идеологической жизни. Жизненные силы Италии далеко еще не были исчерпаны. Успехи, достигнутые в XVI в., особенно во второй его половине, не подлежат сомнению. Полный упадок наступил лишь в XVII в.

В XVII в. Италия еще поражала Европу богатством, красотой своих городов, роскошью дворцов, обилием памятников искусства. У итальянцев учились, итальянцам подражали. Но все то, что вызывало восхищение многочисленных путешественников, было лишь отблеском прежнего величия, творением гения ушедших поколений. Из некогда передовой страны Европы Италия превратилась в страну отсталую, бессильную соперничать с быстро развивающимися Нидерландами или Англией.

Эпоха феодальной реакции оставила тяжелое наследие. Много крови было пролито ради его преодоления. И еще сегодня итальянский народ ведет тяжелую борьбу за уничтожение последних следов эпохи феодальной реакции.

12

ИТАЛИЯ В XVIII В.

Сложной и противоречивой была история Италии в XVIII столетии. Это период наиболее глубокого упадка страны и в то же время начала нового подъема. Разлагаются господствующие феодальные отношения, и вновь зарождаются капиталистические, приходит в упадок феодальная аристократия, и буржуазия начинает набирать новые силы. Рутина и оцепенение в культурной жизни сочетаются с подъемом прогрессивного просветительского движения.

Не удивительно, что споры вокруг оценки XVIII века не умолкают по сей день. Довоенная итальянская буржуазная историография видела в XVIII веке лишь предвосхищение национального единства и политической свободы. Основной упор делался на изучение политики «просвещенного абсолютизма» и просветительского движения, в чем и усматривался генезис Рисорджименто.

За последние два десятилетия была доказана несостоятельность этой концепции. Не без влияния марксистской исторической науки ученые Италии обратились к социально-экономическим процессам XVIII в., до недавнего времени почти вовсе не изученным, и доказали, что именно в развитии капитализма и кроются корни Рисорджименто.

Но до сих пор остается открытым вопрос о том, когда после упадка начался новый подъем. Некоторые ученые указывают на оживление экономической жизни уже во второй половине XVII в.

(С. Романо, Э. Серени), другие относят эти явления ко всему XVIII в. (Дж. Канделоро), третьи считают первую половину XVIII в. преимущественно эпилогом старого (Г. Куацца). Учитывая, что оживление экономической жизни до второй половины XVIII в. относится лишь к очень ограниченной части Италии, приходится согласиться с П. Виллани, который говорит, что «по крайней мере вплоть до второй половины XVIII в. новые силы и новые формы не выступают в той необходимой степени, чтобы можно было говорить о всеобщем движении, которое охватывает не тот или другой территориальный или производственный сектор, но все итальянское общество» [1].

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ ИТАЛИИ

В первой половине XVIII в. Италия вновь оказалась втянутой в водоворот дипломатической борьбы и военных столкновений. Борьба великих держав за гегемонию в Европе проявилась в целом ряде кровопролитных войн. Военные действия, происходившие в значительной мере на территории Италии, принесли не только новые страдания ее населению и новые препятствия на пути ее развития, но привели также к немаловажным изменениям в политической карте Италии и в расстановке политических сил страны.

Война за испанское наследство (1701—1714) между Францией и Испанией, с одной стороны, и Австрией. Англией и другими государствами, с другой, положила конец испанскому владычеству в Италии. Место Испании заняла Австрия, в руки которой перешли Миланское и Мантуанское герцогства, Неаполитанское королевство, бывшие испанские владения в Тоскане и остров Сардиния. Единственным итальянским государством, сумевшим извлечь пользу из этой войны, было Савойское герцогство, которое расширилось за счет Монферрата и ряда других земель и приобрело также Сицилию. Герцог Виктор Амедей получил королевскую корону.

Испания, однако, не желавшая мириться с потерями, вскоре возобновила военные действия. Хотя она и потерпела поражение, карта Италии была вновь перекроена. По Гаагскому мирному договору 1720 г. Сицилию присоединили к Неаполитанскому королевству. Австрия отказалась от Сардинии в пользу Савойи, которая впредь стала называться Королевством Сардинии.

Но борьба между испанскими Бурбонами и австрийскими Габсбургами за господство в Италии продолжалась.

[1] *P. Villani.* Il capitalismo agrario in Italia (sec. XVII—XIX). — «Studi storici», 1966, № 3, p. 472.

Начавшаяся в скором времени война за польское наследство (1733—1735 гг.) вновь дала Сардинскому королевству, привыкшему присоединяться к той группировке, которая имела наибольшие виды на успех, территориальные приобретения. По Венскому мирному договору, корона Неаполитанского королевства и Сицилии (Королевства Обеих Сицилий) перешла от Австрии в руки Карла Бурбонского, сына испанского короля. Парма же и Пьяченца, отнятые у Бурбонов, попали под непосредственное господство Австрии. Одновременно было решено, что после смерти последнего представителя династии Медичи (он умер в 1737 г.) Тосканское великое герцогство перейдет к герцогу Лотарингскому, супругу Марии-Терезии Австрийской, ставшей в 1740 г. императрицей. В Вене также приняли решение, чтобы короны обеих Сицилий и Тосканы не объединялись с коронами Испании и Австрии.

В 1740 г. началась война за австрийское наследство, длившаяся вплоть до 1748 г. Против императрицы Марии-Терезии, поддержанной Англией и Россией, выступили Франция, Испания, Пруссия и ряд немецких княжеств, а также Сардиния, которая, однако, в скором времени переменила фронт. Опять иностранные войска исходили вдоль и поперек итальянские земли: Пьемонт, Парму и Пьяченцу, Миланское герцогство вновь охватило пламя войны.

Аахенский мирный договор 1748 г. признал права Марии-Терезии на австрийский престол, за что императрице пришлось примириться со значительным сокращением своих владений в Италии. Она потеряла Парму и Пьяченцу, которые перешли в руки Бурбонской династии. Территория Миланского герцогства была уменьшена. За его счет вновь расширило свои владения королевство Сардинии; его восточные границы доходили теперь до реки Тичино. Под непосредственной властью Австрии осталось, таким образом, лишь значительно уменьшенное по объему Миланское государство с присоединенной к нему уже прежде Мантуей (Австрийская Ломбардия).

На этом кончилась бурная военно-политическая борьба первой половины XVIII в., и почти на полстолетия в Италии наступил мир, если не считать событий на Корсике. Впервые в 1738 г., а затем вторично в 1755 г. корсиканский народ восстал против генуэзского господства. Не будучи в состоянии собственными силами подавить восстание, Генуя передала Корсику Франции. Несмотря на отчаянное сопротивление островитян, Франция уже в 1769 г. упрочила свое господство над Корсикой.

На протяжении указанного периода Италия служила только разменной монетой в руках великих держав, которые кроили и перекраивали границы ее государств, свергали и назначали правителей по собственному усмотрению. Никто из них не задумывался над интересами и нуждами итальянского народа.

Лишь Сардинское королевство по-прежнему проводило более или менее самостоятельную политику. Ловко играя на противоречиях противников и примыкая то к одной, то к другой из воюющих сторон, оно сумело каждый раз оказываться в лагере победителя, извлекая из этого немаловажные выгоды для себя.

Это, однако, не дает еще права говорить о национальной и патриотической политике данного государства, как часто делалось в довоенной буржуазной историографии Италии. Совершенно справедливо Дж. Канделоро подчеркивает, что успехи Сардинского королевства зависели не только и даже не столько от политики ее правителей, сколько от того, что Франция и Австрия, заинтересованные в существовании этого буферного государства, заботились главным образом о том, чтобы оно не попало в руки противника. Одновременно они следили также и за тем, чтобы Сардинское королевство не стало чересчур сильным [2].

Остальные итальянские государства бездействовали, и с ними никто не считался. Так, во время войны за австрийское наследство войска воюющих держав свободно проходили по территории Венеции и Папского государства, несмотря на официально объявленный ими нейтралитет.

Но если правители мирились с позорной ролью безмолвных пешек в руках вершителей судеб Италии, итальянский народ не хотел безропотно переносить лишения и страдания, причиненные войной. Наиболее наглядно об этом свидетельствует восстание генуэзцев против австрийских оккупантов в 1746 г. В ответ на тяжелый налоговый гнет, на грабежи и издевательства австрийцев восстали городские ремесленники и рабочие. Город покрылся баррикадами. После пятидневных кровопролитных боев австрийцы отступили. Генуя вновь обрела свободу. Но временное народное правительство, провозглашенное восставшими, не сумело удержать власть; вскоре господство генуэзской аристократии возобновилось.

Итоги почти 50-летнего периода войн имели немаловажное значение для дальнейшей истории Италии. Прежде всего было ликвидировано испанское владычество. Правда, оно сменилось австрийским, однако непосредственное австрийское господство распространялось только на небольшую Австрийскую Ломбардию, а другие части Италии, и прежде всего Тоскана, Королевство Обеих Сицилий и Парма, находились лишь под бóльшим или меньшим ее влиянием. К тому же как Габсбурги, так и Лотарингская и Бурбонская династии проявили впоследствии значительно больше понимания конкретных условий итальянской действительности, нежели прежние правители. Не следует, конечно, преуменьшать тяжесть иноземного

[2] *Дж. Канделоро*. История современной Италии, т. I. М., 1958, стр. 84.

ного гнета во второй половине века, но нельзя и не признать, что условия для развития стали более благоприятными, чем прежде.

Второй важнейший итог периода войн — усиление Сардинского королевства — самостоятельного итальянского государства, существование которого сыграло определенную роль в развитии национального самосознания итальянского народа.

Наконец, ослабление Папского государства оказало благоприятное влияние на дальнейшее политическое и культурное развитие Италии. Не случайно Грамши писал, что «период с 1748 по 1815 г. имел огромное значение для подготовки объединения, или, точнее, для развития элементов, которые должны были привести к объединению» [3].

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Город и деревня в первой половине XVIII в.

Экономический и политический упадок, феодальная реакция во всех формах ее проявления, иноземное владычество, длившееся уже более 100 лет, довели итальянский город и деревню в первой половине XVIII в. до печального состояния. Замерла некогда кипучая торгово-промышленная деятельность. Из 5 предприятий суконодельческой промышленности, существовавших в Милане в 1682 г., 2 закрылись в 1714 г., а 3 остальных дали лишь очень незначительную продукцию. Из 744 ткацких станков, действовавших в 1722 г. в шелковой промышленности Милана, к 1738 г. остались всего 340. Исчезло суконоделие в Комо, а флорентийское шелкоделие середины XVIII в. могло обеспечить работой не более тысячи человек. Отсутствие капиталов, деловой активности и инициативы, строгие цеховые нормы, государственная регламентация мешали техническому прогрессу и лишали Италию возможности конкурировать с далеко опередившими ее соседними странами. Промышленность Италии, преимущественно на уровне ремесленного производства, обеспечивала лишь местные нужды.

В аналогичном положении находилась торговля. Плохое состояние дорог, бесконечное количество таможенных преград (в одном Неаполитанском королевстве было 367 таможенных застав), многочисленные и разнообразные системы денег, мер и весов, государственные монополии, страшная бедность населения не только препятствовали складыванию единого внутреннего рынка, но и мешали дальнейшему укреплению региональных рынков.

[3] *А. Грамши.* Избранные произведения, т. III. М., 1959, стр. 310.

Прекратилась международная торговля Венеции. После 1720 г. ни одно голландское или английское судно не появлялось у причалов Венеции, а венецианские корабли лишь изредка навещали порты Леванта. Соседние портовые города, в первую очередь Триест, заняли место прежней королевы морей на Адриатике. В 1750 г. венецианские купцы отметили, что для них торговля с Западом перестала существовать, а торговля с Востоком доведена до такого состояния, что еле удовлетворяет потребности города.

Международное значение сохранил лишь тосканский порт Ливорно, оставшийся своеобразным мостом, по которому Италия сохранила связь с Европой и Левантом.

Единственным городом, в котором обнаруживалось известное оживление деловой жизни, была Генуя. Ее банкиры продолжали свою традиционную деятельность как в основных центрах Италии, так и за ее пределами. Однако финансовая активность Генуи являлась лишь пережитком прошлого. Новое же заключалось в том, что оживился ее порт, который начал успешно соперничать с Ливорно. Генуэзские корабли стали заходить в порты Испании, Северной Африки и Турции.

Следует также отметить известные успехи промышленности Пьемонта, где расширилось производство шерстяных и шелковых тканей и ряда других изделий. Однако в целом промышленность Пьемонта находилась еще на крайне низком уровне.

Италия была типично аграрной страной, сырьевым придатком более развитых стран. Не случайно она экспортировала теперь главным образом рис, шелк-сырец и прочие сельскохозяйственные продукты. Но сельское хозяйство находилось на таком же низком уровне, что и промышленность.

Продолжалась начавшаяся уже в предыдущие века концентрация земли в руках светских и духовных феодалов. Так, в Неаполитанском королевстве одному только духовенству, составлявшему 4% населения, принадлежала $^1/_3$ всей земли. В Сицилии в руках местных баронов находились $^9/_{10}$ всей земельной площади, а в Северной Италии духовенству и дворянству принадлежали $^2/_3$ обрабатываемых земель. Размеры земельных владений отдельных дворянских семей составляли много тысяч гектаров, а в Папском государстве были и такие (например, Боргезе), которым принадлежало по 20 тысяч гектаров.

Никаких изменений в формах эксплуатации этих земельных владений не произошло. Латифундии Юга Италии, Сицилии и Папского государства находились фактически в полном распоряжении крупных арендаторов, которые, однако, не применяли новых методов обработки земли и ничего не изменили в существовавших здесь типично феодальных производственных отношениях. Их появление в качестве посредников между землевладельцами и крестьянами

привело лишь к еще большей эксплуатации последних. В Папском государстве, например, арендаторы брали с крестьян до $^2/_3$—$^3/_4$ урожая. Отсутствие интереса землевладельцев к сельскому хозяйству и их полный абсентеизм, хищническое отношение к земле со стороны арендаторов, заинтересованных лишь в легкой и быстрой наживе, привели сельское хозяйство в плачевное состояние. Примитивные орудия труда и устарелые методы работы, застой производственных отношений и крайне низкая продуктивность — все это характеризует сельское хозяйство южной части Италии. Много земель заросло кустарником, было заболочено, широкие пространства земли оставались незаселенными. Французский путешественник Де Бросс так описывает окрестности Рима: «Знаете ли Вы, что собой представляет знаменитая Кампанья? Это огромная масса бесконечных неплодородных и необработанных холмиков без единой живой души, печальных и до невероятности страшных; нельзя себе представить ничего более отталкивающего» [4].

На Севере и в Тоскане преобладали земельные владения, разделенные на мелкие участки (poderi), которые, как и в предыдущие века, обрабатывались испольщиками или краткосрочными мелкими арендаторами. Но и здесь прочно утвердились позиции крупных арендаторов. В отличие от арендаторов Юга, они (в Ломбардии) выступали не просто как посредники, но в известной мере и как сельскохозяйственные предприниматели. Продолжая частично уже в предыдущем столетии начатые преобразования, они занимались возделыванием необработанных земель, осушением болот, созданием искусственных лугов и рисовых плантаций. Это привело к еще большему обезземеливанию крестьян и ухудшению условий их жизни, но, с другой стороны, создавало и известные объективные предпосылки для будущего капиталистического развития.

В целом, однако, сельское хозяйство и в Северной, и в Центральной Италии находилось на низком уровне. В Сиенской Маремме ежегодно собирали столько же зерна, сколько сеяли в XVI в. Почти $^1/_4$ территории Тосканы нерегулярно или мало обрабатывалась; много оставалось пустующих и вовсе необработанных земель.

Упадок экономики сопровождался разложением феодального общества и крайней его поляризацией. По подсчетам Д. Бельтрами, 64% венецианского населения жило на таком низком уровне, что ему частично приходилось существовать за счет публичной благотворительности [5]. Современник считал, что в Неаполитанском королевстве 59 жителей из 60 не владеют ничем.

[4] Lettres historiques et critiques sur l'Italie de Charles de Brosses, v. II. Paris, 1799, p. 204.

[5] *D. Beltrami.* Storia della popolazione di Venezia dalla fine del secolo XVI alla caduta della repubblica. Padova, 1954, p. 227.

Беспросветная бедность и нищета царили в деревне. Отсутствие технических нововведений, низкая урожайность, обременительные дополнительные поборы, государственные налоги, церковная десятина, разные ограничения хозяйственной деятельности — все это лишало крестьян возможности прокормить себя и свою семью. В Тоскане в середине века лишь $^1/_{20}$ часть испольщиков могла существовать за счет плодов своего труда. Результатом была тяжелая задолженность крестьян, которая в конечном итоге еще больше увеличивала их нищету.

Современники сравнивали образ жизни тосканских крестьян с существованием животных. Итальянский просветитель Пьетро Верри следующими словами характеризовал ломбардских крестьян: «Несчастный крестьянин, босоногий, в одних отрепьях, питается лишь хлебом из ржи и проса, никогда не пьет вина, крайне редко видит мясо; солома — его постель, жалкая лачуга — его дом, убога его жизнь, тяжела его работа, он трудится до изнеможения всю жизнь без надежды когда-либо улучшить ее» [6].

Хуже всего было положение крестьян на Юге, в Сицилии и Папском государстве. Здесь сохранились многочисленные пережитки крепостничества с обременительными личными повинностями и зависимостью от юрисдикции баронов. В Неаполитанском королевстве, например, около 80% сельских общин подчинялись частной юрисдикции. Бароны Сицилии вершили суд при помощи своих частных военных отрядов, состоявших нередко из преступников. Немало ограничений личного характера, ущемляющих человеческое достоинство, сохранилось и в Тоскане.

Крестьяне покидали насиженные места, уходили в города, чтобы здесь пополнить ряды нищих, или же нанимались в качестве батраков к крупным арендаторам.

Но нередко, доведенные до отчаяния, они стихийно восставали, уходили в бандитские шайки, продолжавшие существовать на Юге и в Папском государстве, несмотря на их жестокое преследование. Хроническим было также недовольство и брожение среди батраков, испольщиков и мелких арендаторов Пьемонта. Но их неорганизованность, отсутствие сплоченности и сознания своего единства давали возможность местным феодалам или правительству всякий раз справиться с подобными вспышками гнева угнетенных масс.

Своеобразную картину представляли города Италии того времени. Неаполь. Рим, Венеция по числу жителей не уступали другим крупным городам Европы. Но в то же время даже эти города были лишь потребительскими, паразитарными центрами, населенными

[6] Цит. по: *C. Spellanzon*. Storia del Risorgimento e dell'unità d'Italia, vol. I. Milano, 1933, p. 22.

представителями феодальной знати и многочисленного духовенства, вокруг которых кормилась масса людей без определенной профессии, слуг, безработных. Нищих насчитывалось множество. Шумной толпой они заполняли улицы и площади, ожидая милостыни, раздачи хлеба, пышных зрелищ. Последними представители господствующего класса снабжали их в изобилии. «Эти „лацарелли“ не имеют жилья, проводят целые дни на улицах в бездействии и живут с милостынь, раздаваемых монастырями. День за днем лестницы и вся площадь Монте Оливето ими заполнены так, что пройти нельзя»,— писал о нищих Неаполя Де Бросс[7].

Производительная часть населения состояла главным образом из мелких ремесленников. Задавленные конкуренцией со стороны немногочисленных привилегированных мастеров и иностранных промышленных изделий, они не были в состоянии выбиться из нужды. Доходов едва хватало на питание. Еще в худших условиях жили рабочие: даже самым маленьким детям приходилось трудиться, чтобы семья могла существовать.

В той же мере, в какой росла нищета трудящихся, увеличивалась роскошь среди привилегированных верхов общества. Неаполитанские и сицилийские бароны, венецианский патрициат, тосканские и ломбардские маркизы и графы и вся титулованная аристократия, как, впрочем, и высокопоставленные церковные прелаты, вели привольный образ жизни. Строгие сословные перегородки, проявляющиеся как в правах, так и в одежде и нравах, отделяли их от остального населения. Практически полностью освобожденные от всяких обязанностей в пользу государства, они тратили огромные средства на роскошные одеяния и пышные празднества. Светская, вечно развлекающаяся и праздничная Венеция ярко отображена в произведениях художников Каналетто и Тьеполо. Немалое количество дворян погрязло в долгах и разорилось, сохранив, тем не менее, свойственное им высокомерие и презрительное отношение к низшим сословиям.

Нельзя, однако, игнорировать местные различия и ставить знак равенства между грубыми, развязными, спесивыми и зачастую умственно ограниченными сицилийскими баронами и, скажем, генуэзскими вельможами, которые в известной мере продолжали заниматься финансовой и торговой деятельностью. Некоторая деловая активность встречается изредка и в среде ломбардской, пьемонтской и тосканской аристократии.

Средний слой городского населения состоял преимущественно из финансистов, откупщиков налогов, посредников, чиновников, торговцев, нотариусов, судей, адвокатов и других представителей

[7] Lettres critiques et historiques..., vol. II, p. 244—245.

свободных профессий. Они продолжали вкладывать капиталы в землю, чтобы таким образом сблизиться с дворянством, а также чтобы путем выгодного сбыта сельскохозяйственной продукции приумножить богатства. Они своей деятельностью обслуживали господствующий класс и существующие порядки, не имели ни определенного классового самосознания, ни ярко выраженного политического лица и в общественно-политической жизни страны не играли самостоятельной роли. В целом им были чужды какие-либо устремления к прогрессивному преобразованию общества.

Лишь на Севере Италии, в Ломбардии, Тоскане, Пьемонте, можно говорить о наличии некоторых, крайне слабых буржуазных элементов в самом зачаточном виде. Не случайно именно здесь несколько оживилась интеллектуальная жизнь. «Экономическая речь» тосканца Саллустио Бандини, написанная в 1737 г., как бы предвещает требования просветителей второй половины века. Впрочем, даже в отсталом Неаполитанском королевстве среди интеллигенции, главным образом юристов, начались выступления против влияния папской курии.

Глубокий кризис, охвативший хозяйственную и общественную жизнь Италии, проявился и в политическом упадке ее государств. Постоянное сужение круга лиц, имевших право и возможность участвовать в политической жизни, застывшая в традиционных нормах политика, ориентированная на удовлетворение интересов узкого круга аристократии, коррупция и казнокрадство, финансовые неурядицы, вызванные бесконтрольным хозяйничанием высших и низших чиновников,— таковы черты, характерные в той или иной степени для всех итальянских государств. Результатом этого был неимоверный рост государственного долга, достигшего в 1737 г. в Тоскане свыше 14 млн. скуди; в Венеции же он вырос с $7^1/_2$ млн. дукатов в 1715 г. до 71 млн. в 1740 г. Наибольший упадок переживало Папское государство, чему способствовала частая смена пап и их влиятельных фаворитов. Современник считал, что после Турции нет государства хуже, чем церковное. Косность и консерватизм царили и в Венеции, сохранившей в неприкосновенности структуру города-государства.

Не удивительно, что в этих условиях безрезультатно кончились отдельные нерешительные попытки ограничить привилегии церкви в Неаполитанском государстве, упорядочить налоговое хозяйство в Ломбардии и Пьемонте, ослабить ограничения внутренней торговли в Тоскане. Редкие половинчатые и неэффективные реформы лишь предвещали более широкую реформаторскую деятельность во второй половине века.

По всей стране росло недовольство, учащались стихийные вспышки народного гнева. Зачастую вооруженные крестьяне пытались вернуть себе отнятые общинные земли, нападали на дво-

рянские усадьбы или же занимались разбоем на дорогах. Нередко, особенно в неурожайные годы, в Неаполитанском королевстве и Сицилии вспыхивали голодные бунты. В Тоскане и Пьемонте также имели место выступления крестьян. В городах происходили первые стачки — робкие попытки добиться повышения заработной платы и сокращения рабочего дня (в Ломбардии, Венеции). Таким образом, период наибольшего упадка Италии был одновременно периодом острой классовой борьбы.

Развитие капитализма во второй половине XVIII в.

Во второй половине XVIII в. феодальная система вступила в фазу окончательного распада, в связи с чем углубились социальные и политические противоречия. Однако в то же самое время оживилась деловая активность, развились капиталистические отношения и окрепла буржуазия.

Этому способствовало прекращение длительных войн и установление почти полувекового периода мирной жизни. Дворянство начало понимать, что прежними способами не сможет удовлетворить рост своих потребностей. Масса разоренного сельского и городского населения представляла емкий рынок рабочей силы. Реформы, проведенные отдельными правительствами, создавали в какой-то мере более благоприятные условия для экономического развития. Не последнюю роль сыграло также увеличение спроса на сельскохозяйственную продукцию и полуфабрикаты за границей. Современные итальянские историки даже склонны придать этому внешнему фактору решающее значение (Л. даль Пане, Г. Куацца, Дж. Канделоро, Р. Виллари).

В первую очередь следует отметить рост промышленного, и прежде всего текстильного, производства как в городах, так и в деревне Северной Италии. Расширялись старые предприятия, появлялись новые. В Милане в 1785 г. было 1384 шелкокрутилен, а в 1790 г. уже 1820. Во второй половине века там утроилось количество шелкоткацких станков, а в Комо их стало вдвое больше. В 1791 г. в Милане действовали 40 предприятий шелковой, 15 — шерстяной промышленности, 27 предприятий по изготовлению бумаги. Комо вновь становился важным центром по производству шерстяных тканей. В Болонье появился целый ряд крупных предприятий по изготовлению специальных шелковых тканей (крепа, вуалей). В мелких городах Венецианского государства стали вырабатываться льняные, хлопчатобумажные и шерстяные ткани. В Генуе расширилось судостроение. К концу XVIII в. в Северной Италии насчитывалось уже несколько десятков централизованных мануфактур.

Одновременно росла численность рабочих, увеличивалась их концентрация. В 1725—1730 гг. на 126 шелкокрутильнях Пьемонта трудились 7108 рабочих, а в 1787 г. на 272 крутильнях — 16 143. На отдельных предприятиях работало по 70, 100, 120 человек. В 1786 г. на одном лишь предприятии по изготовлению шерстяных тканей в Милане было занято 500 рабочих города и 2000 деревенских жителей.

Постепенно увеличивалось население городов: в Турине в 1702 г. насчитывалось 43 866 жителей, а в 1791 г.—92 449; в 1707 г. в Неаполе — 220 000, а в 1790 г. (без предместий) — 399 552.

Оживилась также внешняя торговля. Через порты Ливорно, Генуи и Южной Италии вывозились шелк и шелковая пряжа, вино, масло и другие сельскохозяйственные продукты.

Не следует, однако, переоценивать значение указанных успехов. Речь пока может идти только о количественном, а не о качественном росте. По-прежнему существовала традиционная структура производства в виде смешанных или централизованных мануфактур. Машинно-фабричного производства Италия еще не знала.

Наибольших успехов достигла промышленность в Австрийской Ломбардии. От нее еще сильно отставал Пьемонт, хотя и там расширилось капиталистическое производство. Некоторые сдвиги имели место и в Венето и Эмилии. Но в то же самое время другие области и города сильно отставали. В Венеции продолжался экономический упадок. В то время как в начале века ее шерстяная промышленность давала еще около 2000 кусков в год, в 1782 г. продукция сократилась до 600 кусков. В течение XVIII в. производство шелковых тканей уменьшилось с 18 тыс. до 1200 кусков в год. В 1780 г. действовало всего 8 мастерских по производству головных уборов, а ведь эта отрасль прежде процветала. Изделия стекольной промышленности с трудом находили сбыт.

Ничего не изменилось и в Папском государстве, где еще в конце XVIII в. 400 тыс. человек содержалось за счет благотворительности (при общей численности населения в 2300 тыс.). Слабыми были сдвиги и в Неаполитанском королевстве, если не считать появления ряда государственных текстильных мануфактур. Даже в Тоскане никаких существенных перемен не произошло. Здесь можно лишь говорить о значительном оживлении порта Ливорно, где росла предприимчивая и энергичная буржуазия, и о появлении во Флоренции крупного керамического предприятия, на котором трудилось несколько сотен человек.

Более заметные изменения происходили в деревне, куда устремились капиталы буржуазии и обуржуазившегося дворянства. Там проводились распашка целинных земель, вырубка лесов, мелиоративные работы. Делались попытки более рационально использовать земли при помощи введения непрерывного севооборота. Наи-

более интенсивно эти процессы происходили в долине По, где, по словам Р. Виллари, происходила подлинная революция в агротехнике[8]. Особое внимание стали уделять специализации культур и приведению качества продукции в соответствие с требованиями рынка, благодаря чему росла сельскохозяйственная продукция. Шелковица получила более широкое распространение в Пьемонте, Ломбардии, Венето. Не случайно 2/3 экспорта Пьемонта составлял шелк. В Ломбардской долине интенсивно разводили скот. В 1753 г. там насчитывалось 20 876 коров, а в 1782 г.— уже 40 239. Это способствовало развитию сыроваренной промышленности, продукция которой впоследствии стала важной статьей экспорта. В Венето продолжалось поднятие целины, культивировалась кукуруза. Интенсификация зерновых культур на почве мелиоративных работ имела место в деревне Эмилии. Неаполитанское королевство стало важным центром шелководства, виноградарства и разведения масличных культур; экспорт масла приобрел невиданные до того размеры.

Указанные процессы не проходили бесследно для сельского населения, так как повсеместно началось наступление на общинные земли и административную организацию сельских коммун, происходили огораживания частных землевладений.

Существенные изменения в производственных отношениях наблюдались в долине По, где господствующего положения достиг крупный капиталистический предприниматель. Исчезала испольщина, а испольщики превращались в сельскохозяйственных рабочих. Деревня прочно вставала на путь капиталистического развития. Не приходится удивляться, что именно данный район стал наиболее передовым в Италии. Достаточно вспомнить, что и в период наиболее глубокого упадка здесь не прекращались экономическая активность и прочные рыночные связи.

Иначе обстояло дело в других частях Италии, где интенсификация сельского хозяйства проходила в рамках существовавших производственных отношений. Крупная земельная собственность, находившаяся в руках дворянства и частично буржуазии, не только сохранилась в нетронутом виде, но и расширилась за счет общинных и крестьянских земель. В Тоскане, а также в большей части Северной Италии испольная форма ренты еще больше упрочилась. Укрепление связи землевладельца с рынком привело лишь к увеличению нажима на испольщика.

На Юге Италии увеличилась эксплуатация крестьян как со стороны землевладельцев и арендаторов, так и со стороны купцов

[8] *Р. Виллари.* Движение за реформы и эволюция итальянской деревни в XVIII в. в свете последних исследований.— «Проблемы советско-итальянской историографии». М., 1966, стр. 124.

и ростовщиков. Повсеместно шло дальнейшее обнищание и разорение крестьянских масс.

Были, наконец, районы Италии, почти вовсе не затронутые капиталистическим развитием. Это относится к Папской области, к островам и частично к Неаполитанскому королевству, где, несмотря на отдельные исключения, в целом еще сохранилось много необработанных земель, паровое поле, экстенсивное зерновое хозяйство, где еще в конце XVIII в. господствовали феодальные латифундии и феодальная юрисдикция, где мало было наемной рабочей силы, а связь с рынком осуществлялась через купца-ростовщика, подчинившего себе крестьянина. Таким образом, в этот период заметно усиливается наметившееся уже в прежние века различие между развитым Севером и отсталым Югом.

Углубление кризиса феодализма и начавшееся капиталистическое развитие способствовали дальнейшему разложению класса феодалов, бо́льшая часть которых продолжала жить прежними доходами, сохраняя в полной мере привычный образ жизни. Другая же часть, значительно меньшая, главным образом на Севере, подвергалась постепенному обуржуазиванию. Рост буржуазии происходил преимущественно в деревне северных районов страны.

Указанные изменения в экономической жизни принесли новые бедствия трудящимся массам. Лишь очень немногие из крестьян сумели превратиться в зажиточных фермеров и пополнить, таким образом, ряды буржуазии. Основная масса постепенно становилась батраками или уходила в города. Но там царила безработица, так как рост мануфактур отставал от темпа обезземеливания крестьян. Везде росли цены, а заработная плата оставалась на прежнем уровне, т. е. реально снижалась. Поэтому нищета в городах усиливалась. Увеличившееся число богаделен и приютов уже ничем не могло помочь. Городская и деревенская беднота начала уходить на чужбину — во Францию, Швейцарию, чтобы там найти заработок. По всей стране ширилось недовольство. В 1764 г. происходили выступления бедноты в Неаполитанском королевстве, в 1766 г. голодные бунты имели место в Тоскане, в 1773 г. восстала беднота Палермо, в 1781 г. вспыхнули народные волнения в Венето, а в 1790 г. в Тоскане. Как в городе, так и в деревне обстановка становилась все более напряженной.

ПОЛИТИКА «ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА»

Кризис феодального строя и вызванные этим трудности в финансовой и административной сфере, желание предотвратить возникновение буржуазной оппозиции и боязнь народных масс привели итальянских государей к мысли о необходимости реформ. Не

желание внести коренные изменения в существующий общественно-политический строй, а стремление сохранить, укрепить и обезопасить его заставляло их прислушиваться к голосам просветителей, давно уже требовавших экономических, политических и церковных реформ. Объем преобразований и их последствия не были повсюду одинаковы; они зависели от уровня общественно-экономического и политического развития данного государства, от конкретной ситуации, идейных позиций самих авторов реформ и ряда других обстоятельств. Но в целом реформы носили более чем умеренный характер.

Наиболее актуальной являлась финансовая проблема, поэтому вполне закономерно, что реформы были направлены в первую очередь на ее разрешение.

В Ломбардии реформы проводились в течение длительного царствования императрицы Марии-Терезии (1740—1780), затем их продолжил ее сын Иосиф II (1780—1790), которым руководили не только финансовые соображения, но и стремление упрочить свое господство и централизовать власть.

Первой и наиболее важной была налоговая реформа. На основе нового обмера оценили все недвижимое имущество, независимо от сословной принадлежности его владельцев. Это дало возможность равномерно распределить налоги и ликвидировать всякие изъятия. Немалое значение для урегулирования финансового хозяйства Ломбардии имел выкуп государством внутренних таможенных, дорожных, мостовых пошлин и других косвенных налогов, проданных прежде частным лицам. Далее, правительство ограничило фидеикомиссы и право «мертвой руки» духовенства, закрыло ряд монастырей и религиозных орденов. Были упразднены инквизиция и церковная цензура, духовных лиц подчинили светскому суду, что нанесло удар по церковным привилегиям, противоречившим финансовым интересам короны. Целый ряд административных реформ способствовал большей централизации управления государством. Наконец, нельзя не сказать об отмене ограничений внутренней и внешней торговли.

В конечном итоге реформы привели не только к увеличению денежных поступлений в казну, но и способствовали оживлению торговли, свободной купле и продаже земельных владений и вместе с тем их переходу в руки новых, буржуазных собственников. Другими словами, ни в коей мере не задевая основ феодального строя, реформы все же открывали более широкие возможности для капиталистического развития и вместе с тем подготовили почву для будущих преобразований.

В Тоскане наибольшее количество реформ было проведено во время правления великого герцога Петра Леопольда (1765—1790), сына Марии-Терезии и брата Иосифа II. Не лишенный политиче-

ских способностей, он прекрасно понимал необходимость финансовых, административных и других реформ ради упрочения своей власти и господства дворян. Разрешение свободной торговли хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами, отмена внутренних таможенных пошлин в сочетании с ликвидацией цеховой системы способствовали мобилизации деловой активности. Постепенная отмена фидеикомиссов и сильное ограничение права «мертвой руки» дали возможность свободно продавать и покупать недвижимое имущество. Благодаря ряду реформ удалось достичь несколько более равномерного распределения налогов и частично уничтожить налоговые привилегии. Однако правительство не смогло, по примеру Ломбардии, довести налоговые реформы до конца. Неудача постигла также проект конституции — как из-за нерешительности самого великого герцога, так и из-за отсутствия поддержки со стороны дворян.

Очень показательна судьба другого мероприятия Петра Леопольда. Разделив земельные владения герцогского дома и ряда привилегированных организаций на отдельные участки, он приступил к их продаже или сдаче на либеллярном праве. Однако крестьяне не смогли этим воспользоваться ввиду большой бедности и задолженности. Основными покупателями этих земель стали представители буржуазии и дворянства. А поскольку дворянство не следовало примеру великого герцога, в распределении земельной собственности Тосканы не произошло никаких изменений.

Можно еще упомянуть о мелиоративных работах, начатых, но не доведенных до конца, о создании кодекса уголовного права, на основании которого отменялись пытки и смертная казнь, а также о борьбе с церковными привилегиями, подобной той, которая проводилась в Ломбардии. Попытка же провести реформу самой церкви наткнулась на яростное сопротивление духовенства, и от ее реализации пришлось отказаться.

В целом тосканские реформы оказались гораздо более половинчатыми и непоследовательными, чем реформы, проведенные в Ломбардии. В этом сказалась большая отсталость Тосканы. Реформы лишь в некоторой степени способствовали оживлению экономической жизни, но не имели никаких существенных последствий. Исследования, проведенные итальянскими историками в последние годы (М. Мирри, Ф. Диац), доказали несостоятельность идеализации тосканских реформ и переоценки их сферы влияния довоенной буржуазной историографией (Анцилотти).

В Неаполитанском королевстве постепенно сократили привилегии церкви в судебной, административной, налоговой и политической областях. Что же касается налоговых реформ, то они не шли дальше внесения некоторого порядка в области, в которой при испанском господстве царил полный хаос. Финансовый кризис ко-

ролевства не только не был преодолен, но даже углубился к концу века. Не дали результата и попытки реформы судопроизводства; суд по-прежнему являлся в руках баронов могучим орудием угнетения населения. На бумаге остались законы, направленные на ликвидацию общинных земель. Следовательно, реформы, проведенные в Неаполитанском королевстве, не задели феодальный строй даже в такой слабой степени, в какой это имело место в Ломбардии и Тоскане.

Аналогичны результаты реформ и в Сицилии, где вице-король Доменико Карачоло (1781—1786), большой поклонник просветительских идей, пытался энергично приступить к серьезным преобразованиям. Но местные бароны, допустив принятие реформ, направленных на ограничение богатств и влияния церкви, яростно сопротивлялись проведению каких-либо мероприятий, которые могли задеть их власть и привилегии. Карачоло потерпел полное поражение.

В других итальянских государствах реформы отличались еще большей ограниченностью. Единственным реальным результатом нерешительной деятельности пап была отмена внутренних таможенных, мостовых и дорожных пошлин. В Венецианском государстве бессистемные и редкие мероприятия направлялись главным образом на освоение целины и способствовали продаже общинных земель. Только в 1794 г. здесь упразднили внутренние пошлины. В Пьемонте реформы способствовали лишь укреплению абсолютизма. Только в 90-х годах, под явным влиянием Французской революции, здесь стали облагать и дворянство некоторыми податями и продавать церковные земли. В Пармском герцогстве все реформы, проведенные энергичным министром Дю Тилло, были впоследствии отменены. Духовенству удалось восстановить не только свои привилегии, но даже инквизицию.

Половинчатость и неудачи реформ объясняются всецело тем, что их проводили сверху, без широкой поддержки снизу. В Италии еще не сложился класс, который мог бы успешно бороться за их осуществление. Помощь, которую просветители оказывали монархам в проведении реформ, не говорит еще об их сотрудничестве, так как конечные цели тех и других были прямо противоположны.

Итак, в целом реформы имели известное значение в создании более благоприятных условий для развития капитализма и роста буржуазии (главным образом в Ломбардии), однако они ни в коей мере не разрешили существовавших в итальянских государствах социальных и политических противоречий; к концу XVIII в. эти противоречия еще больше обострились.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Развитие капитализма и возникновение буржуазии в условиях господства феодального строя сопровождалось подъемом общественной и культурной жизни, получившим характер буржуазно-просветительского движения. Его носителями были представители интеллигенции — писатели, ученые, юристы, учителя, политические деятели, преимущественно выходцы из рядов буржуазии и дворянства. Находясь под большим влиянием теорий французского просветительства, итальянские прогрессивные мыслители питались также идейным наследием эпохи Возрождения и выдвигали свои специфические проблемы, в первую очередь национальную, возникшую на почве конкретной итальянской действительности с ее политической раздробленностью и иноземным владычеством.

Первые признаки просветительского движения заметны в 20-е годы XVIII в. В 1723 г. неаполитанский юрист Пьетро Джанноне опубликовал четырехтомную «Гражданскую историю Неаполитанского королевства», в которой подверг резкой критике засилье церкви в общественной и политической жизни. В том же году моденский ученый Муратори начал публикацию источников под названием Rerum italicarum scriptores. В 1725 г. неаполитанец Джамбаттиста Вико издал свой трактат «Основания новой науки об общей природе наций», где пытался доказать, что ход истории определяется объективными законами, внутренне присущими человеческому обществу.

В 1753 г. во Флоренции возникла академия «Любителей сельского хозяйства» (Georgofili), ставившая целью изучить аграрные проблемы. В 1754 г. Антонио Дженовези в Неаполе начал читать лекции по экономике на итальянском языке — неслыханная дерзость в условиях того времени. «Защита Данте» Гаспаре Гоцци, появившаяся в 1758 г., способствовала возобновлению интереса к изучению трудов великого писателя.

Первые выступления прогрессивных деятелей культуры были или не поняты (как, например, учение Вико), или же столкнулись с яростным сопротивлением сил реакции. Примером может служить судьба Джанноне. Сначала ему пришлось эмигрировать, затем он, получив провокационное приглашение, отправился в Пьемонт, и там его бросили в тюрьму, где через 12 лет он скончался. Сочинение неаполитанца Гаэтано Филанджери «Наука законодательства» сразу же после его появления церковь включила в индекс запрещенных книг.

Тем не менее просветительское движение ширилось. Оно достигло наибольшего подъема в 60—70-х годах. Увеличилось количество периодических изданий, открывались светские школы, музеи и театры. В 1768—1772 гг. появилась одна из первых общих историй

итальянского народа — «Революции Италии» пьемонтца Карло Денина; затем бергамец Джироламо Тирабоски начал публикацию многотомной «Истории итальянской литературы». Возникали новые кружки литераторов, писателей и ученых. В эти годы просветительское движение начало переходить от общетеоретических проблем к критике окружающей действительности и выдвижению конкретной программы действия.

Деятельность итальянских просветителей концентрировалась преимущественно в трех городах: Милане, Неаполе и Флоренции. В Милане сложился кружок экономистов, философов и литературных критиков под названием «Общество кулака», во главе которого стояли братья Пьетро и Алессандро Верри. Здесь регулярно обсуждались наиболее злободневные вопросы правового, морального, экономического характера. В 1764 г. Пьетро Верри начал издавать периодический журнал «Иль Кафе», задуманный для самых широких кругов читателей. Журнал вел беспощадную борьбу с педантизмом в литературе и шарлатанством в науке, разоблачал тупость, расточительство и безнравственность феодальной аристократии, говорил о необходимости реформ в области финансов, экономики, политической жизни. Он боролся с муниципальной ограниченностью и ставил целью пробудить национальное чувство итальянского народа.

Самым выдающимся представителем миланского круга просветителей был Чезаре Беккариа (1738—1794), который в 1764 г. опубликовал нашумевшую книгу «О преступлениях и наказаниях». Переведенный вскоре на многие иностранные языки, труд Беккариа прославил его автора далеко за пределами Италии (его, в частности, очень высоко оценил Вольтер). Книга оказала большое влияние на развитие буржуазной юридической науки. Беккариа критиковал методы судопроизводства и произвол чиновников, требовал отмены пыток и смертной казни. Он считал, что все люди должны быть свободны и равны перед законом. Преступность, по его мнению, порождается обществом, в котором народные массы живут в беспросветной нищете. Искоренить преступность могут лишь радикальные реформы общества.

На эту же тему писал и Пьетро Верри, а поэт Парини в возвышенных стихотворениях призывал к культурным и социальным преобразованиям.

Просветители Неаполя, в отличие от миланцев, не уделяли столько внимания вопросам литературы, образования, воспитания, а концентрировали свое внимание на проблемах юридического экономического характера и на борьбе с влиянием римской курии (Дженовезе, Филанджери, Галиани, Пальмиери и др.).

Флоренция была менее значительным центром просветительства, по крайней мере в области теории. Но зато тосканцы отли-

чались исключительной осведомленностью в области злободневных проблем. Их деятельность носила скорее практический характер, что выразилось в их активном участии в реформаторской деятельности Лотарингской династии (Джанни, Нери и др.).

Но какие бы нюансы ни отличали просветителей разных городов, их всех объединяли основные общие идеи и требования. В центре их внимания стояла аграрная проблема, наиболее актуальная в Италии того времени. Подобно физиократам, они считали сельское хозяйство основой основ народного благосостояния и связывали развитие общества с лучшим распределением земли. Они рисовали яркую картину материального и морального упадка деревни. С горечью Филанджери говорил о том, что есть землевладельцы, которые измеряют свои владения горизонтом, но слишком много народа по сравнению с ними не имеет ни земли, ни работы. Пальмиери обращал внимание на незаселенность деревни и на контраст между богатством крупных землевладельцев и нищетой миллионов, которые не имеют даже клочка земли, где их можно было бы похоронить.

По мнению просветителей, равновесие в распределении собственности — залог дальнейшего обновления общества. Поэтому они требовали отмены неотчуждаемости церковных земель, ликвидации фидеикомиссов и феодов и их превращения в свободную земельную собственность, наделения крестьян землей за счет неиспользованных пустошей. Лучше будет обрабатывать землю тот, кто сможет считать ее своей собственностью, утверждал министр великого герцога Тосканы Франческо Джанни. Вместе с тем просветители выступали за сокращение сеньориальных повинностей и ликвидацию остатков крепостного права. Лозунг просветителей — «Свободный человек на свободной земле». Все эти предложения были крайне умеренными. Речь шла лишь о перестройке феодальной деревни на капиталистический лад. Хотя просветители и критиковали аристократию, они даже не помышляли о том, чтобы требовать отнятия у нее земель и богатств.

Подъем сельского хозяйства служил, по мнению просветителей, основной предпосылкой развития ремесла и торговли. Они требовали ликвидации всех препятствий, стоявших на его пути, вроде фискального беззакония, внутренних таможен, системы откупов, монополий и цехов.

От свободы торговли они переходили к политической свободе и национальному единству. Просветители чувствовали нелепость политической раздробленности, весь трагизм иноземного владычества. Маркиз Карачоло с горечью говорил об Италии, поделенной между мелкими и немощными династиями. Иностранные державы были, по его мнению, своего рода чумой для страны. Альфьери считал, что Сардинское королевство управляется королем, как опекаемый

опекуном. Он твердо верил в необходимость национального движения за объединение Италии. Верри пророчески восклицал: «Пройдет немного лет, и Италия будет единой семьей».

От критики экономического и политического строя неотделима и критика феодального общества в целом. Просветители горячо сочувствовали итальянскому народу. Карачоло с горечью говорил о сицилийском крестьянине: «Рабство настолько деградирует душу, что она уже больше не чувствует тяжести цепей». В то же самое время просветители едко высмеивали тунеядство и спесь феодальной аристократии и подвергали резкой критике ее сословные привилегии. «Неважно, откуда ты, но важно, кто ты; не имя, не одежда, а доблесть, устремления и интеллект имеют значение»,— говорилось на страницах журнала «Иль Кафе». Буржуазный идеал свободы человека, который основывается на теории «естественного права», идеи равенства и братства, пронизывают труды и выступления просветителей. «Я не рожден для того, чтобы стучаться в негостеприимные дворцы знатных, и царство смерти примет меня нагого, но свободного»,— писал поэт Парини. Галиани говорил: «Было бы достойно нашего века, если бы люди начали любить друг друга». Но в то же самое время просветители ограничивались тем, что призывали аристократию к активной деятельности в области сельского хозяйства и торговли, но отнюдь не думали о ее ликвидации как господствующего класса.

С какими бы радикальными призывами просветители ни выступали, они, однако, не требовали революционных преобразований существующего строя. Они не были революционерами. Им даже не хватало того размаха, которым отличалось просветительское движение во Франции. Все свои надежды они возлагали на просвещенных монархов как на единственную силу, способную утвердить справедливое общество. Беккариа писал: «Теперь на европейские троны вступили благодетельные государи, друзья мирных добродетелей, отцы своих народов; эти государи... пекутся о счастье своих подданных, уничтожают деспотизм посредников между государем и народом». Поэтому просветители и оказывали всемерную поддержку государям в реформаторской деятельности и зачастую сами являлись авторами этих реформ. Все же, несмотря на всю ограниченность и непоследовательность итальянского просветительского движения, оно сыграло объективно прогрессивную роль, немало способствовало подъему национального самосознания итальянского народа и в значительной мере подготовило почву для революционных бурь XIX в.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Начало V в.	Вторжение в Италию вестготов под предводительством Алариха
410	Взятие Рима вестготами
452	Нашествие гуннов под предводительством Атиллы на Северную Италию
455	Разграбление Рима вандалами
476	Свержение последнего римского императора Ромула Августула; падение Западной Римской империи
476—493	Государство Одоакра
488	Вторжение остготов во главе с Теодорихом
493—555	Королевство остготов
493—525	Теодорих, король остготов
ок. *512*	Эдикт Теодориха
535—554	Война Византии с остготами
541—552	Тотила, король остготов
554	«Прагматическая санкция» Юстиниана
568	Вторжение лангобардов; образование Лангобардского королевства
584—590	Аутари, король лангобардов
590—604	Папа Григорий I
591—616	Агилульф, король лангобардов
636—652	Ротари, король лангобардов
643	Эдикт Ротари
662—671	Гримоальд, король лангобардов
697	Назначение первого дожа в Венеции
712—744	Лиутпранд, король лангобардов
744—749	Ратхис, король лангобардов

745—746	Законы Ратхиса
749—757	Айстульф, король лангобардов
751	Захват лангобардами Равеннского экзархата
754—756	Походы франков во главе с Пипином Коротким в Италию
VIII в.	Составление «Константинова дара»
756	«Пипинов дар»; основание светского государства пап
768—814	Карл Великий, франкский король (800—814 — император)
773—774	Завоевание Лангобардского королевства франками
843	Верденский договор
середина IX в.	Вторжение арабов в Италию
850	Волнения горожан в Кремоне
851	«Заговор народа» в Модене
881—888	Карл III Толстый, король Восточнофранкского королевства (884—887 — король Западнофранкского королевства; 881—887 — император франков)
888—889	Беренгарий I, герцог Фриуля, король Италии (915—924 — император)
889—892	Гвидо, герцог Сполето, король Италии (891—892 — император)
892—894	Ламберто, герцог Сполето, король Италии, император
897—899	Изгнание епископа из Турина
IX в.	Лжеисидоровы декреталии
конец IX — середина X в.	Вторжения венгров в Италию
924—926	Родольфо II, король Бургундии и Италии
926—947	Уго, герцог Прованский, король Италии
950—951; 952—963	Беренгарий II, маркграф Ивреи, король Италии
951—952; 961—962	Походы Оттона I в Италию
962	Образование «Священной Римской империи»
996	Изгнание епископа из Кремоны
X—XI вв.	Клюнийская реформа

XI в.	Возникновение школы в Салерно
1041—1044	Восстание в Милане
1043—1070	Доменико Контарини, дож Венеции
1059	Латеранский собор
1059—1061	Папа Николай II
1073—1084	Папа Григорий VII
1075	Свидание в Каноссе
1078	Образование коммуны в Кремоне
1081	Образование коммуны в Пизе
конец XI в.	Образование городских коммун в Лукке, Анконе, Асти
» »	Основание Болонского университета
» »	Завоевание норманнами Южной Италии и Сицилии
1088—1089	Папа Урбан II
1098	Первое упоминание о коммуне в Милане
1099	Образование коммуны в Генуе
начало XII в.	Образование коммун во Флоренции, Сиене, Ферраре, Бергамо, Тревизо, Падуе, Виченце
1107	Образование коммуны в Вероне
1122	Вормсский конкордат
ок. 1130	Образование Сицилийского королевства
1130—1154	Рожер II, король Сицилии
ок. 1132—1202	Иоахим Калабрийский
1140	Арианские ассизы в Сицилийском королевстве
1143—1155	Антипапское восстание в Риме. Провозглашение Римской республики
1154—1176	Походы германских феодалов во главе с Фридрихом I Барбароссой в Италию
1158	Ронкальские постановления
1160	Восстание баронов в Сицилийском королевстве
1162	Разрушение Милана войсками Фридриха I Барбароссы
1167	Образование Ломбардской лиги городов
1176	Битва при Леньяно
1183	Констанцский мир
1198—1216	Папа Иннокентий III

1212—1250	Фридрих II Гогенштауфен, германский король, король Сицилийского государства
1220	Капуанские ассизы
1222	Основание университета в Падуе
1224	Основание университета в Неаполе
1225—1274	Фома Аквинский
1228	Первая пополанская конституция в Болонье
1230—1276	Гвидо Гвиницелли
1231	«Мельфийские конституции» Фридриха II в Сицилийском королевстве
1236—1259	Эццелино да Романо, правитель Вероны
ок. 1240 — ок. 1302	Чимабуэ
1240—1598	Династия д'Эсте в Ферраре
1240	Восстание в Беневенто
1240—1310	Династия делла Торре в Милане
1250	Конституция Primo Popolo во Флоренции
1251	Изгнание знати из Флоренции
1257	«Райская книга» Болоньи
ок. 1260	Возникновение секты «апостольских братьев»
1262—1387	Династия делла Скала в Вероне
1265—1321	Данте Алигьери
1266	Битва при Монтаперти; изгнание гвельфов из Флоренции
1266, 25 февраля	Битва при Беневенто
ок. 1266—1337	Джотто
1268—1442	Анжуйская династия в Сицилии (1268—1302) и Южной Италии
1268—1285	Карл I Анжуйский, король сицилийский (до 1282 г.) и неаполитанский
1271—1295	Путешествие Марко Поло в Индию и Китай
1272—1328	Династия Бонакользи в Мантуе
1277—1447 (с перерывами)	Династия Висконти в Милане
1277	Устранение грандов Сиены от высших должностей в республике
1282	Утверждение Арагонской династии в Сицилии (окончательно — с 1302 г.)
1282—1285	Пьетро I Арагонский, король Сицилии (арагонский король Педро III)

1282	«Сицилийская вечерня»
1282—1302	Война «Сицилийской вечерни»
1282—1283, 1304	Постановления Болонской коммуны об освобождении крестьян
1285—1296	Джакомо Арагонский, король Сицилии
1285—1309	Карл II Анжуйский, неаполитанский король
1288—1860 (кроме 1306—1336, 1510—1527)	Династия д'Эсте в Модене
1289—1290	Освобождение колонов во Флоренции
1293	«Установления правосудия» во Флоренции
1294—1303	Папа Бонифаций VIII
1295	Поправки к «Установлениям правосудия»
1296—1337	Федерико II Арагонский, король Сицилии
1297	«Закрытие Большого совета» в Венеции
1298	Разгром генуэзцами венецианского флота при Курцоле
1299	Заговор Бокканио в Венеции
1300, июль	Казнь Герардо Сегарелли
1300, август	Первое послание Дольчино
1303	Основание университета в Риме
1303, декабрь	Второе послание Дольчино
1303—1307	Крестьянское восстание в горных районах Пистойи
1304—1307	Крестьянское восстание под руководством Дольчино
1304—1374	Франческо Петрарка
1305—1314	Папа Климент V
1308—1328	Конрад I делла Скала, правитель Вероны (1308—1311 — совместно с братом Альбионом)
1309—1343	Роберт Анжуйский, неаполитанский король
1309—1377	Авиньонское пленение пап
1310	Восстание Баймонто Тьеполо в Венеции
1310	Создание Совета Десяти в Венеции
1310—1313	Итальянский поход германского императора Генриха VII

1313—1375	Джованни Боккаччо
1315	«Золотая книга» Венеции
1328—1708	Династия Гонзага в Мантуе
1330—1400	Франко Саккетти
1331—1406	Колюччо Салютати
1337—1342	Пьетро II Арагонский, король Сицилии
1339	Учреждение пожизненной должности дожа в Генуе
1342—1355	Луиджи Арагонский, король Сицилии
1343	Основание университета в Пизе
1343—1382	Джованни I Анжуйский, неаполитанский король
1343—1442	Борьба Арагонской династии за установление власти в Неаполитанском королевстве
1345	Забастовки наемных рабочих во Флоренции под руководством Чуто Брандини
1347, 20 мая	Установление Римской республики во главе с Кола ди Риенцо
1355	Заговор Марино Фальери в Венеции
1355—1377	Федерико III Арагонский, король Сицилии
1357	Утверждение конституции Папского государства
1361	Основание университета в Павии
1370(74)—1444	Леонардо Бруни
1371	Волнения наемных рабочих в Перудже и Сиене
1375	Антипапское восстание в Перудже
1376	Антипапское восстание в Болонье
1378, июнь — август	Восстание чомпи во Флоренции
1378—1417	«Великая схизма»
1380	Победа Венеции над генуэзским флотом при Кводже
1381	Туринский мир
1382—1386	Карл III Анжуйский, неаполитанский король
1382—1387	Восстание тукинов
1385—1402	Джан-Галеаццо Висконти, правитель Милана (с 1395 — герцог)
1386—1414	Владислав Анжуйский, неаполитанский король

ок. 1386—1466	Донателло
1401—1428	Мазаччо
1401—1464	Николай Кузанский
1404—1414	Походы неаполитанского короля Владислава на Рим
1407—1457	Лоренцо Валла
1412—1447	Филиппо-Мариа Висконти, правитель Милана
1414—1423	Томмазо Мочениго, дож Венеции
1414—1435	Джованни II Анжуйский, неаполитанский король
1416—1458	Альфонсо I Арагонский, король Сицилии, с 1442 — неаполитанский король (в Арагоне — Альфонс V)
1417—1463	Сиджизмондо Малатеста, кондотьер
1417—1431	Папа Мартин V
1423—1457	Франческо Фоскари, дож Венеции
1434—1494; 1512—1527; 1530—1737	Династия Медичи во Флоренции
1434—1464	Козимо Медичи Старший, правитель Флоренции
1435—1488	Андреа Вероккьо
1438	Крестьянское восстание в Равенне
1439	Флорентийская уния
1442	Объединение Арагона и Сицилии с Неаполитанским королевством
1442—1501	Правление Арагонской династии в Южной Италии
1444—1514	Донато Браманте
1445—1510	СандроБотичелли
1447—1455	Папа Николай V
1450—1535	Династия Сфорца в Милане
1450—1466	Франческо Сфорца, правитель Милана
1452—1519	Леонардо да Винчи
1453	Антипапский заговор Стефано Поркари в Риме
1454	Лодийский мир
1455	Крестьянское восстание в Пистойе

1458—1464	Папа Пий II
1458—1494	Фердинандо Арагонский, неаполитанский и сицилийский король
1459	Крестьянское восстание в Калабрии
1463—1479	Война Венеции с Турцией
1469	Образование Всеобщей лиги
1469—1492	Лоренцо Медичи Великолепный, правитель Флоренции
1469—1527	Никколо Макиавелли
1470	Восстание против тирании Медичи в Прато
1471	Основание университета в Генуе
1472	Восстание против тирании Медичи в Вольтерре
1474—1533	Лодовико Ариосто
1475—1564	Микеланджело Буонаротти
ок. *1477—1510*	Джорджоне
1477—1576	Тициан
1480—1500	Лодовико Моро, правитель Милана (1480—1494 — регент, с 1494 — герцог)
1483—1520	Рафаэль Санти
1483—1540	Франческо Гвиччардини
1487—1529	Петруччи, правитель Сиены
1489	Присоединение Кипра к Венеции
1492—1503	Папа Александр VI Борджа
1492—1556	Пьетро Аретино
1493	Народное восстание во Флоренции. Изгнание Медичи и восстановление республики
1494—1496	Альфонсо II Арагонский, неаполитанский и сицилийский король
1494—1498	Правление Савонаролы во Флоренции
1494—1559	Итальянские войны
1494—1496	Неаполь под властью французов
1495, 6 июля	Битва при Форново
1496—1501	Федерико Арагонский, неаполитанский и сицилийский король
1498, 23 мая	Сожжение Савонаролы
1506—1507	Восстание в Генуе против чужеземного ига
1508	Камбрейская лига итальянских государств

1509—1588	Бернардино Телезио
1511	«Святая лига» итальянских государств
1511	Крестьянское движение во Фриуле
1511—1574	Джорджо Вазари
1512, 11 апреля	Победа французов над испано-итальянской армией при Равенне
1513—1521	Папа Лев X
1515, 13—14 сентября	Битва при Мариньяно. Захват французами Милана
1516	Болонский конкордат
1516—1517	Народное восстание в Сицилии против испанского ига
1518—1594	Якопо Тинторетто
1524, осень — 1525, февраль	Битва при Павии; победа войск императора Карла I над французами
1525	Крестьянские восстания в альпийских областях Северной Италии
1526	Коньякская лига
1527, май	Разграбление Рима войсками императора Карла V
1528	Составление «Книги государств» в Генуе
1528—1588	Паоло Веронезе
1530	Болонский собор
1532	Восстание наемных рабочих в Лукке
1534	Основание ордена иезуитов
1544—1595	Торквато Тассо
1547	Заговор Фиески в Генуе
1548—1600	Джордано Бруно
1555—1559	Папа Павел IV
1559	Като-Камбрезийский мир
1559	Первый «Индекс запрещенных книг»
1559—1565	Папа Пий IV
1564—1642	Галилео Галилей
1565—1572	Папа Пий V
1568	Освобождение крестьян в Савойе
1568—1639	Томмазо Кампанелла
1571	Битва при Лепанто
1573—1610	Караваджо

1585—1590	Папа Сикст V
1587—1609	Фердинандо I, великий герцог Тосканский
1599	Восстание в Калабрии при участии Томмазо Кампанеллы
1600	Сожжение Джордано Бруно
1623—1644	Папа Урбан VIII
1627—1631	Война за Мантуанское наследство
1647	Восстание в Палермо под руководством Джузеппе д'Алесси против испанского господства
1647—1648	Восстание под руководством Ипполито да Пастина против испанского господства
1647, 7 июля — 1648, 6 апреля	Восстание под руководством Томмазо Аньелло (Мазаньелло) и Дж. Аннезе в Неаполе против испанского господства; Неаполитанская республика
1668—1744	Джамбаттиста Вико
1670	Восстание в Мессине
1674—1676	Восстание в Сицилии
1701—1714	Война за испанское наследство
1714	Раштаттский мир
1720	Присоединение Сицилии к Неаполитанскому королевству
1733—1742	Карл Эммануил III, король неаполитанский

Хронологическая таблица составлена
В. В. Каревой

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Указатели составлены
В. В. Каревой

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. *Морализирующая критика и критизирующая мораль.* К истории немецкой культуры. Против Карла Гейнцена.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 4.

Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 гг.) — *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 12.

Маркс К. К критике политической экономии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 13.

Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. — *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 19.

Маркс К. Капитал, т. I.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23.

Маркс К. Капитал, т. III. — *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I—II.

Маркс — Энгельсу. Письмо от 25.IX 1857 г.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 29.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. 1.

Маркс К. Конспект работы К. Ботта «История народов Италии».— Архив Маркса и Энгельса, т. V. Госполитиздат, 1938.

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Немецкая идеология.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 3.

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 4.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 7.

Энгельс Ф. Заметки о Германии.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 18.

Энгельс Ф. Марка. — *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 19.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 19.

Энгельс Ф. Диалектика природы.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 20.

Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Там же.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — Там же.

Энгельс Ф. Юридический социализм.— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21.

Энгельс Ф. К итальянскому читателю. Предисловие к итальянскому изданию «Манифеста коммунистической партии».— *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 22.

Энгельс Ф. Дополнения к третьему тому «Капитала» — *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II.

Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г-на Струве. — *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1.

Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках. —Там же.

Ленин В. И. Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности.— Там же, т. 2.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — *В. И. Ленин.* Там же, т. 3.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Там же, т. 18.

Ленин В. И. О государстве. — Там же, т. 39.

1

ОТ АНТИЧНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

Источники

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica». Вступит. статья, перевод и комментарии Е. Ч. Скржинской. М., 1960.

Прокопий из Кессарии. Война с готами, перевод С. П. Кондратьева. М., 1950.

Cassiodorus, Senator, Variae, rec. Mommsen Th. (MGH, AA, t. XII). Berlin, 1894.

Dahn F. Die Könige der Germanen, IV. Abteilung. Die Edicte der Könige Theodorich und Athalarich und das gothishe Recht im Gothishen Reich. Würzburg. 1866.

Edictum Theoderici, ed. F. Bluhme.— MGH, Leges, t. V, 1875. Fontes juris romani antejustiniani, pars. II, ed. Riccobomi, J. Baviera. Florentiae, 1940.

Ennodii Epistolae (corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum, t. VI. Berolini, 1882).

Marini G. I papiri diplomatici, raccolti ed illustrati. Roma, 1805.

Литература

Виноградов П. Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии, гл. I. СПб., 1880.

Дворецкая И. А. Эдикт Теодориха Остготского, как источник по социально-политической истории раннего средневековья.— «Проблемы экономического и политического развития стран Европы».— «Ученые записки МГПИ им. Ленина». М., 1964.

Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, т. I. М., 1898.

Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства, изд. IV. М., 1917.

Удальцова З. В. Италия и Византия в VI в. М., 1959.

Hartmann L. M. Geschichte Italien's im Mittelalter, Bd. I, Leipzig, 1897; II. Aufl. Stuttgart, Gotha, 1923.

Ensslin W. Theodorich der Große. München, 1947.

Vismara G. Romani e Goti di fronte al diritto nel Regno Ostrogoto. In: I Goti in Occidente.— «Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo». III. Spoleto, 1956.

*

Источники

«Акты Кремоны X—XIII веков в собрании Академии наук СССР», подготовил к изданию С. А. Аннинский, предисловие О. А. Добиаш-Рождественской. Издательство Академии наук СССР. М. —Л., 1937.
Codice diplomatico Longobardo, vol. I—IV, ed. C. Troya (Storia d'Italia, t. V). Napoli, 1852—1855.
Codice diplomatico Longobardo. A cura di L. Schiaparelli, vol. I, II (FSI, vol. 62, 63). Roma, 1929—1933.
Edictus ceteraeque Langobardorum leges, ed. F. Bluhme (MGH, Fontes iuris Germanici antiqui in usum scholarum). Hannoverae, 1869.
Die Gesetze der Langobarden, übertragen und bearbeitet von F. Beyerle. Weimar, 1947; II. Auflage, 1962.
Leges Langobardorum, ed. F. Bluhme,— MGH, Legum, t. IV. Hannover, 1868.
Libro Croce, a cura di Q. Santoli (Regesta Chartarum Italiae). Roma, 1939.
Gregorius episcopus Turonensis. Libri historiarum X, 2. Ed. curavit B. Krusch, W. Levison (MGH, Scriptores rerum Merovingicarum I, 1). Hannover, 1951.
Paulus Diaconus. Historia Langobardorum, ed. L. Bethmann, G. Waitz (MGH, Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum). Hannover, 1878.
Marius episcopus Aventicensis, Chronica, ed. Th. Mommsen (MGH, AA, t. XI). Berlin, 1894.

Литература

Абрамсон М. Л. Крестьянство в византийских областях Южной Италии (IX—XI вв.).— «Византийский временник», т. VII, 1953.
Абрамсон М. Л. О роли арендных отношений в социально-экономическом развитии Южной Италии (IX—XI вв.).— Сб. «Из истории трудящихся масс Италии». М., 1959.
Виноградов П. Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб. 1880.
Котельникова Л. А. Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв. (по материалам Средней и Северной Италии). М., 1967.
Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956.
Njcussijchin A. I. Die Entstehung der abhängigen Bauernschaft als Klasse der frühfeudalen Gesellschaft in Westeuropa vom 6. bis. 8. Jahrhundert, Berlin, 1961, Kapitel V (со значительными дополнениями).
Bognetti G. P. L'età longobarda, vol. I—IV. Milano, 1966.
Caratteri del secolo VII in Occidente. Spoleto, 1958.
Dopsch A. Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung, Bd. II, II. Auflage. Wien, 1923.
Dopsch A. Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit, Teil I, II. Auflage. Weimar, 1921; III. Erweiterte Auflage. Weimar, 1962.
Fasoli G. I longobardi in Italia. Bologna, 1965.
Halban-Blumenstock A. Das römische Recht in den germanischen Volksstaaten, Bd. I—III. (Gierkes Untersuchungen zur deutschen Rechts und Sataatsgeschichte, Heft 64). Breslau, Bd. II, 1901.
Hartmann L. M. Die Geschichte Italien's im Mittelalter, Bd. II. Leipzig, 1910.
Leicht P. S. «Livellario nomine». In: Scritti vari di storia del diritto italiano, vol. I—II. Milano, 1942—1948.

Mayer E. Italienische Verfassungsgeschichte von der Gothenzeit bis zur Zunfherrschaft, Bd. I. Leipzig, 1909.
Pivano S. I contratti agrari in Italia nel alto medio evo. Torino, 1904.
Schneider F. Die Entstehung von Burg und Landgemeinde in Italien, Berlin, 1924.
Schneider F. Die Reichsverfassung in Toscana, Bd. I. Rom, 1914.

2

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛИЗМА В СЕВЕРНОЙ И СРЕДНЕЙ ИТАЛИИ В IX—XIV ВВ.

Источники

Böhmer I. F., Mülbacher O. Regesta Imperii, I. Die Regesten des Kaiserreichs unter den Karolingern. II. Aufl. Innsbruck, 1908.
Böhmer I. F. Regesta Imperii, III, 1. Die Regesten des Kaiserreichs unter Konrad II (1024—1039). Graz, 1951.
Capitularia regum Francorum, vol. 1—2.— MGH.
Diplomata Ottonis primi, pars 1—2.— MGH. Urkunden der deutschen Könige und Kaiser, vol. 1.
» Ottonis secundi— MGH. Urkunden..., vol. 2.
» Ottonis tertii.— MGH. Urkunden..., vol. 2.
» Heinrici secundi.— MGH. Urkunden..., vol. 3.
» Conradi secundi.— MGH. Urkunden..., vol. 4.
» Heinrici tertii.— MGH. Urkunden..., vol. 5, parte 1—2.
» Heinrici quarti. — MGH. Urkunden..., vol. 6.
I diplomi di Berengario I. A cura di L. Schiaparelli. — FSI, v. 35. Roma, 1903.
« di Guido e di Lamberto. A cura di L. Schiaparelli. — FSI, v. 36. Roma, 1906.
» italiani di Lodovico III e di Rodolfo II. A cura di L. Schiaparelli. — FSI. vol. 37. Roma, 1910.
« di Ugo e di Lotario, di Berengario II e di Adalberto. A cura di L. Schiaparelli.— FSI, vol. 38. Roma, 1924.
Iaffé P. H., Wattenbach G. Regesta pontificum Romanorum, I—II. Lipsiae, 1885—1888.
Manaresi C. I placiti del «Regnum Italiae».— FSI, vol. 92. Roma, 1955.
Ughelli F. Italia sacra, ed. secunda, cura et studio N. Coleti. Venetiis, 1717—1722.

Литература

Cagesse R. L'alto medio evo. Torino, 1937.
Chiappelli L. La formazione storica del comune cittadino in Italia.— ASI, ser. VII, vol. VI, VII, X, 1926—1928.
Cristiani E. Note sulla feudalità italica negli ultimi anni del regno di'Ugo e Lotario.— «Studi medievali», 1963, fasc. I.
Fasoli G. Re d'Italia. Firenze, 1949.
Fasoli G. Dalla civitas al comune. Bologna, 1961.
Fasoli G. Re, imperatori e sudditi nell'Italia del secolo X. — «Studi medievali», 1963, fasc. I.
Fischer I. Königtum, Adel und Kirche im Königreich Italien (774—875). Bonn, 1965.
Mor C. G. L'età feudale, vol. I—II. Milano, 1952.

Problemi comuni dell'Europa postcarolingia. — Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo, III. Spoleto, 1950.
Parazzoli G. Dissoluzione dell'impero carolingio e regno feudale d'Italia. Milano, 1960
Solmi A. L'amministrazione finanziaria del Regno italico nell'alto medio evo. Pavia, 1931.
Tabasso G. I liberi del re nell'Italia carolingia e postcarolingia. — «Studi medievali», 1964—1965, fasc. I.
Tabacco G. La dissoluzione medievale dello stato nella recente storiografia. — «Studi medievali», 1960, fasc. II.
Violante C. La società milanese nell'età precomunale. Bari, 1953.

*

Источники

Bandi lucchesi del secolo XIV tratti dai registri del R. Archivio di Stato in Lucca. Bologna, 1863.
Besta E., Barni G. Liber consuetudinum Mediolani anni 1216. Milano, 1949.
Bibliotheca della societá storica subalpina, vol. I—CLXXVIII. Pinerolo, 1899—1956.
Castellani A. Il registro di crediti e pagamenti del maestro Passara di Martino da Cortona (1315—1327). Firenze, 1949.
Codice diplomatico del monastero di S. Colombino di Bobbio fino al anno 1208.— FSI, vol. 52, 53, 54. Roma, 1918.
Codice diplomatico longobardo, vol. 1, 2. A cura di L. Schiaparelli.— FSI, vol. 62, 63. Roma, 1929, 1933.
Consigli della repubblica Fiorentina per cura di B. Barbadoro, vol. 1. Bologna, 1921.
Corpus statutorum italicorum, vol. II, VII. Roma, 1913—1914.
Dei monumenti istorici pertinenti alle provincia della Romagna, ser. prima. Statuti, vol. 1, fasc. 1, 2, 3. Bologna, 1863.
Statuta populi et communis Florentiae 1415. 2. Bde. Freiburg und Berlin, 1778.
Documenti di storia Italiana, vol. V—XV. Firenze, 1872—1952.
Fonti per la storia d'Italia, vol. I—XCIX. Roma, 1887—1963.
Fonti sui comuni rurali Toscani, vol. I—III. Firenze, 1961—1963.
Gli statuti del comune di Anghiari nel sec. XIII a cura di M. Modigliani (ASI, V, ser. 4, 1880).
Gloria A. Codice diplomatico Padovano. vol. I—III. Venezia, 1877—1879.
Regesta chartarum Italiae, vol. I—XXX. Roma, 1907—1942.
Guidi P. Pellegrinetti E. Inventari del vescovato, della cattedrale e di altre chiese di Lucca, fasc. I. Lucca, 1921.
Imberciadori I. Mezzadria classica Toscana. Firenze, 1951.
Memorie e documenti per servire all'istoria del principato lucchese, vol. I—V, VII—IX. Lucca, 1813—1847.
Monumenta Historiae Patriae, vol. 1, 2, 13, 16.
Muratori L. A. Antiquitates Italicae medii aevi. vol. I—VI. Mediolani, 1738—1749.
Muratori L. A. Scriptores rerum Italicarum, vol. I—XX. Mediolani, 1723—1751.
Statuti della repubblica Fiorentina, ed. R. Caggese. 2 Bd. Firenze, 1910, 1921.
Statuti di Volterra (1210—1224) a cura di E. Fiumi. Siena, 1951.
Statuti inediti della città di Pisa dal XII al XIV sec. raccolti ed illustrati per cura di F. Bonaini, vol. I—III. Firenze, 1854—1857.
Statuti urbanistici medievali di Lucca. Venezia, 1960.
Statuti di Arezzo (1327) a cura di G. Camerani Marri. Firenze, 1946.
Statutum bladi (1348). Firenze, 1934.
Zdekauer L. Statutum potestatis communis Pistorii dell'anno 1296. Milano, 1888.

Литература

Бернадская Е. В. К истории аграрных отношений Северной и Средней Италии XIV—XVI вв. (по материалам провинций Модены и Феррары).— Сб. «Из истории трудящихся масс Италии». М., 1959.

Брагина Л. М. Положение крестьянства в Северо-Восточной Италии в XIII—XIV вв.— Сб. «Из истории трудящихся масс Италии». М., 1959.

Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, т. I—III. М., 1895—1901.

Котельникова Л. А. Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв. (по материалам Средней и Северной Италии). М., 1967.

Котельникова Л. А. Либеллярии Северной и Средней Италии в VIII—X вв. (к вопросу об образовании зависимости итальянского крестьянства)— СВ, X, 1957.

Котельникова Л. А. Некоторые проблемы социально-экономической истории сельских коммун в Средней Италии XIII и XIV вв.— Сб. «Из истории трудящихся масс Италии». М., 1959.

Котельникова Л. А. Об общинной организации североитальянского крестьянства.— СВ, XVII, 1960.

Луццатто Дж. Экономическая история Италии (Античность и средние века). Перев. с итальянского. М., 1954.

Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956.

«Очерки истории Италии». 476—1918 годы. Под ред. проф. М. А. Гуковского. М., 1959.

Рутенбург В. И. Чомпи и гранды.— Сб. «Из истории трудящихся масс Италии». М., 1959.

Самаркин В. В. Эволюция либеллярного держания в Северо-Восточной Италии в XII—XIV вв.— «Вестник МГУ», История, 1964, № 3.

Самаркин В. В. Подчинение деревни городу в Северо-Восточной Италии XIII в.— «Вестник МГУ», История, 1965, № 3.

Arias G. Il sistema della costituzione economica e sociale italiana nell'età dei comuni. Torino, 1905.

Caggese R. Le classi e comuni rurali nel medio evo italiano, vol. 1—2. Firenze, 1907—1909.

Caggese R. La repubblica di Siena e il suo contado nel secolo XIII.— «Bolletino senese di storia patria», 1906.

Cherubini G. La proprietà fondiaria d'un mercante toscano del trecento (Simo D'Ubertino di Arezzo).— «Rivista di storia dell'agricoltura», N 1—2, 1965.

Cherubini G. Qualche considerazione sulle campagne dell'Italia centro-settentrionale tra l'XI e il XV secolo.— RSI, 1967, fasc. 1.

Conti E. La formazione della struttura agraria moderna nel contado fiorentino. Parte 1—3. Roma, 1965—1967.

Cracco G. Società e stato nel medioevo veneziano (secoli XII—XIV). Firenze, 1967.

Cristiani E. Nobiltà e popolo nel comune di Pisa. Pisa, 1962.

Dal Pane L. L'economia bolognese del secolo XIII e l'affrancazione dei servi.— «Giornale degli economisti e annali di economia». 1959, № 9—10.

Doren A. Italienische Wirtschaftsgeschichte. Iena, 1934.

Fiumi E. Sui rapporti economici fra città e contado nell'età comunale (ASI, 1956).

Imberciadori I. Le scaturigini della mezzadria poderale nel sec. IX.— «Economia e storia». Milano, 1958, fasc. I.

Jones Ph. F. Per la storia agraria italiana nel medio evo: lineamenti e problemi — RSI, 1964, fasc. II.

Jones Ph. F. From Manor to Mezzadria: A tuscan case-study in the medieval origins of modern agrarian society —«Florentine Studies. Politics and Society in Renaissance Florence», ed. by N. Rubinstein. London, 1968.
Jones Ph. F. L'Italia agraria nell'alto medio evo: problemi di chronologia e di continuità—«Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo», vol. XIII. Agricoltura e mondo rurale in Occidente nell'alto medioevo. Spoleto, 1965.
Leicht P. S. Operai, artigiani, agricoltori in Italia dal sec. VI al XVI. Milano, 1946.
Pivano S. I contratti agrari in Italia nell'alto Medio evo. Torino, 1904.
Pivano S. Precarie e livelli. Torino, 1962.
Romeo R. La signoria dell'abate di Sant-Ambrogio di Milano sul comune rurale di Origgio nel sec. XIII— RSI, 1957, fasc. III—IV.
Rotelli C. L'economia agraria di Chieri attraverso i catasti dei secoli XIV—XVI. Milano, 1967.
Sereni E. Storia del paissaggio agrario italiano. Bari, 1961.
Storia dell'economia italiana. Saggi di storia economica. A cura di C. M. Cipolla, v. 1. Secoli settimo-diciosettesimo. Torino, 1959.
Vaccari P. L'affrancazione dei servi della gleba nell'Emilia e nella Toscana. Bologna, 1926.
Vaccari P. Le affrancazioni collettive dei servi della gleba. Milano, 1940.
Violante C. Storia ed economia dell'Italia medioevale.— RSI, 1961, facs, III.

3

ЮЖНАЯ ИТАЛИЯ IX—XIII ВВ.

Источники

Chartularium Cupersanense. Ed. Morea, vol. I. Montecassino, 1892.
Chronicon Vulturnense del monaco Giovanni. A cura di V. Federici, vol. I—III. Roma, 1925—1938.
Codex diplomaticus Cajetanus, I—II. Monte Cassino, 1887—1891.
Codex diplomaticus Cavensis. Ed. Morcaldi, I—VIII. Mediolani, Neapoli, 1873—1893.
Codice diplomatico Amalfitano. A cura di R. Filangieri di Candida, vol. I—II. Napoli, 1917— Trani, 1951.
Codice diplomatico Barese, vol. I—XII. Bari, 1897—1935.
Codice diplomatico Brindisino. Ed. G. Monti, vol. I. Trani, 1940.
Codice diplomatico del Monastero di S. Maria di Tremiti. A cura di A. Petrucci, parte I—III. Roma, 1960.
Gattola E. Ad historiam Abbatiae Cassinensis accessiones. Venetiis, 1734.
Huillard-Bréholles A. Historia diplomatica Friderici secundi, vol. I—VI. Paris, 1852—1861.
I Registri della Cancelleria Angioina. Reconstruiti da R. Filangieri, vol. I—V. Napoli, 1950—1953.
Le pergamene di Capua. Ed. J. Mazzoleni, vol. I—II. Napoli, 1957—1960.
Regii Neapolitani archivi monumenta, I—VI. Neapoli, 1845—1861.
Trinchera Fr. Syllabus graecarum membranarum. Neapoli, 1865.
Winkelmann E. Acta imperii inedita saeculi XIII, vol. I. Innsbruck, 1880.

Литература

Абрамсон М. Л. Крестьянство в византийских областях Южной Италии (IX—XI вв.).—«Византийский временник», VII, 1953.
Абрамсон М. Л. О некоторых особенностях развития феодальных отношений в Южной Италии в XII—XIII вв.— СВ, V, 1954.
Абрамсон М. Л. О роли арендных отношений в социально-экономическом развитии Южной Италии (IX—XI вв.).— Сб. «Из истории трудящихся масс Италии». М., 1959.
Абрамсон М. Л. Вотчина в Южной Италии IX—XI вв.— Сб. «Византийские очерки». М., 1961.
Абрамсон М. Л. О состоянии производительных сил в сельском хозяйстве Южной Италии (X—XIII вв.).— СВ, 28, 1965.
Абрамсон М. Л. Влияние торговли на формирование феодальных отношений в Южной Италии (IX—XIII вв.)— СВ, 31, 1968.
Cahen C. Le régime féodal de l'Italie normande. Paris, 1940.
Calasso F. La legislazione statutaria dell'Italia meridionale. Parte I. Le base storiche. Le liberta cittadine dalla fondazione del Regno all'epoca degli statuti. Roma, 1929.
Calasso F. La città nell' Italia meridionale dal secolo IX al XI.— In: «Atti del 3° congresso internazionale di studi sull'alto medioevo». Spoleto, 1959.
Carabellese F. L'Apulia ed il suo comune nell'alto medio evo. Bari, 1905.
Carucci C. La provincia di Salerno dai tempi più remoti al tramonto della fortuna normanna. Salerno, 1923.
Cassandro G. I. Storia delle terre comuni e degli usi civici nell' Italia meridionale. Bari, 1943.
Chalandon F. Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile, I—II. Paris, 1907.
Falcenhausen V. von. Untersuchungen über die byzantinische Herrschaft in Süditalien vom IX. bis ins XI. Jahrhundert. Wiesbaden, 1967.
Galasso G. Le cittá campagne nell'alto medioevo.— In: *Galasso G.* Mezzogiorno medievale e moderno. Torino, 1965.
Gay J. L'Italie méridionale et l'Empire byzantin (867—1071). Paris, 1904.
Iver G. Le commerce et les marchands dans l'Italia méridionale au XIII et au XIV siècle. Paris, 1903.
La Sorsa S. Storia di Puglia, vol. II. Bari, 1953.
Lizier A. L'economia rurale dell'età prenormanna nell' Italia meridionale. Palermo, 1907.
Merores M. Gaeta im frühen Mittelalter (VIII bis XII Jahrhundert). Gotha, 1911.
Pochettino G. I Longobardi nell'Italia meridionale (570—1080). Napoli, 1920.
Pontieri E. Tra i normanni nell' Italia meridionale. Napoli, 1948.
Schipa M. Il mezzogiorno d' Italia anteriormente alla monarchia. Ducato di Napoli e principato di Salerno. Bari, 1923.

4

ПЕРИОД ГОРОДСКИХ КОММУН

Источники

Annales Januenses.— MGH, SS, t. XVIII.
Gli annales pisani.— RIS,II, t. VI, parte 2, fasc. 1—3, 1930—1936.
Anonymi mediolanensis. Libellus de situ civitatis Mediolani. RIS, II, t. I, parte 2, fasc. 1—4, 1900.

Chronicon parmense.— RIS, II, t. IX, parte 9, fasc. 1—2, 1902.
Compagni D. Cronica.— RIS, II, t. IX, parte 2.
Corpus chronicorum bononiensium.— RIS, II, t. XVIII, parte 1, 1906.
Documenti dell'antica costituzione del comune di Firenze, per cura di P. Santini,— Documenti di storia Italiana, vol. X, Firenze, 1895.
Liber consuetudinum Mediolani anni MCCXVI. Ed. E. Besta e G. Luigi. Milano, 1949.
Martino da Canale. La cronaca dei Veneziani. ASI, vol. VIII, 1845.
Landulphi senioris mediolanensis Historiae.— RIS, II, t. II, parte 2, 1942.
Salimbene. Chronicon.— MGH, SS, t. XXXII.
Statuti delle società del popolo di Bologna. Ed. A. Gaudenzi, vol. I—II. Roma, 1882—1896.
Gli statuti veronesi, vol. 1—2. Venezia, 1940—1959.
Villani G. Cronaca. Firenze, 1823.

Литература

Баткин Л. М. Гвельфы и гибеллины во Флоренции.— СВ, XVI, 1959.
Баткин Л. М. Флорентийские гранды и поправки 6 июля 1295 г. к «Установлениям правосудия».— СВ, XX, 1961.
Баткин Л. М. Данте и его время. Поэт и политика. М., 1965.
Бернадская Е. В. Классовые основы ранней итальянской синьории.— «Ученые записки Смоленского пед. ин-та», вып. IV, 1953.
Бицилли П. М. Салимбене. Одесса, 1916.
Бортник Н. А. Арнольд Брешианский — борец против католической церкви. М., 1956.
Бортник Н. А. Народные движения в Риме во второй половине XIII— начале XIV в. Сб. «Античная древность и средние века». Свердловск, 1960.
Гревс И. М. Кровавая свадьба Буондельмонте. Л., 1925.
Грегоровиус Ф. История города Рима в средние века, т. IV—V. СПб., 1907—1912.
Гуковский М. А. Итальянское Возрождение, т. I. Л., 1947.
Добиаш-Рождественская О. А. Предисловие к «Актам Кремоны X—XIII веков». М.— Л., 1937.
Котельникова Л. А. Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв. (по материалам Средней и Северной Италии.) М., 1967.
Луццатто Дж. Экономическая история Италии. М., 1954.
Очерки истории Италии. Под ред. проф. М. А. Гуковского М., 1959.
Рутенбург В. И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. М., 1951.
Скржинская Е. И. Очерк из истории Кремоны. В кн.: «Акты Кремоны XIII—XVI веков». М.— Л., 1961.
Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города. М., 1960.
Bach E. La cité de Gênes au XII-e siècle. Kobenhavn, 1955.
Brezzi P. I comuni medioevali nella storia d' Italia. Torino, 1959.
Cessi R. Storia della repubblica di Venezia, vol. 1. Milano, 1944.
Davidsohn R. Geschichte von Florenz. Bd. 4. Berlin, 1896—1927.
Doren A. Italienische Wirtschaftsgeschichte. Iena, 1934.
Fanfani A. Storia economica. Milano — Messina, 1943.
Fiumi E. Storia economica e sociale di San Gimignano. Firenze, 1961.
Giuliani G. Il comune di Roma sotto il senatorato di Brancaleone degli Andalo, Firenze, 1957.
Herlihy D. Pisa in the early Renaissance. New Haven, 1958.

Hyde I. Padua in the age of Dante. New York, 1966.
Kretschmayr H. Geschichte von Venedig. Bd. I, Gotha, 1905.
Lestocquoy I. Les villes de Flandre et d' Italie sous le gouvernement des patriciens. Paris, 1952.
Lopes Pegna M. Firenze dalle origini al medioevo. Firenze, 1962.
Lopez R. Studi sull'economia genovese nel Medio Evo. Torino, 1936.
Luzzatto G. Studi di storia economica veneziana. Padova, 1954.
La città nell'alto medioevo. Settimane di studio del centro italiano di studi sul alto medioevo, VI. Spoleto, 1959.
Ottokar N. Studi comunali e fiorentini. Firenze, 1948.
Sapori A. Studi di storia economica, vol. 1—2. Firenze, 1955.
Schevill F. Siena. The story of a medieval commune. New York, 1909.
Stahl B. Adel und Volk im Florentiner Dugento. Köln-Graz, 1965.
Storia dell'economia italiana. A cura di C. M. Cipolla, v. I. Torino, 1959.
Salvemini G. Magnati e popolani di Firenze. Nuova ed. Torino, 1960.
Sestan E. La città comunale italiana dei secoli XI—XIII.— «XI Congrés International des Sciences historiques». Rapports, III. Stockholm, 1960.
Violante C. La società milanese nell'età precomunale. Bari, 1953.
Valsecchi F. Le corporazioni nell'organismo politico nel medio evo. Milano, 1931.
Volpe G. Medio evo italiano. Firenze, 1961.

5

РАННИЙ КАПИТАЛИЗМ. ГОРОДСКИЕ ВОССТАНИЯ XIV—XV ВВ.

Источники

Гуковский М. А. Заметки и материалы по истории рода Медичи. I.—«Ученые записки Ленинградского гос. ун-та», вып. 4. № 39, 1939; II.— Там же, № 86, вып. 12, 1941.
«Итальянские коммуны XIV—XV веков». Сб. документов из Архива Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Под ред. В. И. Рутенбурга. М.— Л., 1965.
Acciaioli A. Cronaca. — «Raccolta degli storici italiani», nuova ed., vol. XVIII. Bologna, 1934.
Cronaca di Perugia.— ASI, vol. XVI, 1850.
Libri degli Uzzano.— Архив ЛОИИ АН СССР, западноевроп. секция.
Quaderno di lavoranti «D».— Archivio Datini da Prato, sezione del Archivio di stato di Firenze.
Statuto della Lana di Siena.— Statuti senesi, t. 1. Bologna, 1863.
Statuto della Lana di Firenze. Firenze, 1940.
Statuto della Lana di Radicondoli.— Statuti senesi, t. 1. Bologna, 1863.
Statuto della Seta. Firenze, 1934.
Sacchetti F. Novelle, t. 1. Firenze, 1860.
Stefani M. Cronaca fiorentina.—«Raccolta degli storici italiani», vol. XXX. Città di Castello, 1913.
Velluti D. Cronaca di Firenze. Firenze, 1914.
Villani G. Cronaca Firenze, 1844.

Литература

Абрамсон М. Л. Положение крестьянства и крестьянские движения в Южной Италии в XII—XIII веках.— СВ, III, 1951.

Бернадская Е. В. Классовые основы ранней итальянской синьории.—«Ученые записки Смоленского гос. пед. ин-та» вып. II, 1953.

Гуковский М. А. Итальянское Возрождение, т. I. Л., 1947; т. II. Л., 1961.

Дживелегов А. К. Восстание чомпи и гуманисты.— Архив Маркса и Энгельса, V. М.— Л., 1930.

Котельникова Л. А. Итальянское крестьянство и город в XI—XIV вв. (по материалам Средней и Северной Италии). М., 1967.

Луццатто Дж. Экономическая история Италии. М., 1954.

Ролова А. Д. Структура промышленности Флоренции второй половины XVI — начала XVII в.—«Ученые записки Латвийского гос. ун-та им. П. Стучки», т. LXI. Рига, 1965.

Ролова А. Д. Экономический строй Флоренции во второй половине XV—XVI в.— СВ, VIII, 1956.

Рутенбург В. И. Очерк из истории раннего капитализма. Флорентийские компании XIV века. М.— Л., 1951.

Рутенбург В. И. Народные движения в городах Италии. XIV— начало XV века. М.— Л., 1958.

Серени Э. Развитие капитализма в итальянской деревне. М., 1951.

Сказкин С. Д. Исторические условия восстания Дольчино.—«Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме». М., 1955.

Стоклицкая-Терешкович В. В. К вопросу о «раннем капитализме» во Флоренции XIV в.— СВ, V, 1954.

Фридолин П. П. Флорентийские цехи накануне капиталистической эпохи (к вопросу о зарождении капиталистического строя в Западной Европе).—«Известия Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина», общ. науки, т. XIII. Баку, 1928.

Carli F. Storia del commercio italiano. Padova, t. I, 1934; t. II, 1936.

Cherubini G. Qualche considerazione sulle campagna dell'Italia centro-settentrionale tra l'XI e il XV secolo.— RSI, LXXIX, fasc I. Napoli, 1967.

Conti E. La formazione della struttura agraria moderna nel contado fiorentino. Roma, v. I, 1965; v. III, 1966.

Doren A. Die florentiner Wollentuchindustrie. Stuttgart, 1901.

Fanfani A. Le origini dello spirito capitalistico in Italia. Milano, 1933.

Melis F. Aspetti della vita economica medievale, v. I. Siena, 1962.

Renouard Y. Les relations de papes d'Avignon et des compagnies commerciales et bancaires de 1316 à 1378. Paris, 1941.

Rodolico N. I Ciompi. Una pagina di storia del proletariato operaio. Firenze, 1945.

Roover R. de. The Rise and Decline of the Medici Bank. Cambridge, Mass., 1963.

Sapori A. Studi di storia economica. Secoli XIII—XIV—XV. Firenze, v. I—II, 1955; v. III, 1967.

Zerbi T. Le origini della partita doppia, questioni aziendali e situazioni di mercato nel secolo XIV e XV. Milano, 1952.

6

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ИТАЛЬЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ

Источники

Гвиччардини Ф. Сочинения. М., 1934.
Макиавелли Н. Сочинения. М., 1934.
Salutati C. Il trattato «De tiranno» e lettere scelte. Bologna, 1942.
Statuta Ferrariae anno 1287 a cura di W. Montorsi. Deputazione provinciale ferrarese di Storia Patria. Serie: Monumenti, vol. III. Ferrara, 1955.
Gli statuti veronesi del 1276 colle correzioni e le aggiunte fino al 1323, a cura di Gino Sandri, vol. II. Venezia, 1959.
Liber jurisdictionum Mediolani anno 1396.— MHP, vol. XVI. Milano, 1876.

Литература

Ардашев П. Н. Абсолютная монархия на Западе. СПб., 1902.
Баткин Л. М. Данте и его время. М., 1965.
Бернадская Е. В. Классовые основы ранней итальянской синьории.— «Ученые записки Смоленского гос. пед. ин-та», 1953.
Виллари П. Никколо Макиавелли и его время, т. 1. СПб., 1914.
Гуковский М. А. Итальянское возрождение (1250—1380), т. I. Л., 1947; т. II (1380—1450). Л., 1961.
Ковалевский М. М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму, т. 1. М., 1906.
Очерки истории Италии. Под ред. проф. М. А. Гуковского. М., 1959.
Ролова А. Д. Социально-политическая борьба во Флоренции в 1527—1537 гг. и зарождение абсолютизма Медичи. Автореферат. Л., 1953.
Ролова А. Д. Роль народных масс в период последней республики во Флоренции (1527—1530).— Сб. «Из истории трудящихся масс Италии». М., 1959.
Рутенбург В. И. Гвиччардини. Заметки о позднем Возрождении.— Сб. «Итальянское возрождение». Изд-во ЛГУ, 1966.
Сказкин С. Д. Проблема абсолютизма в Западной Европе (время и условия его возникновения).— Сб. «Из истории средневековой Европы», М., 1957.
Стоклицкая-Терешкович В. В. Проблема тирании в средневековых городах Италии.— «Вопросы истории», 1955, № 9.
Ее же. Основные проблемы истории средневекового города. М., 1960.
Тарле Е. В. История Италии в средние века. СПб., 1901.
Andrieux M. Les Médicis. Paris, 1958.
Anzilotti A. Per la storia delle signorie e del diritto pubblico italiano del Rinascimento.— «Studi storici», 1914.
Anzilotti A. La crisi costituzionale della Repubblica fiorentina. Firenze, 1912.
Bailly A. La Florence de Médicis. Paris, 1956.
Brunetti M. La formazione delle signorie italiane. Venezia, 1947.
Bueno de Mesquita D. M. Giangaleazzo Visconti duke of Milan (1351—1402). Cambridge, 1941.
Castruccio Castracani degli Antelminelli. Firenze, 1934.
Catalano F. Stato e società nei secoli, vol. I. L'età medioevale. Le signorie. Introduzione. Firenze, 1967.
Chabod F. Comuni e signorie nell'Italia settentrionale. Milano, 1941.
Cipolla C. La storia politica di Verona. Verona, 1954.
Cipolla C. Storia delle signorie italiane dal 1313 al 1530. Milano, 1881.
Diaz F. Di alcuni aspetti istituzioni dell'affermarsi delle signorie.— «Nuova rivista storice», 1966, № 1, 2.

Ercole F. Dal comune al principato. Firenze, 1929.
Jriarte Ch. Un condottière au XV siècle. Rimini. Paris, 1882.
Macek J. La Renaissance italienne.— «Historica», IX, 1964.
Orsi P. Signorie e principati (1300—1530), vol. 1. Milano, 1901.
Picotti G. B. Qualche osservazione sui caratteri delle signorie italiane.— RSI, 1926.
Procacci G. Storia degli italiani, vol. 1. Bari, 1968.
Rapisarda M. La signoria di Ezzelino da Romano. Udine, 1965.
Rossi M. I Montefeltro nel periodo feudale della loro signoria (1185—1375). Urbino, 1957.
Salzer G. Über die Anfänge der Signorie in Oberitalien. Berlin, 1899.
Silva P. Il governo di Pietro Gambacorta in Pisa e le sue relazioni col resta della Toscana e coi Visconti. Pisa, 1911.
Simeoni L. Le signorie, vol. I, II.— «Storia politica d'Italia». Milano, 1950.
Sestan E. Le origini delle signorie cittadine: un problema storico esaurito? — «Bolletino dell'Istituto storico italiano per il Medio evo», № 73. Roma, 1961.
Spangenberg H. Cangrande i della Scala. Berlin, 1895.
Storia d'Italia. Coordinata da N. Valeri, vol. I, II. Torino, 1959.
Storia di Milano (Fondazione Treccani degli Alfieri), vol. IV—VIII. Milano, 1954—1957.
Valeri N. L'Italia nell'Età dei Principati dal 1343 al 1516. Verona, 1949.
Ventura A. Nobiltà e popolo nella società veneta dal'400 e 500. Bari, 1964.
Visconti A. Storia di Milano. Milano, 1952.

7

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ XIV—XV ВВ.

Источники

Acta Sancti Officii Bononiae.— «Atti e Memorie della Real Deputazione di storia patria per le provinzie di Romagna», Ser. III, XIV. Bologna, 1896.
Guidonis B. De secta illorum qui se dicunt esse de Ordine Apostolorum.— RIS, N. E., t. IX, p. V. Città di Castello, 1907.
Historia Dulcini haeresiarche novariensi ab anno 1304 usque ad annum 1306.— Ibidem.

Литература

Абрамсон М. Л. Положение крестьянства и крестьянские движения в Южной Италии в XII—XIII вв., СВ, III, 1951.
Карсавин Л. П. Очерки религиозной жизни в Италии XII—XIII вв. СПб., 1912.
Кацман И. С. Крестьянское восстание в Калабрии 1459 года. Сб. «Итальянское возрождение». Л., 1966.
Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, т. II. М. 1898.
Люблинская А. Д. Медиевисты ГДР о городских восстаниях XIV в.— СВ, 24, 1963.
Сказкин С. Д. Первое послание Дольчино.— «Из истории социально-политических идей. Сб. статей к 75-летию академика В. П. Волгина». М., 1955.
Сказкин С. Д. Исторические условия восстания Дольчино.— «X Международный конгресс историков в Риме. Доклады советской делегации» М., 1955.

Флоровская К. В. Акты Болонской инквизиции.— «Историческое обозрение». СПб., 1914.
Anagnine E. Dolcino e il movimento ereticale all'inizio del Trecento. Firenze, 1964.
Cibrario L. Storia del Conte Rosso.— «Operette e frammenti storici di Luigi Cibrario». Firenze, 1856.
Gabotto F. Il «tucchinaggio» in Canavese ed i prodromi dell'assedio di Verrua.— «Bolletino storico-bibliografico subalpino», 1896, № 2—3.
Herlihy D. Medieval and Renaissanse Pistoia. Pistoia, 1967.
Leicht P. S. Un movimento agrario nel Cinquecento. «Scritti vari di storia del diritto», vol. I. Milano, 1943.
Leicht P. S. Operai, artigiani, agricoltori in Italia dal sec. VI al XVI. Milano, 1946.
Mor C. G. Frammenti di storia Valsesiana. Varallo, 1960.
Töpfer B. Das Kommende Reich des Friedens. Leipzig, 1965.
Volpe G. Movimenti religiosi e sette ereticali nella societa medievale italiano. Firenze, 1922.

8

ИСТОКИ ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Источники

Боккаччо Джованни. Декамерон, кн. I—II. Минск, 1953.
Бруно Джордано. Диалоги. М , 1949.
Данте Алигьери. Божественная комедия. Перевод М. Лозинского. М., 1940
Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968.
Гвиччардини Ф. Сочинения. М., 1934.
Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии. Составление, редакция и предисловие М. А. Гуковского. М., 1963.
Кампанелла Т. Город Солнца. М., 1954.
Леонардо да Винчи. Избранное. М., 1952.
Петрарка Франческо. Автобиография. Исповедь. Сонеты. М., 1915.
Саккетти Франко. Новеллы. Перевод В. Ф. Шишмарева. М.— Л., 1962.

Литература

Баткин Л. М. Данте и его время. М., 1965.
Брагина Л. М. Этические взгляды Джованни Пико делла Мирандола.— СВ, 28, 1965.
Виппер Б. Р. Борьба течений в итальянском искусстве XVI в. М., 1956.
Гуковский М. А. Итальянское Возрождение, т. I. Л., 1947; т. II. Л., 1961.
Гуковский М. А. Рождение и гибель итальянского Возрождения. Труды Гос. Эрмитажа, Западноевропейское искусство, вып. 3, т. VIII. М.— Л., 1964.
Гуковский М. А. Леонардо да Винчи. Творческая биография. Л., 1967.
Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI веков. М., 1963.
Горфункель А. Х. Джордано Бруно. М., 1965.
Горфункель А. Х. Томмазо Кампанелла. М., 1969.
Дживелегов А. Н. Очерки итальянского Возрождения. М., 1929.
Кузнецов Б. Г. Галилей. М., 1964.
Лазарев В. Н. Происхождение итальянского Возрождения, т. I. М., 1956; т. II. М., 1959.

Рутенбург В. И. Об истоках Возрождения в связи с творчеством Леонардо да Винчи.— «Ученые записки Ленинградского гос. ун-та», № 192, 1956.
Рутенбург В. И. Кампанелла. Л., 1956.
Рутенбург В. И. Великий итальянский атеист Ванини. М., 1959.
Рутенбург В. И. Гвиччардини. Заметки о позднем Возрождении. Сб. «Итальянское возрождение». Л., 1966.
Сказкин С. Д. К вопросу о методологии истории Возрождения и гуманизма.— СВ, XI, 1958.
Хоментовская А. И. Лоренцо Валла — великий итальянский гуманист. М.— Л., 1964.
Angeleri C. Il problema religioso del Rinascimento. Firenze, 1952.
Baron H. The Crisis of the Early italian Renaissance, v. 1—2. Princeton, 1955.
Ferguson W. K. The Renaissance in historical thought. Cambridge, Mass., 1948.
Garin E. Il Rinascimento italiano. Milano, 1949.
Huizinga J. Geschichte und Kultur. Stuttgart, 1954.
Kristeller P. O. The Pace of classical humanism in Renaissance Thought.— «Journal of the History of Ideas», № 1, v. IV, 1943.
Saitta G. Il pensiero italiano nell'Umanesimo e nel Rinascimento, v. 1—2. Bologna, 1950—1951.
Sapori A. Il Rinascimento economico. Milano, 1955.
Ullman B. L. Studies in the italian Renaissance. Roma, 1955.

9

ГУМАНИЗМ

Источники

Бруно Джордано. О героическом энтузиазме. М., 1953.
Итальянские гуманисты XV в. о церкви и религии. М., 1963.
Леонардо да Винчи. Избранные произведения, т. 1, 2. М.— Л., 1935.
Макиавелли Н. Сочинения, т. I, 1934.
Макиавелли Н. Государь и рассуждения на первые три книги Тита Ливия. СПб., 1869.
Петрарка Ф. Автобиография. Исповедь. Сонеты. М., 1915.
Alberti L. B. Opere volgari, v. I. I libri della famiglia. Cena familiaris. Villa, a cura di C. Grayson. Bari, 1960.
Bruni L. I dialogi ad Petrum Histrum. Per cura di G. Kirner. Livorno, 1889.
Petrarca Fr. Opere latine. Torino, 1904.
Petrarca. Valla. Ficino. Pico. Pomponazzi. Vives. The Renaissance Philosophy of Man. Ed. by E. Cassirer, P. O. Kristeller, I. H. Randall. Chicago, 1948.
Pico della Mirandola G. De hominis dignitate. Heptaplus. De Ente et Uno. A cura di E. Garin. Firenze, 1942.
Salutati Coluccio. Epistolario, a cura di 7. Novati, v. 1—4. Roma, 1891—1905.

Литература

Брагина Л. М. Этические взгляды Джованни Пико делла Мирандола.— СВ, 28, 1965.
Веселовский А. Н. Италия и Возрождение.— Сочинения, т. 6. М., 1894.
Горфункель А. Х. Томмазо Кампанелла. М., 1969.
Гуковский М. А. Итальянское Возрождение, т. I. М., 1947, т. II. М., 1962.
Дживелегов А. К. Начало итальянского Возрождения. М., 1924.

Корелин М. С. Ранний итальянский гуманизм и его историография, т. 1—4. СПб. 1914.
Рожицын В. С. Джордано Бруно и инквизиция. М., 1955.
Рутенбург В. И. Гвиччардини. Заметки о позднем Возрождении.— Сб. «Итальянское возрождение». Л., 1966.
Хоментовская А. И. Лоренцо Валла — великий итальянский гуманист. М., 1964.
Bosco U. Francesco Petrarca. Bari, 1961.
Chabod F. Scritti su Machiavelli. Torino, 1964.
Garin E. L'umanesimo italiano. Filosofia e vita civile nel Rinascimento. Bari, 1958.
Garin E. La cultura filosofica del Rinascimento italiano. Firenze, 1961.
Kristeller P. O. Il pensiero filosofico di Marsilio Ficino. Firenze, 1953.
Kristeller P. O. La tradizione classica nel pensiero del Rinascimento. Firenze, 1965.
Limentani L. La morale di Giordano Bruno. Firenze, 1924.
Luporini C. La mente di Leonardo. Firenze, 1952.
Nelson I. Ch. Renaissance theory of love. The context of Giordano Bruno's.— «Eroici furori». New York, 1958.
Rice E. F. The Renaissance idea of wisdom. Cambridge (Mass.), 1958.
Robb N. A. Neoplatonism of the italian Renaissance. London, 1935.
Santinello G. Leon Battista Alberti. Una visione estetica del mondo e della vita. Firenze, 1962.
Spirito U. Machiavelli e Guicciardini. Roma, 1945.
Ullman B. L. Studies in the Italian Renaissance. Roma, 1955.
Ullman B. L. The humanism of Coluccio Salutati. Padova, 1963.

10

ИТАЛЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ

Источники

Бенвенуто Челлини. Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции. Перевод М. Лозинского. М., 1958.
Макиавелли Н. О военном искусстве. М., 1939.
Albèri E. Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato, ser. II, vol. I. Firenze, 1839.
Desjardins A. Négociations diplomatiques de la France avec la Toscane, vol. I—II. Paris, 1869.
De Leva. Storia documentata di Carlo V in correlazione all'Italia, vol. 1—5. Venezia — Padova — Bologna, 1863—1894.
Guicciardini F. Storie fiorentine, ed. Palmarocchi. Bari, 1931.
Machiavelli N. Legazioné al duca Valentino. Torino, 1958.
Machiavelli N Lettere. Milano, 1961.
Malipiero D. Annali veneti. ASI, vol. VII, parte I, 1843.
Prato G. A. Storia di Milano (1499—1519). Cronache milanesi. Firenze, 1842.
Ristori R. Gli avvenimenti senesi del febbraio—marzo 1525 nel carteggio dell'oratore fiorentino Iacopo Guicciardini. Siena, 1964.
Sanuto Marin. La spedizione di Carlo VIII in Italia, Ed. Fulin. Venezia, 1883.
Sanuto Marin. Diari, vol. 1—58. Venezia, 1879—1902.

Литература

Бернадская Е. В. К истории аграрных отношений в Северной Италии XIV—XVI вв. Сб.: «Из истории трудящихся масс Италии». М., 1959.
Виллари П. Макиавелли и его время, т. I. СПб., 1914.
Горфункель А. X. Из истории экспроприации итальянского крестьянства.— «Ученые записки Ленинградского гос. ун-та», № 92, вып. 21, 1956.
Гуковский М. А. Итальянские войны и высокое возрождение XVI в. (до 1559).— «Очерки истории Италии», гл. VII. М., 1959.
Гуковский М. А. К вопросу о положении народных масс в Италии XV в. Сб. «Итальянское Возрождение». Л., 1966.
Ролова А. Д. К вопросу о состоянии промышленности Флоренции до второй половины XVI в.— СВ, 23.
Ролова А. Д. Экономический строй Флоренции во второй половине XV в. и в XVI в.— СВ, VIII, 1956.
Рутенбург В. И. О прогрессивности капиталистических отношений в Италии XIV—XV вв.— СВ, VI, 1955.
Тарле Е. В. История Италии в Новое время. СПб., 1906.
Barbagallo C. Storia universale, vol. IV, parte I. L'età della Rinascenza e della Riforma (1454—1559). Torino, 1950.
Farbieri G. Origini del capitalismo Lombardo. Milano, 1961.
Brandi K. Carlo V. Con introduzione F. Chabod. Torino, 1961.
Braudel F. La Mèditerranée et le Monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. Paris, 1949.
Cambridge Modern History, vol. I. The Renaissance. Cambridge, 1963.
Capponi G. Storia della Repubblica di Firenze, 1875, vol. II.
Catalano F. Dal quattrocento al novicento: La crisi italiana alla fine del secolo XV. Milano, 1966.
Conti E. La Formazione della struttura agraria moderna nel contado Fiorentino, v. I, III. Roma, 1965.
Ercole F. Da Carlo VIII a Carlo V. La crisi della libertà italiana. Firenze, 1932.
Fanfani A. Storia del lavoro in Italia dalla metà del XV secolo ai primi del XVIII. Milano, 1943.
Füeter E. Geschichte des europäischen Staatensystems von 1492 bis 1559. München, 1919 (trad. ital. Firenze, 1932).
Heers J. L'occident aux XIV — et XV siècles, Aspects économiques et sociaux. Paris, 1963.
Lavisse E. Histoire de France, vol V, p. I. Paris, 1904.
Luzzatto C. Storia economica dell'età moderna e contemporanea. Padova, 1950.
Oțetea A. Renașterea și reforma. Bucuresti, 1968.
Ristori R. Figure e motivi dell'opposizione contro i Medici nel sec. XVI.— «Il Tramaglio», N 3—4, 5—6, 1962.
Soranzo G. Il tempo di Alessandro VI papa e di fra G. Savanarola. Milano, 1960.
Spini G. Storia dell'età moderna. Roma, 1960.
Storia d'Italia, vol. II. Dalla crisi della libertà agli albori dell'Illuminismo. A cura di F. Catalano, Guido Quazza etc. Torino, 1959.
Valori A. La difesa della Repubblica fiorentina. Firenze, 1929.
Zanetti P. L'assedio di Padova del 1505 in correlazione alla guerra combattuta nel Veneto.— «Nuovo Archivio Veneto», II, 1891.

11

ФЕОДАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ И УПАДОК ИТАЛИИ

Источники

Albéri E. Le relazioni degli ambasciatori veneti al Senato. Ser. II, vol. 1—5. Appendice. Firenze, 1839—1863.
Montaigne M. Journal de voyage en Italie. Paris, 1946.
Ruiz Martin F. Lettres marchandes echangées entre Florence et Medina del Campo. Paris, 1965.
Tucci U. Lettres d' un marchand venitien: A. Berengo (1553—1556). Paris, 1957.

Литература

Ролова А. Д. К вопросу о состоянии промышленности Флоренции во второй половине XVI в. и в первой половине XVII в.— СВ, 23, 1963.
Ролова А. Д. Структура промышленности Флоренции второй половины XVI— начала XVII в.— «Ученые записки Латвийского гос. ун-та им. П. Стучки», т. LXI, 1965. Исторические науки, IV, № 1.
Ролова А. Д. Основные черты экономического развития Италии в XVI—XVII вв.— Сб. «Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки». М., 1968.
Фомичева Т. Д. К вопросу об особенностях экономической и культурной жизни Венеции XVI в.— «Труды Гос. Эрмитажа», т. VI. Л., 1961.
Чиколини Л. С. Социально-политические взгляды Фабио Альбергати — итальянского утописта конца XVI — начала XVII в.— СВ, XIV, 1959.
Чиколини Л. С. «Воображаемая республика» итальянского утописта XVI в. Людовико Агостини.— СВ, 28, 1965.
Aspetti e cause della decadenza economica veneziana nel secolo. XVII. Venezia—Roma, 1961.
Berengo M. Nobili e mercanti nella Lucca del Cinquecento. Torino, 1965.
Braudel F. La Méditerrannée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. Paris, 1949; 2e éd., v. 1—2, 1967.
Caizzi B. Il Comasco sotto il dominio spagnuolo. Como, 1955.
Cantimori D. Prospettive di storia ereticale italiana del Cinquecento. Bari., 1960.
Carocei G. Lo stato della Chiesa nella seconda metà del secolo XVI. Milano, 1961.
Cipolla C. M. Il declino economico dell'Italia.— «Storia dell' economia italiana». A cura di C. M. Cipolla, vol. I. Torino, 1959.
Coniglio G. Il Viceregno di Napoli nel secolo XVII. Roma, 1955.
De Maddalena A. Prezzi e aspetti di mercato in Milano durante il secolo XVII. Milano, 1949.
Delumeau J. Vie économique et sociale de Rome dans la seconde moitié du XVI s., vol. I. Paris, 1957; vol. II. Paris, 1959.
Fanfani A. Storia del lavoro in Italia dalla fine del secolo XV agli inizi del XVIII, 2da ediz. accresc. ed. illustr. Milano, 1959.
Luzzatto G. Storia economica dell'età moderna e contemporanea. P. I., L'età moderna. 4a riv. ediz. Padova, 1955.
Luzzatto G. Storia economica di Venezia dall' XI al XVI secolo. Venezia, 1961.
Sella D. Commercio e industrie di Venezia nel secolo XVII. Venezia — Roma, 1961.
Ventura A. Nobiltà e popolo nella società veneta del' 400 e' 500. Bari, 1964.
Villari R. La rivolta antispagnola a Napoli. Le origini (1585—1647). Napoli, 1967.
Woolf S. J. Sviluppo economico e struttura sociale in Piemonte da Emanuele Filiberto a Carlo Emanuele III.— «Nuova Rivista Storica», 1962, fasc. I.

12

ИТАЛИЯ В XVIII В.

Источники

Беккария З. Ч. О преступлениях и наказаниях.— Биографический очерк и перевод М. М. Исаева. М., 1939.
Filangieri G. La scienza della legislazione, t. 1—4. Milano, 1784—1786.
Genovesi A. Lezione de economia civile... In: Biblioteca dell' economista. Ser. I, vol. 3. Torino, 1858.
Verri P. Meditazioni sulla economia politica. Con annotazioni di J. R. Carli. In: Biblioteca dell'economista. Ser I, vol. 3. Torino, 1852.
Young A. Voyages en Italie et Espagne pendant les années 1787 et 1789. Paris, 1860.
Lettres historiques et critiques sur l'Italie de Charles de Brosses, t. 1—2. Paris, 1799.

Литература

Beltrami D. Forze di lavoro e proprietà fondiaria nelle campagne venete dei secoli XVII e XVIII. Venezia—Roma, 1961.
Beltrami D. Saggi di storia dell'agricoltura nella Repubblica di Venezia durante la età moderna. Venezia — Roma, 1965.
Caizzi B. Industria e commercio della repubblica veneta nel XVIII secolo. Milano, 1965.
Imberciadori J. Campagna toscana nel' 700 dalla Reggenza alla Restaurazione (1737—1815). Firenze, 1953.
Dal Pane L. La finanza Toscana dagli inizi del secolo XVIII alla caduta del Granducato. Milano, 1965.
Dal Pane L. Lo stato pontificio e il movimento riformatore del Settecento. Milano, 1959.
Dal Pane L. Storia del lavoro in Italia dagli inizi del secolo XVIII al 1815. Milano, 1944.
Quazza G. Le riforme in Piemonte nella prima metà del Settecento. Modena, 1957.
Romani M. L'agricoltura in Lombardia dal periodo delle riforme al 1859. Milano, 1957.
Romano R. Le commerce du Royaume de Naples avec la France et les pays de l'Adriatique au XVIIIe siècle. Paris, 1951.
Rota E. Le origini del Risorgimento (1700—1800). 3ª ed. P. 1—2. Milano, 1948.
Villani P. Studi sulla proprietà fondiaria nei secoli XVIII e XIX. Roma, 1962.
Villari R. Mezzogiorno e contadini nell'età moderna. Bari, 1961.
Zangheri R. La proprietà terriera e le origini del Risorgimento nel Bolognese, vol. I (1789—1804). Bologna, 1961.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЛГУ — Ленинградский гос. университет
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР
СВ — Средние века
ASI — Archivio storico italiano
FSI — Fonti per la storia d'Italia
MGH — Monumenta Germaniae Historica (AA — Auctores antiqui SS — Scriptores)
MHP — Monumenta Historiae Patriae
RIS — Rerum italicorum scriptores
RSI — Rivista storica italiana

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Карты

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ ИТАЛИИ

Том 1

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства
Ф. Н. Арский

Художник
Г. В. Дмитриев

Художественно-
технический редактор
Т. А. Прусакова

Сдано в набор 15/IX 1969 г.
Подписано к печати 4/V 1970 г.
Формат 60×90 1/16.
Усл.-печ. л. 36,43
Уч.-изд. л. 37,1
Тираж 19250
Тип. заказ № 3074. Т-06775

Цена 2 р. 50 к.

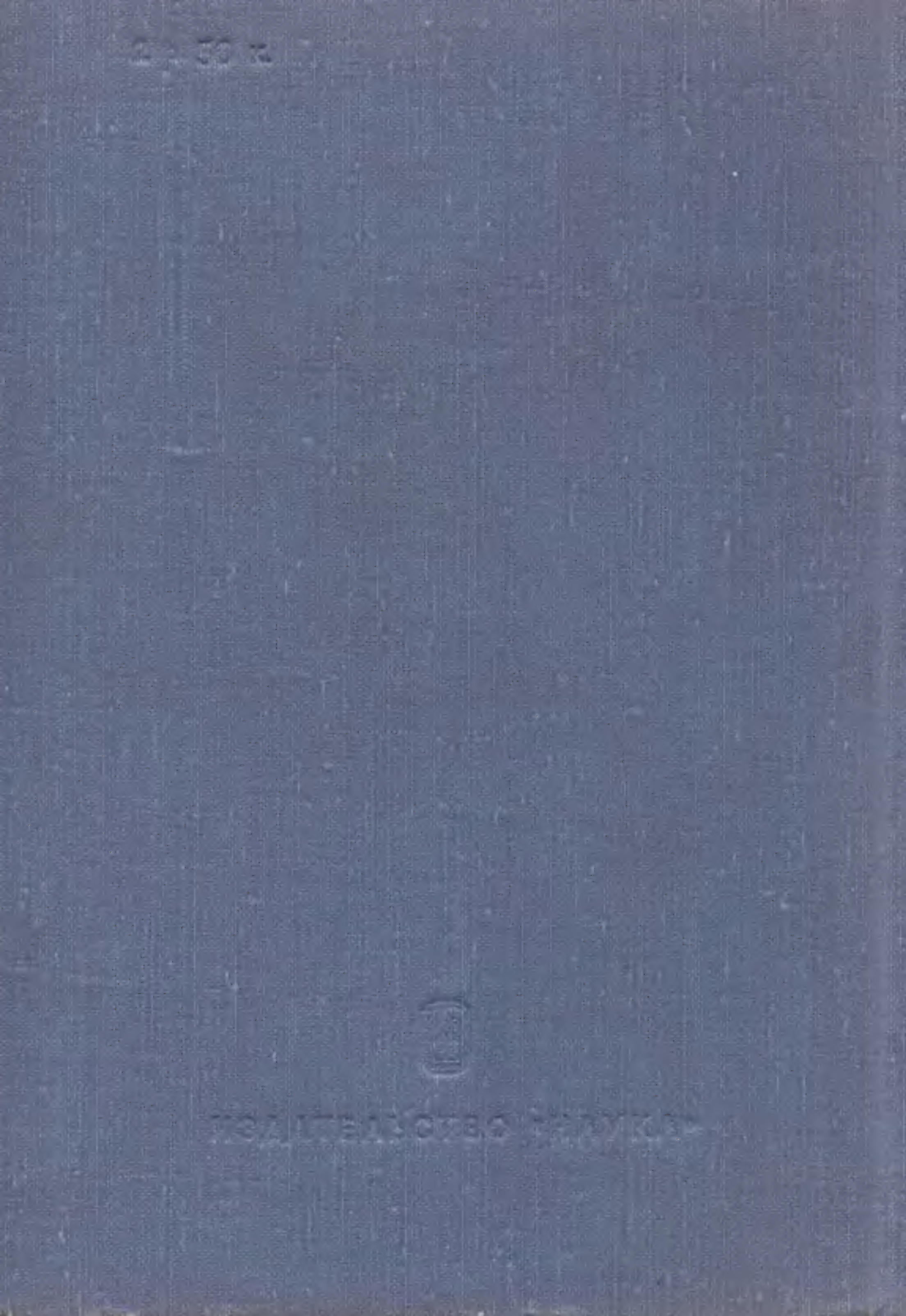
Издательство «Наука»
Москва К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
35	22 сн.	Марий из Аветика	Марий из Авентика
44	11 сн.	при альбоине	при Альбоине
55	10 св.	родовитыми, свободными	родовитыми свободными
57	4 сн.	ebsequium	obsequium
82	4 сн.	districtus	districtus
91	16 св.	П. Силантини	П. Сантини
91	17 св.	Д. Пальмонери	Д. Пальмиери
119	6 сн.	1256	1956
129	3—4 св.	«Поправка к установлениям правосудия 1295 г.»	поправки к «Установлениям правосудия» 1295 г.
244	7 сн.	Е. Сестана	Э. Сестана
249	2 сн.	XI — XIII вв.	XI — XII вв.
466	10—11 сн.	Като-Камберези	Като-Камбрези
545	1 сн.	De Moddalena	De Maddalena

История Италии, т. 1

2 р. 50 к.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

2 р. 50 к.

L'Italia è un paese antico e giovane: esiste solo da un secolo come Stato nazionale, ma la sua storia risale a 1500 anni fa, quando sulle rovine dell'Impero Romano ebbe inizio il processo di unificazione dei popoli che abitavano la penisola. Questo primo volume della Storia d'Italia affronta gli avvenimenti che vanno dal V al XVIII secolo: Il Medioevo e i rapporti tra città e campagna, lo sviluppo del Feudalesimo, il sorgere, all'interno della società feudale, dei primi rapporti capitalistici.

Un'ampia trattazione è rivolta all'epoca rinascimentale che vide una fioritura senza precedenti nel campo delle scienze, dell'arte e della letteratura.

Bisognerà attendere il XVIII secolo per cogliere i sintomi di una nuova ascesa.

Gli ultimi capitoli vengono dedicati ai lunghi anni della reazione feudale: il Paese è diviso e sottoposto alle invasioni straniere.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

